

Прем Чанд

ЖЕРТВЕННАЯ
КОРОВА

1000-2000

ПРЕМ ЧАНД

Прем Чанд

ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА

роман

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА — 1956

Перевод
В. Крашенинникова и Ю. Лавриненко
под редакцией
А. Бархударова

Предисловие
И. Компанцева

ПРЕМ ЧАНД

До недавнего времени русский читатель знакомился с индийской литературой главным образом по переводам с английского языка. При таком двойном, а подчас и тройном переводе произведения теряли свою самобытность. К тому же читатели целиком зависели от художественного вкуса и политических взглядов иностранных переводчиков. Более того, ряд законов, принятых английскими колониальными властями, препятствовал распространению произведений прогрессивных писателей, переводу и изданию не угодных им произведений на другие языки. Так, в начале девяностых годов был конфискован и публично сожжен сборник рассказов «Любовь к родине», автор которого, молодой учитель Дханпат Рай Шривастава, за свою непримиримую борьбу с иностранными колонизаторами и местными эксплуататорами заслужил всеобщую любовь и приобрел широкую известность под псевдонимом Прем Чанд.

Но ни драконовские «законы о туземной прессе», ни полицейские репрессии не смогли заглушить, прервать рост самосознания великого индийского народа. Подъем национально-освободительного движения, последовавший за революцией 1905 года в России и особенно за Великой Октябрьской социалистической революцией, потряс весь мир угнетения и эксплуатации. Движение многомиллионных масс, поднявшихся на борьбу за свободу и независимость, оказало глубокое влияние на творчество передовых писателей Индии. Многонациональная индийская литература, уходящая корнями вглубь тысячелетий, питаясь живительными соками национально-освободительного движения, неуклонно пробивала себе дорогу к широким народным массам. Одновременно существенно изменился и сам характер литературы. Если до этого героями индийской художественной литературы были преимущественно благородные принцы

и прекрасные принцессы, мудрые отшельники и коварные царедворцы, описывались оргии в роскошных замках феодалов, похождения куртизанок и т. п., то теперь в литературу вошел простой человек со всей его многотрудной жизнью, со всеми обидами и унижениями, человек, бессовестно эксплуатируемый иностранными колонизаторами и местными феодалами, сельскими старостами, ростовщиками, полицейскими властями, — всеми, кто только хотел поживиться за счет забитого, темного трудового люда. В этот же период в индийской литературе появляется образ борца против колониального и феодального гнета, против коррупции и произвола чиновников всех рангов — своих и иноземных.

Такова была обстановка, в которой с необычайной силой развился яркий, самобытный талант великого индийского писателя, одного из основоположников современной литературы на языках хинди и урду, замечательного мастера слова — Прем Чанда.

Сын бедного крестьянина, ставшего впоследствии мелким почтовым служащим, Прем Чанд еще в раннем детстве испытал на себе ужасы феодального и колониального гнета, познал беспросветную нужду, в которой родились, жили и умирали десятки миллионов рабочих, крестьян, ремесленников, людей, принадлежащих к так называемым «средним классам».

Прем Чанд родился 10 августа 1881 года в небольшой деревушке Мундхва Ламхи, вблизи Бенареса. Он рано лишился матери. Через несколько лет умер и его отец, оставив на иждивении пятнадцатилетнего юноши, у которого к этому времени уже была своя семья, мачеху с двумя детьми. Пришлось бросить учебу и наняться на работу. Для того чтобы заработать несколько рупий в месяц, Прем Чанд ежедневно отправлялся за шестнадцать километров давать частные уроки.

Прем Чанд страстно мечтал учиться. Однако, по его собственному выражению, это было все равно, что «взбираться на гору Эверест, когда ноги твои цепями прикованы к подножью». И тем не менее он продолжал учиться самостоятельно и впоследствии смог экстерном сдать экзамены на ученую степень бакалавра литературы.

Творческий путь писателя был чрезвычайно сложен и тернист. Если его первые произведения были проникнуты духом реформизма, то впоследствии, с обострением национально-освободительной борьбы, с вовлечением в нее все более и более широких масс рабочих и крестьян, Прем Чанд отказался от своих реформистских взглядов и занял более непримиримую, революционную позицию.

Прем Чанд — автор двенадцати крупных романов и около двух с половиною сотен рассказов. Кроме того, им написано несколько

драматических произведений, сценариев для кино, огромное количество публицистических статей. Он перевел на хинди и урду многие произведения классиков мировой литературы, в том числе более двадцати рассказов Л. Н. Толстого.

Основной темой своего творчества Прем Чанд избрал жизнь индийской деревни, борьбу деревенской и отчасти городской бедноты против неограниченного произвола и эксплуатации. И это не случайно. Острая политическая направленность литературного творчества Прем Чанда является непосредственным результатом влияния той обстановки, в которой жил и работал великий индийский писатель. В одном из своих выступлений сам Прем Чанд говорил об этом: «Есть ли хоть одна душа, которая может сохранить спокойствие в стране, где власть находится в руках небольшой кучки людей, где поклоняются Маммоне, где исполнение религиозных предписаний почитается заслугой и тешит тщеславие, где успех определяется размером банковского счета и имущественным положением, где умный жулик обманывает честного труженика... где убийство человека считается заслугой перед религией. Если такая душа найдется, это не может быть душа писателя».

С необычайной силой показал Прем Чанд страшную, без единого луча надежды на лучшее будущее судьбу многих индийских женщин того времени. В его произведениях женщина всегда носитель прекрасного, образец справедливости и верности. Страстная борьба писателя за предоставление женщине того места в обществе, которое ей принадлежит по праву, не могла не сыграть положительную роль в борьбе прогрессивных сил страны за изменение законов о браке, личной собственности и наследовании, основанных на традициях многовековой давности. Как известно, некоторые из этих законов уже изменены, проекты изменения ряда других также представлены на рассмотрение парламента Республики Индии.

Одним из наиболее характерных произведений этого цикла является повесть «Нирмала», которую относят к числу лучших произведений мировой литературы, посвященных женщине. Как и в других произведениях Прем Чанда, в этой повести читателя прежде всего привлекает глубокая человечность образа героини — Нирмалы, выданной замуж, вернее проданной в жены богатому вдовцу, который по возрасту вполне годился бы ей в отцы. Большой художник и глубокий психолог Прем Чанд убедительно показал неизбежность распада семьи, основанной на социальном неравенстве, подавлении в человеке всех лучших чувств и стремлений, на угнетении слабых, бесправных сильными, власть имущими.

В творчестве Прем Чанда впервые в индийской литературе нашла свое яркое отражение проблема низших каст и в том числе

каст «неприкасаемых». Этой теме посвящен замечательный по своей силе рассказ «Колодец Тхакура», переведенный и опубликованный в Советском Союзе в 1955 году в сборнике избранных произведений Прем Чанда. Тяжело больной шудра — «неприкасаемый» просит жену принести ему свежей воды. Но бедная женщина не в состоянии выполнить такую, казалось бы, незначительную просьбу умирающего мужа: древние обычаи запрещали «неприкасаемым» не только близко общаться с остальными жителями деревни, но даже и брать воду из общего с ними колодца. Попытка преступить страшный обычай грозит жестоким наказанием.

Тяжела и безрадостна жизнь крестьянина-бедняка. Многим за всю жизнь не удастся ни разу поесть досыта. Ганешу и его сыну Мадхаву — героям рассказа «Саван», который по праву считается одним из лучших в творчестве Прем Чанда, — «повезло»: они сыты, но для этого им пришлось истратить деньги, пожертвованные односельчанам на похороны жены Мадхава.

Прем Чанд решительно выступал против расовой дискриминации во всех ее проявлениях. В одном из вариантов рассказа «Два быка», находясь под впечатлением сообщения об отказе Рабиндранату Тагору в разрешении на въезд в Соединенные Штаты, он писал:

«Повидимому, у людей простота не слишком высоко ценится. Посмотрите, как оскорбляют индийцев в Африке. Почему индийцам запрещен въезд в Америку?.. Возможно, что, если бы они были приучены расплачиваться «око за око» и умели во время драки орудовать кирпичами, их бы называли «цивилизованными».

Вершиной творчества Прем Чанда является роман «Жертвенная корова» («Годан»). Это последнее крупное произведение великого индийского писателя, написанное им в 1936 году, незадолго до смерти, представляет собой эпопею жизни и борьбы трудящихся Индии против ростовщиков, помещиков и капиталистов в середине тридцатых годов. По мнению многих прогрессивных индийских критиков и литературоведов, «Годан» принадлежит к числу лучших произведений мировой литературы, созданных в первой половине XX века.

Как и большинство художественных произведений Прем Чанда, этот роман посвящен жизни индийской деревни. Прем Чанду удалось чрезвычайно глубоко и ярко вскрыть причины ужасающей нищеты крестьянства — подавляющего большинства населения современной Индии.

Главный герой романа Хори и его жена Дхания — типичные представители многомиллионной массы индийского крестьянства. Хори и его дети с утра до вечера работают в поле, однако вос-

пользоваться плодами своего труда им не удастся. Полдюжины ростовщиков капля по капле сосут их кровь. Хори все больше запутывается в долгах и в неравной борьбе теряет последние силы.

Как ни трагична концовка романа, произведение это, наделенное огромной эмоциональной силой, зовет к борьбе, приводит читателя к мысли, что дальше так продолжаться не может, что придет в конце концов время, когда миллионы Хори найдут дорогу к счастью.

Прем Чанд внимательно следил за событиями, связанными с Великой Октябрьской социалистической революцией в России, и правильно оценил их значение. При этом нельзя забывать, что он жил в то время, когда золотые крупницы правды о первом в мире государстве рабочих и крестьян покрывались грязными потоками лжи, клеветы, самых подлых и нелепых домыслов.

Перу Прем Чанда принадлежит большое количество публицистических статей, объективно освещавших события, происходившие в Советском Союзе. Эти события нашли свое отражение и на страницах его художественных произведений.

Юноша Балрадж — герой изданного в середине двадцатых годов романа «Премашрам» («Обитель любви»), посвященного борьбе сельской бедноты против произвола помещиков, на вопрос крестьян, где же выход из беспросветной нищеты, рассказывает односельчанам, что в газете, которую он получает, написано о том, как эта проблема решена в России: «Крестьяне свергли царя с престола и теперь там правит Совет рабочих и крестьян».

По свидетельству журналиста и биографа Прем Чанда — Мадан Гопала, в период работы над «Жертвенной коровой» писатель в поисках решения проблемы крестьянства тщательно изучал материалы о социалистических преобразованиях в СССР и «был чрезвычайно увлечен идеей коллективного хозяйства».

Прем Чанд был большим другом и учителем молодых писателей. Каждый мог получить у него дружеский совет и поддержку. Он учил молодых писателей высокой требовательности, скромности, беззаветному служению своему народу. В письме к одному из своих ближайших друзей, писателю и литературному критику Банарси Дасу Чатурведи Прем Чанд писал:

«Никаких особых желаний у меня нет. Сейчас я больше всего хочу, чтобы мы победили в нашей борьбе за независимость. Конечно, я хотел бы также написать несколько очень хороших книг, но и их целью является достижение независимости...»

Прем Чанд был одним из инициаторов создания организации, объединившей передовых индийских писателей, — Ассоциации прогрессивных писателей Индии. На первом ее заседании в апреле 1936 года заслуги Дханпат Рай Шривастава, Прем Чанда, перед

индийской литературой были оценены по достоинству: он был единогласно избран первым президентом этой ассоциации.

Несмотря на то, что Прем Чанду не удалось получить университетского образования, он был одним из наиболее просвещенных людей своего времени. Писатель прекрасно знал мировую литературу и внимательно следил за ее развитием. Шрипат Рай, сын писателя, рассказывал, что наряду с произведениями западных авторов Прем Чанд прочел все книги русских писателей, какие только можно было достать в то время в Индии. Он хорошо знал и любил произведения Толстого, Чехова, Тургенева, Достоевского. В библиотеке Прем Чанда хранились «Тихий Дон» и «Поднятая целина» М. Шолохова.

С особой любовью Прем Чанд относился к Алексею Максимовичу Горькому. Вдова Прем Чанда, известная писательница Шив Рани Деви, в своей книге воспоминаний «Прем Чанд дома» пишет, что, узнав о кончине Горького, тяжело больной Прем Чанд, уже длительное время прикованный к постели, решил немедленно созвать митинг. Врач, лечивший его, категорически возражал, заявив, что, поднявшись с постели, больной погубит себя. Но Прем Чанд был непреклонен. Расстроенная жена упрекнула его в том, что ради того, чтобы почтить память «чужого» писателя, он подвергает смертельной опасности свою жизнь. Прем Чанд с глубоким убеждением ответил ей, что в будущем, когда в Индии не останется ни одного неграмотного, Горький в каждом доме будет своим, родным и близким.

Речь на митинге, посвященном памяти А. М. Горького, была последним публичным выступлением Прем Чанда.

Умер Прем Чанд 8 октября 1936 года.

Советская общественность проявляет огромное внимание к литературному наследию великого индийского народа и несомненно с интересом встретит роман Прем Чанда «Жертвенная корова», впервые публикуемый на русском языке.

И. Компанцев.

ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда оба быка были напоены, Хори Рам задал им корму и подошел к жене. Вымазанными в коровьем навозе руками Дхания лепила кизячные лепешки.

— Пошли Гобара на тростниковое поле,— сказал Хори.— Пускай пока землю рыхлит. А я — сам не знаю, когда вернусь. Дай-ка мне мою палку.

— Аре! Испил бы на дорогу шербету или воды! — отозвалась Дхания, отрываясь от своего занятия.— Куда тебе торопиться?

Хори наморщил свой и без того морщинистый лоб.

— «Шербету! Воды!» — только от тебя и слышишь. А у меня другая забота: как бы с хозяином повидаться. А то начнет он потом совершать свои омовения да молиться,— не один час прстоишь, пока его дождешься.

— Вот я тебе и говорю: поел бы чего-нибудь на дорогу! А если и вовсе туда не пойдешь — тоже не велика беда. Ты ведь только позавчера был в усадьбе!

— Э, ничего ты в этом не смыслишь! Давай палку и занимайся своим делом. Мы, может, потому только и живы еще, что я все время туда хожу. А не ходил бы — подумать страшно, что бы тогда с нами стало! Народу в деревне вон сколько, а скажи: у кого земли не отбирали? У кого все добро не распродавали? Нет уж, если наступи тебе ногой на горло, остается одно спасение: угождать тому, кто тебя к земле придавил!

В таких делах Дхания и впрямь была куда менее опытна. Она рассуждала просто: поле заминдару¹ мы

¹ З а м и н д а р — индийский помещик.

вспахали, арендную плату за землю он с нас все равно взыщет,— так зачем же еще перед ним унижаться, для чего лизать ему пятки?

За двадцать лет замужней жизни Дхания на собственном горьком опыте убедилась, что как ни изворачивайся, как ни мори себя голодом, как ни цепляйся за каждую каури¹, все равно все пожрет налог на землю. Трудно, ой как трудно его выплачивать. Но мнения своего она не изменяла, и по этому поводу споры между мужем и женой вспыхивали каждый день.

Из шестерых детей Дхания в живых осталось только трое — сын Гобар, которому было уже шестнадцать лет, и две дочери — двенадцатилетняя Сона и восьмилетняя Рупа. Три мальчика умерли еще в младенческом возрасте. Сердце говорило Дхания, что, будь ее детям во-время оказана медицинская помощь, они остались бы живы. Но в ту пору у нее не было на лекарства и четверти пайсы².

Сколько же ей самой теперь лет? Тридцать шесть? Да, не больше. А волосы уже совсем седые, лицо покрыто сетью морщин, кожа утратила свой красивый смуглый оттенок и сделалась темнокоричневой, словно скорлупа кокосового ореха. И спина согнулась, и глаза стали плохо видеть, и все это из-за бесконечных забот о куске хлеба! Мало, слишком мало радостей видела она в своей жизни! Беспросветная нужда, постоянные лишения вытеснили из ее души кротость и доброту и сделали ее черствой и раздражительной. Зачем льстить и унижаться из-за клочка земли, который едва-едва может прокормить их семью, да и то лишь впроголодь? Стоило Дхания об этом подумать, как ее охватывала бессильная ярость, от которой сердце, казалось, готово было разорваться. Но всякий раз ей тотчас же приходилось возвращаться к действительности и сдерживать себя.

Вот и теперь она, как всегда, уступила: принесла палку, мирзай — куртку с длинными рукавами, тюрбан, башмаки и кисет с табаком. Но вместо того чтобы почтительно подать, она все это сердито швырнула мужу.

Нахмутив брови, Хори неодобрительно взглянул на жену.

¹ Каури — морская ракушка, имеющая хождение в Индии в качестве самой мелкой разменной монеты.

² Пайса — мелкая индийская монета около копейки.

— Что я, к тестю, что ли, иду? Зачем притащила самое лучшее? У меня в усадьбе ни снохи, ни другой какой красавицы нет, похвалиться не перед кем!

Робкая улыбка осветила изборожденное морщинами, словно дубленое лицо Хори.

— Не такой уж ты сам пригожий молодец, чтобы тобой красавицы любовались! — грустно пошутила Дхания.

Хори тщательно свернул свою старую изношенную куртку и осторожно положил ее на кровать.

— Ты думаешь, я уже старик? — спросил он. — Да мне и сорока еще нет! А мужчина молод и в шестьдесят.

— Да ты сейчас на себя погляди! А про шестьдесят лет и говорить нечего. Когда мы с тобой молоко или масло топленое пробовали, я и не припомню. Будешь тут молодым! Как погляжу на тебя — сердце кровью обливается. Боже ты мой! Как-то сложится наша старость? В чьи двери будем мы стучаться, у кого станем просить подаяние?

Мимолетная улыбка, затеплившаяся было на лице Хори, погасла сама собой — слишком суровой была действительность. Взяв в руки палку, он сказал со вздохом:

— До шестидесяти лет нам и не дожить. Уйдем из этого мира куда раньше!

— Ладно уж! — с горечью прервала его Дхания. — Оставь ты эти разговоры, еще беду накличешь! С тобой говорят по-хорошему, а ты плетешь не знаю что!

Когда Хори, вскинув на плечо палку, вышел из дому, Дхания долго, не отрываясь, глядела с порога ему вслед. Слова Хори, полные горечи и безнадежности, породили в ее истерзанном сердце смутную тревогу. Всеми силами преданной и любящей души она жаждала оградить мужа от бед и напастей. Как бы хотелось ей, чтобы сердце ее превратилось в крепость, стены которой уберегли бы Хори от всех несчастий! Ведь любовь к мужу была той единственной соломинкой, уцепившись за которую, она переплывала этот бездонный и безбрежный океан скорби и страдания. Пусть Хори и сказал сущую правду, но его слова, больно ранив сердце Дхании, вырывали из ее рук даже эту хрупкую соломинку, и мысль о том, что они по всей вероятности сбудутся, была для нее мучительна! Разве может понять зрячий, как тяжело слепому, когда ему напоминают о его слепоте?

Тем временем Хори размашисто шагал по тропинке и,

поглядывая на зеленые, волнующиеся на ветру посевы сахарного тростника, что раскинулись по сторонам, рассуждал сам с собой.

Если пошлет бог во-время хороший дождь и выдастся урожай побогаче, надо будет купить корову. От местных коровенок молока не жди, да и телята от них тоже никудышные. Только в маслобойку их и впрягать, когда подрастут. Нет уж! Он купит хорошую пеструю корову с белым пятном на лбу, знаком счастья, и будет ухаживать за ней на совесть. Если все пойдет хорошо, она станет давать по четыре, а то и по пять серов¹ молока в день. Тогда и Гобар молочком полакомится! Ему сейчас самое время поесть да попить вволю! А потом корова отелится, телята вырастут — добрые быки будут. Пара быков теперь не меньше двухсот рупий² стоит... К тому же корова — украшение дома. Глянешь на нее на утренней зорьке... Эх, да что там говорить! И когда только сбудется эта мечта? Когда, наконец, наступит то счастливое утро, тот радостный день?

В сердце Хори, как и в сердце каждого домовитого крестьянина, постоянно жила надежда когда-нибудь завести корову. Где уж было бедняге Хори мечтать о банковском счете, о покупке земли или о новом доме? Мечта о корове была самой заветной мечтой его жизни, самым пылким желанием его души.

Палящее июньское солнце подымалось все выше над манговой³ рощей. Своими яркими и жгучими лучами оно заставило еще ярче разгореться разлитый по всему небу багрянец. Становилось жарко.

Крестьяне, работавшие на полях, завидев Хори, приветствовали его возгласами «Рам-Рам!»⁴ и вежливо приглашали выкурить с ними трубочку. Но разве у Хори есть на это время?

Внимание соседей льстило Хори. Уважение, которое оказывали ему односельчане, вызвало на его исхудалом лице гордую улыбку.

¹ Сер — мера веса, равная приблизительно 900 г.

² Рупия — основная денежная единица в Индии. Валютная стоимость рупии равна 84 коп.

³ Манго — фруктовое дерево с крупными, сладкими, ароматными плодами того же названия.

⁴ Рам-Рам — возглас, которым индусы приветствуют друг друга при встрече.

«Потому-то все и уважают меня, что я часто хожу к хозяевам,— думал Хори.— А не будь этого, кто бы пригласил меня выкурить трубочку? Не велика птица крестьянин, у которого за душой всего каких-нибудь пять бигхов¹ земли. А тут даже почтенные хозяева, которые выходят в поле с тремя-четырьмя плугами, и те склоняют передо мной голову! Немалая честь!»

Хори сошел с дороги, бежавшей среди полей, и спустился в низину, где всегда было сыровато — там больше, чем в других местах, задерживалась дождевая влага. В этой низине свежую зелень можно было найти даже в июльскую жару, и коровы из окрестных деревень постоянно наведывались сюда пощипать сочной травы. Как ни душно было в знойные дни, здесь все дышало свежестью и прохладой.

Хори несколько раз глубоко, полной грудью вдохнул свежий воздух. «Посидеть бы тут, отдохнуть малость,— подумал он.— Ведь в поле целыми днями мучаешься на солнцепеке. А тут — благодать! Многие не прочь были арендовать этот участок, хорошие деньги за него давали, но раз-сахиб², храни его бог, сказал, как отрезал: «Эта земля оставлена под пастбище и не сдается в аренду ни за какие деньги». На его месте какой-нибудь жадный заминдар подумал бы: «Пускай крестьянский скот пасется где угодно, лишь бы деньги текли мне в карман. Зачем мне от них отказываться?» Но раз-сахиб до сих пор блюдет свою честь. Да и куда это годится, если заминдар не заботится о своих крестьянах?»

Вдруг Хори заметил впереди себя Бхолу, который вел на поводу коров.

Бхола был из касты молочников: он торговал молоком и маслом в окрестных деревнях. Время от времени ему удавалось купить корову по сходной цене, и тогда он перепродавал ее крестьянам.

При виде коров сердце у Хори забилося сильнее. Вот было бы хорошо, если бы Бхола продал ему вон ту, переднюю! А деньги согласился бы получать в рассрочку!..

Хори прекрасно знал, что дома у него денег нет, что налога он еще не выплатил и что нужно еще отдавать долг ростовщику Бисару. Хори брал у него деньги с ус-

¹ Б и г х — мера площади, равная приблизительно $\frac{1}{4}$ гектара.

² Р а з - с а х и б — обычно титул знатного землевладельца.

ловием уплатить проценты: за каждую рупию — анну¹. Однако в душе каждого бедного, неимущего человека всегда живет какая-то странная недалёковидность, своего рода бесстыдство, которому не страшен ни кредитор, требующий уплаты долга, ни побои, ни ругань. Именно это и подтолкнуло Хори. Страстная мечта, которую он долгие годы вынашивал в сердце, вспыхнула вдруг с новой силой. Догнав Бхола, Хори сказал:

— Рам-Рам, брат Бхола! Как дела? Я вижу, ты ведешь новых коров с базара.

Бхола, угадав чувства, волновавшие сердце Хори, сухо ответил:

— Верно! Купил пару телушек и двух коров. Те, что раньше были, состарились, толку от них мало. А попробуй-ка перестань разносить молоко, тогда и жить будет нечем!

Хори похлопал переднюю корову по боку.

— Видать, молочная! Сколько за нее отдал?

Бхола принялся сгущать краски:

— Эх, почтенный! Базар нынче страсть какой дорогой! Пришлось целых восемьдесят рупий выложить. У меня прямо сердце перевернулось! Да еще за телок отдал по тридцать рупий. А покупатели хотят, чтобы я носил им молоко по две анны за сер!

— Да, брат, пришлось тебе раскошелиться! Но уж зато ты такую корову купил, что ни у кого подобной не сыщешь, хоть все деревни кругом обойди.

Бхола захмелел от такой тонкой лести.

— Я тебе вот что скажу,— разоткровенничался он,— сам раз-сахиб давал за нее девяносто рупий, а за телок — по пятьдесят. Только я не отдал. Даст бог, телушки отелются, тогда я за каждую по сто рупий возьму!

— Конечно, конечно! Да разве он сам и купит когда. Вот подари ему — так он возьмет, не откажется! Ведь бросать деньги целыми пригоршнями на свой страх и риск могут только такие люди, как ты. Ах и хороша же коровка! Век бы с нее глаз не сводил! Счастливая тебе выпала доля — служить коровам! А вот у нас в доме коровьего навоза и того нет. Когда у хозяина нет коровы, нет ему и почета. Уж сколько лет мы ни молока, ни простокваши не видим, ничего молочного не пробуем. Хозяйка мне

¹ Анна — одна шестнадцатая часть рупии, около 4 коп.

каждый день твердит: «Почему не поговоришь с братом Бхолой?» А я ей в ответ: «Вот когда повстречаюсь с ним, тогда и поговорю». Уж очень ты ей нравишься. «Сроду, говорит, такого мужчину не видела; начнешь с ним говорить, а он взгляд потупит и даже головы не поднимает — такой почтительный!»

Испив эту полную до краев чашу лести, Бхола совсем опьянел.

— Добрый человек чужих жен и дочерей как своих уважает! — сказал он. — А тех негодяев, что на женщин глаза пялят, расстреливать надо!

— Сто тысяч рупий цена твоим словам, брат! Воистину, только того человека и назовешь добрым мужем, который чужую честь бережет, как свою!

— Умрет муж, жена остается без опоры, — продолжал Бхола. — А жена умрет — у мужа словно руки и ноги отвалятся. Мой-то дом ведь совсем опустел, брат! Кружки воды теперь некому подать!

В прошлом году жена Бхолы умерла от солнечного удара, и Хори об этом знал. Но он даже не подозревал, что в душе пятидесятилетнего, высохшего, как сморчок, Бхолы таится столь жаркое пламя. Только теперь он заметил, что при упоминании о женщинах в глазах Бхолы появился маслянистый блеск. Открытие это придало Хори новую надежду и заставило встрепенуться его практичный крестьянский ум.

— Недаром же есть такая старая поговорка: «Дом без хозяйки — жилище демонов». Невесту, наверно, подыскиваешь?

— Присматриваю, почтенный, присматриваю. Только вот никак не найду подходящей! На пятьдесят, на сто рупий готов разориться, лишь бы пришлась по нраву!

— Тогда и я этим делом займусь. Глядишь, с божьей помощью и поселится у тебя в доме хозяйка.

— Великую услугу окажешь мне, брат! Милостью всевышнего дом мой — что полная чаша. Сыру, молока хоть отбавляй. Только на что мне все это, если я один!

— Вот послушай-ка! У моего тестя живет одна женщина. Года три-четыре назад муж ее бросил, а сам уехал в Калькутту. Бедняжка теперь только тем и занимается, что мелет зерно ручной мельницей да горюет целыми

днями. Детей у нее нет. А поглядишь на нее, послушаешь — всем взяла! Сушая Лакшми¹.

Сморщенное лицо Бхолы расплылось в улыбке: надежда таит в себе сладчайший нектар!

— Теперь только на тебя, друг, и надеюсь, — сказал он. — Как только выпадет свободный час, сходим туда, посмотрим, какая она...

— Сначала я сам разузнаю, как и что, а потом обо всем тебе расскажу. Поспешись — все дело испортишь!

— Делай, как знаешь. Спешить некуда. А пеструху эту, если хочешь, бери сейчас; я вижу, она тебе приглянулась.

— Не по карману мне эта корова, дада², а в убыток тебя я вводить не хочу. В жизни я еще другу не делал зла. Так уж, видно, и придется мне горевать, как до сих пор горевал...

— К чему такие слова, Хори! Словно мы друг друга не знаем! Забирай корову, а цену за нее назначай, какую хочешь. Твой дом — все равно, что мой дом. За восемьдесят рупий она мне досталась, за восемьдесят и ты ее забирай! По рукам, что ли?

— Да ведь наличных-то у меня нет, дада! Пойми ты это!

— А кто с тебя требует наличными, брат?

Хори тяжело вздохнул. Восемьдесят рупий за корову — не так уж это и дорого. Да еще за такую красавицу! В день будет давать не меньше шести-семи серов молока. А какая смиренная — ребенок и тот сможет ее доить. Каждый теленок от нее будет стоить не меньше сотни рупий. А привяжешь такую корову у ворот — всякий залюбуется!

У Хори было около четырехсот рупий долгу и влезать сейчас в новые долги ему совсем не хотелось. Может быть, удастся женить Бхолу и тогда он не будет требовать платы? Хорошо бы! Но пусть даже женитьба Бхолы и не состоится — что от этого потеряет Хори? Правда, Бхола будет тогда ходить к нему каждый день за своими деньгами и ругать его на чем свет стоит. Но как раз это Хори ничуть не смущало. К подобному обращению он давно уже успел привыкнуть: крестьянину, видно, на роду написано

¹ Л а к ш м и — в индийской мифологии богиня красоты и богатства.

² Д а д а — почтительное обращение к старшим.

жить такой жизнью. Сейчас Хори старался обмануть Бхолу, и это не делало ему чести. Ему было безразлично, закреплялись его торговые сделки расписками или нет, потому что сердце его все время трепетало в ожидании более страшных несчастий — голода или наводнения. Лик разгневанного бога всегда стоял у него перед глазами. Однако, по мнению Хори, обман этот не был обманом. Для него это было просто средством достижения заветной цели, и зазорного тут он ничего не видел. Ведь подобным обманом ему приходилось заниматься каждый день! Не раз, бывало, он клялся всеми богами, уверяя ростовщика, что сейчас у него нет ни единой каури, а между тем как раз в это время в доме у него было несколько рупий. Чуть-чуть увлажнить водой пряжу, подсыпать в хлопок немного хлопкового семени—все это было, как полагал Хори, вполне допустимо. На подобные дела его толкала не только корысть; в какой-то степени он забавлялся этим и отводил душу. Старик, мечтающий о женитьбе,— это ли не смехотворное зрелище! Такого старикашку и надуть не велик грех!

Тем временем Бхола, вручая Хори конец веревки, привязанной к шее коровы, говорил:

— Бери ее, дружище! Бери да меня вспоминай! Отелится — каждый день по шести серов молока давать будет. Пей да меня похваливай! Пойдем, я провожу тебя до дому. А то еще корова не послушается тебя. Истинно говорю тебе — и хозяин и ростовщики давали за нее хорошие деньги, да только много ли для них значит корова! Купят ее у меня, а потом перепродадут каким-нибудь богачам. А те разве станут ей так служить, так ухаживать за ней, как я? Они только одно и умеют — кровь сосать. Пока корова дает молоко, ее держат. А чуть уменьшится удой — продадут. Кто знает, в какие руки она тогда попадет? Деньги, брат, это еще не все. Надо и о верс помнить. А у тебя моей пеструхе будет хорошо. Так уж не случится, что сам ты поешь и спать завалишься, а корова голодной останется. Ты ей будешь служить, ты ее будешь холить и жалеть. Корова — мать наша. Она принесет счастье в твой дом. Только вот беда, брат: дома у меня и охалки соломы не осталось. Все деньги на базаре истратил. Думал признаться у ростовщика и купить соломы, а долг-то прежний я ему еще не выплатил: вот он мне и не дал денег. Гложет меня забота, чем я стану те-

перь кормить столько скотины? Если бросить каждой по охапке соломы, так и то не меньше мана¹ в день выйдет. Осталось одно: надеяться на всевышнего...

— Что ж ты раньше-то об этом не сказал? — с участием спросил Хори. — А мы на днях целую арбу соломы продали.

Бхола стукнул себя кулаком по лбу.

— А потому, брат, и не сказал, что разве станешь каждому рассказывать о своем горе? Кто посочувствует, а кто и посмеется! О тех-то коровах, что не дают молока, я не очень горюю — листьями как-нибудь прокормлю; а этой надо каждый день давать хорошего корму. Может, рупий десять—двадцать одолжишь мне на солому?

Крестьянин — закоренелый собственник, в этом сомневаться не приходится. Деньги на задаток или на подарок он извлекает из своего кармана с превеликой неохотой. Перед тем как совершить сделку, он сто раз все прикинет и взвесит. Он готов часами льстить ростовщику и унижаться, лишь бы тот хоть на одну анну сбавил ему проценты на одалживаемые деньги. Он ни за что не станет ввязываться в сомнительное дело, пока обстоятельно во всем не разберется. И вместе с тем он так же прост, как проста и безыскусственна природа, среди которой проходит его жизнь. На деревьях спеют плоды, и их едят все; на полях созревает урожай, и он идет на пользу всему миру; у коровы в вымени собирается молоко, но она не пьет его сама, потому что оно предназначено для других; облака несут дождь, который жадно вбирает в себя земля. Разве может природа научить крестьянина жестокому, отвратительному своекорыстию?

Хори был крестьянином и не привык греть руки на чужом пепелище. Едва он услышал о горе Бхолы, настроение у него сразу переменялось. Он протянул Бхоле повод и сказал:

— Нет у меня денег, дада! Соломы, верно, осталось малость; я тебе ее и так отдам. Приходи и забирай. Тебе, может, придется эту корову продать, чтобы купить соломы, а ты даешь ее мне. Да разве у меня подымется рука на такое дело?

Еле сдерживая подступившие слезы, Бхола спросил сдавленным голосом:

¹ М а н — мера веса, равная приблизительно 38 кг.

— А как же твои быки? Чем их кормить будешь?
У тебя ведь тоже соломы немного!

— Ничего, дада, соломы хватит.

— Зря я завел с тобой этот разговор!

— Если бы ты не завел этого разговора, а я бы после узнал о твоей беде, была бы мне великая обида! Разве я для тебя чужой человек? Что же тогда будет, если брат не станет помогать брату в беде?

— Возьми корову, почтенный!

— Нет, дада, не проси! Потом, может, и возьму.

— За солому-то хоть взял бы с меня молоком.

— Всей соломе цена одна каури,— грустно ответил Хори.— Стоит ли об этом толковать, дада? Положим, приду я к тебе в гости, съем две крошки хлеба, так неужто ты станешь требовать за них деньги?

— А как же быки-то твои? Ведь они с голоду подохнут!

— Помогут боги, как-нибудь обойдусь. Скоро лето — прокормлю их и просяной соломой.

— Ну, а корова эта теперь твоя. Когда захочешь, приходи и забирай!

— Грех покупать на торгах быка, которого отобрали у брата; такой же грех будет — взять у тебя корову.

Если бы Хори думал только о своей выгоде, он с превеликим удовольствием взял бы у Бхолы корову и отправился домой. Раз Бхола не требовал с него наличными и не собирался продавать корову, чтобы купить соломы, видимо, у него был какой-то другой план. Но Хори походил сейчас на лошадь, которая, услышав хруст ветвей под копытами, встала как вкопанная и, хоть убей, отказывается идти дальше. Грех покупать что-нибудь у хозяина, с которым стряслась беда! С самого рождения Хори свято чтит эту заповедь.

— Так что же, прислать к тебе кого-нибудь за соломой или нет? — спросил Бхола.

— Я сейчас иду к раз-сахибу,— ответил Хори,— через час вернусь, тогда и присылай.

В глазах у Бхолы сверкнули слезы.

— Хори, брат! — воскликнул он.— Ты меня из беды вызволил! Теперь я вижу, что не одинок в этом мире, есть и у меня верный друг!

Немного помолчав, Бхола добавил:

— А про то дело, о котором мы с тобой говорили, смотри не забывай.

Хори пошел своей дорогой. Он был очень доволен: сердце его преисполнилось чувством удивительной бодрости и радости. Не беда, если придется отдать каких-то пять—десять манов соломы! Зато бедняге Бхоле не нужно будет продавать своей коровы. «Подкоплю денег,—думал Хори,—тогда будет и у меня корова. Даст бог, подыщу Бхоле невесту, и все сложится как нельзя лучше!»

Хори обернулся и посмотрел вслед Бхоле. Отгоняя хвостом мух, мотая головой, степенно и важно, словно царица среди своих прислужниц, шагала вслед за хозяином пестрая корова.

О, сколь благословенен будет тот день, когда он привяжет ее к воротам своего дома!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Деревни Семри и Белари находятся в провинции Ауд, а в каком районе, и говорить незначет. Хори жил в Белари, а раз-сахиб Амарпал Сингх — в Семри. Расстояние между обеими деревнями всего каких-нибудь пять километров.

В недавнюю «кампанию ненасильственного сопротивления»¹ раз-сахиб заработал себе громкую славу. После того как он вышел из членов Совета², его заключили в тюрьму, и с тех пор он стал пользоваться безграничным доверием и уважением своих крестьян-арендаторов. Нельзя сказать, чтобы раз-сахиб заботился о жителях подвластных ему деревень больше, чем другие заминдары, что он менее жестоко драл с них налоги и реже гонял отработывать бегар³. Но вся недобрая слава доставалась телерь

¹ Кампания ненасильственного сопротивления, или «сатьяграха» — буквально: «упорство в истине». Организованная Ганди кампания гражданского неповиновения приказам английской администрации при полном устранении каких-либо насильственных действий.

² Совет, Законодательный совет — особый орган при вице-короле Индии, а позднее также во всех провинциях, в который, как правило, назначались наиболее знатные и богатые индийские феодалы. На деле орган этот законодательной власти не имел.

³ Бегар — род барщины. Бесплатная отработка на полях заминдара и исполнение всевозможных работ; сюда же входит и работа загонщиками, когда феодальные владыки развлекаются охотой.

на долю агентов заминдара, а на его репутации не было ни единого пятнышка. Ведь он, бедняга, тоже был рабом закона и дисциплины! А закон был законом и остается законом. Вся доброта, все благородство раз-сахиба не могли изменить порядки, установленные раз и навсегда. Поэтому его доходы, права и привилегии ничуть не пострадали от того, что он сидел в тюрьме. Заключение это только еще больше укрепило славу его доброго имени. Со своими арендаторами раз-сахиб всегда разговаривал мило и ласково, — так чего же еще желать? Дело тигра — охотиться. Но если тигр умеет не только громко рычать, а еще и мурлыкать — ему незачем выходить из своего логова. Желанная добыча сама явится к нему, и нет нужды искать ее в джунглях.

Хотя раз-сахиб и был националистом, он всегда поддерживал прекрасные отношения с властями, раздавая щедрой рукой бесчисленные подарки и подношения, вроде корзин, до краев наполненных фруктами и украшенных цветами. Раз-сахиб интересовался науками, литературой и музыкой, обожал театр, был прекрасным оратором, писал превосходные статьи, а кроме того, слыл метким стрелком. Десять лет минуло с тех пор, как умерла его жена, но другой он не взял и жил беззаботной холостяцкой жизнью, проводя время в удовольствиях.

Подойдя к дому заминдара, Хори увидел, что здесь полным ходом идут приготовления к Дхануш яджне: ¹ ведь был уже месяц джетх ² и близился праздник Рамы-победителя. В одном месте спешно воздвигали подмости, в другом строили помещения для гостей, здесь ставили большой шатер для представлений, а там — навесы для угощений. Солнце пекло уже вовсю, но раз-сахиб не обращал на это внимания, занятый распоряжениями.

Вместе с большим состоянием раз-сахиб унаследовал от отца веру в Раму. Обряд Дхануш яджны он облек в форму драмы и превратил его в современное театральное представление. На этот праздник собрались все друзья заминдара, все его приятели и все местные власти, и вот уже несколько дней в деревне не смолкали шум и ожив-

¹ Д х а н у ш : я д ж н а — праздник в честь Рамы — легендарного героя и божества, происхождения которого описаны в древнеиндийской эпической поэме «Рамаяна».

² Д ж е т х — второй месяц индийского календаря, соответствует маю—июню.

ление. Родственников у раэ-сахиба было великое множество. За столы в эти дни садилось сразу до полутораста человек. Среди гостей было несколько дядюшек заминдара, десяток двоюродных братьев, несколько родных братьев и десятки троюродных. Один его дядя был верным поклонником Радхи¹ и часто ездил в Бриндабан². Он сочинил немало религиозных песен и время от времени рассылал их в подарок своим друзьям. Другой дядя пламенно верил в Раму и переводил «Рамаяну» на персидский язык. Были здесь также все официальные чины и все влиятельные лица округа. И всем этим людям нечего было делать — они развлекались!

Стоя у ворот усадьбы, Хори раздумывал, как известить хозяина о своем приходе. К счастью, раэ-сахиб, проходя мимо, сам заметил его и сказал:

— Арэ! Ты пришел, Хори? А я было собирался посылать за тобой. Послушай-ка, тебе придется сыграть роль садовника раджи Джанака³. Понял? Ты будешь стоять у храма с букетом цветов. Когда Джанак джи⁴ придет в храм молиться, ты подаришь ему этот букет. Смотри только, не перепутай! И еще вот что: надо передать арендаторам мой приказ, чтобы они явились сюда с подарками и поздравлениями. Пойдем-ка, я хочу с тобой потолковать.

Раэ-сахиб направился к дому, и Хори поплелся следом. Там, в тени развесистого дерева, раэ-сахиб опустился в кресло и, жестом пригласив Хори сесть на землю, начал говорить:

— Ты хорошо меня понял? Если мои люди захотят чего-нибудь добиться от крестьян, они так или иначе своего добьются. Но крестьянин никогда не станет слушать их с таким вниманием, с каким он слушает другого крестьянина. За эти пять—семь дней мне надо раздобыть двадцать тысяч рупий. Как это сделать — не знаю! Ты, наверно, удивляешься, почему это хозяин решил излить свое горе передо мной, маленьким человеком? А с кем я еще

¹ Радха — в индийской мифологии имя прославленной пастушки, возлюбленной Кришны — бога-хранителя.

² Бриндабан — небольшой городок в районе Матхуры (между Дели и Агрой), в котором, по преданию, жил бог Кришна.

³ Раджа Джанак — в индийской мифологии царь страны Видеха (в современном Бихаре), выдавший свою дочь Ситу замуж за Раму — героя «Рамаяны».

⁴ Джи — «почтенный», «почтенная».

могу поделиться своими мыслями? Не знаю почему, но тебе я верю. Я думаю, ты не станешь смеяться надо мной исподтишка. А если даже и посмеешься — твой смех меня не обидит. Но смех людей, которые мне равны, я вынести не могу, потому что слышу в нем зависть, злорадство и злобу. А посмеяться они не прочь! Я ведь тоже потешаюсь над их бедами, несчастьями и подлостью, потешаюсь искренне, ото всей души! Богатство — смертельный враг сострадания. Вот мы жертвуем деньги для благих целей, раздаем подарки. А знаешь для чего? Только для того, чтобы унизить себе равных. И подарки наши и добрые дела — все это лишь гордость и тщеславие, и ничего больше. Если кто-нибудь из нас попадет под суд, обанкротится, сядет в тюрьму за неуплату поземельного налога, если у кого-нибудь умрет малолетний сын, сгорит дом, убежит из дому дочь или жена, если одного из нас одурачит ловкая распутница, если его избьют его же арендаторы, — тогда все его братья, все до единого будут так смеяться, так ликовать, словно в руки им попали все сокровища мира. Но при встрече мы беседуем друг с другом с таким радушием, будто встретились после долголетней разлуки самые закадычные друзья. Да что там показывать пальцем на чужих! Все мои племяннички и двоюродные братцы, что живут припеваючи на мой счет, сочиняют стихи, играют в азартные игры, пьют вино, кутят и развратничают напропалую, все они до единого завидуют мне и ненавидят меня. Умри я сегодня, день этот будет для них днем великой радости. А тревог моих не понимает никто и горю моему никто не сочувствует. По их мнению, я не имею права страдать и быть несчастным. Когда мне больно, они думают, что я шучу, а если я страдаю, они думают, что я счастлив. Если я женат, но не затеваю в доме ссор и скандалов, то все видят в этом проявление моего себялюбия. Если я женюсь, значит я сластолюбец; если я не пью вина, значит я скряга, а начни я пить вино, все завопят, что я пью кровь своих арендаторов. Если я не развратничаю, не беру от жизни всего, что можно, значит я черствый, сухой человек, а начни я пользоваться всеми благами жизни, так люди такого наговорят! Чего только они не делали, на что только не пускались, чтобы приохотить меня к наслаждениям и мотовству! Они и сейчас еще не оставили своих попыток. А хочется им одного, чтобы я ослеп, а они могли бы грабить

меня без всякой помехи. Но пока что я все вижу, хоть и должен прикидываться, будто не вижу ничего, пока что я все понимаю, хоть и вынужден притворяться совершенным ослом.

Тут раз-сахиб отправил в рот две добрые порции бетеля¹, чтобы набраться сил для дальнейшего разговора, и пристально посмотрел на Хори, словно стараясь прочесть его тайные мысли.

Набравшись смелости, Хори заметил:

— Мы-то думали, что такие дела только среди нашего брата бывают, а тут, гляди-ка, и среди больших людей такое случается!

Набив рот бетелем, раз-сахиб продолжал:

— Вы вот считаете нас большими людьми. Верно—именно у нас громкие! Да зато умы короткие. Если зависть и вражда живут среди бедняков, то бедняки завидуют и враждуют друг с другом из-за нужды, из-за куска хлеба. Такую зависть, такую вражду, я думаю, можно извинить. А мы? Попробуй отними у нас сладкий кусок, да не хлеба, а лакомства! Мы сразу сунем руку в глотку обидчику и вырвем свой кусок с мясом! Если бы мы не делали так, то, наверно, могли бы сравняться с богами. Для больших людей зависть и злоба — только повод для забавы и развлечения. Мы сделали такими великими людьми, что стали находить удовольствие в одних лишь гнусностях и подлостях. Мы с божественным высокомерием смеемся при виде чужих слез. Не думай, конечно, что я аскет! Когда на шее большая семья, то уж непременно кто-нибудь да болеет. У больших людей и недуги непростые! Да и что это за большой человек, который вдруг заболит простой болезнью? Захворает кто-нибудь из нас самой обычной лихорадкой, а его принимают пичкать лекарствами от белой горячки; появится у кого-нибудь маленький прыщик, а все твердят, что у него фурункул! И вот уже летят телеграммы, отовсюду вызывают хирургов — просто хирургов, известных хирургов, знаменитых хирургов, шлют людей за масих-уль-мулком в Дели, за радж-вайды² в Калькутту. А в храме тем временем идет богослу-

¹ Бетель — листья растения бетель, с примесью специй употребляются для жевания.

² Масих-уль-мулк, радж-вайды — высшие медицинские звания соответственно в мусульманской и индусской школах медицины.

жение; астрологи по звездам составляют гороскоп; гуру¹ изыскивают магические формулы: все стараются вырвать раджу-сахиба из лап Ямы—бога смерти! Да! Хакимы² и доктора только и ждут, чтобы у кого-нибудь из нас заболела голова и чтобы на них посыпался золотой дождь. А деньги на все это мы сдираем не с кого иного, как с тебя и твоих братьев, сдираем, приставив нож к горлу. Удивляюсь, право, почему страдания ваши, жгучие как огонь, еще не испепелили нас! Мы проводим время в ссорах и взаимной вражде, а потом, спасаясь от вашего гнева, ищем защиты у полиции, у властей, у суда и адвокатов и, словно продажные красотки, становимся игрушками в их руках. Народ думает, что мы баловни судьбы. У нас и поместья, и дворцы, и экипажи, и деньги, и слуги, и куртизанки — чего только у нас нет? Но у кого нет силы духа, у кого нет собственного достоинства, того можно назвать кем угодно, только не счастливым. Разве можно назвать счастливым человека, который из страха перед врагами не может сомкнуть глаз по ночам, над несчастьями которого все потешаются и у кого нет ни единого близкого и сострадательного друга? Наши чоти³ придавлены к земле ногой врага; потеряв разум в дурмане радостей и наслаждений, мы покорно лижем пятки правителей и сосем кровь подвластных нам крестьян. Нет, таких людей я не могу назвать счастливыми. Они — несчастнейшие в мире существа! Явятся ли сахибы поразвлечься охотой или на пикник — я обязан плестись у них в хвосте. Чуть они нахмурятся — жди беды. Чего только не сделаешь, стараясь им угодить! Но стоит им произнести слово — и ты уже теряешь уверенность в завтрашнем дне. При всяком удобном случае мы посылаем им корзины, полные фруктов и цветов, суем взятки, всегда готовы отвесить им земной поклон. Дармоедство превратило нас в безруких и безногих калек: в свое мужество у нас не осталось ни капли веры. Мы только и делаем, что виляем хвостами и юлим перед важными чиновниками, чтобы как-нибудь им польстить, задобрить и с их помощью еще крепче усесться на шее у своих арендаторов. Заискивания льстецов сделали нас

¹ Гуру — мудрец, учитель, духовный наставник.

² Хаким — врач-мусульманин, лечащий по правилам традиционной арабской медицины.

³ Чоти — пучок волос на макушке бритой головы, оставляемый религиозными индусами как знак приверженности к индуизму.

такими надменными и тупыми, что в сердцах у нас уже нет ни рассудка, ни чести, ни чувства долга. Я вот думаю иногда — если правительство отнимет наши владения и заставит нас трудиться ради хлеба насущного, то жить нам будет во сто крат лучше. Да к тому и идет. Теперь уже и правительство нас не защищает. Оно совсем перестало о нас заботиться, и видно по всему, что класс наш погибнет в ближайшем будущем. От всего сердца готов я приветствовать этот день. О Шива! ¹ Приблизь его, он будет днем нашего избавления! Теперешние условия толкают нас в пропасть, и все мы — жертвы обстоятельств. Пока с ног наших не спадут цепи богатства, беды и несчастья будут постоянно витать над нами, и мы не сможем стать людьми в полном смысле этого слова. А ведь это — конечная цель жизни каждого человека!

Раз-сахиб достал коробочку с бетелем и отправил в рот еще несколько порций. Он уже хотел продолжать, как вдруг появился рассыльный и доложил:

— Господин! Бегари ² отказались работать. Говорят, что не примутся за работу, пока их не накормят. Я было им пригрозил, так они все побросали работу и разошлись.

Прядь волос упала на лоб раз-сахиба. Вытаращив глаза, он заорал:

— Ах так! Ну, хорошо же! Я проучу этих мерзавцев! Когда это их кормили? Это еще что за новости? Они всегда получали по анне в день, и за эти же деньги будут работать и впредь, нравится им это или нет!

Раз-сахиб взглянул на Хори и сказал:

— Ступай, Хори! Готовься сам и помни, о чем я тебя просил. Надеюсь, что получу с твоей деревни не меньше пятисот рупий.

Охваченный гневом раз-сахиб ушел, а Хори все еще смотрел ему вслед и думал: «Не поймешь его! Только что говорил такие правильные вещи и вдруг словно взбесился! Ну и ну!»

Солнце стояло в зените. Тени от деревьев стали совсем короткими. Ветер вздымал облака пыли, и казалось, что это сама земля вздрагивает и тихо колыхается перед глазами.

¹ Ш и в а — в индийской мифологии бог разрушения и созидания, один из наиболее чтимых в индуизме богов.

² Б е г а р и — крестьянин, обрабатывающий бегар.

Хори поднял свою палку и отправился домой. Всю дорогу он ломал себе голову над нелегкой задачей: где раздобыть денег на подарок раэ-сахибу?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подойдя к околице своей деревни, Хори увидел, что Гобар и обе девочки все еще рыхлят землю на тростниковом поле. Дул нестерпимо горячий ветер, вздымая то тут, то там пыльные вихри. Земля раскалилась. Солнце словно наполнило всю атмосферу огнем. Зачем же они так долго мучаются в поле под палящими лучами?

Хори повернул к своему полю и еще издали закричал:

— Гобар, почему не идешь домой? Кто работает в эту пору! Полдень давно уже миновал, не видишь, что ли?

Завидев отца, все трое вскинули на плечи мотыги и пошли к нему.

Гобар — смуглолицый, высокий и худощавый юноша, казалось, был совершенно равнодушен к своей работе. Вот и сейчас лицо его выражало не усталое удовлетворение, а скорее недовольство и непокорность. Он и мотыл до этого часа лишь из упрямства, чтобы показать, что ему не хочется ни есть, ни пить.

Старшая из дочерей Хори — смуглолицая Сона была застенчивой, ласковой девушкой, изящной и проворной. Красное сари из кхадара¹, нижний край которого она подняла выше колен и заткнула за пояс, казалось слишком большим и тяжелым для ее хрупкого, тонкого тела. В этом сари Сона выглядела старше своих лет. Младшая дочка, восьмилетняя Рупа, вечно вымазанная в земле и покрытая пылью девчонка, отличалась обидчивостью и плаксивостью. Пучок волос на ее голове походил на птичье гнездо, а вся ее одежда состояла из куска ткани, повязанного вокруг бедер.

Обняв колени Хори, она быстро заговорила:

— Знаешь что, папа, я ни одного комочка земли не пропустила! Сестричка мне говорит: «Поди-ка, посиди под деревом, отдохни!» А разве будет поле ровным, если не разбить все комки!

¹ С а р и — платье индийской женщины, состоящее из длинного куска материи, особым образом обвертываемого вокруг тела. К х а д а р — грубая домотканная хлопчатобумажная материя.

Хори поднял Рупу на руки и, приласкав ее, сказал:

— Молодец, дочка! — затем он обратился к остальным: — Хватит работать, идем домой!

По дороге к дому Гобар, подавляя возмущение, сказал отцу:

— И зачем только ты ходишь к хозяевам и унижаешься? Ведь если ты не уплатишь налога, все равно тут же явится надсмотрщик и начнет ругаться. Бегар мы отработаем, подарки и подношения заминдару делаем, — так зачем же еще лишний раз гнуть перед ним шею?

Точно так же думал сейчас и сам Хори, однако у сына не должно было быть столь мятежных мыслей. Поэтому Хори возразил:

— А куда бы мы делись, не ходи я на поклон к заминдару? Что поделаешь, если бог сотворил нас рабами? Я вот хожу к нему, потому нам и удалось построить сарай во дворе, и никто мне слова не сказал. А Гхура едва успел столб врыть возле дверей, как явился управляющий и оштрафовал его на две рупии. Мы с тобой вон сколько глины у пруда накопили, и опять управляющий ничего не сказал. А начини копать кто-нибудь другой, — тут же придется нести подарок. Я к заминдару хожу ради нашей же выгоды. Ноги-то небось свои, ничего им не делается! А от всего этого нам немалая польза. Постоишь там часок-другой, глядишь, кто-нибудь и доложит о тебе хозяину. А он когда прикажет передать, что, мол, занят, а когда и сам к тебе выйдет...

— Конечно, великое счастье поддакивать важным господам! — с насмешкой сказал Гобар. — Должно быть, ради этого они и стараются, чтобы их выбрали на какой-нибудь большой пост.

— Вот когда сам помытаришься да погорюешь, тогда все узнаешь, сынок! А сейчас — говори, что хочешь. Бывало, я тоже так думал. А теперь вот понял, что раз наступили тебе на горло, придавили к земле, сколько ни старайся, все равно не вырвешься!

Сорвав на отце злобу, Гобар чуть поостыл и теперь шел молча. Сона с завистью посматривала на Рупу, которую отец нес на руках. Не вытерпев, она угрожающе проговорила:

— Ну-ка, слезай да поживей! Иди сама. Ноги у тебя сломались, что ли?

Рупа крепко обхватила шею отца.

— А вот и не слезу! — упрямо ответила она. — Папа! Сона все время дразнит меня, говорит: «Ты Рупа — серебро, а я Сона — золото!»¹. Дай мне другое имя!

Хори с притворным гневом взглянул на Сону.

— Ты зачем ее дразнишь? Сона — золото, только на то и годится, чтобы на него глядеть, а на Рупу — серебро, люди живут. Не будь серебра, из чего бы тогда стали чеканить деньги! Ну, что скажешь!

Сона, защищаясь, быстро нашла ответ:

— А из чего бы стали делать золотые монеты, если бы не было золота? Откуда бы взялись натхуни², из чего бы стали делать ожерелья?

Гобар не вытерпел и тоже вмешался в этот веселый спор.

— Ты ей скажи, — посоветовал он Рупе. — «Сона — золото, всегда желтое, все равно, что опавший с дерева сухой лист, а Рупа — серебро, белое-белое и сияет, как луна».

— А на свадьбу всегда желтые сари надевают, в белых никто не приходит! — нашлась Сона.

Последними словами сестры Рупа была сражена. Ни один из доводов Гобара и Хори не казался ей столь веским и убедительным. Глазами, полными слез, она посмотрела на Хори.

Но тут в голову Хори пришла еще одна мысль.

— Сона — золото, служит только богачам, — сказал он, — а нам, беднякам, служит Рупа — серебро. Ячмень тоже радшой величают, а пшеницу все зовут чамаром³. И знаешь почему? Да потому, что пшеницу одни богачи едят, а ячмень едим мы — бедняки!

Сона не нашлась что ответить. Сдавшись, она сказала:

— Вы все сговорились, а не то я задразнила бы эту плаксу Рупу! Она бы у меня поревела!

Взмахнув рукой, Рупа закричала:

— Э, Рам! Сона — чамар! Э, Рам! Сона — чамар!

Рупа была так довольна своей победой, что не могла больше усидеть на руках отца. Она спрыгнула на землю

¹ С о н а — по-индийски означает «золото», рупа — «серебро».

² Н а т х у н и — украшения, которые носят, продев их в ноздри.

³ Ч а м а р — член одной из угнетенных, низших каст Индии, касты кожевников.

и принялась кричать во все горло, подпрыгивая и приплясывая:

— Рупа — раджа, Сона — чамар! Рупа — раджа, Сона — чамар!

Подойдя к дому, они увидели Дханию, которая уже поджидала их, стоя на пороге.

— Почему так поздно нынче, Гобар? — спросила она сердито. — Кто это мучается в поле в такую жару!

Затем она напустилась на мужа:

— А ты тоже хорош! Мало ему дел в усадьбе, он еще в поле побежал! Был ведь в поле, признавайся!

Посреди двора был вырыт колодец. Хори и Гобар вылили себе на головы по большому кувшину воды, умыли Рупу и сели обедать. Лепешки были ячменные, но белые и пышные, словно выпеченные из пшеничной муки. Дхания поставила на стол чугунок с гороховой похлебкой, в которую для вкуса добавила разрезанное на кусочки манго. Рупа присоседилась поближе к отцовской тарелке. Сона поглядывала на нее глазами, полными зависти, словно хотела сказать: «Подумаешь, важная птица!»

— С хозяином-то о чем толковали? — спросила Дхания мужа.

Пододвигая к себе кувшин с водой, Хори ответил:

— Да все о том же — о сборах да о налогах. О чем же еще станет говорить с тобой заминдар! Мы вот все думаем, что большие люди живут счастливо, а выходит, что горя да забот у них больше, чем у нас. У нас только одна забота — как бы себе живот набить, а у них заботы кругом, куда ни глянь.

Хори не запомнил всего, о чем толковал заминдар, и в памяти его сохранилась лишь самая суть их разговора.

— Может, он нам отдаст свои владения? — насмешливо спросил Гобар. — Не собирается ли он раздать все свои поля, быков, плуги, мотыги? А с нами поменаться он не хочет? Все это ложь и обман! Несчастные не держат по столько автомашин, во дворцах не живут, одними сладостями не питаются, в танцах и песнях времени не проводят. Ай, бедный заминдар: наслаждается всеми благами жизни! Есть на что жаловаться!

Хори вспыхнул.

— Тебя разве кто переспорит! — с сердцем сказал он Гобару. — Да кто же откажется от своих владений? Дурак он, что ли? А ты вот возьми такой пример. Что мы по-

лучаем за свою работу в поле? За день работы и по анне на брата не придется! Слуга и тот ест и пьет лучше нашего, хотя получает всего десять рупий в месяц. А все-таки землю свою не бросишь. Попробуй-ка, брось свое поле, куда ты пойдешь? Служить к кому наймешься? О чести своей помнить надо. Землю пахать — почетное дело, великая честь. А много ли чести быть слугой? Заминдаров тоже понять нужно. Ведь у них над душой сотни людей стоят. Изволь корми всяких там судей и чиновников, посылай им подарки, угождай, кланяйся! Не уплатил вовремя поземельного налога — садись в тюрьму. А то, чего доброго, и все имущество отберут. А нас кто станет сажать в тюрьму? Ну, обругают, пригрозят, на том дело и кончится.

— Все это пустые разговоры! — возразил Гобар. — У нас каждое зернышко на счету. Одежки никакой, наготу прикрыть и то нечем. Мы на полях потом обливаемся, а хлеба все равно досыта не едим. А заминдару что! Расстелят ему ковры да подушки, знай себе лежи прохлаждайся! У него сотни слуг, власть над тысячами людей. Пусть даже иногда денег нет — все равно, он получит все, что захочет. Чем же он отличается от тех, у кого кучи денег? Ведь он живет так же, как все богачи!

— Так, что же, по-твоему, выходит, между нами и им никакой разницы нет?

— Бог нас всех создал равными!

— Ошибаешься, сынок! Маленькие люди и большие — все созданы по воле божьей; это верно. Но только богатство и деньги тем на долю выпадают, кто крепче в бога верит. Видно, в прежней своей жизни заминдар совершил какие-то добрые дела, а сейчас вот вкушает за них счастье и наслаждение. А если мы ничего хорошего прежде не сделали, так на что же теперь нам рассчитывать?¹

— К чему эти разговоры? Самому себе в утешение? Бог всех создает равными, а потом кто возьмет в руки палку, тот и подминает под себя маленьких людей, а сам делается большим!

¹ По религиозным верованиям индусов, после смерти душа человека переселяется в другого человека, живое существо или даже растение. Причем, человек не властен изменить что-либо в «этой жизни», ибо все, что с ним происходит, есть лишь воздаяние за его добрые или дурные поступки, совершенные им в «прежней жизни».

— Неправда, сынок! Хозяин и теперь каждый день часа по четыре подряд возносит хвалу всевышнему!

— А за чей счет творит он молитвы, за чей счет раздает направо и налево подарки и пожертвования?

— За свой счет!

— Нет, за счет крестьян, за счет тех, кто даром работает на его полях! Добро свое он накопил грешным путем, вот его и грызет совесть. Потому-то и приходится ему раздавать подарки, потому он и возносит молитвы всевышнему. А был бы он раздетый да голодный, поглядел бы я тогда, как он стал бы молиться! Если бы нам давал кто-нибудь хоть по куску хлеба в день, мы бы тоже день и ночь богу молились. А если бы твой заминдар помотыжил хоть раз тростниковое поле, так небось вся набожность мигом бы из него выскочила!

— Тебя, брат, разве переспоришь! — сказал, сдаваясь, Хори.— Ты уж и в божьи дела вмешаться норовишь!

После обеда Гобар взял свою мотыгу и собрался было идти в поле, но Хори остановил его:

— Подожди-ка малость, сынок! Вместе пойдем. А пока давай вытащим из сарая немного соломы. Я Бхоле обещал. Бедняга в беду попал, надо ему помочь!

Гобар бросил на отца хмурый взгляд.

— Нет у нас продажной соломы! — проворчал он.

— Да я и не собираюсь ее продавать. Так даю, взаимы. Ведь он в беду попал! Ничего не поделаешь, придется ему помочь.

— Нам небось он коровы не дал.

Дхания тоже осуждающе поджала губы:

— Как же, даст он вам корову! Капли молока и той не прислал ни разу. А тут корову! От него дожدهшься, ждите!

— Нет, клянусь своей молодостью! — поклялся Хори.— Он отдавал мне свою лучшую пеструю корову. Но сейчас у него нет денег, а соломы и корма для скота он запасти не успел. Он хочет теперь продать одну корову, и купить соломы. Вот я и подумал: хороший человек попал в беду, разве можно у него брать корову? Дам ему малость соломы, а как поднакоплю деньжонок, так и куплю у него корову. Платить за нее буду понемногу. Она восемьдесят рупий стоит, но зато такая, — глаз не отве-дешь!

Гобар всплеснул руками.

— Очень уж ты честен! А сам из-за этого всегда попадаешь в беду! Мудрить тут нечего. Корова стоит восемьдесят рупий. Пускай Бхола возьмет у нас на двадцать рупий соломы и отдаст нам корову. Шестьдесят за нами останутся. Выплатим как-нибудь.

Хори заговорщически улыбнулся:

— Я такой хитрый ход обдумал, что корова нам, пожалуй, и даром достанется. Надо будет женить Бхолу. Вот я и хочу дать ему сейчас два-три мана соломы, чтобы цену себе набить.

— Что же ты, всех подряд женить собираешься? — презрительным тоном спросил Гобар.

Дхания бросила на мужа ехидный взгляд:

— Нам теперь только и осталось, что такими делами заниматься! Пожалуйста! Только солому никому не смей отдавать!

— Что ж в том плохого, если с моей помощью у кого-нибудь в доме поселится жена? — пытался оправдаться Хори.

Гобар схватил трубку и вышел за огоньком, прикурить. Все эти шумные препирательства были ему не по душе.

Дхания с сомнением покачала головой:

— Если кто и сосватает Бхоле невесту, все равно коро-ва в восемьдесят рупий задаром свату не достанется. Так и так придется платить.

Хори решил польстить жене:

— Это я знаю. Но ты послушай только, какой славный человек этот Бхола! Когда бы я с ним ни повстречался, он непременно тебя похвалит. «Такая, говорит, славная у тебя жена, такая умница!»

Довольная улыбка скользнула по лицу Дхания, но она все еще не сдавалась:

— Не нуждаюсь я в его похвалах,— сказала она.— Пускай лучше сам себя хвалит!

— А я ему, значит, говорю,— продолжал с любящей улыбкой Хори.— «Э, брат Бхола! Она мухе и той не даст сесть себе на нос. Только и знает, что ругается!» А он свое твердит: «Не женщина, говорит, а сушая Лакшми!» Дело, видишь ли, в том, что у его хозяйки был очень уж крутой нрав. Бедняга Бхола так ее боялся, что не знал, куда и деваться. Так вот он и говорит мне: «Стоит мне утром увидеть твою хозяйку, и бог мне в тот день

непременно что-нибудь да пошлет!» А я ему: «Тебе-то выгода, а я вот целыми днями гляжу на нее, а толку никакого — пайсы, и той не перепадает».

— Такой уж ты бестолковый человек! — сказала Дхания. — Что я тут могу поделать!

— Потом принялся он охаивать и чернить свою покойную хозяйку. Ведь до чего дело доходило — милостыню нищим и ту ей жалко было подать. С метлой за ними гонялась. Такая была жадная, что даже соль всегда у соседей выпрашивала.

— Грех помянуть покойницу недобрым словом, а все-таки скажу: бывало, как завидит меня, так вся и задрожит от злости.

— Видно, Бхоле на роду было написано маяться, если он на ней женился. Другой на его месте не вытерпел бы, отравился. А он терпел. Кроткий человек! Старше меня, должно быть, лет на десять, а как встретимся, так он всегда первый здоровается.

— Так как он сказал-то? «Увижу твою хозяйку...» и что тогда?

— «И в тот день бог мне что-нибудь да пошлет».

— Да, невестки ему тоже попались под стать жене: прожорливые да жадные. Впрочем, они нынче все такие. Возьмут, к примеру, займы дыню, которая стоит целых две рупии, съедят, а потом даже и не вспомнят, что долг отдать надо...

— И чего только Бхола горевал о своей жене!

Вошел Гобар.

— Дада Бхола пришел! — объявил он. — Мана два соломы у нас найдется. Отдай их ему, а потом постарайся его женить.

— Человек у порога стоит, а ты ему и сесть не предложил! — набросилась Дхания на Гобара. — Больно высоко стал нос задирать. Почтительней надо быть! Возьми кувшин, достань воды из колодца и подай ему. Пускай умоется, руки вымоет. Шербетом его угости. Когда человек в беду попадает, он от других помощи ждет!

— Нечего тут разводить шербеты-вербеты! — заворчал Хори. — Подумаешь, какая важная птица явилась!

Рассерженная Дхания тотчас же накинулась на мужа:

— А часто у нас гости бывают? Может быть, они каждый день толкутся у твоей двери? Человек вон из какой дали пришел, да еще по такой жаре! Пить, наверно, до

смерти хочет! Рупа! Погляди-ка, табак есть в табакерке или нет? Да разве после Гобара что останется! Слетай-ка в лавку, купи табаку на пайсу!

Никогда и нигде, наверно, не встречали Бхолу с таким радушием и с такой сердечностью, как в семье Хори. Гобар усадил его на чарпай — низенькую скамью. Сона угостила его шербетом. Рупа набила для него трубку. Дхания, стоя за дверью, нетерпеливо ожидала, что скажет гость. Она жаждала своими ушами услышать похвалу из уст Бхолы.

Бхола взял в руки трубку и промолвил:

— Когда в доме хорошая хозяйка, она все равно что Лакшми! Кто-кто, а хозяйка знает и как маленького человека приветить и как обойтись со знатым!

Волна радости захлестнула Дханию. Сердце ее, истерзанное постоянными заботами, страхами и нищетой, находило в словах Бхолы утешение и ласку.

Когда Хори, взяв корзину Бхолы, пошел во двор за соломой, Дхания вышла вслед за ним.

— И где только он раздобыл ее... такую здоровенную корзину?! — пробормотал Хори. — Не иначе, купил у какого-нибудь бхарбунджа...¹ В нее не меньше мана влезет. Дашь ему две корзины — со двора сразу целых два мана соломы уйдет!..

Но Дхания теперь была всем довольна. С укором посмотрев на мужа, она сказала:

— В другой раз не приглашай гостей. А пригласил, так накорми до отвала! Если уж решил дать ему соломы, так дай три корзины. Жаль только, что этот добрый человек не прихватил с собой сына. Когда он один-то все это перетаскает? Замучается до смерти.

— Я уж и не знаю, сколько ему дать. Так говоришь три корзины?

— А что же ты дашь ему одну корзину, а потом станешь отговариваться? Скажи Гобару, пускай он набьет соломой свою корзину и отнесет ему домой.

— Гобару надо в поле идти, землю мотыжить.

— Ничего! Тростник не высохнет, если он денек не помотыжит!

— Это уж Бхоле надо было позаботиться прихватить

¹ Б х а р б у н д ж а — член касты, которая занимается поджариванием зерна и плетением корзин.

с собой кого-нибудь. Бог его не обидел — двух сыновей послал!

— Наверно, их дома не было. Может, они на базаре молоком торгуют.

— Что это ты такой доброй стала? Отдай ему свое добро, да еще и до дому донеси! Нагрузи на него, нагрузись сам и носильщика найми!

— Ну, ладно, ладно! Если не хотите идти, я сама ему помогу. Старому человеку не стыдно и услужить.

— А свои-то быки что есть станут, если я отдам ему три корзины соломы?

— Об этом надо было раньше думать, когда его сюда приглашал. А теперь ступайте с Гобаром, помогите Бхоле.

— Добро по-людски делить надо. Не разорять же из-за него весь дом!

— А если бы сейчас явился управляющий заминдара, ты бы, наверно, живо взвалил солому себе на голову и побежал за ним. Да и не только ты, — и твой сын, и дочери твои — все бы понесли! А там, чего доброго, пришлось бы еще мана два дров расколоть.

— Ну, заминдар — особая статья.

— Конечно! Он, чуть что не так, палкой подгонит!

— Поля-то мы чьи пашем, разве не его?

— Поля мы пашем его, но ведь и налоги за них платим!

— Ну, хватит, хватит! Не терзай душу! Мы с Гобаром ему пособим. Как ни говори — солому-то я ему обещал. А тебя с ним отправь, ты не пойдешь — рысью побежишь!

Наконец, все три корзины были доверху набиты соломой. Гобар был недоволен. Ему не верилось, что хитрость отца удастся. Он твердо знал одно: когда что-нибудь отдаешь, это значит, что со двора уходит добро, нажитое тяжким трудом. Дхания же была очень довольна. Что касается Хори, в душе у него боролись и попеременно побеждали друг друга: то великодушие, то скупость.

Хори и Гобар общими усилиями выволокли наружу корзину с соломой. Бхола тотчас же снял с пояса ангочхи¹, обвязал им охапку соломы и, взваливая ее себе на голову, торопливо проговорил:

¹ Ангочхи — кусок ткани, который индусы носят как фартук.

— Отнесу вот и тотчас бегом вернусь. Еще одну корзину соломы заберу у вас.

— Не одну, а еще две полные корзины,— сказал Хори.— А возвращаться тебе незачем. Мы с Гобаром возьмем по корзине соломы и пойдем вместе с тобой.

Бхола не знал, что и думать. В этот миг Хори был ему дороже и ближе родного брата. Сердце его было полно радости, придававшей ему новые силы.

Захватив солому, все трое отправились в путь. Как водится, по дороге между ними завязался разговор.

— Скоро уж и Дашахра¹,— начал Бхола.— У хозяев небось пышный праздник будет!

— Да, почтенный! Большой шатер для представления уже поставили. В нынешней Рамлиле² и мне найдется дело. Раз-сахиб сказал, что я буду представлять садовника раджи Джанака.

— Хозяин, как видно, доволен тобой.

— Он ко мне милостив.

— А деньги на праздничный подарок заминдару ты раздобыл? — спросил минуту спустя Бхола.— Хоть ты и станешь садовником, а петли с твоей шеи не снимут.

Тыльной стороной ладони Хори отер пот с лица.

— Эта забота меня теперь и терзает, дада! Урожай я собрал весь до последнего зернышка. Заминдар свое взял, ростовщик свое взял, да еще мне пять серов зерна осталось. А солому эту я припрятал. По ночам на себе таскал, не то и соломинки бы не досталось. Заминдар-то один, а ростовщиков — целых три: вдова Дулари — раз, Мангру — два, да еще пандит³ Дата Дин. Ни одному из них я даже процентов еще не выплатил. Заминдару тоже задолжал было полрупии. Пришлось занять рупию у Дулари, только так и вывернулся. Уж я и так и этак изворачиваюсь, а все равно, брат, из долгов не выберешься. Видно, для того мы и родились, чтобы проливать свою кровь и набивать добром дома богачей. Выплатишь двойной процент, глядишь — на шее попрежнему целая рупия долгу висит. Нам вот говорят: не трать денег на свадьбы,

¹ Д а ш а х р а — индуистский праздник в честь победы Рамы над мифическим царем Цейлона демоном Раваной.

² Р а м л и л а — народное театральное представление, в котором рассказывается о подвигах Рамы.

³ П а н д и т — священнослужитель; знаток древних священных книг; почтительная форма обращения к лицам из касты брахманов.

не трать на похороны, не расходуйся зря на паломничества, береги каждую пайсу! А как это делать — примера никто не подаст. Раз-сахиб, когда сына своего женил, так целых двадцать тысяч рупий пустил на ветер. Ему таких советов тогда никто не давал. Мангру на похороны своего отца пять тысяч рупий истратил, и никто ему слова не сказал. И так все они. Нет ни у кого ни стыда ни совести!

— Где нам, брат, тягаться с сильными мира сего! — сказал Бхола голосом, полным муки и боли.

— Да ведь и мы тоже люди!

— Кто это сказал, что мы люди! Что в нас людского-то осталось? Людьями зовут тех, у кого есть деньги, у кого есть власть или знания. А мы что? Мы все равно что быки и родились, видно, лишь для того, чтобы нас в плуг впрягали. Потому-то мы и не хотим знать друг друга. От былой дружбы и согласия следа не осталось. Нужна крестьянину земля — приходится ему отнимать ее у другого. А где еще он ее возьмет? Нет, видно, любовь к ближнему покинула этот мир!

Для стариков нет ничего слаще, как потолковать о добрых старых временах, о нынешних тяготах и о грядущих бедствиях. Бхола и Хори изливали друг перед другом душу. Бхола рассказывал о сыновьях, отбившихся от рук, Хори слезно жаловался на своих братьев. Потом, сложив ноши у колодца, они сели отдохнуть и испить воды. Гобар попросил у хозяина стоявшей поодаль лавки кувшин и кружку и стал доставать из колодца воду.

— Когда с братьями-то делился, хлебнул, наверно, горюшка вволю? — с сочувствием спросил Бхола. — А ведь ты их словно детей родных вынянчил.

У Хори подступил комок к горлу.

— И не говори, брат! — ответил он. — Я тогда и не знал, бежать мне куда глаза глядят или утопиться. Заживо они меня съели! Ведь я свою молодость в грязь втоптал ради братьев, а они на меня жалобу подали. И знаешь, из-за чего началось? Им, видишь ли, не понравилось, что моя хозяйка в поле не работала. Но ведь надо же было кому-то и дома хозяйничать! Ты скажи: да или нет? Мало ли у Дхании было домашних дел! Всех и не переделаешь. Она и дома никогда без работы не сидела. Полы подмести, обед сварить, на стол подать, посуду вымыть, за детишками присмотреть — это что, легкая работа? Разве жена Собхи или жена Хиры с ней справятся? С тех пор как

я разделился с братьями, в доме у них и крошки хлеба нет. А раньше, худо-бедно, раза четыре в день есть садились. Пускай теперь поедят по четыре-то раза! Поглядим, как жить будут. Один я знаю, сколько слез пролила мать Гобара, пока в доме хозяйничала. Ходила бедняжка в обносках своих невесток, сама голодная спать ложилась, а их напоить-накормить не забывала. У самой, не то что какого-нибудь браслета, ниточки дешевых бус и той не было. А для невесток разорились — каждой по четыре браслета купили. Не золотых, конечно, серебряных, но все-таки! Зависть их одолела — почему Дхания в доме хозяйка! Ну да ладно, хорошо, что мы от них отделились. У меня словно гора с плеч свалилась.

— То же самое в каждом доме, брат! — сказал Бхола, зачерпывая кружкой воду. — Что там говорить о братьях! Я вот с сыновьями своими никак не уживусь! А почему? Да потому лишь, что не могу я молчать, когда вижу, как они безобразничают. В азартные игры играют, чарас¹ хлещут, гашиш курят, а на чьи деньги? На мои! Если любишь сорить деньгами, так сам и заработай! Только разве они заработают! Вот тратить — это их дело! Старший сын, Камта, как ни пойдет на базар с молоком, так непременно полпайсы себе возьмет. Начнешь спрашивать — и отвечать не желает. А младшему сыну, Джанги, видишь ли, до смерти нравится проводить время с приятелями. Чуть стемнеет, он забирает свой бубен, цимбалы и пошла потеха! Я не говорю, что погулять с товарищами плохо. Попеть, потанцевать — в этом худого нет. Только делать все это надо в свободное время. О домашних делах не забывай, день и ночь в забавах не проводи! Ох, беда на мою голову! Скотину надо поить и кормить, коров и буйволиц доить, на базаре молоко продавать — разве я управлюсь один с таким хозяйством! Здоровенные парни, а толку от них никакого! Дочь мою, Джхунику, тоже судьба обошла. Ты ведь был у нее на помолвке. Какое было крепкое хозяйство. Муж в Бомбее молочную лавку держал. А тут в городе между мусульманами и индусами началась распря. Кто-то возьми да и пырни его ножом в живот. Осталось гнездо разоренным, и дочери моей в Бомбее делать было больше нечего. Поехал я в Бомбей, привез ее сюда. Хочу теперь во второй раз замуж выдать. Да

¹ Чарас — опьяняющий напиток, изготавливаемый из цветов ковопли.

только она об этом и слышать не хочет. А у меня на руках еще две невестки. Джхунии они ни днем, ни ночью покою не дают. В доме у нас сущая Махабхарата¹ идет! Бедняжка приехала сюда убитая горем, а ей и тут досаждают.

Так во взаимных жалобах прошла вся дорога. Деревня Бхола была хоть и невелика, но вся утопала в зелени и цветах. Жили в ней по большей части ахиры², и, по мнению крестьян из соседних деревень, положение их было не так уж плохо.

Бхола был старостой этой деревни. Возле его дома, перед большими яслями, теснился десяток коров и буйволиц, пережевывавших рубленую солому, смешанную с зерном. Под навесом стояла деревянная кровать, такая большая, что, пожалуй, и десять человек не смогли бы сдвинуть ее с места. Над нею на колышке висел барабан, на другом — бубен, а на полке лежала какая-то книга, завернутая в кусок ткани, наверно, «Рамаяна».

Обе невестки сидели тут же возле дверей и лепили из коровьего навоза кизяки. Чуть поодаль, в дверях дома стояла Джхуния. Глаза ее были воспалены, лицо заплакано, нос и тот покраснел. Должно быть, наплакавшись вволю, она только что встала с постели. Ее полное сил и здоровья тело, казалось, было олицетворением самой цветущей молодости. Лицо Джхунии было круглое, щеки пухлые, глаза маленькие и глубоко спрятанные под низким лбом. Но высокая пышная грудь и цветущая фигура невольное привлекали взгляд. А набивное розовое сари еще больше подчеркивало привлекательность молодой женщины.

Увидев Бхолу, Джхуния подбежала и помогла ему снять с головы корзину, тот в свою очередь помог Гобару и Хори, затем обернулся и приказал Джхунии:

— Ступай набей табаком трубку и дай чего-нибудь напиться. Если нет воды, принеси кувшин, воды я сам зачерпну. Узнаешь ли почтенного Хори?

Затем он обернулся к Хори и сказал:

— Без хозяйки дела в доме не идут, брат! Есть старая поговорка: «Что низкорослый бык в поле, что невестка в доме — толку от них никакого». Много ли напашешь

¹ «Махабхарата» — древнеиндийская эпическая поэма, описывающая великую войну между двумя древними родами.

² Ахиры — каста пастухов и торговцев молоком.

на слабом-то быке! А невестки? Разве могут они вести хозяйство? С тех пор как умерла мать Джхунии, с моего дома словно кто снял благословение. Замесить тесто — это они могут, а в остальном — много ли они смыслят? Зубами, правда, работать мастерицы, этого от них не отнимешь! А парни, наверно, опять где-нибудь в азартные игры играют. Оба — такие бездельники, каких свет не видал! Пока я жив — хлопочу вместо них, на работе убиваюсь, а умру, так они еще за головы схватятся! Да и дочь такая же — если и скажет тебе что-нибудь, так непременно свысока. Я-то терплю все это, а муж не стал бы терпеть.

Не прошло и минуты, как Джхуния вернулась. В одной руке она держала набитую табаком трубку, в другой пустой кувшин. Взяв веревку и кувшин, она направилась было к колодцу за водой, но Гобар протянул руку и сказал:

— Дай-ка мне кувшин! Я сам схожу за водой!

Однако Джхуния кувшина не отдала. Направляясь к колодцу, она проговорила с улыбкой:

— Ты наш гость. Потом еще скажешь, что тебе никто даже кружки воды не подал!

— С каких это пор я стал гостем. Ведь мы соседи!

— А такого соседа, который за год ни разу не заглянет, и зовут гостем.

— Каждый день в гости ходить тоже не годится.

Джхуния лукаво рассмеялась.

— Я с гостями обхожусь вот так, — проговорила она, искоса поглядывая на Гобара, — придешь через месяц, напою холодной водицей, придешь через две недели — угощу трубочкой, через неделю придешь — на скамейку усажу, а начнешь каждый день ходить — ничего не получишь!

— Свидание-то назначишь?

— Ишь ты какой! О свиданье долго просить придется!

Посреди этого веселого разговора Джхуния вдруг словно вспомнила о чем-то, и лицо ее затуманила печаль. Ведь она вдова! Раньше у порога ее женской чести надежным стражем стоял муж, и ей не о чем было беспокоиться. А теперь стража нет, и ей приходится держать свою дверь на замке. Лишь иногда, одурев от домашней скуки, она чуть-чуть приоткрывает эту дверь, но, едва завидев кого-нибудь, в страхе захлопывает обе створки и крепко-накрепко запирается.

Гобар достал из колодца кувшин воды. Все напились. Выкурив по трубочке, Хори и Гобар начали собираться домой.

— Завтра зайди за коровой, Гобар! — сказал Бхола. — Вон она, видишь, сечку жует?

Гобар не мог оторвать от коровы глаз. Он был словно пьяный. Какая корова, какая красавица! Он не находил слов, чтобы выразить свое восхищение.

— Ладно, заберем! — ответил Хори, едва сдерживая жадность. — Торопиться некуда!

— Тебе торопиться некуда, а я спешу! Ты как увидишь ее возле своего дома, так сразу и вспомнишь, о чем мы сегодня с тобой толковали.

— Нет, нет, дада, о том разговоре я и так не забуду!

— Значит, пусть Гобар завтра приходит!

Отец и сын поставили корзины на головы и отправились домой. Оба они были так веселы, словно шли со свадьбы. Хори был доволен — сбывалась его давнишняя мечта — он получит корову, да еще, может быть, и задаром! А Гобар встретил нечто еще более ценное. В его сердце вдруг пробудились мирно спавшие до сих пор чувства. Улучив момент, он оглянулся. Джхуния все еще стояла на пороге дома, взволнованная и обрадованная неожиданной встречей.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В эту ночь Хори так и не смог уснуть. Лежа на своей бамбуковой кровати под ветвями раскидистого нима¹, он то и дело открывал глаза и смотрел на звезды. В голове его одна за другой проносились мысли. Для коровы надо будет вкопать в землю корыто. Хорошо бы поместить его подальше от кормушки быков. Пока придется корове ночевать на улице, но к сезону дождей надо будет устроить для нее стойло. Станешь держать корову на улице — еще сглазят. Бывает, подкинут какой-нибудь волшебный амулет и, глядишь, у коровы молоко пропало, до вымени дотронуться не дает, брыкается. Нет, оставлять корову на улице не годится! Да и корыто поставить там не позволят. Поставишь — придется тогда нести подарок каринде-сахибу — управляющему. Ведь к хозяину, раэ-сахибу,

¹ Н и м — распространенное в Индии дерево, его листья обладают целебными свойствами.

со всякими пустяками и мелкими просьбами ходить не станешь. К кому еще пойдешь, кроме каринды-сахиба? А раз-сахибу пожалуешься на каринду-сахиба — врага наживешь. Нет, глупо враждовать с крокодилом, сидя по горло в воде. Лучше уж подержать корову пока во дворе. Двор-то хоть и маленький, ну да ничего! Поставлю в нем хлев, и все будет ладно. Сразу же и деньги заведутся, будет чем выплачивать долги. Корова станет давать не меньше пяти серов молока. Один Гобар целый сер выпьет, а Рупа, ведь та, как увидит молоко, так прямо трясется! Теперь — пей сколько влезет! Придется, конечно, подносить иной раз и деревенским начальникам сера по два, по три. Надо будет и каринде-сахибу поклониться подарочком. Да и Бхоле лучше отдать долг по-честному. Зачем мне морочить ему голову сказками о женитьбе? Если уж человеку взбрело такое на ум, смеяться над ним — самое последнее дело. Ведь он мне поверил на слово — корову за восемьдесят рупий отдал! А народ здесь такой, что другому и пайсы не доверит. Может, за год-то сколько-нибудь заработаю? Отдать бы Бхоле хоть двадцать пять рупий, и ему бы и мне легче было. Эх, зря я Дхании обо всем рассказал! Мне бы привести корову потихоньку да привязать возле дома. Вот бы Дхания тогда забежала! Стала бы расспрашивать: «Чья корова? Откуда?» А я бы помучил ее хорошенько, а уж только потом рассказал, как и что. Вот только не умею я ничего хранить в тайне. Иной раз перепадет несколько пайс, я и этого от нее утаить не могу, обязательно проболтаюсь. Да оно и лучше. Сейчас Дхания день и ночь о доме заботится, а если бы она знала, что в доме бывают деньжонки, да к ней не попадают, пожалуй, стала бы браниться да упрекать меня. Жаль, Гобар малость ленив, а то бы и он служил корове как следует. Ну, да это не такая уж большая беда. В его возрасте кто не ленив? Когда отец был жив, я и сам всегда от работы отлынивал. Бывало, бедняга с полночи начинает возиться по хозяйству: то солому скотине рубит, то двор подметает, то на полях навоз раскидывает... А я за это время десятый сон вижу! Начнет он меня будить, я злюсь, говорю, что из дому сбегу. Эх! Если при жизни родителей дети не видели ничего хорошего, так что же они увидят, когда все хозяйство ляжет на их плечи? А разве я плохо повел хозяйство после смерти отца? Вся деревня в один голос твердила: «Хори хозяйство развалит!» Как же! Когда все

хозяйство осталось на мне, я сразу так переменялся, что люди только ахали да рты разевали. Жаль, что отделились Хира и Собха: с ними дела в доме шли бы совсем по-другому! Раньше в поле гуляли три плуга сразу, а теперь мы все пашем врозь. Время идет, и все меняется. Сколько невзгод пришлось вытерпеть Дхании! Бедняжка как пришла в дом, так с той поры ни разу не присела отдохнуть. Только вышла из свадебного паланкина, как все заботы ей на голову свалились. Сама надсаживалась на работе, и невесток работать заставляла. А что оставалось делать? Пора бы теперь и ей отдохнуть. Да, видно, такая уж у нее несчастная доля. Раньше она ради братьев моих на работе изводилась, а теперь изводится ради детей. Хира и Собха теперь ходят да гордо усы покручивают, а не будь она такой честной, доброй да простодушной, они бы, пожалуй, сейчас милостыню собирали. Сколько жадности в людях! Для них жизни не жалеешь, а они смотрят на тебя, как на лютого врага!

Хори снова взглянул на восток — не занимается ли заря; прислушался: не просыпается ли Гобар? Нет, спит еще. А с вечера говорил: «Как начнет светать, так и пойду!» Как уйдет, надо будет корыто в землю вкопать. Впрочем, нет! Пока Гобар корову не приведет, не надо этого делать. А то вдруг Бхола раздумает и не отдаст коровы! Тогда вся деревня надо мной потешаться будет. Люди скажут: «Ишь какой, корову захотел! Так торопился корыто врыть, словно корова у него уже во дворе стоит!» Конечно, Бхола в своем доме хозяин, но раз уж сыновья у него стали взрослыми, станут ли они слушаться отца? Если Камта и Джанги заупрямятся, разве сможет Бхола поступить по-своему и отдать нам корову? Ой нет, не сможет!

Тут проснулся Гобар, вскочил с постели и, протирая слипающиеся глаза, сказал:

— Арэ! Неужто светает? Корыто врыл, дада?

Хори внимательно посмотрел на сына, на его мускулистое тело, на его широкую грудь и подумал: «Богатырем стал бы сын, если бы кормить его маслом и молоком!»

— Нет, не врыл еще! — ответил он Гобару. — А вдруг Бхола не даст корову?

— Почему не даст? — нахмурился Гобар.

— Мало ли что он надумает. В душу к нему не влезешь.

— Да что бы он там ни надумал, корову-то он обещал?

Больше Гобар не сказал ни слова и, вскинув на плечо палку, отправился в путь. Глядя ему вслед, Хори, как мог, утешал и подбадривал самого себя. Женитьбу сына в долгий ящик откладывать нельзя — парню уже семнадцатый год пошел. Но как все это устроить? Где раздобыть денег? С тех пор как братья разделились, честь дома Хори из года в год падает все ниже. Иной раз почтенные хозяева и приходят посмотреть на сына Хори, но стоит им увидеть, какая вокруг царит нищета, как у них вытягиваются лица и они спешат распрощаться. Иные и согласны взять Гобара в зятья, да требуют денег. Если бы хватило сил уплатить за невесту две-три сотни рупий да еще израсходовать столько же, свадьбу, пожалуй, можно бы было сыграть. Только где же достанешь такую кучу денег? Урожай был такой, что его и на прокорм семье не хватит, — что уж тут сбережешь на свадьбу! Сона тоже подросла, пора и ее замуж выдавать. Не женишь сына — это еще полбеды, а вот если дочь замуж не выдашь, вся община потешаться станет. Сону надо выдать замуж первой, а дальше видно будет, что делать.

Какой-то человек, проходя мимо дома, поздоровался с Хори и спросил:

— Эй, уважаемый! У тебя случаем нет бамбука?

Взглянув на него, Хори узнал корзинщика Чаудхри, который ходил по деревням и изготовлял из бамбука всевозможные дешевые поделки. Был он невысок ростом, смугл и упитан. Длинные, пышные усы украшали его широкое лицо. За поясом у корзинщика торчал тесак, которым рубят бамбук. Раза два в году он приходил в деревню и резал бамбук, из которого выделявал легкие жалюзи, стулья, скамейки, корзины и разные другие вещи.

Хори обрадовался. В сердце его вспыхнула надежда немного подзаработать. Он подозвал Чаудхри и показал ему все запасы бамбука, находившегося в трех сараях. Поторговавшись, он согласился продать корзинщику пятьдесят бамбуковых шестов из расчета двадцать пять рупий за сотню и взял задаток. Потом оба вернулись в дом. Хори угостил Чаудхри трубочкой, предложил ему позавтракать и вкрадчивым тоном сказал:

— Дешевле чем за тридцать рупий я свой бамбук сроду не продавал. Но с тобой торговаться не стану, ты —

человек свой. Да, а как твой сын, которого ты женил недавно, вернулся он или нет?

Чаудхри затянулся трубкой и, откашлявшись, ответил:

— Я из-за этого мальчишки совсем извелся, почтенный. Дома молодая жена сидела, а он снюхался с другой женщиной из нашей общины, удрал с ней и слоняется теперь неизвестно где. А потом и невестка с кем-то убежала. Подлая порода, уважаемый, хуже не найдешь! Сколько раз говорил ей: «Ешь что хочешь, только меня не позорь!» Да разве она станет слушать! Пусть бог одарит женщину чем хочет, только не красотой. Иначе на нее никакого удержу нет... Сарай-то ваши небось поделены!

Хори поглядел на небо и, словно витая в его бескрайних просторах, ответил:

— Все поделено, Чаудхри! Братьев я как детей родных вспоил, вскормил, а они теперь хозяйничают наравне со мной. Не хочу я отнимать у братьев их доли. Получу с тебя деньги, поделюсь с братьями. На свете недолго живешь — стоит ли лгать да обманывать! Положим, я им скажу, что продал бамбук по двадцать рупий за сотню, как они узнают правду? Разве только ты им расскажешь? Так ведь ты для меня все равно что брат родной!

Любим мы в разговоре употреблять и к месту и не к месту слово «брат». Но все равно злоба наша никогда не опорочит святой чистоты, которая в нем заключена.

Осторожно закинув эту удочку, Хори посмотрел на Чаудхри, стараясь угадать, соглашается он или нет? При этом на лице его блуждала такая фальшивая, такая вымученная и заискивающая улыбка, какой улыбаются только упитанные сытые нищие, протягивая руку за подаванием. Чаудхри сообразил, чего от него хочет Хори, и решил в свою очередь извлечь из этого пользу.

— Что и говорить, почтенный, дружба наша старинная! — сказал он. — Ну что ж! Раз такое дело — согласен! Только вот что! Если уж поступаться своей честью, то хоть ради какой-то выгоды! Я скажу, что ты продал мне бамбук не за двадцать, а за пятнадцать рупий, только и ты уступи мне его за двадцать рупий!

— За горло хватаешь, Чаудхри! — плачущим голосом воскликнул Хори. — Да где же ты достанешь такой бамбук за двадцать-то рупий?

— И получше твоего можно за десять рупий достать! Верно тебе говорю. Отойди от деревни косов¹ на десять да сверни в сторону — там бамбук вообще ничего не стоит, а в городе он дорогой. Вот и приходится рассчитывать: за то время, что ходишь туда, можно смастерить что-нибудь и заработать хоть несколько рупий.

Ударили по рукам. Чаудхри отдал Хори задаток, стащил с плеч свой мирзаи, отложил в сторону и принялся рубить бамбуковые шестиы.

В эту пору все в деревне были заняты поливкой сахарного тростника и на улице не было ни души. Но тут, как на грех, жена Хиры понесла завтрак мужу, работавшему у колодца, и очутилась рядом с домом Хори. Заметив, что корзинщик рубит бамбук, она крикнула, не откидывая с лица покрывала:

— Эй, кто там бамбук рубит? Не смей этого делать!

Чаудхри на минуту остановился и ответил:

— Я его не ворую! Бамбук куплен по пятнадцать рупий за сотню. И задаток уже уплачен.

Жена Хиры верховодила в своем доме. Именно из-за ее неуживчивости и повздорили братья. Одержав победу над Дханией, она сделалась сущей тигрицей. Хира нет-нет да поколачивал ее, а на днях избил так сильно, что она несколько дней не могла встать с постели. Однако она вовсе не собиралась выпускать из своих рук главенство в доме. Пусть Хира и бил ее, обозлившись, зато потом он во всем поступал по ее указке — точь-в-точь как лошадь, которая хоть и лягнет иной раз хозяина, но после все так же исправно ходит в хозяйской упряжке.

Сняв с головы корзину с завтраком, жена Хиры сказала:

— За пятнадцать рупий продавать наш бамбук мы не желаем!

Чаудхри не считал нужным говорить о подобных вещах с бабами.

— Пришли-ка сюда своего мужа, — сказал он ей. — Мы с ним обо всем договоримся!

Жену Хиры звали Пуния. Детей у нее было только двое, но она вся высохла, словно щепка. Ее так обременяли бесчисленные хозяйственные заботы, что ей некогда было думать о нарядах и украшениях, которые могли бы

¹ Кос — мера длины, равная приблизительно 3,5 км.

хоть немного прикрыть следы разрушительной работы времени. Да и откуда взять денег на уборы и украшения? Вечная нужда и непрестанные заботы сгубили ее молодость, высосали из ее тела все силы. Она была так худа, так костлява, что, казалось, удар по ней мотыгой — и та отскочит от нее, словно от камня.

Пуния подбежала к Чаудхри и закричала, пытаясь схватить его за руку:

— На что мне мужа присылать? Можешь и со мной договориться. А я тебе говорю: не руби мой бамбук!

Чаудхри вырывал руку, но Пуния снова и снова хваталась за нее. Целую минуту продолжалась эта борьба. Наконец, раздосадованный корзинщик так толкнул женщину, что та упала. Тотчас же вскочив с земли, Пуния сорвала с ноги башмак и в слепой ярости принялась изо всех сил колотить Чаудхри по голове, по лицу и спине, ничего не разбирая. Подумать только! Какой-то ничтожный корзинщик осмелился ее толкнуть! Подобного оскорбления Пуния стерпеть не могла.

Получилось так, что корзинщик толкнул Пуню, чтобы вырваться из ее цепких рук, а та его за это избила. Что мог поделать Чаудхри? Чтобы выпутаться из беды, ему оставалось только молча сносить сыпавшиеся на него удары. А тут еще, услышав истошные вопли Пунии, на место происшествия прибежал Хори. Увидев его, Пуния завопила еще громче, и Хори решил, что Чаудхри избил ее. Кровь его закипела. Он сразу забыл о высокой стене взаимной неприязни, которая выросла между ним и братьями после раздела хозяйства. Изо всех сил оттолкнув Чаудхри, он закричал:

— Если ты желаешь себе добра, Чаудхри, убирайся отсюда, не то убью. Кто ты такой, кем ты себя возомнил? Кто тебе дал право подымать руку на мою невестку?

Чаудхри, клянясь и божась, стал доказывать свою невиновность. Когда Пуния била его башмаком, он молча сносил все удары! За что же еще толкать и ругать его? Слезы катились по пухлым щекам Чаудхри. Да ведь он и пальцем не дотронулся до невестки Хори! Неужто он такой грубиян, что решится поднять руку на женщину из уважаемой семьи?

— Ладно, ладно, не пускай мне пыль в глаза! — недоверчиво протянул Хори. — Должно быть, ты ее чем-то обидел! Что ж она нарочно, что ли, плачет? Не думай, что

если ты богатый, так тебе все можно? Хоть мы и отдельно живем, все равно — одна кровь. Друг друга в обиду не дадим!

Пунию всю так и распирало от злости.

— Ты еще, пожалуй, скажешь, что не ударил меня, не сбил меня с ног? — визжала она. — А ну, поклянись именем своего сына!

Тут, наконец, о ссоре, разгоревшейся между Чаудхри и Пунией, услышал и Хира. Бросив пуры — большие кожаные бадьи, которыми достают из колодца воду, он схватил кнут и бросился к месту драки.

Хира славился на всю деревню своей вспыльчивостью и тяжелым характером. Роста он был невысокого, но крепко сложен и мускулист. Глаза его, выпуклые словно створки ракушек каури, сейчас от злости совсем вылезли из орбит, а на шее вздулись узлы вен. Но злился он не на корзинщика, а на Пунию. Зачем она ввязалась в драку с Чаудхри? Как посмела втоптать в грязь честь своего мужа? К чему ей было ссориться с корзинщиком? Ей надо было прийти к Хире и обо всем ему рассказать, а уж он бы сам поступил как нужно! Так нет же, полезла в драку с корзинщиком! Будь на то воля Хиры, он бы вообще держал Пунию взаперти. А тут она, не закрыв лицо, бранится с посторонним мужчиной! Этого Хира снести не мог. Насколько сам он был горяч и необуздан, настолько же **сильно** хотел держать в узде Пунию. Раз старший брат **продал** бамбук за пятнадцать рупий, так нечего ей и **совать**ся не в свои дела!

Прибежав на место происшествия, Хира схватил Пунию за руку, оттащил в сторонку и принялся угощать тумками, приговаривая:

— Вот тебе, подлая, вот! Не позорь меня! Не дерись другой раз с ничтожными людишками! Ты дерешься, а позор на чью голову? На мою? Отвечай?

Тут Хира угостил свою супругу затрещиной посильнее прежних.

— Мы там, у колодца, ждем не дождемся завтрака, а ты тут свару затеяла? Стыд совсем потеряла? В землю вобью!

Пуния в ответ визжала без умолку:

— Чтоб ты сдох! Чтоб тебя холера взяла! Чтоб тебя злой дух проглотил! Чтоб на тебя бог проказу наслал! Чтоб у тебя руки-ноги отсохли!

Первые ругательства Пунии не произвели на Хиру впечатления, но последние, как говорится, попали в цель. Если заболеешь холерой или еще какой-нибудь болезнью, то это не такая уж большая беда. Поболееешь-поболееешь, а потом, глядишь, и выздоровеешь. Но проказа! Она сулит ужасную смерть и еще более ужасную жизнь. При этих словах жены Хира совсем рассвирепел. Заскрежетав зубами, он накинулся на Пунию, схватил за волосы и принялся возить ее головой по земле, выкрикивая:

— Что я тогда буду делать, если у меня отсохнут руки и ноги? Ты, что ли, будешь воспитывать моих детей! Ты, что ли, справишься со всем хозяйством! Или выйдешь второй раз замуж, а на меня плюнешь?! Убью!!

Видя, как Хира истязает жену, даже корзинщик сжалился над Пунией.

— Хира, дорогой! Оставь ее, брось, с нее и этого хватит! — принялся он урезонивать Хиру. — Подумаешь, какая беда! Ну, ударила она меня, убыток невелик!

— А ты прикуси язык, Чаудхри, — пригрозил ему Хира. — Попадешь под горячую руку, тебе же худо будет! Все бабы вот так и сбиваются с пути. Нынче она с тобой лается, завтра с другим сцепится! Ты, к примеру, добрый человек, рукой махнул да в сторону отошел. А другой не стерпит, возьмет да отколотит ее! Как тут сохранить свою честь?

Эта мысль еще больше раздула злобу Хиры, и он было снова взялся за Пунию. Но тут подбежал Хори. Схватив брата за руки и оттащив его от Пунии, он сказал:

— Арэ, хватит! Мир уж видел, какой ты отважный храбрец! Ты что, хочешь ее в порошок растереть и без соли съесть?

В сердце Хиры еще было живо уважение к старшему брату. Одним движением он мог бы вырваться из рук Хори, но не посмел поступить так грубо. Взглянув на Чаудхри, он сказал:

— Ну, что глаза пялишь? Ступай, руби свой бамбук! Я согласен: по пятнадцать рупий, так по пятнадцать!

Пуния, заливаясь слезами, сидела на земле. Но тут она вскочила и со злобными рыданиями, колотя себя кулаками по голове, закричала:

— Подожги заодно и свой дом! Злодей! Ой, что мне делать? Ой, несчастная моя доля, за что я попала к такому бессердечному негодяю? Жги свой дом, разоряй!

Оставив на земле корзинку с завтраком, Пуния направилась было к своему дому, но Хира заорал ей вслед:

— Куда пошла, ведьма? А ну, ступай к колодцу, не то кровь выпущу!

Ноги у Пунии вдруг словно к земле приросли. Разыгрывать второй акт этого спектакля у нее не было ни малейшего желания. Не говоря ни слова, она подняла корзинку и, заливаясь слезами, поплелась к колодцу. За ней последовал и Хира.

— Не вздумай опять бить ее,— крикнул Хори.— Женщины от побоев всякий стыд теряют!

Но тут в дверях дома показалась Дхания.

— Что за невидаль ты там увидел? — напустилась она на мужа.— Говоришь ты красиво, только кто слушает твои наставления? Та самая невестка, которая вчера тебе в бороду плевала? Забыл, что ли? Если уж она в драку с чужим мужчиной полезла, так разве ее утихомиришь?

— А если я возьму, да и тебя так же побью? Что тогда скажешь?

— До сих пор ни разу не бил, а теперь избить захотел?

— Попробуй я тебя так же бить, ты бы из дому сбежала! А Пуния все терпит!

— О, о! Вон, оказывается, какой ты жалостливый! Давно ли синяки сошли у тебя с лица? Хира хоть и бьет жену, да зато любит. А ты ни бить, ни любить не умеешь. Одна я только и могу с тобой жить.

— Ну, ладно! Хватит! Слишком-то себя не расхваливай! Раньше, бывало, чуть рассердишься на меня, вмиг убежишь к родителям. Помню, целыми месяцами тебя улещивал, только тогда и возвращалась домой.

— Ты со мной потому и мирился, что прожить без меня не мог, дорогой мой! По нужде мирился, а не по любви.

— То-то, наверно, я тебя и расхваливаю каждому встречному!

В утреннюю пору супружеской жизни любовь расцветает, словно благоухающая роза, и своими золотыми лучами озаряет самые потаенные уголки сердца. Затем наступает полдень, а вместе с ним приходят жара и духота. Ввысь то и дело вздымаются вихри, раскаленное море колышется над землей. Золотой занавес любви раздвигается, и перед нами предстает действительность во всей ее неприглядной наготе. Потом приходит тихий,

спокойный вечер, несущий с собой покой и прохладу. И тогда мы, подобно утомленным путникам, забравшимся на высокую гору, куда не доносится снизу шум земной суеты, беспристрастно рассказываем друг другу о том, что нам довелось увидеть в пути.

— Как же, дождешься от тебя похвалы,— съязвила Дхания.— Чуть не заладится у меня работа, так ты меня живьем съесть готов!

— Не нравятся мне твои слова, Дхания! — с легкой укоризной отозвался Хори.— Зря ты так говоришь. Спроси хоть у Бхолы, что я ему о тебе рассказывал.

— Ступай-ка лучше погляди, не ведет ли Гобар коро-ву! — переменяла разговор Дхания.— Может, он с пустыми руками возвращается?

— Бхола — человек правильный, а вот сыновья у него непутевые. Боюсь, не затеяли бы они там чего.

К Хори подошел обливавшийся потом Чаудхри.

— Иди считай бамбуковые шесты, почтенный,— сказал он,— сейчас я погружу их на тележку и увезу.

Пересчитывать бамбук Хори не нашел нужным. Не такой человек Чаудхри, чтобы обманывать. А потом, если он и распилил какой лишний шест, так что из этого? К свадьбе бамбук, бывает, целый день на дрова рубят, а чтобы испечь мандо, печенье из пшеничной муки, бамбуковые шесты жгут целыми дюжинами.

Достав семь с половиной рупий, корзищик протянул их Хори. Хори пересчитал деньги.

— Давай еще,— сказал он Чаудхри,— двух с половиной рупий не хватает!

— Мы с тобой договорились о цене — пятнадцать рупий. Запомню, что ли? — сухо спросил Чаудхри.

— Не пятнадцать, а двадцать!

— Да ведь Хира при тебе сказал, что бамбук вы продаете по пятнадцати рупий за сотню! Придется, видно, позвать Хиру!

— Нет, Чаудхри, мы с тобой сошлись на двадцати рупиях. Эх, видно, твоя взяла! Только что ты ни говори— две с половиной рупии за тобой остаются. Отдай хоть две!..

Но корзищик не собирался больше, как говорится, «перекидываться комьями грязи». Чего ему было бояться? Рот Хори был замкнут на крепкий замок. Что можно сказать, когда и сам видишь, что остался в дураках?

— Неладно ты поступаешь, Чаудхри,— только и смог сказать Хори.— Все равно ведь на мои две рупии не сделаешься раджой!

— А ты? Ты-то станешь раджой, если утаишь от братьев эти несчастные гроши? — с горячностью ответил Чаудхри.— Ты честью своей готов был поступиться ради этих двух с половиной рупий, да еще меня на грех подбивал. Вот погоди, всем расскажу про это,— как тогда будешь людям в глаза глядеть?

Хори готов был сквозь землю провалиться от стыда. Чаудхри положил деньги перед ним на траву и отправился восвояси, а Хори, сидя в тени нима, долго еще раскаивался и сожалел о случившемся. Какой он, оказывается, жадный и корыстолюбивый человек! Только сегодня узнал он об этом. Отдай ему Чаудхри эти две с половиной рупии, ведь он был бы счастлив! Хвастаться стал бы своей ловкостью — вот, мол, палец о палец не ударил, а две с половиной рупии заработал! Нет, пока человек не споткнется и не расшибет себе ногу, он не станет ходить осторожней!

Во время их разговора Дхания зачем-то уходила в дом, а когда вышла, увидела лежащие на траве деньги. Пересчитав их, она спросила:

— А где остальные деньги? Сколько всего-то должно быть, десять?

Хори соорил кислую физиономию.

— Хира бамбук за пятнадцать рупий отдал. Что же я мог поделаться?

— Хира его и за пять рупий отдать готов, а нам продавать бамбук так дешево не расчет.

Хори старался упрятать как можно глубже в душе свою неудачу. Сейчас он был похож на человека, который тайком проник в чужой сад, влез на дерево манго нарвать плодов, но, сорвавшись, упал и теперь воровато оглядывается, отряхивая с себя пыль,— не заметил ли его кто-нибудь? Если вы добились успеха, то можете хвастаться своими проделками, тогда все прощается! Но если не повезет, остается только одно — сгорать от стыда.

Дхания принялась бранить мужа. Часто ли выпадает благословенный случай хоть немного подзаработать? Это же редкое счастье!

Хори был хитрее жены, но сегодня все козыри очути-

лись в руках у Дхании. Энергично жестикулируя перед носом Хори, она отчитывала его:

— Ну, конечно! Брат решил продать бамбук по пятнадцать рупий за сотню, а ты где был в это время? О Рам, Рам! ¹ Ты готов согласиться со всем, что тебе скажет твой любимый братец. А что с тобой было, когда Хира лупил твою любимую невестку! Ай, как горячо ты ввязался! Да если бы тебя тогда обобрали с головы до пят, ты бы, наверно, и то не почувствовал!

Хори слушал, не говоря ни слова. Он был раздражен до предела, душа его была полна злобы, кровь бурлила в жилах, глаза гневно сверкали. Он скрипел зубами, однако не мог возразить ни слова. Молча схватив мотыгу, он хотел уйти на работу в поле.

— Куда ты, разве сейчас утро?—крикнула Дхания, выхватив у него из рук мотыгу.— Кто ходит работать на поле в такую пору? Солнце самую макушку припекает. Ступай искупайся да одежонку постирай! Хлеб уже испекся.

— Не хочу я есть! — буркнул Хори.

Дхания еще раз «присыпала солью болевое место».

— Где уж тут проголодаться! Вон какой сладкой конфетой угостил тебя братец. Дай бог каждому такого доброго братца!

Тут Хори взорвало:

— Ты что хочешь, чтоб я и впрямь тебя отлупил? Сама напрашиваешься!

— Что же мне, бедной, делать? — Дхания с деланным сокрушением развела руками.— Ты ведь любишь меня так крепко, что у меня просто голова кругом идет!

— Выгнать меня из дому хочешь?

— Дом этот твой, хозяин в нем ты. А я тут кто такая? Могу ли я выгнать тебя из дому?

Нет, Хори сегодня никак не мог справиться с Дханией — разум у него словно помутился. Он не находил спасения от разящих стрел ее сарказма. Медленно поставив в угол мотыгу, Хори взял ангочхи и пошел купаться.

Вернулся он спустя полчаса, однако Гобара все еще не было. Разве сядешь без него обедать? «Наверно, пришел парень к Бхоле, да и заснул, — думал Хори. — А может, дочь Бхолы виновата, эта легкомысленная вдовушка

¹ О Рам — о боже.

Джхуния? Заболтался с нею, должно быть. Вчера он с Джхунии прямо глаз не сводил! Но если Бхола не дал Гобару коровы, тогда почему он все-таки до сих пор не вернулся?».

— Ну, чего ты стоишь? — окликнула его Дхания. — Гобар, видно, только к вечеру вернется.

Хори ничего не ответил, боясь, как бы Дхания снова не взяла его в оборот. Пообедав, он отправился отдыхать в тени нима.

Нагишом, в одной набедренной повязке, с растрепанными, торчащими во все стороны волосами, прибежала заплаканная Рупа и кинулась на грудь Хори. Оказывается, старшая сестра ей сказала: «Придет корова, кизяки из ее навоза лепить буду я!» Этого Рупа не могла перенести. Подумаешь, какая великая царица Сона! Хочет захватить весь навоз и одна лепить кизяки! А чем Рупа хуже? Сона, правда, печет хлеб, зато Рупа моет посуду. Сона ходит по воду, но разве Рупа не приносит к колодцу веревки? Зачерпнув полный кувшин воды, Сона вытаскивает его из колодца и несет домой. А кто сматывает веревку, кто тащит ее до самого дома? Конечно, Рупа! Кизяки они должны делать вместе. Сона ходит на работу в поле с мотыгой, а Рупа? Разве не пасет она козы? Могла ли Рупа вынести такую несправедливость?

Любуясь детской непосредственностью дочери, Хори сказал:

— Ладно, будешь и ты лепить кизячные лепешки. А если Сона подойдет к корове, ты ее прогони.

Рупа обхватила ручонками шею отца.

— Я сама и доить буду! — сказала она.

— Конечно, будешь! Если ты не подоишь корову, кто ж тогда будет ее доить?

— Корова будет моя!

— Ну да! Как только она придет, так сразу твоя и будет!

Рупа обрадовалась. Торжествуя свою победу, она побежала рассказать обо всем посрамленной Соне.

— Корова моя будет! Доить ее я буду, лепешки из навоза я делать буду! А тебе, Сона, ничего и не достанется!

В сущности Сона тоже была еще ребенком. По виду ее можно было принять за очень молоденькую девушку, но разум у нее был совсем еще детский. Юность, распускавшаяся как цветок, как бы влекла ее вперед, детство же

тянуло назад. Кое в чем она была настолько сдвуща, что даже девушки, окончившие школу, и те могли бы у нее поучиться, в другом — настолько неопытна, что дети и те знали больше, чем она.

Сона была довольно высокого для своих лет роста и отличалась своеобразной угловатой красотой: В глазах ее порой уже проскальзывало выражение недетской независимости. Но волосы Соны никогда не бывали смазаны маслом, глаза не подведены каджалом¹, на руках и ногах не сверкало ни одного браслета. Казалось, бремя хозяйственных забот уже раздавило ее расцветающую юность и превратило эту девушку в маленькую старушку.

Дав Рупе легкий позатыльник, Сона сказала ей:

— Ну и лепи свои кизяки! А когда ты корову подоишь и поставишь куда-нибудь кринку, я возьму да и выпью молока!

— А я буду держать кринку с молоком на замке!

— А я сломаю замок и выпью молоко!

Сказав это, Сона направилась в сад. Плоды манго уже почти спели и многие из них, сорванные порывами ветра, побитые при падении, раздавленные и пожелтевшие, лежали на земле. Но детишки думали, что это спелые плоды, и в поисках их постоянно рыскали по саду.

Рупа тоже увязалась за сестрой. Рупа, конечно, ни в чем не отстает от Соны! Все говорят о свадьбе Соны, а о свадьбе Рупы никто еще и словом не обмолвился. Поэтому Рупа сама рассказывала всем о своей будущей свадьбе — очень подробно: какой у нее будет жених, что он ей подарит, как он будет ее почитать, чем будет угощать, во что наряжать. А вдруг какой-нибудь мальчик послушает-послушает ее рассказы, да и захочет жениться на ней!

День подходил к концу. Хори так разлеился, что решил сегодня вовсе не ходить в поле. Он привязал быков к яслям, задал им корму, потом набил табаком свою трубку, закурил и погрузился в раздумье. «Если даже продать все, что удалось собрать с поля нынешним летом, то и тогда останется долг в три сотни рупий, — думал он. — Кроме того, за взятые в долг деньги нужно платить проценты, а их набралось уже около ста рупий». Пять лет назад он занял у Мангру Шаха шестьдесят рупий, чтобы купить быка.

¹ К а д ж а л — сажа, разведенная на масле, которой подводят глаза.

Эти деньги он уже выплатил полностью, но шестьдесят рупий набежавших за это время процентов попрежнему висят на его шее. Заняв тридцать рупий у пандита Дата Дина, он посадил было картофель. Весь картофель выкопали воры, а тридцать рупий за эти три года превратились в девяносто. Во время раздела ему пришлось занять сорок рупий у вдовы Дулари, что держит в деревне лавочку и торгует солью, керосином и табаком, и отдать эти деньги братьям. Эти сорок рупий тоже выросли чуть не во сто, потому что за каждую взятую в долг рупию надо было платить проценты—одну анну. Да и налог до сих пор еще полностью не выплачен. Осталось доплатить рупий двадцать пять. На подарок заминдару ко дню праздника Дашахра тоже нужно достать денег. Выручка за бамбук подвернулась как нельзя кстати — так что задача с подарком заминдару решена. Да вот вопрос: решена ли? Ведь, едва в руки тебе попадет хоть полрупии, вся деревня уже шумит об этом, и со всех сторон на тебя, словно коршуны, набрасываются ростовщики. Эти пять рупий, вырученные от продажи бамбука, он истратит на подарок заминдару, он сделает это непременно, что бы там ни случилось. Но главные жизненные задачи так и оставались нерешенными, они-то и занимали сейчас все мысли Хори. Сколько ни экономь, как ни жмись, а на свадьбы Гобара и Соны надо будет доставать не меньше трех сотен рупий. Где их достанешь? Как бы хорошо было, если бы не надо было брать в долг ни одной пайсы и если бы удалось выплатить все долги ростовщикам! Однако, сколько ни страдай, хоть в нитку вытягивайся,—скинуть с шеи петлю долгов невозможно. Проценты все нарастают и нарастают, и когда-нибудь весь дом Хори со всем скарбом будет продан с молотка, а дети его, обнищав, станут ходить по миру, выпрашивая подаяние.

Стоит Хори хоть на минуту остаться без дела и закурить трубочку, как подобные мысли черной стеной окружают его со всех сторон, и он не в силах найти лазейку, чтобы ускользнуть от них. Одним только и можно утешаться — не один он так бедствует. Все крестьяне в таком же положении, а многие живут и еще хуже. Три года прошло с тех пор, как отделились Хира и Собха, однако оба они уже успели задолжать по четыре сотни рупий. Джхингур выходит работать в поле с двумя плугами, но долгу на нем висит больше тысячи. В доме у почтенного

Джиявана такая нищета, что нищему подать нечего, а долги все растут и растут и не видно им конца. Кто в деревне избежал этой участи?

Но вот примчались Сона и Рупа и разом выпалили новость:

— Брат корову ведет! Впереди идет корова, а за ней— брат!

Гобара первой заметила Рупа, и честь сообщить новость отцу должна была бы по праву принадлежать ей, а тут приходилось делить ее с Соной.

— Я первая увидела брата,— сказала она, выступив вперед,— и тут же побежала сюда, а Сона увидела его после меня!

Но Сона не согласилась с сестрой.

— Да ты и не заметила брата! — сказала она. — Ты говорила: «Вон какая-то корова идет сюда». Брата первой увидела я!

Обе побежали обратно к саду — встречать корову. А Дхания и Хори спешно принялись готовить для коровы место.

— Давай поскорей вкопаем корыто в землю! — суетился Хори.

Лицо Дхания сияло счастьем.

— Сначала надо будет насыпать в тарелку немного муки и добавить разведенной патоки. Бедняжка вон по какой жаре шла! Должно быть, пить хочет — страшно! Иди вкопай корыто, а я тем временем патоку разведу!

— Тут где-то колокольчик валялся, надо бы его найти да привязать ей на шею.

— Куда Сона девалась? Пускай сбегает в лавку вдовы Дулари за каладора¹. Не дай бог сглазят корову злые люди! Наконец-то исполнилась моя мечта! — вырвалось у Дхания.

Свою безмерную радость Дхания тщетно пыталась спрятать в глубине души. «Как бы вслед за этим долгожданным счастьем не пришла в дом какая-нибудь беда!» — тревожно подумала она. При одной мысли об этом сердце Дхания трепетало, как птичка, попавшая в силочку. Подняв глаза к небу, она сказала:

¹ К а л а д о р а — амулет, с помощью которого, по верованию индусов, можно предотвратить «порчу» или влияние «дурного глаза».

— Если уж вместе с коровой пришло к нам в дом счастье, так пусть оно будет долгим и полным! Да смилуетсь над нами всевышний!

Казалось, Дхания и самого бога хотела обмануть; хотела показать ему, что не так уж рада она приходу коровы. А то как бы завистливый и злобный бог не послал какой-нибудь новой беды, которая перетянет чашу с ее счастьем!

Дхания еще замешивала муку, когда, окруженный стайкой ребятишек, с коровой на поводу, в воротах появился Гобар. Хори кинулся к корове и обнял ее за шею. Дхания, бросив мешать муку, торопливо оторвала от свего старого сари черную кайму и повязала ею шею коровы.

Хори смотрел на корову глазами, исполненными благоговения, словно в дом его вступило воплощение великой богини. Небу было угодно, чтобы именно в этот день его дом был осчастливлен приходом матери-коровы¹. Какое великое счастье выпало ему на долю, какой завидный жребий! За какие только добрые дела?

— Чего ж ты стоишь-то? — всполошилась вдруг Дхания. — Иди вкопай для нее корыто во дворе!

— Во дворе? Да там и места для него не найдешь!

— Места сколько угодно.

— Я поставлю корыто на улице.

— Не сходи с ума! Или не знаешь, что за народ живет в деревне?

— А ты никогда не лезь в дела, в которых не смыслишь. Без тебя знаю, что делать!

По правде говоря, Хори не успел еще как следует прийти в себя и не знал, что делать. Корова была для него не только объектом поклонения, но и живым богатством, которым он хотел украсить и возвеличить свой дом. Он страстно желал, чтобы, увидев привязанную к его воротам корову, люди стали спрашивать: «Чей это дом?» И чтобы им отвечали: «Почтенного Хори!» Посмотрят на корову отцы, у которых дочери на выданье, — сразу задумаются. А запри он корову во дворе, кто ее там увидит? Дханию же мысль эта приводила в ужас. Будь она в силах, она бы держала корову за семью замками. Если бы корова могла

¹ Корова у индийцев с древнейших времен считается священным животным. В индийской литературе очень часто образ коровы выступает как олицетворение нежности и материнской любви.

оставаться в хлеву все двадцать четыре часа в сутки, Дхания ни разу не выпустила бы ее на улицу!

Обычно Хори удавалось настоять на своем, и Дхании волей-неволей приходилось отступать. Но сегодня он сам отступил перед женой по всем линиям. Дхания была охвачена воинственным пылом. Гобар, Сона, Рупа — словом, все дети были на стороне Хори, однако Дхания одна справилась со всеми. Сегодня она была полна необычайной решимости, в то время как Хори, наоборот, сделался на редкость уступчивым и послушным.

Только разве убережешь корову от постороннего взгляда? Не в закрытом же паланкине прибыла она в деревню! Мыслимое ли это дело, чтобы в деревне произошло такое большое событие и не собралась целая толпа?

Услышав новость, каждый бросал все свои дела и бежал поглядеть на корову. Ведь это не какая-нибудь простая деревенская корова — она у Вхолы куплена, за восемьдесят рупий! — говорили люди. Только откуда у Хори такие деньги? Наверно, купил ее не больше чем за пятьдесят или шестьдесят рупий! Но в истории деревни даже появление коровы в пятьдесят—шестьдесят рупий и то было почти невероятным делом. Быки — дело другое! За быка давали пятьдесят рупий, а иной раз и все сто. Но какой крестьянин мог отдать такие деньги за корову? А жить на что? Подобные покупки под силу только гвала¹, которые деньги горстями загребают! Такая корова! Воплощенные богини!

К дому Хори один за другим потянулась целая вереница зевак и ценителей. Хозяин встречал и приветствовал гостей. Никогда еще не был он так благодушно настроен и так счастлив, как в этот день.

Опираясь на палку, пришел семидесятипятилетний старик пандит Дата Дин и прошамкал беззубым ртом:

— Где Хори? Мне, старику, тоже хочется поглядеть на корову. Уж больно, говорят, красива!

Хори поспешил навстречу пандиту джи, поклонился ему в ноги и, преисполненный гордой радостью, с почтением повел его к себе во двор. Пандит дотошно обследовал корову своими старческими многоопытными глазами, осмотрел у нее рога и вымя, ощупал мышцы. Глаза его,

¹ Г в а л а — держатель коров, торговец молочными продуктами.

прятавшиеся под густыми седыми бровями, вспыхнули вдруг по-молодому. Повернувшись к Хори, он сказал:

— Ни единого изъяна нету, брат! По всем статьям хороша. Коли будет на то воля богов— в твоём доме отныне поселится счастье. Так хороша, что просто удивление! Гляди только, корми ее как следует! Каждый ее теленок не меньше сотни стоит будет.

Хори, душа которого была полна блаженства и радости, ответил:

— Все благодаря вашим милостям, дада!

Дата Дин выплюнул изо рта бетельную жвачку.

— При чем тут моя милость, сынок? Все от богов. Все, что есть хорошего,— дары богов. Наличными заплатил?

Вот тут Хори и совершил непростительную глупость. Но как же мог он упустить такой великолепный случай щегольнуть своим богатством, хотя бы и в присутствии заимодавца? Если уж мы задираем нос, стоит нам только напялить новую городскую шляпу, которой красная цена полрупии, если мы чувствуем себя на седьмом небе, когда нам удастся немного прокатиться в городском экипаже, так могла ли не закружиться голова у Хори, которому привалило этакое счастье? И он сказал:

— Эх, махарадж! ¹ Не такой уж он добрый человек, этот Бхола! Пришлось наличными заплатить все сполна, до последней пайсы!

Хори, конечно, сваял дурака, расхваставшись в присутствии ростовщика, однако на лице Дата Дина не отразилось никаких следов недовольства. От его старых потускневших глаз, в которых мерцала мудрость многих десятков лет, не могла укрыться невольная ложь Хори.

— Ничего, сынок, ничего! — с довольным видом проговорил Дата Дин. — Ты не прогадал! Бог все уладит к лучшему. Теперь у вас, что ни день,— серов пять молока будет, не считая того, что придется оставлять теленку. Верно ведь?

— Э, нет, нет, махарадж! — тотчас же вступилась Дхания. — Откуда это наберется столько молока? Не такая уж она молодая, корова-то! А потом, где мы возьмем для нее столько корму?

Отдавая должное проницательности Дхании, Дата Дин бросил на нее загадочный взгляд, словно говоря:

¹ Ма х а р а д ж — буквально «великий царь», употребляется также как титул при почтительном обращении к брахманам.

«Вас, хозяек, разве проведешь? Похвальба — дело мужское, ну и не мешай, пускай похвастается!» Затем Дата Дин продолжал прежним тоном:

— Не вздумай ее на улице оставлять, слышишь?

Дхания бросила на мужа торжествующий взгляд: «Что, слышал? Разве я была не права?»

— Нет, нет, махарадж! — сказала она Дата Дину. — С какой стати оставлять ее на улице? Дал бы только бог, а на нашем дворе еще трем коровам место найдется!

Поглазеть на корову собралась вся деревня; не пришли только Хира и Сохба — родные братья Хори. А ведь в сердце Хори еще оставалось местечко и для братьев. Если б они полюбовались коровой, порадовались вместе с ним на нее, Хори был бы счастлив вполне. А сейчас в сердце его начала закрадываться тревога.

— Ни Сохба не пришел, ни Хира, — с испугом сказал он Дхании. — Наверно, не слышали.

— А их никто и не звал сюда! — отозвалась Дхания.

— Ничего ты в этом не смыслишь! Только и знаешь, что бранишься! Если уж бог послал нам такое счастье, так нужно быть тише воды, ниже травы. В тысячу раз приятней услышать доброе пожелание от родных братьев, чем от чужих людей. Родные-то братья, будь они хоть во сто раз хуже других, все-таки родные братья. Мало ли что бывает в семье? Но кровь-то у нас троих одна в жилах! Надо бы позвать, показать им корову, а то еще скажут, пожалуй: «Купил, мол, корову, а братьям ни слова не сказал».

— Тысячу раз тебе говорила: не хвали ты при мне своих братьев! — с раздражением проговорила Дхания. — Как услышу про них, так меня прямо трясет! Вся деревня слыхала, а они, видите ли, не слышали! Может, они живут далеко? Вся деревня пришла посмотреть на корову, одни они не удосужились! Как же, придут они! Обоих небось злоба душит: подумать только — у брата в доме корова завелась! Завидуют небось, на чужое добро глядя!

Пришло время зажигать лампу. Дхания заглянула в бутылку, но керосину там не оставалось ни капли. Захватив бутылку, Дхания отправилась за керосином. Будь у нее деньги, она послала бы Рупу. Но теперь товары в лавке приходилось брать в долг и для того, чтобы хоть что-нибудь получить, нужно было каждый раз идти самой и упрашивать лавочницу.

Оставшись один, Хори подозвал Рупу, посадил ее к себе на колени и, приласкав, сказал:

— Сбегай-ка, дочка, погляди, пришел дядя Хира или нет. К дяде Собхе тоже зайди. Скажи им, папа вас к себе зовет. А станут отказываться, схвати их за руку и тащи сюда.

— Младшая тетя меня всегда ругает! — захныкала Рупа.

— А зачем тебе ходить к ней? Жена дяди Собхи, та ведь жалеет тебя!

— Дядя Собха дразнится, говорит... нет, не скажу!

— Что же он тебе говорит?

— Дразнится...

— Как же он тебя дразнит?

— Говорит: «Я для тебя крысу поймал, ступай возьми ее, поджарь и съешь!»

Хори невольно рассмеялся.

— А ты бы сказала: «Нет! Сначала ты съешь немножко, а потом я».

— Мама не велит, говорит: «Не смей к ним ходить».

— А ты чья дочка — мамина или папина?

Рупа обхватила ручонками шею отца.

— Мамина! — сказала она и залилась смехом.

— Раз так — слезай живо с моих колен. Больше не стану угощать тебя из своей тарелки!

В доме была одна-единственная, расписанная цветками тарелка. Во время обеда ее всегда ставили перед Хори, и Рупа обычно подсаживалась к отцу, чтобы есть из этой тарелки. Как же могла она вдруг отказаться от такой чести?

— Твоя дочка, твоя! — поспешно согласилась Рупа.

— А кого слушаться будешь — меня или маму?

— Тебя.

— Тогда ступай и приведи Хиру и Собху.

— А мама не заругается?

— Откуда ж она узнает?

Успокоившись, Рупа вприпрыжку направилась к дому Хиры.

В сеть вражды попадают только большие рыбы, а маленькие либо проскальзывают сквозь ее ячейки, либо, коснувшись сети, спешат уплыть куда-нибудь подальше. Для них смертоносная сеть — игрушка, не внушающая страха. Хори не разговаривал с братьями, но Рупа

то и дело бывала у них. Кто же станет враждовать с детьми?

Но на этот раз не успела Рупа пробежать и полдороги, как наткнулась на Дханию, которая возвращалась из лавки с керосином.

— Ты куда так поздно бежишь? — спросила она Рупу. — А ну-ка, живо домой!

Рупа не удержалась и, чтобы задобрить мать, рассказала ей обо всем.

— Ступай обратно! — приказала ей Дхания. — Звать никого не надо!

Схватив Рупу за руку, она привела ее домой и сказала Хори:

— Тысячу раз я тебе говорила — не смей к ним посылать мою дочь. Неужто нам с тобой надо лизать пятки каждому, с кем мы не в ладах? Мало тебе, видно, от них досталось...

Хори, который в это время возился с корытом, выслушал жену молча.

— И что ты злишься, скажи мне? — наконец, проговорил он, растирая между пальцами ком земли. — Слушать тошно! Бреешь на ветер, как слепая собака, а ведь все зря!

Затевать ссору Дхании не хотелось. К тому же она была занята: ей нужно было налить керосин в маленькую, обшитую кожей лампу. Да и Рупа уже убежала к другим детям.

Было уже далеко за полночь, когда Хори вкопал, наконец, корыто в землю и насыпал в него соломенной сечки. Корова лежала, понутив голову, точь-в-точь, как невестка, которую только что привели в дом свекра. В корыто она и не заглянула. Хори и Гобар, поужинав, принесли ей по ломтю хлеба, но корова его даже не понюхала. Ничего удивительного в этом не было — животные ведь тоже горюют, когда их разлучат с родным хлевом.

Хори сел на кровать, стоявшую во дворе, закурил трубку, и ему снова вспомнились братья. Нет, так делать не годится, — думал он. В такой благословенный день, как сегодня, ему нельзя обойти братьев. Сегодня Хори был богат и полон великодушия. Что ж такого, что он разделся с братьями? Он им не враг! Приди эта самая корова тремя годами раньше, все трое были бы ее равноправными хозяевами. А когда корова отелится и начнет давать

молоко, неужто он не пошлет в подарок братьям молока или простокваши? Конечно, пошлет. Пусть братья обошлись с ним плохо, но зачем отвечать им тем же? Пора уже кончать эту распрю!

Прислонив свой наряд — трубку, выточенную из косового ореха, — к ножке кровати, Хори направился к дому Хиры. Кстати в той же стороне был и дом Собхи.

Перед тем как лечь спать, братья сидели каждый у порога своего дома. Было уже довольно темно, и ни один из них не заметил Хори. Они о чем-то разговаривали. Хори остановился и стал прислушиваться — разве найдется на свете хоть один человек, который откажется послушать, что о нем говорят?

— Пока мы вместе жили, — говорил Хира, — козу и ту купить не могли. А нынче он вдруг приводит себе хорошую, дорогую корову! Ну да ладно! Человек, который утаил долю братьев, все равно не разбогатеет!

— Зря ты на него наговариваешь, — отвечал ему Собха. — Брат нам про каждую пайсу говорил. Никогда не поверю, чтобы он мог припрятать хоть монетку из тех денег, которые мы заработали вместе.

— Хочешь верь, хочешь нет, только корова эта куплена на деньги еще из нашего общего заработка.

— Напраслина это! Зачем зря чернишь человека?

— Ну, хорошо! Тогда скажи мне — откуда у него денежки? С неба, что ли, свалились? Земли у нас столько же, сколько у него, урожай мы снимаем такой же, так почему же у нас с тобой и каури на саван нет, а он приводит домой корову?

— Должно быть, в рассрочку купил.

— Не такой Бхола человек, чтобы продавать в рассрочку!

— Что там ни говори, а корова — сущая красавица. Я видел, как Гобар вел ее по дороге.

— Нечестно нажитое добро как придет, так и уйдет. Даст бог, не долго она останется у него в доме!

О чем еще говорили братья, Хори не слушал. Он пришел к братьям с открытой душой, заставив себя позабыть все прошлые обиды. Но слова их были страшным ударом! Они ранили его в самое сердце, не оставив в нем места ни для братских чувств, ни для братской любви.

Одно мгновение Хори хотел было сразу ответить на эту ложь, но потом сдержался, опасаясь скандала. Совесть

у него чиста, и никто не может ему повредить. Перед богом он неповинен, а до других ему дела нет!

Хори поспешно вернулся домой и снова принялся сосать не успевшую еще погаснуть трубку. Но отравы горькой обиды уже проникла в него и теперь разливалась по всем жилам. Он сделал попытку заснуть и не смог — сон бежал от него. Хори сходил к быкам, погладил их, потрепал по холкам, и ему стало чуть-чуть полегче. Потом он снова набил трубку; однако она не доставила ему никакого удовольствия. Горечь обиды, словно яд, парализовала все его чувства. Казалось, он напился пьяным. В его одурманенной голове снова и снова с непостижимым упорством проносились одни и те же слова, обрывки фраз. Мысли его, которые обычно текли плавно, словно спокойная река, вдруг ринулись стремительным потоком в одном направлении. Горько было сейчас Хори!

В таком ужасном состоянии он вошел во двор. Ворота, как он открыл их, отправляясь к братьям, так и оставались распахнутыми настежь. В одной стороне двора спала на циновке Дхания, в обнимку с Соной, а Рупа, которая обычно ложилась в постель, едва наступал вечер, сегодня все еще стояла возле коровы и поглаживала ей морду. Внезапно Хори подошел к корове, отвязал ее от колышка и направился к воротам. Он сейчас же отведет ее обратно и отдаст Бхоле! Решение его было бесповоротно. Разве может он держать у себя на дворе корову, если на его голову обрушился такой позор? Нет, ни за что!

— Куда ты повел ее ночью-то? — проснувшись, спросила Дхания.

Хори, сделав еще шаг, ответил:

— К Бхоле. Верну корову.

Дхания была ошеломлена. Вскочив с постели, она загородила Хори дорогу.

— Что это ты надумал? Неужто затем и привел ее сюда, чтобы потом возвращать?

— Теперь только это и осталось.

— Да почему? Что случилось? Когда привел корову, так радовался! А сейчас уводишь? Деньги, что ли, Бхола потребовал?

— Да нет! Откуда ему здесь взяться!

— Что же тогда стряслось?

— А тебе легче будет, если узнаешь?

Подскочив к Хори, Дхания вырвала из его рук веревку. Острый ум ее все постиг в одно мгновение: так сокол хватает на лету птицу.

— Если братьев своих боишься, ступай в ножки им поклонись! — закричала она. — А я никого не боюсь! Если у них душонки лопаются от досады при виде нашей удачи, так мне до этого дела нет — пускай лопаются!

— Тише ты, тише! Ну что раскричалась, махарани? ¹ — умоляющим голосом просил ее Хори. — Услышит кто, скажет — ночь уж на исходе, а они все воют! Своими ушами слышал я... Знаешь, какой разговор по деревне пошел? Будто я присвоил деньги братьев, когда делился с ними. Дескать, обманул братьев и на эти деньги купил корову!

— Должно быть, это Хира болтает?

— Вся деревня говорит, зачем на одного Хиру валить?

— Вся деревня ничего не говорит, один только Хира говорит! Я вот сейчас пойду спрошу его, много ли денег оставил всем вам ваш отец, когда умер? От нас братья твои одно добро видели, а мы от них — одно зло. Мы всю жизнь свою ради них загубили, вспоили их, вскормили, в люди вывели, а теперь мы же и виноваты! Ладно, веди корову со двора, если хочешь на весь свет дураком прослыть! Значит, мы деньги припрятали, скрыли их от твоих братьев, посреди поля закопали? Так, что ли? Ну и ладно! Я теперь всем буду говорить, что сама целый горшок с золотыми мохрами ² закопала! Пусть что хотят, то и делают и Хира, и Собха, и весь свет! Неужто мы не имеем права копить деньги? Разве не женили мы обоих братьев? Разве не дали места их женам в своем доме?

Хори топтался на месте, не зная, что делать. Выхватив у него из рук веревку, Дхания привязала корову к колу и направилась к воротам. Хори хотел было остановить ее, но она уже успела выскочить на улицу, а Хори где стоял, там и сел, схватившись руками за голову. Задержать он ее хотел потому, что понимал, какая может сейчас завариться каша. Он отлично знал, на что способен Дхания, когда разъярится, — в гневе она словно теряет разум, и тогда, хоть режь ее, хоть бей — она ничего не

¹ Ма х а р а н и — буквально «великая царица»; супруга махараджи; здесь почтительное обращение.

² М о х р — старинная золотая монета достоинством в шестнадцать рупий.

почувствует. Да и Хира тоже хорош — буян каких мало. Ударит Дханию — быть тогда великой беде! Впрочем, нет, Хира не так уж глуп. «И зачем только я раздул этот костер!» — думал Хори, начиная злиться на самого себя. Затаи он все это в своей душе — разве началась бы такая кутерьма?

Вдруг до ушей его долетел рев Хиры, а потом сердце пронзил визг Пунии. Хори вспомнил о Гобаре и кинулся к его кровати. Но Гобара на ней не было. Беда пришла, великая беда! Гобар, должно быть, тоже туда помчался. Кровь у него молодая, горячая, один бог знает, что он там может натворить! Хира небось думает: «Сам прийти не посмел, так прислал ругаться эту ведьму». Но как он мог пойти туда?

С каждым мгновением шум и крики становились все громче. На ноги поднялась вся деревня. Можно было подумать, что где-то загорелся дом и люди, повскакав с постелей, бегут сломя голову тушить пожар.

До сих пор Хори еще сдерживался, но теперь он дал полную волю своим чувствам. Сердце его переполнила злоба на Дханию. Зачем она затеяла эту свару? Мало ли о чем говорят люди в стенах своего дома? Пока человек не бросил тебе обвинения прямо в лицо, он все равно что ничего не сказал!

Крестьянской душе Хори была противна сама мысль о таком скандале. Во сто крат лучше было бы молча вытерпеть все и похоронить горе в глубине души, чем затевать ссору! — думал он. — Чего доброго еще драка начнется, полицейские прибегут! Ходи потом связанный по рукам и ногам, кланяйся, умоляй, по судам околачивайся, а хозяйство тем временем пойдет прахом! Над Хирой он не властен, но Дханию можно оттащить силой. Тогда все дело кончится в худшем случае перебранкой. Дня два-три позлобствуют, зато удастся избежать самого страшного — вмешательства полиции.

И вот Хори отправился к дому Хиры и притаился там за углом ограды. Он был похож сейчас на полководца, который хочет подробно разузнать обстановку, прежде чем появиться на поле брани. Если победа клонится на сторону Дхании, тогда ему и вмешиваться незачем. Но если ее одолевают, тогда и он ринется в бой!

Осторожно выглянув из-за угла, Хори увидел, что возле дома Хиры собралась добрая сотня народу! Пандит

Дата Дин, Лала Патешвари, оба тхакура¹ — все полновластные хозяева деревни и вершители ее судеб тоже явились на место происшествия. Пока что дело складывалось далеко не в пользу Дхании. Своей горячностью и грубостью жена Хори сама восстанавливала против себя всех присутствовавших. Спорила она неумело. До крайности озлобленная, она так ругалась и обзывала противника такими словами, что мало-помалу теряла сочувствие зрителей.

— Глядя на нас, желчью исходишь?! — неистовствовала Дхания, наступая на Хиру. — Лопнуть готов от зависти?! Вспоили тебя, вскормили, человеком сделали, а ты вот как за это отплатил! Да если бы не мы, ты бы сейчас ходил побирался, угла бы своего не имел!

Слова Дхании показались Хори излишне жестокими. Если уж на то пошло, вырастить братьев было его святой обязанностью. Ведь он распоряжался и той частью имущества, которая принадлежала им. Как же он мог о них не заботиться? Разве не опозорил бы он свое имя, поступив иначе?

— Нам жизнь не в жизнь была! — кричал в ответ Хира. — В доме у тебя мы как собаки объедки жрали, работали день и ночь. Ни детства, ни юности у нас не было! Одно только знали, что целыми днями сухой навоз собирали, и за все это ты, бывало, куска хлеба не дашь без того, чтобы раз десять им не попрекнуть! Попали мы к тебе, чертовке, на воспитание, так ты нам всю жизнь отравила!

Дхания рассвирепела еще больше:

— Придержи язык, а не то вырву его у тебя из глотки! Это твоя жена чертовка, что вертит тобой как хочет! Кровопийцы неблагодарные!

— К чему такие грубые слова, Дхания! — вмешался Дата Дин. — Долг женщины терпеть и страдать. Ну что ты с этим дурнем связалась!

— На слова нужно словами отвечать, а не лаяться! — поддержал его патвари² Лала Патешвари. — Что верно, то верно — ты его вспоила и вскормила. А о том, что все это время его доля имущества у тебя в руках была, ты забыла?

¹ Т х а к у р — деревенский староста; землевладелец.

² П а т в а р и — сельский счетовод; писарь, глава сельской администрации.

Дхания решила, что все до единого хотят ее унижить. Этого было достаточно. Теперь она готова была ругаться со всеми подряд.

— Постой, постой, Лала джи! Я тут всех знаю. Вот уж двадцать лет, как я живу в этой деревне, и про каждого могу сказать, кто чем дышит! По-твоему, я ругаюсь, да? А у него что, изо рта цветы, что ли, сыплются?

Лавочница Дулари подлила масла в огонь:

— Ну и длинный же язык у этой женщины! С мужчинами лезет драться! Один только Хори и может с ней жить. Другой и дня бы не вытерпел!

Если бы Хира отступил в этот миг, победа осталась бы на его стороне. Но, озлобленный руганью Дхании, он вышел из себя. Видя, что все присутствующие теперь на его стороне, он словно тигр бросился в драку.

— Пошла вон с моего двора, пока я тебя башмаком не пристукнул! — заорал он во все горло. — Я тебе все волосы выдеру, ведьма этакая! Ишь разоралась! На сына своего ори, поганца! Ах ты!..

Тут чаша терпения Хори переполнилась и кровь забулжила в его жилах. Казалось, что в бочку с порохом попала искра. Выбежав вперед, он крикнул:

— Хватит, наслушались вас! Замолчи, Хира! И ты, Дхания, перестань ругаться! Что мне делать с этой женщиной? Все несчастья на меня только из-за нее и валятся! Словно кто ее за язык дергает!

Теперь гром и молния со всех четырех сторон обрушились на Хиру. Дата Дин обозвал его бесстыдником. Патешвари — бандитом, Джингури Сингх — шайтаном, Дулари — беспутным сыном и т. д. и т. п. Одно бранное слово Хиры склонило чашу весов на сторону Дхании, другое грубое слово унизило самого Хиру, а рассудительная речь Хори довершила его разгром.

Хира опомнился. Теперь вся деревня была против него, и ему оставалось только одно: молчать. И хотя озлоблен он был до последней крайности, у него хватило на это ума.

Дхания же рассвирепела еще больше.

— Послушай, что братец твой говорит! — обернулась она к Хори. — А ты все о них плачешься! И это называется братья? Не приведи бог иметь таких братьев! Он меня башмаком бить хочет... Вспоила, вскормила!

— Опять вздор понесла?! — грозно прикрикнул на нее Хори.— Ступай домой!

Дхания уселась на землю и сказала плачущим голосом:

— Вот изобьет он меня башмаком, тогда и пойду! Погляжу, какой он храбрец! И где только Гобар? Когда он только в силу войдет! Смотри, сынок, мать твою башмаками лупят!

Своими жалобами Дхания еще больше распаляла себя и раздувала злобу Хори. Огонек вырастал в бушующее пламя. Смущенный Хира попятился. Пуния тащила его за руку в дом. Вдруг Дхания, словно тигрица, кинулась на Хиру и, толкнув его с такой силой, что он опрокинулся на землю, закричала:

— Куда бежишь? Бей меня башмаком, бей! Погляжу, какой ты храбрец!

Но тут к ней подскочил Хори. Он схватил Дханию за руку и поволок ее в сторону своего дома.

ГЛАВА ПЯТАЯ

А Гобар в это время был далеко. Едва поужинав, он снова отправился в деревню ахиров.

Сегодня у него с Джхунией состоялся важный разговор. Когда он возвращался с коровой домой, Джхуния пошла его проводить. Разве мог Гобар один довести корову? Ведь она бы и не послушалась чужого человека!

Когда они немного отошли от деревни, Джхуния бросила на Гобара пытливый взгляд и спросила:

— Ну, будешь ты теперь приходить ко мне?

Еще вчера Гобар был мальчиком-подростком. Почти все молодые женщины его деревни приходились ему либо сестрами, либо невестками. Сестры есть сестры, о них и говорить нечего. Вот невестки, те, конечно, порой шутили и заигрывали с ним, но делали они это только так, смеха ради. В их глазах Гобар был совсем зеленым юнцом. Молодость его только расцветала, и они еще не могли воспользоваться ее плодами. Но теперь юность его созрела. Смелый призыв Джхунии, шуточки невесток словно ускорили процесс его созревания. Подобно тому как слабый шорох листьев будит чутко спящего зверя, так и они разбудили созревшую юность Гобара. На вопрос Джхунии он ответил с полной откровенностью:

— Когда у нищего есть надежда, что ему подадут, он готов стоять возле двери весь день и всю ночь.

— О, да ты, я вижу, себе на уме! — насмешливо заметила Джхунья.

Гобар почувствовал, как сердце часто забилося у него в груди. Он сказал:

— Когда голодный человек протягивает руку, то его нужно пожалеть и дать ему что-нибудь.

— Да, но разве может насытиться нищий, если не обойдет с десяток домов и не постоит возле каждой двери? — возразила Джхунья. — На таких людей смотреть тошно, — продолжала она свои рассуждения. — Недаром они вместо милостыни слышат порой одну только брань! Ну, а нищий, что сам-то он может дать? Ничего, кроме благословения. Да и что толку с его благословений!

Однако до Гобара не сразу дошел смысл сказанного Джхунией. В таких вещах он еще не разбирался. Другое дело — Джхунья. Она стала носить молоко хозяевам на дом, когда была совсем еще молоденькой девушкой. После того как ее выдали замуж и она попала в дом свекра, ей также приходилось разносить молоко. Да и теперь обязанность доставлять кислое молоко клиентам лежала на ней. Поэтому за свою жизнь она успела повидать немало людей и научилась в них разбираться. Жизнь ее была сейчас нелегка. Иногда несколько рупий перепадало и на ее долю, иногда бывали мгновения, когда она чувствовала, как радостно бьется ее сердце. Но радость эта была словно взята взаймы: ей не на что было надеяться, не на что рассчитывать, — она не принадлежала самой себе. Сердце Джхунии было полно мечтами о настоящей любви, ради которой стоило бы жить и умереть. Ради такой любви она готова была пожертвовать всем. Джхунья хотела, чтобы жизнь ее озарял яркий свет факела, а не тусклое мерцание свечечков. Но при всем этом она хорошо разбиралась в делах и умела вести хозяйство. Расчетливый крестьянский ум властвовал над всеми порывами ее пылкой души.

— Но если нищего досыта накормят у одной двери, то зачем ему идти к другой? — с надеждой спросил Гобар.

Джхунья снисходительно взглянула на него. «Вот проstack! — подумала она. — Ведь он, кажется, и в самом деле ничего не понимает!»

— Разве может насытиться нищий лишь тем, что ему подадут в одном месте,— сказала она.— Ведь он получает только щепоточку. Ты получишь все сполна только тогда, когда сам отдашь все, что имеешь.

— А что у меня есть, Джхуня?

— Это у тебя-то ничего нет? Да у тебя есть для меня то, чего нет даже у богачей. Нечего просить у меня милостыни. Ты можешь купить меня.

Гобар с изумлением посмотрел на свою спутницу.

— И знаешь, какую цену тебе придется уплатить? — снова заговорила Джхуня.— Ты должен всегда оставаться верным мне. И если я замечу, что ты тянешься к другой, я прогоню тебя.

Наконец, Гобару показалось, что он нащупал во мраке то, что давно искал. Волна радости пробежала по всему телу. И одновременно сердце его сжалось от какого-то неясного страха. Но как же все это будет? — подумал он. Взять Джхуню к себе — это все равно, что привести в дом наложницу. Как он будет с ней жить? Община этого не потерпит. Вся деревня будет осуждать его, все станут его врагами. А мать? Да она Джхуню и на порог не пустит! Но вот ведь сама-то Джхуня — женщина, а ничего не боится! Как же может проявлять трусость в таком деле он, мужчина? Конечно, многие отвернутся от него... Ну и пусть! Он будет жить с ней отдельно от всех. Где еще найдешь такую, как Джхуня? Какая она хорошая, какая умная! Разве Джхуня не видит, что он вовсе недостоин ее? И все-таки она его любит, согласна стать его женой. Пусть даже односельчане выгонят их из деревни! Ну и что же! Разве не найдется на свете другой деревни? Да и с какой стати ему собственно покидать родную деревню? Ведь поселил же у себя Мата Дин женщину из касты чамаров. А кто посмел ему что-нибудь сделать? Сначала, конечно, Дата Дин — отец Мата Дина, соблюдая свою веру, аж зубами скрипел от злости, отдельно готовил, отдельно ел, совершал всякие очистительные омовения¹... А теперь? Они и пищу готовят вместе и едят вместе... Джингури Сингх тоже привел в свой дом женщину из другой касты — брахманку. А кто посмел упрекнуть его за это? Никто. Как раньше его уважали, так и

¹ Согласно индийским кастовым законам, члены высших каст обязаны совершать очистительное омовение после общения с людьми из низших каст.

сейчас уважают. Даже наоборот, сейчас у него еще больше почета! Раньше он был простым слугой, а нынче стал ростовщиком...

Гобар, конечно, опасался, что деревенские заправила и богачи будут его осуждать. Но тут в голову ему пришла другая мысль: а не шутит ли над ним Джхунья?! Сначала надо убедиться в ее искренности!

— Джхунья, а ты не обманываешь меня? — спросил Гобар. — Ведь с этой минуты я уже твой. Ты правда станешь моей?

— Да, но как я могу знать, что ты уже мой?

— Если хочешь, возьми мою жизнь. Мне для тебя ничего не жалко!

— А знаешь ли ты, что это значит: отдать свою жизнь?

— Скажи сама, что это значит!

— Отдать свою жизнь, это значит жить одной жизнью; однажды взяться за руки и всю жизнь идти вместе, что бы ни говорили люди; оставаться верными друг другу, даже если из-за этого придется покинуть родителей, дом, товарищей. Я уже вдоволь насмотрелась на болтунов, которые на словах готовы на все, а на деле похожи на черных шмелей, что садятся на распутившийся цветок, полакомятся его нектаром и сейчас же улетают. Не похож ли ты на такого же шмеля?

В одной руке Гобар держал веревку, конец которой был привязан к рогам коровы, а другой он порывисто схватил Джхунью за руку. В этот миг ему показалось, что его пронзила пылающая молния. Все его тело вздрогнуло. Он задыхался от наплыва чувств. Запястье руки Джхунии было таким нежным, таким тонким! А Джхунья даже не пыталась высвободить свою руку, словно она ничего не замечала. Лишь спустя некоторое время она проговорила торжественным тоном:

— Гобар, сегодня ты взял мою руку, не забывай об этом!

— Я запомню это, Джхунья! Всю свою жизнь, до последнего вздоха я буду помнить об этом!

Джхунья недоверчиво улыбнулась.

— Все мужчины так говорят, — сказала она. — А некоторые выбирают слова еще и понежнее. Но если на сердце у тебя одно, а на языке другое, скажи лучше сразу, я тогда буду с тобой поосторожней. Я не собираюсь отдавать свое сердце болтуну. Болтуны только на то и го-

дятся, чтобы болтать с ними. Не один уж год ношу я на базар молоко. Кого-кого только не приходилось мне встречать: и ученых людей, и помещиков, и адвокатов, и чиновников. И каждый из них говорил мне о своей любви, пытался одурачить меня! Один, прижав к груди руки, умолял: «О Джунья, не мучай меня!» Другой глядел на меня такими глазами, словно он вот-вот лишится рассудка от любви! И все они твердили, что готовы по гроб жизни быть моими рабами. Да не на таковскую напали! Я насквозь видела их жалкие души. Все они — черные шмели; полакомятся нектаром и улетят прочь. У всех у них была одна только мысль в голове: одурачить меня. Да только я сама оставляла их в дураках. Умри я, ни один и слезинки бы не пролил. А сегодня, если помрет кто-нибудь из них, я скажу: «Туда ему и дорога!» Уж если я стану чьей-нибудь, так навсегда, на всю жизнь. Вместе с этим человеком я буду делить радости и горести, богатство и нищету. Я не из тех, кто дарит свои улыбки первому встречному. Меня не прельстишь ни деньгами, ни нарядами, ни украшениями. Я хочу быть женой честного человека, который считал бы меня своей, и чтобы я тоже считала его своим. Вот послушай, какой был однажды со мной случай! Носила я молоко в дом к одному уважаемому пандиту. Над его переносицей всегда красовался знак высшей касты¹. Как-то его супруга уехала в гости, а я об этом не знала. Как всегда принесла я молоко. Вошла к ним в прихожую, окликнула хозяйку — никто не ответил. Я уже повернулась к выходу и вдруг вижу — уважаемый пандит молча подходит к наружной двери, запирает ее на ключ и направляется ко мне. Я, конечно, сразу поняла, что ему нужно. «Зачем, спрашиваю, вы заперли дверь? Где ваша супруга? Почему никто не отзывается?» А он мне так ласково отвечает: «Уехала в гости», — и делает еще два шага в мою сторону. Тогда я ему говорю: «Если будете брать молоко, так берите, а нет, я пойду!» Тут он как забормочет: «Джунья, царица моя! Теперь ты от меня никуда не уйдешь. Сколько дней я страдаю из-за тебя. Нет, сегодня тебе не уйти!»

Я тебе правду рассказываю, Гобар. У меня тогда волосы дыбом встали от страха.

¹ Знак касты рисуется обычно на лбу, иногда также на шее, груди, спине или плечах. Знак принадлежности к высшей касте, брахманам, — красный кружок или полоса, покрашенные на лбу.

— Если б мне только увидеть этого негодяя, — возбужденно воскликнул Гобар. — Я бы ему шею свернул, всю кровь бы из него выпустил! Ты только покажи мне его!

— Ладно, слушай, что было дальше. С такими-то я и сама могу справиться! Я только сначала немного растерялась. Думаю: как же мне быть, если он захочет что-нибудь со мной сделать! Кричать — не поможет: все равно никто не услышит. Ну, думаю, ладно, если только он ко мне прикоснется, я ему в рожу весь бидон молока выплесну! Пропадет четыре-пять серов молока, ну и пусть, зато этому паршивцу будет добрый урок! А сама говорю: «Уважаемый пандит, лучше бросьте эту затею! Я ведь дочь ахира — пастуха, и за такие шутки повыдергаю все ваши усищи до последнего волоска! Где это записано в ваших священных книгах, что вы имеете право запира́ть в своем доме чужих жен, дочерей и бесчестить их? Разве для этого у вас на лбу начертан знак высшей касты?» А он, знай, свое твердит: «Джхунья, царица моя, ничего ведь с тобой не сделается, если ты успокоишь любящее сердце! Ведь всевышний наградил тебя таким богатством — такой красотой. И ты должна поделиться этим своим богатством со мной, бедняком. Придет время, когда всевышний скажет: «Я одарил тебя красотой, а ты не захотела поделиться ею с брахманом!» Что ты тогда ответишь ему? Люди делятся со мной всем, что им посылает всевышний. Каждый день я получаю от верующих подношения и деньги. А ты должна пожертвовать мне немного своей телесной красоты!» Тут, чтобы время затянуть, да заодно проверить, что у него на душе, я взяла да и сказала: «Сперва я хотела бы получить от вас пятьдесят рупий!» Я правду тебе говорю, Гобар, — пандит тут же достал пять бумажек по десять рупий и хотел дать их мне. Но я швырнула деньги на пол и пошла к двери. Тогда он схватил меня за руку. Но я уже этого ждала. Как плесну ему все молоко в лицо!! Да еще и бидоном по голове пристукнула. Вымок пандит до нитки! К тому же и удар был ничего себе, так что пандит схватился обеими руками за голову, сел на пол и давай голосить. А я тем временем подошла к двери, отперла ее и — бегом домой!

Гобар весело рассмеялся.

— Молодец Джхунья, славно ты выкупала его в молоке! Наверно, знак касты и тот со лба смыла? Зря только не повыдергала ему еще и усы!

— На другой день я снова принесла им молоко,— продолжала свой рассказ Джхунья.— Жена пандита была дома, а сам он сидел в кресле с примочками на голове. Подошла я к нему и говорю тихонько: «Ну как, пандит джи, рассказать вашей супруге о том, что вчера было?» Он стал умолять, чтобы я молчала. А я ему говорю: «Плюньте на пол и плевок подотрите, тогда оставлю вас в покое!» Он голову повесил и шепчет: «Честь моя в твоих руках, Джхунья. Если жена что-нибудь узнает — все пропало, она меня со свету сживет!» Жаль мне его стало. Так я и ушла.

Гобару не понравилась эта жалость.

— Зря ты его пожалела,— сказал он.— Надо было зайти в комнату к его жене и обо всем рассказать. Пускай бы она отхлестала его своими сандалиями! Нечего жалеть таких притворщиков, как этот пандит. Покажи мне его завтра, и ты увидишь, как я его проучу!

Джхунья посмотрела на Гобара — он был совсем еще мальчик.

— Да тебе с ним не справиться! Он вон какой толстый да здоровый!

Мог ли Гобар стерпеть такое открытое сомнение в своей отваге и мужестве?

— Ну и что ж, что он толстый! У меня железные кости! — с горячностью воскликнул он.— Я каждый день делаю по триста упражнений с палкой. Жаль вот, не достается мне молока и масла, а то бы грудь у меня была во какая! — И он выпятил грудь колесом.

Джхунья посмотрела на Гобара. Взгляд ее был исполнен благодарности.

— Хорошо, когда-нибудь я тебе его покажу,— сказала она.— Только ведь все мужчины друг на друга похржи. Кого же собственно ты хочешь проучить? У всех мужчин эта скверная привычка: как только увидят где-нибудь молоденькую, красивую женщину — сразу начинают пялить на нее глаза, бить себя в грудь и клясться в любви! А те, кого называют большими людьми, как раз больше всех и распутничают... Ну, а я не такая уж красавица, чтобы...

— Это ты-то? — запротестовал Гобар.— Стоит один раз увидеть тебя, как вся душа стремится к тебе! Так и хочется прижать тебя к сердцу!

Джхунья легонько стукнула его кулачком по спине.

— Ну вот,— усмехнулась она.— Теперь и ты заговоришь, как другие мужчины! Я и сама знаю, какая я есть. Но ведь те мужчины лишь для того и встречаются с молоденькой женщиной, чтобы поиграть с ней и бросить. Честный человек смотрит на женщину как на подругу, с которой он должен всю жизнь пройти. Только на деле это редко бывает. Мне вот приходится многое и слышать и видеть. Какие удивительные вещи творятся в нынешнее время в домах больших людей. Вот, к примеру, в том квартале, где был дом моего свекра, жила семья кашмирца Гападу. Это были очень богатые люди: я каждый день носила им по пять серов молока! У Гападу было три дочери, лет по двадцати—двадцати пяти, одна другой красивее. Все трое учились в колледже. Одна из них потом, кажется, даже преподавала и получала по триста рупий в месяц! Все они играют на ситаре¹, на аккордеоне, хорошо умеют танцевать и петь, а вот замуж не вышла ни одна! И почему—только боги знают! То ли им мужчины не нравились, то ли они мужчинам не нравились. Как-то я спросила старшую из них, почему они не выходят замуж. А она рассмеялась в ответ и сказала, что они не болеют этой болезнью.

— Сколько я ни видела этих девушек,— продолжала Джхунья,— все время вокруг них вертятся молодые люди. Самая старшая дочка одевает жакет и бриджи и вместе с мужчинами катается верхом на лошади. Стыд какой! По всему городу только и разговоров, что об их делах. Их отцу, Гападу-бабу², неловко даже показываться людям на глаза. Не один раз он ругал дочерей, хотел их образумить. А они ему прямо заявили, что они сами хозяйки своих сердец, что никто, мол, не имеет права вмешиваться в их личную жизнь и что они будут делать то, что угодно им, а не кому-то другому! Как только не утешал бедный отец дочерей, а им хоть бы что — знай твердят свое! А потом, кто это посмеет направить больших людей на путь истинный? Богатые люди что бы ни делали — всегда правы. Они не боятся ни людской молвы, ни панчаята³. Одного только я никак не могу понять — как это люди могут каждый день менять свои привязанности?

¹ С и т а р а — семиструнный музыкальный инструмент.

² Б а б у — почтительное обращение к мелким чиновникам и конторским служащим.

³ П а н ч а я т — совет старейшин.

Неужто они стали хуже и неразборчивей коров и коз?.. Да, брат, пришлось повидать мне всяких женщин! Видела таких, которым после гороховых лепешек следовало бы иногда отведать и вкус халвы. Но видела я и таких, которые морщились и вздрагивали, как в лихорадке, при одном лишь взгляде на домашний хлеб. Немало знала я женщин, для которых только свой гороховый хлеб — настоящая пища. Им незнаком даже вкус халвы. Но есть и такие, что легко поддаются всякому соблазну. Взять хотя бы моих двух невесток — жен моих братьев! Вообще-то мои братья не кривые и не горбатые. Каждый из них стоит десятка деревенских парней. А вот невесткам они не нравятся. Им, видите ли, нужны такие мужчины, которые покупали бы им золотые браслеты, красивые сари и угощали бы их каждый день сладостями. Я не говорю, что мне не нравятся браслеты, сари и сладости. Но чтобы я ради этих вещей потеряла свою честь — сохрани меня бог Рама! Жить вместе с одним человеком, делить с ним все горести и радости — вот о чем я мечтаю! И если уж правду говорить, то мужчины сами развращают женщин. Когда муж глазееет на хорошеньких бабенок, то жена его тоже начинает заглядываться на интересных мужчин. Когда он начинает ухаживать за другой, то и она начинает увлекаться другим. Ведь женщине так же не нравится непостоянство мужчин, как и мужчине — непостоянство женщины. Имей в виду, я сказала бы своему мужу сразу: «Будешь вилять направо и налево, я тоже стану делать то, что моей душе угодно». А так дело не пойдет, чтобы муж вытворял, что захочется, а желания своей жены сдерживал страхом и силой. Если же ты будешь делать все открыто, она то же самое будет делать тайно. Обидишь жену — потеряешь ее сердце, ее любовь!

Слова Джхунии открыли перед Гобаром новый мир, доселе ему неведомый. Он слушал свою спутницу словно зачарованный. Ноги его иногда сами собой останавливались на месте, затем сами собой начинали двигаться. При первой встрече Джхуния очаровала его красотой, а сегодня она просто обворожила его своим умом, рассудительностью, умением постоять за свою честь и достоинство. «Если такая красивая женщина, такая умная и скромная станет моей, — думал Гобар, — то какого еще счастья можно желать? Почему я должен бояться панчаята и общины?»

Заметив, что Гобар глубоко задумался, Джхуния положила свою руку ему на грудь и тихо сказала:

— Смотри-ка, твоя деревня уже видна! Ты тоже хитрец — ни разу не напомнил, что мне пора возвращаться.

Джхуния хотела проститься и уйти, но Гобар принял ее упрашивать:

— Почему тебе не зайти к нам на минутку? Кстати, и мать тебя увидит!

Джхуния стыдливо опустила глаза и ответила:

— Нет, так я к вам не пойду. Жаль, что я заболталась и ушла так далеко от дома. Ты лучше скажи, когда снова придешь ко мне? Приходи, я буду ждать тебя на заднем дворе.

— Ну, а если ты не выйдешь встречать меня?

— Тогда ты повернешься и уйдешь.

— Если так, я совсем не приду.

— Ты должен прийти, а не то заставлю тебя поклясться!

— Дай слово и ты, что встретишь меня!

— Не дам.

— Тогда я не приду.

— Ну, как хочешь!

Джхуния погрозила пальчиком и ушла.

При первой же встрече они не уступили друг другу. Но Джхуния была твердо уверена, что Гобар придет, а Гобар знал, что она будет ждать его. Разве может она не встретить его?

Когда Джхуния ушла и он остался один с коровой на дороге, ему показалось, что он лишился самого дорогого.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Стоял жаркий вечер месяца джетх. Улицы и переулки деревни Семри были тщательно политы водой, и только это давало ощущение приятной освежающей прохлады. Вокруг большого шатра были установлены горшки с цветами и молодой зеленью. Жужжали электрические вентиляторы, освежая воздух, — раз-сахиб имел собственную электростанцию.

Солдаты-телохранители раз-сахиба, одетые в желтые мундиры и голубые тюрбаны, расхаживали кругом, своим видом внушая страх простому люду. Суетились слуги в светлых длинных рубахах и тюрбанах шаф-

ранового цвета, стараясь предупредить каждое желание высокопоставленных гостей.

Но вот к главному входу подкатил автомобиль. Из машины вышли трое. Первый — в широкой белой рубаше из домотканины — был всеми уважаемый редактор ежедневной газеты «Биджли» Онкар Натх. Выглядел он неважно: непрестанные заботы о судьбах родины подтачивали его драгоценное здоровье.

Другой господин, в европейском костюме, был по профессии адвокатом, но так как дела на этом поприще у него шли из рук вон плохо, он подвизался в качестве маклера-посредника в какой-то страховой компании. Добиваясь для крупных землевладельцев денежных ссуд из банков и касс ростовщиков, он зарабатывал на этом куда больше, чем своей адвокатурой. Звали его Шьям Бихари Танкха.

Третий в шелковом ачкане¹ и узеньких белых брюках был мистер Мэхта — университетский профессор философии. Все трое когда-то учились вместе с раз-сахибом и сегодня были приглашены им в гости по случаю шагуна².

Со всей округи сегодня должны собраться крестьяне с денежными приношениями и подарками. А гости съезжались во дворец раз-сахиба, чтобы вечером присутствовать на представлении Дхануш яджна.

В честь шагуна Хори пожертвовал целых пять рупий. Напудренный, в розовом тюрбане, розовом мирзаи и дхоти³, с лопаткой для прополки цветов в руках, он изображал садовника раджи Джанака и выглядел так гордо, словно все собрались на торжества только ради него одного.

Раз-сахиб встретил вновь прибывших гостей очень любезно. Высокий и крепкий, он был сегодня как-то особенно подтянут. На лице его сияла улыбка.

— Что у вас сегодня за представление? — спросил его пандит Онкар Натх. — Я сгораю от любопытства.

Усаживая всех троих в кресла перед шатром, раз-сахиб ответил:

¹ Ачкан — наглухо застегиваемая длиннополая куртка, нечто вроде легкого кафтана.

² Шагун — торжественное преподношение крестьянами-арендаторами подарков своему феодалу.

³ Дхоти — мужская одежда; длинная полоса материи, обертываемая вокруг бедер и спускающаяся ниже колен.

— Вначале состоится Дхануш яджна, затем будет показана сатирическая пьеска. Хорошей пьесы мне так и не удалось достать. Некоторые из них так велики, что идут более пяти часов подряд, а другие настолько сложны по содержанию, что, пожалуй, никто из нас не сможет их понять. В конце концов мне самому пришлось написать одну шуточную пьесу, которая займет два часа.

Онкар Натх весьма сомневался в драматургических способностях раз-сахиба. Он считал, что талант может разгореться лишь в нужде, среди нищеты — подобно светильнику, который может излучать свет лишь во тьме. Поэтому он зевнул во весь рот, даже не пытаясь скрыть этого.

Мистер Танкха сначала не собирался вступать в этот неделовой разговор, но тут он захотел показать раз-сахибу, что и он тоже кое-что смыслит в драматургии.

— Любая пьеса,— заявил он,— может быть хорошей, если ее сыграют способные актеры. И наоборот, прекрасная пьеса может оказаться никуда не годной, если ее поручат играть бездарным артистам. До тех пор пока на нашей сцене не появятся опытные, одаренные актеры, наше драматургическое искусство не оможет быстро прогрессировать. На последнем заседании совета, раз-сахиб, вы блистательно выступали по всем вопросам, которые там разбирались; я могу с уверенностью сказать, что ни один депутат не умеет выступать столь блестяще!

Профессор философии мистер Мэхта терпеть не мог такой явной лести, поэтому в ответ на тираду Танкхи он презрительно фыркнул. Совсем недавно он опубликовал книгу, над которой проработал не один год. На труд этот он возлагал большие надежды, однако его книга не получила и сотой доли той известности, на которую он рассчитывал. Неудачей этой он был весьма огорчен.

— Я не охотник безо всякой пользы произносить речи по всевозможным вопросам,— сказал он.— Я хочу, чтобы между образом нашей жизни и нашими убеждениями не было расхождений. Вы сочувствуете крестьянам, говорите о том, что надо предоставить им различные льготы, а заминдаров хотите лишить всех их привилегий и власти. Больше того, вы называете заминдаров общественным злом. Но сами вы точно такой же заминдар, каких в Индии тысячи! Если вы считаете, что крестьянам нужно облегчить жизнь, то сами дайте пример этому: не прини-

майте от них подношений при подписании арендного договора, не гоняйте их отрабатывать бегар, откажитесь от косвенных поборов и налогов, верните крестьянам их пастбища. Право, я совершенно не могу сочувствовать людям, которые на словах выдают себя чуть ли не за коммунистов, а на деле остаются спесивыми феодалами и корыстными заминдарами!

Удар был направлен прямо в раз-сахиба, и он почувствовал это. Господин адвокат наморщил лоб, а редактор-сахиб¹ выглядел довольно сконфуженным. Сам он был, конечно, горячим поклонником социализма, однако вовсе не хотел ставить вопрос столь принципиально и прямо.

Танкха решил взять раз-сахиба под свою защиту.

— Я считаю, — сказал он, — что если бы все заминдары стали обращаться со своими арендаторами так же хорошо, как обращается с ними раз-сахиб, то вопрос этот отпал бы сам собой.

Со стороны Мэхты тут же последовал второй веский удар:

— Допустим, что это правильно, что вы обращаетесь со своими крестьянами-арендаторами хорошо, по-человечески. Однако и в этом случае возникает вопрос: не делается ли все это опять-таки ради собственной корысти? Ведь всем известно, что кушанье, приготовленное на слабом огне, всегда бывает вкусней. Гуром² можно порой убивать гораздо успешнее, чем ядом. Я спрашиваю: кто мы? Социалисты или нет? Если социалисты, то давайте поступать, как социалисты, если же нет, то следует прекратить всякую болтовню. Я против фальши. Если вы считаете употребление мяса в пищу допустимым, то ешьте его открыто, если же вы порицаете это — не ешьте его!³ В таком случае все станет на свое место и все понятно. Но я не могу понять людей, которые считают, что есть мясо полезно, но едят его так, чтобы никто не видел. Я называю это лицемерием, двуличностью, что по сути дела одно и то же.

¹ Сахиб — господин; употребляется чаще всего при обращении к европейцам или мусульманам-индийцам.

² Гур — индийский тростниковый сахар домашнего приготовления.

³ Индуистская религия запрещает убивать животных и употреблять их мясо в пищу.

Раз-сахиб был светским человеком и умел терпеливо сносить уколы и оскорбления. Подумав немного, он ответил:

— Вы совершенно правы, Мэхта джи. Вам хорошо известно, как высоко ценю я вашу откровенность и прямоту. Однако вы забываете одно важное обстоятельство: все люди мыслят по-разному, и разница эта бывает порой велика. И не такое это простое дело — отказаться от привычного образа мышления, привычного образа жизни и усвоить другой образ мышления, начать другую жизнь. История развития человеческого общества служит тому наглядной иллюстрацией. Я воспитывался в такой обстановке, где падишах почитался как бог, а заминдар считался первым советником бога. Мой покойный отец был столь милостив к своим крестьянам, что в годы засухи наполовину снижал налог, а то и совсем ничего не брал с крестьян, раздавал из своих амбаров зерно, помогал крестьянским девушкам выходить замуж, устраивал их свадьбы, хотя иной раз для этого ему приходилось продавать свои драгоценности. Однако все это возможно лишь тогда, когда подданные называют своего заминдара правителем, смотрят на него как на воплощение справедливости и молятся на него как на бога. Забота о подопечных крестьянах была для моего отца священным долгом, и он никогда не злоупотреблял своей властью. Вот в такой обстановке я и вырос. Я горжусь тем, что как бы я ни поступал на деле, я сумел далеко опередить моего либерального отца в своих мыслях. Я, например, считаю, что до тех пор, пока послабления в отношении к крестьянам не будут проведены сверху самим правительством и не будут закреплены за ними законом, — все разговоры об улучшении их положения останутся благонамеренными разговорами. Надеяться на то, что заминдары сами облегчат положение крестьян, не приходится. Трудно даже представить себе, чтобы заминдар сам собой сделался бескорыстным человеком, отказался от привычных привилегий — это бывает только в исключительных случаях. Вот и я, несмотря на все свои либеральные мысли, все же не могу переломить себя, забыть о своей личной выгоде, перестать быть эгоистом. Я хочу, чтобы наше правительство при помощи силы и определенных постановлений заставило людей моего класса отказаться от подобного эгоизма. Вы, пожалуй, назовете это трусостью, а я считаю, что это свойство заложено в самой природе людей. Челов-

века можно заставить отказаться от своей выгоды только силой. Я признаю, что никто не имеет права жиреть за счет других. Жить за счет других — величайшее бесстыдство. Трудиться должны все. Не может быть настоящего спокойствия в обществе, где небольшая кучка людей живет за счет других и получает все радости жизни, в то время как подавляющее большинство обречено на прозябание и гибель. Чем раньше рухнет капитал и чем раньше люди освободятся от его пагубного влияния на свою психологию, тем лучше. В стране, где простой народ не имеет вдоволь хлеба, государственные чиновники получают по пять, десять тысяч рупий в месяц. Скажите — не позор ли это? Подобная социальная несправедливость породила среди нас, заминдаров, такое великое бесстыдство, такую рабскую приниженность и такой разврат, что просто стыд! Я прекрасно знаю все это, однако по той же причине, о которой уже шла речь, не могу выступить против подобной несправедливости. Скажу больше — даже если руководствоваться мотивами эгоизма, и то неразумно поддерживать существующее социальное устройство. Для того чтобы сохранять окружающее нас великолепие, чтобы удержаться у власти, нам приходится так насиловать самих себя, что в нас не осталось ничего от человеческого достоинства. Мы вынуждены грабить своих крестьян. Если не станешь дарить ценных подарков государственным чиновникам, то мигом прослывешь бунтовщиком, а не станешь жить роскошно, то тебя назовут скрягой. Мы дрожим при мысли о революционном движении, взываем к властям о помощи, спешим к тем же чиновникам и умоляем их спасти нас. В нас не осталось даже веры в самих себя. В нас не осталось ни мужества, ни силы. Мы похожи на детей, которых кормят с ложечки, ничего не позволяя делать самим: на вид они кругленькие и полненькие, а в действительности настолько беспомощны, что постоянно нуждаются в поддержке.

— Отлично, отлично! — воскликнул мистер Мэхта, хлопая в ладоши. — Право, вы удивительно красноречивы! Я бы хотел обладать хотя бы половиной вашей рассудительности! Значит — вы все знаете, все понимаете, но не можете действовать в соответствии со своими убеждениями!

— Один в поле не воин, мистер Мэхта, — заявил Онкар Натх. — Нам приходится жить согласно с духом

времени. В плохих делах не требуется никакой поддержки, но в совершении хороших дел она необходима. Вот взять хотя бы вас — почему вы загребаετε по восемьсот рупий в месяц, в то время как десятки миллионов ваших братьев прозябают на восемь рупий в месяц?

Раз-сахиб посмотрел на редактора-сахиба, как бы прося о снисхождении к Мэхте, хотя в душе он был вполне удовлетворен таким оборотом беседы.

— Не переходите на критику отдельных личностей, редактор-сахиб, — сказал раз-сахиб, — ведь мы с вами рассуждаем сейчас о системе социального устройства.

— Нет, почему же! Я не вижу в этом ничего плохого! — с прежним хладнокровием сказал мистер Мэхта. — Общество складывается из отдельных индивидуумов, и мы не можем говорить о каком-либо социальном строе, забывая о конкретном живом человеке. Что касается меня, то я получаю такое большое жалование потому, что не возлагаю никаких надежд на этот строй.

— Но скажите, являетесь ли вы сторонником существующего положения вещей? — спросил редактор-сахиб, с любопытством глядя на Мэхту.

— Я сторонник той истины, что на свете всегда будет существовать различие между людьми. Оно должно неизбежно существовать. Попытка уничтожить эту разницу равносильна попытке уничтожить человеческий род вообще.

В бой вступил новый борец; раз-сахиб отошел на задний план, а вместо него на арену вышел редактор Онкар Натх.

— Отлично! — сказал он. — Что же, значит, вы, живя в двадцатом веке, признаете неравенство?

— Конечно, признаю! — ответил профессор. — Признаю и принимаю! Дело в том, что эта вера, которой вы придерживаетесь сейчас, не является чем-то новым. Идея равенства возникла уже в тот момент, когда человек впервые почувствовал себя человеком. И Будда, и Платон, и Христос — все были горячими проповедниками равенства людей. Греция, Рим и Сирия — все эти цивилизации делали попытку осуществить эту идею на практике, однако, в силу свой противоестественности, идея эта никогда не смогла получить своего настоящего выражения.

— Право, я просто удивляюсь, слушая вас!

— Удивление — обратная сторона невежества.

— Я был бы очень благодарен, если бы вы согласились написать для нашей газеты серию статей по данному вопросу.

— Я пока еще не настолько глуп, чтобы писать в вашей газете. Если хорошо заплатите, тогда другое дело.

— Коротче говоря, вы за то, что вполне допустимо в открытую грабить народ,— заключил редактор.

— Разница между мною и вами заключается в том, что я придерживаюсь определенных принципов и действую согласно им, а вы признаете одно, а действуете по-другому. Богатство, я думаю, еще можно равномерно распределить среди всех членов общества при помощи каких-нибудь несправедливых средств. Но одинаково распределить разум, трудолюбие, красоту, проницательность, силу — вы не сможете! Это сделать невозможно! Различие между людьми проистекает не из одного лишь богатства! Мне приходилось видеть, как архибогачи склоняют головы перед нищими факирами. Наблюдали это, вероятно, не раз и вы сами.

Великие раджи падают ниц перед красотой. Разве это не прямое следствие развившегося интеллекта? Вы приведете в пример Россию? Да, там владельцы предприятий были превращены в служащих. Однако сказанное мною остается верным и для России. Разум всегда и везде царствовал раньше и всегда будет властвовать в будущем.

Слуга принес на тарелочке бетель. Угощая им гостей, раз-сахиб проговорил:

— Если разум свободен от эгоизма, то мы безо всяких возражений готовы признать его власть. Ведь это и есть идеал социализма. Мы склоняем свои головы перед аскетами и великими духом людьми потому, что они наделены силой самоотречения и служения ближним. Точно таким же образом мы готовы отдать в руки разума и власть, и авторитет, и руководство, но только не капитал! Власть разума, преклонение перед ним уходят вместе с личностью, но капитал остается и, более того, усиливает свою мощь, чтобы сеять вокруг себя отраву. А мы желаем вырвать у этого скорпиона его ядовитое жало.

К главному подъезду подкатила вторая машина, из которой вышли мистер Кханна и две дамы.

Мистер Кханна был управляющим банка и директором сахарного завода.

Раэ-сахиб помог дамам выйти из машины. Первая из них, одетая в сари из кхадара, казалась женщиной важной и рассудительной. Это была супруга мистера Кханна — Говинди Кханна.

Вторая дама, в модных туфлях на высоком каблуке, была мисс Малти. Она получила медицинское образование в Англии и теперь занималась частной практикой. Лечение больных в богатых домах заминдаров и местного начальства приносило ей немалые доходы.

Мисс Малти вполне можно было назвать идеалом красоты и воплощением новой культуры. Ее холеное стройное тело взывало к наслаждениям. Не зная застенчивости, она в совершенстве владела искусством очаровывать мужчин, тем более что она неплохо разбиралась в мужской психологии. Мисс Малти была остра на язык и любила веселый, праздный образ жизни. Пикантная внешность заменяла ей душу, а вместо горячих чувств в ее сердце жило одно лишь холодное кокетство. Мисс Малти владела своим сердцем настолько хорошо, что в конце концов и вовсе позабыла, что такое настоящее желание или страсть...

Знакомясь с профессором Мэхтой, мисс Малти прощбетала:

— По одному вашему виду можно догадаться, что вы философ! В своей новой книге вы, можно сказать, выпотрошили людей, верующих в бессмертие души. Когда я читала вашу книгу, у меня возникало желание спорить с вами. Почему, право, все философы лишены чувства жалости?

Профессор Мэхта смущенно отвел глаза в сторону. Он был старым холостяком, а женщин нового типа вообще избегал. Лишь в обществе мужчин Мэхта чувствовал себя отлично, но стоило только появиться какой-нибудь женщине, как он сразу же терялся и умолкал, словно рот его запирали на замок. У него не хватало ни смелости, ни умения даже на то, чтобы быть с женщинами хотя бы вежливым и галантным.

— А что, разве на лицах философов написано нечто особенное, благодаря чему их можно отличить от других людей, уважаемая Малти? — спросил ее Кханна.

— Если уважаемый профессор не обидится, я скажу,

что я думаю по этому поводу,— ответила мисс Малти, снисходительно взглянув на Мэхту.

Мистер Кханна был одним из многочисленных поклонников мисс Малти. Где появлялась она, там неизменно появлялся и он. Кханна вертелся вокруг мисс Малти, как шмель вокруг цветка, заботясь лишь о том, чтобы как можно чаще говорить с ней, чтобы она как можно дольше смотрела именно на него, а не на кого-либо другого.

— Философы не умеют обижаться, такова уж их природа,— подмигнув, сказал он.

— Так слушайте же! У философов холодное сердце. Оно у них мертво. Когда бы вы ни взглянули на философа, он вечно сидит погруженный в свои думы. Он смотрит на вас, но ничего не видит. Вы заговорите с ним, он ничего не услышит. Кажется, что он всегда витает где-то в пространстве!

Все гости дружно засмеялись. А профессор Мэхта молчал, словно набрал в рот воды. Казалось, что его вовсе нет среди присутствующих.

— В Оксфорде мне преподавал философию профессор мистер Хасбэнд¹,— продолжала мисс Малти.

— Оригинальное имя! — вставил Кханна.

— Да, господа, тем более что он был холостяком...

— Мистер Мэхта тоже холостяк!..

— Я думаю, что это болезнь всех философов!

— Да, но, насколько мне известно, вы тоже страдаете этой болезнью! — решился, наконец, заговорить Мэхта.

— Я дала клятву, что выйду замуж за какого-нибудь философа. Однако эти люди при одном лишь слове «женитьба» шарахаются в сторону. Господин Хасбэнд², едва заметив женщину, спешил поскорее укрыться в своем доме. Среди его студентов было несколько девушек, и когда одна из них приходила к нему на кафедру за консультацией, он так пугался, словно в его кабинет входила тигрица. Мы над ним частенько посмеивались! Но он, бедняга, был слишком простодушен, чтобы это заметить. Получал несколько тысяч в месяц, а ходил всегда в одном и том же костюмчике. Вместе с ним в доме жила его сестра-вдова, которая была у него за хозяйку. Мистер

¹ Хасбэнд — супруг (англ.).

Хасбэнд забывал, что надо есть и пить. Бывало, скрываясь от посетителей, запрется он в своем кабинете и сидит там целыми днями со своими книгами и писаниной. Когда наступало время обеда, сестра тихонько входила к нему в кабинет через другую, внутреннюю дверь и закрывала лежащую перед ним книгу; только так он и узнавал, что пора обедать. А когда приходило время для ужина, она просто выключала в кабинете свет. Но однажды, когда она зашла, как обычно, к нему в кабинет и хотела закрыть книгу, он как толкнет ее обеими руками! И началась тут потасовка между братом и сестрой! В конце концов она все-таки увезла его в столовую прямо в роликовом кресле.

— За нашим профессором Мэхтой таких странностей не водится. Он чрезвычайно спокойный, благовоспитанный, светский человек! — вступился раз-сахиб. — В противном случае, разве видели бы мы его в нашей компании?

— Значит, профессор Мэхта еще не настоящий философ, — возразила мисс Малти. — Ведь если даже у нас голова разламывается от мелких житейских забот, то разве может пребывать в спокойствии человек, погруженный в мысли и заботы о целом мире?

Во время этого разговора редактор Онкар Натх рассказывал госпоже Говинди Кханна о своих финансовых затруднениях:

— Поверьте, уважаемая госпожа, жизнь редактора — это постепенное издыхание! Вместо того чтобы помочь ему, люди, услышав его мольбы, затыкают уши. Несчастный редактор не может сделать добра ни себе, ни другим. Публика считает, что редактор газеты всегда должен стоять впереди любого общественного движения, обязан сидеть в тюрьмах и подвергаться избиениям. Если его имущество конфискуется и продается с молотка — это, видите ли, в порядке вещей. Таков, мол, его общественный долг! Но никому нет дела до его затруднений, до его забот. Он обязан все знать и все уметь. Редактор должен быть специалистом по любым отраслям знаний, должен хорошо разбираться в литературе и во всех видах искусства, однако ему не на что существовать! Вы тоже совсем перестали печататься в моей газете! Почему вы лишаете меня счастья хоть изредка видеть вас у себя в редакции?

Госпожа Кханна питала страсть к сочинительству. И в связи с этим редактор-сахиб частенько обращался к ней за помощью. Однако, занятая домашними делами, она уже долгое время ничего не писала для газеты. По правде говоря, госпожа Говинди не обладала большим поэтическим дарованием. А господин редактор своими похвалами заставил ее уверовать в то, что у нее действительно есть поэтический талант.

— О чем же мне писать? — спросила госпожа Кханна. — Я никак не могу собраться с мыслями! А почему бы вам не попросить мисс Малти написать что-нибудь для вашей газеты?

— Что вы, госпожа Говинди! — с пренебрежительным жестом ответил редактор. — Она бережет свое время. Писать могут только те, у кого на сердце боль, страдание, нежность или любовь, только люди, обладающие соответствующими знаниями и эрудицией. О чем же могут писать те, у кого основная цель жизни — деньги, роскошь и удовольствия?

— Если б вам удалось упросить ее написать хоть несколько строк, тираж вашей газеты сразу бы удвоился! Во всем Лакнау не найдется тогда ни одного темпераментного мужчины, который не стал бы читателем вашей газеты! — проговорила Говинди насмешливо завистливым тоном.

— Если бы основной целью моей жизни было богатство, то я не пребывал бы сейчас в столь затруднительном положении. Ведь и мне тоже отлично известны способы обогащения. Стоит мне только захотеть этого сегодня, и завтра же я буду иметь сотни тысяч рупий. Но я не гонюсь за деньгами. Служение народу своим пером — вот цель моей жизни! И цель эта будет вечно стоять передо мной!

— По крайней мере вы хотя бы указали мое имя среди ваших постоянных читателей!

— Ваше имя я включу не в список читателей, а в список покровительниц моей газеты!

— Нет уж, в этот список включайте только имена рани¹ и махарани. Посвятив несколько лестных строк этим дамам, вы сделаете свою газету весьма прибыльной!

¹ Р а н и — супруга раджи.

— Вы моя рани и махарани! Жены раджей и махараджей не годятся вам в подметки. Женщина, обладающая милосердием, умом,— это и есть моя рани, махарани! Я ненавижу лести!

— Но сейчас вы льстите мне, редактор-сахиб! — пожурила его госпожа Кханна.

— Это не лесть, обожаемая госпожа Говинди! Это искренние чувства, высказанные самим сердцем! — проговорил Онкар Натх самым сердечным и убедительным тоном, на какой только был способен.

— Господин редактор! — позвал раз-сахиб Онкар Натха. — Пожалуйте к нам поближе! Мисс Малти хочет сказать вам что-то!

С Онкар Натха мигом соскочила все его важность. Всем своим видом выражая покорность и смирение, он приблизился к мисс Малти. Та лукаво взглянула на него и сказала:

— Я только что говорила здесь, что больше всего на свете боюсь редакторов газет. Ведь вы, редакторы, такой народ — захотите разозлить кого-нибудь — разозлите в одно мгновение! Как-то господин главный секретарь сказал мне: «Если б я мог засадить в тюрьму этого прохвоста Онкар Натха, то считал бы себя счастливейшим человеком на свете!»

Длинные усы Онкар Натха распушились еще больше, в глазах его вспыхнул огонек гордости. Вообще-то он был человек терпеливый и не задира, но раз приняв чей-либо вызов, он весь преображался и в нем пробуждалось мужество.

— Благодарю вас за эту любезность, пусть плохо или хорошо было упомянуто здесь мое имя! — твердо сказал он. — Передайте, пожалуйста, господину первому секретарю, что Онкар Натх не из тех людей, которые боятся гиев и шакалов. Перо Онкар Натха прекратит писать лишь тогда, когда перестанет биться его сердце. Онкар Натх решил сделать все, чтобы искоренить несправедливость и насилие!

— Однако я никак не могу понять вашего легкомыслия, редактор-сахиб, — продолжала подзадоривать его Малти. — Ведь вы могли бы заручиться поддержкой многих влиятельных лиц. Почему вы пренебрегаете этой возможностью? Если бы в ваших критических статьях было немного меньше желчи, я готова поклясться, что вы по-

лучили бы поддержку от многих правительственных чиновников. Нашу публику вы хорошо знаете. Вы уже обращались к ней, льстили ей, рассказывали о своих трудностях, а что это дало? Ровным счетом ничего! Вот я и советую вам поставить теперь на правительственных чиновников. И если через три месяца после этого вы не начнете ездить в собственной машине и вас не станут приглашать на банкеты, можете всю жизнь проклинать меня. Тогда те же самые местные правители и заминдары, которые сейчас совершенно не замечают вас, будут ходить вокруг вашей редакции так, как ходят фанатики вокруг священного камня Каабы¹.

— Я никогда не сделаю это, уважаемая богиня красоты! — гордо ответил ей Онкар Натх. — Я строго придерживаюсь определенных принципов и свято храню их в чистоте. Пока я жив, я буду защищать эти принципы. Поклонников богатства вы встретите всюду, а я — из числа поклонников принципа!

— Вы просто-напросто лицемер.

— Как вам угодно.

— Значит, вы совершенно не интересуетесь деньгами?

— Совершенно!

— Тогда почему в вашей газете рекламируются иностранные товары? Такого количества объявлений иностранных фирм я не видела ни в одной другой газете! На словах вы человек принципа, а на деле ради выгоды способствуете утечке национального богатства за границу. Вы не сможете оправдать свое поведение никакими доводами и аргументами.

И действительно, припертый к стене, Онкар Натх не нашелся что ответить. Однако раз-сахиб, увидев, что ему приходится туго, поспешил на выручку:

— В конце концов, чего вы от него хотите, мисс Малти? Кругом у него одни убытки, так как же тогда он сможет выпускать свою газету?

Но мисс Малти не знала, что такое жалость.

— Раз не на что выпускать газету, то лучше просто закрыть ее. Вы не имеете права рекламировать иностранные товары ради изыскания средств на содержание своей газеты. А если у вас безвыходное положение, то забудьте

¹ Кааба — храм в Мекке, где находится крупный метеорит, считающийся у мусульман священным камнем.

о своих принципах! Право, меня зло берет, когда я читаю газету, старающуюся доказать, что она принципиальна. Мне так и хочется швырнуть ее в огонь! Человека, у которого слово расходится с делом, кто бы он там ни был, принципиальным назвать нельзя!

Услышав ее последние слова, профессор Мэхта сразу ожил. Ведь он только что высказал подобного рода мысли! Оказывается, эта женщина способна не только порхать, словно бабочка, но и способна правильно мыслить! Его смущение и нерешительность мигом исчезли.

— Именно так! — оживленно воскликнул он. — Я тоже только что говорил о том, что когда человек говорит одно, а делает другое, то это называется обманом и лицемерием!

— Значит, мы с вами сходимся во взглядах, — обрадовалась мисс Малти, — и я также могу претендовать на звание философа.

— Мне кажется, мисс Малти, что все ваше тело до мельчайших клеточек уже начинено философией! — ввернул мистер Кханна, у которого чесался язык.

— Вы, я вижу, тоже имеете отношение к философии? — повернулась к нему мисс Малти. — А я думала, что вы давным-давно утопили все принципы в водах священного Ганга, ведь иначе вы не могли бы оказаться директором нескольких банков и компаний сразу!

— По-вашему, выходит, мисс Малти, что философы должны пребывать в нужде и в голоде? — взял под свою защиту мистера Кханну раз-сахиб.

— Именно так! Что же это за философ, который не может победить свои страсти и желания?

— Если подходить с этой точки зрения, то, пожалуй, даже наш уважаемый профессор Мэхта и тот окажется недостойн звания философа.

Мистер Мэхта мысленно засучил рукава.

— Уважаемый раз-сахиб! — начал он. — Я никогда и не претендовал на это звание. Я знаю только, что те орудия, которыми выполняет свою работу кузнец, ни на что негодны ювелиру. Вы хотите, чтобы дерево манго цвело и приносило плоды в тех же условиях, в каких растут и цветут пальмы и акации? Богатством для меня являются лишь те условия, которые позволяют мне вести осмысленную жизнь и работать. Я не считаю богатство основной движущей силой развития и процветания общества, оно является лишь средством существования. Я вовсе не стрем-

люсь к богатству. Предоставьте мне только такие условия, при которых я мог бы сделать свою жизнь и работу полезными!

Онкар Натх был убежденным социалистом. Мог ли он допустить, чтобы один человек требовал для себя столь много?

— Любой рабочий может точно так же заявить, что ему тоже необходимо получать тысячу рупий в месяц для того, чтобы создать условия для жизни и работы! — воскликнул он.

— Раз вы считаете, что не обойдетесь без труда данного рабочего, то вам необходимо создать ему эти условия, — возразил Мэхта. — Но если ту же самую работу другой рабочий согласится выполнить за меньшее вознаграждение, то льстить перед первым рабочим совершенно незачем.

— Если бы власть была в руках рабочих, то неужели женщины и вино были бы для них столь же необходимы, сколь необходимы они философам?

— Поверьте, я не завидую им в их теперешнем положении!

— Почему вы не женитесь, считая, что женщина совершенно необходима для того, чтобы жизнь ваша была осмысленной?

— А потому, что я считаю, что брак сковывает жизнь и душу цепями! — не колеблясь, ответил мистер Мэхта. — Только свободная, ничем не связанная жизнь не препятствует развитию личности!

— Ограничение и воздержание — все это уже устарело, — поддержал его мистер Кханна. — Теперь действует новая теория — теория свободного наслаждения жизнью.

— В таком случае госпоже Кханне остается только готовиться к разводу! — воскликнула мисс Малти.

— Закон о расторжении браков уже принят! — вставил кто-то из присутствующих.

— Вероятно, вам первому и придется воспользоваться этим законом! — посмеивалась Малти над мистером Кханной.

Госпожа Говинди Кханна посмотрела на мисс Малти недобрый взглядом, выражение ее лица словно говорило: «Пусть Кханна сколько угодно вертится вокруг тебя, — мне до этого и дела нет!»

Мисс Малти, взглянув на Мэхту, спросила:

— А что вы скажете по этому поводу?

Профессор Мэхта весь подобрался. Когда ему пришлось высказывать свою точку зрения по какому-либо вопросу, он вкладывал в это всю свою душу.

— Я считаю брак общественным соглашением, — ответил мистер Мэхта самым серьезным тоном. — Это соглашение не имеет права расторгать ни мужчина, ни женщина! До того, как вы заключили подобное соглашение, вы свободны. Но после него вы теряете самостоятельность, ваши руки связаны навсегда!

— Значит, вы против разводов?

— Да!

— А как же тогда с вашим принципом свободной, ничем не связанной жизни?

— Он остается в силе для тех, кто не вступает в брак!

— К совершенному духовному развитию стремятся все люди, однако мало найдется таких, кто в силах убеиться от соблазна.

— А что, по вашему мнению, лучше, господин профессор, бракосочетание или безбрачие? — донимала его мисс Малти.

— С общественной точки зрения — лучше брак, а с частной, индивидуальной точки зрения — безбрачие!..

Наступало время исполнения обряда Дхануш яджна. Обряд этот должен был длиться с десяти до часу. Затем от часу до трех должна была идти пьеса — такова была программа дня. А пока все стали готовиться к обеду.

Для гостей были отведены отдельные комнаты, где они могли переодеться, привести себя в порядок, перед тем как выйти к столу. В распоряжение супругов Кханна и мисс Малти были предоставлены две лучшие комнаты.

Наконец, все уселись за стол. Здесь никто не соблюдал древних кастовых обычаев, по которым представители одной касты не могут принимать пищу вместе с людьми другой касты и не смеют даже касаться друг друга. Все ели и пили за одним столом. Только редактор Онкар Натх удалился в свою комнату, чтобы приготовить себе пхаляхар¹. У госпожи Говинди разболелась голова, и она вообще отказалась от еды.

¹ П х а л я х а р — легкая закуска из плодов, употребляемая индустами вместо мясной пищи.

За обеденным столом собралось не менее двадцати пяти человек. Вопреки всяким запретам, здесь подавались и вина и мясо. Для этого банкета раз-сахиб заблаговременно заказал вина лучших марок. В мясных блюдах также не было недостатка: тут были и шарики из рубленого мяса с рисом, и плов, и жаркое из антилопы, и жареная козлятина, и куры, и фазаны, и куропатки. Словом, каждый мог выбрать то, что ему по вкусу.

Когда гости приступили к еде, Малти вдруг вспомнила про редактора.

— Куда же девался господин Онкар Натх? — спросила она раз-сахиба. — Пошлите, пожалуйста, за ним. Пусть его приведут сюда!

— Онкар Натх исповедует вишнуизм¹ и строго соблюдает все предписания своей веры, — ответил раз-сахиб. — За вашим столом ему делать нечего. Зачем мне его звать сюда? Чтобы осквернить его веру?

— Ах, пустяки, ничего с ним не случится! — возразила мисс Малти. — Мы только сыграем с ним одну очень забавную шутку.

В этот миг взгляд ее упал на человека, сидевшего в противоположном конце стола.

— О Мирза Хурshed! — воскликнула она. — Вы тоже здесь? Прекрасно! Мы поручаем вам организовать какую-нибудь каверзу и хорошенько разыграть господина Онкар Натха. Это будет испытанием ваших способностей!..

Мирза Хурshed был мужчиной плотного телосложения, с большими рыжими усами и голубыми глазами на бледном лице. Одет он был в широченные шальвары и пестрый ачкан, сшитый из шести различных отрезков ткани, и обычно не раставался со шляпой, так как на макушке у него сияла лысина. Мирза Хурshed был членом совета. Правда, во время заседаний совета он большую часть времени дремал и просыпался лишь тогда, когда начиналось голосование, причем голосовал он всегда за предложения националистов. Мирза-сахиб был последователем суфизма².

¹ Вишнуизм — одна из трех религий индуизма: поклонение Вишну — богу-хранителю.

² Суфизм — религиозно-мистические верования Востока, главным образом имевшие распространение в средние века в Иране. Суфизм проповедует уход от мира и подвижничество. Слово «суфий» по-арабски означает «шерстяной», «сермяжный», то есть «облаченный во власяницу, рубище».

Дважды совершал он религиозные паломничества к святым местам в Мекку. Несмотря на все это, он любил выпить и слыл чрезвычайно остроумным, изворотливым и беспечным человеком.

Раньше Мирза Хуршед ворочал делами в Басре, загребая сотни тысяч рупий прибыли. Но потом с ним стряслось несчастье: он запутался в интимных связях с одной знатной дамой, долго вел с ней тяжбу, чуть было сам не угодил в тюрьму, но затем по приказу властей должен был в двадцать четыре часа покинуть Басру, оставив все свое имущество и ценности. Ему удалось захватить с собой лишь пятьдесят тысяч рупий наличными. В Бомбее у него были агенты-компаньоны. Мирза-сахиб надеялся, что по прибытии в Бомбей он произведет с ними расчет и раздел капитала, а на оставшиеся на его долю деньги сможет жить припеваючи. Однако агенты, состряпав фальшивку, выудили у него и те пятьдесят тысяч, что он привез из Басры. Мало того! Когда потом он следовал поездом из Бомбея в Лакнау, к нему подсел какой-то незнакомый махатма¹, который, посулив ему золотые горы, выудил у него часы, дорогие кольца и последние наличные деньги. Таким образом, несчастный Мирза Хуршед прибыл в Лакнау лишь с тем, что было на нем.

С раз-сахибом у него были давнишние связи. Отчасти при помощи раз-сахиба, отчасти при поддержке других друзей он собрал небольшой капиталец и открыл в центре Лакнау собственный обувной магазин. В настоящее время этот магазин, стоявший на бойком месте, считался самым лучшим в городе. Торговля давала Мирзе ежедневно чetyреста пятьдесят рупий прибыли. Мирза Хуршед скоро завоевал такой авторитет среди городского населения, что даже был избран в члены совета вместо одного крупного заминдара-мусульманина.

Сейчас, услышав обращение мисс Малти, Мирза Хуршед ответил:

— Боже меня упаси! Я никого не желаю совращать с пути истинного! Вы сами сделаете это лучше меня. Право, все мы получили бы огромное удовольствие, если вы заставите редактора-сахиба напиться допьяна. Это и будет испытанием вашим чарам, вашей красотой!

— Правильно! Правильно! — дружно подхватили все.

¹ Махатма — святой, пророк, прорицатель; высший эпитет к подвижникам и святым.

— Сегодня, мисс Малти, вы должны показать нам, на что вы способны!

— А какую я получу за это награду? — спросила она Мирзу Хуршеда.

— Кошелек со ста рупиями!

— Фи, только сто рупий? Вы предлагаете сто рупий за то, что я заставлю отступить от догматов своей веры такого фанатика?

— Хорошо, назначьте себе награду сами!

— Тысячу рупий и ни на пайсу меньше!

— Ладно, мы согласны!

— О нет, одного согласия мало! Вручите деньги господину Мэхте!

Мирза Хуршед тотчас же достал из кармана банкнот в сто рупий, затем встал и, показывая бумажку всем присутствующим, сказал:

— Друзья! Стоит вопрос о нашей чести. Он касается всех мужчин! Мы должны собрать нужную сумму для мисс Малти, иначе имена наши будут покрыты позором. Будь у меня с собой сто тысяч, я все их отдал бы мисс Малти. Ведь один поэт древности ради одной лишь родинки на щеке своей возлюбленной приносил в жертву целые города! ¹ Сегодня все мы держим экзамен на звание мужчины, проверяем искренность нашего преклонения перед женской красотой. Проявите же подлинный героизм, выложите все, что есть у вас в карманах! Клянусь своей честью и своим именем, нам нельзя отступить! Вы лишитесь части своих денег, зато прославите свои имена! Такое зрелище стоит дороже сотни тысяч рупий! Сегодня на ваших глазах королева прекраснейших женщин города Лакнау будет испытывать на одном монахе чудодейственную силу своей красоты!

Закончив эту речь, Мирза-сахиб стал обходить всех присутствующих и опораживать их карманы. Вначале он обыскал мистера Кханну, у которого оказалось всего пять рупий.

— Ну и ну! — печально пробурчал в усы Мирза Хуршед. — Вот так мистер Кханна! Такое известное имя, а в карманах пустота! Директор столько компаний, имеет сотни тысяч дохода, а в кармане только пять рупий! Что поделаешь, на все воля божья! Профессор Мэхта, где вы

¹ Здесь имеется в виду известная газелла персидского поэта Хафиза (1320—1389), в которой он воспеваает красоту возлюбленной.

там? Сходите, пожалуйста, к его супруге госпоже Говинди Кханна и постарайтесь выудить у нее хоть сотню рупий.

— У нее, наверно, нет ни пайсы! — сконфуженно пробормотал мистер Кханна. — Кто знал, что вы здесь начнете потрошить карманы!

— Ладно, помолчите! Сейчас на карту поставлена наша честь!

— Ну хорошо, я схожу к жене и спрошу у нее денег!

— Нет, не смейте! — остановил его Мирза-сахиб.

— Мистер Мэхта, — обратился он к профессору, — вы философ, знаток психологии. Вам мы и поручим сходить к ней. Только смотрите, не будьте там таким простаком, как всегда.

Профессор Мэхта быстро пьянел от вина. Когда он был под хмельком, в нем пробуждалась настоящая человеческая подвижность, вся философия улетучивалась из его головы. Он тотчас же встал и вприпрыжку направился в комнату, где отдыхала госпожа Говинди Кханна. Но через каких-нибудь пять минут, понутив голову, он вернулся обратно к гостям.

— Что, с пустыми руками? — спросил его Мирза-сахиб.

— В доме судьи, говорят, и мыши умные! — засмеялся раэ-сахиб.

— Клянусь богом, мистер Кханна, вам всегда и во всем везет! — воскликнул Мирза Хуршед.

Мэхта громко рассмеялся и, достав из кармана пять банкнот по сто рупий, протянул их Мирзе-сахибу.

Мирза Хуршед бросился обнимать профессора.

— Bravo! Вот это молодец! — раздались крики. — Да, это настоящий философ, ничего не скажешь!

Вертя перед глазами бумажки, Мирза-сахиб воскликнул:

— Брат Мэхта, с сегодняшнего дня я ваш ученик и последователь! Расскажите, каким путем вы получили их?

Профессор Мэхта гордо выпрямился и, глядя на гостей покрасневшими от выпитого вина глазами, заговорил:

— Друзья! Ничего трудного! Я просто подошел к ее двери и спросил: «Разрешите войти?» — «Это вы, Мэхта джи?» — спросила госпожа Кханна. — Входите, пожалуйста! Я вошел и сказал, что наши гости затеяли игру в бридж и что мисс Малти проиграла пятьсот рупий, а денег у нее с собой нет. Поэтому она предлагает в залог свое золотое кольцо, стоящее по меньшей мере тысячу рупий.

«Вы сами видели то кольцо у нее,— сказал я.— Так вот, если у вас есть деньги, дайте мне пятьсот рупий, и я принесу вам вещь, стоящую тысячу рупий. Когда еще подвернется такой же благоприятный случай? Если мисс Малти не уплатит сейчас долг, ей будет весьма неприятно. Вероятно, поэтому она и сняла свое кольцо с пальца в надежде, что у кого-нибудь найдется пятьсот рупий». Услышав это, госпожа Кханна улыбнулась, быстро достала из сумочки пятьсот рупий, отдала их мне и сказала на прощанье: «Я никогда не выхожу из дома без денег! Ведь неизвестно заранее, на что и когда они могут потребоваться!» Вот и все!

— Если наши профессора выкидывают такие штуки, то, право, я боюсь за университет! — пробормотал мистер Кханна.

— Ладно, не такая уж это большая сумма, чтобы вам о ней сокрушаться! — ответил Мирза, желая еще больше подзадорить банкира. — Не обманывайте бога! Ведь эти пятьсот рупий составляют ваше однодневное жалованье. Извольте считать, что один денек вы проболели, вот и все! К тому же эти деньги все равно попадут в ручки мисс Малти, а лекарство от вашей сердечной болезни также находится у нее в руках.

— Почтенный Мирза Хуршед, шутите, да знайте меру! — укоризненно взглянув на него, сказала Малти.

— Прошу прощения, обожаемая мисс Малти! — извинился Мирза-сахиб.

Затем обыскан был мистер Танкха. В его карманах с трудом наскребли десять рупий. Что же до самого профессора Мэхты, то у него оказалось всего восемь анн. Некоторые гости сами выкладывали на стол кто две рупии, кто четыре. Когда весь сбор был подсчитан, до тысячи не хватало еще трехсот рупий. Раэ-сахиб великодушно выложил эту сумму.

Тем временем господин Онкар Натх сидел один в отведенной ему комнате и вкушал плоды и овощи. Он еще не успел закончить свою трапезу, когда раэ-сахиб заглянул к нему и сказал:

— Мисс Малти все время вспоминает про вас. Не присоединитесь ли вы к нам?

— Счастливый, видно, я человек, что она не забывает обо мне, — ответил довольный Онкар Натх и направился вслед за раэ-сахибом в общую залу.

Слуги тем временем успели убрать столы. Мисс Малти поспешила навстречу редактору.

— Сидите, сидите, пожалуйста, мисс Малти! Не извольте утруждать себя! — проговорил Онкар Натх, всем своим видом выражая покорность и смирение. — Не такой я большой человек, чтобы оказывать мне подобную честь!

— Вы считаете это беспокойством, но я чту за великую честь приветствовать вас! — проникновенным тоном ответила ему Малти. — Ведь вы только из скромности стараетесь не показать, какой вы великий человек! Это так похоже на вас! Но тем не менее все сидящие здесь господа прекрасно знают о вашем беззаветном служении народу. И хотя народ наш не оценил еще огромной работы, которая уже проделана вами на этом благородном поприще, но недалек тот день, — а я лично считаю, что он уже совсем близок, — когда улицы в крупнейших городах Индии будут называть вашим именем, когда откроются клубы, носящие ваше имя, а в залах муниципалитетов будут вывешены ваши портреты. Ведь пробуждение народных масс, которое мы наблюдаем сейчас в стране, это результат и ваших героических усилий! Вы, конечно, будете рады узнать, что у вас появились повсюду горячие последователи, которые готовы всячески поддерживать вас в деле осуществления сельских реформ и улучшения положения крестьянства. Все они горячо желают, чтобы эти благие начинания были претворены в жизнь через соответствующую организацию, чтобы для этой цели был создан «Союз сторонников реформы в деревне» и чтобы председателем этого союза были вы!..

Это был первый случай в жизни Онкар Натха, когда люди высшего сословия уделяли ему столько внимания. Вообще-то говоря, Онкар Натх неоднократно выступал на митингах и собраниях и действительно состоял секретарем или помощником секретаря нескольких общественных организаций. Но до сих пор со стороны богатых, образованных людей он встречал одни насмешки и презрение. Ему никак не удавалось прочно укрепиться среди них, а потому в своих публичных выступлениях он всегда поносил их за инертность и корыстолюбие. В своей газете он задевал то одного, из них, то другого. Он обладал бойким пером и крикливым слогом, а недостаток правдивости он с успехом искупал буйной фантазией. Поэтому люди считали его пустым болтуном. И вдруг люди высшего обще-

ства оказывают ему сегодня такой почет! Он не верил своим ушам. Где же вы, редакторы газет «Независимость», «Свободная Индия», «Охотник» и иже с ними? Придите сюда, посмотрите и онемейте от зависти!

Придя немного в себя, Онкар Натх решил, что сегодня, видимо, боги просто смилостивились над ним. Он ведь знал, что еще риши — древние мудрецы Индии — утверждали, что добрые деяния никогда не остаются бесплодными! При этой мысли он поднялся сам в своих собственных глазах.

— Обожаемая богиня красоты, вы увлекаете меня на тернистый путь! — сказал Онкар Натх, всем своим видом выражая величайшую признательность. — Все то, что я сделал для народа, я сделал потому, что это велел мне исполнять мой долг. Конечно, я понимаю, что вы хвалите не столько меня лично, сколько то великое дело, которому я посвятил всю свою жизнь. Но я прошу вас выдвинуть на пост председателя какого-нибудь более влиятельного и авторитетного человека. Я ведь не ищу высоких постов! Я слуга народа, и я хочу служить народу.

— Нет, нет, уважаемый редактор! — живо возразила мисс Малти. — Пост председателя придется занять вам! Вряд ли во всем городе сыщется другой более влиятельный человек, перо которого обладало бы такой же чудодейственной силой, речь которого была бы способна так же гипнотизировать слушателей и в личности которого было бы столько же очарования. Кто посмеет сказать, что вы недостойны быть председателем? Прошли те времена, когда богатство и влияние, действуя в союзе, вершили судьбами человечества. Теперь время авторитета и разума! Так что, господин редактор, вам придется согласиться занять председательский пост, а я буду секретарем союза. Мы уже собрали тысячу рупий на расходы по организации союза. Перед нами еще целый город и вся провинция, так что легко можно будет собрать еще тысяч четыреста — пятьсот!

Онкар Натху стало казаться, что он охмелел или просто грезит. Однако он начал верить, что именно так все и обстоит на самом деле — ему предлагают пост председателя! Поэтому и сейчас он вполне серьезно сказал:

— Но вам, мисс Малти, следует иметь в виду, что эта работа очень ответственная и вам придется уделять ей максимум своего времени. Я же могу заверить вас, что буду всегда стоять на своем посту.

— Даже самые заклятые ваши враги не могут сказать, что вы когда-нибудь отставали от других в выполнении своего долга! — подзадорил редактора Мирза Хуршед.

Видя, что Онкар Натх опьянел от всего этого вздора, Малти продолжала еще более серьезным и деловым тоном:

— Дорогой Онкар Натх! Если бы мы не понимали всей значительности затеваемого нами дела, то мы бы не стали создавать этого союза, не стали бы выдвигать вас на пост председателя! Мы могли бы сделать председателем какого-нибудь раиса¹ или заминдара и под видом служения народу выжимали бы из него деньги, добиваясь своих корыстных целей. Но мы ставим перед собой не эту задачу. Наша единственная цель — служение народу. А основным боевым оружием нашего союза должна быть ваша газета «Биджли». Мы уже договорились здесь, что ваша газета будет разрекламирована в каждом городе и в каждой деревне, будет проведена кампания по ее распространению и, таким образом, в ближайшие дни число ваших читателей возрастет до двадцати тысяч. Все председатели провинциальных и районных муниципалитетов являются нашими друзьями, некоторые из них присутствуют сейчас здесь. Если каждый из них затребует для своего района хотя бы по пятьсот номеров «Биджли», то можете считать, что двадцать пять тысяч экземпляров газеты уже разошлись. Кроме того, раэ-сахиб и Мирза-сахиб решили внести на ближайшем заседании совета предложение, чтобы газета «Биджли» выписывалась за счет государства для каждой деревни, а вам выплачивалась бы ежегодная субсидия. Смею вас заверить, что это предложение будет принято единогласно.

От таких перспектив у Онкар Натха начала кружиться голова.

— Нам придется послать депутацию к губернатору! — сказал он.

— Конечно, конечно! — поддержал его Мирза-сахиб.

— Мы заявим губернатору, что стыд и позор цивилизованному правительству, которое не желает признавать «Биджли» — единственного печатного органа «Союза сторонников реформ в деревне»!

¹ Раис — звание, которым английские колониальные власти награждали титулованных индийцев, оказавших им важные услуги.

— Обязательно заявим! Непременно заявим! — поддакивал ему Мирза Хуршед.

— Господа! — продолжал Онкар Натх, — сейчас не время гордиться, но тем не менее я должен здесь отметить, что та огромная работа, которая была проделана газетой «Биджли» в области улучшения положения индийской деревни...

— Дорогой редактор, называйте это не работой, а беззаветным служением народу, — посоветовал профессор Мэхта.

— Именно так! И я очень благодарен мистеру Мэхте за его поправку. Речь идет именно о беззаветном служении народу! Деятельность нашей газеты на данном поприще была огромной, значительной не только для этой провинции, но и для истории всей страны!

— Безусловно так! — подтвердил Мирза-сахиб.

— Наше общество решило также, — продолжала мисс Малти подливать масла в огонь, — что мы выдвинем вас, господин Онкар Натх, кандидатом в члены Законодательного совета Индии на предстоящих выборах. Требуется только ваше личное согласие, а все остальное: предвыборные расходы, выступления перед избирателями, агитация и прочее — это мы берем на себя!

Глаза Онкар Натха засверкали от гордости. В знак своего повиновения он скрестил руки на груди и сказал:

— Я ваш покорный слуга! Требуйте от меня все, что необходимо!

— Мы надеемся на вас, как на самих себя! — сказала Малти. — До сегодняшнего дня мы усердно молились ложным богам, мы разбивали себе лбы, но ничего путного так и не смогли от них добиться. Теперь в вашем лице мы обрели своего подлинного вождя, истинного наставника. И в этот благословенный и счастливый для нас день нам необходимо единодушно раз и навсегда отказаться от своей спеси и лицемерия. С сегодняшнего дня среди нас не должно существовать деления на людей высших и низших, никакой дискриминации, никакого превосходства одних над другими! Нет больше ни брахманов, ни шудр; нет ни индусов, ни мусульман, нет ни больших, ни малых! Все мы дети одной матери — Индии! Все мы братья, берущие пищу из одной тарелки. В нашем союзе нет места людям, проповедующим раскол, дискриминацию, социальное неравенство и жестокость. В союзе, президентом которого

является отныне всеми уважаемый господин Онкар Натх, не может быть разделения людей на больших и малых, на высших и низших, на пьющих и не пьющих, на употребляющих в пищу мясо и не употребляющих мяса. Людям, которые не верят в объединение масс и национальное единство народа, лучше подобру-поздорову убраться отсюда!

— Я считаю, что основная цель единения заключается не в том, что люди должны сразу отказаться от вековых традиций, например в отношении пищи, — с сомнением заметил раз-сахиб. — Я вот не пью вина — значит, я не буду принят в союз?

— Конечно, вам придется отказаться от этой мысли! — безжалостно заявила Малти. — Члены нашего союза не должны ничем отличаться друг от друга.

— Я сомневаюсь! — воскликнул профессор Мэхта, стукнув по столу рюмкой. — Я сомневаюсь, верит ли сам наш уважаемый президент господин Онкар Натх в такой союз, где бы все пили и ели то, что им предложат?

Онкар Натх побледнел. Прохвост Мэхта совсем некстати затронул его самое больное место! Он мог испортить ему все дело! Тогда неожиданное счастье его могло исчезнуть, подобно миражу...

Мисс Малти вопросительно посмотрела на Онкар Натха и затем убежденным тоном сказала:

— Ваше сомнение, уважаемый Мэхта, не имеет никаких оснований! Неужели вы считаете, что такой несравненный поборник национального единения, человек с такими широкими взглядами, такой пламенный поэт, как наш дорогой Онкар Натх, может быть сторонником постоянных, бессмысленных традиций, разделяющих нацию на высшие и низшие касты, на людей, верующих и не верующих в бога, на употребляющих в пищу мясо и не употребляющих, на пьющих и не пьющих. Высказывать подобное сомнение — равносильно унижению его как патриота!

Лицо Онкар Натха засияло, по всему его телу разлилась волна радости. Он облегченно вздохнул.

— Более того! — продолжала мисс Малти тем же уверенным, серьезным тоном. — Я считаю, что такие сомнения могут просто оскорбить благородные чувства мужчины. Разве порядочный, культурный человек может отказаться от бокала вина, предложенного ему женщиной? Такой отказ нанес бы оскорбление всему женскому полу. Он оскор-

бил бы всех женщин, чьи глаза, подобно стрелам, разят мужские сердца, с радостью подставляемые самими мужчинами, женщин, перед которыми не могут устоять ни могущественные короли, ни великие махараджи! Так давайте же поднимем бокалы! Если кто не осушит бокала по столь торжественному случаю, то это будет равносильно предательству! Прежде всего мы подыдем бокалы за здоровье нашего уважаемого председателя мистера Онкар Натха!

Лед, вино и сода были заготовлены заранее. Малти протянула Онкар Натху бокал, наполненный до краев красным вином, и бросила на него такой обворожительный взгляд, что все убеждения, все мысли о вере, о личном совершенстве и соблюдении религиозных предписаний мигом улетучились из головы Онкар Натха. Он подумал про себя: «Все наши поступки мы совершаем в зависимости от обстоятельств! Сегодня я бедный, нуждающийся человек. Когда мимо меня проносится машина, оставляя позади клубы пыли, меня это так злит, что я готов швырять в нее камнями. Но разве у меня самого нет сокровенного желания иметь свой автомобиль? Наши убеждения, привычки и вера зависят от условий, в которых мы живем, все остальное — чепуха! Отцы и деды не пили вина, ну и что ж из этого? Разве они имели такую возможность? Тогда и степень их культурного развития была ниже. Если бы они даже захотели выпить, то где бы они взяли вина? Они не ездили в поездах и не пили воды из водопроводных кранов, а изучение английского языка считали греховным делом! С тех пор много воды утекло! Если не станешь шагать в ногу со временем, то оно обгонит тебя».

Если бы нежные ручки подобной красавицы преподнесли Онкар Натху бокал, наполненный ядом, он все равно бы выпил. А сейчас перед ним стояла и умоляюще глядела ему в глаза женщина, внимания которой добивались раджи и махараджи! Мог ли он отказать ей?!

Онкар Натх взял бокал, склонил голову в знак глубокой признательности, решительным движением поднес его к губам и одним духом осушил до дна. Затем он окинул всех присутствующих таким взглядом, словно хотел сказать: «Ну, теперь-то вы верите мне? Думали, что я всегонавсего набитый предрассудками индуист? Посмеете ли вы сказать, что я ханжа и обманщик?»

В зале поднялся невообразимый шум. Отовсюду слышались громкий смех и возгласы:

— Вот это да! Превосходно, мисс Малти, превосходно! Вы сумели сломить железный закон, сокрушили крепость веры, совратили с пути истины образец воздержания и аскетизма!

Едва выпив первый бокал, Онкар Натх почувствовал прилив красноречия.

— Свою веру я вручил в прелестные ручки мисс Малти,— улыбнувшись, сказал он.— И я уверен, что она сумеет защитить ее! Если бы я верил в тысячу богов, то не колеблясь положил бы всех к ее прелестным ножкам!

Зал дрогнул от хохота. Лицо Онкар Натха расплылось в улыбке, глаза заблестели. Наполнив второй бокал, он сказал:

— Этот бокал я поднимаю за здоровье мисс Малти! Выпейте и вы все, пусть милость богов сопутствует ей!

Все еще раз опорожнили свои бокалы.

Тем временем Мирза Хуршед принес гирлянду из живых роз. Торжественно надевая ее на шею Онкар Натху, он сказал:

— Господа! Ваш покорный слуга только что сочинил оду в честь нашего уважаемого господина председателя. Если разрешите, я прочту ее.

— Да, да! Прочтите! — раздались со всех сторон возгласы.

Онкар Натх обычно пил бханг¹ и был привычен к этому напитку. Однако вино он пил впервые в жизни. Бханг, подобно снотворному наркотику, действует на человека постепенно, он словно окутывает его мозг каким-то туманом, сознание не притупляется, речь остается плавной, а фантазия и воображение становятся беспредельными. От вина же опьянение наступает сразу — на человека словно тигр набрасывается! Он хочет сказать одно, но язык его мелет всякий вздор. Он становится крайне обидчивым. То же случилось и с Онкар Натхом. Одному богу известно почему, но, услышав, что в его честь хотят читать хвалебную оду, Онкар Натх счел это за оскорбление. Стукнув кулаком по столу, он завопил:

— Нет! Не допущу никаких од! Я здесь президент и извольте выполнять мой приказ! Если я захочу, то могу распустить наш союз, а вас всех выгнать вон! Никто не

¹ Б х а н г — наркотический напиток, настоенный на листьях индийской конопли.

посмеет ничего мне сделать! Я президент, других президентов здесь нет!

— Ваше высочество! — сложив на груди руки в знак полной покорности, обратился к нему Мирза Хуршед. — Но ведь эта хвалебная ода написана в вашу честь!

Редактор-сахиб бессмысленно смотрел на него красными помутневшими глазами.

— Почему вы вздумали хвалить меня? Почему? Я не слуга и не живу за счет какого-нибудь прохвоста! Я сам редактор, я редактор газеты «Биджли»! Я сам буду хвалить в своей газете тех, кто заслужит это! Обожаемая мисс Малти! Вас я не стану хвалить. Я ведь не такой уж большой человек. Я раб всех вас! Я пылинка у ваших ног, Малти! Вы моя Лакшми, моя Сарасвати¹, моя Радха!..

Продолжая молоть эту чепуху, Онкар Натх хотел было поклониться мисс Малти, но, не удержав равновесия, стал валиться на пол. Мирза Хуршед поспешил к нему на помощь, поддержал его, а потом раздвинул стулья и опустил на пол. Затем, наклонившись над ним, он констатировал:

— О Рам! На все твоя воля! Он мертвецки пьян!

— Ох и будет же он злиться завтра! — сказал редактор-сахиб. — Он проклянет всех нас в своей газете, да так, что мы надолго запомним. Такой подлец никого не пощадит! А писать он великий мастак. Такой осел и так хорошо пишет — просто удивительно!

Несколько человек подняли редактора-сахиба и отнесли в соседнюю комнату.

В шатре уже началось представление Дхануш яджна. Слуги несколько раз приходили звать пирующих. Кое-кто из приглашенных уже успел уйти в шатер.

Остальные тоже собирались было идти вслед за ними, как вдруг в зал ворвался вооруженный патан².

Это был здоровенный, широкоплечий мужчина, облаченный в длинную рубашу, широкие шальвары и пеструю жилетку с ручной вышивкой. На голове у него красовалась каракулевая шапка, обвитая длинной чалмой, один конец которой свисал до пояса. Светлокожий, с огромными

¹ Сарасвати — в индийской мифологии богиня красноречия, покровительница наук и искусств.

² Патаны — независимые афганские племена, живущие у северо-западной границы Индии. Со временем патанами стали называть всех проживающих в Индии афганцев.

усами, он быстро оглядел всех бесстрашным взглядом. Через плечо у него висели кожаный патронташ и ружье, а из-за пояса торчал кинжал. Остановившись посреди зала, патан загремел:

— Ни с места! Одного из моих людей только что ограбили. И это дело рук здешнего начальника. Ему придется возместить все, все до последней пайсы! Кто здесь у вас главный? Давайте его сюда!

Раз-сахиб, выступив вперед, гневно спросил:

— В чем дело? Кого ограбили? О каком разбое вы толкуете? Его ограбили, наверно, вы сами! Здесь собрались порядочные люди, а не грабители! Расскажите толком, что случилось?

Патан злобно вытаращил глаза. Стукнув прикладом ружья о пол, он крикнул:

— Ты еще смеешь спрашивать, какой грабеж, какой разбой? Ты ограбил его, твои люди! Я хозяин в твоей деревне. У меня с собой здесь двадцать пять молодцов! Один из моих людей вез тысячу рупий, и ты ограбил его, да еще спрашиваешь, какой грабеж? Я привел с собой двадцать пять молодых удалцов. Сейчас они ввалятся сюда. Мы распотрошим это имение! Ни один негодяй ничего не сможет с нами сделать!

Мистер Кханна, взглянув на грозно нахмуренные брови афганца, тихонько встал из-за стола и направился было к двери.

— Эй, куда? — грубо крикнул ему патан. — Никто не смеет выходить, не то всех перестреляю! Вам со мной ничего не сделать! Я не боюсь вашей полиции. Полицейские разбегаются едва завидят меня. В совете у нас сидят свои люди. Через них мы можем обратиться к самому вице-королю Индии. Еще раз повторяю: никто из вас не смеет уходить отсюда! Вы ограбили меня, так извольте возвратить тысячу рупий, иначе ни одного в живых не оставлю! Грабите народ и пьянствуете здесь с красотками? Погодите же!

Мисс Малти стала было незаметно пробираться к выходу, но патан, словно охотничий сокол, в одно мгновение настиг ее и, преградив дорогу, сказал:

— Заставь этих негодяев вернуть наши деньги, иначе я увезу тебя с собой и в моих владениях устрою пир в твою честь. Я влюбился в тебя, моя красавица! Выкладывай тысячу рупий, или тебе придется ехать со мной. Без

тебя я не уйду отсюда! Я полюбил тебя! Сердце мое полно любви. Здесь, во дворе, у меня стоят наготове двадцать пять молодцов. И еще пятьсот находятся в этом округе. Я хан своего племени! В моем племени десять тысяч вооруженных воинов. Я никого не боюсь и могу объявить войну самому эмиру Кабула. Английское правительство выплачивает мне двадцать тысяч рупий в год. Если вы не возвратите мне мои деньги, — обратился он ко всем присутствующим, — то мы разграбим эту деревню и увезем с собой вот эту красавицу! Убийство для меня — забава. Я пролью здесь реки крови!

Гостей охватил ужас. Мисс Малти прекратила свое шепотание. У мистера Кханны тряслись поджилки, — он вообще был не из храброго десятка. Из страха свалиться с лестницы он жил в одноэтажном особняке. Подниматься вверх по лестнице было для него все равно, что подниматься на эшафот. Боясь, как бы чего не случилось, он даже летом спал в душной комнате.

Раз-сахиб всегда чванился своим рыцарским происхождением. Бояться какого-то патана в своей собственной деревне было просто смешно. Однако в руках у этого дикаря было ружье, и стоило только шевельнуться — патан пристрелил бы его на месте. Патаны, как известно, стреляют без промаха. Не будь у разбойника в руках оружия, раз-сахиб мог бы еще померяться с ним силой.

Дело осложнялось тем, что негодяй никому не позволял выйти, иначе можно было бы немедленно созвать людей со всей округи и перебить весь его отряд.

Раз-сахиб собрался, наконец, с духом и решил рискнуть.

— Я уже говорил вам, что здесь нет ни грабителей, ни воров, — сказал он. — Я член местного совета, а эта уважаемая госпожа — известный врач из Лакнау. Здесь собрались порядочные и уважаемые люди. Мы не знаем, кто ограбил ваших людей. Сходите в полицейский участок и напишите заявление.

— Хватит болтать! — топнув ногой, заорал патан.

Он открыл патронташ, снял с плеча ружье и взвел курок. — Сейчас мы этого члена совета вот так, — и он шаркнул ногой по полу, — сотрем в порошок! У меня твердая рука и бесстрашное сердце. Я никого не боюсь, кроме бога! Если не отдадите мои деньги, я убью его первым! — показал он на раз-сахиба.

Увидев направленное на него дуло ружья, раэ-сахиб поспешно согнулся. Его почти не стало видно из-за стола. «Вот еще напасть на мою голову!» — подумал он. А разбойник продолжал твердить свое:

— Вы ограбили нас! Отдавайте деньги!

Он ничего не желал слушать, ничего не хотел понимать и никому не разрешал выйти из зала.

Слуги и личная охрана раэ-сахиба—все находились в шатре. Они были увлечены представлением Дхануш яджна. Прислуга заминдара отличалась крайней медлительностью и ленью, так что и в обычное время приходилось звать их по десять раз. А сейчас, когда все они были заняты столь приятным делом, их вообще было не дозваться. Дхануш яджна для них было не просто представлением, а божественной мистерией. Если бы хоть один из них заглянул в залу и дал знать охране, участь патана была бы решена. Солдаты быстро остудили бы его воинственный пыл и до единого волоска повыдергали бы его грозные усы. И откуда только взялся такой зверь? Настоящий палач. Такому никакие человеческие чувства неведомы.

— Что же нам теперь делать? — обратился раэ-сахиб по-английски к Мирзе Хуршеду.

Мирза-сахиб растерянно моргал глазами:

— Не знаю, что и посоветовать. Голова ничего не соображает. Револьвер я забыл дома, а не то угостил бы этого дикаря парой пуль!

— Надо бы дать ему немного денег! — делая плаксивое лицо, по-английски же сказал мистер Кханна. — Иначе его отсюда не выпроводить!

— А что посоветуете делать вы? — обратился раэ-сахиб к Малти.

Лицо Малти пылало от гнева.

— Что же это такое? — сказала она. — Этот негодяй унижает меня, а вы все сидите и смотрите? В присутствии двадцати мужчин дикий патан глумится надо мной, и вас это нисколько не трогает? Должно быть, трясетесь за свою жизнь? Почему никто из вас не выбежит во двор и не подымет тревогу? Почему вы не броситесь на него все сразу и не отнимете у него оружие? Бойтесь, что он начнет стрелять? Пусть стреляет! Бойтесь, что убьет одного-двух из вас? Пускай! Нельзя же быть такими трусами!

Однако никто не собирался бросаться навстречу смерти, как предлагала мисс Малти. Если бы кто-нибудь, на-

бравшись храбрости, попытался выскочить в окно, то разгневанный патан мог застрелить человек десять, а то и всех прикончить. Возможно, что потом его приговорят к смерти и повесят, но и это еще не наверняка. Ведь он хан — вождь многочисленного племени! Английское правительство платит ему субсидию! Приговорить к смерти хана? Тут и само правительство призадумается! А там кто-нибудь нажмет сверху и его освободят. Это же политика! Кто же станет думать о справедливости? Ничего не будет удивительного, если их же самих потом потащат в суд, а там, чего доброго, назначат в этот район еще несколько полицейских... Как славно они веселились здесь! Собирались было посмотреть сатирическую пьесу... И вдруг на голову им свалился этот дьявол! Похоже, он не уйдет отсюда, пока не убьет кого-нибудь!

— Уважаемая мисс Малти, вы так строго осуждаете нас, словно забота о своей жизни является грехом! — укоризненно проговорил мистер Кханна. — По-вашему, выходит, что спасти свою жизнь — значит совершать какой-то грех? Ведь всем живым существам, в том числе и нам, присуща любовь к жизни! Что в этом предосудительного? Но вы так дешево цените нашу жизнь, что нам просто обидно. Вопрос идет о какой-то тысяче рупий. У вас имеется эта тысяча, причем получили вы ее даром. Почему бы вам не отдать деньги этому дикарю? Тогда бы мы сразу избавились от него. Таким образом, вы сами подвергаете вашу честь опасности, а мы тут ни при чем!..

— Этот нахал прикоснется к уважаемой мисс Малти, только перешагнув через мой труп! — разгорячившись, заявил раз-сахиб. — Сейчас я попробую схватиться с ним. Не сам же сатана это в конце концов!

Мирза-сахиб с сомнением покачал головой.

— Ох, раз-сахиб, вы, как видно, плохо знаете этих патанов! — сказал он по-английски. — Начни он стрелять, мигом перестреляет всех нас. Патаны стреляют без промаха!

Адвокат мистер Танкха приехал сюда в надежде договориться с большими людьми о предстоящей предвыборной кампании в совет и уехать домой, увозя в кармане пять—десять тысяч рупий. А теперь вдруг оказалось, что жизнь его повисла на волоске!

— По моему мнению, — проговорил он, заикаясь, — самый рациональный способ избавиться от патана, это тот,

который только что предложил нам мистер Кханна. Действительно, господа, все дело в какой-то тысяче рупий, и деньги эти у мисс Малти есть. В таком случае, что же вы медлите?

Мисс Малти бросила на Танкху презрительный взгляд.

— Не думала я, что все вы такие трусы! — проговорила она.

— Я тоже не думал, что вам так дороги деньги, которые, к тому же, достались вам даром! — отпарировал мистер Танкха.

— Если вы можете спокойно смотреть, как оскорбляют меня, то, наверно, так же равнодушно станете смотреть, когда будут оскорблять ваших жен! — упрекнула мисс Малти мужчин.

— А вы ради денег, очевидно, без малейшего колебания отдадите на заклатие всех своих родственников мужского пола! — съязвил в ответ адвокат.

Афганский хан до сих пор стоял посреди зала и молча слушал эту перепалку. Внезапно он рывкнул:

— Долго мне еще ждать? Что вы там решили? — Вынув из кармана свисток, он продолжал: — Даю вам на размышление еще одну минуту. Если за это время вы не выложите на стол деньги, я свистну — и сюда ворвутся двадцать пять моих молодцов. А тебя я возьму с собой, дорогая моя! — сказал он мисс Малти, глядя на нее загоревшимися глазами. — Я буду предан тебе всей душой. Я слою к твоим ногам мою жизнь. Тебя окружало до сих пор много влюбленных мужчин, но ни один из них не любил тебя по-настоящему. Я покажу тебе, что такое истинная любовь! По одному твоему знаку я готов вонзить нож себе в сердце!

— Мисс Малти! Ради бога, отдайте вы деньги этому извергу! — взмолился Мирза Хуршед.

— Пожалейте нас, мисс Малти! — просительным тоном добавил мистер Кханна.

— Нет, нет! Ни в коем случае не отдавайте этих денег! — вскричал раз-сахиб. — Пусть свершится то, чему суждено свершиться: или мы погибнем, или хорошенько прочувствуем этих негодяев!

— Лезть в пасть тигру — это не геройство, а просто-напросто глупость! — сказал адвокат.

Мисс Малти почувствовала себя в относительной безопасности. Увидев, что глаза вождя дикого племени пылают страстной любовью, она была польщена этим и ус-

покоена. И теперь она с отвращением наблюдала за позеленевшими от страха лицами гостей и раз-сахиба. Ее всегда влекло общество избранных мужчин. Их безудержная страсть сулила неизведанные упоительные восторги. Она уже пресытилась слабой и рассудочной любовью интеллигентов и богачей, и теперь ей хотелось испытать горячую искреннюю любовь дикого, не тронутого цивилизацией патана. Так некоторые, вволю насладившись нежной музыкой, стремятся посмотреть на битву обезумевших слонов.

Мисс Малти бесстрашно подошла к афганскому хану и, глядя ему в глаза, твердо сказала:

— Денег вы не получите!

— Тогда я заберу тебя с собой! — ответил тот, протягивая к ней руку.

— Вы не посмеете сделать это в присутствии стольких мужчин!

— Если бы тебя окружала тысяча мужчин, я бы все равно увез тебя!

— Вы рискуете головой!

— Пусть меня изрубят на куски ради любимой! — воскликнул патан и крепко схватил мисс Малти за руку.

Как раз в этот момент в зал вошел Хори.

Хори играл роль садовника раджи Джанака в священной мистерии, которая шла сейчас в шатре. Своей искусной игрой он услаждал и забавлял всех присутствующих. Но его беспокоила мысль, почему это раз-сахиб не пришел посмотреть представления. Он бы увидел тогда, какие искусные артисты его крестьяне! Пусть бы заодно посмотрели пьесу и друзья раз-сахиба! Надо бы позвать хозяина!

Улучив свободную минутку, Хори быстро добежал до дворца, вошел в зал и замер, ошеломленный неожиданным зрелищем: все гости молчали и широко раскрытыми от страха глазами глядели на патана, который тащил за руку мисс Малти.

Хори сразу понял, что тут дело не чисто. В тот же миг раз-сахиб крикнул ему:

— Хори, беги, дай знать охране! Немедленно позови солдат!

Хори повернулся было обратно, но патан ружьем загородил ему путь и грубо крикнул:

— Ты куда, сукин сын? Сейчас пристрелю тебя!

Хори был простым, необразованным человеком. Красный тюрбан полицейского вселял в его сердце ужас, но он не боялся выйти с одной палкой навстречу разъяренному быку. Он не был трусом. Ему приходилось колотить и самому быть поколоченным, и он всегда предпочитал первое. Пасовал он только перед полицейскими. Слишком уж они хитры и всемогущи. Где достанешь денег им на взятку? А без взятки они могут засадить в тюрьму. На кого тогда он оставит жену и детей? Но раз сам хозяин просит помочь, значит бояться ему нечего! В таком случае он готов был прыгнуть в пасть самой смерти!

Хори кинулся на патана, схватил его за пояс и так ловко дал ему подножку, что грозный хан шлепнулся на пол, злобно ругаясь на пушту¹.

Хори уселся верхом ему на грудь и, схватив патана за бороду, дернул ее. Неожиданно борода афганца очутилась у него в руках, а сам хан, высвободившись из-под Хори, сбросил с себя чалму и встал посреди зала.

Все присутствующие ахнули от изумления: перед ними стоял профессор Мэхта.

Окружив Мэхту со всех сторон, одни обнимали, другие хлопали его по спине. А на лице мистера Мэхты не видно было ни улыбки, ни выражения гордости. Он стоял молча, словно здесь ничего и не произошло.

— Где это вы научились искусству перевоплощаться? Я до сих пор никак не могу успокоиться!—с притворным гневом спросила его Малти.

Мэхта, улыбнувшись, ответил:

— Я захотел испытать мужество и доблесть всех этих добрых людей. Простите меня за неприятность, которую я причинил вам!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Церемония Дхануш яджна, происходившая в шатре, закончилась раньше, чем вся эта история с переодеванием, и артисты уже готовились к показу социальной комедии.

Однако гости не проявили к ней особого интереса. Смотреть ее отправился один только Мэхта. Он просидел в шатре с начала до самого конца представления. Ко-

¹ Пушту — афганский язык.

дия доставила ему огромное удовольствие. Он то и дело бурно аплодировал артистам и просил: «Повторите еще раз! Еще раз!»

В этой пьесе раз-сахиб вывел одного сутягу заминдара. Называлась пьеса комедией, но была переполнена болью и горечью.

Герой пьесы, который к месту и не к месту то и дело цитирует различные статьи закона, подает в суд жалобу на жену только за то, что та не успела в положенное время приготовить ему обед. Крюкотворство адвокатов наталкивается на простовато-лукавое упрямство свидетелей крестьян. Сначала они готовы хоть сейчас дать любые показания. Затем бесконечные наставления, которые делает им заминдар по дороге в суд, совершенно сбивают их с толку. Противоречивые и путанные выступления свидетелей в суде заставляли зрителей покатываться со смеху. Самой смешной была сценка, в которой адвокат учит свидетелей запоминать их показания. Свидетели никак не могут запомнить то, что им втолковывает адвокат. Адвокат выходит из себя от злости. Герой ругает свидетелей на их крестьянском диалекте. Наконец, в ходе судебного заседания ему приходится заменить их другими свидетелями.

Пародия была столь точна и правдива, что мистер Мэхта вскочил со своего места, заключил в объятия главного героя и пообещал наградить всех артистов медалями. Сердце его преисполнилось чувством глубокого уважения и симпатии к раз-сахибу, который на протяжении всего представления стоял за сценой, управляя артистами. Мистер Мэхта бросился к нему и обнял его, восклицая вне себя от восхищения:

— Я и не предполагал, что у вас такой острый глаз! Какая наблюдательность! Как все верно подмечено!

На следующий день после завтрака состоялась охотничья вылазка. Решено было пообедать где-нибудь на берегу реки, всласть поплавать и понырять, а вечером возвратиться в деревню. Гости, таким образом, могли испытать все прелести сельской жизни.

К этому времени из всех приглашенных у раз-сахиба остались только самые близкие друзья. Правда, у госпожи Кханны еще с вечера разболелась голова, и поэтому она не могла принять участия в общей прогулке. Что же до уважаемого господина редактора, то он был зол на всю

компанию и клялся в душе, что напишет целую серию статей, направленных против этой братии.

«Я им за все отплачу! — злобствовал редактор. — Вся эта публика — отборные мерзавцы! Сорят направо и налево незаконно присвоенными деньгами, да еще воображают из себя невесть что. Какое им дело до того, как живут остальные люди? Что им до того, что рядом с ними кто-то умирает от голода? Им бы только одно — любовные утехы да забавы. Взять хотя бы этого липового философа Мэхту! Носится повсюду со своими идейками об идеальной жизни, а сам гребет по целой тысяче рупий в месяц. С такими деньгами жизнь можно сделать не то что идеальной, но и получше! А может ли мечтать о совершенной жизни человек, которого день и ночь терзают заботы о том, как ему женить своих детей, как вызвать доктора к своей больной жене, где раздобыть денег, чтобы уплатить за жилье? Бродит такой Мэхта по чужим полям, словно племенной бык, жрет все, что попадается на пути, и считает, что все в мире счастливы. Ну, подожди, прозреешь ты, когда разразится революция! Тогда тебе скажут: «Ступай-ка, брат, в поле да поворачай там плугом!» Посмотрим тогда, что ты запоешь и какая у тебя будет идеальная жизнь! Хороша и эта потаскуха Малти, которую все величают «мисс». Она, видите ли, не желает выходить замуж, — это, видите ли, ограничивает ее жизнь, а ограничения мешают развитию человека! Грабь людей, развратничай сколько хочешь — вот в чем ваше развитие! Ломай и сокрушай все запреты и общепринятые нормы, посылай к черту и веру и отечество, плюй на свои общественные обязанности, на общественный долг, — и жизнь твоя будет совершенна! Есть ли на свете что-нибудь проще этого? Не поладил с родителями — гони их из дому. Жениться тоже не смей — ведь это свяжет тебя по рукам и ногам! А если к тому же пойдут дети, — так это путы, в которые попадают только глупцы! А почему, например, вы миритесь с тем, что нужно платить налоги? Ведь и закон тоже — настоящие цепи! Почему же вы не рвете их, а только бранитесь исподтишка? Да потому, что знаете, что, посмей вы только выступить против закона, мигом окажетесь за решеткой. На это у вас пороку не хватит! Разбивайте уж лучше лишь те ограничения, которые мешают вам срывать наслаждения и удовольствия. Для этого у вас есть достаточно сил и фан-

тазин! Приняв веревку за змею, можно сколько угодно бить ее и строить из себя храбреца. А попробуйте-ка подойти к настоящей, живой змее! Она зашипит, совьется кольцом! При ее приближении вы удираете без оглядки! Вот и вся ваша совершенная жизнь с ее идеалами!»

Охотники двинулись в путь часов в восемь утра. Мистеру Кханне до сей поры никогда еще не приходилось охотиться, и он вздрагивал от страха при каждом выстреле. Однако среди охотников была мисс Малти — как же мог он отстать от других?

Мистеру Танкхе до сих пор не удалось поговорить о выборах, и он надеялся, что такой случай представится ему на охоте.

Раэ-сахиб давным-давно уже не бывал в этой части своих владений и хотел посмотреть, как там идут дела. Нужно было хоть изредка наведываться сюда, чтобы поддерживать связь с крестьянами и держать их в страхе перед хозяином. А управляющих и слуг его проезд составляет еще бдительней выполнять свои обязанности.

Мирза Хуршед страстно жаждал новых ярких впечатлений. Он мечтал о таких приключениях, где он мог бы показать свою отвагу.

Что же касается мисс Малти, то она поехала вместе со всеми просто потому, что ей было необходимо всегда иметь возле себя целую толпу поклонников. Один только Мэхта отправлялся на охоту для того, чтобы действительно поохотиться.

Раэ-сахиб хотел было захватить с собой и провизию, и поваров, и носильщиков с паланкинами, и загонщиков, однако мистер Мэхта решительно воспротивился.

— А что мы будем есть? — осведомился Кханна. — Может быть, прикажете нам умирать с голоду?

— Почему же? Мы отлично пообедаем! — ответил ему Мэхта. — Но только на этот раз мы должны будем все сделать сами. Посмотрим, сможем мы обойтись без слуг или нет? Мисс Малти приготовит нам обед, а мы поедим. Тарелки, посуду можно будет раздобыть в какой-нибудь деревне, топлива всюду хватит, а дичь мы раздобудем.

— Нет уж, увольте! — жалобно проговорила Малти. — Вчера вечером вы так крепко схватили меня за руку, что она до сих пор ноет.

— Мы сами все сделаем, а вы будете только командовать!

— Послушайте-ка! — вмешался Мирза Хуршед. — Вам ни о чем не надо будет заботиться, я сам все организую. О чем тут толковать? Искать в лесу котлы да тарелки — глупое занятие. Мы выследим оленя, нажарим шашлык, поедим, а потом вздремнем часок в тени под деревьями.

Предложение было принято. На охоту отправились в двух автомобилях. Первый из них вела мисс Малти, а второй — сам раз-сахиб. Через каких-нибудь двадцать — двадцать пять миль начались горы. По обе стороны дороги возвышались цепи высоких холмов. Дорога постепенно становилась все извилистей и круче.

После довольно длинного подъема дорога неожиданно пошла вниз, и машины с большой скоростью понеслись под уклон, туда, где далеко-далеко впереди виднелась река.

Машины остановились в густой тени корявого баньяна¹, одиноко стоявшего на берегу и похожего на больного и немощного старика. Охотники вышли из автомобилей. Было решено отправиться на охоту, разбившись по двое. К двенадцати часам все должны были собраться на этом же месте. Мисс Малти выразила желание разделить компанию с Мэхтой. Кханна был раздосадован до крайности. Все его радужные планы в отношении Малти лопнули, словно мыльный пузырь. Знай он заранее, что Малти так его обманет, он еще вчера уехал бы домой! Ему пришлось пойти с раз-сахибом, общество которого хоть и было не так уж плохо, но далеко не столь приятно. Кханне нужно было переговорить с ним по разным весьма важным вопросам. Хуршеду и Танкхе ничего не оставалось, как пойти вместе. Вскоре все три группы охотников разбрелись в разные стороны.

Пройдя с Мэхтой некоторое расстояние по каменистой узкой тропинке, Малти сказала:

— Вы все шагаете да шагаете! Дайте хоть немного дух перевести!

Мэхта усмехнулась.

— Вы уже устали? — спросил он. — А ведь мы с вами еще и мили не прошли.

— Я вовсе не устала. Но почему бы нам не посидеть немного?

— Пока не добудем дичи, мы не имеем права отдыхать.

¹ Б а н ь я н — дерево, ветви которого дают многочисленные воздушные корни; вставая в землю, они образуют новые стволы.

— Я пошла с вами не за тем, чтобы охотиться.

Мэхта сделал вид, словно не понимает, что хотела сказать мисс Малти.

— Вот как, я и не знал! — воскликнул он. — В таком случае, зачем вы пошли со мной?

— Неужели мне нужно объяснять?

Но тут показалось стадо пасущихся оленей, и оба укрылись за скалой. Прицелившись, охотники выстрелили, однако пули их не достигли цели. Олени стремглав умчались прочь.

— Ну, что теперь? — спросила мисс Малти.

— Не беда! Пойдемте дальше, может быть, что-нибудь еще подвернется.

Некоторое время они шли молча. Затем мисс Малти остановилась и заявила:

— Слишком жарко, мне нехорошо. Давайте отдохнем немного вон под тем деревом, — там тень.

— Только не сейчас. Если вы хотите отдыхать — пожалуйста, а я не устал.

— Какой вы, право, безжалостный!

— Я не сяду, пока не раздобуду какой-нибудь дичи.

— Я вижу, вы хотите совсем меня замучить. Скажите, пожалуйста, зачем вы так напугали меня вчера? Я так на вас сердилась! Помните, что вы сказали мне тогда? Вы сказали: «Я буду предан тебе всей душой. Я сложу к твоим ногам свою жизнь». Я и не предполагала, что вы такой испорченный и дурной человек! А скажите правду, взяли бы вы тогда меня с собой?

Мэхта ничего не ответил, словно и не слышал ее слов.

Они продолжали идти. Немилосердно палило солнце. Им приходилось пробираться по солнцепеку, по каменной дороге. Малти устала по-настоящему и присела отдохнуть. Постояв рядом с ней, Мэхта сказал:

— Давайте договоримся так — вы будете сидеть здесь и отдыхать, а я немного погодя вернусь сюда.

— Вы собираетесь бросить меня здесь одну?

— Я уверен, что вы сумеете за себя постоять.

— Откуда вы это знаете?

— Всем богиням нового века присуща эта способность. Ведь они не желают принимать помощь от мужчин, а стремятся идти бок о бок с ними!

Малти смутилась.

— Вы скверный философ, Мэхта! Правол

На ветку дерева неподалеку от них опустился павлин. Прицелившись, Мэхта выстрелил. Павлин сорвался с дерева и улетел.

Малти была довольна его промахом.

— Что, промахнулись? Так вам и надо! Это я наслала на вас проклятье!

Мэхта опустил приклад ружья на землю.

— Не на меня наслали вы проклятье, а на самое себя! — ответил он. — Убей я сейчас павлина, я дал бы вам десяток минут передохнуть. А теперь вам придется встать и идти дальше.

Поднявшись на ноги, мисс Малти уцепилась за руку Мэхты.

— У философов, наверно, нет сердца, — сказала она. — Вы правильно делаете, что не женитесь. Вы бы убили бедняжку жену! Но так просто отделаться от меня вам не удастся! Вы не посмеете бросить меня здесь одну!

Мэхта быстро высвободил свою руку из пальчиков Малти и зашагал дальше.

— Вы слышите? Не смейте уходить! — со слезами на глазах крикнула ему вслед Малти. — Иначе я расшибу себе голову вот об эти камни!

Мэхта в ответ только ускорил шаг. Малти глядела ему вслед. Когда Мэхта отошел от нее шагов на двадцать, она сердито вскочила и, негодуя в душе, побежала за ним вдогонку. Отдыхать в одиночестве ей совсем не улыбалось.

Догнав Мэхту, Малти сказала ему:

— Я не считала вас таким бессердечным животным!

— Если я убью оленя, то его шкуру я подарю вам!

— Чтоб она сгорела, ваша шкура! Я не хочу с вами разговаривать.

— Если мы с вами ничего не добудем, а остальные вернутся с богатой добычей, как я буду смотреть им в глаза?

Довольно широкий горный ручей мчался меж каменистых берегов, похожих на оскаленные челюсти с торчащими из них огромными клыками скал. Поток был столь стремителен, что вся поверхность воды была покрыта пеной. Солнце стояло высоко над головой, и его лучи играли и переливались над водой, словно радуга.

— Ну, теперь-то уж нам придется вернуться! — обрадовалась Малти.

— Почему? Перейдем на тот берег, а там-то уж непременно встретим какого-нибудь зверя.

— Но посмотрите, какое тут сильное течение! Меня с ног собьет!

— Тогда оставайтесь здесь, а я пойду.

— Ступайте, если хотите! Мне еще жить не надоело.

Мэхта шагнул в воду и, нащупывая дно ногами, пошел поперек течения. Чем дальше он удалялся от берега, тем становилось глубже. Наконец, вода дошла ему до груди.

Малти заволновалась. Сердце ее затрепетало от страха. Никогда еще она не переживала и не беспокоилась так, как сейчас. Пискливым от волнения голосом она крикнула Мэхте:

— Там глубоко, остановитесь! Я тоже иду к вам!

— Не нужно! Пожалуй, еще поскользнется! Течение очень сильное.

Малти приподняла край сари и шагнула в воду. Но не сделала она и десяти шагов, как вода дошла ей до пояса.

Мэхта забеспокоился. Обеими руками делая ей знаки, чтобы она вернулась на берег, он крикнул:

— Не ходите сюда, Малти! Вам здесь будет по горло!

Малти сделала еще один шаг вперед.

— А я пойду! Вы жаждете моей гибели, так я умру рядом с вами!

Вода была ей уже по грудь. Течение было настолько сильным, что она едва удерживалась, чтобы не упасть. Мэхта возвратился и одной рукой схватил Малти.

В глазах Малти, обычно таких опьяняюще томных, сейчас сверкал гнев.

— Более безжалостного человека, чем вы, я в жизни не видала! Не человек, а настоящий камень, честное слово! Ну, что же, мучайте меня сколько угодно. Когда-нибудь я все вам припомню!

Казалось, вода вот-вот сшибет ее с ног и унесет прочь. Придерживая одной рукой ружье, она прильнула к Мэхте.

Стараясь подбодрить ее, Мэхта сказал:

— Вам не удержаться на ногах. Сейчас я посажу вас к себе на плечи.

— Неужели нужно обязательно переправляться на тот берег? — хмуря брови, осведомилась Малти.

Мэхта ничего не ответил. Закинув ружье за спину, он поднял Малти и посадил себе на плечи.

— А вдруг кто-нибудь увидит нас? — спросила она, стараясь скрыть свое торжество.

— Ну и что с того? Что тут предосудительного?

— Мы с вами сейчас представляем не слишком живописную картину!

Через два шага она грустно спросила Мэхту:

— Скажите, пожалели бы вы обо мне, если бы я сейчас утонула? Мне кажется, вам ничуть не было б меня жалко.

— Я вижу, вы меня не считаете за человека, — обиженно ответил Мэхта.

— Да, не считаю! И не собираюсь это скрывать!

— Это что, не шутка, мисс Малти?

— А вы как думаете?

— Я скажу вам об этом как-нибудь после.

Мэхта стоял теперь по горло в воде. Только бы он не ушел под воду с головой! Сердце Малти сжалось от страха.

— Мэхта! — взмолилась она. — Ради бога, остановитесь, иначе я прыгну в воду!

В этот опасный момент Малти вспомнила вдруг о боге, над которым прежде частенько подшучивала. Она знала, что нет никакого бога, который мог бы сейчас прийти к ней на помощь и выручить ее из беды. Но у кого же еще ей было просить помощи и поддержки?

Но тут стало мельче, и мисс Малти успокоилась.

— Теперь опустите меня, пожалуйста, — попросила она. — Дальше я пойду сама.

— Нет, нет, сидите и не шевелитесь! А вдруг впереди попадется какая-нибудь колдобина.

— Нет уж, пустите! А то вы, пожалуй, станете думать, какая, мол, она эгоистка!

— Почему эгоистка? За это вы меня наградите.

Сердце Малти радостно затрепетало.

— Какую же награду вы потребуете? — спросила она.

— А вот какую: если когда-нибудь вы окажетесь в таком же положении, то непременно позовите на помощь меня.

Они вышли из воды. На песчаном берегу Малти выжала свое сари, вылила воду из тужель, умыла лицо и

руки. Однако из головы у нее ни на минуту не выходили слова Мэхты, полные тайного смысла.

С наслаждением вспоминая о только что пережитой опасности, она сказала Мэхте:

— Я этот день надолго запомню!

— Вы сильно испугались? — спросил Мэхта.

— Сначала испугалась, а потом поверила, что вы сумеете вызволить нас обоих из беды.

Мэхта с гордостью поглядел на Малти. Лицо его, на котором разлился румянец усталости, сияло.

— Вы не можете себе представить, Малти, как мне приятно слышать от вас эти слова! — сказал он.

— А вот я от вас не слышала пока ничего приятного. Вы только и знаете, что бродите по лесу и таскаете меня за собой. На обратном пути нам придется еще раз перебираться через этот ужасный поток. Вон в какую опасность вы меня вовлекли сегодня! Если бы я жила вместе с вами, то, наверно, умерла бы на другой же день!

Мэхта улыбнулся. Он отлично понимал, к чему клонит Малти.

— Вон каким злодеем вы меня представляете! А если бы вдруг я сказал вам, что люблю вас, пошли бы вы за меня замуж?

— Кто же это пойдет замуж за человека с таким каменным сердцем? Ведь вы жену свою будете мучить день и ночь! — ответила ему Малти. А сама посмотрела на Мэхту глазами, которые говорили совсем другое: «Вы отлично знаете, какие чувства я к вам питаю! Не такой вы глупый человек, чтобы не догадаться о том, что я люблю вас».

Мэхта, словно очнувшись, сказал:

— Да, вы правы, Малти! Я не могу найти счастье с какой-нибудь женщиной. Ни одна женщина не сумеет провести меня, играя со мной в любовь. Я доберусь до самых затаенных глубин ее сердца и тут же разочаруюсь в ней.

Малти вздрогнула. Сколько правды было в словах Мэхты!

— В таком случае, скажите, какая любовь могла бы удовлетворить вас? — спросила она.

— Такая любовь, у которой на языке было бы то же самое, что и на сердце! Внешность, манеры, кокетство я оцениваю иначе, чем другие. Я ишу пищи, которая бы

утолила мой дух, и мне не надо ничего такого, что бы только взвинчивало и беспокоило душу.

Малти, сжав губы, с глубоким вздохом сказала:

— Вас трудно провести: вы слишком проникательный человек. Кстати, скажите, а что вы думаете обо мне?

Мэхта лукаво усмехнулся.

— Вы всего добьетесь! Вы умны, сообразительны, красивы, у вас доброе сердце, вы веселы, умеете держать себя в руках, можете пойти даже на самопожертвование, а вот любить вы не способны.

Малти, бросив на него быстрый взгляд, проговорила:

— Вы неправы, совершенно неправы! Мне кажется, зря вы думаете о себе, будто умеете проникать в глубину женских сердец.

Оба они шли теперь вдоль берега ручья. Давно уже наступил полдень, однако Малти сейчас не заговаривала ни об отдыхе, ни о возвращении к охотничьему лагерю. В разговоре, который она вела с Мэхтой, Малти находила удовольствие, оказавшееся для нее неожиданно новым. Скольких мужей науки, скольких политических лидеров одной только улыбкой, одним словом, одним взглядом повергала она к своим ногам, а потом без сожаления покидала! Она не могла возводить здание своей жизни на таком ненадежном и рыхлом фундаменте. А сегодня она нашла, наконец, ту прочную, крепкую, как камень, почву, при ударе о которую заступ только высекает искры. Эта удивительная твердость по-настоящему восхищала ее.

Над потоком пролетел лал-сар¹. Мэхта быстро вскинул ружье. Грянул выстрел. Птица была смертельно ранена, но все же пролетела еще некоторое расстояние и упала в самую середину потока. Течение понесло ее, покачивая на волнах.

— Что же теперь? — вопросительно взглянула на Мэхту мисс Малти.

— Достанем! Куда она от нас денется!

Мэхта подбежал к песчаной кромке берега, положил ружье и, войдя в воду, поплыл к самой стремнине. Целые полмили он плыл, напрягая все свои силы, но птицу уносило все дальше и дальше. Даже мертвая она словно улетала от него!

¹ Лал-сар — род утки с красным оперением головы и шеи.

Вдруг Мэхта увидел девушку, которая выходила из дверей хижины, стоявшей на самом берегу. Заметив уплывающую по течению птицу, она подняла до колен свое сари и бросилась в воду. Через мгновение птица была у нее в руках. Показывая лал-сара Мэхте, девушка закричала:

— Вылезайте из воды, бабу джи! Вот она, ваша птица!

Мэхта был поражен проворством и смелостью девушки. Он поплыл к берегу и через пару минут очутился возле нее.

Кожа девушки была совсем темной, почти черной, одежда ее состояла из каких-то грязных лохмотьев; украшениями ей служили — если это вообще можно назвать украшениями — толстые стеклянные браслеты — по два на каждой руке. Волосы девушки были растрепаны, и вряд ли хоть одну черточку на ее лице можно было бы назвать красивой. Но здешние чистые воды и воздух придали этой темнокожей крестьянке какую-то особую прелесть и очарование. Все члены ее прекрасного тела, сформировавшегося на лоне природы, были так красивы, так пропорциональны и гибки, что, право, трудно было бы найти лучший образчик молодости и здоровья. Ее цветущий вид и свежесть тронули сердце Мэхты.

Поблагодарив девушку, Мэхта сказал:

— Вы подросли во-время! Если бы не вы, кто знает, сколько бы мне еще пришлось плыть!

Обрадованная его похвалой, она ответила:

— Я сразу побежала к реке, как увидела, что вы плывете. Поохотиться сюда приехали?

— Да, приехали-то мы охотиться, но вот уже полдень, а нам удалось подстрелить лишь одну эту птичку.

— Если хотите подстеречь пантеру, я укажу вам место. Она каждую ночь приходит туда пить воду. А иногда появляется и в полдень.

Затем, застыдившись и низко склонив голову, девушка проговорила:

— А шкуру пантеры вы отдадите нам, ладно? Ох, что ж это вы стоите на самом солнце! — вдруг спохватилась она. — Пойдемте вон туда, под фиговое дерево! Вам ведь надо отдохнуть, одежду высушить...

Мэхта взглянул на мокрое сари девушки, плотно прилипшее к телу.

— Да вы сами до нитки вымокли! — заметил он.

Та беззаботно ответила:

— Ну, со мной ничего не делается! Мы ведь лесные жители, привыкли и к жаре и к воде. Вам такой жизни не выдержать.

«Вот умница! — подумал Мэхта. — А совсем неученая!»

— Что же вы станете делать со шкурой? — спросил он вслух.

— Мой старший брат продаст ее на базаре. Этим мы и живем.

— Чем вы нас угостите, если мы остановимся у вас переждать жару?

Девушка смущенно ответила:

— Дом у нас бедный, не знаю, чем вас и попотчевать. Если не побрезгуете, угощу вас маисовыми лепешками. А хотите, — могу поджарить вашу птицу, только расскажите мне, как ее нужно готовить. Есть еще немного молока. На нашу корову на днях напала пантера, но она отбилась от нее рогами и пришла домой. Пантера с тех пор ее как огня боится!

— Но я не один, — сказал Мэхта, — со мной здесь женщина.

— Наверно, ваша жена?

— Нет, не жена, — просто хорошая знакомая.

— Тогда я сбегая позову ее, а вы пока посидите в тени, подождите.

— Нет, нет, я сам схожу за ней.

— Вы ведь, наверно, устали! Разве вы, городские жители, умеете ходить по лесу? Мы — другое дело! А где она, эта женщина? Где-нибудь на берегу?

Мэхта не успел ответить, как девушка уже исчезла.

Поднявшись на берег, Мэхта уселся в тени фигового дерева. Мимолетное соприкосновение с полудикой, свободной жизнью лесов наполняло его сердце восторгом. Цепь далеких гор, окаймлявшая горизонт, была куда недоступнее и возвышеннее всех принципов его философии. Перед лицом этих вечных вершин мысль его впервые постигала всю глубину и величие человеческих устремлений, воплощенных в грандиозных формах материи.

На далекой, вознесенной к небу вершине отсюда был виден маленький древний храм. Он стоял на неприступ-

ной скале, словно Разум, поднявшийся над всем окружающим. Снизу казалось, что он парит в воздухе, словно птица, которая хочет опуститься на твердую почву и отдохнуть, но не может найти себе места.

Когда девушка, наконец, вернулась, ведя за собой Малти, Мэхта все еще сидел, погруженный в свои мысли. Девушка была похожа на расцветший под солнцем дикий лесной цветок, а Малти — на цветок, пожелтевший и увядший под жаркими лучами.

— Приятно сидеть в тени фиг, не правда ли? — с досадой проговорила Малти. — А я тут ходи по этому лесу, умирай с голоду!

Девушка подхватила два больших глиняных кувшина.

— Посидите здесь, я мигом сбегаяю за водой! А потом разожгу очаг и, если вы не побрезгуете моей стряпней, испеку вам лепешек. А хотите — можете испечь их сами. Только у меня нет пшеничной муки, да и лавки, где бы можно было ее купить, тоже поблизости нет.

Малти разбирала злоба на Мэхту.

— И надолго решили вы здесь остановиться?

— Понаслаждайтесь хоть денек этой дикой жизнью! — поддразнил ее Мэхта. — Знаете ли вы, как вкусны маисовые лепешки?

— Я не могу есть эти лепешки! Если даже я и съем немного, то желудок все равно не переварит. Жалею, что решила пойти вместе с вами. Всю дорогу вы заставляли меня бежать бегом и чуть не загнали до смерти, а потом привели к речке и бросили одну!

Сбросив с себя одежду, Мэхта сидел в одних трусах, еще влажных от недавнего купания. Увидав, что девушка подняла тяжелые кувшины, он отобрал их у нее и пошел к колодцу сам.

Поглощенный изучением философии, Мэхта в то же время успевал заботиться и о своем здоровье. У него были мускулистые руки, широкая грудь и крепкие бедра, — все пропорциональное и соразмерное, как у какой-нибудь античной статуи. Глядя на то, как легко он шел с двумя большими глиняными кувшинами в обеих руках, можно было представить себе его силу!

Девушка с любопытством смотрела, как Мэхта вытаскивает воду из колодца. Теперь она испытывала по отношению к нему чувство уважения, а не жалости, как прежде. Колодец был очень глубок — около шестидесяти

локтей¹. Кувшины были тяжелые, и Мэхта-сахиб, хоть и был привычен к физическим упражнениям, изрядно устал, пока вытащил из колодца первый кувшин. Но тут девушка подбежала к нему и вырвала у него из рук веревку.

— Не пристало вам заниматься таким делом! — заявила она. — Ступайте, лучше сядьте на кхат²! Я сама принесу воды.

Однако мужское самолюбие Мэхты не могло снести такого оскорбления. Он снова взял у нее веревку, понатужился и мигом вытащил из колодца второй кувшин. Затем, подняв оба кувшина, отнес их к хижине и поставил возле дверей.

Девушка быстро развела огонь, опалила птицу, а затем искрошила ее на мелкие кусочки. Разведя огонь в очаге, она поставила мясо вариться, а на задний край очага сунула чугунок с молоком.

В это время мисс Малти, хмурая и недовольная, лежала на кровати. Она смотрела на все эти приготовления с таким видом, словно ей собирались делать опасную операцию.

Мэхта, напротив, стоя в дверях хижины, с живейшим интересом наблюдал за тем, как девушка стряпает и хлопчет по хозяйству.

— Разрешите мне помочь вам! — попросил он. — Что нужно сделать?

— Ничего вам не нужно делать, — с упреком ответила девушка. — Ступайте посидите возле госпожи! Она, видно, проголодалась, бедняжка. Как только вскипит молоко — напоите ее.

Достав муку из большого глиняного кувшина, она принялась месить тесто. Мэхта с удовольствием смотрел на согласные и проворные движения ее гибких рук, а девушка, в свою очередь, искоса поглядывала на него, на миг приостановившись, и снова принималась за свою работу.

— Что вы там стоите? — окликнула Мэхту мисс Малти. — У меня от боли голова разламывается. Одна сторона так болит, что, кажется, вот-вот отвалится.

Мэхта подошел к ней.

¹ Локоть — мера длины, равная приблизительно 50 см.

² Кхат — широкая квадратная рама на ножках с сеткой из ремней, употребляется для сидения и лежания.

— Вы, наверно, перегрелись на солнце,— сказал он.

— Разве я знала, что вы потащите меня сюда, чтобы уморить здесь?!

— Нет ли у вас с собой какого-нибудь лекарства?

— Что ж, по-вашему, я шла к больному? Откуда могут быть здесь лекарства? У меня есть целая аптечка, но она осталась в Семри. Ой! Как невыносимо болит голова!

Мэхта сел на землю у изголовья кровати и стал осторожно массировать ей голову. Малти закрыла глаза.

Девушка подошла к кровати. Руки у нее были перепачканы в муке, волосы растрепаны, глаза покраснели от едкого дыма очага и слезились, все тело ее лоснилось от пота. Взглянув на лежащую с закрытыми глазами мисс Малти, она спросила:

— Что с госпожой?

— У нее болит голова! — ответил Мэхта.

— Вся голова болит или только одна сторона?

— Говорит, что одна сторона.

— Правая или левая?

— Левая.

— Сейчас я сбегаю и принесу лекарство. Стоит только его растереть и приложить к голове, как боль словно рукой снимет.

— Куда же вы пойдете по такой жаре?

Но девушка уже не слыхала его слов. Она бросилась в лес и вскоре скрылась между деревьями. Еще через несколько минут Мэхта увидел ее снова: она взбиралась на высокую гору.

На таком большом расстоянии девушка казалась крошечной куколкой.

«Как же велико у ней желание услужить своему ближнему! — подумал про себя Мэхта. — Полудикая лесная девушка, а сколько у нее знаний, приобретенных жизненным опытом! Дует обжигающе горячий ветер, нещадно палит солнце, а она взбирается чуть не на самое небо!»

Малти открыла глаза.

— Куда девалась эта черная обезьяна? — спросила она. — До чего же она, однако, черна — словно вырезана из черного дерева! Пошлите ее к раз-сахибу, пускай передаст ему, чтобы выслал за нами машину. Я, кажется, не вынесу этой жары.

— Она пошла за каким-то снадобьем. Говорит, что головная боль от него быстро утихает.

— Эти снадобья, вероятно, могут исцелять только их самих, а мне они не помогут. Я вижу, вы уже без ума от этой девчонки. Какой же вы ненадежный человек! Недаром говорят: каков бог, таковы и ангелы!

Мэхта не поколебался сказать ей горькую правду:

— Я нахожу в ней много хороших качеств. Если бы вы ими обладали, вы стали бы истинной богиней.

— Пусть остаются при ней все ее добродетели. А я вовсе не желаю становиться богиней.

— Если вам угодно, я сам схожу за машиной. Только не знаю, проедет ли она сюда.

— Почему вы не пошлете за машиной эту черно-мазую?

— Она же пошла за лекарством, а потом будет готовить для нас еду.

— Что же, значит вы у нее сегодня в гостях? Может быть, собираетесь провести у нее ночь? Понимаю! Ночью здесь вам наверняка удастся поживиться дичью!

Рассерженный этим намеком, Мэхта ответил прямо:

— Я отношусь к этой девушке с любовью и уважением. Пусть я ослепну, если посмею хоть раз взглянуть на нее, затаив в душе дурной умысел. Даже ради самого лучшего друга и то не полез бы я на эту гору под таким палящим солнцем и раскаленным ветром. А ведь мы с вами для нее случайные гости на час, и она это прекрасно знает. Наверно, точно так же побежит она за лекарством и для какой-нибудь бедной больной женщины. Я умею только проповедовать в статьях и докладах, что все люди — братья, что сердца у всех должны быть исполнены братской любви, а она все это просто осуществляет на деле. А ведь делать что-то куда трудней, чем говорить. Вам это отлично известно.

— Ну хватит, хватит! — с язвительной усмешкой прервала его Малти. — Она действительно богиня, я уже в этом уверилась. Грудь у нее высокая и упругая, талия гибкая, тело пышное — что еще нужно, чтобы стать богиней?

Мэхта вспыхнул. Вскочив на ноги, он натянул на себя успевшую высохнуть одежду, схватил ружье и собрался уходить.

— Вы не посмеете оставить меня здесь одну! — зашипела мисс Малти.

— Кто же тогда пойдет за автомобилем?

— Она, ваша богиня!

Мэхта остановился в нерешительности, не зная что делать. Впервые в жизни ему пришлось убедиться на себе, с какой легкостью женщина может одержать победу над мужчиной.

А тем временем чернокожая девушка, задыхаясь, спешила обратно. В руках у нее был небольшой корешок. Когда она вошла в хижину, то увидела, что Мэхта собрался куда-то уходить.

— Вот я и раздобыла этот корешок! Сейчас разотру его и приложу к голове госпожи. Но куда же вы уходите? Мясо, наверно, уже сварилось. Я сейчас живо напеку для вас лепешек, а госпожа напьется молока. Погодите! Станет прохладней, тогда и пойдете домой!

Она решительно принялась расстегивать пуговицы ачкана Мэхты. Мэхта с трудом удержался, чтобы тут же не поцеловать ноги этой простой и такой сердечной крестьянской девушки!

— Оставь ты свое снадобье! — приказала ей мисс Малти. — На берегу реки, под баньяном, стоит наш автомобиль. Сейчас там, наверно, собрались все наши. Сходи туда и скажи, чтобы за нами прислали машину. Беги живей да смотри не останавливаясь по дороге!

Девушка огорченно взглянула на Мэхту. С какой любовью и заботой несла она сюда этот корешок — и вот какова благодарность! Пусть госпоже не понравилось простое крестьянское снадобье, но ведь могла же она хоть спасибо сказать за все ее заботы.

Положив корешок на землю, девушка проговорила:

— Пока я добегу до автомобиля, очаг остынет, госпожа. Лучше я сначала напеку лепешек. Бабу джи немного поест, а вы выпьете молока. Потом вы оба отдохнете, а я тем временем сбегаю за автомобилем.

Она вошла в хижину, снова вздула погасший было огонь, поглядела на мясо — оно уже сварилось, даже чуть-чуть пригорело, — быстро испекла лепешек, остудила горячее молоко и в чашке подала его Малти. Та поморщилась, глядя на грубую и неуклюжую посудину, однако отказаться от молока не смогла. Мэхта, расположившись на пороге хижины, с аппетитом принялся уплетать кусочки мяса, заедая их лепешками. Девушка все время стояла рядом и обмахивала его веером.

— Да дай же ты ему поесть спокойно! — сказала ей Малти. — Он никуда не собирается уходить. Ступай сходи за автомобилем!

Девушка вопросительно посмотрела на Малти. «Что хочет от меня эта госпожа? Что все это значит?» — казалось, говорил ее взгляд.

Она не видела на лице Малти ни выражения страдания, ни следов признательности, присущих по-настоящему больным людям. На лице этой дамы было написано одно лишь высокомерное презрение. Молодая крестьянка сумела отгадать мысли своей случайной гостью.

— Я не служанка, добрая госпожа! Вы можете командовать, но только у себя дома. Я не желаю выполнять ваших приказов и не пойду за автомобилем!

— Вот как?! Я вижу, ты начала дерзить! А ну-ка, скажи, в чьих владениях ты живешь? — угрожающе спросила ее мисс Малти.

— Раэ-сахиба.

— Так вот, я попрошу раэ-сахиба, чтобы он приказал выпороть тебя как следует!

— Ну что ж, добрая госпожа, если это доставит вам удовольствие, пускай меня избыют. Я ведь не какая-нибудь рани-царица; чтобы сладить со мной, солдат посылать не понадобится.

До сих пор Мэхта с удовольствием поглощал жареную птицу, но когда он услышал слова Малти, очередной кусок застрял у него в горле. Он встал, торопливо сполоснул руки и сказал:

— Она никуда не пойдет. За машиной пойду я.

Малти поднялась на постели.

— Нет, пойдет она!

— Ваши угрозы и оскорбления этой девушки не делают вам чести, мисс Малти! — сказал Мэхта по-английски.

— Ах, оставьте! Я знаю, мужчинам нравятся именно такие вот девки! Они ничего не умеют делать, только бегают и суетятся вокруг мужчины, оказывают ему всяческие услуги и готовы благодарить судьбу, если он о чем-нибудь их попросит! И этого достаточно — в глазах мужчины она уже богиня! Я думала, что по крайней мере хоть вы думаете по-другому, но теперь вижу, что в этом отношении вы ничем не отличаетесь от всех остальных!

Мэхта был неплохим психологом и отлично понял движения души Малти. Никогда в жизни не приходилось ему сталкиваться с таким бурным проявлением ревности! Какая вспышка, да еще у такой благовоспитанной, такой современной, такой свободомыслящей и веселой женщины!

— Что бы вы там ни говорили, я не позволяю ей идти! — сказал Мэхта. — Я не желаю выглядеть подлецом в своих собственных глазах. Хороша бы была с моей стороны благодарность за все ее старания и услуги!

Голос Мэхты прозвучал столь решительно, что Малти молча поднялась, чтобы тотчас же уйти отсюда. Вне себя от злости, она бросила Мэхте:

— Хорошо, тогда я пойду за автомобилем сама! А вы пока помолитесь на свою богиню!

Когда Малти отошла на некоторое расстояние, Мэхта сказал девушке:

— Разреши поблагодарить тебя, сестра! Я навсегда сохраню в своем сердце память о твоей доброте и бескорыстном радушии.

В глазах девушки блеснули слезы. Сложив ладони на груди, она низко-низко поклонилась Мэхте и скрылась в своей хижине.

Другая охотничья партия состояла из раз-сахиба и Кханна. Раз-сахиб отправился на охоту все в той же шелковой рубаше и шелковой накидке, Кханна же влез в охотничий костюм, который, вероятно, был сшит специально для этого случая. Когда ему было охотиться на зверей, — ведь он, не зная отдыха, охотился за бедняками крестьянами!

Кханна был невысокого роста, худощав, но ладно сложен, его смуглое лицо, на котором виднелись следы перенесенной оспы, освещали большие, выразительные глаза. Он был даже красив, а к тому же слыл искусным собеседником!

Когда они с раз-сахибом прошли немного, Кханна завел разговор о Мэхте-сахибе, мысли о котором не оставляли его со вчерашнего вечера, словно дурное предзнаменование какого-то грядущего несчастья.

— Странный человек этот Мэхта! — проговорил он, обращаясь к раз-сахибу. — Он кажется мне каким-то надуманным, искусственным!

Раз-сахиб весьма уважал Мэхту и считал его искренним и честным человеком. Однако раз-сахиб имел с Кханной деловые связи и, кроме того, был настроен сейчас весьма миролюбиво. Этого было достаточно: он решил не противоречить.

— Для меня он всего лишь предмет развлечения, — отозвался раз-сахиб. — В споры с ним я не вступаю даже тогда, когда не согласен. Разве обладаю я такими знаниями, какие есть у него? Право, меня разбирает смех при виде этого человека. Ведь он, ничего не смысля в практической жизни, постоянно заводит разговоры о каких-то новых принципах! Без труда загребает по тысяче рупий в месяц, живет холостяком, не знает ни забот, ни хлопот — так почему же не поболтать о философии? Стоит ли спорить с человеком, который сам ничего не делает, а только рассуждает о том, как сделать жизнь совершенной?

— Я слышал, он недостойно ведет себя...

— Как же может вести себя достойно человек, изнывающий от безделья и не имеющий никаких забот? Будь он вхож в избранное общество — вот тогда ему пришлось бы заботиться о своем положении в нем и вести себя по-другому!

— Что нашла в нем мисс Малти? Чем он ее так очаровал?

— Я думаю, что она просто решила позлить нас.

— Зачем ей это нужно? Ведь она для меня всего лишь игрушка!

— Зачем вы говорите это мне, мистер Кханна? Я-то знаю, что вы влюблены в нее по уши!

— В таком случае, я могу то же самое сказать и о вас!

— Неправда! Для меня она действительно только игрушка! А вот вы сделали ее своим идолом.

Кханна громко расхохотался, хотя особых причин для смеха у него собственно не было.

— Вы просто не успели еще раскусить эту богиню, — развивал свою мысль раз-сахиб. — Чем усерднее вы будете бить перед ней поклоны, тем больше она будет отдаляться от вас, и, наоборот, чем больше вы будете отда-

латься от нее, тем скорее она окажется в ваших руках.

— Ну тогда, по логике вещей, ей следовало бы бежать в вашу сторону.

— В мою сторону? Я не имею никакого отношения ко всем этим поклонникам, которые выются вокруг нее! Можете поверить мне, мистер Кханна. Весь свой разум и все силы мне приходится без остатка отдавать своим поместьям. У меня полон дом родичей, и все они предаются своим страстям и страстишкам — одни богу молятся, другие проводят дни в разврате! А кормить этих монстров обязан я, это мой долг! Я знаю, конечно, что многие мои братья талукдары¹ занимаются развратом. Но что я могу поделать с этими людьми, похожими на идиотов, которые поджигают свой дом и любуются со стороны на пожарище?! Ведь это моя родня! Бремя долгов давит на меня все сильнее и сильнее. Что ни день, выносятся все новые и новые судебные решения, все только берут, и никто не хочет отдавать. Со всех сторон мне грозит позор, и этот позор падет только на мою голову! Кажется, лучше уж умереть, чем так мучиться. И не знаю, право, какие добрые дела совершил я в прошлой жизни, если сейчас в душе моей все еще теплится огонек, который связывает меня с моей страной и с обществом. Когда началось движение «сатьяграха», я угодил в тюрьму и понес многотысячные убытки. Этот грех свой я вынужден замаливать до сих пор. Но, впрочем, я не жалею о том, ничуть не жалею! Наоборот, я горжусь этим! Я не считаю за человека того, кто не болеет душой за свой народ, за свою родину и не приносит жертв на алтарь отечества. Вы думаете, мне очень приятно высасывать последние соки из моих и без того полуживых крестьян-арендаторов и выбрасывать добытые деньги на удовлетворение прихотей моих родичей? Но что я могу поделать? Я ненавижу атмосферу того социального строя, в котором провел свое детство, в котором достиг зрелых лет. Однако покинуть его, отказаться от него я не в силах. И вот день и ночь меня гложет единственная забота — как сберечь свою честь и достоинство, как не дать сердцу истечь кровью. Такому человеку,

¹ Талукдар — индийский помещик, владелец «талука» — крупного поместья.

как я, не до мисс Малти, и вообще ни до каких мисс. Если он к тому же еще и влюбится, то считайте, что он погиб. Поразвлекься иной раз — это, конечно, совсем другое дело! Но не влюбляться!

Кханна тоже считал себя храбрецом. В политической драке он всегда был в первых рядах, и ему пришлось дважды побывать в тюрьме. Он умел сохранять независимость своих суждений, носил платье из кхадара и пил французское вино. Порой он способен был переносить неслыханные лишения! Так, например, в тюрьме ему приходилось проводить по несколько дней без единой капли вина! А ведь если бы он захотел, он мог бы легко избежать всех этих страданий. Однако даже боевая колесница и та не помчится по полю брани, если не смазать ее колеса дегтем. Поэтому мистер Кханна считал, что в жизни обязательно должно быть хоть немного страстей и любви, которые бы делали жизнь ярче и красочней.

— Вы, наверно, можете вести жизнь отшельника, а вот я не могу! — сказал Кханна, отвечая раз-сахибу. — Я полагаю, что человек, неискушенный в жизни, не в состоянии бороться со всей решительностью, и я не верю в патриотизм тех, кто не умеет любить женщин.

— Я вижу, вы кидаете камешки в мой огород! — улыбнулся раз-сахиб.

— Какие там камешки! Это же сущая правда.

— Вполне возможно...

— Если бы вы прислушались к своему сердцу, то признали бы справедливость моих слов.

— Я уже прислушался. И смею вас заверить, что вы можете найти в нем какие угодно пороки и недостатки, но оно не желает иметь дела с отравой.

— В таком случае мне вас просто жаль! Потому-то и заела вас хандра, потому-то и извели вас бесчисленные заботы, что вы подвергаете умерщвлению свою плоть. А что касается меня — всегда останусь азартным игроком, хотя, может быть, эта игра кончится для меня печально. Малти кокетничает со мной и старается показать, что ей на меня наплевать. Но я не из тех, кто скоро теряет мужество и отступает. Мне еще не удалось как следует раскусить ее характер, не удалось разузнать, откуда можно всего верней поразить цель. В тот день, когда у меня в руках окажутся ключи от ее сердца, — она моя!

— Только попадут ли эти ключи в ваши руки? Как бы Мэхта не опередил вас.

Тут они заметили стадо пасущихся оленей, оберегаемых вожаком. Голову вожака венчали могучие рога, он был черного, почти вороного цвета. Раз-сахиб вскинул ружье и прицелился.

— Зачем убивать его, друг! — остановил его Кхан-на. — Бедняга щиплет травку, ну и пускай себе щиплет! Солнце стало припекать. Давайте-ка лучше сядем и отдохнем где-нибудь. Мне надо потолковать с вами об одном дельце.

Раз-сахиб выстрелил, однако вожак, а с ним и все стадо убежали невредимыми.

— Раз только наткнулся на зверя и то промазал! — с сожалением констатировал раз-сахиб.

— Это ничего, вы не запятнали свои руки кровью.

— Так о каком деле вы хотите со мной говорить?

— Ваши крестьяне сажают тростник?

— В большом количестве.

— Почему бы вам в таком случае не сделаться держателем акций нашего сахарного завода? Они раскупаются очень охотно. Вам следовало бы купить по крайней мере тысячу акций.

— Я бы непрочь, но где взять деньги?

— Такой известный, такой уважаемый всеми талукдар и без денег? В общей сложности от вас потребуется каких-нибудь пятьдесят тысяч, причем сразу надо будет внести всего двадцать пять процентов всей суммы.

— Нет, брат сахиб, денег мне взять сейчас совершенно неоткуда.

— Можете взять у меня сколько нужно. Банк — в вашем распоряжении. Кроме того, вы до сих пор, должно быть, не застраховали свою жизнь. Заполните, пожалуйста, страховой полис моей компании. Для вас не составит никакого труда вносить ежемесячно сто — двести рупий. Впоследствии вы сразу получите крупную сумму. Вам не придумать лучшего способа скопить сорок — пятьдесят тысяч для своих детей. Познакомьтесь с работой нашей компании: мы ведем наши дела исключительно по принципу кооперации. Кроме расходов на помещение и на служащих, ни один пай¹ прибыли не ухо-

¹ П а я — мелкая монета, около 1/2 копейки.

дит в чужой карман. Вы просто удивитесь, когда узнаете, как благотворно сказывается это на делах компании. И еще вам совет: начинайте-ка вы с богом играть на бирже! Сотни людей, наживших миллионы, сделались миллионерами именно благодаря бирже. Играйте на хлопке, на сахаре, на пшенице, на каучуке—на любом товаре! В несколько минут это может принести вам сотни тысяч. Конечно, дело это, пожалуй, грязное и не всегда честное. Многие прогорают на бирже, но обычно обманутыми оказываются глупцы или новички. А для таких, как вы, для людей, умудренных опытом жизни, образованных и дальновидных,— не найти более прибыльного дела! Ведь подъемы и спады цен на рынке не являются чем-то совершенно неожиданным и необъяснимым. Это тоже наука. Если вы постигнете эту науку, разве сможет кто-нибудь оставить вас в дураках?

Раэ-сахиб не верил в компании. Раза два или три он уже имел с ними дело и горько поплатился за это. Однако он своими глазами видел, как шел в гору Кханна, и успел полностью уверовать в его финансовый гений. Нельзя было без внимания пропустить мимо ушей слова человека, который какой-нибудь десяток лет назад был всего лишь жалким банковским клерком и который исключительно благодаря своей трудоспособности и уму снискал себе в городе всеобщее уважение. Если Кханна станет его руководителем в подобных делах, это может принести ему немалые прибыли. Умно ли будет упустить из рук такую заманчивую возможность?

Раэ-сахиб задавал Кханне вопрос за вопросом. Вдруг они увидели крестьянина, который шел им навстречу с большой корзиной, наполненной кореньями, листьями и цветами.

— Торгуешь чем-нибудь? — спросил его Кханна.

Крестьянин испугался, как бы его не заставили сейчас отрабатывать бегар.

— Нет, нет, хозяин! Тут у меня всякие травы да листья!

— Что же ты будешь с ними делать?

— Продам, хозяин. Это ведь целебные травы.

— Что же это за целебные травы?

Крестьянин открыл свою «аптечку» и показал все содержимое. В ней были самые обыкновенные дары леса, которые собирают лесные жители, а потом за гроши про-

дают городским аптекарям. Здесь были цветы, плоды, семена, коренья. Крестьянин брал одно растение за другим, показывал их Кханне и раз-сахибу и заученным тоном говорил, в каких случаях их следует применять:

— Это вот макоя, саркар!¹ Если вас мучают боли, если у вас несварение желудка, жар, озноб или кашель — примите его внутрь и вам станет легче. А это вот семена дхатуры, саркар! Если у вас ревматизм, ломота в костях...

Кханна спросил, сколько стоят все его травы.

— Восемь анн,— ответил крестьянин.

Кханна швырнул ему рупию и приказал отнести корзину к охотничьему лагерю. Бедняге-крестьянину неожиданно досталась целая рупия, вдвое больше того, что он запрашивал! Призывая на голову Кханна все небесные благодати, он пошел туда, куда ему было приказано.

— На что вам эти травы и листья? — поинтересовался раз-сахиб.

— Я превращу их в золотые монеты, в иранские ашрафи², — улыбнулся Кханна. — Я ведь, кроме всего прочего, еще и алхимик, вы знали об этом?

— В таком случае, друг, обучите меня своему искусству!

— Ну что ж! Если это вас интересует, учитесь. Я расскажу вам, как это делается, но потом извольте преподнести мне полтора сера леденцов! Мне, видите ли, приходится иметь дело с самыми разнообразными людьми. Есть среди них и такие, кто слепо верит в лекарственные растения. И стоит им только узнать, что травы эти собраны каким-то там факиром, как они начинают льстить и унижаться перед вами, чтобы заполучить их. Подарите им эти травы, и они будут признательны вам всю жизнь. А если за одну только рупию десяток-другой дураков вдруг окажется обязанным вам по гроб жизни, разве это плохо? Любезность пустяковая, но вы сможете извлечь из нее немалую выгоду!

— Однако, как же вы запомните свойства всех этих трав? — с любопытством спросил раз-сахиб.

Кханна расхохотался.

¹ Саркар — господин.

² Ашрафи — золотая монета достоинством около 16 рупий.

— Вы, раэ-сахиб, как я вижу, тоже любитель пошутить! — воскликнул он. — Каким свойством захотите наделить каждое из этих растений, такими и наделяйте! Это зависит исключительно от вашей фантазии и выдумки. Все знакомые вам важные чиновники, все эти длиннородные мудрецы и все раисы — невероятно невежественны и легковерны. Я знаю профессоров ботаники, которые отродясь не слыхали о растении какрунда. Мой отшельник Свами джи вволю потешается над всеми этими «учеными». Вам, вероятно, еще не приходилось его видеть. Приедете как-нибудь ко мне, я вас познакомлю. С тех пор, как он поселился в моем саду, у моих дверей день и ночь стоит целая вереница людей, жаждущих попасть к нему «на прием». Не знаю, как до сих пор у него душа в теле держится. Только раз в сутки он пьет молоко. Более святого мудреца я еще ни разу не видал. Много лет он отшельничал в Гималаях. Настоящий подвижник! Вам полезно было бы стать его последователем. Я уверен, что тогда исчезли бы все ваши горести и заботы. Стоит ему раз взглянуть на вас, и он тотчас расскажет ваше прошлое, настоящее и будущее — все до последних мелочей! Такой живой, такой веселый человек, что только посмотришь на него и сам расцветаешь, как цветок. Удивительнее всего то, что мой великий святой называет аскетизм, отречение от мира, храмы, монастыри, религиозные обряды — обманом и лицемерием. Он говорит: «Разорвите путы старых традиций и обычаев и будьте людьми! Оставьте мысль о достижении божественного сана! Став богом, вы перестанете быть человеком».

В сердце раэ-сахиба шевельнулось сомнение. Как это часто бывает среди богатых власть имущих людей, он тоже слепо верил в святых. Утешение, которое скорбящее сердце находит в самоанализе и благочестивых размышлениях, было ему порой до крайности необходимо. Когда в связи со своими постоянными финансовыми затруднениями он впадал в отчаяние, у него иногда появлялось страстное желание отрешиться от мира, удалиться куда-нибудь в уединенное место и поразмышлять о путях спасения. Так же, как и множество простого люда, главным препятствием на пути к духовному совершенству он считал те рамки, в которые общество втискивает каждого человека, и идеалом его жизни также было

стремление освободиться из этих тесных рамок. Но есть ли способ, кроме отшельничества и аскетизма, с помощью которого можно было бы сломать эти рамки?

— Однако, если он называет отшельничество и аскетизм обманом, почему же тогда он сам отрекся от мира? — спросил раз-сахиб.

— А когда он отрекался от него, сахиб? Он только говорит, что человеку нужно трудиться, работать всю жизнь до последнего вздоха. Главное в его наставлениях — это проповедь «независимости суждений».

— Я что-то не понимаю. Что же следует подразумевать под «независимостью суждений»?

— Я тут тоже не совсем разобрался. Будете у меня, потолкуйте с ним сами об этом. Любовь он называет правдой жизни и дает ей такие лестные определения, что просто сердце радуется!

— А мисс Малти вы познакомили с ним?

— Вы смеетесь! С какой стати я буду их знакомить?..

Не успел он договорить этих слов, как в чаще послышался шорох, мистер Кханна вздрогнул и в смертельном страхе юркнул за спину раз-сахиба. Из лесу показалась пантера и неторопливо пошла в сторону, своей дорогой.

Раз-сахиб, вскинув ружье, хотел было прицелиться в зверя, однако Кханна остановил его.

— Что вы делаете? — зашептал он. — Ведь так вы можете раздражить ее. А если она вернется, что тогда?

— Зачем же ей возвращаться? Там она и ляжет мертвой.

— Ой, подождите хоть, пока я влезу вон на ту горку! Я не такой уж ярый охотник, как вы!

— Зачем же вы тогда пошли на охоту?

— Глупо поступил, сам теперь вижу.

Раз-сахиб опустил дуло ружья к земле.

— Эх, какая великолепная добыча шла прямо на нас! Разве часто выпадают такие случаи?

— Я не желаю больше оставаться здесь ни минуты. Тут опасное место!

— Дайте мне подстрелить хоть кого-нибудь. Стыдно же возвращаться с пустыми руками!

— Ради бога, прошу вас, отведите меня к автомо-

билю, а потом охотьтесь на кого хотите, хоть на пантеру, хоть на леопарда!

— Ну и трус же вы, мистер Кханна!

— Напрасно подвергать свою жизнь опасности — это тоже не храбрость!

— Ну хорошо, идите. До стоянки вы и один прекрасно доберетесь.

— Один?

— Дорога совершенно безопасна.

— Нет, нет, и не уговаривайте! Пойдемте вместе со мной!

Уговорить Кханну раэ-сахибу действительно не удалось: он не соглашался ни с какими доводами и от испуга был бледен как полотно. Если бы в этот миг из чащи выскочила белка, он, наверно, завизжал бы от страха и замертво свалился на землю. Он обливался холодным потом, а ноги и руки его тряслись мелкой дрожью. Волей-неволей раэ-сахибу пришлось возвращаться вместе с мистером Кханной.

Когда они отошли от опасного места на порядочное расстояние, Кханна, оправившись, наконец, от испуга, сказал:

— Опасности я не боюсь, но самому нарываться на опасность — это глупость!

— Молчите уж! Чуть завидели пантеру, так и душа в пятки!

— Я считаю, что охота больше подходила человеку тогда, когда он сам был животным. Но ведь теперь цивилизация по сравнению с теми временами ушла далеко вперед!

— Вот подождите, я расскажу обо всем мисс Малти!

— Ну и пусть! Если я признаю ахимсу¹, в этом нет ничего постыдного!

— Вот как? Значит, сейчас вы на практике осуществили этот принцип? Превосходно!

— Да, да! — с гордостью ответил Кханна. — Я на практике осуществил ахимсу. Вы произносите с благоговением имя Будды и в то же время проливаете кровь бес-

¹ А х и м с а — буквально «ненасилие», «непричинение страданий»; один из основных принципов морали, религии и философии индуизма: воздержание от причинения физического или морального ущерба всему живому.

словесных животных. Это вам должно быть стыдно, а не мне!

Несколько шагов они прошли молча.

Потом Кханна спросил:

— Так когда мне ждать вас у себя? Я хотел бы, чтобы вы заполнили страховую полис сегодня, а заодно оформили и документ об участии в акциях сахарной фабрики.

— Дайте мне подумать немного,— нерешительно ответил ему раэ-сахиб.

— О чем тут раздумывать? Дело верное!..

В третьей партии охотников были Хуршед и Танкха.

Для Хуршеда прошлое и будущее являли собой чистый лист бумаги. Он жил сегодняшним днем, не сожалея о прошлом и не заботясь о будущем. Подвертывалось ему какое-нибудь дело — он погружался в него с головой. В компании друзей он был душой общества, в совете он был активнее и напористей всех и если уж брался за какой-нибудь вопрос, то доводил министров до истерики. Мирза Хуршед не знал, что такое компромисс, но любое дело всегда сдабривал веселой шуткой или колкой насмешкой. Сегодня он жил, а о завтрашнем дне не задумывался. В то же время Хуршед был горяч и вспыльчив и, чуть что, тотчас лез в драку. Смирению и доброте он отвечивал поклоны до земли, но стоило кому-нибудь заважничать или показать свое превосходство, как он начинал преследовать его, не давая пощады. Хуршед никогда не помнил, что он брал у других, и не имел привычки требовать одолженного им самим. Он любил вино и стихи, а женщины для него были только забавой и развлечением. Мирза Хуршед давным-давно уже был банкротом в сердечных делах.

Мистер Танкха, наоборот, был превеликим мошенником и хитрецом. Он считался, и не без основания, большим мастером по заключению всяческих сделок, по улаживанию спорных вопросов и по устройству всевозможных пакостей. Мистер Танкха умел, как никто другой, «выжимать масло» из конторских служащих. Лакомый кусок он хватал мертвой хваткой и мгновенно исчезал, заматавая за собой следы. Прикажи ему, и он заставит плыть корабль по песку, вырастит траву на голом камне. Однако основным занятием мистера Танкхи было

вытягивание из ростовщиков займов для талукдаров, основание новых компаний и протаскивание кандидатов на выборах.

С особенным блеском разворачивался он во время избирательных кампаний. Мистер Танкха выставлял кандидатом какого-нибудь богача, верой и правдой выполнял за него все его обязанности и зарабатывал таким образом тысяч десять—двадцать. Когда сила была на стороне Конгресса¹, Танкха помогал конгрессиистскому депутату, когда же перевес был на стороне оппозиционных партий, то он развивал бурную деятельность в поддержку партии «Хинду сабха»². Однако в оправдание подобных метаморфоз он всегда держал наготове столь веские доводы, что никто не мог их опровергнуть. Танкха был на короткой ноге со всеми властью имущими лицами, со всеми городскими богатеями и знатью. И хотя многие в душе презирали его за двурушничество, мистер Танкха всегда был столь услужлив, что ни у кого не хватало духу бросить ему обвинение в лицо.

— Неподходящий мы выбрали день для охоты! — сказал Мирза Хурshed, вытирая платком взмокший лоб. — Лучше уж было устроить сегодня что-нибудь вроде мушаэры³!

— Да, да, это так! — с готовностью поддержал его адвокат. — И мушаэру эту нужно было собрать в саду. Какая, однако, прелесть этот сад!

Немного помолчав, мистер Танкха приступил к деловому разговору:

— На нынешних выборах будет немало шуму и споров! Вам тоже придется нелегко.

— На этот раз я не собираюсь выставлять свою кандидатуру, — равнодушно ответил Мирза Хурshed.

— Но почему же? — спросил Танкха.

— Зачем проводить время в бесполезных спорах и взаимных обвинениях? Что с того толку? Я теперь совершенно не верю в эту так называемую демократию. Какое-

¹ Конгресс — Индийский Национальный конгресс, ныне правительственная партия Республики Индия. Основан в 1885 году.

² «Хинду сабха», «Хинду махасабха» — буквально «Великое собрание индусов»; крайне националистическая партия Индии, одна из наиболее влиятельных оппозиционных партий в период английского господства. Основана в 1906 году.

³ Мушаэра — состязание поэтов.

нибудь пустяковое дело, а дебаты вокруг него идут целые месяцы! Конечно, эти дебаты—отличное средство пускать пыль в глаза народу! Было бы куда лучше, если бы у нас остался один губернатор, неважно индеец или англичанин. Тогда бы хоть кончилась эта бесполезная болтовня. Даже тысяча человек не потащит вагон с такой скоростью, с какой безо всяких усилий его мчит один локомотив! Я разуверился в совете, я не доволен им. Будь на то моя воля, я бы эти советы просто разогнал! То, что мы называем демократией, на деле является царством богатых торгашей и заминдаров, и ничем иным. На выборах побеждает всегда тот, у кого тяжелее кошелек. Все-ильные деньги облегчают ему все дело. Самые знаменитые законники, самые ловкие борзописцы и крючкотворы, которые с помощью своего пера или языка могут повернуть народ в какую угодно сторону, возят носами по земле перед золотым тельцом. Нет, я решил на этот раз не принимать участия в выборах. А этой фальшивой демократии я отныне объявляю войну!

Цитируя стихи из корана, Мирза-сахиб тут же доказал, сколь крепки были моральные устои древних падишахов.

— Мы и посмотреть-то на них теперь не посмеем — в глазах круги пойдут! — продолжал он.— Падишахи в ту пору не имели права брать из казны на свои личные нужды ни единой каури. Они жили тем, что переписывали книги, ткали или учили детей!

Мирза перечислил длинный ряд имен таких падишахов.

— Посмотрите! — обратился он к Кханне.— Какая непроходимая пропасть лежит между этими праведными и воздержанными падишахами и теперешними министрами, думающими только о том, как бы им загрести по пять, шесть, семь или восемь тысяч в месяц! Что же это такое — грабеж или демократия?

Показалось стадо оленей, и Мирза Хуршед сразу умолк. В глазах его вспыхнул огонек охотничьего азарта. Вскинув ружье, он выстрелил. Один олень упал.

— Попал! Попал! — с этими дикими воплями, подпрыгивая, подскакивая и хлопая в ладоши, точь-в-точь как это делают дети, Мирза кинулся к подстреленному оленю.

Неподалеку на дереве сидел дровосек, обрубавший ветви себе на топливо. Он мигом слез на землю и вместе с Мирзой побегал к оленю.

Пуля пробила оленю горло. Ноги его судорожно вздрагивали, глаза начинали стекленеть. Дровосек смотрел на умирающего рогатого красавца с горьким сожалением.

— Эх, добрый был зверь! — промолвил он. — В нем не меньше мана будет. Прикажете, я отнесу его куда вам нужно!

Мирза ничего не ответил. Он не отрываясь смотрел в полные страдания глаза оленя. Всего минуту назад в нем ключом била жизнь. Заслышав легкий шелест листьев, он чутко настораживал уши и огромными скачками уходил от опасности. Он пасся вместе со своей семьей и товарищами, щипал выращенную богом траву, а сейчас лежит бездыханный. Сдирай с него шкуру, режь его на куски — он уже ничего не почувствует! Разве увидишь в этом мертвом неподвижном теле красоту, радость и счастье, которыми он был полон при жизни? Как он был красив! Какие у него были милые, ласковые глаза! Какая это была изящная и стремительная сила! Его прыжки рождали в сердце радость и восхищение. В такт его скачкам начинало стучать в груди сердце. Жизнь, ключом бившая в этом великолепном животном, передавалась всему вокруг. Так душистый цветок распространяет вокруг себя аромат.

— Куда прикажете отнести его, хозяин? — снова спросил дровосек. — За работу я попрошу немного, всего несколько пайс.

Мирза-сахиб словно очнулся от глубокого раздумья.

— Ну что ж, забирай его, — сказал он. — Куда понесешь?

— Куда прикажете, хозяин.

— Да, нет же! Куда хочешь, туда и неси. Я отдаю его тебе.

Дровосек посмотрел на Мирзу с изумлением. Он не верил своим ушам.

— Э, нет, хозяин! — замотал он головой. — Вы выследили и убили этого оленя! Как же я посмею взять его себе?

— А, поди ты!.. Говорю тебе — забирай оленя, и все! Дом твой далеко отсюда?

— Каких-нибудь полкоса, хозяин.

— Тогда я пойду вместе с тобой. Погляжу, как вы тут живете.

— Я не смею взять его, саркар! Вы пришли сюда издалека, охотились на него по самой жаре... Как же я могу взять?

— Забирай, забирай, не трать даром времени! Я вижу, ты добрый человек!

Боязливо и нерешительно поглядывая на Мирзу, как бы этот важный господин вдруг на него не рассердился, дровосек взвалил оленью тушу на плечи, но тут же быстро опустил ее к ногам и, выпрямившись, сказал Мирзе:

— Я понял, хозяин! Вы убили его не по мусульманским обычаям!

— Молодчина! — усмехнулся Мирза. — Ты, я вижу, догадлив! А теперь взваливай оленя на плечи и веди нас к своему дому.

Мирза-сахиб не был особо строгим блюстителем веры. Намазов он не совершал уже лет десять, а постился только один день в два месяца, но зато в это время совершенно не принимал ни пищи, ни питья. Однако он решил, что не стоит разубеждать дровосека. Пусть думает, что олень этот не годится в пищу охотникам.

Дровосек теперь с легким сердцем взвалил оленью тушу себе на шею и зашагал к своему дому.

Мистер Танкха до сих пор безучастно стоял неподалеку, укрывшись в тени деревьев. С какой стати ему было утруждать себя и бежать к оленю под таким жарким солнцем! Он никак не мог догадаться, о чем там так долго толкуют Мирза и дровосек. Но, когда он увидел, что дровосек, взвалив оленя на плечи, направляется в сторону, противоположную той, где находился охотничий лагерь, он окликнул Мирзу:

— Куда это вы отправились? Дорогу забыли?

Мирза виновато улыбнулся.

— Я отдал свою добычу этому бедному человеку, — ответил он. — А сейчас хочу пойти к нему. Может быть, пойдете с нами?

Танкха с изумлением посмотрел на Мирзу.

— Да вы в своем уме? — спросил он.

— Не могу сказать. Я и сам толком не знаю...

— Почему вы отдали оленя?

— Потому что добыча эта доставит ему больше радости, чем нам с вами.

Танкха недовольно поморщился.

— Ну что ж, делать нечего, идемте! А я-то надеялся, что мы всласть полакомимся жарким! Вы испортили все дело. Ладно, может, раэ-сахиб или Мэхта что-нибудь добудут.

Помолчав, он сказал:

— Послушайте, я хочу предложить вам одно дельце в связи с предстоящими выборами. Не желаете выставлять свою кандидатуру, что ж — как вам угодно! Но почему бы вам не сорвать хороший куш с тех, кто хочет выставить свои кандидатуры? Я прошу вас только об одном: никому не рассказывайте о том, что вы не намерены баллотироваться. От нашего города собирается выставить свою кандидатуру Ходжа Джамал Тахир. Ему отдадут свои голоса все толстосумы. Городские власти тоже будут всячески ему содействовать, но тем не менее он боится вас, зная о влиянии, которым вы пользуетесь в народе. Если вы пожелаете, то сможете получить с него тысяч десять, а то и двадцать, только за то, что сделаете вид, будто поддерживаете его... Нет, нет, позвольте мне досказать! Вам в этом деле даже палец о палец ударить не придется. Я выпущу от вашего имени манифест, и этим же вечером вы получите от меня десять тысяч чистоганом.

Мирза-сахиб с презрением посмотрел на Танкху.

— Пусть будут прокляты эти деньги и вы вместе с ними! — ответил он.

Слова Мирзы ничуть не задели мистера Танкху. Он даже и не поморщился.

— Меня вы можете проклинать сколько вашей душе угодно, но, отвергая деньги, вы тем самым наносите ущерб самому себе.

— Такие деньги я считаю для себя запретными.

— Но вы ведь не столь уж строгий ревнитель шариата, насколько мне известно!

— Вовсе не нужно быть ревнителем шариата, чтобы считать для себя запретными деньги, добытые обманом.

— Так вы не измените своего решения по этому вопросу?

— Нет!

— Что ж, отлично. Оставим это. А не согласитесь ли

вы занять пост директора какой-нибудь компании, скажем, компании по страхованию? Вам не нужно будет приобретать ни единой акции этой компании. Вы только дадите свое имя...

— Нет, на это я тоже не согласен. Мне уже приходилось быть директором, главным агентом и председателем не одной компании. Деньги сами текли ко мне в руки. Я знаю, какие выгоды и блага может принести человеку богатство! Но знаю также, что оно делает людей развратниками, лжецами и эгоистами.

Сделать ему еще какое-нибудь предложение адвокат не отважился. Его уверенность в том, что Мирза-сахиб был действительно разумным и влиятельным человеком, сильно пошатнулась. Деньги были для мистера Танкхи всем, и он просто не мог постичь, что кто-то отказывается от денег в твердом уме и здравой памяти.

Тем временем дровосек с оленьей тушей на плечах бодро шагал впереди них. Мирза тоже ускорил шаг, однако толстяк Танкха начал отставать и вскоре остался далеко позади.

— Послушайте, Мирза джи! — крикнул он. — Куда вы так бежите?

Мирза ответил, не останавливаясь:

— Посмотрите, как быстро идет этот бедняк! А ведь он тащит на себе целого оленя. Неужто мы налегке не сумеем поспеть за ним?

Дровосек, опустив оленью тушу на пенек, остановился перевести дух.

— Что, устал? — спросил его подошедший Мирза-сахиб.

— Тяжел он, саркар! — будто извиняясь, ответил дровосек.

— Помоги-ка мне взвалить его на спину! Я тоже немного понесу.

Дровосек засмеялся. Мирза был куда выше, плотней и свежей его, и тем не менее этот худой истощенный человек рассмеялся, услышав его слова! Мирзу словно плеткой огрели.

— Что ты смеешься? Думаешь, я не сумею поднять его?

Дровосек, словно прося прощения за свой смех, ответил:

— Саркар! Вы ведь большой человек, а тяжести тащить положено беднякам вроде меня.

— Да я же в два раза выше и сильнее тебя!

— Ну что с того, хозяин?

Самолюбие Мирзы-сахиба было уязвлено. Снести оскорбление он не мог. Тотчас же Мирза Хуршед подошел к оленю, взвалил его на плечи и потащил. Однако не успел он пройти и пятидесяти шагов, как у него заболела шея, задрожали ноги, а перед глазами запорхали разноцветные бабочки. Напрягая все силы, он прошел еще шагов двадцать. Казалось, оленья туша налилась свинцом! Вот была бы потеха, если бы взвалить ее на шею мистеру Танкхе! Но как избавиться от этого груза? И дровосек и Танкха непременно подумают, что вот, мол, силу свою хотел показать! Прошел двадцать шагов и спасовал!

— Ну, как дела, хозяин? — поддразнил Мирзу дровосек. — Легкий, как перышко, правда?

Мирзе стало казаться, что оленья туша и вправду стала немного легче.

— Сколько ты пронес, я тоже как-нибудь пронесу, — ответил он.

— Смотрите, хозяин, потом шея будет дня три болеть!

— Ты думаешь, я уже из сил выбился?

— Вовсе нет, хозяин! Я так не думаю, но если вам надоело, сбросьте оленя вон на тот камень.

— Я могу его еще столько же протащить.

— Да ведь нехорошо оно получается! Я так себе, на легке шагаю, а вы оленя тащите.

Мирза-сахиб опустил оленью тушу на камень. К ним подошел адвокат, и тут Мирза приступил к осуществлению своего плана.

— А теперь ваша очередь, — обратился он к мистеру Танкхе. — Пронесите его немного, почтенный!

Адвокат не придавал значения словам Мирзы-сахиба.

— Прошу извинения! — сказал он. — Я вовсе не желаю показывать здесь свое геройство и силу.

— Ну понятно: ноша нелегкая!

— Так бросьте ее — и дело с концом!

— Если вы пронесете оленя хоть сто шагов, то клянусь вам, что приму любое ваше предложение.

— Вам не поймать меня на эту удочку!

— Я вовсе не собираюсь вас обманывать, клянусь аллахом! В каком округе прикажете выставить мою кандидатуру, в той я и выставлю. Прикажете снять — сниму.

Сделаюсь директором, акционером, агентом любой компании — всем чем хотите! Но за это я требую, чтобы вы пронесли оленя сто шагов. Я уважаю таких друзей, которые, если друг их просит, идут на все.

Сердце у Танкхи екнуло, Мирза Хуршед всегда держал слово, и это ему было хорошо известно! Неужто и в самом деле так тяжел этот олень? Сумел ведь Мирза протащить его такое расстояние и, как видно, не слишком устал! Откажешься — уйдет из рук золотая возможность! В конце-то концов, что это — обломок скалы, что ли? Туша весит самое большее каких-нибудь серов двадцать — двадцать пять. Конечно, шея несколько дней поболит, но когда в кармане у тебя звенят деньги, то такая боль — сущий пустяк!

— Сто шагов говорите?

— Да, сто шагов. Вы понесете, а я буду считать.

— Смотрите только, не отрекайтесь потом от своих слов!

— Пусть будут прокляты все, кто уклоняется от раз данного обещания!

Танкха завязал покрепче шнурки своих ботинок, снял пиджак, отдал его дровосеку, затем подтянул штаны, вытер лицо носовым платком и посмотрел на оленя так, как смотрит осужденный на нож гильотины. Затем, приподняв оленю тушу, он попытался взвалить ее себе на плечи. После нескольких отчаянных попыток, олень оказался-таки у него на шее, но распрямиться адвокат так и не смог. Поясница у него изогнулась, он совсем запыхался, и туша оленя неминуемо свалилась бы на землю, если бы Мирза не поддержал Танкху и не помог ему сдвинуться с места.

Первый шаг мистера Танкхи был так труден, словно он брел по колено в болоте.

— Превосходно! Вы могучи, как лев! — подбадривал его Мирза. — Браво, браво!

Танкха сделал еще один шаг. Ему казалось, что шея его вот-вот сломается.

— Еще немного — и вы выиграли! Смелее!

Собрав остатки сил, Танкха сделал еще два шага. От напряжения глаза у него вылезли из орбит.

— Поднатужьтесь еще немного, дружище! Сто шагов — это слишком много! Хватит с вас и пятидесяти!

Дела господина адвоката были плохи. Мертвый олень, словно свирепый тигр, висел на нем и пил его кровь. Силы мистера Танкхи иссякли. Его поддерживала теперь одна только жадность — как поддерживает крышу железная балка. Ведь дело шло о крупной сумме, может быть даже о двадцати пяти тысячах. Но в конце концов и эта железная балка не выдержала. Хребет у жадности оказался перешибленным. В глазах у Танкхи потемнело, голова его закружилась, и он вместе с висевшим на нем оленем грохнулся на жесткую землю.

Мирза мигом поставил его на ноги и, обмахивая своим платком, ободряюще похлопал по спине:

— Вы старались из всех сил, дорогой, но судьба не благоприятствовала вам!

Отдышавшись немного, Танкха проговорил:

— Вы чуть-чуть не отправили меня на тот свет! В этом дьяволе не меньше двух манов!

— Но, дорогой друг, я ведь пронес его столько же, сколько пронес дровосек! — весело сказал Мирза.

Адвокат решил польстить Мирзе, чтобы выиграть хоть что-нибудь.

— Я непременно хотел выполнить ваше желание! Ведь вы хотели увидеть забавное зрелище — и я вам его доставил. Поэтому вы должны выполнить свое обещание!

— Но разве вы выполнили наш уговор?

— Я сделал все, что было в моих силах.

— Документами это не подтверждается и для нашего уговора значения не имеет!

Дровосек снова взвалил оленя себе на плечи и побежал. Он словно хотел сказать: «Если вы, кряхтя и сопя, пронесли оленя по десятку шагов, то не думайте, что выдержали испытание! Я хоть и слабее вас, но в этом деле вам не сравняться со мной, сколько бы вы ни переводили бумаги и сколько бы ни затевали неправых судебных тяжб!»

Так они дошли до берега небольшой речки, почти совсем пересохшей. По другую сторону, на крутом берегу стояло небольшое селенье из пяти-шести хижин. Несколько ребятишек играли под тамаρινдовым деревом. Завидев дровосека, они с громкими криками бросились к нему навстречу и засыпали его вопросами:

— Кто убил оленя, папа?

— Как убили?

— В каком месте?

— Куда попала пуля?

— А почему пуля угодила в жоака, а не в оленух?

Отгоняя ребятишек, дровосек прошел к тамариндовому дереву, опустил оленя на землю и побежал к ближайшей хижине за чарпай¹ для господ. Четверо его сыновей и дочерей взяли оленя под свою опеку и стали отгонять от него других ребятишек.

— Это наш олень! — кричал самый младший.

Однако его сестренка, которой было уже лет четырнадцать, оглянувшись на гостей, пригрозила ему:

— Молчи! А не то тебя полицейский заберет!

— Вовсе это не твой олень, а мой! — поддразнил мальчугана Мирза. Но малыш, усевшись на оленя верхом и таким образом окончательно завладев им, заявил:

— Его мой папа принес! Вот!

— Братик, скажи лучше этим дядям, что олень этот их! — учила его сестренка.

Мать детей, которая неподалеку рвала траву для коз, заметив двух незнакомых мужчин, опустила на лицо покрывало. Видно было, что ее мучает стыд за свое грязное и рваное сари. Как же можно появляться вот так перед незнакомыми мужчинами? Лучше уж она брсит эту работу, пока они здесь, а не то сгорит со стыда!

До полудня оставалось еще немало времени, однако Мирза-сахиб решил переждать полуденный зной в этой деревне. Он собрал всех ее жителей, те достали деревенского вина, зажарили оленя, а когда с ближайшего базара принесли топленое масло и муку, Мирза-сахиб задал пир на всю деревню. И стар и млад, женщины и мужчины — все вволю повеселились на этом пиру. Мужчины всласть напились вина и, охмелев, до самого вечера распевали песни. Мирза-сахиб держал себя с детьми как ребенок, с любителями выпить — как завзятый пьяница, со стариками — как старик, а с молодыми — как молодой. За один короткий день он успел так сблизиться со всей деревней, словно он здесь родился и вырос. Детишки катались на нем верхом, щеголяли в его соломенной шляпе, любовались его часами, надевая их на свои тонкие руки. Мирза тоже изрядно хлебнул хмельного дере-

¹ Ч а р п а и — широкая скамья.

венского вина и, покачиваясь, горланил песни вместе с лесными жителями.

А когда вечером Хуршед и Танкха распрощались с крестьянами, те долго еще провожали их, а некоторые даже плакали! В жизни бедняков это был первый счастливый случай, когда прохожий охотник на славу их угостил. Не иначе это какой-нибудь раджа или набоб! Кому же еще под силу израсходовать сразу столько денег? Скоро ли еще встретишь такого человека!

Когда они отошли на некоторое расстояние, Мирза обернулся и поглядел назад.

— Как счастливы были все эти бедняки! — сказал он. — Хотел бы я, чтобы у меня каждый день случались такие встречи! Нынешний день был воистину благословенным днем!

— Для вас он, может, и благословенный, — желчно ответил Танкха, — а для меня он прошел попусту! Никакого толку! Напрасно исходили все леса и горы, а возвращаемся ни с чем.

— На вас не угодишь! — сухо ответил Мирза.

Когда оба они добрались, наконец, до баньяна, остальные две охотничьи партии давно уже поджидали их. Мэхта был невесел. Малти, грустная, сидела в стороне и молчала, что было совсем на нее непохоже. Раз-сахиб и Кханна остались голодными, и из них нельзя было вытянуть ни слова. Господин адвокат предавался горьким размышлениям о том, как нечестно поступил с ним Мирза-сахиб. Один лишь Мирза был счастлив, счастлив от всей души!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

С тех пор как на дворе у Хори появилась корова, вся деревня стала смотреть на его дом иными глазами. А Дханию так и распирало от гордости: о чем бы ни шла речь, корова не сходила у нее с языка.

У всех крестьян солома давно уже вышла. Вместе с сахарным тростником на крестьянских полях была посеяна и пшеница, но теперь приходилось жать ее еще зеленой, чтобы прокормить скотину. Глаза всей деревни устремлены были к небу, когда же, наконец, пойдут дол-

гожданные дожди и начнет буйно расти трава? Прошла уже добрая половина асарха¹, а дождей все не было и не было.

Но вот однажды небо стремительно заволокли тучи и на землю обрушился первый ливень. Крестьяне ладили уже плуги и собирались выходить в поле, как вдруг пришло повеление от управляющего раэ-сахиба: до тех пор, пока не будет выплачена вся арендная плата за землю, никому из крестьян не позволят пахать и сеять.

Эта весть словно громом поразила крестьян. Вот так приказ! Сроду не было слыхано о подобных строгостях! Ведь бросать деревню и убегать как будто никто не собирается! А если поля останутся невспаханными, откуда тогда взяться деньгам? Ведь их можно добыть только продав урожай, снятый с поля.

Крестьяне всем миром пошли к управляющему и начали ему жаловаться. Звали управляющего пандит Нокхэ Рам. Человек он был неплохой, но приказ был дан самим хозяином. Как же мог он его послушаться? Вчера еще раэ-сахиб был так добр, толковал о вере, о долге и справедливости, а нынче вдруг такая жестокость к своим арендаторам!

Хори хотел было идти поговорить с раэ-сахибом, но потом раздумал: раз уже раэ-сахиб дал такой приказ своему управляющему, то разве теперь он его отменит! С какой стати должен Хори хлопотать за всех, рискуя навлечь на себя немилость раэ-сахиба? Если остальные крестьяне слово сказать боятся, так зачем ему нужно первому лезть в огонь? Что выпадет на долю всех, то сумеет перенести и он!

Среди крестьян поднялась тревога и смятение. Все кинулись к деревенским ростовщикам занимать деньги.

В деревне в этом году хорошо шли дела у Мангру Шаха. Он сильно нажился на льне да еще немало сумел подзаработать на перепродаже пшеницы и льняного семени. Деньги под проценты ссужали также пандит Дата Дин и лавочница Дулари. Однако самым первым займодавцем в деревне был Джингури Сингх, являвшийся агентом одного крупного городского ростовщика. В его

¹ А с а р х — третий месяц индийского календаря, соответствует июню—июлю; первый месяц дождливого сезона и соответственно—месяц начала полевых работ.

распоряжении было еще несколько человек, которые кружили по соседним деревням и совершали всевозможные ростовщические операции.

Кроме этих крупных ростовщиков, в деревне было еще несколько мелких, которые давали деньги крестьянам без расписок и брали за каждую данную займа рупию по несколько анн процентов. Страсть к ростовщичеству была так сильна, что стоило только кому-нибудь из крестьян разжиться десятью—двадцатью рупиями, и, глядишь, он уже становится ростовщиком, сам начинает ссужать деньги под проценты.

Одно время занялся было этим делом и Хори. В результате люди до сих пор были убеждены в том, что у Хори где-то закопаны деньги. Куда же им было деться? Когда братья делились — они целенькими остались! Паломничеств к святым местам Хори вроде не совершал, общих угощений не устраивал. Так на что же он мог истратить свои деньги? Даже когда ботинки сносятся, верха-то все равно остаются!

В конце концов почти всем удалось уломать ростовщиков. Один согласился платить анну за каждую взятую займа рупию, другой — две. Только Хори совсем потерял голову и не знал, что делать. С каким лицом пойдешь просить деньги у людей, которым не выплатил еще прежних долгов? Кроме как к Джингури Сингху идти больше не к кому. А Джингури Сингх долговые расписки писал на гербовой бумаге, «назарану» — освященное обычаем подношение кредитору — брал особо, «дастури» — плату за посредничество — особо, плату за составление расписки — особо. И за все это он тут же удерживал из ссужаемых денег сумму, равную годовому проценту. Распишешься, что получил двадцать пять рупий, а в руки тебе попадет самое большее рупий семнадцать. Но куда же еще пойдешь за деньгами в этот трудный час? И все это из-за приказа раз-сахиба! Иначе кто бы стал обращаться за помощью к ростовщикам?

Джингури Сингх сидел у себя и ковырял в зубах. Был он низкоросл, тучен, плешив и черен. Нос у него был длинный, усы большие и пышные — ну точь-в-точь «видушак» — шут из какой-нибудь веселой пьесы! Да он и на самом деле был великим насмешником и шутником. Здесь, в деревне, у него была тьма родственников: он выдавал замуж дочерей, женил сыновей и таким образом

породнился со многими семьями. Когда он появлялся на улице, мальчишки дразнили его:

— Пандит джи, дурак!

Джингури Сингх тотчас же останавливался и принимался их «благословлять»:

— Чтоб у тебя глаза лопнули! Чтоб тебе ноги перешибло! Чтоб на тебя столбняк нашел! Чтоб твой дом сгорел! — и так далее, в том же духе. Мальчишкам же никогда не надоедало слушать его проклятия. Однако в денежных делах Джингури Сингх был жесток и неумолим: проценты с крестьян он взимал до последней пайсы, на обещания крестьян уплатить долг чуть попозже не обращал внимания и не отставал до тех пор, пока не получал требуемых денег сполна.

Придя к Джингури Сингху, Хори поздоровался и поведал ему о своих горестях.

— Куда же девались твои прежние деньги? — усмехнувшись, спросил его Джингури Сингх. — Небось спрятал?

— Будь у меня деньги, тхакур, так я бы сейчас спину перед ростовщиками не гнул! Кому охота выплачивать проценты?!

— Знаю я вашу повадку! Какие угодно проценты платить готовы, только бы не трогать запрятанного в кубышку!

— О каких там запрятанных деньгах вы толкуете, тхакур? Дома у меня есть нечего, сын взрослым стал, а женить его — денег нет. Старшую дочь тоже замуж выдавать пора. Будь у меня деньги, так к какому еще дню стал бы я их беречь в земле?

С той поры как Джингури Сингх увидал на дворе у Хори корову, он только и думал о том, как бы завладеть ею. Все в этой корове говорило о том, что от нее можно ждать не меньше пяти серов молока в день. И Джингури Сингх решил завлечь Хори в какую-нибудь хитрую ловушку и отнять у него корову. Наконец, сегодня этот случай представился.

— Так, значит, брат, денег нет у тебя? — сказал он. — Ну ладно, верю тебе! Изволь, возьми у меня, сколько тебе нужно, но ради твоей же пользы говорю тебе вот что: если есть у тебя какие-нибудь украшения, то для тебя лучше будет взять деньги под залог. Подпишешь долговую бумагу — проценты расти начнут. Трудновато тебе будет выплачивать!

Хори поклялся, что дома у него сейчас самого дешевого браслета и того нет. Правда, Дхания носит на руках браслеты, но и они из поддельного серебра. Джингури Сингх изобразил на своей физиономии сочувственную улыбку.

— А ты вот что сделай,— сказал он.— Продай мне свою корову! Не надо будет тебе тогда процентов платить и долговой расписки писать — от всех бед спасешься! Сколько дадут за нее люди, столько и бери с меня! Я знаю, конечно, что купил ты ее для того, чтобы она счастье в твой дом принесла, что продавать тебе ее неохота. Да ведь из беды-то надо как-то выпутываться!

В ответ на это предложение Хори сначала только смеялся. О продаже коровы он и разговаривать не хотел. Однако тхакур призвал на помощь все свое красноречие и стал так горячо убеждать Хори, в таком мрачном свете обрисовывать все, что ожидает крестьянина, задолжавшего ростовщику, что мысль о продаже коровы невольно засела у Хори в голове. «Как ни верти, а ведь тхакур дело говорит! — думал он.— Разживусь деньгами, тогда и возьму свою корову обратно. А так распишешься, что получил тридцать рупий, а на руки от силы получишь двадцать пять. А если не выплатишь долг за год-два, так эти тридцать рупий превратятся в стол!»

Из своего жизненного опыта Хори хорошо знал, что долг — такой гость, который, явившись однажды, потом не желает уходить восвояси.

— Сперва домой схожу, посоветуюсь со всеми, а потом отвечу,— наконец, сказал он Джингури Сингху.

— Не о чем тут и советоваться! Скажи своим домочадцам, что если, мол, возьмем деньги взаймы, то, кроме гибели да разорения, нам это ничего не принесет.

— Я понимаю, тхакур. Я скоро вернусь и все вам скажу.

Однако, когда Хори пришел к себе и только-только заикнулся было о продаже коровы, в доме поднялись вопли и рыдания. Что касается Дхания, та не очень возражала, но обе дочери не соглашались ни в какую: «Не отдадим мы никому нашу корову! Доставай деньги, где хочешь!» — заливались они слезами. А Сона даже заявила, что пусть лучше отец продаст ее, Сону,— за нее, мол, он больше выручит, чем за корову! Бедняга Хори не знал, что и делать.

Обе девочки и вправду души не чаяли в корове. Рупа от коровы не отходила ни на шаг и не могла съесть ни кусочка хлеба, не угостив предварительно свою любимицу. С какой лаской и любовью лизала корова ее ручонки! Какими полными любви и признательности глазами смотрела на нее! И какой, должно быть, красивый родится у нее теленочек! Рупа уже заранее придумала ему кличку — Матру. Она будет спать с ним в обнимку!

Из-за коровы между сестрами не раз разгорались ссоры. Сона говорила, что корова любит ее, а Рупа твердила, что ее — Рупу. Спор этот не был разрешен до последнего дня, и обе девочки с одинаковым упорством настаивали на своем.

Хори удалось быстро уговорить Дханию. Конечно, это не дело — продавать корову, купленную в рассрочку у друга, но человек в такой беде не то что о корове, обо всем на свете позабыть может! Да и кто за это упрекнет? Разве удастся им вылезти из беды, если они не продадут корову? Гобар тоже не особенно противился этой продаже: он был охвачен сейчас иной страстью и думал совсем о другом. Решено было, что как только девочки уснут, Хори отведет корову к Джингури Сингху.

Гобар заранее убежал куда-то, чтобы не видеть этого печального зрелища. Разве хватит у него сил спокойно смотреть на то, как будут уводить со двора корову? Разве сможет он сдерживать свои слезы? Сам Хори кое-как крепился, но на душе у него тоже скребли кошки. Найдется ли такая мать, которая согласится отдать в долг за двадцать пять рупий свое дитя, хотя бы потом его и можно было вернуть с прибылью в пятьдесят рупий?

Хори подошел к корове, встал перед ней. Ему показалось, что ее черные блестящие глаза полны слез. Взгляд ее, казалось, говорил: «Неужто я надоела тебе за те несколько дней, что живу у тебя? Ведь дал же ты слово, что, покуда жив, никому меня не продашь! Так-то ты выполняешь свое обещание? Я ни в чем тебя никогда не упрекала! Какой бы плохой корм ни предлагал ты мне, я молча довольствовалась им! Ну, что ты ответишь мне?»

— Что же ты не ведешь ее к Джингури Сингху? — спросила Дхания. — Девочки уже уснули. Если уж решил вести, так води сейчас!

— У меня рука не подымается, Дхания! — дрожащим голосом ответил Хори. — В глаза ей посмотреть не могу! Давай-ка лучше оставим ее! Займу деньги хотя бы и под проценты! Даст бог, как-нибудь выплачу все долги. Сейчас за нами числятся сотни три-четыре — не так уж и много! Глядишь, уродится нынче тростник, и все покроем...

Дхания с любовью посмотрела на мужа и ответила:

— После стольких лишений на дворе у нас появилась корова, — как же ее отдавать? Бери завтра деньги взаймы под проценты! Отдадим как-нибудь и то, что раньше занимали, и этот долг!

Стояла тяжкая духота, дышать было нечем. И хоть бы ветерок — все листья на деревьях висели неподвижно. Тучами затянуло все небо, но не было ни малейшего признака приближающегося дождя.

Хори вывел корову со двора и привязал ее снаружи. Дхания запротестовала было, но Хори не стал ее слушать.

— Привяжу ее снаружи на воздухе, — сказал он. — Здесь ей будет полегче. Как-никак тоже ведь живое существо!

Привязав корову, Хори отправился навестить своего среднего брата Собху, который вот уже несколько месяцев страдал астмой. Ни лекарств, ни хорошей еды купить было негде, да и не на что, а работать приходилось день и ночь не покладая рук. Поэтому здоровье брата изо дня в день ухудшалось все больше.

Собха был кротким, терпеливым человеком. Скандалов и ссор он боялся, как огня, старался никогда не задевать других и только и знал, что свой дом да поле. Хори любил Собху, а тот, в свою очередь, уважал и почитал Хори.

Братья поздоровались, потом завели разговор о денежных делах, принялись осуждать новый приказ разсахиба. Хори вернулся домой только часам к одиннадцати ночи. Ему показалось, что возле коровы кто-то стоит.

— Эй, кто там? — спросил он.

— Это я, дада! — ответил ему Хира. — Пришел к тебе разжиться огоньком!

Хира пришел взять огня из его очага! В этом незначительном факте Хори усмотрел проявление братской

привязанности. В деревне перед каждым домом теплится костер — приходи и бери уголек у любого! Но Хира вспомнил, что Хори—его брат, и пришел за огнем именно к нему. Вся деревня нынче приходила за огнем к дому, который в эти дни был окружен всеобщим вниманием и почетом. Но то, что пришел Хира, было совсем другим делом! А недавняя ссора! Как видно, она не оставила в душе Хиры ржавчины. Хоть и злобен Хира и вспыльчив, но душа у него чиста!

— Табачок-то есть или из дому принести?—ласково спросил Хори.

— Не нужно, табак у меня есть, дада!

— Собха нынче что-то совсем плох.

— Что ж тут поделаешь, если он никаких лекарств принимать не желает? По его словам выходит, что все знахари, все доктора ничего не знают, ничего не умеют. Можно подумать, что весь ум, который бог людям дал, достались только ему да его хозяйке.

— Верно, есть за ним такой грех, — озабоченно ответил Хори. — Слушать никого не желает. А то, что он не слушается никого, так это со всеми бывает, кого болезнь одолеет. Помнишь, когда ты простудой болел? Тоже хватал бутылки с лекарством и бил их об землю. Я тогда держал тебя за руки, а Дхания насильно вливала тебе в рот лекарство. Ты ее тогда последними словами ругал.

— Было такое дело, дада! За то я тебе весь век благодарен буду! Не вылечи ты меня, пожалуй меня бы нынче и в живых-то не было. Может, и к лучшему: не с кем было бы тебе и ругаться!

Хори показалось, что в голосе Хиры закипают слезы, и он тоже расчувствовался.

— Э, милый! — ответил он ему. — Без ругани да драки не проживешь! Из-за них родственники, самые близкие становятся чужими. Если живут в одном доме четыре человека — между ними непременно начинаются ссоры. А когда в доме нет никого, так с кем тогда станешь ссориться?

Братья покурили, потом Хира пошел к себе домой, а Хори отправился ужинать.

— Посмотри-ка, что вытворяет твой любимый сынок! — встретила его гневными словами Дхания. — На дворе ночь давно, а он до сих пор шатается неизвестно где! Я все знаю! Мне все до мелочей известно! Эта Джху-

ния, дочь Бхолы, не девушка, а сущая ведьма! Не иначе как вокруг нее Гобар сейчас увивается!

Слухи об этой привязанности сына не раз уже доходили до ушей Хори, однако он им не верил. Напрасно наговаривают люди на Гобара!

— Говорил тебе кто-нибудь о нем? — спросил он.

— Об этом по всей деревне давно уже толки идут! Один только ты ничего не знаешь! — накинута на мужа Дхания. — Гобар парень простой, неопытный, а та сквозь огонь и воду пройти успела. Дурачит его как душе угодно, а он, глупый, думает, что она его любит. Хоть бы ты образумил его, а не то такое случится, что потом позору не оберешься!

После встречи с братом Хори был в прекрасном настроении.

— А чем плоха Джхуния? Послушаешь, поглядишь на нее — всем взяла! Пускай на ней и женится Гобар! Где ты еще найдешь такую дешевую невесту? — подзадорил он жену.

Шутка его, словно стрела, пронзила сердце Дхания.

— Пусть она только посмеет нос сунуть в мой дом! Рожу спалю этой ведьме! А если Гобар на ней женится, пускай с ней живет где угодно!

— А если Гобар приведет ее сюда?

— Куда же ты тогда денешь своих дочерей? Кто тогда станет разговаривать с тобой в общине? Да тебя никто и на порог не пустит!

— А какое кому дело до этого?!

— Так просто я сына своего ей не отдам! Я его вскормила, вспоила, вырастила, а Джхуния явится, да и власть над ним заберет? Не бывать этому!

Внезапно в дверях появился Гобар.

— Дада, что такое творится с Сундарией? — испуганно сказал он. — Не укусила ли ее кобра? Лежит на земле, бьется!

Хори только что принялся за ужин, но, услышав слова Гобара, отодвинул от себя миску и пошел к дверям, испуганно бормоча:

— Что зря-то городишь? Только что был возле нее. Она лежала тогда.

Все трое вышли наружу, посветили фонарем на корову. Из рта Сундарии была пена, глаза ее стекленели, живот вспух и ноги вытянулись, словно палки. Дхания заголо-

сила, а Хори побежал за Дата Дином, который помимо всего прочего был еще деревенским ветеринаром.

Пандит джи собирался уже ложиться спать, однако, услышав о беде, рысью примчался на место происшествия. Не прошло и минуты, как возле дома собралась почти вся деревня. Корову чем-то обкормили — все признаки были налицо. Ясное дело — ее отравили! Но кто был этим вражьим сыном? У кого поднялась рука подмешать корове яд? Такого злодейского дела в деревне никогда еще не случалось! Но, может быть, это сделал какой-нибудь забредший в деревню чужак? Сам Хори заподозрить никого не мог, потому что вражды у него ни с кем не было. Правда, он был не в ладу с Хирой, но то была семейная ссора. К тому же сам Хира переживал несчастье брата тяжелее других. Он грозился, что если только убийца попадется ему в руки, он расправится с ним без жалости. Хоть и злобен Хира, но такого подлого поступка он совершить не мог!

Народ толпился во дворе у Хори вплоть до полуночи. Все сочувствовали его горю и на чем свет стоит проклинали отравителя. Узнай они, кто совершил эту подлость, так они бы из него душу вытрясли! Разве теперь можно будет оставлять скотину снаружи после такого дела? До сих пор никто не загонял скотину на ночь во двор и с ней никогда ничего не случалось. И вдруг — на тебе — такая беда! А уж как хороша была корова — глаз не отведешь! Молиться на нее было впору. После отела стала бы давать не меньше пяти серов молока, а каждый теленок от нее стоил бы сотню рупий! И такая красавица только успела прийти в дом Хори, как сразу и околела.

Когда народ разошелся по домам, Дхания принялась пилить мужа.

— Тебе хоть сто тысяч раз говори, ты все равно по-своему сделаешь! Что я тебе говорила, когда ты выводил ее со двора? «Не смей привязывать корову снаружи, не смей! Время нынче ненадежное, кто знает, что может с ней случиться». Так нет же — пожалел ее, жарко ей, видишь ли, стало! Ну вот, теперь ей попрохладней, да и ты тоже малость поостыл! Ты ведь хотел отвести ее к тхакуру! Отвел бы ее — лишний груз с плеч, да и с раз-сахибом, глядишь, удалось бы рассчитаться. Ох, горе, и за что нам такая беда? Нет, если уж суждено человеку несчастье, так он перед этим словно ума лишается. Сколько дней стояла корова запертой во дворе, и ничего-то с ней не случалось:

ни жарко ей не было, ни лихорадка ее не трясла. Все привыкли к ней, всем она так полюбилась, что кажется, всю жизнь на нашем дворе стояла. Детишки с ее рогами начнут играть, так она и головой не шевельнет! Что положишь, бывало, ей в корыто — мигом все съест. Ну, сущая Лакшми! И нет ее больше! Разве станет богиня счастья жить в доме последних бедняков?!

Ночная суматоха в доме подняла на ноги и Сону с Рупой. Обе девочки заливались горькими слезами. Почетная обязанность служить корове была возложена главным образом на них. Корова сразу сделалась их любимицей, их подругой. Пообедав, они непременно угощали корову кусочками хлеба. Как осторожно слизывала она с их ладоней эти подношения, и как она смотрела на них, когда они приходили к ней с пустыми руками! Кончилось счастливое время!

Наплакавшись вволю, Гобар и обе девочки, наконец, заснули. Лег на свой топчан и Хори. Когда пришла Дхания, чтобы поставить у изголовья его ложа кувшин с водой, он тихонько сказал ей.

— Жаль, что не умеешь ты держать язык за зубами. Чуть что услышишь, так непременно по всей деревне разнесешь.

— Что зря-то говоришь! — запротестовала Дхания. — Когда со мной было такое?

— Ну ладно, скажи, кто бы мог это сделать?

— Откуда мне знать? Думаю, это дело рук какого-нибудь чужого человека, не иначе.

— Язык за зубами держать будешь?

— Пусть все от любопытства умрут, а от меня все равно ничего не услышат!

— Ну смотри! Скажешь кому — убью, право слово!

— От того, что меня убьешь, счастливее не будешь. Другой такой жены тебе больше не найти. Пока жива — все хозяйство на мне держится, а когда умру — руками за голову схватишься, в голос заплачешь. Сейчас-то тебе кажется, что во мне одно только зло, а умру — слезы по мне лить будешь!

— Так слушай: думаю я, это Хира отравил корову!

— Быть того не может! Глаз у него дурной, это верно, но такой подлости он не сделает.

— Своими глазами видел! Право слово! Головой твоей клянусь!

— Своими глазами видел?! Когда?!

— Когда я от Собхи вернулся. Гляжу, он стоит возле Сундарии. Я окликнул его: «Эй, кто это там?» А он мне: «Это я, Хира!» Сказал, что, дескать, за огоньком пришел. Поговорили мы с ним, он меня еще табаком угостил. Потом он к себе пошел, а я к себе. Тут вскорости и Гобар явился, тревогу поднял. Должно быть, дело было так: когда привязал я корову и пошел Собху проведать, он, наверно, подобрался к нашему дому и дал ей съесть чего-нибудь, а потом пришел посмотреть — подохла она или нет.

Из груди Дхания вырвался стон.

— Вот они братья-то! Один другому глотку перерезать готов! Ой, что же это такое? Какая черная душа оказалась у Хиры! Подумать только! И этого негодяя я своими руками вспоила, вскормила, в люди вывела!

— Ну хватит, ступай к себе, спи! — оборвал ее Хори. — Да смотри не проболтайся кому-нибудь!

— Как бы не так! Пусть только утро настанет: не буду я дочерью своего отца, если завтра же не сведу этого молодчика в полицейский участок! И такой убийца зовется братом? Вот как обошелся с тобой твой братец! Коршун он, настоящий коршун! А коршуна убить не грех, грех оставить его в живых!..

— Молчи, Дхания! — грозно прикрикнул на жену Хори. — Молчи, не то беда будет!

— Хоть беда, хоть две беды! — запальчиво ответила Дхания. — До тех пор не успокоюсь, пока не упрячу его за решетку. Три года заставляю в тюрьме жернова крутить, три года! А вернется из тюрьмы — пусть грехи свои замаливает, по святым местам ходит, общину упрашивает, чтоб его простили. Нет, так просто это не кончится, добрый мой муженек! Я тебя тоже в свидетели притяну. Головой сына поклясться заставляю!

Дхания скрылась в доме, плотно притворив за собой дверь. Хори остался один. Он лежал и проклинал себя самого. «Если уж я не смог сохранить это дело в тайне, так разве станет молчать Дхания? Она теперь дошла до крайности, а когда на нее найдет такое, она и слушать никого не желает. Эх, ошибся я нынче, так ошибся, как никогда в жизни!»

Повсюду было разлитое ночное безмолвие, только иногда коротко позвякивали колокольчики на шеях у быков.

В десяти шагах лежала мертвая корова. А Хори все ворочался с боку на бок, мучимый чувством боли и раскаяния. Ни единого светлого пятнышка не видно было в окружавшем его непроглядном мраке.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

С раннего утра в доме Хори царило великое смятение. Хори молотил кулаками Дханию, Дхания поливала его потоками брани, обе девочки плакали навзрыд, цепляясь за ноги отца, а Гобар старался защитить мать от ударов. Он ловил кулак Хори и отводил его руки назад, но как только из уст Дхании вылетало очередное ругательство, Хори вырывался и снова набрасывался на жену. Давно сдерживаемый гнев, казалось, освободил сегодня какую-то скрытую яростную силу, которая жила в нем.

Вся деревня пришла в движение. Под предлогом увещевания и примирения дерущихся, а в действительности, чтобы просто поглазеть на скандал, у дома Хори собралась целая толпа. Опираясь на свою палку, приковывал и Собха.

— Эй, Хори! Что это стряслось с тобой? — попытался было урезонить Дата Дин расхोдившегося Хори. — Рехнулся ты, что ли? Да кто же так истязает хозяйку своего дома? За тобой такого греха вроде не водилось. От Хиры, что ли, заразился этой болезнью?

Хори, отвесив ему низкий поклон, сказал, отдуваясь:

— Махарадж! Лучше сейчас ничего мне не говорите! До тех пор буду ее лупить, пока весь строптивый дух не вышибу! Вы на нее поглядите! Чем больше бью, тем она непокорней!

— Свидетелем будьте, махарадж! — плача злыми слезами, кричала Дхания. — Тогда только и успокоюсь, когда засажу за решетку этого убийцу, его брата! Ведь это Хира сгубил корову, он дал ей яду! Я сейчас в полицейский участок иду, чтоб протокол на Хиру составили, а этот злодей бьет меня! Я ради него всю жизнь свою погубила, а он вон как меня благодарит!

— Ты опять за свое? — скрипя зубами и выкатывая в злобе глаза, орал Хори. — Видала ты, как Хира давал корове яд?

— Поклянись, что не видел Хиру возле коровы!

- Не видел! Клятву даю!
- Сыном своим поклянись!

Хори опустил трясущуюся руку на голову Гобара и дрожащим голосом проговорил:

— Сыном своим клянусь — не видел я Хиры возле коровы!

Дхания в ярости плюнула:

— Тьфу на твою клятву! Ведь сам же ты говорил мне вчера, что видел, как Хира, словно вор, стоял возле коровы! А теперь, чтобы брата выгородить, ложную клятву даешь? Позор на твою голову! Пусть теперь только волос упадет с головы моего сына — дом подожгу, все спалю! Боже ты мой! Никогда не слышала я, чтобы кто-нибудь так бессовестно отпирался от своих слов!

— Дхания! — топая ногами, крикнул Хори. — Не гнви меня, не то худо будет!

— Ну бей меня, бей, — достойным сыном отца своего будешь, на весь свет прославишься! Ведь в кровь избил меня злодей, а все ему мало! Бьет меня и думает, что я ему смертный враг, а перед братьями своими словно мокрая кошка трясется! Злодей проклятый, убийца!

Излив душу в этой вспышке, Дхания горько заплакала. Каких только невзгод и лишений не пришлось ей вытерпеть с тех пор, как она вошла в этот дом! Один бог знает, как она экономила на всем, с каким трудом доставалась ей каждая тряпка, как над каждой пайсой она тряслась, словно над своей жизнью, как порой, накормив семью, ей приходилось ложиться спать голодной, испив натошак только воды. И вот как ее отблагодарили за все ее муки! Неужели бог может спокойно взирать на такую несправедливость? Почему он не спешит ей на помощь?

Мало-помалу мнение всей деревни стало определенно клониться на сторону Дхания. Никто уже не сомневался в том, что именно Хира отравил корову, и все теперь были убеждены, что Хори дал ложную клятву.

То, что отец соврал, поклявшись его именем, и опасение, что в будущем это навлечет на него какую-нибудь беду, восстановило против Хори даже Гобара. А когда и Дата Дин напомнил о том, во что может обойтись сыну такая ложная клятва, Хори отступил и молча пошел прочь. Правда, таким образом, восторжествовала.

— А ты-то знаешь что-нибудь об этом? Как дело-то было? — обратился Дата Дин к Собхе.

Собха от слабости не мог стоять и лежал на земле.

— Я, махарадж, дней восемь из дому не выходил, — ответил он. — Хори иногда ко мне заглядывал, поесть кое-что приносил. Только этим я и жил. Вчера вечером он тоже зашел. А кто что сделал, кто в чем виноват, я не знаю. Правда, до прихода Хори забегал ко мне вчера Хира. Говорил, что ему мотыга нужна, какой-то корешок выкопать. Только с тех пор я его не видел.

Дхания нашла в словах Собхи подтверждение своим подозрениям.

— Это его работа, его, пандит-дада! — сказала она. — У Собхи взял мотыгу, выкопал какой-нибудь ядовитый корень, да и подсунул корове. С той ночи, когда меж нами ссора была, он, наверно, только о том и думал, как бы нам насолить!

— Если все это верно, на Хире тогда будет лежать грех в убийстве, — сказал Дата Дин. — Сделает с ним что-нибудь полиция или не сделает, не знаю, а в общине ему не быть, если не выплатит штрафа. Придется ему денежки выложить! Позовите-ка сюда Хиру! Скажите, что, мол, пандит-дада зовет. А если он скажет, что греха этого на нем нет, так пускай тогда берет сосуд со священной водой из Ганга, идет на могилу святого и поклянется, что он ни в чем неповинен.

— Махарадж! Нельзя верить его клятве! — возразила Дхания. — Он сейчас в чем хочешь тебе поклянется! Мой-то, на что уж богомолен, на что бога боится, и то ложную клятву дал! Так можно ли верить клятвам Хиры?

— Как бы не пришлось потом за ложную-то клятву расплачиваться! — вставил Гобар. — Отец поклялся и дело с концом, — а мне что делать?

Рупа, которую послали за Хирой, скоро вернулась.

— Дяди дома нет, пандит-дада! — доложила она. — Тетя говорит, ушел куда-то!

Дата Дин расправил свою длинную бороду.

— А куда он пошел, узнала? — спросил он Рупу. — Может, он спрятался где-нибудь у себя дома? Сбегай посмотри. Во дворе-то его не видно было?

— Не посылай ее за Хирой, дада! — остановила его Дхания. — Хира великий грех совершил — убийство. Кто знает, что он может с ней сделать!

Опираясь на палку, Дата Дин сам отправился к Хире, но вскоре вернулся и сообщил, что того и вправду нет дома.

Пуния, жена Хиры, сказала, что муж забрал с собой котелок, фляжку с водой и палку и куда-то ушел. Пуния даже спросила его, куда это он собрался, однако Хира ничего не сказал. В укромном местечке у нее лежало пять рупий, припрятанных на черный день. Их тоже не оказалось. Видно, с собой захватил.

— Имя свое опозорил, да и удрал со стыда! — с удовлетворением проговорила Дхания.

— Почему ты знаешь, что он бежал? — спросил Собха. — Может, он пошел к Гангу на богомолье.

— Зачем ему было брать деньги, если он отправился к Гангу? — с сомнением возразила Дхания. — Да и время еще не пришло, когда люди к Гангу на богомолье идут.

Ничто уже не могло теперь рассеять раз возникшего подозрения. Мысль, что именно Хира является виновником смерти коровы, прочно завладела умами всех. В доме Хори в тот день не варили пищи; быки тоже остались непоеными и некормленными. Происшествие взбудоражило всю деревню. Тут и там кучками по два-три человека собирались люди и толковали о неслыханном злодействе. Хира сбежал из деревни, — в этом не было больше никакого сомнения. Увидел, должно быть, что тайна раскрылась, понял, что тюрьмы не миновать, да, кроме того, и придется перед общиной грех замаливать — вот и сбежал! Пуния заливалась слезами: муж ушел неведомо куда и ничего не сказал ей.

То, что не успели сделать другие, доделал приехавший вечером начальник районной полиции Дарога джи. Протокол об отравлении коровы был уже составлен чаукидаром — деревенским полицейским. Это он был обязан сделать по долгу службы. Но разве мог уклониться от своего служебного долга сам начальник полиции? Деревенским законам тоже пришлось исполнить свой долг: оказать ему любезный прием. Дата Дин, Джингури Сингх, Нокхэ Рам со своими четырьмя слугами, Мангру Шах и Лала Патешвари — все явились на зов полицейского инспектора и, смиренно прижав к груди руки, предстали перед его грозными очами. Велено было послать и за Хори.

Хори первый раз в жизни пришлось разговаривать с полицейским инспектором. Он так трясся, словно его собирались повесить. Когда он избивал Дханию, то махал руками, словно мельница, но здесь, перед полицейским

инспектором, он сразу стал похож на черепаху, которая в страхе втянула внутрь панцыря и голову и ноги.

Господин полицейский инспектор глянул на Хори испытующим оком и тотчас определил, что за человек стоит перед ним. Дарога-сахиб был великим физиономистом! В книжных науках, разных там психологиях он был круглым невеждой, но долгая практика сделала его мастером по части определения характера человека.

Итак, взглянув на Хори, полицейский инспектор тотчас определил, что бог, как видно, предоставил ему случай отлично поживиться.

Весь вид Хори говорил о том, что запугать его будет нетрудно.

— Кого ты подозреваешь в отравлении коровы? — спросил Дарога-сахиб.

Хори низко поклонился полицейскому инспектору и, прижав к груди руки, ответил:

— У меня ни на кого нет подозрения, саркар! Корова была старая, умерла своей смертью.

Но Дхания, которая явилась сюда вслед за Хори и стояла теперь позади мужа, немедленно вмешалась:

— Корову отравили, и сделал это твой братец Хира! Не такой дурак саркар, чтобы верить всему, что ты здесь станешь плести. Он приехал сюда не сказки слушать, а все расследовать!

— Что это за женщина? — спросил полицейский инспектор.

Несколько человек из присутствующих, стремясь удостоиться великой чести говорить с самим господином полицейским инспектором, ответили хором.

— Это жена Хори, саркар!

Каждый из них при этом тешил себя мыслью, что именно он был первым.

— Подведите ее сюда! Я допрошу ее первой. А где этот самый Хира?

Деревенские начальники опять в один голос ответили:

— Сегодня утром он куда-то сбежал, саркар!

— Я произведу в его доме обыск!

Обыск! У Хори перехватило дыхание. В доме его брата Хиры будет обыск, а самого Хиры нет здесь! Нет, пока Хори жив, пока видят его глаза, он не допустит этого! А с Дханией отныне его уже ничто не связывает! Пускай идет, куда хочет! Если она явилась сюда, чтобы позорить его

перед всей деревней, ей нечего больше делать в его доме! Пускай побродит под чужими окнами, пускай узнает, как сладок чужой хлеб!

Между тем лучшие люди деревни, услышав про обыск, принялись шепотом совещаться между собой, как же теперь выйти из этого положения.

— Он это представление нарочно затеял, чтобы вытянуть из Хори взятку, — качал плешивой головой Дата Дин. — Надо спросить Хори, есть у него деньги-то или нет!

Лала Патешвари был хоть и высок ростом, но не глуп. Вытянув шею, он поднял еще выше свою тыквообразную черную голову и заявил:

— А для чего же еще было ему приезжать? Раз уж он явился сюда, с пустыми руками его отсюда не выпроводишь!

Джингури Сингх подозвал к себе Хори и сказал ему на ухо:

— Дай ему денег, сколько можешь. Так просто тебе от него не отделаться!

— Я хочу начать обыск! Где дом Хиры? — загремел полицейский инспектор как бы в подтверждение слов Джингури Сингха.

Лицо у Хори вдруг так побелело, словно в жилах у него не осталось ни капли крови. Что его дом будет подвергнут обыску, что дом Хиры — в этом не было никакой разницы! Пусть Хира живет отдельно, мир-то ведь знает, что они братья! Будь у Хори деньги, он положил бы к ногам полицейского инспектора пятьдесят рупий и сказал бы: «Саркар! Честь моя в твоих руках!» Но сейчас у него не было даже пайсы для того, чтобы купить яду и отравиться. У Дхании, наверно, где-нибудь припрятано несколько рупий, да только разве их выпросишь у этой ведьмы!

С видом человека, осужденного на повешение, уронив голову на грудь, стоял Хори, не говоря ни слова. Свалившийся на него позор словно придавил его к земле.

— Оттого, что ты будешь стоять так, дело не пойдет! — напомнил ему Дата Дин. — Надо дать инспектору взятку!

— Что я могу сказать, махарадж? — с мольбой ответил Хори. — Я и так уже всем должен! Кто еще согласится ссудить мне денег? Вызволи ты меня из этого несчастья! Жив буду — все до самой последней каури тебе выплачу! А я умру, так Гобар никуда не денется!

Деревенские заправилы стали совещаться, какую взятку надо будет дать полицейскому инспектору. Дата Дин предлагал дать пятьдесят рупий, однако, по мнению Джингури Сингха, это дело должно было стоить не меньше ста рупий. Нокхэ Рам тоже стоял за сто. Что ж касается Хори, то ему было все равно: хоть пятьдесят рупий, хоть сто. Он согласен был сейчас заплатить любые деньги, только бы его миновал позор обыска! Не все ли равно мертвецу, сожгут его на одном мане дров или на целых десяти?!

Патешвари, однако, не любил несправедливости. В конце-то концов здесь не было ни грабежа, ни убийства — всего только обыск. Достаточно будет с инспектора и двадцати рупий!

Услышав такое, деревенские заправилы дружно накинулись на Лала Патешвари:

— Тогда ступай говори с инспектором сам, а мы к нему не пойдем! Кому охота слушать его угрозы и ругань?

Хори повалился в ноги Патешвари.

— Брат, одолжи мне денег! — умоляюще сказал он. — До конца жизни буду тебе благодарен!

Полицейский инспектор снова гаркнул во всю мочь своей широкой груди и толстого брюха.

— Где дом Хиры? Сейчас я начну обыск!

Патешвари подошел к полицейскому инспектору и сказал ему на ухо:

— Что толку с того, что вы обыщете его дом, саркар. Взяли бы лучше в работу его брата!

Оба они отошли в сторону и стали советоваться.

— Что он за человек?

— Совсем нищий, хузур! У него в доме есть нечего.

— Да ну?

— Верно, хузур, правду вам говорю!

— Неужто с него нельзя сорвать хотя бы полсотни?

— Откуда у него такие деньги, саркар! Удастся сорвать с него десять рупий, считайте это за тысячу. Пятидесяти рупий вы не получите от него и за пятьдесят его жизней, а если и получите, так только в том случае, если ему ссудит их какой-нибудь ростовщик.

Полицейский инспектор погрузился в минутное раздумье.

— Так зачем же мне в таком случае тянуть из него

жилы? Таких, которые вот-вот сами дух испустят, я не трогаю.

Патешвари увидал, что желанная цель подвинулась еще ближе.

— Э, саркар! Просто так его отпустить тоже не годится! — сказал он. — Если всякий раз так поступать, то на что нам тогда жить? Как же мы тогда будем добывать деньги?

— Вы же патвари этой деревни! Кто это поверит вашим причитаниям!

— Саркар, только когда подвернется благословенный случай, вроде сегодняшнего, мы и можем заработать немного, да и то лишь с вашей помощью! А если пропускать такие случаи, так на что тогда станет жить патвари?

— Хорошо! Соберите рупий тридцаты! Двадцать мне, десять вам!

— Нас, старейшин, здесь четверо, о других-то вы забыли?

— Ну ладно — половину мне, половину вам. Но только живей, мне некогда!

Патешвари что-то сказал Джингури, а Джингури знаком подозвал к себе Хори, повел его к себе домой, отсчитал тридцать рупий, вручил их ему и, назначив проценты, сказал:

— Нынче же зайдешь подпишешь расписку. Я тебе деньги даю только потому, что ты попал в беду, да еще потому, что я знаю, какой ты смирный человек.

Взяв деньги у Джингури Сингха, Хори завязал их в уголок своего ангочхи и очень довольный направился к полицейскому инспектору.

Но тут Дхания подскочила к Хори и резким движением вырвала ангочхи у него из рук. Узел был завязан некрепко; от сильного рывка он развязался, и все деньги высыпались на землю.

— Ты куда это несешь деньги? — словно змея зашипела Дхания. — Если хочешь, чтобы все кончилось добром, сейчас же отдай их тому, у кого взял! Слышишь, что я тебе говорю? Семья день и ночь на работе изводится, над каждым зернышком хлеба дрожит, в доме целой тряпки нет, наготу прикрыть и то нечем, а ты хочешь отдать целую пригоршню денег! Зачем? Чтобы честь свою спасти? Так ли уж велика твоя честь! В доме у нас, кроме мышей, ничего нет, а он о своей чести печется! Хочет полицейский

инспектор делать обыск, — так пускай себе делает, пусть хоть весь дом перерое! Мы и так уже коровы лишились, которая стоит целых сто рупий, а тебе все мало? Тыфу на твою честь!

На Хори словно ушат помоев вылили. Всех присутствующих от такой дерзости прямо пот прошиб. Деревенские старейшины стояли, потупясь, а у полицейского инспектора вытянулась физиономия. В жизни ему еще не приходилось слышать подобных оскорблений!

Хори был потрясен больше всех. За всю их совместную жизнь это был первый случай, когда Дхания так безжалостно, так грубо оскорбила его на людях. На век опозорила, проклятая! Как теперь ему поднять голову, как теперь посмотрит он в глаза односельчанам?

Однако полицейский инспектор был не из тех, кто скоро сдается.

— Похоже, — заговорил он, — что эта чертова баба сама подсыпала яду корове, чтобы напакостить Хори!

— Конечно, я сама ей яду подсыпала! — упреков руки в боки закричала в ответ Дхания. — Корова-то своя была, почему бы ее и не убить? Чужих-то коров я ведь не трогала! Если подозревать меня, так вали, записывай! На, надевай на меня наручники! Знаем теперь, какой ты справедливый, знаем, что у тебя на уме! Одно дело — хватать за глотку бедняков, а другое дело — творить справедливый суд!

С горящими от ярости глазами Хори кинулся было на Дханию, но Гобар заслонил собой мать.

— Хватит, дада! — решительно проговорил он. — Не смей ее трогать! Отойди лучше, а не то, ей-богу, не увидишь меня больше! Руку на тебя не подниму — не такой уж я дурной сын, но тут же накину себе на шею петлю!

Хори отступил назад, а Дхания рассвирепела еще больше.

— Уйди, не мешай, Гобар! Поглядим, посмеет ли он ударить меня! — крикнула она. — Здесь сейчас полицейский инспектор, так я погляжу, какой храбрец у меня муженек! В доме у него обыск хотят сделать — так от этого, видишь ли, честь его пострадает! А оттого, что он перед всей деревней жену свою бьет, чести его ничего не делается? Ишь герой какой! Если ты такой храбрый, воюй тогда с другими мужчинами. А он жену бьет, которую в свой дом ввел, которую защищать должен! Он меня вра-

гом своим считает, геройство свое передо мной показывает! Ты, должно быть, думаешь, что я, мол, кормлю и одеваю жену, а она пускай все хозяйство на себе везет! Думаешь, что я дала обет всю жизнь с тобой мучиться в этой деревне? Как бы не так! Стоит мне только захотеть, и я без тебя буду во сто раз лучше и есть и одеваться!

Хори был сражен. Он воочию убедился сейчас, сколь слабым и беспомощным бывает порой мужчина перед женщиной.

Деревенские старейшины подобрали рассыпавшиеся по земле деньги и делали знаки полицейскому инспектору, чтобы он поскорее уходил. Но тут Дхания нанесла еще один удар.

— Кому принадлежат эти деньги, пускай их и заберет! Денег сейчас брать мы ни у кого не собираемся, — кричала она. — Если кому нужно инспектору взятку дать — это его дело, а я и четверти пайсы не дам, — пусть меня в суд тащат! Нужны нам были двадцать пять рупий недоимки уплатить, так сколько ни просили, никто не дал! А тут моргнуть не успели, на тебе — ростовщики целую пригоршню денег отвалили. Я все знаю! Не иначе как они уговорились поделить с инспектором эти деньги. У всех будет рот в масле! Настоящие убийцы, эти старейшины! Это они высасывают все соки из нас, бедняков! Занял у них денег — изволь плати проценты! За каждый ман зерна, взятый займы, отдавай им полтора мана или ман с четвертью, подноси им подарки, подкупай, взятки давай! Как хотят, так и грабят народ!

Деревенским старейшинам будто пощечин надавали, а полицейский инспектор имел сейчас такой вид, словно его огрели пыльным веником по физиономии. Спасая каждый свою честь, все они поспешили ретироваться к дому Хиры.

— Ну и смела баба! — вынужден был признать по дороге полицейский инспектор.

— Какая там смелость, саркар! Просто-напросто это вздорная и глупая тетка! — возразил Лала Патешвари. — Таких баб расстреливать надо!

— Здорово она всех нас пропесочила! И, главное, за что? За каких-то пятнадцать рупий, которые к тому же вам не достались!

— Саркар, вы тоже лишились своих пятнадцати рупий.

— Мое от меня не уйдет! — возразил инспектор. — Не

дал мне денег Хори, так дадут деревенские старейшины, и не пятнадцать рупий, а все пятьдесят! Извольте-ка собрать мне эти деньги да побыстрей!

— Ох, и шутник же вы, саркар! — смеясь, отвечал ему Патешвари.

— Такой уж, видно, обычай у больших людей, — поддакнул ему Дата Дин. — Разве часто приходится нам видеть таких господ!

— Ну, довольно подлизываться! — оборвал их полицейский инспектор. — Сейчас же достаньте мне пятьдесят рупий! И учтите, если будете увиливать, у всех четверых в доме обыск устрою! Кто вас знает, может быть вы нарочно ставили между собой Хиру и Хори, чтобы выжать из них рупий сто, полтораста!

Деревенские старейшины все еще полагали, что полицейский инспектор изволит шутить.

— А ну-ка, патвари-сахиб! Вытаскивай из кармана пятьдесят рупий! — подмигнув, сказал Джингури Сингх.

— Конечно! Хозяин здесь — патвари-сахиб! — поддержал Джингури Сингха Нокхэ Рам. — Ему и придется умиловить господина полицейского инспектора!

Подошли к чаупалу¹ пандита Нокхэ Рама. Полицейский инспектор уселся в одно из кресел и сказал:

— Ну, что вы там решили? Будете платить или мне надо будет обыскивать ваши дома?

— Но, саркар... — пискнул было Дата Дин.

→ Не желаю слушать никаких «но»!

— Саркар! Ведь это же от начала до конца... — набрался было решимости Джингури Сингх.

— Даю вам на раздумье пятнадцать минут! Если через пятнадцать минут пятьдесят рупий не будут лежать у меня в кармане, я подвергну ваши дома обыску. Вы все знаете, что за человек Дарога-сахиб. Кого он раз ударит — тот уже больше пить не попросит!

— Что ж, если есть у вас на то власть — обыскивайте! — крикнул вконец обозленный Патешвари. — Здорово получается: одни работают, а другие у них деньги отнимают!

— Я здесь уже двадцать пять лет полицейский инспектор! Это вам известно?

¹ Чаупал — площадка, имеющая сверху навес, место сходок жителей деревни, а также заседаний панчаята.

— Но такого беззакония еще не было!

— Какое же вы тут увидели беззаконие? Если пожелаете, так я могу показать вам, что такое беззаконие! Захочу, всех вас в тюрьму упеку лет на пять! Что моя правая нога захочет, то и сделаю! Захочу, всю деревню на каторгу сошлю! Так и знайте!

Четверо старейшин вошли внутрь чаупала и стали совещаться, что делать дальше.

Как они там договорились, никому неизвестно, но, глядя на полицейского инспектора, видно было, что он остался вполне доволен. Что же до четырех старейшин, то, казалось, будто с их языков вот-вот сорвется поток проклятий.

Господин полицейский инспектор взгромоздился, наконец, на коня и отбыл восвояси. Четверо деревенских заправилов проводили его далеко за околицу и вернулись только тогда, когда конь и всадник скрылись вдали. У них был такой вид, словно они возвращались с маргхата¹, где только что сожгли труп самого близкого человека.

— Одурачил он нас, как маленьких!—вырвалось вдруг у Дата Дина.

— Да, такого живоглота мы еще отродясь не видали,— поддакнул Нокхэ Рам.

— Деньги, добытые нечестным путем, на пользу ему не пойдут! — предсказал Патешвари.

А что касается Джингури Сингха, то в его душе впервые появилось сомнение в справедливости всевышнего. Почему не карает бог самыми страшными карами таких вот мерзавцев, творящих подобные беззакония?!

Право, стоило сейчас посмотреть на их лица!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

День проходил за днем, а о Хире все еще ничего не было слышно. Хори побегал-побегал, разыскивая исчезнувшего брата, а потом, отчаявшись, махнул рукой — земля, хозяйство властно напоминали о себе.

Но много ли может сделать человек, когда он один? А бедняге Хори, кроме своего поля, приходилось теперь за-

¹ Маргхат — место для кремации трупов.

ботиться и о хозяйстве Пунии. После того как Пуния осталась одна, она стала еще более дерзка и несдержанна на язык, так что Хори волей-неволей приходилось ей угождать. Когда Хира был дома, он держал Пунию в узде, но после его исчезновения ничто уже более не усмирало ее сварливого нрава. Хори не ладил с Хирой, но Пуния ведь была женщиной — разве можно с ней ругаться и вздорить? А Пуния отлично знала характер Хори и беззастенчиво пользовалась его добротой и благородством. Хорошо хоть управляющий-сахиб на этот раз не особенно допирал Пунию недоимками! Он получил с Пунии небольшое отступное и, вполне удовлетворившись этим, оставил ее в покое. А ведь Хори уже готов был идти кланяться ростовщикам, занимать у них деньги, чтобы выплатить недоимки и за себя и за Пунию.

В месяц саван¹, в пору посадки риса, было столько работы, что рук не хватало. Хори так и не успел высадить рис на своем поле, но разве мог он не позаботиться о поле Пунии? Не разгибая спины, день и ночь трудился он на ее участке, пока весь рис не был высажен. Ведь теперь Хори был одним-единственным защитником Пунии, и люди стали бы смеяться над ним, если бы Пуния испытывала в чем-нибудь недостаток. В результате, когда пришла пора собирать осенний урожай, Хори почти ничего не удалось снять со своего участка, а на поле Пунии рису уродилось столько, что ей некуда было его класть.

Между Хори и Дханией с того достопамятного дня выросла глухая стена взаимной неприязни. Не разговаривал с отцом и Гобар. Можно было подумать, что жена и сын объявили ему бойкот. Хори чувствовал себя чужим в своем собственном доме. Он походил сейчас на гребца, который пытается стоять сразу в двух лодках.

Теперь Хори уже не пользовался в своей деревне прежним почетом и уважением, а Дхания, наоборот, благодаря своей отваге стала признанным вожаком не только среди женщин, но и среди мужчин. Уже который месяц люди по окрестным деревням толковали между собой о еще неслыханном происшествии: о схватке Дхании с полицейским инспектором. Дело дошло до того, что людская молва стала приписывать Дхании сверхъестественные

¹ С а в а н — четвертый месяц индийского календаря, соответствует июлю—августу.

качества. «Дханию отметила сама Дэви джи¹, не иначе! — толковали меж собой крестьяне. — Только полицейский инспектор надел наручники на Хори, а она уже оповестила о том Дэви. Дэви тогда пришла ей на помощь, и у Дхании тотчас появилась такая сила, что она в один миг сорвала наручники с рук мужа, с корнем выдрала усы у полицейского инспектора и схватила его за грудки. Умолял он ее, умолял, просил ее, просил, только тогда она сжалилась и отпустила восвояси!»

Первые дни люди паломничали сюда, чтобы поглазеть и подивиться на Дханию. Правда, со временем об этом начинали понемногу забывать, но с той поры авторитет и влияние Дхании в деревне значительно укрепились. Иначе и быть не могло. Ведь Дхания такая отважная женщина, что и мужчину посрамить сумеет!

Но в отношении Дхании к мужу начали наблюдаться некоторые изменения. Даже когда Хори, надрываясь, тянул хозяйство Пунии, она не говорила ему ни слова. Молчала она не потому, что ей была безразлична судьба Хори, — ей было жаль Пунию. Хира сбежал из своего дома, и этого уже оказалось достаточно, чтобы Дхания почувствовала себя отмищенной.

А Хори как раз в эту пору снова начала трепать лихорадка. Во время смены сезона лихорадка свирепствует с особенной силой. Не пощадила она и Хори. Вернувшись к нему после нескольких лет перерыва, она полностью расквиталась с ним за все предыдущие годы, когда обходила его стороной.

Целый месяц пришлось проваляться Хори в постели. Лихорадка подорвала его силы, но она же одержала победу над Дханией. Разве станешь враждовать с мужем, когда он вот-вот ноги протянет! В таких случаях забывается ненависть даже к самому лютому врагу, а Хори как-никак муж, родная душа! Как бы ни был он плох, а с ним прожито ни много ни мало целых двадцать пять лет! Вместе делили и горе и радости! Вот и теперь, какой бы он ни был, все-таки не чужой человек! Правда, он избил ее у всех на глазах, жестоко оскорбил перед всей деревней, но зато теперь так стыдится, что и глаз поднять не смеет. Сядет обедать — головы не поднимает, а поест — тотчас же

¹ Дэви джи — буквально: «уважаемая богиня»; один из эпитетов Кали — в индийской мифологии кровожадной богини возмездия.

куда-нибудь уходит: боится, как бы она снова не взяла его в работу!

Когда Хори поправился, между ним и Дханией произошло, наконец, примирение.

— Как ты мог так обидеть меня тогда? — спросила однажды Дхания. — Я сколько бы на тебя ни злилась, а руки поднять сроду не подыму!

Хори виновато понурился.

— Не поминай ты о том, Дхания! — проговорил он. — В меня тогда словно злой дух вселился! Если бы ты знала, как горько мне думать о том случае!

— А если бы я обеспамятела да в реку кинулась?

— Что ж, думаешь, я бы один на этом свете слезы лить остался? На том же самом костре, на который бы тебя положили, сгорел бы и мой труп!

— Ладно, не говори чего не следует! — остановила Дхания мужа.

— Если б только корова умерла! Так нет, еще одно несчастье на мою голову — забота о хозяйстве Пунии. Мне теперь и свет не мил!

— Недаром ведь говорят люди: если пошлет тебе бог удачу — жди потом беды! Беднякам-то ничто в прок не идет! Радость ли, беда ли — все на пользу одним только богатеям!

Шел месяц магх¹. Не переставая лили холодные зимние дожди.

Дождь моросил и в эту непроглядную ночь.

Кругом стояла мертвая тишина. После ужина Хори сразу залез в свой шалаш, стоявший на меже возле горохового поля Пунии. Он старался хоть немного согреться и подремать, но даже усталость не в силах была одолеть таких грозных врагов, как рваное одеяло, отслуживший свой срок мирзай и холодную сырую солому. Табачку, чтобы погреться и отвести душу, и того не было! С собой в шалаш Хори захватил было тлеющий коровий помет, но он давно уже погас и остыл.

Скрючившись в три погибели, Хори неподвижно лежал на влажной соломе. Прижав ноги к животу, крепко зажав

¹ Магх — одиннадцатый месяц индийского календаря, соответствует январю—февралю.

между ними руки и накрывшись с головой одеялом, он пытался согреться своим собственным дыханием. Уже пять лет прошло с тех пор, как ему удалось справиться себе этот мирзай. Дхания заставила тогда Хори купить кусок материи у проезжего кабулийца, и семье из-за этого пришлось вытерпеть немало невзгод. А одеяло это гораздо старше самого Хори. В детстве он спал под ним вместе с отцом, а в молодые годы брал к себе маленького Гобара, и, накрывшись этим одеялом, они вместе коротали холодные ночи зимнего сезона. И вот теперь, в старости, одеяло все еще продолжает служить ему. Но... хорош зуб, пока может жевать, а кому он нужен, когда сгниет?!

Хори не мог припомнить такого случая, чтобы после расплаты с заминдаром и ростовщиком у него хоть что-нибудь оставалось. А тут из-за своей собственной бесхарактерности он нажил себе еще одну заботу! Не поможешь Пунии — мир станет смеяться, поможешь — тоже душа не на месте. Кто знает, что о тебе говорят люди! Ведь сейчас, наверно, вся деревня думает, что он обворовывает Пунию! Разве дожدهшься тут благодарности? Наоборот, ты же еще и виноватым будешь. Несколько раз приходил уже Бхола, намекал, что пора, мол, выполнить обещанное, найти ему невесту. А где ее возьмешь? Собха тоже сколько раз уже говорил, что не следует ему так усердно тянуть хозяйство Пунии. А не будь у нее земли, хозяйства, так пришлось бы, пожалуй, брать ее к себе в семью! Дхания тоже до сих пор не забыла обиды... «Эх, не нужно мне было бить ее на глазах у всех!» — запоздало раскаивался Хори. — Подло я поступил, избив на глазах у всей деревни ту, с которой прожил целых двадцать пять лет! Но ведь если подумать, так и сама Дхания тоже по-всякому старалась унижить меня. Мимо пройдет — словно и незнакома со мной, а когда нужно что-нибудь мне передать, так всегда норовит передать через Сону или Рупу. Сари у нее того и гляди расползется, сам вижу, но вот вчера она сказала мне, что пора бы купить новое сари для Соны, а о своем и не обмолвилась. У Соны сари не совсем еще изношено: его залатать, так оно еще месяца два проносится! А у нее самой из-за бесчисленных заплат стало похоже на рубище нищего. Хорош и я! Разве я заботился о ней? Я сам во всем виноват! Всегда вот так получается, начнет она меня ругать за что-нибудь, скажет пару злых слов, а я уже обижаюсь на нее, все ее слова близко к сердцу принимаю.

Состарился, а ума не нажил. Ведь если разобраться, так только моя болезнь и смягчила сердце Дхании! А то, кто знает, может она на меня до сих пор бы не посмотрела!»

Но сегодня разговор, который был для Хори все равно что пища для изголодавшегося человека, наконец состоялся. Дхания ласково ответила ему, и он почувствовал себя на вершине блаженства. Ему страстно хотелось упасть перед Дханией на колени, склонить голову и сказать ей: «Я бил тебя, а теперь, видишь, сам лежу у твоих ног! Бей, ругай меня сколько твоей душе угодно, я и слова не скажу!»

Вдруг Хори показалось, что где-то рядом с его шалашом позвякивают браслеты. Хори прислушался: да, по мере шла женщина. «Должно быть, дочь патвари, а может, жена пандита. Не иначе как явилась горох воровать! — мелькнуло у него в голове. — И откуда только берутся эти подлые привычки у деревенских богатеев? Одеваются они лучше всех в деревне, денег у них — прорва, все ростовщицеством занимаются, за один ман зерна полтора мана берут с четвертью... А взятки? А подарки? Ведь каждый крестьянин, с которым стрясется беда, непременно попадет к одному из них в лапы! И при всем этом — такие подлые повадки! А каков глава семьи, такова и семья. Если он сам не ходит воровать, так посылает свою жену или дочь. Вот вскочу сейчас и поймаю ее! Ну что она станет делать? Подлыми людьми честят нас бедняков, а у этих больших людей души подлей и трусливей, чем у самого распоследнего подлеца! Жаль только, что нельзя схватить женщину за руку. Своими глазами видишь, как она ворует, а приходится притворяться, будто ничего не замечаешь: воруй, мол, сколько тебе надо, считай, что меня здесь нет! Если богачи потеряли стыд, приходится краснеть за них беднякам! Только нет, это ведь, кажется, Дхания! Так и есть: вон она кличет меня!»

— Спишь или нет? — раздался возле шалаша голос Дхании.

Хори мигом вскочил на ноги, вышел наружу. Видно, богиня его нынче снизошла до того, что сама явилась к нему. Однако приход Дхании в такую дождливую холодную погоду не предвещал ничего хорошего. Не иначе как что-нибудь стряслось!

— Холодно, где уж тут заснуть! — ответил Хори же-не. — Зачем это ты пришла по такой погоде? Все ли здоровы?

— Да, все здоровы.

— Тебе надо было Гобара за мной послать.

Дхания ничего не ответила. Войдя в шалаш, она опустилась на солому.

— Опозорил нас Гобар! — наконец, проговорила она. — Что теперь делать-то будем? Чего я боялась, то и случилось!

— Да что случилось-то? Что он, подрался с кем? Или еще что сделал?

— Что сделал? Ты спроси у его шлюхи, что он сделал!

— У какой его шлюхи? О ком ты говоришь? Да ты не рехнулась?

— Тут и впрямь рехнешься! Такого натворили, что хоть головой в воду!

— Да что там стряслось, скажешь ты, наконец? О какой шлюхе ты толкуешь?

— О Джхунии, конечно, о ком же еще?

— Неужто она к нам пришла?

— А куда ей еще деваться?

— Где Гобар? Дома?

— Нет его, видно, спрятался где-то. Джхуния-то беременна, уже на пятом месяце!

Теперь Хори все понял. Он и раньше беспокоился, видя, как Гобар то и дело бегают в деревню ахиров, но он и подумать не мог, что его сын окажется прелюбодеем! Конечно, молодости свойственны любовные увлечения, ничего нового в этом не было. Но, право же, сам бог, наверное, не мог бы предвидеть, что редкие, легкие пушинки хлопка, гонимые ветром по небесной лазури и вызывающие только улыбку, вдруг станут подобны туче и закроют собой все небо так, что нельзя будет разглядеть и дороги перед собой. Ну кто бы сказал, что Гобар, его Гобар станет развратником и нарушителем кастовых запретов? Тот самый Гобар, простодушный и неопытный в житейских делах, на которого он до сих пор смотрел как на мальчишку!

Хори сейчас беспокоило не то, что ему придется потратиться на угощение общины за это нарушение кастовых запретов; суда панчаята он тоже не боялся; о том, как ему поступить с Джхунией, он не думал; все мысли его занимал один Гобар. Парнишка-то он робкий, да неопытный, застенчивый, да гордый! Не сделал бы какой глупости!

— А ты у Джхунии спрашивала, куда ушел Гобар? — взволнованно спросил Хори. — Ведь, наверно, ей-то он сказал, куда уходит?!

— Голова у тебя, видно, соломой набита, не иначе! — с сердцем ответила Дхания. — Куда он денется, если его любовь тут! Здесь где-нибудь и затаился! Что он младенец, что ли? Ничего с ним не сделается! Я о другом тебя спрашиваю: что мы будем делать с этой потаскухой? В своем доме я ее не потерплю! С того дня, как Гобар пошел за коровой, и началось их знакомство! Не затяжелей Джхуния — так никто до сих пор ничего бы и не узнал. А как она затяжелела, так стала ему говорить, что давай, мол, убежим отсюда. А Гобар не соглашался: куда побежишь с беременной-то? Так поначалу ни к чему и не пришли. Ну, а потом она ему на горло наступила: «Уйдем отсюда или на себя руки наложу!» Гобар ей тогда и сказал: «Пойдем ко мне, будешь жить в доме моих родителей — там тебе никто слова не скажет. Мать свою я уговорю как-нибудь». Ну, тогда эта шлюха и пустилась сюда вместе с ним. Поначалу Гобар впереди шел, а потом струсил, видно, да улизнул. Джхуния стояла, стояла, звала его, звала, а потом, как увидела, что ночи скоро конец, а Гобара все нет, к нам и прибежала. Я все знаю: это она во всем виновата, она сгубила нашего сына! А теперь у нас в сенях сидит, рекой разливается, уходит не желает. Говорит: «С какими глазами я домой явлюсь?» А я ей тогда сказала: «Натворила дел, теперь и расплачивайся, как знаешь! Боже мой, лучше бы вовсе не рожать таких детей! Не успеет рассвет, как по всей деревне пойдут толки да пересуды. Отравиться впору, ей-богу! А тебе я вот что скажу: в доме своем я жить ей не позволю! Если решил Гобар с ней жить, пускай живет где хочет, а в моем доме для такой потаскухи места нет! И если ты мне в этом станешь перечить, так в доме либо ты один, либо я одна останусь! Слышишь?

— Неладно ты сделала! — проговорил Хори. — Не надо было вовсе пускать ее в дом!

— Да я уж что ни делала — толку никакого! Не слушает ничего, уходит не хочет, с места ее не сдвинешь!

— Ну ладно, сейчас посмотрим, как это она не желает уходить. Волоком из дому вытащу!

— Хорош и этот греховодник Бхола: небось видел все,

а молчал. Какова дочка, таков и отец, такой же бессовестный!

— Откуда мог знать Бхола, что такая каша заварится.

— Как ему было не знать? Гобар возле его дома день и ночь околачивался! Что, у него глаз нет? Мог бы понять, что недаром он возле его дочери увивается!

— Идем! Сейчас я поговорю с Джхунией.

Они выбрались из шалаша и направились к дому.

— Пожалуй, скоро уже светать начнет, — сказал Хори.

— Да, — согласилась Дхания. — А кругом, гляди, настоящее сонное царство. Забрел бы сейчас вор в деревню, всю бы очистил без помехи.

— В деревни вроде нашей воры и не заглядывают, им здесь делать нечего, они по богатым домам лазают.

Дхания пошла чуть медленней, потом взяла Хори за руку и проговорила:

— Ты смотри только особенно-то не шуми, а то проснется вся деревня и все дело наружу выплывет.

— А мне-то что! — сухо ответил Хори. — Выволоку ее из дому и за околицу провожу. Не все ли равно, когда люди узнают, сегодня или завтра. Чего ей надо в моем доме? Пускай идет туда, где сейчас Гобар! Ведь они нас тогда ни о чем не спрашивали, так чего ж она теперь хочет?

Дхания снова взяла мужа за руку и тихо сказала:

— Потащишь ты ее, а она кричать начнет...

— Ну и пускай кричит.

— Куда же она пойдет среди ночи, в такую темень да по такому холоду? Подумай-ка!

— Пускай идет к своим ахирам, у нас ей нечего делать!

— Так-то оно так, да только не годится это, выгонять беременную ночью из дому. Ходить ей теперь тяжело, напугается, пожалуй, беды потом не оберешься. Нельзя так делать.

— Чем же мы можем ей помочь? Пускай идет куда хочет. С какой стати мне терпеть из-за нее позор? Я еще, пожалуй, за это дело и Гобара из дому выгоню!

Дхания надолго задумалась.

— Уж коли суждено было нам быть опозоренными, — наконец, проговорила она, — так это уже совершилось. Этого пятна нам теперь до самой смерти не смыть. Гобар нашу лодку ко дну пустил!

— Не Гобар в том виноват, а эта потаскуха. Он совсем еще мальчишка, вот она и прибрала его к рукам!

— Кого ни вини, дела теперь уже не поправишь!

Так они подошли к своему дому. Вдруг Дхания закинула руку на шею мужа и сказала ему:

— Послушай-ка, Хори, не трогай ты ее! Она теперь и сама не знает, что делать, вся извелась. Раз уже такое случилось, видно, это судьба.

На глазах Хори выступили слезы. Даже в этом непроглядном мраке любовь Дхания, ее любящее сердце освещало путь, словно пламя светильника. В обоих проснулись вдруг чувства давно ушедшей молодости. В стоявшей рядом с ним преждевременно состарившейся, увядшей женщине Хори вдруг снова увидел ту нежную, прекрасную и великодушную девушку, которая двадцать пять лет назад властно вторглась в его жизнь. В объятии Дхания была такая бесконечная любовь, что Хори позабыл об ожидавшем их позоре, позабыл о нужде, о заботах и обо всех кастовых запретах на свете.

Они подошли к двери и сквозь полуоткрытые створки заглянули внутрь. В неверном колеблющемся свете светильника, чуть теплившегося на подставке, они увидели Джхунию. Джхуния сидела на полу, подперши подбородок коленями. Взгляд ее был устремлен куда-то к дверям: она словно пыталась разглядеть во мраке счастье, которое совсем недавно на одно лишь мгновение показало ей свой ослепительно прекрасный лик и бесследно исчезло. Преследуемая по пятам несчастьями, израненная стрелами людского осуждения, измученная ударами безжалостной судьбы, она бродила в напрасных поисках дерева, в тени которого она могла бы укрыться и отдохнуть. И не так давно ей показалось, что она нашла, наконец, жилище, под кровом которого могла чувствовать себя в безопасности. Но вдруг жилище это, словно сказочный шахский дворец Алладина, исчезло, растворилось в эфире и унесло с собой найденное было счастье. И теперь перед ее взорами вставало будущее, похожее на дэва — кровожадного великана, готового ее проглотить.

Услышав скрип отворяемой двери и увидав входящего Хори, Джхуния с головы до ног задрожала от страха, вскочила было, но тут же рухнула к ногам Хори, едва выговаривая сквозь слезы:

— Дада! Кроме твоего дома, нет у меня больше пристанища! Хочешь бей меня, хочешь режь, только не гони отсюда!

Хори наклонился над распростершейся у его ног Джхунией, ласково погладил ее по спине и дрогнувшим голосом проговорил:

— Успокойся, дочка! Бояться тебе нечего! Дом этот — твой дом, и все мы не чужие тебе люди. Живи с богом! Ты приходишься дочерью Бхоле, будешь теперь и моей дочерью. Пока живы мы, никто тебя пальцем не тронет. Нужно будет выставить угощение общине — выставим, горевать да убиваться тебе не о чем!..

Ободренная ласковыми словами Хори, Джхуния еще крепче прижалась к его ногам.

— Дада, — сказала она, — теперь один только ты у меня отец! И только она — моя мать! В целом свете больше некому защитить меня. Заступитесь, иначе мой отец и братья съедят меня заживо!

Дхания не сумела сдержать благородного порыва сердца.

— Ступай-ка в дом! — приказала она. — А с твоим отцом и с братьями я сама поговорю! Они ведь не над всем миром владыки. Самое большее — браслеты твои возьмут, так ты их брось, пусть подавятся!

Каких-нибудь полчаса назад охваченная яростью, Дхания проклинала Джхуню, обзывала ее бесстыдницей, потаскухой, награждала ее бог знает какими прозвищами и собиралась метлой гнать из дому. Услышав от Дхании слова прощения, утешения и любви, Джхуния оставила ноги Хори и прижалась к ее ногам. И Дхания, эта честная женщина и верная жена, которая до сих пор не удостоила даже взглядом ни одного мужчины, кроме своего мужа Хори, ласково обняла грешницу Джхуню, принялась утирать ей слезы и ласковыми, полными участия словами старалась умерить страдание ее сердца, раздавленного горем и страхом. Дхания походила сейчас на наседку, заботливо прикрывшую крыльями своего птенчика.

Знаками давая понять Дхании, что Джхуню следует покормить, Хори спросил ее:

— Слушай-ка, дочка! А Гобар где, ты знаешь?

— Он ничего не говорил мне, — сквозь всхлипывания отвечала Джхуния. — Из-за меня одной такой позор на вас...

Последние ее слова потонули в потоке рыданий.

Хори не мог скрыть своего беспокойства.

— Когда ты его последний раз видела, какой он был, печальный?

— Нет, все смеялся, а что у него на душе было, не знаю!

— Как ты думаешь, где он сейчас — в деревне где-нибудь или убежал?

— Боюсь, что убежал он...

— Вот и я тоже так думаю. Экий глупый парень! Враги мы ему, что ли! И всегда так: что с ним ни случится — плохое или хорошее, только и знаешь, что о нем беспокоиться! Вот и на этот раз: убежал, а нам опять горе!

Взяв Джхуню за руку, Дхания повела ее в дом.

— Экий бессовестный парень! — ворчала она. — Уж если нашел себе зазнобу, так что делать-то надо? Защищать ее или бросать да удирать? Подожди, придешь домой, я тебе еще дам от ворот поворот!

А Хори где стоял, там и опустился на солому. Куда девался Гобар? Эта мысль гвоздем засела у него в голове.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Людская молва, сплетни и пересуды, обычные в таких случаях, на этот раз не затихали в деревне целые месяцы. Оба брата Джхунии, держа наготове дубинки, рыскали повсюду в поисках Гобара. Бхола дал клятву, что никогда больше даже не взглянет на Джхуню и ни разу не зайдет в эту деревню. Разговор с Хори относительно своей женьитьбы он считал теперь окончательно прерванным. Он потребует с Хори деньги за корову, причем только наличными и без всякого промедления. Если же Хори будет тянуть с выплатой долга, он подаст на него в суд и добьется, чтобы все имущество Хори было конфисковано и распродано.

Односельчане изгнали Хори из своей общины. Теперь никто не курил с ним трубки, никто не заходил к нему в дом. Поговаривали даже о том, чтобы запретить ему и его семье брать воду из общего колодца. Однако все хорошо знали крутой нрав и острый язычок Дхания, а поэтому прийти и сказать ей об этом прямо ни у кого не хватало смелости. Дхания же решительно и во всеуслышание зая-

вила, что если кто-либо попытается помешать ей набрать воды из колодца, она убьет его на месте и тут же покончит с собой. Эта угроза подействовала.

Но больше других страдала сама Джхуния, из-за которой свалились на семью Хори все эти бесчисленные беды. Вестей от Гобара не было; где он находился, она не знала, и это еще больше усиливало ее горе. Весь день Джхуния пряталась в доме, потому что едва она выходила на улицу, как со всех сторон на нее обрушивался поток презрительных взглядов. В подобные моменты ею овладевало такое отчаяние, что она просто не знала, как дальше жить. Целый день Джхуния неустанно трудилась, выполняя всю черную работу по дому, а когда выпадала свободная минутка, она забивалась в угол и начинала горько плакать. Каждый раз при мысли, что Дхания может упрекнуть ее в чем-либо, она вздрагивала всем телом. Теперь вся работа по хозяйству легла на плечи Джхунии; только приготовлением пищи она не смела заниматься, так как еда, приготовленная ее руками, считалась бы оскверненной и никто не стал бы ее есть.

Стоило нескольким женщинам или мужчинам где-нибудь повстречать друг друга, как сейчас же начинался разговор об этом происшествии в доме Хори. Как-то раз Дхания возвращалась с базара. Увидев идущего ей навстречу пандита Дата Дина, она хотела было пройти мимо, но разве уважаемый пандит мог упустить такой случай! И он, конечно, наговорил Дхании кучу неприятностей.

— Узнала ты, где сейчас Гобар? — спросил Дата-Дин. — Ну и скверный же сын у тебя оказался! Обесчестил семью, развалил весь дом!

Дхания и сама думала то же самое. Поэтому с грустью в голосе она ответила:

— Тяжелые дни наступают, дада. Рушится вера человека, что мне еще сказать!

— Тебе бы не следовало держать в своем доме эту негодницу. Ведь когда муха попадает в молоко, человек вынимает ее оттуда и выбрасывает, а потом уже пьет молоко. Только подумай, какой позор, какие насмешки вы терпите! И все из-за этой грешницы. Не будь ее в вашем доме, ничего бы и не случилось. С юношами, конечно, бывают подобного рода оплошности, но в таком случае достаточно устроить обед для всей общины, хорошо угостить

брахманов и после этого получить отпущение грехов. И зачем только ты приютила эту девку? Ну хорошо, твой муж потерял рассудок, но как ты-то могла обмануться?

Мата Дин, сын Дата Дина, сам путался с женщиной из низшей касты. Об этом знала вся деревня. Однако Мата Дин попрежнему носил на лбу отличительный знак высшей касты, читал священные книги и исполнял установленные обряды. Его престиж и репутация от этого несколько не пострадали. Совершив двухдневное религиозное омовение, он добился искупления всех своих грехов.

Дхания хорошо понимала, что вся беда именно в том, что она приняла Джхунию. Она и сама не знала, почему она тогда проявила к ней такую милость. Прогони она ее в ту же ночь, не было бы теперь такого позора. Но ведь она боялась, что изгнанная Джхуния может броситься в колодец, и тогда Дхания сохранила бы честь своего дома ценой двух жизней! Кроме того, Джхуния беременна от Гобара и в будущем ребенке есть какая-то доля самой Дхании. Как же она могла пойти на убийство лишь для того, чтобы избежать насмешек и порицания общины! К тому же нежность и кротость самой Джхунии просто обезоруживали ее, и когда Дхания возвращалась с улицы разгневанная и взвинченная, Джхуния тут же приносила тазик с водой и заботливо начинала мыть и массировать ее отекавшие ноги. В такие моменты гнев Дхании сразу проходил. Джхуния, бедняжка, и без того была убита горем и сгорала со стыда. Зачем же Дхании было еще больше увеличивать ее страдания? Разве лежачего бьют?

Поэтому теперь Дхания резко ответила пандиту:

— Махарадж! Мы не настолько дорожим честью своей семьи, чтобы из-за нее погиб человек. Правда, свадьбы не было, но ведь это мой родной сын привел в дом Джхунию, как же могла я прогнать ее? Когда большие люди или их сыновья совершают подобные поступки, им никто ничего не говорит, они не навлекают этим позора на свой дом и семью. А вот маленькие люди, оказывается, за такие же поступки заслуживают гонение и презрение. Они, видите ли, позорят честь своего дома! Большие люди дорожат своей честью гораздо больше, чем жизнью других людей. Ну, а мы не ставим свою честь так уж высоко.

Дата Дин был не из тех, кто легко признает свое поражение. В своей деревне он считался первым сплетником и склочником. Где бы что ни случилось, он всегда являлся

на место происшествия, всюду совал свой нос и старался на всем нагреть руки. Правда, открытым грабежом сам Дата Дин не занимался, так как это было связано с риском, но в момент-дележа награбленного он обязательно приходил за своей долей. Таким образом, и карман его не страдал, и репутация оставалась чистой. До сегодняшнего дня он не уплатил заминдару ни пайсы за землю. Когда заминдар присылал людей, чтобы описать его имущество за долги, Дата Дин напускал на себя несчастный вид и шел к колодцу топиться. Нокхэ Рам, управляющий разсахиба, обычно уходил ни с чем. Однако крестьянам пандит одалживал деньги под проценты. А если для какой-нибудь модницы требовалось достать хорошие украшения, он всегда был к ее услугам. Особенно любил Дата Дин заниматься устройством свадеб. В этом для него была двойная выгода. Росла его репутация добродетельного человека, а кроме того, он получал плату за исполнение многочисленных свадебных обрядов. Во время вспышек эпидемий пандит занимался врачеванием и, если была на то воля больного, читал заклинания против всякого недуга. Дата Дин слыл чрезвычайно общительным человеком и со всеми умел находить общий язык. Среди стариков он был старик, а в кругу молодых сам становился молодым; он мог быть и товарищем бандита и другом банкира. В деревне никто не верил ему, но в его словах была какая-то странная привлекательность, и люди, неоднократно обманутые им, снова и снова обращались к нему за помощью и советом.

Покачав головой и тряхнув бородой, пандит сказал:

— Это ты верно говоришь, Дхания! Так повелевает поступать благородным людям долг. Но ведь надо же соблюдать и кастовые обычаи и общественные законы!

Точно такой разговор повел с Хори другой представитель деревенских властей — Лала Патешвари. В деревне он слыл образцом добродетели и в ночь полнолуния соблюдал установленные обряды. Но, будучи патвари — главой деревенской администрации, он заставлял крестьян бесплатно обрабатывать и бесплатно поливать его поле и, натравливая одних крестьян на других, грел на этом руки. Вся деревня дрожала при одном лишь упоминании его имени. Беднякам он давал в долг по пять — десять рупий и на одних процентах успел нажить тысячный капитал. А продукты, которые несли ему крестьяне, он потом

подносил чиновникам районного суда и полиции. Так он создавал и поддерживал свою репутацию во всем районе. И лишь один человек в районе не плясал под его дудку— это был районный инспектор полиции Дарога-сахиб. Лала Патешвари выдавал себя за поборника справедливости. Во время вспышек малярии он сам распределял правительственный хинин. Если кто-нибудь заболел, Лала Патешвари лично заходил проведать больного. Мелкие ссоры и распри между деревенскими жителями он разбирал и улаживал сам. А на время чьей-либо свадьбы он всегда одалживал свой паланкин, ковры и другие вещи; таким образом, в нужный момент он выручал людей, не упуская при этом возможности и подработать. Короче говоря, у кого он ел, про того и песни пел. Встретив на улице Хори, Лала Патешвари бросил ему на ходу:

— Хори, что это за блудницу ты приютил в своем доме?

— Что вы сказали, Лала? Я не расслышал! — ответил Хори, повернувшись к нему.

Лала Патешвари остановился и назидательным тоном сказал:

— Ты что, заодно с Дханией потерял свою голову? Почему не отошлешь Джхунию к отцу? Напрасно терпишь такой позор! Еще неизвестно, с кем она нагуляла ребенка, а ты ее у себя принял. Ведь у тебя у самого две дочери на выданье. Подумал бы лучше о них! Как станешь выпутываться из всей этой грязной истории?

Хори уже привык к подобного рода нравоучениям, поэтому спокойно ответил:

— Я все хорошо понимаю, уважаемый Лала. Но тогда подскажите, как же мне быть? Если я прогоню Джхунию, разве Бхола примет ее? Дай он на это согласие, я сегодня же проводил бы ее к нему. Вот если бы вам удалось уговорить его, я всю жизнь был бы вам благодарен. А сам я идти туда не могу—чего доброго его сыновья убьют меня! Да и как могу я прогнать Джхунию после того, как этот негодный Гобар привел ее в дом, обещал жениться, а потом обманул и сбежал?! Если я ее прогоню, куда она денется? На что жить-то будет? Пойдет, да и бросится в колодец, и ляжет тогда на мою душу тяжкий грех. Что же до моих дочерей, то в этом деле сам бог судья! Наступит их черед, тогда что-нибудь и придумаем. Ведь до сих пор в нашей общине девушки без женихов не засиживались.

Но пойти на убийство, лишь бы уберечь себя от насмешек — я не могу.

Надо сказать, что Хори вообще отличался покорным, мягким характером. Ходил он всегда с опущенной головой и мог спокойно снести любой неприятный разговор. Кроме Хиры, никто в деревне не желал ему зла. Но разве общество может спокойно простить такую провинность?! Тем более, что сам Хори проявляет неповиновение и, несмотря на все разъяснения, не понимает серьезности своего поступка.

Казалось, что и муж и жена, оба бросали дерзкий вызов обществу. Они словно хотели сказать: «Посмотрим, кто из вас посмеет нам что-нибудь сделать!» И общество также решило показать, что нарушители его обычаев не смогут спать спокойно.

В тот же вечер состоялось заседание старейшин деревни.

Первым взял слово Дата Дин.

— У меня нет привычки зря причинять кому-либо неприятности, — глубокомысленно изрек он. — Ведь каких только проступков не совершают люди! Что собственно мне до них! Но эта проклятая баба Дхания объявила мне войну! Она присвоила деньги из доли братьев своего мужа, так что же еще от нее ожидать хорошего. Говорят, что если кто-нибудь из низшей касты хоть раз поест досыта хлеба, он потом задирает голову и уже не видит, куда идет. О таких людях сказано в шастрах¹: «Для низшей касты быть битой — есть благо».

Затем выступил Лала Патешвари.

— Хуже всего, если у подобных людей заводятся хоть какие-нибудь деньжонки! — сказал он, попыхивая трубкой, выточенной из коры кокосового ореха. — Они тогда мнят о себе бог знает что! Сегодня Хори мне такое ляпнул, что я не знал, куда спрятаться от стыда за него. Что только он о себе думает! А теперь, почтеннейшие, рассудите, что станет с нашей деревней после этого позорного события! Глядя на Джхунию, и другие вдовы возмнят о себе невесть что! Сегодня это несчастье случилось в доме Бхолы, завтра оно может случиться в моем или вашем доме. Что тогда делать? Ведь порядок поддерживается в обществе

¹ Ш а с т р ы — древние священные книги, в которых изложены обязанности индусов.

страхом! Стоит только раз ослабить бразды правления, и тогда все в мире пойдет кувырком!

После них взял слово Джингури Сингх. Он был мужем двух жен. Первая его супруга умерла, оставив ему пятерых детей. В то время Джингури Сингху было уже около сорока пяти лет, но он справил вторую свадьбу. Когда же вторая супруга оказалась неспособной рожать детей, он женился в третий раз. Сейчас Джингури Сингху было пятьдесят лет и в его доме находились две молодые жены. Много всяких разговоров ходило по деревне об этих двух женщинах. Но кто осмелился бы сказать об этом самому Джингури Сингху? Ведь он был тхакур и все его боялись. К тому же под своим кровом мужу все дозволено. Горе тем, у кого вообще нет никакого крова. Тхакур держал обеих своих жен под строжайшим наблюдением и гордился тем, что еще никто не видел их даже в чадре. Однако разве было ведомо ему о том, что творится под самою чадрой?

— Таким женщинам, как Джхунья, головы рубить надо! — сказал Джингури Сингх. — Укрыв в своем доме эту негодяйку, Хори посеял зерна зла и раздора в нашем обществе. Позволять держать в деревне такого человека, значит осквернять всю деревню. Надо сообщить об этом раз-сахибу и объявить ему, что если в деревне будут твориться такие безобразия, то мы ни за чью честь не поручимся!

Пандиту Нокхэ Раму последнее предложение пришлось не по вкусу. Нокхэ Рам принадлежал к высшей касте и являлся верховным брахманом. Его дед служил в диване¹ у какого-то раджи, но затем посвятил себя служению богу и стал садху². Отец Нокхэ Рама также был священнослужителем. По их стопам пошел и сам Нокхэ Рам. Он ревностно служил богам и по утрам, едва начинало светать, принимался за свои молитвы, причем молился он целыми часами. Но как только Нокхэ Рам переставал молиться и обращался к обыденным делам, его врожденные качества вступали в противоречие друг с другом. Эти противоречия отравили всю его душу и сделали его чрезмерно подозрительным. Вот и сейчас в предложении Джингури Сингха Нокхэ Рам усмотрел ущемление своих высоких

¹ Д и в а н — собрание советников раджи.

² С а д х у — аскет, святой, благочестивый монах.

полномочий. Вытаращив маленькие, утонувшие в пухлых щеках глазки, он резко сказал:

— Зачем нам обращаться к раз-сахибу! Я и сам могу сделать все, что захочу. Наложите на Хори штраф в сотню рупий, и тогда он сам покинет деревню. А я добьюсь того, что у него отнимут землю.

— Однако налог за землю Хори уже уплатил, — сказал Лала Патешвари. — Отбирать у него землю вроде неудобно.

— Верно, — подтвердил Джингури Сингх. — Хори на днях брал у меня тридцать рупий для уплаты земельного налога.

— Но ведь квитанция-то ему не выдана! — заметил Нокхэ Рам. — Как же он докажет, что налог уплачен?

Наконец, пришли к единогласному решению: наложить на Хори штраф в сто рупий, но прежде собрать всех мужчин деревни для того, чтобы инсценировать их одобрение по этому вопросу. Можно было бы затянуть это дело дней на десять, однако как раз в эту ночь Джхунья родила мальчика и старейшины деревенского панчаята решили привести в исполнение свой приговор на следующий день. Хори и Дханию вызвали тоже, чтобы они выслушали решение о своей судьбе.

На месте деревенских сходов собралось так много народа, что яблоку негде было упасть. Панчаят объявил свое решение о том, что Хори должен уплатить штраф в сто рупий наличными деньгами и тридцать манов зерном.

Дхания выступила перед всеми собравшимися и громким голосом заявила:

— Слушайте, старейшины панчаята! Мучая бедных людей, вы не обретете счастья! Считайте, что мы будем загублены. Бог знает, останемся мы жить в этой деревне или нет, но мое проклятие останется с вами. Вы налагаете на меня такое жестокое наказание только за то, что я приютила в доме свою невестку, а не выгнала ее на улицу и не пустила по миру просить милостыню. Вот в чем заключается истина!

— Какая же она тебе невестка? — закричал Лала Патешвари. — Она нарушительница законов касты!

— Дхания, ну чего ты лезешь со своим языком, — пытался остановить жену Хори. — Ведь на панчаяте незримо присутствует сам бог! Если уж на то воля всевышнего — мы покинем деревню. Что мы можем сделать? Почтенные

члены панчаята! Весь наш урожай хранится в амбаре. Дома у нас нет ни одного зернышка. Идите и берите, сколько вам нужно. Хотите все забрать — забирайте. Ведь над нами хозяин—бог. Если не хватит зерна, берите в счет штрафа наших быков...

Дхания так стиснула зубы, что они заскрипели.

— Не дам вам ни одного зернышка пшеницы и ни пайсы денег! У кого хватит смелости, пусть попробует отнять у меня хоть что-нибудь! Напрасно вы усердствуете здесь. Вы, видно, надеетесь, что под предлогом штрафа можете разграбить все наше имущество, наш сад и огород? Обобрав нас, вы сделаете подношение другим и прокутите наше добро! Нет, пока Дхания жива, этому не бывать! Пусть ваша ненасытная алчность высушит ваши сердца! Что толку в том, что мы останемся в общине? Ведь мы не станем от этого свободными людьми. Как в общине мы едим хлеб, заработанный в поте лица своего, так и без общины мы будем есть хлеб, заработанный своими же руками...

Умоляюще сложив руки, Хори сказал:

— Дхания, умоляю тебя, замолчи! Все мы — слуги общины. Разве можем мы уйти из общины! И наложенный на нас штраф мы должны выплатить со смирением. Чем жить опозоренными, лучше надеть петлю на шею. Ведь только община может избавить нас от стыда. Поверьте мне, почтенные, что у меня нет ничего другого, кроме того зерна в амбаре. Я не обманываю общину. Я подчиняюсь вашему решению. Но пусть члены панчаята пожалеют моих детей, пусть позаботятся об их воспитании.

Разъяренная Дхания ушла домой, а Хори до полуночи носил зерно во двор Джингури Сингха и ссыпал его там в отдельные кучи: двадцать манов ячменя, пять манов пшеницы, столько же гороха, немного масличных семян. Словом, он перетаскал к нему все, что было собрано и заготовлено трудами Дхании и двух дочерей. Как известно, Джхунья выполняла всю работу по дому, а Дхания с дочерьми трудилась в поле и на огороде. Собирая урожай, они надеялись, что пшеницу и масличное семя отдадут в счет уплаты налога за землю, а если хватит, то частично погасят и долги, ячмень оставят себе на лепешки и, таким образом, с грехом пополам смогут обеспечить пропитание всей семье месяцев на пять-шесть, то есть до тех пор, пока созреют просо, чечевица, кукуруза и рис. Но теперь

все их планы рухнули: зерно отобрали, есть было нечего, и в довершение всего на их голову свалился новый груз в виде ста рупий штрафа. А от Гобара все еще не было никаких вестей. Кто мог знать, что затея Гобара обернется таким образом! Но разве можно избежать того, что предначертано судьбой?

Страх перед общиной руководил всеми действиями Хори. От страха он даже не чувствовал усталости, когда ставил себе на голову и нес тяжелую корзину, наполненную до краев пшеницей или ячменем. Казалось, что, одержимый страхом, он сам, своими руками, копал себе могилу. Никто не внушал ему такого страха, как община,— ни заминдар, ни ростовщик, ни правительство. Правда, мысль о том, что завтра его детям нечего будет есть, мучительно терзала его душу, но страх перед общиной, словно дьявол, оседлал его и подхлестывал кнутом, когда он перетаскивал свое зерно на чужой двор. Хори не допускал даже мысли о том, что он может жить вне общины. Помолвка, свадьба, мундан¹, чхэдан², жизнь и смерть—все было в руках общины.

Община, словно ядовитое дерево, запустила свои цепкие корни во все уголки его жизни, в его плоть и кровь. Вне общины жизнь Хори сразу потеряла бы весь смысл.

Когда в амбаре осталось полтора-два мана ямчения, туда прибежала Дхания и, схватив Хори за руку, сказала:

— Больше уносить не смей! И так уже все перетаскал! Ведь надо детей кормить чем-то! Неужели все бросишь в пасть общине? Ненасытные утробы! Ох, как я устала от тебя, сил нет! Достался же на мою долю такой безрассудный муж!

Хори высвободил свою руку и, продолжая досыпать корзину зерном, ответил:

— Это невозможно, Дхания. Я не смею утаить от общины ни единого зернышка. Все перетаскаю и высыплю им. После члены панчаята, может, смилуются и отдадут нам немного для детей. Ну, а если нет, то бог им судья.

Слова Хори снова подняли бурю негодования в душе Дхания.

— Это не старейшины, а демоны! — крикнула она. — Самые настоящие поганые демоны! Они только и

¹ Мундан — ритуальный обряд у индусов: брахман бреет волосы на голове мальчика через семь дней после его рождения.

² Чхэдан — ритуальный обряд: прокалывание мочки уха у девочки — отверстие для сережек.

мечтают, как бы отобрать нашу землю и приписать ее себе. Штраф этот — только предлог! Уж который раз твержу я тебе об этом, а ты никак не можешь понять, надеешься, что эти дьяволы проявят милость к детям и отдадут тебе обратно пять — десять манов зерна. Как бы не так! Ничего ты от них не получишь!

Когда Хори все же не послушал жены и хотел поставить себе на голову последнюю корзину с ячменем, Дхания, изо всех сил вцепившись в корзину, решительно сказала:

— Не дам унести зерно, хоть убей меня здесь! Столько дней мы надрывались, пока вырастили и собрали урожай. Разве ради того мы не спали ночей, поливая поле, чтоб теперь эти негодяи отняли у нас плоды нашего труда, а наши дети умирали от голода? Разве ты один все это заработал? Мы с дочками тоже работали. Сейчас же поставь корзину, иначе с сегодняшнего дня ты мне больше не муж, а я тебе не жена. Я говорю с тобой серьезно и в последний раз!

Хори задумался. Дхания была права. Для погашения штрафа он не имел права отдавать зерно, которое заработали его дети. Он мог считаться настоящим главой дома только до тех пор, пока он все сберегал для дома, для семьи. Но отбирать у детей и жены их заработок и с угодничеством преподносить его главам общины — это ему не к лицу! Хори медленно опустил корзину на землю и сказал:

— Ты верно говоришь, Дхания. Я не имею права распоряжаться твоей долей и долей детей. Все, что осталось, забирай и неси домой, а я пойду в панчаят.

Дхания отнесла домой корзину с ячменем. Затем вместе со своими дочками она принялась петь хвалебный гимн по случаю рождения у Джхунии сына. При этом они пели громко-громко, так, чтобы слышала вся деревня! Это был первый случай в деревне, когда в такой благословенный день ни одна женщина общины не зашла к ним в дом. Правда, Джхуния сама просила передать, что не нужно устраивать никаких торжественных церемоний. Но разве Дхания могла согласиться с этим? Если община презирает их семью, то и ей наплевать на общину!

А тем временем Хори, чтобы уплатить штраф, взял у Джингури Сингха восемьдесят рупий под залог своего дома вдобавок к тем двадцати, которые он выручил от про-

дажи гороха, пшеницы и других злаков. Иного выхода у него не было. Нокхэ Рам настаивал, что были проданы быки Хори. Однако Патешвари и Дата Дин воспротивились этому. Они говорили, что община взыщет с Хори штраф, продав его недвижимое имущество, если же будут проданы быки, то Хори нечем будет обрабатывать землю, и тогда он совсем покинет деревню. В результате быки были спасены.

Подписав закладную, Хори вернулся домой в двенадцатом часу ночи.

— Что ты там делал так поздно? — спросила его Дхания.

— Что делал, что делал! — передразнил ее Хори, яростно теребя свою бороду. — Расплачивался за проделки скверного сына, вот что делал. Он, негодник, заварил кашу, сам удрал, а мне приходится тут расхлебывать! Пришлось заложить дом за восемьдесят рупий, чтоб уплатить штраф. Что мне еще оставалось делать? Зато теперь я снова могу говорить с людьми и курить с ними трубку. Община простила меня.

— Подумаешь, какое дело! — воскликнула Дхания, причмокнув губами. — Если бы ты несколько месяцев не покурил с ними трубки, ничего бы не случилось. Разве мы стали бы хуже других? Я снова тебе говорю, глуп ты, бог знает до чего ты глуп! Передо мной строишь из себя большого мудреца, а за порогом дома не можешь и рта открыть! После того как ты все перетаскал туда, у нас только дом и уцелел из дедовского и отцовского наследства. Но сейчас ты и его умудрился загубить! А завтра ты вот так же заложишь и последние три-четыре бигха земли, — тогда уж нам ничего другого не останется, как идти по миру! Что у тебя во рту языка не было, чтобы возразить им? Почему ты не сказал старейшинам панчаята: какие же вы блюстители добродетели, если сами присваиваете чужое добро? Тьфу! Грех даже смотреть на тебя!

— Да замолчи ты, наконец! — прикрикнул на нее Хори. — Слишком уж разошлась! Перед общиной небось побоялась бы такое болтать!

— Какой грех я свершила, чтоб мне бояться общины? — вскипела Дхания. — Что я дом чей-нибудь обокрала или чужое добро утаила? Впустить в дом невестку не грех. Грех прогнать ее на улицу. А хуже всего — быть простаком. Таким простакам-дурачкам даже собаки уши

лижут! Сегодня тебе, верно, в ладоши там хлопали за то, что ты отдал все свое добро. Как же — сохранил честь общины! Какая я несчастная! И зачем я только связалась с таким человеком? Никогда я не знала с тобой счастья!

— А я-то хорош: стоял на коленях перед твоим отцом и умолял его выдать тебя за меня, — ответил Хори. — Вот он и повесил тебя мне на шею!

— И о чем только думал тогда мой отец? Что хорошего нашел он в тебе? На вид ты совсем неказист... Не знаю, чем ты его прельстил...

Так перешла в шутку их очередная стычка.

— Что ж, мы потеряли восемьдесят рупий, зато приобрели младенца на все сто тысяч! — проговорила Дхания. — Уж его-то у нас никто не отнимет! Вернулся бы только Гобар, то-то бы мы зажили!

— А на кого мальчик похож? — спросил Хори.

— Вылитый Гобар, — ответила Дхания, не скрывая своей радости. — Вылитый! Правду говорю!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В тот вечер, идя рядом с Джхунией в свою деревню, Гобар дрожал всем телом, словно его вели на позорную казнь. Ноги его сами поворачивали назад, когда он думал о том, какой шум поднимется в деревне, как только там заметят Джхунию. Он представлял себе, как со всех сторон сбегутся люди, как они будут кричать, как будет ругаться его мать Дхания. Отца-то он не очень боялся: тот пошумит, пошумит, а потом успокоится. Вот Дхания — ее Гобар боялся больше всего. Она ведь такая — еще чего доброго попытается отравиться или поджечь дом... Нет, сейчас он не мог явиться домой вместе с Джхунией!

А что, если Дхания даже не даст Джхунии войти в дом да еще примется избивать ее метлой? Куда же ей тогда деваться, бедняжке? В свой-то дом она тоже не может вернуться! А если с отчаяния она бросится в колодец или накинет петлю себе на шею, что тогда? Что скажут люди?!

Гобар тяжело вздохнул и возвел глаза к небесам: «О великий Рама! Что же мне теперь делать?»

Но ведь мать его не такая уж жестокая, чтобы избить бедняжку Джхунию. Ну поругается немного! А потом, когда Джхуния упадет к ее ногам и зарыдает, она обяза-

тельно смиляется над ней. А до тех пор сам он куда-нибудь уедет и переждет некоторое время. Когда шум уляжется, он придет и уговорит мать. Если же за это время ему попадется какая-нибудь работа и он вернется домой с несколькими заработанными рупиями, то этим он закроет матери рот.

— У меня сердце готово вырваться из груди, — жаловалась Джхунья. — Разве я знала, что ты принесешь мне столько несчастья! Видно, в недобрый час я тебя увидела. Не пришел бы ты за коровой, не случилось бы всего этого. Ты иди вперед и говори сам все, что нужно. А я приду вслед за тобой.

— Нет, нет! — торопливо возразил Гобар. — Сначала иди ты. Скажи, что возвращаешься с базара, что уже поздно и ты боишься идти ночью домой. А к тому времени и я подойду.

Обеспокоенная его словами Джхунья сказала:

— Ведь твоя мать очень сердитая. Я боюсь! Что я буду делать, если она станет бить меня?

— Мать этого не сделает, — подбадривал ее Гобар. — Она и нас-то никогда не била, как же она тебя будет бить? Все, что она захочет сказать, она скажет мне, с тобой же и разговаривать не будет.

Когда они подошли к деревне, Гобар остановился и сказал:

— Теперь иди одна.

— А ты не задерживайся долго! — попросила Джхунья.

— Нет, нет, я пойду сразу же за тобой. Ну, ступай!

— Не знаю, как я пойду...

— Ну, чего ты боишься? Я же иду за тобой следом.

— Лучше уж уйти еще куда-нибудь!

— Раз есть свой дом, зачем уходить куда-то?

— Ты ведь быстро придешь? — снова спросила его Джхунья.

— Да, да! Сразу же за тобой!

— Ты не обманываешь меня? Пошлешь меня одну домой, а сам не придешь.

— О Джхунья, разве я такой подлый? Раз я женился на тебе, то останусь с тобой до конца жизни!

Джхунья пошла к дому. Одно мгновение Гобар колебался. Угрызения совести, не оставлявшие его всю дорогу, нахлынули на него с новой силой, облекаясь в самую

ужасную форму. Что, если мать на самом деле станет бить ее? Гобару показалось, что ноги его приросли к земле. От дома его отделял только небольшой манговый сад. Джхуния постепенно удалялась. Уши Гобара, казалось, уже улавливали слова брани, которыми мать осыпала Джхунию. Душа его была в страшном смятении, как будто над его головой висел меч, готовый упасть каждую минуту. Кровь словно застыла у него в жилах.

Через некоторое время он увидел, как Дхания вышла из дома и куда-то пошла. Наверно, к отцу. Видимо, после ужина отец ушел в поле сторожить горох. Гобар тоже направился к гороховому полю. Топча пшеницу и ячмень, он шел быстро, почти бежал, словно за ним кто-то гнался.

Вот и отцовский шалаш. Гобар остановился, на цыпочках обошел шалаш кругом и замер у задней стенки. Его предположение оказалось правильным. Почти сейчас же он услышал голос Дхании. И сразу же понял, что несчастье, которого он опасался, произошло. Какая жестокая его мать! Она не пожалела беззащитную девушку! А что, если он сам пойдет; да и скажет матери, что у нее нет никакого права так разговаривать с Джхунией? О, отец, конечно, тоже сердится... «Я был с ним слишком почтительен, вот он меня и благодарит за это! Если отец станет бить Джхунию, я не стерплю. О великий боже! Только на тебя вся надежда! Я не знал, что попаду в такую беду! Каким трусливым и подлым обманщиком считает меня, наверно, Джхуния! Но как они-то смеют ее бить? Как могут они выгнать ее из дома? Разве в этом доме нет моей доли? Если кто-нибудь поднимет руку на Джхунию — быть беде. Ведь родителей называют родителями только до тех пор, пока они защищают своих детей. А если в них нет любви к детям, то они уже больше не родители!..»

Вскоре Хори и Дхания вышли из шалаша и пошли к дому. Гобар тихо и незаметно последовал за ними. Но, увидев свет на пороге дома, он остановился. В этот освещенный родной дом Гобар не посмел войти. Он остался в темноте, прильнув к стене, мужество изменило ему. Какое несчастье! Там эти люди совершенно незаслуженно осыпают бранью бедную Джхунию, а он ничего не может сделать!

Гобар не понимал, что от искры, которую он бросил шутя, могло загореться все гумно. А теперь, когда пожар занялся, у него не хватило смелости войти и сказать: «Да,

я бросил эту искру!» Все его отговорки, все оправдания, которыми он подбадривал себя, сейчас показались ему нелепыми и неубедительными. Все, что он выстроил в своем воображении, разом рухнуло. Как он теперь покажется на глаза Джхунии?! Гобар в смятении попятился в темноту...

Только отойдя от дома шагов на сто, Гобар опомнился. Он походил сейчас на солдата, сбежавшего с поля боя. Ему вспоминались слова, которые он говорил Джхунии о любви и об их будущей жизни вдвоем. Сладостные воспоминания о недавних встречах, полных страстных вздохов и пьянящей радости, нахлынули на него и встревожили до глубины души. Тогда он готов был вынуть сердце из своей груди и положить его к ногам Джхунии. А сейчас?..

Джхуния, как одинокая птица, тихо жила в своем маленьком гнездышке. Там не было ни сильных рук мужчины, ни восторгов страсти, ни сладостного щебетания птенцов. Но там не было также ни сетей, ни хитрых ловушек птицелова. Кто знает, принес ли Гобар с собой радость, войдя в ее одинокое гнездо? Вот беду он действительно принес, это он теперь видел.

Гобар остановился и повернул назад к дому: так убегающий солдат, услышав голос товарища, взывающего о помощи, снова возвращается на поле боя.

Подойдя к дому, он увидел, что дверь закрыта. Полосы света пробивались наружу сквозь щели в досках. Гобар заглянул в одну из щелей и увидел: мать и Джхуния сидели, а Хори стоял возле них. Слышались всхлипывания Джхунии. Дхания ее успокаивала:

— Что ж, дочь моя, оставайся в нашем доме. Я сама поговорю с твоими братьями и отцом. Пока мы живы, тебе беспокоиться не о чем, никто не посмеет тебя обидеть!..

Гобар не сумел сдержать слезы радости. Если бы он мог, он сегодня осыпал бы своих родителей золотом и сказал им: «Теперь вам больше не надо работать! Живите спокойно и раздавайте милостыню беднякам!» За Джхунию Гобар теперь не беспокоился. Ее приняли в дом, а он только этого и хотел. Она, конечно, будет считать его обманщиком — пусть себе считает! Он возвратится домой лишь тогда, когда заработает много денег. Этими деньгами он заткнет рты всем деревенским болтунам и блюстителям кастовых законов. Тогда и отец и мать перестанут считать, что он опозорил их. Наоборот! Тогда он будет честью и гордостью всей семьи!

Чем сильнее человек переживает какое-нибудь потрясение, тем глубже бывает результат. Внутренняя борьба с самим собой взбудоражила душу Гобара и пробудила к жизни одну из благороднейших черт его натуры, которая до сих пор оставалась скрытой. Сегодня впервые в жизни Гобар осознал свой долг и ответственность перед семьей. До этого он считал своей обязанностью как можно больше есть и как можно меньше работать. У него никогда и мысли не было о том, что он чем-то обязан родным, дому. Сегодня же это великое прощение грехов, это милосердие, проявленное к нему родителями, как бы осветило самые тайные уголки его души божественным светом.

Когда Дхания и Джхунья пошли укладываться спать, Гобар облегченно вздохнул и направился в поле, к отцовскому шалашу. Усевшись там поудобнее, он стал обдумывать свои планы на будущее.

Гобару не раз приходилось слышать, что в городе землекопам платят по пять-шесть анн в день. Если он зарабатывает шесть анн в день, одну анну он потратит на еду, а пять отложит про запас. Так, за один месяц у него соберется целых десять рупий. А пройдет год—у него будет сто двадцать пять рупий. Когда он возвратится домой с кошельком, в котором будут лежать такие деньги, кто посмеет его хоть в чем-нибудь упрекнуть?! Те же самые Дата Дин и Патешвари начнут заискивать и лебезить перед ним. А Джхунья, увидев его таким богачом, расцветет от гордости! Если он будет подрабатывать таким образом в течение трех-четырех лет, то страдания и нужда навсегда исчезнут из их дома. Ведь вся их большая семья вместе взятая не выручает за год ста двадцати пяти рупий, а теперь он один будет зарабатывать такие большие деньги. Люди из их общины, конечно, будут осуждать его: вот, мол, ушел в город на заработки! Ну и пусть себе осуждают! Разве работать на стороне — грех?! Он будет получать не меньше шести анн в день, а если проявит усердие, то сможет и больше заработать. Отцу своему он скажет потом: «Хватит тебе работать, отец! Сиди себе дома и возноси хвалу всевышнему. Всю свою душу ты вложил в поле, а что получил за это? Ровным счетом—ничего...»

Прежде всего Гобар, конечно, купит хорошую, породистую корову, которая будет давать четыре-пять серов молока в день. А отцу он скажет: «Ухаживай, отец, за этой

священной коровой! От нее зависит твое благополучие и счастье в этой жизни и в будущей!»

Но сможет ли он прожить на одну анну в день? Конечно, сможет. Ведь комнату или койку ему снимать не обязательно — переспит где придется. Есть ведь сотни храмов и странноприимных домов. К тому же разве хозяин, у которого Гобар будет работать, не отведет ему крохотное местечко для жилья? Ну, а насчет еды: десять серов муки стоят одну рупию, так что на одну анну можно купить три четверти сера. Да, но понадобятся еще и дрова, и соль, и горох, и овощи. Где же он возьмет все это? Чтобы есть хотя бы два раза в день, нужно иметь по меньшей мере один сер муки. Ну, ладно, стоит ли думать об этом! Человек может целый день работать на одной горстке гороха или сладостей. А Гобар такой выносливый, что ему и полсера муки на день хватит. Вместо дров он будет собирать кизяк. Иногда будет брать на одну пайсу гороху или картошки и будет варить похлебку. Вечером поест горячей похлебки и ляжет спать. Дома-то тоже не всегда ели они хлеб по два раза в день! Бывало и так, что и одного-то раза не ели...

Но тут в душу Гобара закралось сомнение: а что, если он не найдет работы? Что тогда? Да, но что ему может помешать? Ведь если он будет старательным работником, то сотни людей будут звать его к себе. Старательных-то работников все любят. Это лодыри никому не нужны! Здесь, в деревне, ему также приходилось бороться и с засухой, и с белыми муравьями, пожирающими целые поля сахарного тростника, и со спорыньей на ячмене, и с мошкаррой, портившей посевы горчицы. Словом — работу он себе найдет. Целый день Гобар будет трудиться, а попадется ночная работа, он и от нее не откажется; устроится где-нибудь сторожем, глядишь, еще две анны за ночь получит. Это ведь тоже деньги! Зато уж когда он вернется домой, сестрам и матери он привезет по хорошему сари, отцу — тюрбан, а для Джхунии закажет у ювелира браслеты и другие украшения.

Так, погруженный в сладкие мечты, Гобар заснул в шалаше. Правда, спалось ему плохо: ночь была холодная. И едва начало светать, он вскочил на ноги и зашагал по дороге, ведущей в город Лакнау.

Ему нужно пройти косов двадцать. Не беда. К вечеру он будет в городе! Из односельчан вряд ли там его

кто-нибудь встретит, а адрес свой он никому не даст, иначе на другой же день к нему заявится отец. Гобар начинал немного раскаиваться в том, что не рассказал о всех своих планах Джунии, когда уговаривал ее идти к ним в дом. Да, но тогда она ни за что не пошла бы одна, а захотела бы пойти с ним в город. А что бы он стал с ней делать, она бы связала его по рукам и ногам!

Уже занялся день, а у Гобара не было ни крошки во рту. Голод все настойчивее давал о себе знать. Ноги Гобара дрожали от усталости, но он продолжал свой путь. Ему хотелось присесть, отдохнуть, подкрепиться чем-нибудь.

На обочине дороги росли дикие сливы. Гобар нарвал немного плодов и, утолив ими голод, двинулся дальше. Проходя мимо одной деревни, Гобар почувствовал приятный аромат варящегося гура. Тут уж он больше не мог вытерпеть и направился к дому, откуда так вкусно пахло. Он попросил воды и, зачерпнув ковшиком из ведра, стал пить. Пожилой крестьянин окликнул его:

— Арэ, брат, что же ты пьешь пустую воду! Отведай-ка свежего гура, тогда уж и дальше пойдешь. Урожай тростника на корню продан! А то ведь пока он созреет, пока его нарежешь да наваришь гура, он будет стоить на базаре столько же, сколько стоит фабричный сахар! Кто же его тогда покупать станет?

Крестьянин вынес Гобару миску с гуром. Гобар съел гура и запил его водой.

— Может, покурить хочешь?—спросил его крестьянин.

— Нет,— ответил Гобар,— я еще не курю.

Старику такой ответ понравился, и он сказал:

— Молодец, что не куришь. Привычка курить — что скверная болезнь: раз привяжется, так потом от нее не избавишься!

Гобар поблагодарил крестьянина и двинулся дальше. Теперь он шел гораздо быстрее, потому что хорошо подкрепился.

В зимнее время трудно определить, когда наступает полдень, и Гобар не знал, который сейчас час. Внезапно на краю дороги он увидел молодую женщину, сидевшую под деревом. Рядом стоял мужчина, очевидно ее муж, и горячо убеждал ее в чем-то. Вокруг них собралось несколько прохожих. Гобар тоже подошел к ним. Что может

быть интересней и привлекательней такой вот житейской сценки!

Женщина, смело глядя в глаза мужу, трижды решительно повторила:

— Я не пойду! Не пойду! Не пойду!

— Не пойдешь? — переспросил тот с угрозой в голосе.

— Не пойду!

— Не пойдешь? — снова переспросил он.

— Нет, не пойду! — резко ответила женщина.

Тогда муж схватил ее за волосы и дернул. Женщина повалилась на землю.

Отпустив волосы женщины, мужчина сказал:

— В последний раз говорю тебе: вставай и иди!

Но женщина не сдавалась.

— Я никогда не пойду в твой дом, — ответила она, — хоть изруби меня на кусочки.

— Я задушу тебя! — закричал он.

— За убийство пойдешь на виселицу!

Муж не знал, что делать дальше. Не владея собой, он схватился за голову и сел прямо в пыль на дорогу. Однако через мгновение он снова вскочил и упавшим голосом спросил:

— Что же ты хочешь от меня?

Женщина тоже встала перед ним и спокойным, ровным голосом ответила:

— Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое. Вот, что я хочу!

— В конце концов объясни, что с тобой случилось?

— Почему они все ругают моего отца и братьев?

— Кто их ругает?

— Ступай в свой дом и спроси!

— Пойдешь со мной, тогда и спрошу.

— Чего ты будешь там спрашивать? Ступай да послушай, что говорит твоя мать! Ведь это твоя мать ругается, а не моя? Почему я должна все это выслушивать? Она попрекает меня куском хлеба, а ведь я зарабатываю в три раза больше, чем съедаю. Почему я должна сносить ее оскорбления? А от тебя самого что я видела хорошего? Даже бронзового колечка и того не подарил!

Прохожие прислушивались к этой перепалке с величайшим интересом, словно присутствовали на веселом спектакле. Однако видно было, что это представление

закончится нескоро, и публика постепенно начала расходиться.

Гобару не нравилось поведение мужа. При людях он не решился ничего сказать, но, когда все разошлись, он обратился к нему:

— Брат! Мне, конечно, не следовало бы вмешиваться в ваши семейные дела, но тебе тоже не к лицу проявлять такую жестокость к женщине. Это нехорошо!

Выпучив маленькие глазки, мужчина грубо крикнул:

— А ты кто такой?

— Кто бы я ни был,— спокойно ответил Гобар,— несправедливость никому не нравится!

— Ты, я вижу, еще не имел дела с женщинами, поэтому и заступаешься.

— Когда я женюсь, то все равно не стану таскать жену за волосы.

— Ладно, иди-ка ты своей дорогой. Это моя жена. Хочу — исколочу ее, захочу — убью. Что ты за птица такая, чтоб вмешиваться в наши дела? Проваливай-ка отсюда!

От этих слов горячая кровь Гобара закипела. Кто ему запретит стоять на дороге? Ведь дорога принадлежит всем, а не какому-то частному лицу. Сколько захочет, столько и будет здесь стоять. И никто не посмеет его прогнать!

— Так ты не уйдешь? — спросил мужчина. — Ну держись! Я тебе сейчас покажу!

Гобар выпрямился и, приготовившись к драке, сказал:

— Неизвестно еще, кто кому что покажет! А я буду стоять здесь столько, сколько захочу!

— Так ты не уйдешь? — переспросил мужчина.

— Нет!

Мужчина, сжав кулаки, ринулся было на Гобара, но в этот момент жена схватила его за дхоти и потащила назад. Затем, обратившись к Гобару, она сказала:

— Уважаемый, идите, пожалуйста, своей дорогой. У нас с мужем была перепалка, но это наше семейное дело. Иногда он меня бьет, иногда я ругаю его. Вам-то что до всего этого?

Выслушав этот упрек, Гобар повернулся и пошел дальше, но подумал, что эта женщина действительно заслуживает, чтобы ее угощали тумаками.

Едва Гобар удалился, как женщина принялась ругать мужа:

— Тоже мне, хорош,— чуть что, в драку лезешь! Ну, что он тебе сделал? За что ты на него с кулаками кинулся? Если будешь так вести себя, все люди будут тебя сторониться. А этот человек, видно, из хорошего дома и держать себя умеет с достоинством. Почему бы тебе не познакомиться с ним поближе, почему не потолковать с ним насчет твоей сестры?

— Думаешь, он еще не женат? — с сомнением спросил муж.

— А ты спросил бы об этом у него самого! — надумила его жена.

Муж бросился догонять Гобара. Пробежав шагов десять, он крикнул ему и сделал знак рукой, чтобы тот остановился.

Гобар повернулся к нему и стал ждать. Он подумал, что гнев его противника еще не остыл и он все-таки хочет подраться с ним. Ну что ж, пусть идет! В каждой деревне есть такая собака, которая в припадке ярости становится тигром. Пусть подходит! Сейчас он так его проучит, что тот всю жизнь будет помнить!

Но, когда мужчина подошел ближе, Гобар заметил на его лице не гримасу гнева, а дружескую улыбку. Мужчина спросил Гобара, из какой он деревни, какой касты и как его имя. Гобар ответил, ничего не скрывая. Тот остался доволен и назвал свое имя.

— Мы с тобой чуть не подрались,— виновато проговорил Кодаи и улыбнулся.— Когда ты ушел, я понял, что ты был прав. Зря я тебя обругал, прости, брат. Ты что делаешь дома-то? Наверно, земля есть, хозяйство?

Гобар рассказал ему, что он крестьянин, владеет пятью бигхами наследственной земли.

— Извини меня, брат, за грубость,— снова попросил Кодаи.— Человек в гневле слепнет и теряет рассудок. Женщина в доме, это все равно, что Лакшми, но иногда с ней происходит такое, что нельзя понять, какой дьявол вселился в ее душу. Вот ты сам посуди: как я могу слушаться свою мать, которая родила меня и вырастила? Если мне нужно с кем-нибудь посоветоваться, то я прежде всего иду к матери. Правильно я говорю? А жену таскать за волосы я и не собирался! Но ведь женщину только тумакми и можно заставить слушаться! Вот она заладила свое, да и только: отделимся от матери, уйдем от матери! Ты сам посуди, как это отделиться, от кого

отделиться! От своей матери? От матери, которая дала мне жизнь? Нет, на это я никогда не пойду, останется жена со мной или уйдет.

— Да, брат, ты верно говоришь! — ответил ему Гобар, изменив свое первоначальное мнение об этом человеке. — Уважать свою мать — священный долг каждого. Кто из нас не в долгу перед матерью?

— Зайдем ко мне! — пригласил Гобара Кодан. — Все равно тебе сегодня до Лакнау не добраться. Ну, пройдем еще один-два коса, и наступит вечер, так и так придется тебе где-нибудь проситься на ночлег.

— А жена-то твоя ничего не скажет? — спросил Гобар.

— А что она тебе сделает?

— Да она уже так меня пробрала, что стыдно вспоминать!

— Пустое! Она сейчас в этом сама раскаивается! Пойдем! Кстати, поговоришь и с моей матерью, а то она меня совсем не слушается. Надо ее уговорить, чтобы она не ругала отца и братьев моей жены. Ведь у меня у самого есть сестра на выданье: если потом ее свекровь станет ругать меня, я тоже не вынесу! Скандалы бывают в моем доме не только из-за жены; иной раз и мать виновата. Особенно тогда, когда она во всем потворствует своей дочке! А моя жена считает, что лучше ей уйти из дома обиженной, чем отвечать скандалом на скандал.

Гобару действительно нужно было где-то переночевать, и, подумав, он последовал за Кодан. Они вместе вернулись к дереву, где сидела его жена. Теперь она вся преобразилась и выглядела настоящей хозяйкой. Край своего сари она закинула на голову, прикрыла им часть лица и казалась теперь даже немного смущенной. Улыбающийся Кодан обратился к ней:

— Ты знаешь, он не хотел идти к нам. Говорит, как же я пойду к вам в дом после такой перебранки?

Молодая женщина взглянула на Гобара из-за края сари и сказала:

— Испугался такого маленького скандала! Что же он будет делать, когда женится? Совсем сбежит из дому?

Их деревня Парватха находилась совсем близко. В ней было домов десять — двенадцать, частью глинобитных, а частью просто из камыша под соломенными крышами.

Кодаи вынес из дома во двор кровать и постелил на нее цыновку. Затем он велел приготовить шербет и сел рядом с Гобаром.

Вскоре во двор вышла и его молодая жена. Она принесла шербет. Проходя мимо, женщина шутя брызнула на Гобара водой, словно просила у него извинения. Ведь теперь Гобар был у них на правах возможного родственника! Почему бы ей не пошутить с ним немного?..

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Гобар поднялся, когда было еще совсем темно, и распрощался с Кодая. Все в семье уже знали, что Гобар женат; и поэтому о его женитьбе на сестре Кодая никто не заговаривал. Обходительность и учтивость Гобара понравились всем. Что же касается матери Кодая, то Гобар очень осторожно пожурил ее и посоветовал вести себя по отношению к невестке помягче. Старуха осталась весьма довольна Гобаром и благословила его на дорогу.

— Вы большой человек, мата¹ джи! — говорил ей Гобар. — Вы богиня, которой бы надо поклоняться! Сыч ваш появился на свет из вашего чрева; он так много должен вам, что долга своего ему не уплатить ни за сто, ни за сто тысяч, ни за миллион своих жизней!..

Старухе были так приятны эти лестные слова, что потом все, что ни говорил ей Гобар, она принимала как похвалу. Недаром гласит пословица: «Получив однажды из рук врача мед, больной с удовольствием примет от него и яд!»

— Вот к примеру сегодня: рассердилась невестка, поругалась с вами и из дому убежала, — продолжал Гобар. — А позор-то на чью голову падет? Кто здесь знает вашу невестку? Кто знает, чья она дочь, кто знает, чья она внучка? Может, отец-то ее гхасияра²...

— Ну как же, конечно, гхасияра, сынок! — поддакнула старуха. — Самый настоящий гхасияра! Глянешь утром на его рожу, так потом целый день отплеываешься.

— Так разве кто будет смеяться над таким человеком? Если станут смеяться, так над вами же и вашим

¹ М а т а — мать.

² Г х а с и я р а — буквально: торговец сеном; член одной из самых презираемых и отсталых каст индийского общества.

сыном! Каждый сразу спросит, чья, мол, это невестка? А потом она ведь еще совсем молодая, зеленая да несмышленная! Отец ее и мать распоследние бедняки — откуда же ей быть послушной и учтивой? Учить ее надо так, как учат старого попугая. А его битьем ничему не научишь — выучить его можно только лаской да терпением. Конечно, иногда не вредно и поругать невестку, но не слишком. Ей-то эти скандалы ничто, а весь позор падет на вашу голову!

Когда Гобар уже собрался уходить, старуха дала ему на дорогу немного сатту — поджаренной ячменной муки, которую она перемешала с сахаром.

Вместе с Гобаром в город на заработки отправились еще несколько деревенских. Занятые разговорами, они и не заметили, как дошли до места, и уже часам к девяти утра были на аминабадском базаре.

Гобар был поражен огромным скоплением людей. На базаре собралось не меньше пяти сотен рабочих, искавших работу. Кого только здесь не было: и каменотесы, и плотники, и кузнецы, и землекопы, и мебельщики, и корзинщики, и каменщики! Затерявшись в этой толпе, Гобар пришел в отчаяние: разве найдется работа для такого количества людей? К тому же у него не было с собой никакого инструмента. Откуда узнают люди, что он умеет делать? Кому он такой нужен? Кто его наймет?

Мало-помалу толпа стала редеть: часть рабочих получила работу, другие, отчаявшись, начали расходиться по домам. Оставшиеся были в большинстве стары и слабы и ни на что не годились. Гобар оказался в их числе.

Однако пока он не очень горевал; у него еще была еда.

Неожиданно на базар явился Мирза Хуршед. Войдя в самую гущу рабочих, он громко крикнул:

— Кто хочет заработать, идемте со мной! Каждый получит по шесть анн. В пять часов вы будете свободны!

Весь безработный люд, кроме десятка каменщиков и плотников, согласился идти с Хуршедом. Сотни четыре изнуренных, обессиленных людей образовали целую армию. Во главе этой армии шел Мирза-сахиб с палкой на плече, а за ним словно стадо овец тянулась длинная вереница истощенных, голодных людей.

Какой-то старик спросил Мирзу:

— Какую работу прикажете делать, хозяин?

Все были поражены, когда Мирза ответил:

— Играть в кабадди!¹

Кто же это станет платить по шесть анн за игру в кабадди? Уж не спятил ли он?

Бывает, что человек сходит с ума, когда ему привалит вдруг большое богатство. То же самое случается, когда человек слишком много учится. Кое-кто начал подозревать, что Мирза собирается сыграть с ними злую шутку: приведет домой и скажет — работы нет! Что тогда с ним сделаешь? Пусть он заставит их играть в кабадди, заставит играть в жмурки, в кошки-мышки, во что угодно, но пусть сначала заплатит. Разве можно верить сумасшедшему?

Гобар с опаской обратился к Мирзе:

— Хозяин, я хочу есть! Дали бы мне вперед денег, я бы хоть поел чего-нибудь!

Мирза тотчас же дал ему шесть анн и подбодрил свою команду:

— О деньгах не беспокойтесь. Придем ко мне — всем выдам!

Мирза владел небольшим участком земли, расположенным за городом. Когда рабочие пришли сюда, они увидели большой огороженный двор, внутри которого стоял один только крытый соломой домик. В нем находилось несколько стульев, стол, на столе лежали книги. Весь увитый лозами, домик представлял живописную картину.

Внутри ограды с одной стороны росли молодые деревца манго, лимона и гуавы², с другой — густо разрослись цветы. Большая часть земли представляла ровную вытопанную площадку.

Мирза-сахиб построил всех приведенных им людей в один ряд и выдал им деньги. Теперь никто уже не сомневался в том, что он сумасшедший.

Гобар получил деньги раньше других. Мирза подождал его к себе и велел поливать саженцы. Ему не придется играть в кабадди. Гобар был разочарован — уж он-то бы расправился с этим старичьем! Но не беда! Он и в деревне успел досыта наиграться в кабадди. А деньги он получил сполна.

¹ Кабадди — индийская детская игра.

² Гуава — название тропического растения и плода.

Впервые после долгого перерыва всем этим старикам представился случай снова сыграть в кабадди. Большинство из них даже и не помнили, играли они когда-нибудь в эту игру или нет? Целыми днями они бродили по городу в поисках работы, поздно ночью возвращались домой и, съев скудную пищу, которую им удавалось раздобыть днем, засыпали тяжелым сном. А с раннего утра они снова впрягались в ту же привычную лямку. Жизнь их, лишенная всяких интересов и удовольствий, текла по раз и навсегда определенному руслу. Но сегодня обстоятельства сложились по-другому и несчастные старики на миг вновь почувствовали себя молодыми. Полумертвые, худые, словно скелеты, старцы, из которых, как говорится, песок сыпался, крепче подвязали у бедер дхоти, обнажили свои тощие тела и запрыгали, будто в их скрипучие кости снова вселилась юность. Мигом подготовлена была площадка, составлены команды, выбраны капитаны, и ровно в двенадцать все уже было готово к началу игры. Прохладный зимний день подходил для этого как нельзя лучше.

Тем временем у ворот ограды Мирза-сахиб продавал билеты. Подобного рода чудачества для него не были редкостью. Эту игру стариков в кабадди он заранее широко разрекламировал. По всему городу были развешаны огромные афиши, отдельным лицам разосланы приглашения. Игра эта обещала быть единственной в своем роде! Подобной еще никому никогда не доводилось видеть. «Индийские старики и сегодня молоды! Кто желает убедиться в этом — пусть придет и увидит своими глазами! А кто пропустит это редкое зрелище, тот пожалеет! Второго такого случая больше не представится!» — зывали к прохожим афиши.

Билеты стоили от двух до десяти анн. К трем часам огороженное место было до отказа заполнено зрителями. По ту сторону ограды выстроились в ряд автомобили и коляски. Явилось не менее двух тысяч человек. Для богатых принесены были стулья и скамейки, а бедняки расположились прямо на земле.

Среди зрителей можно было увидеть мисс Малти, Мэхту, Кханну, Танкху и раз-сахиба.

Когда игра началась, Мирза обратился к Мэхте:

— Господин доктор, может быть и мы с вами помеемся силами?

— Философ может бороться только с философом! — заметила мисс Малти.

Мирза, закручивая усы, отвечал:

— Вы думаете, что я не философ? Конечно, ученой степени у меня нет, но тем не менее я философ! Мэхта джи, если вы желаете, можете меня проэкзаменовать.

— Вот как? — удивилась Малти. — Скажите в таком случае, кто вы, идеалист или материалист?

— Я идеалист и материалист.

— Как так?

— Очень просто. В зависимости от обстоятельств я бываю то тем, то другим.

— Значит, у вас нет определенных принципов?

— Видите ли, мне, пожалуй, не решить какой-нибудь до сих пор нерешенной проблемы, которая к тому же, может быть, никогда и не будет разрешена, но в остальном я знаю столько же, сколько знают те, кто портит себе глаза, корпя над книгами. А о том, много ли до сих пор успели сделать все философы, сколько бы их ни было, вы и сами знаете!

Доктор Мэхта, расстегивая свой ачкан, сказал:

— Идемте сразимся! Не знаю, что думают другие, а я признаю вас философом.

— Может быть, подыскать партнера и вам? — спросил Мирза у Кханны.

— Да, да, обязательно включите его в игру! — воскликнула Малти. — А вместе с ним и господина Танкху!

— Нет, уж избавьте меня от этого, — брезгливо поморщившись, сказал Кханна.

Мирза обратился к раэ-сахибу:

— А вы как? Подобрать вам противника?

— Я хотел бы сразиться с Онкар Натхом, но его сегодня что-то не видно, — отговорился раэ-сахиб.

Мирза и Мэхта поспешно разделись и в одних трусах вышли на площадку. Один стал играть за одну, другой за другую команду.

Зрители до упаду хохотали над дряхлыми игроками, аплодировали, ругались, подзадоривали их, заключали пари...

— Ох, да вы только взгляните вон на того старикашку! Как он важно выступает! У него такой вид, словно он всех одолел! Гляди, а это, наверно, его старший брат — вон тот, что напротив! Э, брат, да в этих скелетах жизнь

еще бьет ключом! Видно, они масла съели больше, чем мы воды выпили! Говорят, что Индия богатеет — так оно и есть на самом деле! Глядите-ка, как отважно отбивается вон тот старик! Да только ему не сдобровать, вон как крепко схватили его три других старика из противной партии! Бедняга вырывается, а вырваться не может — целых трое насели!

Так реагировали зрители, наблюдая эту необыкновенную игру. Глаза их были прикованы к полю. Словно зачарованные, не отрываясь, они следили за перипетиями жаркой схватки, за прыжками и толчками игроков, остро реагировали на успехи и неудачи обеих команд. То и дело раздавались взрывы хохота. Иногда при виде явного нарушения правил поднималась целая буря криков: «Долой! Гони его с поля!» А самые горячие головы в такие моменты, не выдержав, с бранью кидались к площадке.

Среди возбужденных зрителей можно было заметить несколько человек, которые совершенно не интересовались ходом игры. Они сидели на самых дорогих местах, под навесом, и были заняты разговором куда более важным, чем это вульгарное зрелище.

Осушив стакан вина и закуривая сигару, Кханна говорил раз-сахибу:

— Уверю вас, банк ни в коем случае не согласится предоставить вам заем на более льготных условиях. А эти условия для вас выторговал я, потому что мы с вами — свои люди!

Раз-сахиб, скрывая улыбку в усах, ответил:

— В таком случае зачем же вы хватаете своего за глотку?

— Что вы хотите этим сказать?

— А то, что с Сурья Пратап Сингха вы взяли только шесть процентов, а с меня требуете девять да еще считаете, что оказываете мне великую милость! Разве я говорю неправду?

Кханна расхохотался. Всем своим видом он старался показать, что невозможно было иначе реагировать на слова раз-сахиба.

— Если вы возьмете деньги в банке на тех же условиях, что и Сурья Пратап Сингх, я удовольствуюсь и шестью процентами. Ведь он взял эти деньги под залог части своей собственности, и очень возможно, что он никогда больше ее не увидит.

— Я бы тоже мог заложить кое-что. Чем платить девять процентов, я бы предпочел избавиться от лишней недвижимости. Уговорите директоров, чтобы они согласились взять под залог мой дом на Джексон Роуд. Вы получите за это комиссионные.

— Не так-то легко это будет сделать. Вы сами знаете, как далеко ваш дом от города. Ну да ладно, сделаем! А во сколько вы оцениваете свой дом?

Раз-сахиб оценил дом в сто двадцать пять тысяч рупий. Как-никак, помимо дома, ему там принадлежали еще целых пятнадцать бигхов земли!

Кханна сделал вид, будто он страшно изумлен.

— Вы говорите о том, что было реально пятнадцать лет назад, раз-сахиб! — воскликнул он. — Вы должны знать, что цены на недвижимую собственность с тех пор снизились вдвое.

Раз-сахиб был задет за живое.

— Я это знаю не хуже вас! — возразил он. — Но пятнадцать лет назад дом этот стоил двести пятьдесят тысяч!

— Я буду подыскивать покупателя, но вы выплатите мне пять процентов комиссионных.

— А со всех других вы бы потребовали десять, не так ли? Надо же совесть знать!

— Ну ладно, дадите, сколько сможете. Договорились? Но вы до сих пор так и не приобрели акций нашего сахарного завода, а их осталось совсем немного. В конце концов вам не достанется ничего. Страхового полиса вы тоже не подписали. Нельзя же без конца раздумывать и колебаться! Если уж вы даже ради собственной выгоды шаг боитесь сделать, то какая польза от вас другим? Недаром ведь говорят, что большие земельные владения крадут у человека разум. Будь на то моя воля, я бы конфисковал у всех талукдаров их поместья! Ей-богу!

А мистер Танкха тем временем пытался завлечь в свои сети Малти. И хотя она уже не раз говорила ему, что у нее нет ни малейшего желания принимать участие в избирательной грызне, Танкха был не из тех, кто быстро складывает оружие. Он подошел к Малти, уперся локтями в край стола и снова завел старый разговор:

— Вы бы еще раз подумали о моем предложении! Уверяю вас, что такого удобного случая вам, возможно, больше никогда не представится! По сравнению

с вами рани-сахиба¹ Чанда имеет ничтожные шансы. Я хочу только, чтобы в совет были избраны люди с большим жизненным опытом, стремящиеся служить народу. Женщине, которую ничего не интересует, кроме любовных похождений, которая рассматривает народ как скопище слуг и самым важным для себя считает устройство приемов для губернаторов и их секретарей,— не место в совете. Члены нового совета будут обладать значительными полномочиями и правами, и мне не хотелось бы, чтобы эти права оказались в руках людей, не заслуживающих доверия.

Малти, чтобы как-нибудь отделаться от него, ответила:

— Но, сахиб! Откуда мне взять десять—двадцать тысяч рупий для оплаты расходов по предвыборной кампании? Рани-сахиба может израсходовать на это несколько сот тысяч рупий. Я сама получаю от нее в год целых полторы тысячи рупий. А так я навсегда лишусь этих денег!

— Ответьте мне прежде, хотите вы войти в совет или нет?

— Может быть, и хочу, да только, чтобы туда попасть, нужен «пропуск».

— Положитесь на меня! Я устрою вам этот, как вы говорите, «пропуск».

— Нет, увольте! Я не желаю испытывать горечи поражения! Когда рани-сахиба раскроет свой кошелек и начнет платить по золотому ашрафи каждому, кто отдаст за нее свой голос, то и вы, пожалуй, проголосуете за нее.

— Вы, что же, полагаете, что исход выборов решают одни только деньги?

— Нет, почему же! Немалое значение имеют личные качества и заслуги кандидата, но что я успела сделать для народа, кроме того, что однажды побывала в тюрьме? Да и то, честно говоря, я попала туда почти по собственному желанию, чтобы заработать себе популярность, точно так же как раз-сахиб и Кханна. В наше время все решают деньги. Знания, любовь к родине и народу, происхождение—все это по сравнению с деньгами не имеет никакого значения. Правда, случается иногда, что богатству приходится отступать перед силой личности, но это слишком редкое исключение. О том, что значат деньги, я по

¹ Сахиба — госпожа.

себе знаю. Бывает, придет ко мне какая-нибудь бедная женщина, так я с ней и не разговариваю, но если вдруг к моей больнице подкатит на машине богачка, я встречаю ее у дверей, лыщу ей и угождаю, словно она богиня, спустившаяся с неба. Разве могу я соперничать с рани-сахибой? Как раз она и будет самой подходящей кандидатурой в будущий совет!

Тем временем команда Мэхты все больше ослабевала. Более половины ее игроков уже выбыли из игры. Мэхте никогда в жизни не приходилось еще участвовать в кабадди, а Мирза был опытным игроком. Кроме того, в выходные дни и праздники Мирза принимал участие в самодеятельных спектаклях. Своим умением перевоплощаться он приводил в восхищение самых взыскательных ценителей. Все его интересы сосредотачивались на арене — арене спортивной и любовной. Поэтому не было ничего удивительного в том, что он сейчас побеждал.

Внимание Малти было приковано к тому, что творилось на поле. Вдруг она вскочила.

— Глядите, команда Мэхты терпит поражение!

Раз-сахиб и Кханна в это время вели разговор о страховом полисе. Видно было, что раз-сахиба этот разговор раздражает. Вмешательство Малти оказалось для него спасением. Встав, он взглянул на поле и сказал:

— Да, дела Мэхты плохи! Мирза — превосходный игрок!

— Что это взбрело Мэхте в голову ввязаться в эту игру! Только напрасно позорит себя.

— Какой тут может быть позор? Он тоже человек азартный!

— Вот беда! Стоит только какому-нибудь игроку из команды Мэхты выйти из своей половины поля, как он тотчас же выбывает из игры!

— А бывают в этой игре перерывы? — спросила Малти. Кханна презрительно усмехнулся.

— Также мне игрок, этот Мэхта! Против кого вышел — против самого Мирзы! Это тебе, брат, не философия!

— Я хочу знать, бывают ли в этой игре перерывы?

— Игра уже подходит к концу! — поддразнил ее Кханна. — Сейчас Мирза поймает Мэхту и будет возить его носом по земле до тех пор, пока он не запросит пощады. Вот смеху-то будет!

— Я не вас спрашиваю, я спрашиваю раз-сахиба!

— Какие там перерывы! — ответил раз-сахиб. — У Мехты скоро ни одного игрока не останется!

— Ой! У него еще одним игроком меньше!

— Так Мэхта лишится всех своих игроков, а потом и сам выйдет из игры, вот увидите! — предсказал Кханна.

— Сами бы попробовали побороться! — сердито взглянула на него Малти.

— Чтобы я ввязался в эту деревенскую игру? Благодарю покорно! С меня хватит и тенниса!

— Вы и теннисист липовый! Я одна выиграла у вас по крайней мере сотню партий!

— Я никогда и не говорил, что смогу вас обыграть.

— То-то же! Иначе я бы сразу предложила вам сразиться со мной на корте!

Отщелкав Кханну, Малти села на свое место. «Никто не сочувствует Мэхте! — с горечью думала она. — Хоть бы кто-нибудь сказал, что пора прекратить игру! Право же, какой он глупец, этот Мэхта! Хоть бы раз схитрил или сплутовал, что ли! И здесь он старается показать свою любовь к справедливости. Ведь его освищут! Сейчас на его стороне осталось самое большее человек двадцать... А как эти так называемые его друзья радуются!»

Чем ближе дело подходило к концу, тем больше волновались зрители. Они все теснее окружали площадку, где шла игра, и, наконец, веревка, которой была обнесена площадка, лопнула под напором людей. Некоторые из зрителей пытались сдержать толпу, но безуспешно — возбуждение болельщиков достигло предела.

Мэхта остался на поле совсем один. Теперь ему приходилось выступать в роли «немого», и исход игры зависел только от него. Если ему удастся увернуться от противников и возвратиться на свою половину поля, он спасет свою команду. В противном случае весь позор за проигрыш падет на него. Все игроки противной стороны, которых ему удастся коснуться по дороге на свою половину, выбудут из игры, и столько же игроков опять появится на его стороне.

Взоры всех присутствующих были прикованы к Мэхте. «Давай, Мэхта, давай!» — слышалось отовсюду. Охваченные азартом зрители тесно сгрудились вокруг площадки.

С каким спокойствием и уверенностью идет Мэхта в сторону своих противников! Каждое его движение вы-

зывает бурную реакцию зрителей. Стараясь разглядеть Мэхту получше, стоящие позади вытягивали шеи и напирали на передних так, что те едва не падали под их напором. Атмосфера накалилась, возбуждение достигло крайней точки.

Вот Мэхта оказался в самой гуще противников, но игроки ускользают от него. Они действуют так слаженно, что Мэхте не удастся поймать никого. Те, кто еще надеялся, что Мэхте, может быть, удастся вернуть своей команде хоть пять — десять человек, считали теперь его дело проигранным.

Вдруг Мирза одним прыжком подскакивает к Мэхте и хватает его за талию. Мэхта напрягает все силы, стараясь вырваться и перетащить Мирзу на свою половину. Зрители беснуются. Теперь совершенно невозможно разобрать, кто зрители, а кто игроки, — все перемешались в одну кучу. Между Мирзой и Мэхтой идет отчаянная борьба. На помощь Мирзе спешат несколько его стариков. Вот они, словно муравьи, облепили кругом Мэхту. Мэхта молча лежит на земле. Если ему удастся сейчас каким-нибудь образом продвинуться на несколько локтей и попасть на свою половину, то «оживут» десятки игроков его команды. Однако Мэхта так прижат к земле, что не может шевельнуть и пальцем. На шее у него сидит Мирза. Лицо Мэхты багровеет, глаза наливаются кровью. Он обливается потом, а Мирза всем своим грузным телом еще плотней прижимает его к земле.

Пробравшись вперед, Малти взволнованно крикнула:

— Мирза Хуршед, отпустите его! Это же игра, а не что-нибудь!

Мирза, еще сильнее наваливаясь на шею Мэхты, ответил:

— До тех пор, пока не попросит пощады — ни за что не отпущу! Почему он не сдается?

Малти придвинулась к борющимся еще ближе.

— Вы не должны так истязать его!

Мирза, подпрыгнув на спине Мэхты, расхохотался:

— А я вот буду! Уговорите его сдаться, тогда я его сразу отпущу!

Мэхта сделал еще одну попытку сбросить с себя противника, но Мирза только сильнее сдвинул ему шею.

Малти, схватив Мирзу за руку, попыталась оттащить его.

— Отпустите его! Это уже не игра, а драка! — сердито кричала она.

— Ну что ж, драка так драка!

— Так вы его не отпустите?

Но тут произошло что-то невероятное: Мирза оказался вдруг опрокинутым на землю, а Мэхта в несколько прыжков достиг своей половины поля. Тысячи зрителей, словно одержимые, замахали над головами шапками, чалмами и тростями. Никто не мог понять, как все это произошло.

Мирза поднял Мэхту и на руках пронес его до самого навеса. На устах зрителей были одни и те же слова: «Доктор-сахиб выиграл!» Все удивлялись мгновенному изменению в почти проигранной игре и восхваляли силу, отвагу и стойкость Мэхты.

Для игроков были заранее куплены апельсины. Каждому выдали по штуке, и все они пошли домой. А под навесом для гостей был сервирован чай. Мирза и Мэхта уселись за один стол друг против друга. Малти села рядом с Мэхтой.

— Я сегодня заметил одну интересную штуку, — улыбнулся Мэхта. — Оказывается, сочувствие женщины иногда может помочь выиграть почти безнадежную партию.

Мирза взглянул на Малти.

— Вот оно что! — воскликнул он. — А я-то удивляюсь, как это вы вдруг оказались наверху!

Малти смутилась, щеки ее залил румянец.

— Вы жестокий и бессердечный человек, господин Мирза, — сказала она. — Сегодня я в этом убедилась!

— Он сам виноват! Почему он не желал сдаваться?

— Если бы вы даже задушили меня, я бы все равно не сдался! — заметил Мэхта.

Друзья поболтали еще немного, потом поблагодарили друг друга и распрощались. Малти нужно было навестить больного, поэтому и она ушла.

Остались только Мэхта и Мирза. Они хотели умыться — оба были потные и в пыли; не надевать же одежду на грязное тело? Гобар принес им воды, и оба друга приступили к омовению.

— Когда же свадьба? — спросил Мирза.

— Чья? — удивленно взглянул на него Мэхта. — Моя свадьба?! С кем?!

— Вах! Бросьте хитрить! Зачем скрывать то, что всем уже давно известно?

— Да нет же, я правду говорю! Я совершенно ничего не знаю! Разве готовится моя свадьба?

— А вы думаете, что Малти так и будет оставаться только вашим другом?

Мэхта отрицательно покачал головой.

— Вы ошибаетесь, Мирза джи! Мисс Малти красива, добра, умна, образованна, у нее множество достоинств. Однако в ней нет тех качеств, которые я хотел бы видеть у спутницы моей жизни. Возможно, что этими качествами не обладает ни одна женщина! В моем представлении жена — это олицетворение верности и самопожертвования. Она должна забыть о себе, слиться с существом мужа, стать его частью. Мужчина — мозг этого союза, а женщина — его душа. Вы, пожалуй, спросите, почему мужчина сам не идет на такую жертву, а требует ее от женщины? Только потому, что мужчина по своей природе на это совершенно неспособен. Если даже он переборет себя, из этого все равно ничего не выйдет. Мужчина тогда забьется в какую-нибудь берлогу и будет грустить, вспоминая о своих прежних преимуществах, от которых он сам отказался. Гордыня одолела мужчину! В надменной гордости своей считать себя столпом мудрости он наделяет самого себя божеским саном. Женщина терпелива, спокойна и вынослива, словно сама земля. Если мужчину наделить этими достоинствами женщины, над ним реял бы ореол святости, если женщину наделить характерными качествами мужчины, она станет средоточием пороков и разврата. Мужчина всегда стремится к такой женщине, которая является идеалом в его глазах и влечет к себе. А Малти до сих пор так и не очаровала меня. Право, я даже затрудняюсь сказать вам, что я вижу перед собой, когда произношу слово «женщина»! Я называю женщиной сгусток всего прекрасного, что только можно найти в мире. Жена, по-моему, должна быть таким человеком, что даже ударь я ее — она не должна обидеться на меня, не должна испытывать чувства ревности, если даже в ее присутствии я буду нежен с другой женщиной. Если я когда-нибудь встречу такую женщину, я упаду к ее ногам и принесу ей в жертву самого себя.

Мирза с сомнением покачал головой:

— Едва ли найдешь такую в этом мире!

Мэхта стукнул кулаком по столу.

— Можно найти, и не одну! Таких женщин — тысячи! Если бы их не было, мир бы давно опустел.

— Укажите мне хотя бы одну подобную женщину!

— Пожалуйста! Миссис Кханна!

— Да, но насколько мне известно, сам мистер Кханна не особенно ею...

— Кханна безрассуден и глуп. Судьба подарила ему бесценный алмаз, а он принимает его за осколок стекла. Трудно даже поверить, сколько в ней самоотверженности и любви! В сердце Кханны, который увлекается только внешней красотой, для его жены, может быть, не осталось местечка, но случись с ним сегодня беда, она ради него принесет себя в жертву. Ослепни сегодня Кханна, заболей проказой — она все равно попрежнему останется ему верна. Кханна сейчас не ценит жены, но поверьте мне, придет время, когда он будет ее боготворить. Мне не нужна такая жена, с которой можно спорить о теории Эйнштейна или которая умела бы оперировать цитатами из моих книг. Я хочу иметь такую жену, которая своей преданностью и самоотверженной любовью сделала бы мою жизнь светлой и чистой.

Мирза тихонько поглаживал подбородок. Затем с таким видом, словно он вспомнил вдруг нечто давным-давно забытое, проговорил:

— Вы совершенно правы, мистер Мэхта! Встретись мне такая женщина, так, пожалуй, и я бы женился! Да только разве мне она встретится?

Мэхта рассмеялся:

— Вот видите — вы ищете, и я ищу. Кто знает, может быть нам повезет!

— Но мисс Малти, как видно, вовсе не собирается отказываться от вас.

— С такими женщинами я могу лишь весело проводить время, но жениться — увольте! Тут нужно всего себя принести в жертву.

— Если женитьба — жертва, то что же тогда любовь?

— Когда любовь перерастет в самоотречение и готовность к жертве — то за ней следует бракосочетание, а все, что до этого — только флирт, мимолетное любовное увлечение!

Мэхта оделся и ушел. Наступал вечер. Когда Мирза

вернулся к себе домой, то увидел, что Гобар все еще поливает дерева. Довольный усердием Гобара, Мирза сказал ему:

— Ступай, ты свободен! Завтра придешь?

Гобар с мольбой сказал:

— Я хотел бы найти работу, хозяин!

— Хочешь, так можешь работать у меня.

— А сколько будете платить, хозяин?

— Да сколько потребуешь.

— Разве могу я требовать! Сколько пожелаете, столько и дадите.

— Я буду платить тебе пятнадцать рупий, но и работать заставлю как следует.

Гобар не боялся работы. Он готов был трудиться круглые сутки, только бы ему платили. За пятнадцать рупий он жизни своей не пожалеет.

— Мне бы еще место найти для ночлега! — сказал он Мирзе.

— Ладно, я подумаю об этом. Живи пока здесь, в моем доме.

О такой удаче Гобар и не мечтал!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Весь урожай, который Хори удалось снять со своего поля, пошел на уплату штрафа. Семья его кое-как прожила байсакх¹, но к джетху в доме не осталось ни одного зернышка. Теперь в семье было целых пять человек, а чем их накормишь? Если не удастся есть дважды в день, то один-то раз есть нужно, пусть хоть и не досыта! Долго ли может протянуть человек без пищи? А у кого ее займешь? Всем деревенским ростовщикам, и крупным и мелким, Хори так задолжал, что хоть на глаза не показывайся. Что-нибудь заработать? Но кто тебе даст работу в деревне? К тому же в месяце джетх своей работы хоть отбавляй: надо поливать сахарный тростник. Да только много ли наработаешь на пустой-то желудок!

Наступил вечер. Маленький сын Джхунни плакал, не переставая. Откуда возьмется молоко, если мать сидит

¹ Байсакх — первый месяц индийского календаря, соответствует апрелю—маю.

голодная? Сона все понимает, а что может понять Рупа? Рупа тоже беспрерывно плакала и просила хлеба. Пытаясь умерить боль в желудке, она целый день грызла зеленые плоды манго, но сейчас ей хотелось поесть чего-нибудь настоящего. Хори пошел было попросить взаймы зерна у лавочницы Дулари, но та ушла на базар. Мангру Шах не только отказал ему, но еще и накричал: «Опять пришел выпрашивать взаймы? За целых три года пол-рупии и той не уплатил в счет процентов! Тебе только дай, а обратно получишь на том свете! Бесчестный ты человек — за это и наказывает тебя бог!»

Мрачный вернулся домой Хори. Как раз в это время пришла к ним Пуния: она собралась варить обед и хотела попросить у Дхании огня.

— Разве не будешь стряпать сегодня? — спросила она Дханию, увидев, что хижина их погружена в темноту. — Сейчас как раз время.

С тех пор как Хира убежал, Дхания и Пуния подружились. Пуния была благодарна Хори за заботу, а Хиру она постоянно ругала: «Убийца! Отравил корову и сбежал! На всю деревню меня опозорил. Как теперь он вернется домой? А если и вернется, я его в дом не пушу! Не постыдился убить корову. Хорошо было бы, если б его схватила полиция и наказала как следует!»

Дхания не знала, что ответить на вопрос Пунии. Наконец, она решила сказать правду:

— Из чего же нам печь хлеб? У нас в доме ни одного зернышка не осталось. Мой муженек за наш счет накормил общину, а что мои дети с голоду умрут — общине и дела нет!

Пуния в этот раз собрала хороший урожай. Она понимала, что обязана этим Хори. Будь дома Хира, она никогда не была бы так хорошо обеспечена. Поэтому она предложила:

— Отчего бы вам не взять зерна у меня? Кто как не твой муж вырастил и собрал его? В дни счастья можно и поссориться, а в дни горя надо помогать друг другу! Неужели я так слепа, что не вижу ваших страданий. Что стала бы я делать, если бы твой муж не помог мне?

Пуния вышла и увела с собой Сону. Через несколько минут обе они вернулись, принесли с собой две доверху наполненные зерном корзины и поставили их во дворе — в обеих было не меньше двух манов. Дхания слова вы-

молвить не успела, как Пуния опять ушла и, вернувшись, принесла большую корзину с кожурой земляного ореха на растопку.

— Давайте, я затоплю вам печку! — предложила она.

Дхания увидела, что в корзине поверх ячменя лежит еще маленькая корзиночка, в которой было серов пять пшеничной муки. Сегодня впервые в жизни Дхания была глубоко тронута. Она не могла сдержать слез любви и благодарности.

— Что же ты? — спросила она. — Себе-то что-нибудь оставила? Зачем нам столько!

Во дворе на кровати лежал и плакал ребенок Джхунии. Пуния взяла его на руки и, укачивая его, ответила Дхании:

— Спасибо Хори, у меня сейчас всего достаточно. Пятнадцать манов ячменя, десять — пшеницы, пять манов гороха. Зачем мне скрывать это от вас? Как-нибудь перебьемся вместе. Через два-три месяца кукуруза созреет, а там на бога будем надеяться!

Дхания подошла и растроганно обняла свою невестку. Сона пошла зажигать очаг, а Рупа взяла кувшин и отправилась за водой. Остановившаяся было повозка жизни снова пришла в движение. Так, если запрудить ручей, то в нем появляются водовороты, вода начинает сердито плескаться и пениться, а если разрушить запруду, ручей вновь потечет медленно с мелодичным журчанием.

— Зачем Хори так торопился отдавать штраф? — спросила Пуния.

— А разве община когда-нибудь с ними считалась! — ответила Дхания.

— Сестра! Если ты не обидишься, я скажу тебе одну вещь.

— Говори! Зачем я буду обижаться?

— Нет, не скажу, а то еще, пожалуй, и в самом деле обидишься!

— Не обижусь. Говори!

— Тебе не следовало пускать в дом Джхунию.

— Что же мне было делать? Она ведь утопиться хотела!

— Надо было ее сперва привести ко мне, тогда бы никто и слова не сказал.

— Ну, это ты сейчас так говоришь, а если бы я тогда ее к тебе прислала, ты бы ее метлой выгнала.

— Видишь, как дорого обошлась вам эта женитьба Гобара!

— Кто же может избежать того, что предначертано судьбой! Разве ты этого не знаешь? И сейчас еще с нашей шеи петля не снята. Бхола теперь требует деньги за свою корову. Он тогда надеялся, что мы ему жениться поможем, потому и корову нам дал. А теперь говорит: «Я и без вашей помощи женюсь, а вы верните мне мои деньги!» Оба сына его ходят возле нашего дома с дубинками. А кто у нас есть, чтобы с ними драться? Из-за этой проклятой коровы разорен теперь наш дом!

Поговорив о том о сем еще немного, Пуния взяла уголек и ушла к себе. Хори слышал весь их разговор. Войдя в комнату, он сказал:

— У Пунии чистое сердце.

— У Хиры тоже было чистое сердце? — спросила Дхания.

Взять зерно Дхания взяла, но душа ее была полна горечи. Настало, видно, такое время, что ей приходится жить милостыней!

— Никогда ты не бываешь благодарна за помощь! — упрекнул жену Хори. — Дурная это привычка!

— С какой стати должна я быть благодарной? — отвечала ему Дхания. — Разве не ты надрывался на ее поле? А кроме того, я у нее не в подарок все это взяла: придет время — все верну, до последнего зернышка!

Однако Пуния, даже узнав о том, как Дхания оценивает ее помощь, продолжала отплачивать Хори добром за добро. Когда у них кончалось зерно, она давала им один-два мана. Но потом наступил «чаумаса» — период дождей, а дождей все не было. Началась засуха, и дело осложнилось. Пришел месяц саван. Над растрескавшейся землей носились пыльные вихри. Колодцы высохли, и немилосердно палившее солнце сжигало сахарный тростник. В речке еще можно было набрать немного воды, но из-за нее что ни день происходили драки. В конце концов речка тоже пересохла. Начались повальное воровство и грабежи. Стоны и плач стояли по всем деревням.

Ко всеобщему удивлению и радости, в месяц бхадон¹ вдруг прошел дождь. Крестьяне сразу повеселели. Как

¹ Б х а д о н — пятый месяц индийского календаря, соответствует августу — сентябрю.

счастливы они были в тот день! Казалось, иссушенная земля никак не насытится влагой! Измученные, изголодавшиеся крестьяне так ликовали, так радовались, словно с неба падали не капли воды, а золотые ашрафи. Пей вволю, земля-кормилица! Пей сколько хочешь!

На полях, где только что вздымались к небу пыльные вихри, загуляли плуги. Мальчишек нельзя было удержать дома: день-деньской они пропадали на прудах и водоемах. Смотрите, смотрите! Пруд наполнился, и вода оттуда потекла по канавам в поля!

Однако сколько бы ни шел теперь дождь, сахарный тростник пропал — снять удастся жалкие крохи! А разве хватит кукурузы, проса и гороха, чтобы уплатить налоги и долги? Разве набьешь ненасытное брюхо ростовщика? Хорошо, хоть появился корм для скота и люди могли теперь кое-как перебиваться.

Когда прошел месяц магх, а Бхола так и не получил своих денег, терпение его лопнуло, и однажды он явился в дом Хори.

— Так-то ты выполняешь свои обещания? — кричал Бхола. — Ведь ты давал честное слово вернуть мне деньги после того, как вы отождмете сахарный тростник. А раз отжали, давай мне мои деньги!

Хори пытался было рассказать ему о своих несчастьях, просил об отсрочке, но все было напрасно. Бхола не хотел уходить без денег, и Хори, наконец, рассердился.

— Да ведь нет у меня денег, почтенный, и взять мне их неоткуда! Где я их возьму? Мы и так еле живы. Если не веришь, зайди ко мне в дом и посмотри. Что найдешь, забирай! Слова не скажу!

Но Бхола твердил свое:

— Зачем мне нужно обыскивать твой дом! Мне дела нет, есть у тебя деньги или нет. Ты обещал их отдать, когда выжмешь сахарный тростник. Кончил это дело, теперь давай мне мои денежки!

— Ну, делай тогда со мной что хочешь!

— Что же мне с тобой делать?

— Что хочешь!

— Ах так? Тогда я заберу обоих твоих быков!

Хори с изумлением посмотрел на Бхолу, потом понурил голову. Он не верил своим ушам! Неужто Бхола и в самом деле собирается пустить его по миру? Ведь

если Бхола возьмет у него быков, он останется без них как без рук!

— Если ты уведешь быков, я тогда совсем пропаду! — горестно пробормотал Хори. — Воля твоя — забирай, коли нет у тебя ни жалости, ни совести!

— Мне дела нет, обижаешься ты на меня или нет — мне нужны мои деньги!

— А что, если я скажу, что уже отдал тебе твои деньги?

Бхола, услышав эти слова, на миг потерял дар речи. Он не верил своим ушам. Неужто Хори может поступить так бессовестно? Нет, быть того не может! Охваченный злобой, он сказал:

— Что ж, если ты поклянешься на воде священного Ганга, что уже отдал мне деньги, — тогда ничего с тебя не потребую!

— Поклялся бы! Гибнущий на что не пойдет! Да совесть не велит!

— Не посмеешь ты дать ложной клятвы!

— Верно, брат! Не дам я такой клятвы. Пошутил я! Минуту Хори молчал, потом спросил:

— Почему ты меня так ненавидишь, брат Бхола? Сколько горя я вытерпел с тех пор, как Джхуния пришла в мой дом! Сын от рук отбился. Две сотни рупий штрафа из-за него пришлось заплатить. Я уже и так кругом разорен, а тут еще ты вырываешь землю из-под ног! Видит бог, я совсем не знал, что затеял мой сын! Я подумал, что он пошел в твою деревню песни послушать. И узнал я обо всем только поздней ночью, когда Джхуния пришла к нам домой. А не пусти я ее тогда в дом, куда бы ей было идти? Что бы с ней тогда стало?

Джхуния, стоя за дверью, слышала весь этот разговор. Бхола уже перестал быть для нее отцом — она считала его своим врагом. Испугавшись, как бы Хори и вправду не отдал быков, она шепнула Рупе:

— Беги скорее за матерью! Скажи, что очень важное дело, пусть она не задерживается!

Дххания в это время разбрасывала навоз в поле. Услышав, что невестка зовет ее, она тотчас же прибежала домой и спросила:

— Зачем ты звала меня? Я так перепугалась! Говори скорей!

— Отца моего видели?

— Видела! Во дворе сидит. Ну, сущий палач! Я с ним и говорить не стала, мимо прошла.

— Он собирается отнять у нас обоих быков!

У Дхании даже дух захватило.

— Обоих быков?! — воскликнула она.

— Да. Говорит, или деньги давайте, или я быков заберу.

— А что Хори ответил?

— Он сказал: «Совесть тебе позволит, забирай!»

— Что ж, пусть забирает! Но только после этого милостыню просить мы будем у его же дверей. На его же голову позор падет! Пусть пьет нашу кровь, если ему так хочется!

Дхания была охвачена яростью. Выйдя наружу, она сказала Хори:

— Бхола у тебя обоих быков отнять хочет? Так отдай ему, пусть подавится! Бог-то все видит! Руки и ноги у нас останутся! До сих пор мы на себя батрачили, а теперь будем батрачить на других. Бог даст, опять у нас будут быки. А если станем бездомными батраками, что в том позорного? Хоть налоги не надо будет платить! Не знала я, что Бхола нам враг, а то разве взяла бы я тогда корову? Как привел ее к нам во двор, так все наше хозяйство прахом пошло!

Бхола увидел, что пришло время пустить в ход самое главное свое оружие, которое он до сих пор берегал. Он видел, что, кроме быков, у Хори нет ничего, и понимал, что для того, чтобы сохранить быков, Хори и его семья пойдут на все. Подобно опытному стрелку, он весь подобрался, затаил на миг дыхание и выпалил:

— Думаете, что меня можно будет опозорить, а самим вам все так просто сойдет? Ошибаетесь! Вы плачетесь о своих двух сотнях рупий, а я говорю о моей чести, которой цены нет! Все беды и несчастья обрушились на вас потому, что вы взяли к себе в дом Джхунию. Выгоните ее! Тогда я не стану требовать у вас ни быков, ни денег за корову. Она меня на весь мир опозорила! Вот я и хочу посмотреть, как она чужие плевки вылизывать будет! Она тут у вас сидит дома, словно рани, а мы опозорены и проклинаям ее грязное имя! Думаете, мне легко? Она — моя дочь! Я сам ее вынянчил, сам вскормил и, бог мне свидетель, всегда относился к ней так же,

как к другим своим детям. Но теперь я успокоюсь только тогда, когда увижу, как она будет просить у людей милостыню и копать на помойках! Уже если я, отец, стал так жесток к своей дочери, это неспроста! Жестокий удар нанесла мне Джхунья! Она такое сделала, что многие поколения на моем роду пятно лежать будет. А вы ее тут держите! Если это не позор для меня, то что же?

— Выслушай меня, почтенный Бхола! — твердо сказала Дхания. — Не будет того, чего ты хочешь, никогда не будет! Джхунья останется с нами навсегда. Быков наших заберешь? Ну что ж, забирай! Если этим честь свою восстановишь, честь предков своих сохранишь — бери наших быков! Конечно, неладно поступила Джхунья, большой грех на себя взяла. Когда она пришла ко мне, я схватила было метлу, чтобы прогнать ее прочь, но когда у нее из глаз полились слезы, я сжалилась над ней. Ты уже старик, Бхола, и то мечтаешь о женитьбе! А ведь она молода!

Бхола посмотрел на Хори, словно ожидая от него поддержки.

— Ты слышишь, что она говорит, Хори? Я ни в чем не виноват, и без быков я отсюда не уйду!

— Ну что ж, уводи их! — твердо сказал Хори.

— Только потом не жалуйтесь, что я увел ваших быков! — продолжал Бхола.

— Не заплачем!

Бхола уже отвязывал быков, как из дому вышла Джхунья, одетая в старое покрытое заплатами сари, на руках у нее был ребенок. Дрожащим голосом она проговорила:

— Отец, послушай! Я навсегда уйду из этого дома! Буду, как ты хочешь, просить милостыню и тем кормиться сама и кормить ребенка. А если никто мне не станет давать, утоплюсь!

Бхола заскрежетал зубами.

— Прочь с глаз моих! — заорал он. — Пусть бог делает так, чтобы я никогда больше не увидел тебя, подлая потаскуха! Теперь тебе только и остается, что утопиться!

Джхунья даже не взглянула на отца. Она была сейчас в таком состоянии, когда человек готов лишиться себя жизни, принести себя в жертву. Если бы земля разверзлась и поглотила ее, она считала бы себя самой счастли-

вой в мире. Сдерживая рыдания, Джхуния направилась к воротам.

Однако не успела она пройти и двух шагов, как Дхания бросилась за ней следом, схватила за руку и с любовью промолвила:

— Ты куда пошла, дочка? Ступай-ка в дом! Дом этот твой и сейчас, покуда мы живы, и после нашей смерти! Пусть топится тот, кто враг своим детям. И как только твоему почтенному отцу не стыдно говорить такие слова! Он же еще нас запугивает! Экий негодяй! Что ж, забирай быков... Пей нашу кровь!..

— Мама! — сквозь рыдания сказала Джхуния. — Если уж мой родной отец так попрекает меня, лучше мне утопиться! Из-за меня, несчастной, страдает вся ваша семья. С тех пор как я пришла к вам, чего только вы не вытерпели! Мать родная и та не была так добра ко мне, как вы все! Если захочет бог, чтобы я родилась еще раз, так пусть я выйду из вашего чрева! Кроме этого, я для себя ничего не желаю!

— Он не отец тебе, он твой враг, убийца! — говорила Дхания, привлекая к себе молодую женщину. — Была бы жива твоя мать, она бы так не поступила. Женишься, посмотрим, что будет. Посмотрим, как твоя жена станет бить тебя туфлями! — сказала она Бхоле и пошла в дом.

Джхуния последовала за свекровью. А тем временем Бхола отвязал быков и вывел их за ворота, при этом у него было такое свирепое лицо, словно его пригласили в гости и вместо того, чтобы накормить печеньем, как следует отлупцевали. Весь вид его говорил: «Ну вот, пашите теперь на чем хотите! Радуйтесь! Опозорить меня хотели? Всю свою злобу и ненависть ко мне показали! Разве взял бы какой-нибудь порядочный человек к себе в дом такую негодную девчонку? Совесть совсем потеряли! Не могли собрать денег на свадьбу сына, так пустились на пакости. Хороша и эта потаскуха Джхуния! Другая девушка со стыда бы сгорела, а эта и стыд и совесть потеряла. Все вы здесь негодяи и дураки. Думают, что Джхуния теперь их стала. Словно не знают, что если дочь не живет в доме отца, то она не может жить ни в каком другом доме. Иные нынче времена, а не то схватил бы за косы эту ведьму Джхунью, да оттаскал как следует. Ишь как она на меня напустилась!»

Затем он взглянул на быков: «Хорошая упряжка! Захочу, так продам за сотню рупий. Тогда мои восемьдесят рупий, что стоила корова, ко мне вернутся».

Однако не успел он выйти на околицу, как увидел, что его нагоняют Дата Дин, Патешвари, Собха и еще десятка полтора крестьян. У Бхолы дрогнуло сердце. Не миновать теперь беды! Быков отнимут, чего доброго еще и избыют! Он остановился и приготовился к бою. Если драться — так уж драться насмерть!

Дата Дин, подойдя к нему, спросил:

— Что же это ты творишь, Бхола? Отвечай! Взял быков Хори, он ничего тебе не сказал, так ты уж и рад стараться! Весь народ на работе, никто ничего не знал! Да если бы Хори сказал деревенским о твоих бесчинствах, от тебя бы мокрого места не осталось! Хочешь, чтобы все добром кончилось, — отдай назад быков! Совести у тебя нет!

— Все это из-за простоты Хори, — поддержал его Патешвари. — Если он задолжал тебе — подай жалобу в суд. Вынесет суд решение, — тогда и забирай их! А так уволить быков не имеешь права. Если он подаст на тебя жалобу, в тюрьме насидишься!

Бхола струсил.

— Лала-сахиб, — пробормотал он, обращаясь к Патешвари, — я вовсе и не принуждал Хори. Он сам отдал мне своих быков!

— Собха! Отведи-ка быков назад в деревню, — приказал Патешвари. — На чем станет пахать крестьянина, если у него нет быков?

Бхола загородил быков своим телом:

— Верните мне деньги, а быки — на что они мне нужны? — сказал он.

— Быков мы у тебя забираем. А что касается денег — подавай в суд. А иначе избыем насмерть! Ты сам-то ему деньги отдал? Навязал бедняге корову, от которой нечего было ждать счастья, а теперь отнимаешь у него быков?

Но Бхола не отошел от быков. Он стоял, напрягшись, готовый к бою, словно всем своим видом хотел показать, что только смерть может заставить его отступить. Но какие доводы мог он противопоставить доводам патвари?

Дата Дин шагнул к нему, выпрямив свою сгорбленную спину, и крикнул сопровождавшим его людям:

— Что смотрите? Бейте его, гоните прочь отсюда! Пусть знает, как уводить быков!

Банси, крепкий плечистый юноша, с силой толкнул Бхолу. Тот не удержался на ногах и упал, затем попытался было подняться на ноги, но Банси ударом кулака снова уложил его на землю.

В это время прибежал и Хори. Бхола на коленях пополз к нему.

— Скажи честно, почтенный Хори,— взмолился он.— Разве я силой увел твоих быков?

Дата Дин так истолковал его слова:

— Он говорит, что, мол, ты, Хори, своей волей отдал ему быков! Дурачит нас здесь!

Хори, смутившись, отвечал:

— Бхола сказал мне, чтобы я прогнал из дому Джхунню или возвратил ему его деньги, а в противном случае он заберет моих быков. Я же ответил ему, что выгонять невестку не буду, что денег у меня нет и что если совесть ему позволит, пускай забирает моих быков. Я на его совесть полагался, а он взял да и увел у меня быков!

— Если ты сам позволил,— помрачнев, произнес Патешвари,— то ни о каком насилии не может быть и речи! Если его совесть велит так делать, то пускай берет быков. Забирай быков, брат! Они твои!

— Правильно! — поддержал его Дата Дин.— Коли дело полюбовное, то что тут скажешь?

Все пошли обратно, с презрением оглядываясь на Хори. Что тут поделаешь, если он сам от быков отказывается! А торжествующий победу Бхола повел быков в свою деревню.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Внешне Малти напоминала мотылька, но в действительности она была настоящей трудолюбивой пчелой. Ее жизнь протекла далеко не в одних лишь радостях — кто может избежать печаль? Даже если бы это и было возможно, все равно такую жизнь нельзя было бы назвать счастливой.

Малти смеется потому, что знает цену смеху. Она шепечет, словно птичка, и улыбается, но не в этом для нее смысл жизни. Она не такого высокого мнения о себе,

чтобы думать, будто все в мире делается только для нее. О, нет! Она улыбается и шутит потому, что это в какой-то степени помогает ей нести нелегкое бремя, которое жизнь взвалила на ее плечи. Отец Малти принадлежал к числу тех удивительных людей, которые с помощью одного своего языка зарабатывают сотни тысяч рупий. Занятие таких людей состоит в том, что они помогают крупным заминдарам и знати продавать их земельные владения, устраивают им займы, улаживают их дела в судах и делают еще уйму подобных вещей.

Люди этого сорта чрезвычайно умны и изворотливы. Почуввав, что есть надежда подзаработать на каком-либо деле, они берутся за него и любыми способами добиваются его успешного решения. Стоит им сладить свадьбу какого-нибудь раджи с девушкой из такого же высокопоставленного семейства и, пожалуйста, получай десять или двенадцать тысяч рупий! Мы презираем посредников, оказывающих нам мелкие услуги и зарабатывающих на этом гроши. Таких мы называем «жучками». Но стоит этому «жучку» оказать крупную услугу какому-нибудь радже, как он отправляется вместе с ним на охоту и пьет чай за одним столом с губернаторами.

Господин Кауль как раз и принадлежал к числу подобных баловней судьбы. У него было три дочери, и он хотел всех трех отправить в Англию, чтобы там они достигли вершин современной науки. Подобно другим большим людям, он считал, что образование, полученное в Англии, возвышает человека, что сам английский климат обладает способностью обострять человеческий ум!

Но желание господина Кауля исполнилось лишь на одну треть. Малти еще жила и училась в Англии, как неожиданно его самого разбил паралич, превратив этого подвижного человека в полного инвалида. Теперь он передвигался только с помощью двух слуг. Говорить он почти не мог, а поскольку язык его бездействовал, иссяк и источник доходов господина Кауля. Все, что у него было, он зарабатывал языком и не имел привычки откладывать на черный день. Заработки его прежде были огромны, но и расходы были немалые. Теперь все заботы о семье легли на плечи Малти. Не так-то просто было прожить месяц на четыреста—пятьсот рупий, которые она зарабатывала, но все-таки обе ее сестры получили образо-

вание, и все они жили, как полагается порядочным людям.

Малти бегала по больным с утра до вечера. Она хотела, чтобы отец ее ни в чем не нуждался. Он же привык пьянствовать и объедаться, и так как до сих пор не мог от этого отказаться, то, за отсутствием других способов добывания денег, брал время от времени по одной-две тысячи рупий у одного крупного ростовщика, которому заложил свое бунгало¹. Ростовщик был его другом и сумел при посредничестве господина Кауля нажить не одну тысячу рупий. Он уже дал отцу Малти двадцать пять тысяч рупий и в любой момент мог конфисковать дом господина Кауля, но не делал этого, помня об услугах, которые тот ему оказывал.

Бесстыдство, являющееся неотъемлемым качеством каждого эгоиста, было присуще и господину Каулю. Уговоры поэкономней расходовать деньги ни к чему не приводили. Подобные слова входили в одно его ухо и тут же вылетали из другого. Малти ворчала на отца из-за чрезмерных расходов, но мать ее была сущим ангелом и даже теперь считала, что уход за мужем и служение ему являются основной целью ее жизни. Она убеждала в этом и Малти, поэтому жизнь в семье проходила почти без скандалов.

Наступил вечер, но воздух все еще был раскален. Небо посерело от пыли. Малти и обе ее сестры сидели на газоне перед бунгало. Траву на газонах, видимо, давно не поливали, и она вся выгорела. Земля в клумбах расстрескалась.

— Садовник, похоже, совсем перестал поливать цветы,— заметила Малти.

— Эта свинья слишком много спит! — отозвалась средняя сестра, Сародж.— А скажешь ему, так он тысячу отговорок придумает!

Сародж готовилась к экзаменам на бакалавра искусств. Это была высокая, бледная, худощавая и раздражительная девушка. Ей никогда ничто не нравилось, и во всем она находила недостатки. Врачи советовали ей вообще ничем не заниматься и уехать лечиться в горы, но материальное положение семьи было таково, что она не могла себе этого позволить.

¹ Бунгало — загородный дом, коттедж.

Самая младшая сестра, Варда, завидовала Сародж, потому что вся семья постоянно заботилась только о Сародж, а на нее никто не обращал внимания. Варде иной раз хотелось заболеть, чтобы о ней тоже побеспокоились, как о Сародж. Но эта девушка, гордая, светлая, с красивыми и дерзкими глазами, была на редкость здоровой. На лице ее лежал отпечаток природного ума и пронырливости. Ладила она абсолютно со всеми, кроме Сародж. У нее просто выработалась привычка ни в чем с той не соглашаться. То же произошло и сейчас.

— До сна ли ему! — возразила Варда в ответ на замечание сестры. — Дада что ни день посылает его на базар. Ему и посидеть-то спокойно не дают! А ты говоришь, он слишком много спит.

— Когда это отец посылал его на базар, бесовская лгунья? — рассердилась Сародж.

— Каждый день посылает! Сегодня тоже посылал. Если хочешь, позовем его и спросим!

— Позовем, спросим! — передразнила сестру Сародж.

Из боязни, что сестры переругаются и не дадут ей спокойно отдохнуть, Малти вмешалась и направила разговор по другому руслу:

— Ну ладно, хватит вам! Сародж, была у вас сегодня лекция доктора Мэхты?

На лице Сародж появилась пренебрежительная гримаса.

— Как же, была! — ответила она. — Только лекция его никому не понравилась. Он вдруг стал доказывать, что круг общественных обязанностей и интересов женщин совершенно отличен от круга общественных обязанностей и интересов мужчин и что участие женщин в мужских делах — позор нашей эпохи! Девушки подняли такой шум! Бедняга не знал куда деваться! Станный он человек! Договорился до того, что любовь — это всего лишь домыслы поэтов, а в повседневной жизни ее как таковой нет. Лэди Хакко здорово его высмеяла!

— Лэди Хакко? — удивилась Малти. — Неужели у нее хватило решимости заговорить об этом вслух? А тебе бы следовало внимательно выслушать лекцию доктора-сахиба от начала до конца. В глубине души он, вероятно, хорошо понимает девушек.

— Разве возможно было спокойно слушать его лекцию? Он словно нарочно присыпает солью старые раны!

— Зачем же вы, в таком случае, его пригласили? В конце концов я думаю, он не враг женщинам! Он говорит то, что мы сами считаем правильным. Он не из тех ораторов, которые льстят женщинам. К тому же кто знает, правилен ли тот путь, по которому хотят идти женщины! Как бы не пришлось им потом раскаяться!

Она рассказала, как живут женщины во Франции, Германии и Италии и сообщила сестрам, что вскоре по поручению «Женской лиги» Мэхта прочтет еще одну лекцию.

Сародж была удивлена словами сестры.

— Но ведь ты же сама говорила, что мужчины и женщины должны иметь равные права! — сказала она.

— Я и сейчас так считаю! Но необходимо прислушиваться к тому, что говорят мужчины. Возможно, что ошибаемся именно мы!

«Женская лига» была создана в этом городе недавно, благодаря стараниям Малти. Все образованные женщины являлись ее членами. Первая лекция Мэхты вызвала среди них большое волнение. Лига решила нанести ему сокрушительный удар и поручила сделать это Малти. Несколько дней Малти подбирала материал для своей речи. Кроме нее, готовили доклады еще несколько женщин.

В тот день, когда Мэхта пришел в помещение лиги читать лекцию, в зале яблоку негде было упасть. Мэхта был польщен — столько людей собралось послушать его! Живой интерес читался на лицах присутствующих. Все женщины, сидевшие в зале, были разодеты в шелковые сари, надели золотые украшения, словно собрались на праздник. Сделано было все для того, чтобы разбить Мэхту. Кто же не знает, что блеск является признаком силы?

Малти для этого дня приобрела великолепное сари, заказала себе жакет нового покроя и выглядела такой нарядной, словно сегодня была ее свадьба. В помещении лиги никогда еще не собиралось столь блестящее общество. Доктор Мэхта был здесь одинок, но женщины трепетали. Ведь одна искра правды может превратить в пепел гору лжи!

В самом заднем ряду сидели Мирза Хуршед, Кханна и господин редактор. Раз-сахиб появился уже после того, как началась лекция, и остался стоять позади.

— Проходите вперед и садитесь,— сказал ему Мирза.— Не собираетесь же вы простоять всю лекцию?

— Нет, брат! — отвечал ему раэ-сахиб.— Я там задохнусь.

— Тогда садитесь на мое место, а я постою.

Раэ-сахиб, положив руку на плечо Мирзы, усадил его обратно.

— Не беспокойтесь, сидите. Если я устану, то подниму вас и сяду. Глядите-ка! Мисс Малти — председатель собрания! Господин Кханна, с вас за это причитается!

Кханна с печальной миной ответил:

— Она теперь благоволит к мистеру Мэхте. А я уже больше не котируюсь.

Мэхта начал говорить:

— Богини! Когда я обращаюсь к вам таким образом, это не кажется вам неожиданным и не режет ваш слух. Вы считаете, что этот титул принадлежит вам по праву. Но слышали вы когда-нибудь, чтобы какая-нибудь женщина называла богом мужчину? Если вы назовете мужчину богом, то он подумает, что вы над ним издеваетесь. У вас есть что принести в дар мужчине — милосердие, преданность и готовность к самоотверженному служению. А что может дать взамен мужчина? Он не бог, а тиран. Ради своих прав он все время совершает убийства, ведет войны и является причиной бесчисленных общественных потрясений.

Раздались аплодисменты.

— Ловко же он сумел польстить женщинам! — заметил раэ-сахиб.

Слова его пришли не по вкусу редактору газеты «Биджли».

— Ничего нового! — возразил он.— Я сам говорил это уже не раз!

— И поэтому,— продолжал Мэхта,— когда я вижу, как наши просвещенные богини, не довольствуясь жизнью, исполненной праведности и самоотречения, стремятся к жизни, где царит борьба, возмущение и насилие, и считают, что именно так они обретут счастье, то я не могу им сочувствовать.

Госпожа Кханна бросила на Малти взгляд, полный гордого превосходства, и та опустила голову.

— Знаете, а Мэхта отважный человек! — заметил Мирза Хуршед.— Он говорит правду прямо в глаза!

Редактор скорчил пренебрежительную гримасу:

— Прошли те времена, когда женщины попадались на эту удочку! Это прежде можно было лишать их всех прав и утешать тем, что вы, мол, богини, Лакшми, начало всего живого!

Между тем Мэхта продолжал:

— При виде женщины, которая, уподобившись мужчине, занимается мужскими делами, я испытываю ту же боль, как и при виде мужчины, который, уподобившись женщине, занимается женскими делами. Я уверен, что вы не считаете таких мужчин достойными вашей любви и уважения. И я уверяю вас, что подобные женщины в свою очередь не могут рассчитывать на любовь и преданность мужчин!

На лице Кханны играла довольная улыбка.

— Я вижу, вы очень довольны, Кханна джи! — сказал ему раз-сахиб.

— Когда мы встретимся с Малти, я спрошу ее, что она может возразить на это! — ответил Кханна.

— Я считаю, что в развитии человечества, — продолжал Мэхта, — женщина сыграла более положительную роль, чем мужчина, ибо любовь, преданность и самоотречение лучше, чем насилие, войны и распри. Если наши богини, покинув светлый храм материнства и воспитания детей, выйдут на кровавое поле насилия и войн, то общество от этого ничего не выиграет. Я в этом твердо убежден. Мужчина — раб в дьявольской гордости своей никчемной славы. Отняв права у своего брата и пролив его кровь, он считает, что им одержана великая победа. Он считает себя героем, уничтожая с помощью бомб, пулеметов и танков тех самых детей, которых в кровавых муках родили и выпестовали женщины. И когда матери наши, нарисовав на лбу своих детей шафрановые тика¹ и облачив этих детей в кольчуги из своих молитв, сами посылают их на поле брани, то можно ли удивляться после этого, что мужчина стал рассматривать кровопролитие как богоугодное дело и его кровожадные вожеления стали расти с каждым днем! И вот теперь мы

¹ Тика — небольшой круглый значок, который ставится на лбу между бровей либо краской, либо разными мазями. Нанесение тики является у индусов торжественным актом, сопровождающим значительные события в жизни человека. В последнее время тика почти потеряла это значение и стала простым украшением.

видим, как война, этот дьявол, набравшись сил, разрушает весь мир, губит человеческие души, сжигает цветущие нивы и беспрепятственно опустошает многолюдные селения. Богини! Я спрашиваю вас, разве вы принесете благо человечеству, если и вы тоже будете содействовать этому богопротивному делу и тоже выступите на поле брани? Я молю вас, предоставьте разрушителям заниматься своим делом, а сами обратите взоры на более благородные занятия!

— Малти даже головы поднять не смеет! — заметил Кханна.

— Да, Мэхта правильно говорит! — поддержал оратора раз-сахиб.

— Но он не сказал ничего нового, — сердито возразил редактор «Биджли». — Противники женского движения всегда прибегают к таким словесным выкрутасам. Я совершенно не согласен с тем, что любовь и самоотверженность послужили причиной развития и прогресса человеческого общества. Общество прогрессирует и развивается благодаря мужеству, труду, уму и вдохновению!..

— Вы что, слушать пришли или решили сами доклад делать? — спросил его Мирза. — Дайте другим послушать!

— Богини! — продолжал Мэхта. — Я не принадлежу к числу людей, которые утверждают, что мужчины и женщины обладают одинаковой силой, желаниями и способностями и что между ними нет никаких различий! Нельзя даже придумать более вопиющей лжи! Эта ложь, как черное облако, норовит закрыть солнце, стремится опочить все то, что накоплено в течение многих поколений. Я хочу предупредить вас — не верьте этой лжи! Женщина настолько же выше мужчины, насколько свет выше тьмы. Всепрощение, милосердие, самоотверженность и ахимса — вот те высшие идеалы, к которым должен стремиться каждый человек. Но женщины давно уже успели достичь этих идеалов. Мужчины много веков селятся к ним приблизиться, призывая на помощь религию, идеи и всевозможных мудрецов, но до сих пор эти попытки не увенчались успехом. Я утверждаю, что одна только присущая женщинам готовность к жертве, положенная на чашу весов, перетянет все лучшие духовные качества мужчин!

Раздались аплодисменты, весь зал пришел в движение.

— Мэхта говорит то, что у него на душе! — довольно улыбаясь, сказал раэ-сахиб.

— Но все эти истины стары, как мир! От них попадает гнилью! — возразил Онкар Натх.

— Старые истины становятся новыми, когда о них говорят с убеждением и верой!

— От того, кто получает тысячу рупий в месяц и пускает их на разврат и удовольствия, трудно ожидать искренних убеждений и веры. Все это — болтовня для улады женщин, находящихся в плену старых убеждений. И для таких же мужчин.

— Почему она выглядит такой довольной? — указывая на Малти, удивленно спросил Кханна. — Сейчас ей бы следовало стыдиться и краснеть больше других!

— Ей-богу, прочитайте-ка такую же лекцию и вы! — поддел его Мирза. — Иначе Мэхта окончательно вас забьет. Он уже выиграл половину сражения!

— Обо мне не беспокойтесь, — слегка смутился Кханна. — Не одну такую птицу я ловил уже в свои сети, а потом выпускал, когда хотел.

— В последнее время вы стали часто навещать «Женскую лигу», — сказал раэ-сахиб, подмигнув Мирзе Хуршеду. — Скажите честно, сколько вы пожертвовали в ее фонд?

— Я не привык давать деньги организациям, которые лицемерно болтают о добродетели, а на деле всюду сеют одни пороки и разврат.

— Мужчина заявляет, — продолжал свою речь Мэхта, — что сколько ни было великих людей в философии и науке — все они мужчины, что сколько ни было до сих пор великих борцов за веру — все они мужчины. Все герои, все выдающиеся деятели, все великие мореплаватели и вообще все великие люди — мужчины! Но что же создало этих великих людей? Что дали миру все великие святые и основатели новых религий, кроме того, что ими были пролиты реки крови и раздута пламя взаимной ненависти? Какие памятники оставили после себя герои, кроме мрачных воспоминаний о том, как рубили головы своим братьям? Следы деятельности политических вождей сохранились лишь в виде развалин государств, стертых с лица земли. А какую проблему удалось решить всем изобретателям? Они не сделали ничего, кроме того, что умудрились превратить человека в раба машины. Где

мир, где идея терпимости и сотрудничества в цивилизации, созданной мужчинами?

Онкар Натх, встав с места, повернулся было к выходу.

— Право, бросает в жар, когда слышишь эти громкие и пустые фразы! — проворчал он.

Однако Мирза, поймав редактора за руку, снова усадил его.

— Вы были глупцом и остались глупцом, уважаемый господин редактор! Ведь это же в порядке вещей! Придет кому-нибудь в голову какая-нибудь идея, и он говорит. Другие слушают его и реагируют каждый по-своему. Одни кричат: «Кончай!» Другие: «Продолжай!» Пускай что хочет говорит! Бесчисленное количество таких Мэхта поболтают и уйдут, а мир попрежнему будет идти своей дорогой! Так зачем же злиться?

— Я просто выхожу из себя, когда слышу ложь!

— Кто не возмутится, видя, как публичная девка начинает вдруг корчить из себя порядочную! — вставил разсахиб, подзадоривая пылко редактора.

Онкар Натх снова уселся на свое место.

— Я вас спрашиваю, — неслось с трибуны, — разве станет лебедь прекрасней, если, увидав сокола, охотящегося за дичью, он покинет мирные воды Манасаровары¹ и тоже последует его примеру? Разве благословите вы такого лебедя, разве пожелаете вы ему удачи, если и он вдруг займется охотой? У лебедя нет ни острого клюва, ни острых когтей, ни таких зорких глаз, ни таких быстрых крыльев, ни такой жажды крови, как у сокола. Понадобятся века, пока он приобретет, наконец, все эти атрибуты убийства. И тем не менее — еще неизвестно, сможет ли он стать соколом. Однако, независимо от того, станет он соколом или нет, он уже не будет прежним прекрасным лебедем!

— Ну, такие доводы лучше бы он оставил поэтам! — заметил Хуршед. — Ведь самка сокола охотится точно так же, как самец!

— Вот видите! Вы тоже становитесь философом! — восхитился Онкар Натх. — И как раз благодаря этим самым доводам!

¹ Манасаровара — озеро в Гималаях, славящееся своей красотой.

Кханна тоже решил излить свою злобу.

— Он не философ, а хвост от философа, этот Мэхта! Философом можно назвать только того, кто...

— ...Кто ни на йоту не отступает от истины! — закончил начатую им фразу Онкар Натх.

— Я не знаю, что такое истина и что такое ложь, — поморщился Кханна. — Я называю философом того, кто является истинным философом.

— Какое полное определение термина «философ»? — отдал должное глубокомыслию Кханны Мирза Хуршед. — Всемогуший аллах! Философ тот, кто является истинным философом! Ну, конечно же!

— Я не говорю, — продолжал Мэхта, — что женщинам не нужны знания! Наоборот! Они им нужны в большей степени, чем мужчинам. Я не говорю также, что женщинам не нужна сила. Наоборот, они нуждаются в ней больше, чем мужчины. Но им нужны не те знания и не та сила, с помощью которых мужчина превратил мир в поле битв. Если и вы тоже овладеете такими знаниями и такой силой, мир превратится в пустыню. Ваши знания и силу вы должны посвятить рождению детей и их воспитанию, а не насилию и разрушению. Неужели вы думаете, что путем голосования можно получить свободу или что можно обрести спасение, работая языком и пером в судах и конторах? Ради этих фиктивных, искусственных и развращающих прав вы хотите оставить те права, которыми вас одарила природа?

До сих пор Сародж из уважения к старшей сестре сидела спокойно. Но тут она не выдержала и крикнула:

— Мы требуем права голосования наравне с мужчинами!

— Мы требуем права голоса! Мы требуем предоставить нам право голоса! — принялись скандировать еще несколько молодых женщин.

Онкар Натх, вскочив со своего места, громко крикнул:

— Позор противникам свободы женщин!

Малти, постучав по столу, сказала:

— Прошу тишины! Желающим выступить в поддержку женщин или против будет дана возможность высказаться!

— Голосование, — продолжал Мэхта, — это хитроумная ловушка для простаков, изобретение нашего века, обман и надувательство. Вы ничего не получите, если

попадется в нее. Кто смеет утверждать, что сфера, в которой вы и так можете действовать, ограничена и что у вас нет возможности проявить себя в ее пределах? Мы прежде всего — люди, а потом уже — все остальное. Наша жизнь — это наш дом. В этом доме мы рождаемся и воспитываемся. В этом доме мы работаем и творим. И если вы скажете, что сфера эта ограничена, то что же тогда не ограничено? Неужели та сфера, где царит мужчина с его культом силы? Так почему же вы собираетесь оставить те светлые цехи, в которых создается человек и куется его счастье, и пойти в мрачные мастерские, где человек размалывается и где из него выкачивают кровь?

— Как раз мужской гнет и вдохнул в женщин теперешний бунтарский дух,— вставил Мирза.

— Совершенно верно! Мужчины поступили с женщинами несправедливо. Но из этого отнюдь не следует, что женщины должны им подражать. Пусть женщины уничтожат несправедливость, но не уничтожают самих себя!

— Женщины добиваются эмансипации для того,— сказала Малти,— чтобы, пользуясь ею, удерживать мужчин от злоупотребления силой!

— В человеческом обществе самые великие права достигаются путем служения добру и готовности к жертве, и вы уже обладаете этими правами. Перед этими великими правами право голосования — ничто. Мне жаль, что наши женщины берут пример с Запада, где женщина уже успела потерять свое достоинство, перестала быть хозяйкой положения и сделалась предметом торга и любовных вожделений. Женщина Запада хочет быть свободной для того, чтобы быть совершенно свободной в любви. Однако это никогда не являлось идеалом матерей. Они всегда пользовались правами, которые давала им их готовность служить ближнему. Берите у Запада все, что там есть хорошего. Обмен культурными ценностями должен происходить всегда, но слепое копирование является признаком ограниченности. Женщина Запада больше не является опорой семьи. Безудержная тяга к удовольствиям и наслаждениям освободила ее от всего, в том числе и от этой почетной роли. Свою скромность и достоинство, которые были ее самым большим капиталом, она принесла в жертву распущенности и увеселениям. Когда я вижу, как образованные девушки Запада выставляют напоказ свою фигуру, свои плечи или грудь,

мне становится жаль их. Вожделение настолько завладело ими, что они уже не в состоянии даже защищать свое целомудрие. Я вас спрашиваю, может ли женщина пасть еще ниже?

Раэ-сахиб захлопал в ладоши. В зале загремели аплодисменты, словно сразу взорвались сотни хлопушек.

— Ну-с, что вы можете ему возразить? — обратился Мирза-сахиб к редактору.

— Во всей его речи это, пожалуй, единственная неоспоримая истина, — беззаботно ответил редактор.

— Тогда придется и вас записать в число последователей Мэхты!

— Ничего подобного! Наш брат, редактор, никогда не был ни чьим последователем. Я дам достойный ответ всей этой болтовне Мэхты. Вы найдете его в «Биджли».

— Значит, вам нет никакого дела до борьбы за права? Вы хотите бороться только за самого себя?

— И еще с гордостью заявляете, что вы поборник справедливости! — укоризненно сказал раэ-сахиб.

Господин редактор остался непреклонным.

— Задача, стоящая перед защитником, — опекать своего подзащитного, а не анализировать, что правда, а что ложь!

— Тогда скажите прямо, что вы защитник женщин.

— Я защитник всех, кто слаб, беспомощен и угнетен.

— И это, — продолжал Мэхта, — результат козней, которые стремятся низвергнуть женщин с недостижимых высот и приравнять их к себе, приравнять к мужчинам, которые трусливы и неспособны взять на себя всю ответственность за брачную жизнь, которые, руководствуясь чисто эгоистическими побуждениями, словно породистые быки, норовят сунуть свои морды в чужие колосающиеся поля для удовлетворения своих низменных желаний. На Западе эти козни мужчин увенчались успехом, и женщины превратились там в легкомысленных порхающих мотыльков. Мне стыдно сказать, что в Индии, оплоте самоотречения и благочестия, постепенно происходит то же самое. С особенно большой быстротой эта зараза распространяется сейчас среди наших образованных сестер. В результате наши женщины забывают о долге перед семьей и тоже превращаются в каких-то мотыльков.

— Мы ничем не хуже мужчин! — запальчиво крикнула Сародж. — Если мужчины вольны в своих поступ-

ках, ничто не должно связывать и женщин. Девушки больше не согласны смотреть на замужество как на торговую сделку. Они будут теперь выходить замуж только по любви!

Раздались аплодисменты. Особенно громко аплодировали этой реплике в первых рядах, где сидели одни женщины.

— То, что вы называете любовью,— ответил Мэхта,— в действительности обман, искаженное отражение вспыхнувшего чувства, точь-в-точь как аскетизм есть лишь искаженная религией форма попрошайничества. Если в брачной жизни мало любви, то в свободной любви ее нет совсем. Истинное счастье, истинный покой можно найти лишь в исполнении долга, в творении добра. В них как раз и заключен источник высших прав, источник вашей силы. Исполнение своего долга, служение ближнему — вот тот цемент, который навеки соединяет мужа и жену. Никакие удары и невзгоды не в состоянии его разрушить. А там, где нет чувства долга, готовности служения, там разводы и взаимное недоверие. И во многом здесь виноваты вы, женщины, потому что вы берете на себя роль кормчего ладьи мужской жизни. Вполне возможно, что вам даже удастся пробиться сквозь шторм и ураганы к тому берегу. Но стоит вам оплошать, и ладья пойдет ко дну, а вместе с ней погибнете и вы.

Мэхта закончил лекцию. Положения, выдвинутые им, вызвали споры, и несколько женщин попросили слова. Однако было уже поздно, и Малти, поблагодарив Мэхту, закрыла собрание. Было объявлено, что в следующее воскресенье несколько женщин выскажут свои мнения по этому вопросу.

— Мне казалось, что вы излагаете мои собственные мысли, мистер Мэхта! — поздравил оратора раз-сахиб. — Я согласен с каждым вашим словом!

— Почему бы вам не согласиться? Мужчина всегда поддержит мужчину! — рассмеялась Малти. — Но все-таки почему все эти инструкции и увещевания сыплются на головы одних бедных женщин, почему на них одних возлагается обязанность стремиться к идеалу, почему только от них требуют жертв?

— А потому, что они лучше понимают, для чего это нужно,— ответил Мэхта.

Кханна посмотрел на Малти с таким выражением, словно только он сумел уловить мысли, теснившиеся в ее сердце.

— Все доводы, изложенные здесь доктором-сахибом, известны уже около сотни лет,— сказал он.

— Какие доводы? — сердито спросила Малти.

— Да эти самые: о служении ближнему, о долге и так далее.

— Если эти мысли кажутся вам столетней давностью, изложите нам свои новые мысли! В чем, по-вашему, истинное счастье мужчины и женщины? У вас есть какой-нибудь новый рецепт?

Кханна попал в неловкое положение. Сказал он это для того, чтобы доставить удовольствие Малти, а она рассердилась на него.

— Этот рецепт, должно быть, известен Мэхте-сахибу,— ответил он.

— Если вы думаете, что мыслям, о которых говорил доктор-сахиб, уже за сто лет, то в таком случае новый рецепт придется дать вам! Разве вам не известно, что в мире существует немало идей, которые никогда не стареют? Общество постоянно выдвигало и будет всегда выдвигать эти проблемы.

Миссис Кханна вышла на веранду здания. Мэхта тотчас же подошел к ней, поклонился и спросил:

— Что вы скажете о моей лекции?

Миссис Кханна, потупившись, ответила:

— Хорошая была лекция, очень хорошая! Однако сами вы до сих пор ходите неженатым, поэтому и думаете, что женщины — богини, неземные существа высшего порядка. Сначала женитесь, тогда я и спрошу вас, что вы думаете о женщинах. А жениться вам придется, потому что вы сами называли трусами мужчин, избегающих женитьбы.

— Да я уже и так собираюсь! — засмеялся Мэхта.

— Малти была бы вам идеальной парой.

— Только в том случае, если бы она в течение некоторого времени посидела у ваших ног и поучилась у вас тому, что надо знать жене.

— Вы говорите то же, что и всякий эгоист! А сами вы знаете о долге и обязанностях супруга?

— Я как раз думаю, у кого бы мне поучиться.

— Господин Кханна может отлично вас обучить!

— Ну, нет! — расхохотался Мэхта. — Уж лучше я поучусь этому у вас!

— Ну что ж, пожалуйста, поучитесь у меня! В таком случае, забудьте о том, что женщина высшее существо и что ответственность за все лежит на ней. Мужчина во всем превосходит женщину, и на нем лежат все заботы о семье. Именно от него зависит, какие качества разовьются в женщине — себялюбие или чувство долга. Если этих качеств нет у него самого, их не будет и у женщины. А причиной возмущения женщин в наше время является то, что мужчины не обладают этими необходимыми качествами.

— Поздравляю! — сказал Мирза-сахиб, заключая Мэхту в объятия.

— Вам понравилась моя речь? — вопросительно посмотрел на него Мэхта.

— Какой бы ни была ваша речь, но успех был огромный! Вы-таки убедили в своей правоте вашу пэри. Право, благословляйте свою судьбу, что та, которая до сих пор ни на кого не обращала внимания, теперь всюду хвалит вас!

— Сначала бы протрезвился, а потом вступал в разговор! — тихонько пробормотала миссис Кханна.

— Кто это пойдет за меня, за такого книжного червя? — беззаботно воскликнул Мэхта, обращаясь к миссис Кханна. — Я ведь законченный идеалист!

Госпожа Кханна, увидев, что муж ее идет к автомобилю, пошла вслед за ним. Мирза тоже простился. Мэхта взял свою трость и хотел уже выйти на улицу, когда Малти поймала его за рукав.

— Пожалуйста, не уходите! — попросила она. — Поедьте к нам! Я хочу познакомить вас с папá, и, кроме того, вы у нас пообедаете.

— Нет, нет, бога ради увольте! Ваша Сародж живо съест меня! Я смертельно боюсь таких девушек!

— Не бойтесь! Она и рта не раскроет, клянусь вам!

— Ну, хорошо, вы поезжайте, а я заеду чуть позже!

— О, нет, так тоже не выйдет! На моей машине уехала Сародж. Мы поедем к нам вместе.

Они сели в автомобиль Мэхты, и машина тронулась. После минутного молчания Мэхта заговорил:

— Я слышал, что Кханна избивает свою жену. С тех пор я его не переносу. Я не могу считать человеком

мужа, который так безжалостен к своей жене. Вы женщина, и вы благоволите к нему. Пробовали вы когда-нибудь пристыдить его?

— Вы забываете, что звук хлопка рождается всегда оттого, что встречаются в ударе две ладони! — недовольно ответила Малти.

— Право, не могу себе представить, как это муж может избивать свою жену!

— Даже если известно, что у нее ядовитый язык?

— Да, даже тогда!

— В таком случае, вы человек особого сорта!

— Что ж, по-вашему, если мужчина зол на язык, его следует избивать без пощады?

— Мужчина не обладает милосердием и добротой женщин! Ведь вы же сами это признали сегодня!

— Значит, женщины страдают из-за своих недостатков. Но мне кажется, что вы, благоволя к Кханне, только подстрекаете его. Он вас уважает так, что для вас не составило бы большого труда направить его на путь истинный. А вы оправдываете его и тем самым становитесь соучастницей преступления.

Малти обиделась.

— Вы совершенно напрасно меня обвиняете! Я вовсе не собираюсь чернить кого-либо, но вы до сих пор не раскусили еще Говинди. Любуетесь, наверно, на ее бесхитростное личико и думаете: вот истинная богиня! А я бы не стала ее так возвеличивать! Сколько раз она пыталась уже меня оклеветать, сколько раз нападала на меня! Если я расскажу вам, вы будете поражены, и тогда вам придется признать, что с такими женщинами именно так и нужно обращаться!

— Но скажите, почему она вас так упорно ненавидит? Наверно, есть причина?

— Спросите об этом у нее. Откуда я могу знать, что творится в ее душе?

— Почему у вас сложились такие отношения, можно понять и не спрашивая. Если бы какой-либо мужчина встал между мной и моей женой, я бы его застрелил или сам застрелился. Если же какая-нибудь женщина встала бы между мной и моею женой, то моя жена имела бы право поступать точно так же. Здесь я ничего не могу поделать. Это не поддающееся научному анализу чувство мы получили в наследство от наших диких предков.

В наше время некоторые считают такое поведение некультурным и антиобщественным. Пусть! Сам я до сих пор не мог подавить в себе этого чувства, да и не хочу подавлять. Здесь я уже не считаюсь с кодексами и законами. В моем собственном доме — мои законы!

— Но почему вы решили, — резко спросила Малти, — что я, говоря вашими словами, собираюсь встать между Кханной и Говинди? Для меня просто оскорбительно подобное предположение. Я презираю Кханну.

— Вы говорите неправду, мисс Малти! — недоверчиво протянул Мэхта. — Что же вы полагаете, что весь мир населен дураками? Если так думают все, если так думает госпожа Кханна, то я не могу обвинить их во лжи.

— Людям доставляет удовольствие чернить других, — гневно проговорила Малти. — Такова природа людей. Разве я могу их переделать? Но это обвинение взвалили на меня незаслуженно. Да, конечно, я не настолько бесцеремонна, чтобы прогнать его, когда он заходит ко мне. У меня такая работа, что мне приходится принимать всех, кто ко мне приходит. Но если кто-нибудь делает из этого какие-то выводы, то он... он...

В голосе Малти послышались слезы. Отвернувшись, она вытерла глаза носовым платочком, затем, помолчав немного, продолжала:

— Вы, как и все остальные, тоже... стараетесь причинить мне страдание... Я не думала, что вы способны на это!

Но тут Малти, видимо, раскаялась в своей минутной слабости.

— Вы не смеее ни в чем меня обвинять! — резко сказала она. — Если вы тоже принадлежите к числу тех, кто, увидев где-нибудь женщину с мужчиной, показывают на них пальцем, то, пожалуйста, — я вам не запрещаю! Мне тогда до вас дела нет! Но я хочу вас предупредить. Если какой-либо женщине удастся приблизиться к вам, если она будет считать вас своим божеством, если она станет советоваться с вами по любому даже самому пустяковому поводу, если она будет ловить каждое ваше желание и по одному вашему знаку будет готова кинуться в пламя, — не пренебрегайте ею! Если вы оттолкнете ее от себя, — вы не человек! Вы можете тогда приводить в доказательство своей правоты сколько угодно аргументов — я с вами не соглашусь! Я могу

сказать вам только одно: если вы не оттолкнете ее, то пройдет совсем немного времени, как вы ее полюбите и она станет вашей женой! Я умоляю вас — никогда не упоминайте при мне имени Кханны!

Мэхта решил воспользоваться этим взрывом чувств.

— Согласен, но при условии, что я больше никогда не увижу вас вместе с Кханной!

— Я не могу нарушить общепринятых норм вежливости. Если он придет ко мне, я не выгоню его из дому.

— Скажите ему, чтобы он относился к своей супруге более гуманно и более благородно.

— Я считаю, что не имею права вмешиваться в личные дела посторонних людей.

— Как же вы тогда заставите замолчать сплетников?

Машина подкатила к бунгалу Малти и остановилась. Малти вышла из нее и, не подав Мэхте руки на прощание, ушла. Она даже забыла о том, что приглашала его к обеду. Ей хотелось сейчас забиться куда-нибудь в угол и вдоволь наплакаться. Говинди и раньше причиняла ей немало неприятностей, но сегодняшний удар был особенно тяжел и поразил ее прямо в сердце.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Когда раз-сахиб узнал о том, что старейшины деревенского панчаята наложили на Хори штраф, он немедленно призвал Нокхэ Рама к ответу. Как он смел ничего не сообщить ему об этом?! При его дворе больше нет места такому жулику, такому неблагодарному человеку!

Ругательства раз-сахиба задели Нокхе Рама за живое. Разгорячившись, он ответил:

— Не я один там был! Все деревенские старейшины так решили. Что я один мог сделать?

Раз-сахиб метнул острый, словно копье, взгляд на брюхо Нокхэ Рама.

— Не мели ерунду, почтенный! Мог бы сказать, что пока обо всем не будет доложено саркару, старейшины панчаята не имеют права штрафовать Хори. Кто они такие, эти старейшины? Кто им разрешил вмешиваться в мои дела с крестьянами? Штрафы — это мой доход! Весь собранный налог пошел в государственную казну. Недоимки арендаторы не платят! Что же мне делать?

Что мне есть? Твою башку, что ли? Откуда мне еще взять деньги на все мои ежегодные сотысячные расходы? Очень жаль, что мне приходится говорить подобные вещи тебе: ведь не только ты, но и отец твой служил у меня управляющим! Сколько же рупий вы отняли у Хори?

— Восемьдесят,— пробормотал в смущении Нокхэ Рам.

— Наличными?

— Откуда у него наличные, саркар? Часть штрафа зерном отдал, часть уплатил тем, что свой дом заложил.

Забыв о своей выгоде, раз-сахиб взял сторону Хори:

— Что же это получается? Твоя милость и этот ваш святоша и лицемер пандит разорили исправного, старательного арендатора? Я спрашиваю, кто дал вам право, ничего не сказав мне, штрафовать моего арендатора в моих владениях? Да если я захочу, я всех вас упеку за это в тюрьму лет на семь каждого — и тебя, и эту продувную бестию — патвари, и этого пройдоху пандита! Ты, должно быть, решил, что в этих краях ты царь и бог? Приказываю: сегодня же к вечеру доставить мне все деньги, что вы забрали у Хори, иначе дело это добром не кончится! Я вас всех по очереди в порошок сотру! Ступай! Да, вот еще что: пришли ко мне Хори и его сына.

— Сын его убежал из деревни,— глухо ответил Нокхэ Рам.— Убежал в ту самую ночь, когда произошла вся эта история.

— Перестань врать! — гневно прикрикнул на него раз-сахиб.— Ты же отлично знаешь, что меня просто корбит, когда я слышу такую ложь! До нынешнего дня мне ни разу не приходилось слышать, чтобы какой-нибудь молодой парень сманил любимую девушку из ее дома, а потом бросил ее и сбежал. Уж если он собирался бежать, так на что ему нужна была эта девушка? Не сомневаюсь, что ты и тут тоже совершил какое-нибудь беззаконие. Если даже ты окунешься в воды священного Ганга и станешь каяться в своей непричастности к этому делу, все равно не поверю! Должно быть, вы затравили его, оберегая любезные вашему сердцу кастовые обычаи. Что же еще оставалось делать бедняге, как не бежать?

Нокхэ Рам не стал перечить раз-сахибу. Что бы ни сказал хозяин — он всегда прав. Не посмел он также посоветовать ему: «Ступай узнай сам, где правда, а где ложь!» Гнев сильных мира сего принуждает к полнейшей покорности и смирению и не терпит противоречий!

Узнав о решении раз-сахиба, члены деревенского панчаята мигом отрезвели. Зерно как было, так и оставалось лежать нетронутым, но деньги уже успели куда-то исчезнуть. Дом Хори был назначен на продажу, да только кому он может понадобиться? Женщина-индуска при жизни мужа — полноправная хозяйка дома, а умри муж — она становится ничем. Точно так же и этот дом: для Хори он стоит добрую сотню тысяч рупий, но велика ли на самом деле его ценность?

А раз-сахиб привязался: требует денег и слышать ни о чем не хочет. Не иначе, как Хори в этом виноват! Нажаловался, должно быть, раз-сахибу!

Больше всех перепугался Лала Патешвари. Ведь он в первую голову мог потерять свою выгодную должность! Все четверо старейшин долго ломали головы над тем, как им вывернуться из этой беды, однако ничего не могли придумать и только сваливали вину один на другого. Наконец, они перессорились и переругались окончательно.

— Я ведь вам говорил: в этом деле с Хори нам надо быть поосторожней! — сокрушался Лала Патешвари, покачивая лысой головой на длинной шее. — Когда стряслась эта беда с коровой, всем нам пришлось штраф заплатить! А на этот раз мы не только от штрафа не спасемся, а еще вдобавок и службу потеряем! Позарились на чужие деньги, вот и выкладывайте теперь каждый по двадцать рупий. Да не мешкайте! Напишет, пожалуй, раз-сахиб донесение, тогда все за решеткой окажемся!

Дата Дин с истинно брахманским величием проговорил:

— У меня сейчас не то что двадцати рупий — двадцати пайс и тех нет. Брахманам еду раздавал — раз; хом¹ устраивал — два; мало я денег на все это потратил? У раз-сахиба хватает еще смелости мне тюрьмой

¹ Хом — индуистский обряд, во время которого индуисты зажигают костер, читают молитвы и бросают в огонь «гхи» — топленое масло.

угрожать? Да я, как великий бог Брахма¹, разорю его и по миру пушу! Ему, видно, не приходилось еще иметь дела с брахманом!

Примерно то же самое сказал Джингури Сингх: Вах! Раэ-сахибу он не слуга! Хори он не ударил, не избил, ни к чему его не принуждал. Хори желал искупить свои грехи, и он предоставил ему эту возможность. Никто не вправе чинить ему неприятности из-за этого человека!

Но Нокхэ Раму было не так-то легко выкрутиться. Сколько лет уже был он здесь безраздельным владыкой! Жалование ему было положено небольшое — каких-нибудь десять рупий в месяц, — но в действительности он имел в год поболее тысячи. Он распоряжался судьбами сотен людей, к услугам его было целых четыре надсмотрщика, несколько крестьян безвозмездно выполняли все работы у него на полях и в доме, он сажал людей на всякие должности, вплоть до тханедаров². Где еще мог он найти такое теплое местечко? А Патешвари, так тот только благодаря своей службе у заминдара и сделался ростовщиком. Куда ему было идти?

Дня два-три Лала Патешвари ломал голову, раздумывая, как бы ему выпутаться из беды. И, наконец, придумал. Время от времени в суде ему попадалась на глаза газета «Биджли». А что, если взять да и послать редактору этой газеты анонимное письмо? Надо рассказать, как раэ-сахиб душит своих арендаторов штрафами! Как бы не пришлось тогда раэ-сахибу самому совать взятку редактору, вместо того чтобы отнимать деньги у них! Нокхэ Рам одобрил его план. Сообща они кое-как нацарапали анонимку и послали ее заказным письмом.

А редактору Онкар Натху именно такие письма и были нужны. Прочитав его, он сейчас же известил раэ-сахиба, что им получено известие, которому он лично не склонен верить. Однако автор письма приводит в доказательство такие факты, которые просто так не отвергнешь. Правда ли, что раэ-сахиб наложил на одного из подвластных ему арендаторов штраф в восемьдесят ру-

¹ Б р а х м а — в индийской мифологии бог-созидатель, в индуизме почитается верховным божеством.

² Т х а н е д а р — мелкий полицейский чин, начальник полицейского участка в деревне.

пий только за то, что его сын ввел в дом отца вдову? Долг редактора повелевает ему самолично расследовать это происшествие и сообщение об этом опубликовать во имя блага народа. Он готов поместить на страницах своей газеты также и все то, что пожелает сказать по этому поводу раз-сахиб. Редактор-сахиб всей душой надеется, что полученное им сообщение окажется вымыслом от начала до конца, однако, если в письме есть хоть доля правды, он вынужден будет его опубликовать. Дружеские чувства не могут помешать редактору исполнить свой долг.

Получив сообщение редактора, раз-сахиб от злости стукнул себя по голове кулаком. Первым его побуждением было отправиться в редакцию к Онкар Натху и всыпать ему плетей пятьдесят. Изволь тогда, печатай вместе с этим письмом объявление о своем позоре! Однако, поразмыслив и сообразив, что дело это может обернуться худо, он поспешил к редактору уже с другими намерениями. Если он опоздает и Онкар Натх предаст гласности всю эту историю,— думал раз-сахиб,— его добрая репутация будет основательно подмочена!

Между тем Онкар Натх возвратился с прогулки и теперь обдумывал передовую статью для своей газеты. Однако он никак не мог сосредоточиться. Бессильная злоба мешала ему думать. Ночью жена швырнула ему в лицо такие слова, что они и сейчас кололи его, словно иглы! Назови она его нищим, неудачником, глупцом — он бы ничуть на это не обиделся. Но сказать, что в сердце у него нет мужества!.. Этого он вынести не мог. А потом — имеет ли жена право говорить мужу подобные вещи? Она должна сама заткнуть рот всякому, кто осмелится вымолвить такие слова! Конечно, он не будет печатать всякие сообщения и статьи, из-за которых ему же самому после nepоздоровится! Прежде чем сделать хоть один шаг, ему приходится все обдумывать и взвешивать. Может ли он поступать иначе теперь, когда законы так строги? Нет, он не станет ворошить змеиные гнезда! Он не хочет, чтобы его домашним пришлось из-за этого испытывать всяческие невзгоды! И вот награда за его заботы! Какая несправедливость! У него, видите ли, нет денег на то, чтобы купить своей жене бенаресское сари! Мол, жена доктора Сетха, жена профессора Бхатии и

кто знает, чьи еще жены, наряжаются в бенаресские сари, а она... Но ведь разве за ними угонишься? И разве жена его в своем сари из кхадара — этой домотканины, не заставляет краснеть обладательниц бенаресских сари? Что касается его самого, то у него есть обыкновение, отправляясь на свидание с какой-нибудь важной персоной, надевать самые грубые одежды. И он всегда готов дать самый решительный отпор всякому, кто бы вдруг осмелился посмеяться над ним! Почему же его жена не держится с таким же достоинством? Почему ее гложет зависть при виде того, как наряжаются другие? Она должна помнить, что она жена патриота! А какой у патриота капитал, кроме его патриотизма?

Некоторое время Онкар Натх раздумывал над сегодняшней передовицей, которую он решил посвятить патриотизму, но потом мысли его перескочили на эту историю с раз-сахибом. Интересно, как будет реагировать раз-сахиб на его письмо? Если он сможет оправдаться, что же — очень хорошо! Но если он надеется оказать на него давление, запугать или, воспользовавшись его благородством, заставить отказаться от выполнения своего долга, — значит, он плохо знает Онкар Натха! Ведь только такие истории и дают ему возможность поквитаться со всеми этими легальными грабителями за свое вынужденное подвижничество! Если он не будет при случае разоблачать их грязные махинации, на что же ему еще надеяться?!

Онкар Натх отлично знал, что раз-сахиб персона весьма влиятельная. Помимо того, что он был членом совета, раз-сахиб имел немалый вес и в высших сферах. Если бы раз-сахиб захотел, он мог бы написать на него ложный донос и затаскать по судам. Или еще проще: велеть своим наймитам поймать его где-нибудь на дороге и избить! Только Онкар Натх ничего этого не боится. Пока он жив, он будет без устали карать тиранов!

Вдруг до ушей Онкар Натха долетел визг тормозов подъехавшего автомобиля. Онкар Натх вздрогнул, схватил бумагу и принялся за свою статью. Через мгновение в его кабинет вошел раз-сахиб.

Онкар Натх не осведомился о его здоровье, не предложил ему сесть, а только поглядел на раз-сахиба так, словно перед ним предстал какой-нибудь преступник. Торжественным тоном он спросил:

— Ну как, получили мою записку? Я не обязан был вам писать, мой долг самому заняться расследованием этого дела, однако в силу дружеского расположения иногда приходится отступать от своих принципов. Так как же, есть в этом письме хоть доля правды?

Раэ-сахиб не мог опровергнуть фактов, изложенных в письме, хотя он до сих пор так и не получил денег, отобранных у Хори. Он мог только заявить, что денег не брал, и потом он хотел знать, что собирается предпринять Онкар Натх.

— Тогда мне ничего иного не остается, как опубликовать это письмо,— с сожалением сказал Онкар Натх.— Весьма прискорбно, что я вынужден писать в газете об одном из моих добрых друзей, однако долг — превыше дружеских привязанностей. Если редактор не может выполнить свой долг, он не имеет права сидеть за редакторским столом.

Раэ-сахиб опустился в кресло, заложил за щеку порцию бетеля и проговорил:

— Однако вы знаете, что так просто это вам не пройдет. Наказание, которое я должен понести, я как-нибудь переживу. Но и вы будете наказаны тотчас же! Если вы не заботитесь о своих друзьях, то и я буду поступать точно так же.

Онкар Натх с видом мученика, идущего на смерть, ответил:

— Я никогда не боялся угроз! С того самого дня, как я стал редактором, я перестал думать о себе. По моему, самая славная смерть, которую только может принять редактор,— это смерть за правду и справедливость!

— Ну что ж, чудесно! Я принимаю ваш вызов. До сегодняшнего дня я считал вас своим другом, но теперь вижу, вы хотите стать моим врагом. Что ж, война так война! В конце концов для чего я плачу за вашу газету в пять раз больше, чем она стоит на самом деле? Да только для того, чтобы она всегда оставалась моей рабыней. Раисом меня сделал бог, а не вы. Если при обычной подписной цене в пятнадцать рупий я плачу семьдесят пять рупий, то лишь для того, чтобы вы держали язык за зубами. Когда вы плачетесь, что дела у вас совсем плохи, и просите оказать вашей газете поддержку— а без этого не проходит ни одно полугодие,— я всегда

так или иначе вам помогаю. Спрашивается — для чего? Каждый праздник, будь то Дивали, Дашахра или Холи¹, я не забываю послать вам богатый подарок и самое меньшее раз двадцать пять в году приглашаю вас к себе на обед. А ради чего? Вам не удастся примирить мои взятки и свои принципы!

— Взятки я никогда не брал! — запальчиво воскликнул Онкар Натх.

— Если это не взятки, то что же тогда называется взяткой? — осадил его раэ-сахиб. — Ну-ка, растолкуйте мне, пожалуйста! Вы думаете, что вы один умник, а все, кто оплачивает ваши расходы, — ослы? Вспомните-ка, сколько вы у меня съели, подсчитайте, сколько денег вам от меня перепало! Я уверен, что получится кругленькая сумма в несколько тысяч рупий. Если вы, крича всюду о «свадеши»², не стесняетесь вместе с тем рекламировать в своей газете иностранные лекарства и товары, так что же позорного в том, что я штрафую моих крестьян? Не воображайте, что вы взвалили на свои плечи бремя забот о благополучии крестьян! Я сам живу с крестьянами, изо дня в день делю с ними все тяготы, и никто не обращается с крестьянами более либерально, чем я. Однако на что мне жить? На что стану я давать обеды чиновникам? Откуда мне взять деньги на уплату налогов? Чем мне покрывать нужды сотен моих родичей? Надо полагать, вы знаете, каковы мои расходы. Деньги просто так в моем поместье не растут. Их можно достать только у крестьян! Вы, наверно, думаете, что на долю заминдаров и талукдаров достались все земные радости? Но ведь вы не представляете себе, каково их истинное положение! Если бы они сделались праведниками, как бы они стали жить? Не поднесешь кому надо корзину с фрук-

¹ Д и в а л и — празднество в честь богини Лакшми, совершаемое в новолуние месяца катик (седьмой месяц индийского календаря, соответствует октябрю—ноябрю). Праздник сопровождается иллюминацией и фейерверком. Х о л и — празднество в честь бога Кришны и его возлюбленной, пастушки Радхи, совершаемое в полнолуние месяца пхалгун (двенадцатый месяц индийского календаря, соответствует февралю—марту). Люди радостно приветствуют приход весны, поливая друг друга подкрашенной водой и посыпая цветным порошком.

² «С в а д е ш и» — движение за бойкот иностранных товаров и поддержку местной промышленности.

тами и цветами, сразу тюрьма тебе вторым домом станет! Мы не скорпионы, что помимо своей воли жалят всех без разбору. Да и не слишком уж это большое удовольствие хватать бедняков за глотку и душить! Однако, что поделаешь — приходится так поступать. Вы вот, например, стремитесь извлечь выгоду из того, что я заминдар. Точно так же и все другие считают меня курицей, несущей золотые яйца. Загляните как-нибудь ко мне в бунгало, вы увидите, сколько людей кормится вокруг меня с утра до вечера. То ко мне явится какой-нибудь купец с одной, а то и двумя кашмирскими шальями или с каким-нибудь граммофоном; то агент по продаже благовоний и табака, то агент по продаже книг и газет, то представитель страхового общества, а сборщиков пожертвований на всякие дела — и не счесть! Что же, прикажете всем им рассказывать о моих несчастьях? Разве эти люди являются ко мне, чтобы выслушивать мои жалобы? Они приходят для того, чтобы одурачить меня и хоть чем-нибудь поживиться. Пренебреги я сегодня вековыми обычаями и традициями, так все эти люди станут надо мной потешаться. Перестань я раздавать корзины с фруктами, так сразу прослышу мятежником! А тут еще и вы отказываетесь защищать меня своими статьями. Был я одно время членом Конгресса, так до сих пор за это штраф плачу и в черных списках числюсь. А вы спросили у меня хоть раз, сколько долгов висит у меня на шее? Если бы вдруг все ростовщики потребовали вернуть все, что я им задолжал, так даже перстень с моей руки и тот бы пришлось продать! Вы спросите, пожалуй, зачем же я пытаюсь тогда сохранить свое звание заминдара? Но разве я могу отказаться от тех условностей, которые чтит семь поколений моих предков? Разве могу я сам выйти с плугом в поле? Вы, может быть, бесстрашный человек, но и вам приходится жить с поджатым хвостом. Вы, надо полагать, имеете некоторое представление о том, какое взяточничество процветает в судах, как тяжело страдает беднота, сколько женщин вынуждено торговать своей честью. А вы отважились об этом писать?

Онкар Натх чуть-чуть оттаял.

— Я никогда не отступал, если мне приходилось сталкиваться с подобными фактами, — проговорил он.

— Ну, конечно, я признаю, что в ряде случаев вы

поступали мужественно,—смягчился в свою очередь и раз-сахиб.—Однако пеклись вы всякий раз только о своей выгоде и никак не о благе народа. Да, да, не смотрите на меня такими глазами, не краснейте и не пыжьтесь! Всякий раз, когда вы отваживались слегка критиковать кого-нибудь, это всегда приносило хорошие результаты: авторитет ваш креп, а доходы росли. Если точно такую же политику вы поведете и по отношению ко мне, тогда и я буду рад услужить вам. Денег я вам не дам, потому что это будет выглядеть взяткой, я лучше закажу вашей жене какое-нибудь драгоценное украшение. По рукам? А теперь я скажу вам сущую правду: полученное вами сообщение не соответствует действительности. Однако вместе с тем я хочу сказать вам, что как все мои братья, как все заминдары, я подвергаю штрафам своих арендаторов и ежегодно выручаю на этом пять—десять тысяч рупий. Для вас самих же будет убыток, если вы вырвете у меня изо рта этот кусок. Вы желаете жить мирно и сытно? Я тоже. Так скажите, какая с того будет польза, если вы, лицемерно разглагольствуя о справедливости и о долге, начнете вводить меня в лишние расходы и сами залезете в долги? Лучше бы нам жить в мире! Я не враг вам. Сколько раз мы обедали с вами в одной гостиной, за одним столом! Знаю, что дела у вас идут плохо, знаю, что вы в худшем положении, чем я. Но раз уж вы поклялись во всем следовать Харишчандару¹, пусть будет так! А я уйду!

Раз-сахиб поднялся было с кресла, однако Онкар Натх схватил его за руку и примирительным тоном сказал:

— Нет, нет, подождите еще немного! Мне необходимо объяснить вам свою позицию. Я весьма признателен вам за ваше хорошее отношение ко мне, но дело здесь коснулось принципов, а вы сами знаете, что принципы бывают иной раз дороже жизни.

Раз-сахиб снова опустился в кресло и добродушно проговорил:

— Ну что ж, брат! Пишите, что вашей душе угодно, я вовсе не собираюсь посягать на ваши принципы. Самое худшее, что может со мной случиться: пойдет обо мне не-

¹ Х а р и ш ч а н д а р — мифический махараджа, который, по преданию, отличался необыкновенной правдивостью и честностью.

добрая слава. Однако не могу же я всякий раз умирать за свое доброе имя? Найдете ли вы такого талукдара, который бы не гнул в бараний рог своих арендаторов? Если собака станет беречь свою кость, что же она тогда будет есть? Я могу сделать так, что в будущем до вас не дойдет ни одна жалоба. Если вы верите моему слову, то на этот раз простите меня. Перед каким-нибудь другим редактором я бы не стал так унижаться: приказал бы его отлупить при всем честном народе — и баста! Однако мы с вами друзья, и мне придется, как видно, отступить. Теперешнее время — время газет. Правительство и то вынуждено считаться с ними, а обо мне и говорить нечего! Над кем хотите, над тем и смейтесь, кого хотите, того и стирайте в порошок, а эту ссору давайте лучше прекратим. Скажите, каково теперь положение вашей газеты? Сколько у вас подписчиков?

Онкар Натх бодрым тоном сказал:

— Дела идут понемногу! В настоящих условиях я на большее и не надеюсь! Я явился сюда не в поисках богатства и покоя, а поэтому ни на что не жалуюсь. Я пришел сюда служить обществу и по мере сил это делаю! Пусть процветает отчизна и родной народ — вот мое единственное желание. Что значат в сравнении с этим горе и радость одного какого-нибудь человека!

Раз-сахиб смягчился еще больше.

— Так-то оно так, брат-сахиб, только чтобы служить, надо и жить на что-то, — проговорил он. — Если вы будете постоянно думать о своих денежных делах, так и служить как следует не сможете. Так как же с подписчиками? Неужели так никто и не подписывается на вашу газету?

— Дело в том, что я не хочу снижать идейного уровня моей газеты. Начиная сегодня, по примеру других, помещать в ней портреты кинозвезд, их биографии и прочее, число подписчиков, может быть, и поднимется, но зато мне придется опустить свое знамя. Мало ли можно придумать всяческих хитростей, применяя которые, можно было бы заработать на газете большие деньги! Только я подобные средства считаю недостойными.

— Именно поэтому вы и пользуетесь таким уважением, — сказал раз-сахиб. — Я хочу сделать вам одно

предложение. Не знаю только, будет ли оно приемлемо для вас. Посылайте газеты бесплатно по ста адресам, а платить за них стану я.

Онкар Натх с признательностью склонил голову.

— С великой благодарностью принимаю от вас этот дар! Очень жаль, что многие люди безразличны к газетам. Для школ, колледжей и монастырей недостатка в деньгах никогда нет, однако до нынешнего дня не нашлось еще ни одного такого благородного и щедрого человека, который бы пожертвовал деньги на издание газеты. А ведь, пожалуй, только газета может воспитывать и учить столько народу сразу при столь мизерных расходах! Если бы газетчики получали такую же финансовую поддержку, какую получают от различных обществ учебные заведения, так разве они стали бы приносить в жертву объявлениям и рекламе такую пропасть времени и столько места на газетных полосах. О раз-сахиб, я вам чрезвычайно благодарен!

Раз-сахиб распрощался и ушел.

По лицу Онкар Натха не было заметно, что он очень доволен. Раз-сахиб никакого условия ему не поставил, никакого запрета не наложил, однако Онкар Натх не мог заставить себя отказаться от помощи, которая была ему предложена. Из-за этой помощи ему пришлось до дна испить чашу позора и унижения. Дела газеты были настолько плохи, что он не видел иного пути, который мог бы вывести его из этого трудного положения. Уже в течение трех месяцев служащим газеты не выплачивалось жалование. Около тысячи рупий задолжал он владельцу газеты. Ну как тут не протянешь руку за помощью!

В комнату вошла его жена Гомти и раздраженно спросила:

— Мы будем сегодня обедать? Или ты решил не подыматься со своего кресла, пока тебя не позовут? Долго я должна тебя ждать?

Онкар Натх печально посмотрел на жену. Весь гнев Гомти мигом улетучился. Она понимала затруднения своего мужа. Временами, при виде драгоценностей и красивых одежд на других женщинах, сердце ее наполняла зависть, и она принималась пилить своего мужа. Но на самом-то деле сердилась она не на мужа, а на свою собственную несчастную долю. Однако желала она

того или не желала, горечь и гнев, kloкотавшие в ее груди, время от времени изливались на Онкар Натха. Глядя на то, как бедствует ее муж, она в душе порицала его и в то же время сочувствовала. Больше того! Порой ей казалось, что у него не совсем в порядке рас-судок. Сейчас, заметив печаль на лице мужа, она спро-сила:

— Ты что такой скучный? Желудок, что ли, рас-строился?

Онкар Натх через силу улыбнулся.

— Кто скучный? Да я нынче так доволен, как не был доволен и в день моей свадьбы! Только что состоялась сделка на полторы тысячи рупий. Улыбнулось и мне счастье.

Гомти не поверила.

— Тебе эти деньги померещились, наверно,— с сомнением сказала она.— Откуда это ты получишь полторы тысячи рупий? Сказал бы пятнадцать, я бы еще по-верила.

— Да нет же! Головой клянусь — целых полторы ты-сячи! Тут только что был раз-сахиб и обещал заплатить за сто подписчиков.

Гомти побледнела.

— И ты их уже получил?

— Нет еще. Но раз раз-сахиб дал слово, он его сдержит.

— Сроду не видела такого талукдара, который бы умел держать свое слово. Мой старший брат служил у одного талукдара. Сколько лет у него прослужил, а жа-лованья так и не видел. Бросил он тогда этого талукдара, поступил к другому. Но и этот за два года и пайсы ему не дал! Однажды брат погорячился и разругался с ним, так тот избил его и велел выгнать вон. Грош цена их обещаниям!

— Сегодня же пошлю ему счет!

— Посылай! Скажет: «Завтра зайди». А завтра, глядишь, укатит в свое поместье и вернется только месяца через три.

Онкар Натха начали одолевать сомнения. А вдруг и вправду надует его раз-сахиб! Что тогда делать? Тем не менее он набрался решимости и сказал:

— Нет, быть этого не может! Кого-кого, а раз-сахиба я не считаю таким обманщиком.

Гомти с прежним сомнением сказала:

— Вот поэтому я и говорю, что ты глупец. Чуть кто сделает вид, что сочувствует тебе, ты сразу и раскисаешь. Этот заминдар сотню таких обещаний может переварить! Если бы он вздумал выполнить все свои обещания, так, пожалуй, бы разорился. Возьмем, к примеру, заминдара из моей деревни. Бывало, года по два, по три не давал крестьянам их доли зерна, которая им причиталась за то, что они пахали его землю. Слугам жалованье не платил. Проработает у него слуга год, станет расчет просить, а он изобьет его и выгонит. Сыновей его несколько раз за неуплату из школы исключали, так он их в конце концов домой забрал. До того дошло, что один раз билет на поезд и тот в долг взял. Этот раз-сахиб, как видно, из той же породы! Ну, ладно, пойдем пообедаем, а потом опять возьмешься за свою работу. Видно, так и просидишь за своим столом до самой смерти! Пойми, лучше будет, если все эти большие люди станут проклинать тебя! Если они дадут тебе одну пайсу, так со своих арендаторов в четыре раза больше сдерут. Что ты считаешь нужным, то и пиши о них, а не то придется тебе всегда лебезить перед ними и рассыпать комплименты!

За обедом куски застревали в горле у Онкар Натха. Не облегчив свою душу, он не мог есть.

— Если не отдаст деньги, я его так проучу, что он всю жизнь меня помнить будет! — пригрозил он. — Его чоти у меня в руках! Люди из его деревни не соврали в своем письме. Да и зачем им врать? Ко мне, видишь ли, пришло письмо с жалобой на раз-сахиба. Напечатаю его, так раз-сахибу со стыда из дому нельзя будет носу высунуть. Подарков он мне не присылает и сюда явился только потому, что попал впросак. Сперва начал было угрожать мне, а когда увидел, что не на трусливого напал, так этой приманкой подразнил. А я подумал: разве что-нибудь изменится, если проучить его одного? Гнет от этого в стране не ослабнет. Так почему бы мне и не взять этот подарок? Я поступился своими принципами — это нужно признать — однако, если только раз-сахиб смошенничает, тогда и я не остановлюсь ни перед чем. Ограбить человека, который грабит бедняков, можно с чистой совестью!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

По деревне разнесся слух, что раз-сахиб вызвал к себе старейшин деревенского панчаята, отругал как следует и отнял у них все деньги, которые они взяли с Хори. Говорили, что раз-сахиб совсем было собрался посадить их всех в тюрьму, так что старейшины в ногах у него валялись, плевки свои вылизывали и едва-едва отвернулись от беды.

Дхания торжествовала. Она ходила по деревне из дому в дом и ругала старейшин.

— Они мольбы бедняков не услышали, зато бог все слышит! Они думали, сдерем, мол, с них штраф, да и станем спокойно пхулаури¹ уплетать. А бог взял да такую им оплеуху закатил, что у них все пхулаури из рта выскочили! За каждую отнятую у нас рупию две отдали! Разорили мой дом, так пускай теперь сами деньги выкладывают!

Однако что станешь делать без быков! Если в месяце катик у крестьянина подохнут быки, остается он без них, словно без обеих рук. Именно в таком положении оказался сейчас Хори. А на полях вокруг деревни уже гуляли плуги, и всю шел сев. То и дело оттуда доносились переливы песен, распеваемых пахарями, и только поле, принадлежащее Хори, было молчаливо, как какая-нибудь бессильная одинокая женщина, которая только прислушивается к этим песням. У Пунии и Собхи было по паре быков, но разве могли они оторваться от своих полей, чтобы засеять поле Хори? Целыми днями Хори бесцельно слонялся туда и сюда словно неприкаянный. То он приходил на поле к одному соседу, то помогал сеять другому. Таким образом ему удавалось хоть немного подзаработать. Дхания, Сона, Рупа, словом — вся его семья, тоже трудились на соседских полях. До тех пор пока шел сев, хлеб можно было достать, и семья Хори особенно не бедствовала. Конечно, всех их одолевали мрачные думы, но о пище пока можно было особенно не беспокоиться. Однако каждую ночь между Хори и Дханией разгорались ссоры.

Но вот миновал месяц катик, и работы в деревне не стало. Теперь все надежды были на сахарный тростник, который быстро наливался соком.

¹ П х у л а у р и — олады из гороховой муки.

Наступила ночь. На улице сильно похолодало. В доме у Хори не осталось ни кусочка хлеба. Днем, правда, удалось раздобыть всем по маленькому кусочку вареного манго, но сейчас разжигать очаг было не для чего.

Рупу измучил голод. Расстроенная, сидела она у дверей перед потухшим очагом и горько плакала. В доме не было ни зернышка, и она это знала, не станешь же просить то, чего нет?!

Когда муки голода стали невыносимыми, Рупа побежала к Пунии, якобы для того, чтобы взять у нее огня. А Пуния была как раз занята стряпней — она пекла хлеб из баджры¹ и варила похлебку. От вкусного запаха у Рупы слюнки потекли.

— Неужели у вас в доме до сих пор не развели огня? — спросила ее Пуния.

Рупа смиренно ответила:

— Дома у нас варить нечего, зачем огонь-то разводить?

— А на что тебе огонь?

— Дада прикурить хочет.

Пуния достала из очага кусок тлеющего кизяка, но Рупа его не взяла. Подойдя поближе к очагу, она сказала:

— Как вкусно пахнут ваши лепешки, тетя! Я так люблю лепешки из баджры.

Пуния улыбнулась:

— Дать тебе?

— Мама заругается.

— А кто ей об этом скажет?

Рупа досыта наелась и припустилась домой, дожевывая на бегу лепешку.

Хори сидел, погруженный в тяжелые, безрадостные думы, как вдруг его окликнул пандит Дата Дин. Сердце у Хори тревожно забилося: уж не ждет ли его еще какая-нибудь беда? Он поспешил навстречу пандиту, поклонился ему в ноги и поставил для него возле очага манчи².

Дата Дин опустился на манчи и соболезнующим тоном сказал:

¹ Б а д ж р а — сорт индийского проса.

² М а н ч и — низкий четырехногий стульчик.

— Эх, Хори, поле-то твое незасеянным остается! Ты в деревне никому ничего не сказал, а то разве посмел бы Бхола забрать у тебя быков? Тут же и лег бы замертво! Клянусь тебе своим джанеу¹, не я виноват в том, что на тебя штраф наложили. Напрасно Дхания позорит мое имя по деревне. Это все дело рук Лала Патешвари и Джингури Сингха. Не по своей воле попал я в панчайт — люди выбрали. Старейшины-то хотели было на тебя еще больше штраф наложить, так я их уговаривал, насили уломал, чтобы поменьше взяли. А теперь они горюют, раскаиваются в том, что натворили. Они, видишь ли, думали, что они одни здесь хозяева, а что деревней-то другой владеет, забыли. Так как же с твоим полем? Засевать-то его думаешь?

Хори, сдерживая душившие его слезы, ответил:

— Что я могу сказать, махарадж! Видно, так и останется незасеянным.

— Незасеянным останется? Ох, беда, беда!

— Что же поделаешь, такова, видно, божья воля!

— Я здесь, а твое поле незасеянным останется? Завтра же засею твое поле. Земля еще влажная. Жара только дней через десять наступит, и все выйдет как нельзя лучше. Посеем исполу и урожай разделим поровну: ни тебе убытку не будет, ни мне. Я нынче сидел-сидел, думал-думал: душа болит! Такая хорошая земля и пустует!

Хори погружился в раздумье. За время чаумасы² он на славу удобрил и вспахал свое поле, а теперь придется отдавать половину урожая только за то, что поле его будет засеяно. Чего он выставляет себя благодетелем, предлагая ему, попавшему в беду, кабальную сделку? Однако разве лучше будет, если поле так и останется незасеянным, и ему вовсе ничего не достанется? Тогда нечем будет платить налог. А если он не выплатит в этом году налог, землю у него непременно отнимут! Махнув на все рукой, Хори принял предложение.

Дата Дин был доволен.

— Вот и славно! — сказал он Хори. — Пойдем ко мне, я сейчас отвешу тебе зерна. Нечего откладывать на

¹ Джанеу — священный шнурок, знак принадлежности к касте брахманов.

² Чаумаса — сезон дождей, длящийся четыре месяца — с июня по октябрь.

завтра то, что можно сделать сегодня. Хлеб-то у вас нынче пекли или нет?

Хори, смущаясь, сказал о том, что огня сегодня в доме не разжигали.

Дата Дин с притворной укоризной проговорил:

— Арэ! В доме у тебя холодный очаг, а ты мне ни слова об этом не сказал! Я же тебе не враг! Я тоже скорблю, что тебя постигло такое несчастье! Эх добрый человек, что в этом позорного или постыдного? Все мы под богом ходим. Что с того, что ты родился шудрой, что с того, что я брахман,— все мы одинаковы, все свои! Жизнь у каждого из нас по-разному складывается. Кто знает, а вдруг завтра со мной какая беда стрясется? Кому же поведаю я тогда о своей горе, если не тебе? Ну, ладно, что было, то бывшем поросло! Пойдем, дам тебе зерна на посев да еще мана два для еды взвешу.

Через полчаса Хори вернулся, неся на голове корзину с целым маном зерна, которое отвесил ему Дата Дин. И вскоре заработала ручная мельница у него в доме. Дхания вместе с Соной молола зерно и заливалась слезами. За какие только грехи бог так жестоко ее наказывает!

А на другой день они вышли в поле сеять. Вся семья Хори взялась за работу так дружно, словно и поле и зерно были их собственными. С таким же рвением принялись они через несколько дней за поливку посевов. У Дата Дина были теперь даровые работники.

Вслед за отцом в дом Хори стал заглядывать и сын Дата Дина, Мата Дин. Был он молод, сластолюбив и сладкоречив: когда говорил, так словно по сердцу медом мазал. Все, что отец его Дата Дин вымогал у крестьян, он растрчивал на бханг. Была у него любовница, женщина из касты чамаров, поэтому до сих пор он ходил холостяком. Женщина эта жила отдельно от него, но вся деревня знала их «тайну». Однако никто и слова сказать не смел. Ибо наше благочестие в еде нашей. Если еда не осквернена, то ничто не угрожает и вере. Каравай хлеба — вот тот щит, с помощью которого мы оберегаем чистоту религии.

Теперь, когда Хори и Дата Дин на паях засеяли поле, Мата Дину представилась возможность встречаться и разговаривать с Джхунией. То под тем предлогом, то

под другим он появлялся в такое время, когда, кроме Джхунии, в доме никого не было.

Джхунию нельзя было назвать красавицей, однако она была моложе и миловиднее чамарки. Ей хоть и недолго, но удалось пожить в городе; она знала, как нужно одеваться, как следует вести разговор, и, кроме того, была скромна и стыдлива, а это, как известно, самое привлекательное в женщине. Мата Дин иногда брал на руки ее ребенка, ласкал его, и это радовало Джхунию.

Как-то раз Мата Дин спросил ее:

— Почему ты сошлась с Гобаром? Что ты нашла в нем хорошего?

Джхуния, застыдившись, ответила:

— Видно, привела меня сюда моя доля, махарадж. Что я еще могу сказать?

— Вероломный, неблагодарный человек! — с притворным гневом проговорил Мата Дин. — Бросил тебя, такую Лакшми, и шляется теперь неведомо где. Человек он бойкий, пронырливый, не верю я ему! Уж не спутался ли он с какой-нибудь другой женщиной? Таких негодяев убивать надо! Всю жизнь тебе испортил, а теперь, наверно, на другой дом заглядывается.

Джхуния разрыдалась. Мата Дин воровато поглядел по сторонам, схватил ее за руку и принялся уговаривать:

— Что ты горюешь о нем, Джхуния? Ушел он, и пускай! Чего тебе надо, говори? Деньги, ожерелья, наряды — бери у меня все, что душе угодно!

Джхуния медленно высвободила руку из цепких пальцев Мата Дина и, отстранившись от него, проговорила:

— Все во власти всевышнего, махарадж, только моя жизнь прахом пошла. Из родного дома я ушла и здесь, видно, не приживусь. Не досталось мне на долю ни богатства, ни счастья. Не знала я, какой жизнь-то бывает. Послушала его сладкие речи, да вот и попала в сети!

Мата Дин принялся чернить Гобара:

— Да он же бродяга, бездельник, какого свет не видел! Никудышный человек! Когда, бывало, ни поглядишь — все-то он с отцом, с матерью ссорится! Едва пайсу добудет, так сейчас же в кости ее проиграет! Одно только и знал, что гянджу¹ да чарас курить. Вечно со

¹ Гянджа — гашиш, наркотик из листьев и бутонов конопли.

всякими негодяями путался да девушек и чужих жен за-
дирал. Тханедар-сахиб за всякие безобразия собирался
к суду его притянуть; так уж мы просили, просили тха-
недара-сахиба простить Гобара,— только тогда он и от-
ступился! Все время зерно из чужих житниц воровал, не
раз его на этом деле ловили. А если и отпускали, так
только потому, что свой, деревенский...

Но тут в дом вбежала Сона.

— Бхабхи!¹ — сказала она,— Амман² наказывала
тебе зерно наружу вынести и на солнце рассыпать, а не
то загниет. Пандит словно нарочно в него воды под-
бавил.

Мата Дин попытался выгородить себя и своего отца:

— Дождь, наверно, не над одним твоим домом шел!
Сейчас ведь чаумаса. В эту пору дерево и то разбухает
от влаги, а зерно и подавно.

С этими словами Мата Дин вышел. Своим неожидан-
ным появлением Сона испортила ему всю игру.

— Что нужно было Мата Дину? — спросила Сона
Джхунию.

Джхуния наморщила лоб.

— Просил веревку дать — скотину привязать. А я
ему сказала, что нет у нас.

— Вовсе не за этим он приходил. Нехороший он че-
ловек.

— А по мне так хорош. Чего ты в нем плохого
нашла?

— Ты не знаешь. У него любовница есть — чамарка
Силия.

— И только потому он плохой человек?

— А за что еще можно назвать человека плохим?

— Твой брат, вон, тоже меня полюбил. Выходит, и
он плохой человек?

Сона, не ответив на вопрос Джхунии, сказала:

— Еще раз придет в мой дом, так и знай: выго-
ню его!

— А вдруг ты выйдешь за него замуж?

Сона покраснела:

— Ты что, бхабхи, обидеть меня хочешь?

¹ Б х а б х и — жена брата; обращение к родственнице.

² А м м а н — мать.

— Почему? Какая тут может быть обίδα?

— Сказал бы он мне такое — всю рожу бы ему опалила!

— Ты, что же, за бога, что ли, замуж собираешься? Во всей деревне другого такого красивого да пригожего парня нет!

— Ну и ступай с ним сама! Ты во сто тысяч раз красивее его Силии.

— А зачем он мне? Я уже пришла к одному, будь он плохой или хороший.

— И я тоже — за кого замуж выйду, с тем и буду, хороший он или плохой.

— А вдруг тебя за старика выдадут?

Сона фыркнула:

— Буду печь ему мягкий, мягкий хлебушек, разотру целебные травы, просею через ситечко, буду брать его за руку, помогать ему вставать. А умрет — уткнусь лицом в ладони и плакать буду.

— А если за молодого?

— Тогда я...

— Ну, хорошо скажи, а кто тебе больше нравится — старый или молодой?

— Кто любить меня станет — тот и молодой, а кто не станет — тот старик.

— Вот сделает так бог, что тебя за какого-нибудь старикашку выдадут! Посмотрю тогда, как ты его любить станешь. Небось стала бы тогда мечтать: пусть бедняжка старичок умрет поскорее, а я какого-нибудь молоденького приголублю.

— Я бы того старичка жалела.

В этих местах нынешним летом начал работать сахароваренный завод. Заводские подрядчики и агенты, переходя из деревни в деревню, закупали у крестьян еще не скошенный сахарный тростник на корню. Это был тот самый завод, который открыл мистер Кханна.

Однажды подрядчик заглянул и в деревню Хоря. Потолковав с подрядчиком и приценившись, крестьяне убедились, что гнать гур нет никакой выгоды. Если бы они стали давить сахарный тростник дома, то все равно выручили бы те же деньги. С какой стати утруждать себя лишней работой! Вся деревня согласилась продать

тростник прямо на корню. Если выручка и будет чуть поменьше, не беда. Зато деньги сразу выдадут на руки. Одному надо купить быка, другому — выплачивать налог, а третий надеялся расплатиться с ростовщиком.

Хори позарез нужна была пара быков. Сахарный тростник уродился в этом году неважный; к тому же люди опасались, что цены на него упадут. А если гур на рынке пойдет по той же цене, что и сахар, который делают на заводе, кто же тогда станет его покупать? И вот все крестьяне до единого взяли задатки.

Хори надеялся заработать по крайней мере сто рупий. На них можно было купить пару сносных быков. Только как избавиться от ростовщиков? Дата Дин, Мангру, Дулари, Джингури Сингх — все они присосались, словно пиявки, и пили последние соки. Если станешь выплачивать долги ростовщикам, так этих ста рупий не хватит даже на уплату процентов! Хори тщетно ломал голову, как бы ему получить деньги за тростник и сделать это так, чтобы никто ничего не узнал. Если деньги окажутся у него дома, тогда уж ему ничего не сделают. Но ведь едва начнешь грузить сахарный тростник на телегу — вся деревня увидит и все узнают, сколько удалось выручить за каждый воз. Казалось, что Мангру и Дата Дин незримо ходили за ним по пятам. Только успеешь получить деньги, они уже схватят тебя за глотку!

Вечером сосед Гирдхар спросил Хори:

— Дада Хори, когда повезешь свой тростник на завод?

Хори ответил:

— Он, брат, у меня еще не совсем созрел. А ты когда?

Гирдхар в свою очередь решил схитрить.

— Да и мой тоже не дозрел еще как следует!

Все остальные крестьяне говорили то же самое. Никто не верил друг другу. Все были должниками Джингури Сингха, и все желали одного: чтобы деньги не попали ему в руки. В таком случае можно было считать, что они пропали. А завтра, когда крестьянин снова пойдет к нему занимать деньги, появится новая расписка, а с ней — новые подношения, новые долги!

На другой день к Хори пришел Собха и сказал:

— Дада, придумай что-нибудь такое, чтобы Джингури чумой заболел или грохнулся где-нибудь и больше не встал!

Хори усмехнулся:

— А что с того? Разве у него детей нет?

— О чьих же детях должны мы думать, о его или о своих? Он вон двух жен держит и горя не знает, а тут одну завел, так и ту кормить нечем — хлеба не хватает. Ведь он все деньги заберет, пайсы и той унести не даст!

— Мои дела еще хуже твоих, брат. Если деньги уйдут из рук — пропаду! Что станешь делать без пары быков?

— На днях тростник возить начнем. Это у нас дня два-три займет. Как только весь тростник перевезем, скажем джамедару¹: брат, возьми с нас малость, только взвесь поскорее тростник, а уплатишь нам потом! А Джингури скажем, что, мол, так и так, денег еще не получили.

Хори, подумав, сказал:

— Джингури во сто раз хитрее нас с тобой, Собха. Пойдет к конторщику и возьмет у него деньги, а мы все равно с носом останемся. Хозяин этого завода — Кханна-бабу, ростовщическая контора принадлежит ему же. Оба они — одного поля ягода.

— Страхнем мы с себя когда-нибудь этих кровопийц-ростовщиков или нет? — в отчаянии воскликнул Собха.

— В этой жизни надеяться нам не на что, брат, — ответил Хори. — Ничего-то нам не досталось: ни почестей, ни богатства, ни радости, ни покоя. Суждено нам носить дешевые дрянные одежды, а есть — грубую пищу.

Собха со зловещей улыбкой проговорил:

— А я на этот раз надую их всех! Посулю что-нибудь джамедару и подобью его вот на что: пускай он нас обоих за эти деньги наперегонки бежать пустит, далеко ли пробежит Джингури?

Хори, смеясь, сказал:

— Что с того пользы, брат! Нам только и осталось, что гнуть шею перед Джингури Сингхом. Мы словно в сети попались: чем отчаяннее бьемся, тем больше в них запутываемся.

¹ Джамедар — приемщик, десятник.

— Ты, дада, говоришь так, словно совсем уже составил. Достойно ли это мужчины, — попав в клетку, покорно сидеть в ней. Уж если петля захлестнула тебе шею и затягивается все туже — надо собрать все силы и сорвать ее! А если случится так, что Джингури продаст с молотка и дом и все имущество — ну и пускай! Не желаю я ни у кого брать деньги! Пусть мы умрем голодной смертью, пускай нас пинают, как собак, пускай ни пайсы не дают займы! Только откуда толстосумы будут брать проценты, если они не станут давать крестьянам займы? Один на нас насаждает, деньги требует, а другой чуть-чуть сбавит процент, даст займы деньги и тоже затягивает нас в свои сети. Я пойду получать деньги тогда, когда Джингури куда-нибудь уедет.

Мысль Собхи понравилась Хори.

— Верно ты говоришь, — сказал он.

— Взвесят на заводе наш тростник, а деньги мы получим, когда нам удобней будет.

— Верно, верно, так и сделаем!

На следующий день, ранним утром, несколько человек из деревни вышли в поля косить тростник. С секачом в руке пришел на свое поле и Хори. На помощь к нему явился Собха, пришли Пуния, Джхуня, Сона — словом, все вышли на работу. Кто подрубал тростник, кто очищал, кто вязал его в большие пучки.

Ростовщики, увидав, что люди принялись за уборку тростника, не на шутку встревожились. Прибежала на поле Дулари, приковылял Мангру Шах, спешно прибыли Дата Дин, Патешвари и слуги Джингури.

Руки и ноги Дулари были украшены массивными серебряными браслетами, в ушах у нее висели золотые серьги, глаза были подведены каджалом, старое лицо накрашено и насурмлено. Явившись на поле Хори, она закричала:

— Сначала отдай мне мои деньги, а потом режь тростник! Сколько я тебе ни уступаю, ты все больше наглеешь. За целых два года пайсы не отдал, а одних процентов за тобой числится целых пятьдесят рупий!

Хори умоляюще сказал:

— Сестра, позволь нам резать тростник! Выручу за него деньги — и тебе отдам, сколько смогу. А не то брошу деревню и убегу отсюда куда глаза глядят. Не

губи ты меня! Откуда я достану деньги, пока тростник на корню?

Дулари, выхватив у него из рук секач, ответила:

— Нечистая у вас совесть, оттого и счастье мимо вас проходит!

Пять лет назад Хори взял у Дулари тридцать рупий. За три года эти тридцать рупий превратились в сто. Тогда и была составлена долговая расписка. За следующие два года на эти деньги набежало еще пятьдесят рупий процентов.

— Сроду душой я не кривил,— взмолился Хори.— Будет на то воля божья, так все до самой последней пайсы тебе выплачу. А нынче, сама видишь, в беду я попал.

Только успела уйти лавочница, как явился Мангру Шах. Был он черен как смола, брюхо у него отвисло, из рта торчали два больших зуба, словно он собирался кого-нибудь укусить. На голове его была шляпа, на шее — шарф. Ему было не больше пятидесяти, но он всегда ходил с палкой. Он страдал ревматизмом и сильно кашлял.

Опершись на палку, Мангру Шах остановился перед Хори и угрожающе сказал:

— Ты бы лучше прежде деньги отдал, а потом и тростник резал. Деньги я тебе не подарил — взаймы дал. Целых три года прошло, а ты назад их не возвращаешь и проценты не платишь. Не надейся, что тебе удастся прикарманить мои деньги. Подохнешь, так я с тебя и с мертвого их сдеру!

Собха любил пошутить и был остер на язык.

— Чего же ты тогда беспокоишься, Шах джи? — спросил он.— С мертвого и получай! Верно тебе говорю! Через год-два оба на небеса отправитесь, вот тогда перед всевышним и получи с него сполна.

Кем только не обзывал Мангру Шах Собху — и негодем, и жуликом, и бессовестным человеком!

— Когда деньги брали, виляли хвостом, а как пришло время отдавать, так рычите? — бушевал он.— Из домов повыгоняю, быков с молотка продам!

— А скажи по совести, Шах джи, — с издевкой спросил Собха, — сколько ты дал мне денег, за которые сейчас требуешь триста рупий?

— Если ты из года в год не станешь выплачивать проценты, так не знаю, сколько и наберется!

— В самом-то начале ты мне сколько дал? Пятьдесят рупий?

— А сколько лет назад это было?

— Да, должно быть, лет пять, шесть.

— Десять лет с тех пор прошло, целых десять лет! Одиннадцатый год идет!

— За пятьдесят-то рупий целых триста берешь? Как только тебе не стыдно?

— А чего мне стыдиться? Просят люди дать взаймы, я и даю.

Хори упросил Мангру и Собху прекратить ссору и развел их. Дата Дин засеял поле на паях с Хори. Ссудив ему зерно, он заберет у него половину урожая. Здравый смысл подсказывал Хори, что заводить ссоры с ростовщиками сейчас не время.

Между тем Джингури Сингх заранее договорился с управляющим сахарного завода. Слуги его грузили тростник на повозки и отвозили к барже — от деревни до реки было около полумили. Каждая повозка за день успевала съездить туда и обратно раз семь-восемь, а баржа сразу забирала на борт груз в пятьдесят повозок. Словом, это была большая помощь. Организовав перевозку тростника и облегчив таким образом труд крестьян, Джингури Сингх завоевал признательность и благодарность всей округи.

Но когда начали взвешивать тростник, Джингури занял место у ворот фабрики. Он по очереди взвешивал у каждого тростник, брал квитанцию, получал деньги у казначея и, отсчитав причитающуюся ему сумму, отдавал остаток крестьянину. Сколько ни плакали крестьяне, как ни умоляли его, он и слушать ничего не хотел. Так, мол, приказал хозяин, что же он может сделать?

Хори должен был получить около ста двадцати рупий. Из них Джингури Сингх вычел весь причитающийся ему долг с процентами и протянул Хори какие-то двадцать пять рупий.

Посмотрев на деньги отсутствующим взглядом, Хори сказал:

— Что мне делать с этими грошами, господин? Забирай их себе! Немного же досталось за мой труд!

Джингури швырнул на землю двадцать пять рупий и крикнул:

— Хочешь бери, а хочешь бросай — как тебе угодно! Я из-за тебя и так немало ругани да угроз от хозяина выслушал! И сейчас еще раз-сахиб от меня не отвязался: подавай ему тот штраф! Только потому, что ты нищий, я и даю тебе столько денег, а не то и полрупии бы не дал! Если только раз-сахиб снова потребует у меня твой штраф, так я и эти двадцать пять рупий у тебя возьму!

Хори молча поднял деньги и пошел было прочь от ворот фабрики, как вдруг его окликнул Нокхэ Рам. Хори подошел к Нокхэ Раму, отдал ему свои двадцать пять рупий и, не сказав ни слова, кинулся бежать. Голова у него шла кругом.

Столько же денег досталось и Собхе. Не успел он отойти немного, как на него накинулся Патешвари. Собха переменялся в лице.

— Нет у меня денег, что хочешь со мной делай! — сказал он.

Патешвари разозлился.

— Тростник-то ты продал или нет? — заорал он.

— Продал...

— Разве не ты обещал отдать мне деньги, как только продашь тростник?

— Верно, обещал.

— А почему не отдаешь? Остальным-то всем отдал или нет?

— Отдал.

— Почему же мне ничего не даешь?

— Все, что у меня осталось, — это детям.

— Деньги ты мне отдашь, Собха, — с угрозой сказал Патешвари, — сегодня же отдашь, да еще поклонисься! А сейчас говори мне что хочешь. В тюрьму пойдешь на шесть месяцев, на целых шесть месяцев — ни днем больше, ни днем меньше. За один нынешний день, что ты решил поиздеваться надо мной, шесть месяцев в тюрьме отсидишь! Я заминдару и ростовщикам не слуга, я слуга великого правительства, которое всем миром правит и властно над твоими ростовщиками и заминдарами.

Лала Патешвари двинулся дальше. Собха и Хори некоторое время шли, не говоря друг другу ни слова. Угрозы Патешвари словно лишили обоих дара речи. Наконец, Хори сказал:

— Отдай ты ему эти деньги, Собха. Посчитай, что тростник на корню сгорел. Я вот подумал так и приминился.

— Отдам, дада,— надломленным голосом ответил Собха.— Если не отдам, куда же мне тогда деваться?

Навстречу им, шатаясь, брел Гирдхар, успевший уже напиться тари¹. Увидев братьев, он сказал:

— Джингури все у меня отобрал, дядя Хори! Ни одной пайсы на жизнь не оставил! Кровопийца проклятый! Как я плакал, как его умолял, да разве этого дьявола разжалобишь.

— Говоришь, ни пайсы тебе не оставил, а сам уже тари успел нализаться! — заметил Собха.

— Так ведь у меня с самого утра ни крошки во рту не было! — пожаловался Гирдхар.— Ну, я чарочку и опрокинул — выпил самую малость с горя. Целый год ведь потом на полях обливался, дай, думаю, хоть сегодня тари выпью! И совсем я не пьян, правду говорю! На одну-то анну пьяным разве напьешься? А что шатаюсь я, так это для виду: пускай люди думают: вот, мол, пьяным напился! Все к лучшему, дядя Хори! С Мангру нынче до самой последней пайсы рассчитался. Занял у него двадцать рупий, а отдал сто шестьдесят. Хоть этот долг не будет расти.

Когда Хори пришел домой, Рупа сбегала за водой, Сона набила ему трубку, Дхания принесла и поставила перед ним чабэна² и соль. Глазами, полными надежды и ожидания, все смотрели на Хори. Тут же, на пороге, стояла и Джхунья. Хори сидел расстроенный. До мытья ли тут рук? И разве полезет в рот чабэна? Он был так смущен, так печален, словно собственными руками только что убил человека.

— Сколько же ты выручил за тростник? — прервала, наконец, молчание Дхания.

— Сто двадцать рупий, да только все эти деньги у меня отобрали. Полрупии и той не оставили!

Дханию словно огнем опалило с головы до ног. Ее охватил такой гнев, что она готова была в кровь расцарапать себе лицо.

¹ Т а р и — пальмовое вино.

² Ч а б э н а — поджаренные зерна, обычная пища бедняков.

— И на что только бог сотворил такого растяпу! — закричала она. — Встретился бы он мне, я бы его непременно об этом спросила! Из-за тебя вся жизнь моя прахом пошла! А тут еще бог никак смерти не шлет, чтобы от этих мук избавиться! Все деньги, какие были, ростовщикам пораздавал! Где еще достанем мы денег на покупку быков? Кого ты в плуг запрягать станешь, меня, что ли? Или сам впряжешься? Я говорю тебе: ты уже состарился, а ума у тебя не хватило понять, что ты отдал деньги, которых бы нам на целую упряжку быков хватило! Из рук, что ли, у тебя вырвали? Месяц пус¹ наступил, на улице вон какой холодище, а у нас даже тряпки нет, наготу прикрыть нечем! Веди нас всех к реке и утопи! Чем так мучиться, лучше сразу смерти! До каких пор будем спать, зарывшись в солому? Да спать в соломе это еще ладно, а что ты есть станешь? Тоже солому? Она тебе по вкусу — ешь на здоровье, а мы солому есть не желаем!

И вдруг, заканчивая свою длинную тираду, Дхания улыбулась. Только сейчас она, наконец, подумала, что ни один крестьянин не сможет отвертеться от ростовщика, если у него есть деньги и если ростовщик это знает.

Хори сидел, повесив голову, и проклинал свою судьбу. Он даже и не заметил, что Дхания улыбается.

— Видно, придется нам в батраки наниматься! — проговорил он. — Станем работать на кого-нибудь, тем и прокормимся!

— В нашей-то деревне? — перебила его Дхания. — Где ты найдешь тут работу? И с каким лицом станешь батрачить? Ведь тебя в деревне «почтенным» называют!

Хори сделал несколько глубоких затажек.

— Если мы станем работать по найму, никакого греха в том не будет, — начал он развивать свою мысль. — Побатрачишь, а потом, глядишь, и в крестьяне выбьешься. Не повезет крестьянину, он всегда в батраки идет. Не было бы нам написано на роду батрачить, разве стряслась бы с нами такая беда? Разве подохла бы наша корова? Разве убежал бы из дому недостойный сын?

Дхания, взглянув на дочерей, прикрикнула на них:

¹ Пус — десятый месяц индийского календаря, соответствует декабрю—январю.

— Чего вы тут все столпились? Что рты разинули? А ну-ка, живо отсюда, занимайтесь своими делами! Это только у других водится приносить детям на несколько пайс гостинцев. А здесь, должно быть, жадность живет — разве можно деньги разменивать? Как бы на одну рупию меньше не стало! Оттого-то бог и не дает нам их заработать! Кто деньги тратит, тому они и идут в руки, а кому нечего есть, не во что одеться, на что таким деньги? Разве только затем, чтобы в землю закапывать?

Хори невесело засмеялся.

— Где же мы закопали этот клад? — спросил он.

— Где закопали, там, должно быть, он и лежит. В том-то вся и беда, что ты хоть и знаешь, что детям нужно подарок принести, а пайсы тебе жалко. Принес бы хоть что-нибудь, не сидел бы сейчас как последний глупец! Тебе бы надо сказать Джингури: «Оставь мне одну рупию, а не то и пайсы тебе не отдам! Иди тогда в суд на меня подавай!» Он бы непременно уступил.

Хори смутился. Если бы он не поддался тогда порыву отчаяния и не отдал бы Нокхэ Раму все двадцать пять рупий, чтобы с ним сделал Нокхэ Рам? Самое большее — прибавил бы лишних две-три анны штрафа. Но разве мог он тогда об этом подумать?

Джхуния, выйдя в другую комнату, сказала Соне:

— Мне отца страсть как жалко! Бедняга целый день работал-работал, пришел усталый, измученный, а мать его шпынует. Что сделаешь, если ростовщик тебя за глотку схватил?

— А на что мы теперь быков купим?

— Ростовщик свои деньги требует! Какое ему дело до твоих горестей?

— Была бы там мать, она бы этому ростовщику задала такого перцу, что он бы не знал куда деваться!

— Зачем горевать о деньгах? Ты бы взяла да и полюбезничала с ростовщиком, может он бы и отдал тебе все деньги. Верно тебе говорю: отец сразу бы о всех своих горестях и невзгодах забыл! — пошутила Джхуния.

Сона обеими руками закрыла Джхунии рот.

— Хватит, замолчи лучше, а не то, право слово, сейчас же побегу к маме и расскажу о том, что ты путаешься с Мата Дином. Небось тогда заплачешь!

— О чем же ты станешь рассказывать матери? — спросила Джхуния. — Было бы о чем говорить! Что же

мне делать, если он сам к нам в дом приходит? Сказать ему — убирайся вон? У меня он ничем не разживется, а только свое потеряет. Кроме двух-трех ласковых слов, ничего он от Джхунни не добьется! А уж я-то знаю, как нужно свои сладкие слова по дорогой цене продавать! Не такая я дуреха, чтобы попасться на чью-либо удочку. Но если только я узнаю, что брат твой завел там себе другую, так я плакать не стану. Тогда я сама себе буду хозяйкой. Я сейчас еще верю, что он мой. Из-за меня одной приходится ему теперь страдать и бродить по чужим улицам. Я не смеюсь, правду тебе говорю. Как и раньше, я верю ему! Но тот, кто принадлежал одной, а потом стал принадлежать двум, не принадлежит ни той, ни другой!

Пришел Собха. Он позвал Хори и, протягивая ему деньги, которые не хотел отдавать Патешвари, сказал:

— Брат! Ступай отдай их Лале! Я тогда был сам не свой!

Взяв у Собхи деньги, Хори встал и собрался было идти, как вдруг до его ушей донесся звук санкхи¹. На другом конце деревни жил один тхакур по имени Дхьян Сингх. Дхьян Сингх долго служил в армии и всего несколько дней как жил дома, вернувшись после десятилетнего отсутствия. Где только он не побывал — и в Багдаде, и в Адене, и в Сингапуре, и в Бирме! А теперь он задумал жениться и, для того чтобы угодить брахманам, совершал пуджапат².

— Кажется, уже исполнили все семь частей, — сказал Хори. — Арти³ началась.

— Да, похоже на то, — ответил Собха. — Бери арти да пойдем туда.

— Ты ступай, — задумчиво ответил Хори. — Я чуть позже приду.

Дхьян Сингх в тот самый день, когда вернулся в родную деревню, послал в каждый дом подарок: по целому серу сладостей. Когда он встречался где-нибудь с Хори,

¹ Санкха — большая раковина, в которую трубят в особо торжественных случаях.

² Пуджапат — чтение молитв в честь какого-либо бога, сопровождаемое окроплением изображения этого бога водой и возложением цветов перед ним.

³ Арти — имеет три значения: а) обряд возжигания перед изображением какого-нибудь бога светильника, наполненного топленным маслом и благовониями; б) название этого светильника; в) хвалебные молитвы, которые поются во время этого обряда.

то непременно справлялся о его здоровье. Если Хори явится сегодня к Дхьян Сингху и ничего ему не подарит во время обряда арти, то Дхьян Сингх воспримет это как оскорбление.

Во время обряда арти поднос, куда кладут подарки, будет в руках самого Дхьян Сингха. Как же может Хори явиться к нему на арти с пустыми руками! Будет во сто раз лучше, если он вовсе не пойдет. Среди такого множества людей Дхьян Сингх едва ли заметит, что Хори не пришел. Не будет же он сидеть со списком и смотреть, кто пришел, а кто нет.

Хори подошел к кровати и растянулся на ней. Однако на сердце у него было беспокойно. Сейчас у него нет даже пайсы, самой обыкновенной медной пайсы. Его совсем не занимала пышность и торжественность обряда арти. Он нарушал освященный веками обычай — в этом было все дело! Явившись на обряд арти, он мог хотя бы таким образом выразить свое уважение Дхьян Сингху. Но как нарушишь стародавний обычай и придешь к жениху без подарка? Разве хватит у Хори духу навлечь на себя всеобщее презрение?

Вдруг он быстро поднялся с кровати. С какой стати должен он быть рабом обычая? Почему из-за того, что у него нет денег, он должен пропускать веселый праздник арти? Люди станут смеяться? Ну и пускай смеются! Пусть сохранит его бог от худых дел, а больше ему ничего не нужно!

Хори вышел со двора и решительно зашагал к дому Дхьян Сингха.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Кханна и Говинди никак не могли поладить между собой. Почему это получалось — трудно сказать. Астрологи утверждали, что между их звездами есть какое-то противоречие, хотя в пору их свадьбы никаких противоречий не замечалось. Если бы обратиться к трактату «Кок-шастра»¹, то, вероятно, их ссорам можно было бы найти иное истолкование. Психологи тоже, повидимому, могли бы предложить свою версию. Нам же важно констатировать только то, что они не ладили между собой.

¹ «Кок-шастра» — трактат о плотской любви.

Кханна был очень богат. Страстный поклонник красоты, очень общительный и весьма недурен собою, он считался в высшей степени образованным и культурным человеком и принадлежал к избранным кругам города.

Говинди нельзя было назвать гурией, но в том, что она красива, не возникало ни малейшего сомнения. Кожа у нее была светлорыжевато-коричневого цвета. Говинди отличалась крайней застенчивостью; лишь на миг поднимет глаза на собеседника и тотчас же скромно их опускает. Щеки ее лишены румянца, но зато какие они гладкие и нежные! Фигура Говинди, хрупкая и изящная, была на редкость пропорциональной, руки полные и округлые. На лице ее обычно лежало выражение спокойного достоинства с некоторой долей гордости и холодного высокомерия, словно вся земная суета была для нее ничто.

Мистер Кханна не жаловался на недостаток роскоши и комфорта. Он был владельцем великолепного бунгало, обставленного прекрасной мебелью, ездил он в автомобиле самой последней марки и обладал крупным состоянием. Но в глазах Говинди все это великолепие и богатство не имели никакой цены. Среди этой роскоши ее вечно мучила жажда, словно посреди необозримого соленого океана. Весь ее мир, все ее интересы ограничивались воспитанием детей и мелкими хозяйственными заботами. Они поглощали все ее время, все ее внимание, и ей некогда было даже подумать об удовольствиях и радостях жизни. В чем привлекательность женщины? Из чего складывается эта привлекательность? Над этим она ни разу даже не задумывалась. Для мужа она не игрушка, и призвание свое она видит не в том, чтобы угождать ему и выполнять все его прихоти. Зачем же ей стараться быть более красивой и привлекательной, чем она есть на самом деле? Если у мужа нет глаз, чтобы увидеть ее подлинную красоту, если он только и делает, что волочится за разными сомнительными красотками, в этом виноват он сам. И вот с таким мужем, который так мало ценит ее и так мало привязан к ней, ей приходится жить! Она вынуждена все время прятать глубоко в тайниках своего сердца чувства ненависти и любви. Несметные богатства, которыми владеет ее муж, давят и гнетут ее душу. Всем сердцем желала бы она получить избавление и от громкого имени и от всей этой роскоши! Как счастлива могла она быть, живя в своем доме простой и непритязательной

жизнью! Душа Говинди непрестанно тосковала об этом. Ну почему, почему на ее пути встала какая-то Малти и мешает ей жить? Почему кокоткам оказывается такое внимание и уважение? Почему сомнения, неискренность, недомолвки и беспокойство, словно терновые шипы, усеивают весь ее жизненный путь?

Много лет назад, еще в ту пору, когда Говинди училась в Балика Видьялая¹, она заразилась страстью к сочинительству, которая приносит человеку только скорбь и страдания. Что ей были богатство и наслаждения! Они существуют для того, чтобы в честь их разжигали костры Холи, которые манят к себе людей, толкают их на безрассудные поступки и лишают покоя. И сейчас еще она время от времени садилась писать стихи. Да только кому станешь их читать? Стихи ее не были плодом сердечного порыва или полета воображения — вовсе нет! Каждая строчка стихов Говинди была переполнена ее душевными переживаниями, холодным пламенем ее слез. В стихах она изливала свою мечту поселиться где-нибудь в таком месте, где она могла бы укрыться от тщеславия, клеветы и злословия, спокойно вкушать простые человеческие радости в мирном уединенном домике. Всякий раз, когда ее стихи попадались на глаза Кханне, он издевался над ними, а порой рвал их и швырял в мусорную корзину.

Стена богатства, возникшая между ними, с каждым годом становилась все выше и выше, все больше разлучала их, все дальше отдаляла друг от друга. Как любезен и ласков бывал мистер Кханна со своими клиентами! И каким грубым и раздражительным становился он дома! В гневе он то и дело обижал и оскорблял Говинди. Его вежливость и учтивость были не просто, естественными человеческими чертами, а всего лишь средством одурачивать людей. Говинди в таких случаях запиралась в своей спальне и плакала всю ночь напролет. А Кханна в это время либо слушал в гостиной музыку, либо шел в клуб и опустошал там винные бутылки. Однако, несмотря на это, Кханна продолжал оставаться для нее всем. Униженная и презираемая, она все-таки была любящей его женой и служанкой. Она могла ссориться с Кханной, сердиться на него, плакать, но тем не менее принадлежала

¹ Балика Видьялая — буквально «институт для девушек». Учебное заведение, в котором девушек из состоятельных семей обучали воспитанию детей и ведению домашнего хозяйства.

только ему. Даже на миг она не могла себе представить, как бы она стала жить без Кханны!

Этим утром мистер Кханна проснулся в прескверном расположении духа. Едва он открыл утреннюю газету, как увидел, что цены на ряд его товаров сильно понизились. Он потерпел убыток на несколько тысяч рупий. Рабочие сахарного завода объявили забастовку. В расчете на хорошую наживу он закупил серебро, но цена его на бирже упала еще больше. Торговля, которую он вел с раз-сахи-бом и которая, как он надеялся, должна была принести ему большую прибыль, в течение этих нескольких дней, казалось, совсем замерла. Кроме всего прочего, вчера он выпил лишнее, и теперь у него трещала голова. Мистер Кханна чувствовал себя совершенно разбитым! А тут еще шофер доложил, что не в порядке его автомобиль. И в довершение всего он получил известие о том, что по делу принадлежащего ему в Лахоре банка началось следствие. Мистер Кханна лежал в постели и мысленно чертыхался, когда Говинди, войдя в спальню, сказала ему:

— Температура у Бхишама так и не снизилась! Позови доктора!

Бхишам был их младшим сыном. С самого рождения он отличался слабым здоровьем и что ни день с ним что-нибудь да случалось. Сегодня он кашлял, завтра его вдруг начинала трепать лихорадка, послезавтра он вынуживал руку или его прохватывал зеленый понос. Ему было уже десять месяцев, однако на вид ему можно было дать не больше пяти-шести. Кханна решил однажды, что мальчик не жилец на этом свете, и этого было достаточно, чтобы он совсем перестал интересоваться его судьбой. Однако Говинди по той же самой причине любила Бхишама больше всех остальных детей.

Проявляя отцовскую заботу, Кханна сказал:

— Детей к лекарствам приучать не следует, а у тебя какая-то страсть постоянно пичкать их разной дрянью. Чуть что, уже изволь звать доктора! Подожди немного, пошел только третий день, как он заболел. Может быть, все и так пройдет!

— Температура держится уже третий день,— продолжала настаивать Говинди.— Я все домашние средства испробовала, ничего не помогает.

— Ну что ж, ладно. Кого вызвать? — спросил он.

— Позови доктора Нага.

— Ладно, позову. Только имей в виду, что не всегда тот доктор хорош, у которого громкое имя. А доктор Наг умеет только гонорар вытягивать. Я еще не видел человека, которого бы его лекарства избавили от недуга! Он тем только и знаменит, что отправляет своих больных в райские сады.

— Тогда позови еще кого-нибудь. Я только потому и вспомнила о докторе Наге, что он у нас уже бывал.

— А почему бы нам не позвать мисс Малти? Она и гонорар берет небольшой, а потом женщина-врач понимает детей лучше, чем любой мужчина.

— Я не считаю мисс Малти врачом! — вспыхнула Говинди.

Кханна, недовольно поглядывая на жену, сказал:

— Что ж, по-твоему, она в Англию ради развлечения ездила? Или то, что она спасает жизни тысячам людей, для тебя ничего не значит?

— Может быть. Только я ей не верю. Пускай она лучше лечит сердца мужчин. Это ее основное занятие!

— Ах так? Тогда решено: зову мисс Малти! — загремел Кханна.

Говинди залилась слезами. Одно лишь упоминание имени Малти кем-либо из них было равносильно объявлению войны.

Кханна, швырнув на пол газеты, заорал:

— Ты мне всю жизнь отравила!

— Взял бы да и женился на своей Малти! — с язвительной усмешкой сказала Говинди. — Что это ты вдруг так разъярился? Наверно, уже преуспел у нее?

— Ты за кого меня принимаешь?

— За одного из тех, кого Малти хочет сделать своим рабом, но никак не хозяином!

— Значит, ты меня считаешь таким ничтожеством?

И тут мистер Кханна начал приводить доказательства, пытаясь опровергнуть слова жены: Малти уважает его, как, пожалуй, никого другого! О раз-сахибе, о радже-сахибе и не спрашивает, но если не увидится с ним, Кханной, то на другой день уже жалуется...

Но все эти доводы нисколько не убедили Говинди.

— А это только потому, что она знает, что ты ослеплен больше, чем все другие! Других-то так просто ей не одурачить!

— Захотел бы, сегодня женился бы на Малти, сейчас же! — расхвастался Кханна.

Однако Говинди была совершенно другого мнения.

— Умоляй, проси ее об этом хоть до своего седьмого рождения, она и тогда за тебя не пойдет! Ты для нее всего лишь верховой мул! Она тебя и травкой угостит, и по морде потреплет, и по спине похлопает, лишь бы покрепче усесться на тебе верхом! Ты у нее под каблуком, как и тысячи подобных тебе дураков!

Сегодня Говинди была полна воинственного пыла. Можно было подумать, что она давно готовилась к этому бою с мужем и что вызов доктора был, по сути дела, лишь предлогом. Но мог ли допустить мистер Кханна, чтобы кто-нибудь столь открыто сомневался в его способностях, уме и мужестве?

— Значит, по-твоему, выходит, что я мул и безмозглый идиот? — спросил он. — Почему же тогда тысячи людей добиваются моего внимания и лебезят передо мной? Найдется ли хоть один раджа или талукдар, который бы не отвешивал мне поясного поклона? Да я их сам всех в дураках оставляю!

— А Малти как раз тем и отличается, что умеет брить тупой стороной ножа тех, кто бреет других правленной бритвой!

— Черни Малти сколько твоей душе угодно, все равно ты праха под ее ногами не стоишь!

— А по мне, так она просто-напросто шлюха, которая, приспустив покрывало, охотится за мужчинами!

Оба обрушили на головы друг другу пламя гнева, накопившегося у них в сердцах. Если бы Кханна наговорил еще больше всяких грубостей и оскорблений, но по другому поводу, Говинди они не показались бы такими страшными. Но слушать восхваления ненавистной соперницы было выше ее сил! С другой стороны, и Кханну ничто не могло так разозлить, как слова, сказанные Говинди. Такое открытое презрение жены к Малти выводило его из себя. Оба они отлично знали уязвимые места друг друга. Пущенные ими стрелы попали в цель, и оба они оказались жестоко раненными.

У Кханны глаза налились кровью. Краска залила лицо Говинди. Взмешенный Кханна схватил жену за уши, с силой дернул и надавал ей пощечин. Говинди, вся в слезах, убежала на свою половину.

Немного погодя явился доктор Наг. Вместе с ним пришли частный хирург мистер Тад и ученый лекарь Нилкантх Шастри, но Говинди забила в свою комнату и не вышла к ним. Кто из них что сказал, какой был поставлен диагноз — она не знала. Несчастье, которого она все время опасалась, сегодня, наконец, обрушилось на ее голову. Сегодня Кханна начисто порвал с ней всякие отношения. Он словно прогнал ее из дома и захлопнул за ней двери. Чтобы та, кто на весь базар кричит о своей красоте, та, чьей тени она не позволила бы упасть на себя, тайно властвовала над ней, Говинди? Нет, этому не бывать! Кханна — ее муж. Он вправе поучать и наставлять ее. Она вытерпит от него даже побои, но власть Малти? Нет, это невозможно! Но сейчас, когда ее ребенок мечется в жару, что она может сделать? Как видно, ей придется поступиться своим самолюбием ради материнского долга.

На второй день жар у мальчика спал. Говинди велела слуге позвать тонгу¹ и вышла из дому. Ни минуты больше не останется она в этом месте, где она подверглась столь тяжкому оскорблению! Нанесенный ей удар был так тяжок, что в сердце у нее не осталось даже любви к детям. Она уже выполнила свой долг перед детьми: сделать для них остальное — долг Кханны! Грудного ребенка она оставить не может, потому что он — часть ее души, и она, покидая этот дом, унесет с собой свою душу. Ничего больше здесь не принадлежит ей! Кханна полагает, что она во всем зависит от него. Ну что ж! Говинди покажет, что она сумеет прожить и без него.

В это время трое ее детей пробежали во двор играть. В сердце Говинди на миг вспыхнуло желание в последний раз приласкать их. Но ведь она будет недалеко отсюда! Если в сердцах детей сохранится любовь к матери, они сами придут к ней и будут играть в ее доме. Она сама станет навещать их, когда сочтет то нужным. Она не хочет только одного — в чем-либо зависеть от Кханны.

Наступал вечер. В парке царили веселый шум и оживление. Люди располагались на траве и наслаждались отдыхом. Проехав мимо Хазрат Ганджа², Говинди велела

¹ Тонга — легкий крытый двухколесный экипаж.

² Хазрат Гандж — главная улица в Лакнау.

свернуть к зоопарку, как вдруг увидела едущих навстречу ей в автомобиле Кханну и Малти. На миг ей показалось, что Кханна кивнул в ее сторону и сказал что-то Малти, а та в ответ улыбнулась. Впрочем, нет, должно быть, у нее просто разыгралось воображение. Кханна не станет бесчестить ее перед Малти. Какая она, однако, бесстыдница, эта Малти! Говорят, что она имеет отличную практику, что дом у нее — полная чаша, и тем не менее — только и знает, что торгует собой! И почему она не выходит замуж? А кто захочет на ней жениться? Нет, не то! Среди мужчин найдется немало ослов, которые сочли бы себя счастливыми, если бы им удалось добиться ее руки. Любит ли кого-нибудь сама Малти? Вот в чем все дело!

А много ли радости в замужней жизни? Правильно она поступает, что не выходит замуж. Сейчас все мужчины у ее ног, все ее рабы, а когда выйдет замуж — придется ей удовольствоваться положением наложницы одного из них. Правильно, очень правильно поступает Малти! Кханна сейчас, как и все прочие, лижет ей пятки, а женись она на ней — начнет и ее тиранить! Только выйдет ли она за него? Если бы в обществе завелось вдруг хоть несколько таких женщин, они бы заставили всех мужчин сгореть со стыда.

В сердце Говинди родилась вдруг великая жалость к Малти. Нападая так на Малти, она поступает по отношению к ней несправедливо. Неужели у нее не открылись глаза при виде того, как мучаюсь я? Что плохого она делает, избегая этих сетей? Ведь она своими глазами вдоволь нагляделась на адские муки замужней жизни!

В зоопарке стояла полная тишина. Говинди велела кучеру остановить тонгу и, подхватив на руки ребенка, направилась было в сторону зеленой лужайки. Однако не успела она сделать и нескольких шагов, как ее сандалии промокли. Как раз перед ее приходом служители полили газоны и на них, скрытые травой, стояли лужицы воды. Говинди поступила опрометчиво: вместо того, чтобы повернуть назад, она сделала еще шаг вперед и окончательно увязла в грязи. Она глянула себе на ноги — где тут раздобудешь воды, чтобы вымыть их? Говинди забыла о всех своих тревоблениях, которые лишь минуту назад владели ею. Она стала соображать — где и как ей вымыть ноги. Это неожиданное происшествие прервало

цепь ее размышлений. С перепачканными мокрыми ногами она не могла думать ни о чем!

Вдруг на глаза ей попался наполозину закрытый травой длинный шланг, из которого струилась вода. Говинди подошла к нему, вымыла ноги и сандалии, умыла лицо и руки и, набрав в пригоршню воды, напилась. Затем, перешагнув через шланг, она присела отдохнуть там, где было посуше.

Когда человека одолевает печаль, в голове у него тотчас же рождаются мысли о смерти. Вот сидит она тут и вдруг умрет! Что тогда? Кучер, конечно, сейчас же помчится докладывать об этом Кханне. А Кханна, получив известие о ее смерти, наверно, обрадуется. Однако, чтобы показать людям, что он горюет, приложит к глазам платок. А для детей игрушки и забавы во сто раз дороже матери. Вот какова цена ее жизни! В мире не найдется ни одного человека, который обронит по ней хоть пару слезинок!

Потом на память Говинди пришло то время, когда была жива ее свекровь. Тогда Кханна еще не шел по своему нынешнему порочному пути. Ей тогда очень не нравилась привычка свекрови расстраиваться и ворчать из-за каждого пустяка. А теперь ей начинало казаться, что в ворчании свекрови были и ласка и любовь к ней. Бывало, она сердилась на свекровь, а та терпеливо ее успокаивала. Да если бы они сейчас месяцами так ссорились, разве это беда?

Затем Говинди вспомнила вдруг о своей матери. О, если бы только жива была ее мать! Разве была бы она теперь так одинока и несчастна? Хоть у матери и не было ничего, но для Говинди всегда были открыты ее ласковые объятия, всегда можно было уткнуться в теплые колени матери и вволю наплакаться. Но нет! Плакать она не станет. Она не хочет, чтобы мать страдала в раю. Мать уже сделала для нее все, что могла. «Она не может теперь разделить со мной мою горькую судьбу,— думала Говинди,— так зачем же ее тревожить? Теперь надо мной никто не властен. Я сама могу зарабатывать себе на пропитание. Завтра же возьму товары из «Ганди ашрама»¹ и начну торговать. Что в том позорного? Ну, конечно,

¹ «Ганди ашрам» — буквально «приют Ганди». Благотворительные заведения для вдов, организованные Ганди.

люди будут показывать на меня пальцами и говорить: вон, мол, идет жена Кханны! Но кто неволит меня оставаться в этом городе? Кто запретит мне переехать в какой-нибудь другой город, где меня никто не знает? Не велика трудность заработать десять—пятнадцать рупий. Буду есть хлеб, заработанный своими руками, и никто больше не станет помыкать мной. Мой муж потому лишь и заносится, что я живу на его деньги. Теперь я сама стану зарабатывать себе на жизнь».

Так говорила себе Говинди, как вдруг она увидела идущего к ней Мэхту. Сейчас, когда она раздумывала над своими горестями, ей хотелось быть в полном одиночестве, и не было ни малейшего желания разговаривать с кем бы то ни было. Как некстати эта неожиданная встреча! А тут еще ребенок у нее на руках заплакал.

Мэхта, подойдя к Говинди, удивленно спросил:

— Каким образом вы очутились здесь в эту пору?

— Точно таким же, как и вы! — ответила Говинди, баюкая сына.

Мэхта усмехнулся.

— Обо мне разговор особый! — проговорил он. — Я ведь как бродячая собака. Ни кола, ни двора. Дайте-ка мне вашего малыша, я попробую его успокоить.

— Вы, оказывается, умеете обращаться с детьми?

— Попрактиковаться хочу! — ответил Мэхта. — Может быть, придется сдавать экзамен на звание отца.

— Вон как! Значит, вам все же придется сдавать такой экзамен?

— Да. Вот я и готовлюсь. А когда подготовлюсь — сдам. Ради того, чтобы получить какой-нибудь пустяковый диплом, мы портим глаза над книгами, а ведь отцовство — важный житейский экзамен.

— Ну, хорошо! Поглядим, в какой класс вас можно определить! — сказала Говинди, протягивая ему ребенка. Мэхта несколько раз подкинул его вверх и тот успокоился.

— Ну, что, видали, как я живо его убаюкал? — поребачьи хвастливо спросил Мэхта. — Теперь, пожалуй, и мне можно будет завести ребенка.

— Одного только ребенка или вместе с матерью? — засмеялась Говинди.

Мэхта с шутливой безнадежностью замотал головой:

— Никогда не встретится мне такая женщина!

— Почему же? Разве у вас нет мисс Малти? Красива, образованна, талантлива, очаровательна! Что вам еще нужно?

— Мисс Малти не обладает ни одним качеством, которые я желал бы видеть у моей жены.

Говинди с наслаждением слушала это осуждение своей соперницы.

— Чем же она плоха, хотела бы я знать? Женихи вокруг нее так и вьются. Я слышала, что только такие женщины и нравятся нынешним мужчинам.

Мэхта, спасая свои усы от рук ребенка, сказал:

— Моя жена будет иного сорта. Она должна быть такой, чтобы я мог ей поклоняться.

Говинди невольно засмеялась.

— Вы, видимо, собираетесь жениться на какой-нибудь богине! Едва ли встретите такую женщину.

— Ошибаетесь! Одна такая богиня есть в нашем городе.

— Неужели? Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть на нее и постараться стать такой же, как она.

— Она вам отлично известна. Она — супруга одного миллионера, однако презирает все земные радости и наслаждения. Ей приходится терпеть несправедливости и оскорбления, но она тем не менее продолжает выполнять свой долг. Она принесла себя в жертву на святой алтарь материнства и более чем какая-нибудь другая женщина достойна того, чтобы ей поклонялись все, словно священному изваянию.

Волна счастья захлестнула сердце Говинди. Она все поняла, однако, сделав вид, что не понимает, сказала:

— Вы воздаете этой женщине хвалу, а по-моему, судьба ее достойна сожаления!

— Сожаления? — удивленно переспросил Мэхта. — Вы оскорбляете ее. Она совершенная, идеальная женщина, а идеальная женщина — это идеальная супруга.

— Идеал этот сегодня несколько устарел.

— Этот идеал вечен, бессмертен! Если человек растопчет его, он растопчет самого себя!

Сердце Говинди было полно ликования. Никогда еще не испытывала она такого трепета и волнения. Среди знакомых ей людей Говинди больше всех уважала Мэхту и, слыша из его уст такие похвалы, пила их, как хмельной напиток.

— Так, пожалуйста, познакомьте меня с ней!

— Эта женщина находится здесь,— ответил Мэхта, целуя щеки ребенка.

— Где же? Я никого здесь не вижу!

— Я разговариваю с этой дэви.

Говинди рассмеялась.

— Вы решили сегодня подшутить надо мной, не так ли?

— Дэви джи! — проникновенным голосом заговорил Мэхта. — Вы несправедливы ко мне. Но еще больше вы несправедливы к самой себе. Немного найдется на свете людей, которые пользовались бы моим безграничным уважением, и одной из этих немногих являетесь вы. Ваша готовность к самопожертвованию, доброта вашей души — поистине беспримерны. Самым большим счастьем для меня, на которое я хотел бы рассчитывать, было бы служение такой же дэви, как вы! Вы — идеал женственности!

Слезы благодарности и счастья блеснули на глазах у Говинди. Какому горю, какой беде не сумеет она противостоять теперь, надев на себя кольчугу из этой веры! Все ее существо в этот миг словно переполнилось мелодией сладкозвучной песни.

Стараясь не показать, насколько лестны и приятны для ее женского сердца слова Мэхты, Говинди сказала:

— И зачем только вы философией занялись, Мэхта джи? Вам бы надо было быть поэтом!

Мэхта простодушно рассмеялся:

— Вы полагаете, что человек может быть поэтом только в том случае, если он не философ? Философия — лишь промежуточная стадия на пути к поэзии.

— Тогда вы на пути к поэзии! Только известно ли вам, Мэхта джи, что поэту нечего рассчитывать на мир и покой?

— То, что люди называют страданиями и мукой, — это покой и отдохновение для поэта. Богатство и слава, красота и сила, наука и разум — сколько бы ни пленяли, сколько бы ни очаровывали они разум людей — все это ни на минуту не привлечет внимания поэта. Несбывшиеся надежды и мечты, поверженные боги и слезы разбитых сердец — вот источник вдохновения и радости для поэта. В тот самый день, когда умрет его любовь ко всему этому,

он перестанет быть поэтом. Философия только слегка касается всех этих явлений жизни, а поэт ими живет. Я читал некоторые ваши стихи, и один я знаю, как много в них мелодии и сердечного трепета, сколько в них сладкой боли и повергающего в слезы волнения. Как несправедливо поступила природа, не сотворив еще одной такой же дэви!

В голосе Говинди, когда она ответила Мэхте, слышна была печаль:

— Нет, Мэхта джи! Напрасно вы меня хвалите. Подобные женщины попадают к вам на каждом шагу, и среди них — я, наверно, самая плохая. Что это за женщина, которая не в силах услужить своему мужу, не в силах приспособиться к нему! Я вот думаю иногда — уж не поучиться ли мне всему этому у Малти. Там, где я терплю поражение, она торжествует. Я не могу удержать за собой даже того, что по праву принадлежит мне, а она шутя присваивает себе чужое. Разве не вправе она гордиться этим?

Мэхта поморщился:

— Если вино отнимает у людей разум, так что же, прикажете считать его лучше воды, которая и жажду утоляет, и дает человеку жизнь, и приносит ему успокоение? — спросил Мэхта.

— Как бы там ни было, а только воду никто не ценит, а для вина продаются бочки. И потом, чем вино крепче, чем оно пьянее — тем оно ценней. Я чувствую, и вы к нему равнодушны.

Говинди достигла той грани отчаяния и безнадёжности, когда в душе у человека рождается неверие даже в истину и религию, однако Мэхта этого не замечал. Все его внимание привлекла лишь последняя, сказанная Говинди фраза. Никогда прежде, даже после самых энергичных увещаний и уговоров друзей бросить пить вино, не чувствовал он такого раскаяния и такого сожаления, что он пристрастен к алкоголю. На любые аргументы у него были готовы про запас ответы, причем убедительные ответы, однако он не нашелся, что ответить на этот легкий щелчок, который панесла ему Говинди. Мэхта ругал самого себя — угораздило его привести этот пример с вином! Он сравнил Малти с вином, но удар, который он хотел нанести Малти, обрушился на его же голову. Мэхта был сконфужен:

— Да, дэви джи, признаю, что страсть к вину живет и в моей душе. Уж если я признался, что оно необходимо для меня и преувеличил его достоинства, я не стану отпираться: это только усугубит мою вину. Клянусь вам, что отныне я и капли вина в рот не возьму!

— Что вы, Мэхта джи! — испуганно сказала Говинди. — Бог свидетель, у меня и в уме этого не было. Я очень сожалею...

— Нет, вы должны быть довольны тем, что принесли облегчение одному из своих ближних.

— Я принесла облегчение? Да я сама готова на коленях молить вас спасти меня.

— Спасти вас?

— Да, да! — со слезами на глазах подтвердила Говинди. — Кроме вас, я не знаю никого другого, кому бы я могла поведать свои горести. Надеюсь, что этот разговор останется между нами. Впрочем, ставить вам это условие нет никакой нужды! Жизнь теперь стала для меня совершенно невыносимой. До тех пор, пока хватало терпенья, я мирилась с этим, но сегодня терпению моему пришел конец. Малти просто изводит меня, и я никак не могу взять над ней верх. Ваше влияние на нее огромно. Так, как она уважает вас, она не уважает, пожалуй, ни одного мужчину! Если вы как-нибудь поможете мне избавиться от нее — век буду вам благодарна. Она отнимает у меня счастье и любовь. Если вы в силах спасти меня — спасите! Сегодня я ушла из своего дома, чтобы больше никогда в него не возвращаться. Я старалась изо всех сил, я боролась, как могла, но у женщины слабое сердце. Мэхта джи! Вся ее жизнь — в любви. Быть живой и любить — для нее это невозможно! До нынешнего дня я прятала мое горе глубоко в сердце, а теперь я протягиваю к вам руку за помощью. Ради бога, спасите меня, помогите мне избавиться от Малти! Эта колдунья губит меня...

Слезы прервали слова Говинди. Она горько зарыдала.

Никогда еще, даже в ту пору, когда Французская академия объявила его труд лучшим сочинением нынешнего столетия и прислала ему поздравления, не подымался Мэхта так высоко в своих собственных глазах, как сейчас. Идол, которому он до сегодняшнего дня искренне поклонялся, женщина, которую он считал в глубине души богиней и у которой надеялся получить помощь, когда

столкнулся с не понятными ему жизненными вопросами, эта женщина сегодня сама просила ей помочь. Мэхта вдруг ощутил в себе необычайный прилив сил. Ему казалось, что он мог бы сейчас сдвинуть горы и переплыть океан. Он был словно пьяный и походил на ребенка, который сел на игрушечного деревянного коня и воображает, что несется на нем по воздуху.

Мэхта не подумал, какую нелегкую задачу взваливает он себе на плечи и сколькими своими принципами ему придется поступиться.

— Не думайте больше о Малти! — заявил он Говинди. — Она не будет больше стоять на вашем пути, клянусь моим разумом, клянусь моими глазами, моими идеями, чем хотите! А я и не догадывался даже, что именно из-за Малти вы так печальны и подавлены. Если бы я знал, разве пришлось бы вам так страдать?

Говинди одолевали сомнения:

— Имейте в виду — не так-то просто вырвать добычу из пасти тигрицы!

— Сердце женщины — все равно что земля, на которой можно взрастить и сладкий плод и горький! Это зависит от того, как воздействовать на заложенные в ней начала, — убежденно ответил Мэхта.

— Вы, наверно, думаете, что вот, мол, угораздило же меня наткнуться на нее сегодня?!

— Не знаю, поверите вы мне или нет, но я скажу, что сегодняшний день — самый счастливый день моей жизни!

— Я взвалила на вас такое тяжкое бремя...

— Мне, право, становится неловко, дэви джи! — твердо ответил Мэхта. — Я ведь сказал вам, что я ваш раб. Если бы мне пришлось даже умереть за вас, я бы счел это за великое счастье. Не думайте только, что эти слова — всего лишь плод мимолетного поэтического вдохновения. Это правда, клянусь жизнью! Я не могу сдерживать желания рассказать вам о том, какова должна быть, по моему мнению, жизнь. Я жрец всего естественного и хочу, чтобы человек держался естественно и просто, чтобы он смеялся, когда ему смешно, плакал, когда ему грустно, и наносил удары, когда его охватывает гнев. С теми же, кто одинаково подавляет в своем сердце и горе и радость, кто в слезах усматривает признак слабости, а в смехе — признак легкомыслия и пустоты, я не хочу иметь никакого дела. Жизнь для меня — исполненная радости игра,

безыскусственная и прозрачная, где нет места пороку, зависти и злобе. Я не думаю о прошлом и не забочусь о будущем. Я живу настоящим. Раздумья о будущем все-
ляют в наши сердца трусость, а тяжкий гнет прошлого отнимает у нас надежду. Сила жизни в нас так слаба, что, когда мы делаем попытку углубиться в прошлое или будущее, она совсем угасает! Мы задыхаемся под грудой обветшалых обычаев и традиций, старых воззрений и убеждений и, неся на себе этот бесполезный, ненужный груз, даже не стараемся сбросить его. Для этого у нас нет ни сил, ни мужества. Те силы и способности, которые следовало бы использовать для осуществления человеческих мечтаний, для помощи ближним, для укрепления братских связей, бессмысленно расходуются на месть за старые обиды и на исполнение стародавних дедовских заповедей. А что касается всей этой болтовни о боге и спасении души, то она вызывает у меня только смех. По правде говоря, и душа и бог не более как проявление крайнего индивидуализма, который постоянно убивает в нас все человеческое. Где ключом бьет жизнь, где радость, где любовь — там и бог, там и молитва о лучшей жизни, там и спасение! Мудрецы говорят: улыбка не должна появляться на устах, а слезы — на глазах. А я утверждаю, что если вы не умеете смеяться, не умеете плакать — то вы не человек, а камень! Разум, который убивает в человеке человеческое, не разум, а пресс для выжимания мыслей. Но... прошу прощения, я прочитал вам тут целую лекцию. Уже поздно, пойдемте, я подвезу вас. Да и сын ваш заснул у меня на руках.

— Меня там ждет тонга, — сказала Говинди.

— Сейчас я ее отпущу.

Когда Мэхта, расплатившись с кучером тонги, вернулся обратно, Говинди спросила его:

— А куда вы меня повезете?

— Как куда? — опешил Мэхта. — К вам домой!

— Это не мой дом, Мэхта джи!

— А чей же, мистера Қханны?

— Об этом нечего и спрашивать. Дом этот отныне не принадлежит мне. Дом, в котором мне пришлось вытерпеть столько позора и бесчестия, я не считаю, да и не могу считать своим домом.

— Нет, это не так, дэви джи, — ответил Мэхта голо-
сом, полным боли. Каждое слово Мэхты, казалось, шло

из самой глубины его сердца.— Дом этот ваш и всегда останется вашим. Дом этот основали вы! Вы дали жизнь его обитателям, и как душа управляет телом, так и вы управляете семьей. Что станет с телом, если оно лишится души? Звание матери — великое звание, дэви джи! А когда и где не оскорбляли это звание бесцельно и безрассудно? Миссия матери — давать жизнь. И стоит ли той, кто одарен такой беспрецедентной способностью, обращать внимание на то, что кто-то обижается или сердится на нее?! Тело не может жить без души, и тело же является единственно достойным для нее вместилищем. Впрочем, мне ли говорить вам о долге и самоотверженности? Вы сами — живое их олицетворение. Скажу вам только...

— Но ведь я не только мать,— нетерпеливо прервала его Говинди.— Я к тому же еще и женщина!

— Да, конечно! — сказал после некоторого молчания Мэхта.— Однако женщина для меня прежде всего — мать, и все остальное в ней является лишь дополнением этого. Материнство — величайшее в мире подвижничество, величайшая жертва и величайшая победа. Одним словом, я назову его высшим проявлением жизни, личности и женственности. А что касается мистера Кханны, то считайте, что он не в своем разуме и что все его разговоры и все его поступки совершаются им в состоянии безумия. Долго в таком состоянии находиться он не может. Скоро наступит время, когда он сделает вас предметом своего обожания.

Говинди, ничего ему не ответив, тихонько пошла к автомобилю. Мэхта зашел вперед и распахнул перед ней дверцу. Говинди опустилась на сиденье. Автомобиль тронулся, но оба хранили молчание.

Когда автомобиль подкатил к дому Говинди и она вышла из него, то при свете фонарей Мэхта увидел, что глаза у Говинди полны слез.

Из дома выбежали дети и с криками: «Мама, мама!» со всех сторон облепили ее. Сияние материнского величия осветило лицо Говинди.

— Большое вам спасибо за ваше участие! — сказала она Мэхте и низко-низко ему поклонилась. Слезы катились по ее щекам. Увлажнились глаза и у Мэхты. Сколько горя и страдания таит в своем сердце эта женщина, живущая среди такой роскоши, блеска и изобилия!

У Мирзы Хуршеда есть за городом огороженный участок, домик, который служит ему жильем и конторой, и при нем спортивная площадка. С утра до вечера здесь толпятся люди. Раньше во всем квартале нельзя было найти места для спортивной площадки, поэтому Мирза Хуршед решил оборудовать ее на своем участке. Каждый день здесь собираются сотни до полторы борцов. Мирза Хуршед иной раз и сам не прочь померяться с ними силой. Здесь же заседают панчаяты квартала, здесь разбирают ссоры и тяжбы между братьями, между мужьями и женами, свекровьями и невестками. Здесь же сосредоточена вся общественная и политическая жизнь квартала. Что ни день, здесь происходят собрания, здесь же останавливаются и дают представления танцевальные труппы. Здесь вырабатывается политика всего города. На состоявшемся здесь недавно собрании мисс Малти была избрана председателем городского комитета Конгресса, и это место приобрело еще большую известность.

Гобар живет здесь почти целый год. Теперь это уже не прежний наивный и доверчивый деревенский парень. Он успел достаточно повидать всего и стал понемногу разбираться что к чему. Но по сути дела он как был, так и остался деревенским: зубами держится за каждую пайсу, упорно добивается своего, не чурается тяжелой работы и ни при каких обстоятельствах не падает духом. Однако город уже успел оказать на него свое влияние. В первые месяцы своего пребывания в городе Гобар хватался за любую работу и, живя впроголодь, скопил малую толику денег. Позднее он стал разносить по богатым домам салат и простоквашу, потом нашел более прибыльное дело и бросил это занятие. Он завел лоток и в жаркую пору начал торговать шербетом и льдом. В расчетах с клиентами Гобар всегда был аккуратен и честен. Это принесло свои результаты: он стал пользоваться хорошей репутацией и доверием покупателей. Когда подошел сезон джара¹, Гобар перестал торговать шербетом и начал поить своих клиентов горячим чаем. Он зарабатывает теперь до трех рупий в день, постригся на английский манер, носит

¹ Джара — самое холодное в Индии время года, длится с января по март.

дхоти из легкой тонкой материи, европейские ботинки и даже купил себе добротное шерстяное покрывало. Он пристрастился жевать бетель и курить сигареты. Часто посещая всякие собрания, Гобар начал разбираться в политике и уже понимал, в чем разница между классом и нацией. Он начал забывать старые обычаи, а людские пересуды теперь мало интересовали его. Каждый день он видел, как заседают городские панчаяты, и это его больше не пугало. То дело, из-за которого он тайком сбежал в город из отчего дома, здесь никого бы не удивило. Здесь почти ежедневно случались вещи куда серьезней, однако никто никуда не убегал. Так чего же ему бояться, с какой стати прятаться?

За все это время Гобар не послал домой и пайсы. Он не считал своих родителей достаточно опытными в денежных делах. Им только дай деньги в руки — они сразу почувствуют себя на седьмом небе! Отец тотчас же вздумает отправиться в паломничество по святым местам, а мать непременно накупит всяких украшений. На такие глупости у него денег нет! Он теперь сам мелкий ростовщик и ссужает деньги под проценты живущим по соседству возчикам и дхоби¹. За какие-нибудь десять—одиннадцать месяцев, неустанно трудясь и отказывая себе во всем, Гобар обзавелся жильем и теперь подумывал о том, чтобы забрать к себе Джхунию.

Миновал полдень. Ополоснув лицо и руки под уличной водопроводной колонкой, Гобар пришел домой и начал было чистить картошку, как вдруг в дверях появился Мирза Хуршед. Гобар больше не служил ему, однако почитал его попрежнему и готов был пожертвовать ради него жизнью. Поднявшись навстречу Мирзе Хуршеду, Гобар спросил:

— Что прикажете, саркар?

Мирза, стоя у порога, ответил:

— Если у тебя есть деньги, дай мне. Третий день уже к бутылке не притрагивался. Душа тоскует.

До этого Гобар раза два или три уже одалживал Мирзе деньги, однако получить их обратно так и не смог.

¹ Д х о б и — каста прачек; в Индии стиркой белья занимаются преимущественно мужчины.

Просить Мирзу отдать ему долг он не решался, а сам Мирза-сахиб, взяв у кого-нибудь деньги взаймы, никогда их не возвращал. Деньги в его руках не задерживались! Только заведутся, глядь — а их уже нет!

Гобар не смел отказать Мирзе и не решался врать, что у него нет денег. Вместо этого он принялся ругать вино:

— И что вы не бросите пить, саркар? Какая польза от того, что вы пьете вино?!

Мирза вошел в комнату и, опустившись на кровать, проговорил:

— Ты думаешь, я сам не хотел бы бросить пить? Думаешь, я пью вино ради удовольствия? Я без него просто дня не проживу. А за свои деньги ты не бойся, все тебе отдам до последней каури.

Гобар остался непреклонным:

— Ей-богу, хозяин, нет у меня сейчас денег. Будь они у меня, разве я бы вам отказал!

— И двух рупий не одолжишь?

— Да ведь нет у меня ничего!

— Возьми в залог мое ангочхи.

Сердце у Гобара екнуло. Но слово сказано, — как тут возьмешь его обратно?

— Что вы, что вы, хозяин! — запротестовал он. — Были бы у меня деньги, так неужто не дал бы вам! На что оно мне, ваше ангочхи?

— Никогда больше не стану просить тебя, Гобар. только сегодня выручи! — продолжал смиренно настаивать Мирза. — Из-за этого вина я сотни тысяч на ветер пустил, обнищал вконец. Сейчас мне уже ничего не остается: милостыню буду просить, а пить не брошу.

Гобар отказал ему и на этот раз. Мирза ушел донельзя расстроенный. В городе у него были тысячи знакомых. Кто знает, сколько их разбогатело благодаря Мирзе, скольких он поддержал в трудную минуту! Но с ними он не любил встречаться. Он знал тысячи способов, с помощью которых мог бы время от времени выручать немалые деньги, но деньги не имели в его глазах никакой цены и словно жгли ему руки. Лишь после того, как он тратил их на что-нибудь, душа его обретала желанный покой.

Гобар снова принялся чистить картошку. За один лишь год он стал таким хитрым, таким ловким, так

преуспел в умении наживать деньги, что оставалось только удивляться! Комнату, в которой он жил сейчас, дал ему сам Мирза-сахиб. За эту комнату и веранду можно было бы получать по пять рупий в месяц. Гобар жил в ней уже около года, однако Мирза ни разу не потребовал с него платы: ему, наверно, просто в голову не приходило, что за эту комнату он мог бы что-то получать.

Через некоторое время к Гобару зашел икка-вала¹, кривой Аладин. Голова у него была обрита, в бороде пробивалась седина. Дочь его уезжала, и ей надо было дать пять рупий на дорогу. Гобар отсчитал Аладину деньги, накинув на каждую рупию одну анну процентов.

Поблагодарив Гобара, Аладин сказал:

— Брат, забрал бы ты сюда жену и ребенка! До каких пор один будешь маяться?

Гобар стал жаловаться на городскую дороговизну. Разве на такой заработок проживешь с семьей!

Аладин, раскуривая сигарету, проговорил:

— Аллах тебе поможет, брат! Подумай только, насколько легче тебе будет жить. Поверь моему слову — на те же деньги, которые ты сейчас один тратишь, прокормится вся твоя семья. У женщин золотые руки, ей-богу! Бывало, когда я один тут жил, сколько ни заработаешь — все проешь и пропьешь. На табак и то не оставалось. Не жизнь, а горе! Придешь — ног под собой не чуешь от усталости, а тут изволь отпрягай лошадь, напои, накорми ее, а потом новая забота — беги в лавку за хлебом. А женился — тех же самых денег и жене на хлеб хватает и мне жить легче! В конце-то концов для того человек работает, чтобы жить в покое. Если убиваешься на работе, а покоя все равно нет, что же это за жизнь! Верно тебе говорю, брат, с женой бы ты и зарабатывал больше! За то время, пока ты тут варишь картошку да горох, ты бы успел двух-трех клиентов чаем напоить. Чай-то в эту пору люди по несколько раз в день пьют! А устанешь, жена тебя приласкает — и всю усталость как рукой снимет!

Слова Аладина растрожили душу Гобара. Он задумался. Да, теперь он, пожалуй, заберет к себе Джхунию!

Картошка так и осталась стоять на очаге, а Гобар принялся собираться в дорогу. Он вспомнил, что близится праздник Холи, и отправился купить все необходимое для

¹ И к к а-в а л а — кучер двухместной повозки икка.

него. Есть среди бедняков такой обычай: в торжественных случаях тратить деньги не задумываясь. Он-то и подстегнул Гобара. В конце концов именно к этому дню он копил деньги, откладывая одну каури за другой. Матери, обеим сестренкам и Джхунии он привезет в подарок по два красивых сари. Хори он купит дхоти и покрывало, Соне — флакончик с духами и пару сандалий, Рупе — японскую куклу, Джхунии — бамбуковую шкатулочку, в которой будут помада, синдур¹ и зеркальце. А своему ребенку он привезет шапочку и длинную ночную рубашку; их можно готовыми купить на базаре.

Гобар взял деньги и отправился на базар. До наступления полудня все подарки были куплены, постель увязана. Жители квартала узнали, что Гобар едет домой. Несколько мужчин и женщин пришли его проводить. Поручая соседям присмотреть за его домом, Гобар говорил:

— Дом мой на вас оставляю! Будет на то воля всевышнего, на второй день Холи вернусь.

— Без жены смотри не возвращайся, а не то домой не пустим! — улыбаясь, сказала ему какая-то молодая женщина.

— Конечно, а иначе как же! — поддержала ее другая, постарше. — Хватит тебе с очагом возиться да обед стряпать. Заработаешь как-нибудь и жене на хлеб!

На прощание Гобар всем сказал «Рам-Рам». Среди провожающих были и индусы и мусульмане. Все они отлично уживались, деля друг с другом и горе и радости. Те, кому нужно было соблюдать пост в месяц рамазан², — постились, те, кому надо справлять экадешы³, — справляли экадешы. Иногда они беззлобно посмеивались друг над другом. Гобар называл намаз⁴ Аладина «встань-ложись», а Аладин в свою очередь величал «гирями» сотни маленьких и больших изображений бога Шивы, стоящих

¹ Синдур — порошок красного цвета, изготавливаемый из киновари, которым наносят кастовые знаки; замужние женщины наносят им также себе на лоб небольшой кружок — тилу и подкрашивают пробор.

² Рамазан — девятый месяц мусульманского лунного года, месяц поста.

³ Экадешы — религиозные обряды индустов, совершаемые на одиннадцатый день лунного месяца.

⁴ Намаз — один из главнейших обрядов ислама, совершается обычно пять раз в сутки. Намаз состоит из молитвы, сопровождаемой установленными телодвижениями.

под фиговым деревом. Однако во всем этом не было ни капли религиозной нетерпимости или фанатизма.

Гобар уезжал домой, и все хотели пожелать ему счастливого пути.

Возчик Бхура даже пригнал свою икку. Целый день он кружил по городу, развозя пассажиров, но как только узнал, что Гобар собрался домой, сейчас же повернул сюда.

Гобар уложил на икку свои пожитки, и они тронулись. Соседи проводили Гобара до угла переуллка, там Гобар снова сказал всем «Рам-Рам» и сел в икку. Повозка бойко катилась по улице.

Гобар радовался, предвкушая встречу с родными. И Бхура был доволен тем, что везет Гобара домой. Лошадь у него сильная, резвая и не бежала — летела! За разговорами они и не заметили, как подкатали к станции.

Гобар, очень довольный, вытащил из-за пояса рупию и, протягивая ее Бхуре, сказал:

— Возьми, купи гостинец хозяйке.

Бхура благодарно и вместе с тем укоризненно поглядел на него:

— Что я тебе, чужой, что ли? В кои-то веки подвез тебя на икке, так что же, за это брать с тебя деньги? Да я за тебя в огонь и воду! Не такой я корыстный человек! А потом, если я возьму с тебя деньги, хозяйка меня со свету сживет!

Гобар, смутившись, ничего ему не ответил. Он подхватил свой багаж и пошел покупать билет.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Пришел месяц пхалгун и все возродил к новой жизни. Манговые деревья щедро источали благодатный аромат, а коиль, черная индийская кукушка, спрятавшись в их листве, с одинаковой добротой оделяла всех своими звучными песнями. Настала пора посадки сахарного тростника.

Солнце еще не взошло, а Хори уже работал в поле. Дхания, Рупа, Сона втроем вытаскивали из пруда связи набухшего в воде сахарного тростника и относили их на поле, а Хори, вооруженный секачом, разрубал его на куски. Он теперь батрачил на Дата Дина. Больше он не вольный крестьянин, а батрак, и его отношения с Дата Дином

уже не прежние. Дата Дин теперь — хозяин, а Хори — его батрак.

Придя на поле, Дата Дин стал подгонять Хори:

— Поживей, шевелись! Этак ты за целый день тростник не изрубишь!

Голосом, в котором слышалась уязвленная гордость, Хори ответил:

— И так работаю, махарадж! Не сажу ведь!

Дата Дин умел выжимать из батраков все силы — батраки у него и спины разогнуть не смели. Хори отлично знал повадки Дата Дина, но податься ему было некуда.

Остановившись перед Хори, пандит продолжал поучать:

— Работать можно по-разному. Можно работать так, что за час всей работе конец, а можно и так, что за день вязанки тростника не изрубишь!

Подгоняемый его ядовитыми словами, Хори стал работать быстрее. Целыми месяцами он не наедался досыта. Из года в год сидел на одном только чабэна, а все остальное время жил впроголодь, либо вовсе голодал. Всей душой он рад бы был работать быстрее, но руки отказывались повиноваться. А тут ещё Дата Дин над душой стоит! Остановиться бы на минуту, дух перевести — глядишь, и сил бы прибавило. Да разве тут передохнешь? Спину разогнуть и то боязно.

Дхания и обе ее дочери, грязные, в мокрых сари, с которых бежала вода, приволокли на поле по вязанке тростника и хотели было немного отдохнуть, но Дата Дин и на них прикрикнул:

— Ты что, представление, что ли, явилась смотреть? Ступай дело делай. Деньги тебе не даром платят. За целый пахар¹ всего одну связку принесла. Если и дальше так станете работать, то и за весь день тростник не перетаскаете!

Дхания изменилась в лице:

— Ты что ж, махарадж, и передохнуть не дашь? Мы ведь тоже люди! Если к тебе батраками нанялись, так от того быками не стали. Притащи-ка сам на голове охапку тростника, узнаешь тогда, как это легко!

¹ Пахар — период времени продолжительностью в три часа. В Индии сутки делятся на восемь пахаров. Первый пахар — с шести до девяти часов утра.

— Деньги тебе за работу платят, а не за отдых, — обозлился Дата Дин. — Хочешь отдыхать — ступай к себе домой и отдыхай!

Дхания хотела было еще что-то сказать, но тут на нее прикрикнул Хори:

— Почему не слушаешься, Дхания? Долго ты будешь препираться!

Дхания, снимая веревку со связки тростника, ответила:

— Иду, не кричи! А только и быка без нужды не подхлестывают!

— Ты когда-нибудь замолчишь! — выкатив в злобе глаза, заорал Дата Дин. — Сама о каждом зернышке молишь, все ругаешься!

Могла ли тут смолчать Дхания?

— Я у тебя милостыни не просила! — отпарировала она.

— Если на то пошло, так ты у меня еще и милостыню попросишь! — прошипел Дата Дин.

У Дхании и на это готов был ответ, но Сона, чувствуя, что страсти начинают разгораться, схватила ее за руку и потащила к пруду.

Когда они отошли на такое расстояние, что Дата Дин уже не мог их слышать, Дхания излила наконец накопившуюся у нее на сердце злобу:

— Сам проси милостыню, если ты побирушка! А мы — батраки! Потрудимся и на хлеб себе заработаем.

— Перестань же ты, амман! — с сердцем прервала ее Сона. — Ты целый день готова ругаться! Чуть что, сразу лезешь в драку!

Хори, словно одержимый, раз за разом вздымал секач выше головы и с размаху крушил тростниковые стебли. В груди у него все горело, в мышцах появилась вдруг необыкновенная, нечеловеческая сила. Гордость и самолюбие, унаследованные от предков, в эту минуту словно превратились в пар и сообщили его рукам силу поршней. В глазах у него начала разливаться темнота, голова закружилась, и только руки все так же безостановочно продолжали подыматься и опускаться. С Хори градом катил пот, на губах его выступила пена, а в голове словно гремели барабаны. Однако он работал и работал. В него словно вселился демон.

Но тут в глазах у него совсем потемнело. Ему показалось, что под ногами его расступается земля. Хори бес-

помощно взмахнул руками, пытаясь сохранить равновесие. Секач вывалился у него из рук, и он, запрокинув голову, упал на землю.

Как раз в это время Дхания принесла на поле новую связку тростника. Она увидела, что несколько человек скружили лежащего на земле Хори. Какой-то пахарь говорил Дата Дину:

— Хозяин! Не следовало тебе говорить ему такие слова, не надо было его обижать! Станешь его обижать, глядишь и помрет человек!

Дхания швырнула наземь охапку тростника и, словно безумная, кинулась к Хори. Положив к себе на колени его голову, она громко заплакала и запричитала:

— Ой, что же теперь с нами будет? Сона, беги за водой, да ступай скажи Собхе, что с отцом беда! Ой, Рам! Куда мне теперь деваться! Кому я буду нужна? Кто теперь позовет меня — Дхания?..

Прибежал Лала Патешвари и ласково, но твердо сказал:

— Что ты делаешь, Дхания, опомнись! Ничего не случилось с Хори. У него от жары удар. Сейчас он в себя придет. К чему себя так растревлять, к чему так убиваться?

Уцепившись за руку Патешвари, Дхания причитала сквозь слезы:

— Ой, что мне теперь делать? Все у меня отнял бог — я терпела! Что с тобой, драгоценный мой?!

Сона принесла воды. Патешвари побрызгал на лицо Хори, стоявшие кругом люди принялись обмахивать его своими ангочхи. Тело Хори стало холодеть. Сам Патешвари и то забеспокоился, однако продолжал успокаивать Дхания.

— Никогда с ним такого не случалось, Лала! — словно в лихорадке твердила Дхания. — Никогда!

— Вчера-то он ел что-нибудь? — спросил Патешвари.

— Как же, вчера хлеб пекли. Да разве ты не знаешь, какая беда с нами стряслась? Который уже месяц впроголодь живем. Сколько раз ему говорила, чтоб не надрывался на работе. Да, как видно, отдыхать нам на роду не написано.

Хори вдруг открыл глаза и блуждающим взглядом стал осматриваться.

Дхания словно ожила. Полная заботы и тревоги, она обхватила руками шею мужа и спросила:

— Ну, как ты теперь себя чувствуешь? А я уж было всякую надежду потеряла!

— Хорошо,— слабым голосом ответил Хори.— Не знаю, что такое со мной стряслось...

Голосом, полным любви и жалости, Дхания проговорила:

— Душа в теле едва держится, а ты так работаешь!

— А Дхания-то убивалась над тобой, разливалась в три ручья! — смеясь, сказал Патешвари.

— Неужто и вправду плакала Дхания?—взволнованно, спросил Хори.

— Он тебе тут такого наговорит, — проворчала Дхания, оттесняя Патешвари назад. — Ты лучше спроси у него, как он побросал все свои бумаги и вприпрыжку сюда прибежал.

— Все причитала: «Бесценный мой, любимый мой!» — поддразнивал Дханию Патешвари. — Тогда ручьем разливалась, а теперь стыдно стало, вот и отпирается. А уж как горько плакала!

Хори взглянул на Дханию, по щекам его текли слезы.

— Сумасшедшая, как ее иначе назовешь, — проговорил он. — И что ей за радость меня живым видеть?

Двое крестьян, поддерживая Хори с обеих сторон, отвели его домой и уложили на кровать. Дата Дин только кряхтел от досады: в такое горячее время задерживается посадка тростника! Но сердце у него еще не совсем очерствело. Сбегав домой, Дата Дин принес горячего молока и бутылочку шиповниковой водки. Выпив молока, Хори как будто немного ожил.

И как раз в это время в деревню вернулся Гобар, его сопровождал носильщик, который нес его багаж на голове. Деревенские псы с лаем кинулись было им навстречу, но, узнав Гобара, завиляли хвостами.

— Братик идет! Братик идет!—закричала Рупа и, хлопая в ладоши, побежала к Гобару. Два-три шага навстречу брату сделала было и Сона, но потом сдержала свою радость. За минувший год Сона стала еще застенчивей. Наконец, накинув на голову покрывало, появилась на пороге и Джхунья.

Гобар низко до земли поклонился родителям, подхватил на руки Рупу, приласкал ее. Благословив сына, Дхания прижала к груди его голову, словно вновь утверждая свое материнское право. Гордость переполняла ее сердце. Се-

годня она была царицей, несмотря на все свои горести и страдания. Взгляните на нее, взгляните в ее глаза, узнайте, что творится в ее сердце. Послушайте, как сильно оно бьется! Царица, и та ей позавидует! Как окреп Гобар, какой он стал красивый и видный! В душе у Дхании всегда жила твердая уверенность, что Гобару повезет в жизни. Сердце говорило ей, что Гобар жив, здоров и счастлив. А сегодня она своими глазами увидела сына и словно отыскала драгоценный камень, потерянный ею в пыли жизни.

Но Хори отвернулся от Гобара.

— Что с папой, мама? — спросил Гобар.

Дхания не хотела расстраивать сына рассказом о том, как идут дела в доме.

— Да ничего, сынок! Голова у него что-то разболелась. Ну, иди же, разденься, умой лицо, руки! Где ты пропадал столько времени? Кто же это убегает из дому? Ни разу письмеца не прислал, только через год и вспомнил о нас! Я все глаза проглядела, тебя поджидая. Одной только надеждой и жила, что придет день, когда, наконец, я тебя увижу. Одни говорили, что ты в Мирч убежал, другие — что в Дамра Тапу. У меня от всех этих разговоров душа изболелась. Где ты жил все это время?

— Куда я мог уйти, мама? — смущенно отвечал Гобар. — Здесь же рядом и жил — в Лакнау.

— Так близко жил и даже письмеца не написал?

Между тем Сона и Рупа, забравшись в комнату, развязали пожитки Гобара и принялись рассматривать подарки. Одна только Джхуния стояла в стороне. Лицо ее заливала яркая краска гнева. Сейчас-то уж она сполна отплатит за то, что он так нечестно с ней обошелся! Так ростовщику, который увидит вдруг задолжавшего ему крестьянина, не терпится поскорее получить с него долг и проценты, уже давно записанные в его прихода-расходной книге.

Ребенок все время тянулся к ярким вещам, привезенным Гобаром. Ему хотелось схватить их и сунуть в рот, однако Джхуния не спускала его с рук.

— Бхабхи! — позвала ее Сона. — Братец для тебя зеркальце и гребешок привез!

— Не нужно мне ни гребешка, ни зеркальца, — сухо ответила Джхуния. — Пускай возьмет их себе.

Рупа вытащила красивую детскую шапочку:

— Охо! Тут и для Чанну есть шапочка!

И она надела ее на голову ребенка.

Джхунья сорвала с Чанну шапочку, швырнула ее на пол. Увидав входившего в комнату Гобара, она подхватила ребенка и скрылась в своей комнатушке.

Гобар увидел, что багаж его уже распакован и вещи лежат на полу. Ему очень хотелось пойти в комнату Джхуньи и попросить у нее прощения за все, что он сделал, однако у него не хватало решимости. Он сел и, вытаскивая из мешка вещь за вещью, стал одаривать ими присутствующих. Рупа тотчас же надулась, почему брат не привез и ей сандалии, а Сона принялась дразнить ее:

— Зачем тебе сандалии? Играй со своей куклой! Я ведь не плачу, глядя на твою куклу! Чего же ты завидуешь, глядя на мои сандалии!

Ответственность за дележ сладостей взяла на себя Дххания. После стольких дней отсутствия ее сын живой и здоровый вернулся домой! Сладости эти она разделит и пошлет в подарок всем деревенским. Они так и притягивали к себе Рупу. Ей хотелось, чтобы глиняный горшочек со сладостями поставили перед ней, она бы лакомилась ими, приплясывая от радости.

Затем был открыт дорожный ларец, и Гобар одно за другим стал вытаскивать из него сари. Все они были каемочные — точь-в-точь такие, какие носят женщины в доме Лала Патешвари. Только больно уж они легкие да тонкие! Много ли дней пронесишь такие тонкие сари? Богатым такие сари носить еще можно: у них только и дел, что есть да спать! А тут всю жизнь толчешься в поле да на току! Для Хори, кроме дхоти, Гобар привез и покрывало.

Дххания была довольна.

— Хорошо, что догадался покрывало привезти, сынок, — сказала она. — Его-то покрывало совсем износилось!

Только теперь разглядел Гобар, какая страшная нужда свила гнездо в их доме. На сари Дххания красовались заплаты, сари у Соны разорвано, и сквозь дыры видно голое тело. Дхоти Рупы со всех четырех сторон словно обшито бахромой. Лица у всех худые, измученные. Куда ни глянь — всюду следы горя и нищеты.

Сона и Рупа с головой ушли в созерцание своих сари, и только Дххания вспомнила, что надо бы покормить сына. В доме было немного ячменной муки, которую она приберегла на сегодняшний ужин. Семья жила теперь на одном чабэна, но ведь ее Гобар уже не был прежним Гобаром!

Станет ли он еще есть ячменный-то хлеб? Кто знает, что он пил и ел в городе!

Дхания побежала в лавку к Дулари и взяла у нее в долг пшеничной муки, рису и топленого масла. Дулари уже несколько месяцев не давала ей ничего, но сегодня даже не спросила, когда Дхания заплатит.

— Говорят, Гобар с деньгами приехал. Верно это? — спросила она Дханию.

— Он нам еще и рассказать-то ничего не успел, — ответила Дхания. — А я сразу расспрашивать не посмела. Одно знаю: он всем нам привез в подарок каемчатые сари. Твоими молитвами, Дулари, вернулся Гобар здоровый и невредимый. А мне больше ничего и не нужно!

— Дай-то бог, чтобы всегда и везде был он здоров и удачлив! — благословила Гобара Дулари. — Оно и верно, о чем еще могут мечтать родители? Сын разумный да послушный, не расточитель, не мот, как другие парни. Деньги-то мои вы до сих пор так мне и не отдали. Уплатили бы хоть проценты! Долг-то день ото дня растет...

Сона между тем нарядила Чанну в шапочку, надела на него рубашку, туфельки, так что он и впрямь стал похож на принца. Но малышу было куда интересней брать все эти вещи в руки, играть ими и совать их себе в рот.

А тем временем в соседней комнате между Гобаром и Джхунией разыгрывалась сцена упреков и примирения.

— Привел меня сюда, да и бросил! — с презрением глядя на Гобара, отчитывала его Джхуния. — А сам сбежал неизвестно куда! Целый год не знала, жив ты или помер! Через год только о нас и вспомнил! Какой же ты лгун! Я здесь жду не дождусь — вот-вот за мной приедешь, а ты как удрал, так только через год появился! Вот и верь мужчинам! Да ты еще, наверно, другую себе нашел. Подумал, должно быть, — одна пускай дома сидит, а я на стороне вторую заведу!

— Джхуния, бог свидетель, я ни на одну женщину не глядел! Стыдно мне было да страшно, оттого и сбежал из дому! А о тебе я ни на минуту не переставал думать. Теперь я решил забрать тебя с собой, для того и приехал. Твоя-то родня, должно быть, бесилась от злости?

— Отец убить меня был готов!

— Неужто правда?

— Ворвался сюда с моими братьями, только амман

их так отругала, что они ни с чем ушли. Другое плохо: они обоих наших быков со двора увели!

— Этакое беззаконие! А дада? Неужто он ничего им не сказал?

— А когда он с кем ссорился? Деревенские-то вступились было, не хотели отдавать им быков, но раз сам дада не стал противиться, что тут могли сделать соседи?

— А как хозяйство? Как с землей управляетесь?

— Все хозяйство наше рухнуло. Землю пахать не на чем. Самую малость засеяли на паях с пандитом. Тростник и то посадить не сумели.

На всякий случай у Гобара было при себе двести рупий, но тут он не на шутку встревожился. Когда Джхуния рассказала ему обо всех бедах, которые пришлось испытать семье за время его отсутствия, в сердце его заклокотала ярость.

— Вот к твоему отцу да братьям я и пойду сначала. Я с ними поговорю. Кто давал им право уводить с моего двора быков! Это же грабеж, грабеж среди бела дня! Все на три года в тюрьму сядут, все троє! Добром не отдадут быков, по суду отберу! Я с них спесь-то собою!

Охваченный воинственным пылом, он хотел было тотчас же идти к Бhole, но Джхуния ухватила его за руку.

— Иди, пожалуйста, но только не сейчас! Зачем такая спешка? Отдохни немного, поешь чего-нибудь. Да ты слушай, что дальше было! Потом пришла великая беда: собрался большой панчаят и наложил на нас штраф: восемьдесят рупий деньгами, да сверх того еще тридцать манов зерна. От этого штрафа мы совсем обнищали.

С ребенком на руках в комнату вошла Сона. Разряженный во все новое малыш походил на игрушку. Гобар взял его на руки, однако, лаская ребенка, он не испытывал удовольствия. Кровь так и кипела у него в жилах. Деньги, спрятанные в поясе, еще больше разжигали его гнев. Он рассчитается с каждым из обидчиков! Какое право имеют старейшины налагать на него штраф? Как смеют они вмешиваться в его дела? Жену в дом привел он, так почему же старейшины ополчились против отца? Да если он подаст на них жалобу в уголовный суд, как бы их самих в тюрьму не упрятали! Все хозяйство из-за них прахом пошло. За кого они принимают Гобара?

Сидевший у него на руках ребенок улыбнулся, а потом

вдруг громко заплакал, словно увидел что-то очень страшное.

Джхуния взяла сына и сказала:

— А теперь ступай вымойся как следует. Что ты задумал? Если начнешь воевать тут со всеми, и дня в деревне не проживешь! Тут так: у кого деньги есть, у того и доброе имя. А у кого денег нет, того каждый может обидеть!

— Напрасно я убежал из дому! — злился Гобар. — Поглядел бы я, как бы они взяли с меня хоть полрупии штрафа!

— Ты в городе пообтерся, потому так и рассуждаешь!

— Душа горит! Взять бы хорошую палку, да и отдубасить как следует всех этих шакалов — и Патешвари, и Дата Дина, и Джингури! Из глотки бы у них эти деньги вырвал!

— Деньги! Ишь как ты распалился! Попробуй-ка отними их. Скажи лучше, сколько ты за это время заработал в городе, сколько домой привез? — спросила Джхуния, обнимая его за талию.

— Сколько заработал? — спросил Гобар, поднимаясь на ноги. — Вот поедешь со мной, тогда и заработаю! А в этот год я только к городу привыкал.

— Отпустит амман, тогда, может, и поеду.

— А почему же не отпустит? Кто ее станет об этом спрашивать?

— Вах! Без ее разрешения я никуда не поеду. Ты бросил меня, убежал, а у меня тут какая родня? Не впустила бы она меня тогда в дом, куда бы мне было деваться? Всю жизнь благодарить ее буду. Да и ты тоже — неужто весь век так и будешь пропадать на чужбине?

— А что я стану тут делать? До упаду работать, да с голоду подыхать? Иного здесь и не увидишь! В городе — другое дело. Если у человека голова на плечах, если он работы не боится, так с голоду не пропадет. А здесь и ум не поможет... Скажи-ка, отец-то за что на меня сердится?

— Сердится? Судьбу свою благословляй, что он только сердится! Ты такой грех совершил, что ему бы надо было...

— Тебя, должно быть, тоже почем зря ругал?

— Ни разу, даже когда сердит бывал. Мать, так та сначала косилась, ворчала на меня, а дада и словом меня не попрекнул. Скажет что-нибудь, так всегда с лаской. Голова у меня заболит, а он уже беспокоится. По сравнению с моим-то отцом он все равно что бог. Матери то и дело

наказывал, не смей, дескать, обижать невестку. А тебя сто раз ругать принимался. Обидел ты его — бросил одного дома, а сам бог знает куда убежал. Сейчас у нас каждая пайса на счету. Деньги, что мы за тростник должны были получить, все мимо рук прошли. Нынче вот батрачить приходится. Отец, бедняга, работал-работал сегодня в поле, да и свалился без памяти. Столько тут было слез! Он еще с тех пор не встает.

Умыв лицо и руки и старательно причесавшись, Гобар отправился покорять деревню. Заглянув к своим дядьям, сказал всем «Рам-Рам», потом навестил и остальных друзей. Особых изменений в деревне не было заметно, разве что Патешвари сделал возле своего дома новую скамью да Джингури Сингх выкопал возле своих ворот колодец.

Злоба разгорелась в сердце Гобара с новой силой. С кем он ни встречался, все спешили высказать ему свою любовь и расположение, а молодежь, так та смотрела на него, как на героя! Парни, все до единого, готовы были хоть сейчас ехать вместе с ним в Лакнау. Чем он был раньше и чем стал теперь, спустя всего год!

Вдруг Гобар заметил Джингури Сингха, умывавшегося возле своего нового колодца. Гобар проходил мимо, но даже не поздоровался с ним и не остановился поговорить. Этим он хотел показать тхакуру, что ему на него наплевать.

Джингури Сингх сам заговорил с Гобаром.

— Давно ли вернулся? — спросил он. — В достатке ли живешь? Что делал в Лакнау, служил небось у кого-нибудь?

— Я в Лакнау не для того поехал, чтобы рабом стать, — с достоинством ответил Гобар. — Служба — то же рабство. А я коммерцией занимаюсь.

Тхакур с удивлением оглядел его с ног до головы.

— Сколько же ты зарабатываешь в день? — спросил он.

Своим ответом Гобар сразил тхакура:

— Рупии три, а когда, если повезет, и все четыре. Меньше не бывает.

Джингури Сингху, как бы беспощадно он ни вымогал деньги у крестьян, как бы ни старался он выжать из них все возможное, удавалось заработать в месяц не больше тридцати рупий, а этот зеленый юнец зарабатывает по це-

лой сотне! Джингури Сингх повесил голову. От его превосходства над Гобаром ничего не осталось! По касте он, конечно, выше Гобара, да только кто нынче с этим считается? Не время сейчас портить с ним отношения. Только держась с Гобаром на равной ноге, он мог бы еще извлечь из него какую-то пользу.

— Заработок у тебя неплохой, сынок, — сказал Джингури Сингх. — Жить на него можно. А здесь, в деревне, в день и трех анн не заработаешь. Пристроил бы ты где-нибудь и моего Бхаванию. Я бы его вместе с тобой в город послал. Парень он неотесанный, неученый. Только и знает, что ссоры и скандалы устраивает. Может, есть где свободное место конторщика или приказчика, так ты скажи! Он ведь тебе товарищ. Если жалованье маленькое будет, это не беда, лишь бы у него в кармане лишняя пайса водилась.

— Вот эта страсть к лишней пайсе и портит человека, — гордо засмеялся Гобар. — Такая у всех у нас поганая привычка завелась: пока не совершим какого-нибудь бесчестного поступка, сытыми себя не чувствуем. Место приказчика в Лакнау можно, конечно, найти, да только каждый купец ищет честного, правильного человека. Навязать Бхаванию кому-нибудь на шею можно. Только вдруг он возьмет да и стащит что-нибудь? Меня же тогда за глотку возьмут! Когда человек в людях живет, от него не ученость, а честность требуют!

Закатив эту оплеуху Джингури Сингху, Гобар двинулся дальше, а тот так и остался стоять на месте, трясаясь от бессильной злобы. Как высокомерно, как нагло разговаривал с ним этот мальчишка! Рушится вера, рушатся освященные веками дедовские законы!

Точно так же отщелкал Гобар и Дата Дина. Дата Дин как раз шел обедать. Увидев Гобара, он обрадовался и спросил:

— В довольстве ли живешь, Гобар? Слух идет по деревне, будто ты в городе доходное местечко нашел. Пристроил бы там где-нибудь и Мата Дина, а? Тут, в деревне, кроме как пить бханг да на улице пьяным валяться, ему делать нечего!

— Чего тебе еще не хватает, махарадж? — спросил Гобар. — К какому должнику ты ни придешь, непременно что-нибудь у него да отнимешь. Родится человек — берешь, умирает — берешь, женится — берешь, попал он в

беду — берешь. Земля у тебя есть, деньги под проценты даешь, чуть кого постигнет неудача, штрафами его душишь, дом его грабишь. Неужто и этого заработка тебе мало? Что ты станешь делать с богатством? Для чего ты его копишь? Может, хочешь все с собой на тот свет утащить?

Дата Дин с изумлением смотрел на Гобара. Ишь, как дерзит, как нагло разговаривает с ним этот парень! О почтительности, о вежливости, видно, совсем забыл. Наверно, еще не знает, что его отец у меня в батраках? Правильно люди говорят: «Маленькой речке недолго из берегов выйти».

Однако злобы своей и обиды Дата Дин не показал. Взрослые люди и старики только смеются, когда дети, играя, дергают их за усы. Так и Дата Дин ответил на упреки Гобара шуткой. Смеясь, он говорил:

— Ершистым же ты вернулся из Лакнау, Гобар! Сколько ты там заработал, сколько с собой денег привез? Похвастайся! Мы о тебе тут часто вспоминали. Надолго вернулся-то?

— Да придется на пару дней остаться. Хочу подать в суд на старейшин за то, что под видом штрафа отняли у меня полтора ста рупий. Поглядим, как они выгонят меня из общины! Поглядим, как община лишит меня касты!

Пригрозив так Дата Дину, он пошел дальше. Молодые поклонники Гобара восхищались его смелостью и независимостью.

— Подавай на него жалобу, Гобар! — сказал один из них. — Старая черная змея, от ее жала никому нет спасенья. Славно ты его проучил! Надо бы и патвари уши надрать — тоже негодай, каких мало! Ему бы только отцов с сыновьями ссорить да между братьями раздор сеять. Заодно с управляющим крестьян грабит. Свое поле не смей пахать, сначала его поле вспаши! Свое поле не смей поливать, сначала его поле полей!

— Что вы мне говорите об этом, братья! — поглаживая усы, ответил Гобар. — За год я еще ничего не забыл. Жаль, что я жить тут не собираюсь — я бы всех их заставил поплясать! Нынешнее Холи на славу отпразднуем. Только не зевайте, проучите их всех хорошенько! Красок на них не жалейте!

Пришел, наконец, и праздник Холи. Много наготовлено было бханга, разных солений и варений. Вместе с другими красками можно будет взять и горсть сажу, да и мазнуть по роже какому-нибудь деревенскому начальнику! Кто посмеет что-нибудь сказать в праздник Холи? Улучив момент, можно здорово разукрасить и вымазать старейшин. О деньгах заботиться нечего, брат Гобар неплохо заработал!

Пообедав, Гобар решил пойти к Бхоле. Он не успокоится до тех пор, пока не пригонит назад свою упряжку быков и не поставит ее у себя на дворе. Гобар был готов к борьбе не на жизнь, а на смерть.

— Не затевай только ссоры, сынок! — смиренно просил его Хори. — Забрал Бхола наших быков, бог ему в этом судья. Когда корова-то его умерла, он ведь в убытке оказался!

— Ты, дада, лучше помалкивай, — резко оборвал его Гобар. — Цена корове — пятьдесят рупий, а мы за нашу пару быков полтораста рупий платили. Три года мы на них пахали, но хоть сотню-то рупий они стоят? Пусть Бхола свои деньги назад требует, пусть в суд подает, пусть что угодно делает — его право! Но зачем он угнал у нас со двора быков? Мало того, что быков у нас забрали, нас же еще оштрафовали на целых полтораста рупий. И все из-за твоей простоты да робости! Посмели бы они наших быков при мне забрать! Я бы их всех троих уложил замёртво! А со старейшинами я бы и разговаривать не стал. Я бы им показал, как выгонять из общины! А ты только сидел да глазами хлопал.

— Не говори напраслины, сынок! — вступилась Дхания. — Если бы выгнали нас из касты да из общины, как бы мы стали тогда жить в деревне? И Джхуния тоже у нас жила — то ли жена тебе, то ли нет — у общины она была, что бельмо на глазу. Вот и приходилось молчать. Человек без общины — не человек...

— С общиной мы ладили, и вся деревня нас уважала. А почему мы моей свадьбы сыграть не могли? — прервал его Гобар. — Да потому, что в доме у нас хлеба и того вдоволь не было. Были бы деньги, никто бы тебя не посмел изгнать из общины! Люди смотрят только на то, сколько у тебя денег, а обо всем остальном и знать ничего не знают!

Услышав плач ребенка, Дхания ушла в дом. Собрался

уходить и Гобар. А Хори сидел и думал: «Каким умным да рассудительным стал сын! Какие смелые, какие правильные слова он говорит!» Простые и ясные слова Гобара одержали верх над извечными страхами и привычками Хори.

— Может, и мне с тобой пойти? — спросил он вдруг Гобара.

— Я не драться туда иду, не бойся, дада! На моей стороне закон. Зачем стану я ввязываться с ними в драку?

— А что, я тебе помехой буду, если пойду?

— Конечно, помехой. Ты мне все дело испортишь.

Хори замолчал, и Гобар отправился в путь.

Минут через пять в дверях появилась Дхания с ребенком на руках.

— Что, ушел Гобар? Один? Уж и не знаю, даст тебе когда-нибудь бог разума или нет! Так, думаешь, и вернет ему Бхола быков? Все втроем налетят на него со всех сторон, словно коршуны! Убереги его бог! Догнать надо Гобара да вернуть! Кого же мне попросить? На тебя-то я не надеюсь!

Хори молча схватил стоявший в углу кол и пустился вдогонку за Гобаром. Выйдя за околицу деревни, он увидел далеко впереди едва приметную точку, почти сливающуюся с горизонтом. И когда только успел Гобар уйти так далеко за такое короткое время? Хори принялся ругать самого себя. Зачем только он пустил Гобара? Если бы он строго-настрого запретил ему идти к Бхоле, так Гобар ни за что бы не пошел. А теперь его разве догонишь!

Удрученный, он сел на обочину и пробормотал:

— Оборони и защити его, Махавир Свами! ¹

Подходя к деревне Бхолы, Гобар заметил людей, которые, расположившись под баньяном, играли в какую-то азартную игру. Увидав Гобара, они приняли его, должно быть, за полицейского, выбрали монеты и кинулись врассыпную. Вдруг Джанги, младший сын Бхолы, воскликнул:

— Э, да ведь это же Гобар!

Гобар увидел, что Джанги всматривается в него, спрятавшись за стволом баньяна.

— Не бойся, брат Джанги, — сказал он. — Это я! Рам-

¹ М а х а в и р С в а м и — Джина Махавира, джайнский святой, основатель одной из религий индуистского толка — джайнизма; жил, по преданию, в V веке до н. э.

Рам! Сегодня только домой вернулся. Дай, думаю, зайду с друзьями повидаться! Кто знает, когда еще здесь буду. А я, брат, с твоего благословения на славу зажил. Господни, у которого я служу, просил: «Если попадется тебе пара подходящих людей, захвати их с собой в город». Сторожа ему нужны. Я ему тогда еще сказал: «Саркар! Я тебе таких людей приведу, что скорее жизни лишатся, а добро твое сохранят!» Хочешь, так поедem со мной! Место хорошее.

Гобар уверенно продолжал развивать свою мысль:

— Бояться тебе нечего. Все от тебя зависит. Чего пожелаешь, то и исполнится. А мы ведь как привыкли думать? Я, мол, в доме хозяин, с какой стати мне уходить из него? А в городе чем хочешь можешь заниматься: можешь сторожем работать, можешь агентом по сбору налогов. Эта работа самая лучшая! С арендатора взятку возьмешь, а к хозяину придешь — скажешь, что того дома не было. Постараешься, так за один день полторы рупии заработаешь.

— А жилье там найдется?

— Мало ли там жилья? Весь квартал к твоим услугам. Водопровод, электричество — ни в чем нет нехватки. Брат твой, Камта, здесь или ушел куда?

— На базар пошел, молоко продавать. Мне он на базар ходить не дает. Говорит: «Ты гянджу пьешь». А я ее теперь почти совсем и не пью! А все-таки в день пайсы две-три иметь надо. Ты Камте ничего не говори, я с тобой поеду.

— Ладно, ладно, не бойся. Отпразднуем Холи и поедem.

— Ой, хорошо, брат! Будь по-твоему!

Разговаривая, они подошли к дому Бхола. Бхола сидел и вил веревку. Гобар бросился к нему и коснулся рукой его ног. Он почувствовал, что к горлу его подступают слезы.

— Отец, — сказал он. — Я перед тобой крепко виноват. Прости меня.

Бхола уронил веревку и каменным голосом ответил:

— Ты такое дело сотворил, Гобар, что если бы оторвал я тебе голову — и тогда бы на мне греха не было. Но, уж раз ты пришел ко мне, что мне с тобой делать! За то, что ты так поступил со мной, пускай с тебя бог взыщет. Давно вернулся-то?

Гобар, обильно уснащая свой рассказ красочными по-

дробностями, поведал Бхоле о своей счастливой судьбе, а под конец попросил у него позволения взять с собой Джанги.

Такого счастья Бхола и не ждал! Джанги затевал в доме ссору за ссорой. Если бы он ушел из дому и начал хоть что-нибудь зарабатывать на стороне! Пускай он никому единой пайсы не дает, только бы сам себя прокормил — и то хорошо!

— Ничего, отец, — сказал Гобар, — захочет бог, поможет и ему! Глядишь, через год-два и он человеком станет!

— Оно, конечно, если только бог ему поможет!

— Когда жизнь возьмет человека в оборот, так он живо всю дурь из головы выкинет.

— Когда думаешь уезжать-то?

— Вот отпразднуем Холи, тогда и поеду. Сначала бы надо по хозяйству дела наладить — вспахать, посеять, полить. Тогда у меня душа спокойна будет.

— Хори скажи, пускай богу Раме помолится, что все так хорошо кончилось.

— Ладно, передам. Только не знаю, захочет ли он молиться...

— Может, в городе у тебя какой-нибудь знакомый лекарь есть? Кашель мне покою не дает. Если не трудно, пришли-ка мне какого-нибудь лекарства от кашля.

— Как раз рядом со мной живет один врач. Скажу ему, попрошу выписать лекарство и пришлю. Кашель-то ночью бьет или днем?

— Ночью, сынок. Заснуть никак не могу. Нашлось бы для меня в городе какое-нибудь дело, так я бы тоже туда уехал. А здесь глаза ни на что не глядят!

— С заработками там хорошо, отец. А здесь-то много ли зарабатываешь! В наших местах за целых десять серов молока рупии и той не выручишь, приходится продавать его халван¹. А в городе — другое дело! Если станешь продавать пять-шесть серов молока за рупию, так у тебя его мигом расхватают!

Джанги пошел за шербетом для Гобара. Бхола, посмотрев ему вслед, сказал:

— И вот еще что, брат. Устал я до смерти от всех этих забот и хлопот. Как Джанги себя ведет, ты, наверно, и сам знаешь. Камта ходит на базар, молоко продает, а

¹ Х а л в а н — член касты кондитеров.

кормить-поить скотину, привязывать ее к яслям да отвязывать — мне одному приходится. Об одном я теперь мечтаю — о стариковском куске хлеба да о спокойном углу. До коих же пор мне так маяться? Что ни день, то ссора! Возле кого только доживу я свой век? Кашель меня доводит, ночью встать не могу, а мне кувшина с водой и того никто не предложит. Порвется у коровы привязь — никому до того и дела нет! Ткну кого-нибудь носом, только тогда и спохватятся.

— Ехал бы ты в Лакнау, отец! — по-родственному посоветовал Гобар. — Стал бы там продавать молоко на одну рупию по пять серов всем большим людям, с которыми я знаком. Один я помог бы тебе сбывать в день по целому ману молока. У меня и чайная есть. Серов десять молока в день я бы сам у тебя стал брать для продажи. И забот никаких тебе не было бы!

Вернулся с шербетом Джанги. Выпив стакан шербета, Гобар закончил:

— А утром да вечером стал бы заходить ко мне в чайную. Глядишь, на одной еде целую рупию сберег бы!

Минуту спустя Бхола, чуть смутившись, проговорил:

— Гнев делает человека слепым, сынок. Я тогда с твоего двора быков угнал, так возьми их! Здесь ведь никто не пашет, не сеет!

— А я уж было собирался новую пару покупать.

— Нет, нет, на что тебе новых-то быков покупать! Забирай этих.

— Тогда я тебе деньги за корову вышлю.

— Деньги мои и так не пропали. Мы ведь теперь не чужие. В общине много всякого вздору говорят, а если разобраться, между мной и тобой никакой разницы нет. По правде-то говоря, радоваться бы мне надо, что Джхуния в хорошем доме живет, горя-забот не знает, а я ее убить был готов!

Когда вечером Гобар шел от Бхолы домой, он вел пару быков, а рядом с ним шагала Джанги с двумя кринками кислого молока в руках.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

В деревнях барабаны каждый второй месяц поднимают радостный гул, отмечая то один, то другой праздник. А праздников этих немало: за месяц до наступления Холи

и целый месяц после длится весенний праздник Пхаг¹. Только подойдет дождливый асарх, начинается Алха². В саван-бхадон заводят свои кадждлиян³ женщины, а после кадждлиян подходит пора пения «Рамаяны»⁴.

Среди других деревень Семри не является исключением. Здесь тоже любят поразвлечься. Угрозы ростовщиков, брань управляющих — ничто не в силах уничтожить эту традицию. Пусть в доме нет ни крошки хлеба, пусть нечем прикрыть тело, пусть в кошельке нет ни пайсы — разве может это подавить жизнерадостность народа, его любовь к забавам и развлечениям! Ведь без смеха и без веселья в конце-то концов и жить невозможно!

Обычно, когда приходил праздник Холи, излюбленным местом сбора крестьян был чаупал Нокхэ Рама. Отсюда на всю деревню разносились музыка и пение, здесь лился рекой бханг, здесь крестьяне, веселясь, мазали друг друга красками и танцевали. На праздник Холи управляющий всякий раз жертвовал пять — десять рупий. Кто же еще мог собирать возле своего дома толпу празднующих?

Однако на этот раз Гобар перетянул к себе всю деревенскую молодежь, и чаупал Нокхэ Рама остался пустым. Возле дома Гобара пили бханг, жевали бетель, мазали друг друга красками, плясали и пели. А в чаупале Нокхэ Рама не осталось ни души. Бханг был и тут, но кто его станет пить? Барабан и маджира⁵ тоже были здесь, да только кто станет под них танцевать, кто станет петь? Кого ни встретишь, кого ни увидишь — все торопились к дому Гобара! Здесь бханг благоухает ароматами розы, шафрана и миндаля. Еще бы! Ведь Гобар привез из города целый сер миндаля! После двух глотков такого напитка забываются все невзгоды, и ты уже начинаешь чувствовать себя человеком. Кроме того, Гобар привез аромат-

¹ П х а г — весенний праздник в месяц пхалгун, во время которого индусы исполняют песнопения, восхваляющие бога Кришну.

² А л х а — веселый деревенский праздник в честь легендарного героя Алха, жившего в X веке н. э.

³ К а д ж л и я н — народные песни и игры, которые устраиваются осенью в сезон дождей.

⁴ П е н и е «Р а м а я н ы» — исполнение отрывков из знаменитого «Сказания о Раме» — «Рамаяны». Пение «Рамаяны» — книги, ставшей священной, является в глазах индусов благочестивым актом, приравненным к исполнению молитв.

⁵ М а д ж и р а — тарелочка, сделанная из древесины баньяна. Двумя маджирами отбивают такт на барабане.

ного табаку самой лучшей марки. Даже в краску он добавил душистой кэвры¹. Молодец Гобар! Он умеет и зарабатывать, умеет и тратить! Если деньги прятать, кто же станет тебя величать?

Вот что значит богатство! У Гобара не только бханг — сколько было певцов в деревне, все сегодня собрались сюда по его приглашению! А в деревне не было недостатка ни в певцах, ни в танцорах, ни в имитаторах. Взять хотя бы Собху! Он умеет так ловко передразнивать хромых, что никто и не пытается с ним равняться. А в умении подражать голосам людей и животных второго такого и не сыщешь! Кого ни попроси передразнить — тут же изобразит. Да и Гирдхар тоже мастер в этих делах. Он кого угодно может представить — адвоката, патвари, тханедара, рассыльного, ростовщика — ему только скажи кого! Правда, раньше у бедняги не было необходимых костюмов и масок, но на этот раз Гобар раздобыл для него все, и выступление Гирдхара обещало быть очень интересным.

Еще не начинало смеркаться, а возле дома Гобара уже стали собираться любители зрелищ. Толпы зрителей прибывали даже из соседних деревень. К десяти часам тут набралось тысячи три-четыре народу. И когда Гирдхар, загримированный под Джингури Сингха, вместе со своей импровизированной труппой начал представление, то народу кругом было столько, что из пушки не прошибешь!

Ну и Гирдхар — точь-в-точь Джингури Сингх! Та же лысая голова, те же огромные, стоящие торчком усы, тот же большой отвислый живот! Он что-то ест, а рядом с ним сидит старшая жена и обмахивает его веером.

Бросив на нее влюбленный взгляд, тхакур говорит:

— Ты и сейчас еще так молода, так красива, что если увидит тебя какой-нибудь юноша, он так и затрепещет от любви.

Первая жена тхакура расцветает от этого комплимента, однако отвечает:

— А сам молодую жену в дом привел!

— Привести-то я ее привел, да только для того, чтобы она служила тебе. Разве может она равняться с тобой?

Вторая жена слышит этот разговор и, надувшись, уходит.

¹ Кэв ра — растение с сильно пахнущими цветами, на которых настаивают напитки; из кэвры делают также духи.

Во втором акте тхакур лежит на кровати, а его младшая жена, отвернувшись, сидит на полу. Тхакур, безуспешно пытаясь заставить ее взглянуть в свою сторону, говорит:

— За что ты на меня так разобиделась, милая?

— У тебя есть другая милая, к ней и ступай! — отвечает та. — А я здесь только прислужница. Видно, для того сюда и пришла, чтобы другим служить.

— Ты — царица души моей! Служить тебе будет старуха — моя первая жена!

Старшая жена слышит их разговор, хватается метлу и, ворвавшись в дом, награждает обоих ударами. Спасая свою жизнь, тхакур удирает со всех ног.

Потом сыграли вторую сцену, в которой изображается, как тхакур ссужает крестьянину деньги в долг. Он пишет расписку на десять рупий, а на руки дает только пять; остальные он удерживает за расписку, за комиссионные, за проценты и себе на подарок.

Придя к ростовщику и упав ему в ноги, крестьянин молит ссудить ему денег взаймы. С великой неохотой тхакур в конце концов соглашается. Когда договор написан, ростовщик кладет на ладонь крестьянину пять рупий. Тот, повертев их перед глазами, говорит:

— Да ведь тут всего пять рупий, саркар!

— Не пять, а десять! Поди домой и пересчитай еще раз.

— Я и так вижу, саркар, тут только пять рупий.

— Одна рупия пошла мне в подарок, так или нет?

— Так, саркар!

— Одна рупия за то, что я трудился, расписку за тебя писал, так?

— Так, саркар!

— Одну рупию — за бумагу, так?

— Так, саркар!

— Рупия — комиссионных, так?

— Так, саркар!

— И одна рупия — проценты, так или нет?

— Так, саркар!

— Разве теперь ты не видишь, что у тебя в руках не пять, а все десять рупий?

— Так, саркар! Только возьми ты у меня и эти последние пять рупий!

— Ты что, с ума сошел!

— Нет, саркар! Одна рупия — на подарок твоей младшей жене, одна рупия — на подарок твоей старшей жене, одна рупия — на бетель твоей младшей жене, одна рупия — на бетель твоей старшей жене. Осталась одна рупия — это на твои похороны!

Таким же образом были высмеяны все — и Нокхэ Рам, и Патешвари, и Дата Дин. И хотя шутки эти не отличались новизной — такие представления давались уже не в первый раз — Гирдхар так уморительно изображал деревенских богачей, а зрители были так простодушны и не требовательны, что то и дело, даже тогда, когда артист городил явную несурязицу, все покатывались с хохоту. Целую ночь сменяли друг друга эти импровизированные картины, и измученные, истерзанные сердца крестьян наполнялись радостью при виде этой воображаемой расплаты со своими вековыми обидчиками. Когда закончилось, наконец, последнее представление, то уже всю каркали проснувшиеся вороны.

А утром, кого ни встретишь, все только и говорили о вчерашних песнях и представлениях. Деревенские заправилы стали мишенью для всеобщих насмешек. Где бы они ни появлялись, следом за ними немедленно увязывалась стайка озорников мальчишек и изводила свою жертву, выкрикивая фразы, услышанные ночью.

Один только Джингури Сингх понимал шутки, потому что сам был великим остряком и насмешником. Зато Патешвари по своему дурному характеру злился невероятно, а что касается пандита Дата Дина, то он был так обидчив, что из-за каждого пустяка готов был лезть в драку. Дата Дин привык ко всеобщему почету и уважению. Не говоря уже об управляющем, сам раз-сахиб и тот ему кланялся! А тут над ним так потешаются, да притом в его же деревне! Для Дата Дина это было просто невыносимо. Обладая он «волшебной силой всемогущего Брахмы», он испепелил бы всех этих мерзавцев, он наслал бы на них проклятие, чтобы все они тут же сгорели живьем! Однако в нынешний Железный век проклятия все больше теряли свою силу, поэтому Дата Дин решил применить современное оружие. Он явился к Хори и, хмуро глядя на него, сказал:

— Что же ты и нынче на работу не выйдешь, Хори? Ты уже выздоровел. Я вон какой убыток терплю, а тебе и горя мало?

Гобар этим утром проснулся поздно. Он только что встал с постели и, протирая кулаком слипающиеся глаза, выходил из дому. Услышав голос Дата Дина, он и не подумал подойти к нему и поклониться. Безо всяких церемоний, грубо и зло Гобар сказал:

— Батрачить на тебя отец больше не станет. Нам самим тростник сажать надо.

— Как так не станет? — проговорил Дата Дин, кладя в рот щепотку табаку. — Бросать работу в середине года он не имеет права. Вот если он захочет бросить работу в месяце джетхе, тогда другое дело, неволить его никто не станет. А сейчас, раз он нанялся, должен работать весь год!

— Рабом твоим он еще не стал, — зевая, ответил Гобар. — Пока была охота, батрачил у тебя, а сейчас охоты нет, так он и не будет работать. Силой ты ничего не заставишь его делать.

— Значит, Хори не выйдет на работу?

— Нет!

— Тогда пускай вернет мне мои деньги и проценты. Процентов сто рупий набежало, а с самим долгом — двести. Я хотел за каждый месяц сбрасывать из его долга по три рупии, но раз ты не желаешь, дело твое. Только верни мне мои деньги. Если ты сам даешь деньги в рост, так не мешай и другим зарабатывать!

— Разве я отказываюсь служить тебе, махарадж? — испуганно проговорил Хори. — Да ведь нам самим тростник сажать надо!

— Какая еще служба, кому ты собираешься служить? — гневно оборвал отца Гобар. — На свете нет ни слуг, ни господ, все люди равны! Ишь какой ловкий! Даст человеку сто рупий взаймы, а потом всю жизнь заставляет его проценты отрабатывать! А долг, значит, все время за должником числится! Знаешь, как это называется? Ты не ростовщицеством занимаешься, а кровь из людей сосешь!

— Отдавай деньги, брат! Чего ты горячишься? На каждую рупию я накидываю одну анну, а с вас по-свойски всего пол-анны беру.

— Мы уплатим тебе проценты из расчета одну рупию на сто, и ни каури больше. Хочешь — бери, а не хочешь — в суд подавай. Рупия на сто — не плохой процент.

— Ох и жаден же ты до денег!

— Жаден тот, кто за одну рупию десять отнять норовит! Мы — хлебоборобы, жадность из нас вместе с потом выходит. Я помню, как ты дал нам тридцать рупий, когда мы покупали быков. Эти тридцать рупий в сто выросли, а теперь вместо одной сотни целых две стало! Так вот ваша братия и грабит крестьян. Своими батраками их делаете, а их землю себе присваиваете. За тридцать рупий — двести! В конце концов всему есть предел! Сколько лет прошло, как ты взял у него деньги, дада?

— Да лет этак восемь — девять, — горестно ответил Хори.

Гобар приложил ладонь к груди:

— За девять лет тридцать рупий в двести выросли? — удивленно спросил он. — А сколько будет, если накинуть рупию на сотню?

Первым попавшимся под руку черепком Гобар принялся чертить на земле цифры. Подсчитав, он сказал:

— За десять лет набежало тридцать шесть рупий. Прибавим долг. Всего тебе причитается семьдесят рупий. А сверх этого я тебе и каури не прибавлю.

— Слышишь, Хори? — обернулся Дата Дин к Хори. — Вон какой он справедливый, словно сама богиня Гаури! ¹ Хочет, чтобы я отказался от своих кровных двухсот рупий! Бери, мол, семьдесят или в суд подавай! Да что ж это будет, если все так начнут судить! А ты молчишь да слушаешь? Смотри, забыл, видно, что я брахман! Присвоишь мои деньги — греха не оберешься! Я эти семьдесят рупий брать не стану и в суд не пойду. Я брахман, и двести рупий все равно будут моими. Сам же придешь к моим дверям, отдашь мне их, да еще и поклонись!

Задыхаясь от злости, Дата Дин пошел прочь. Гобар спокойно сидел на своем месте, но в набожной душе Хори зародился страх. Будь это деньги какого-нибудь тхакура или купца, он и волноваться не стал бы. Но деньги брахмана! Если присвоишь себе хотя бы одну пайсу, принадлежащую брахману, то это может обернуться великой бедой. Не дай бог, чтобы на кого-нибудь обрушился гнев брахмана! В семье тогда не будет кормильца, дом лишится единственной опоры.

При этой мысли богобоязненное сердце Хори сжалось

¹ Гаури — одно из имен богини Парвати, считающейся в индийской мифологии супругой бога Шивы.

от ужаса. Он кинулся вслед за пандитом, обнял его колени и взмолился:

— Махарадж, пока жив я, деньги твои не пропадут! Все тебе отдам до последней пайсы! Не слушай ты этого мальчишку! Уговор-то между мной и тобой был, а он здесь при чем?

Дата Дин немного смягчился.

— Ты сам посуди, какую несправедливость он хотел учинить! — сказал Дата Дин. — Говорит: «Или семьдесят рупий вместо двухсот бери, или в суд подавай!» Видно, он ни разу в суде не бывал! Ничего, попадется какому-нибудь молодцу в лапы, так с него живо спесь собьют! Неделью в городе прожил, а гляди, каким гордецом вернущся!

— Поверь моему слову, махарадж, я тебе долг отдам!

— Тогда сегодня же выходи на мое поле.

— Свой тростник сажать надо, махарадж. А то бы я пришел.

Когда Дата Дин удалился, Гобар, с презрением глядя на отца, проговорил:

— Не стерпел-таки, помчался умасливать своего «всесильного» брахмана! Вот такие трусы, как ты, и разбаловали этих дармоедов! Он тебе дал займы тридцать рупий, а требует двести, да еще грозит! Он теперь твоими руками все свое хозяйство будет вести, пока до смерти тебя не заедит! Где же тут справедливость?

— Слова нельзя нарушать, сынок, — убежденно сказал Хори. — Под какие проценты взяли деньги, так и придется отдавать. А потом он как-никак брахман. Пойдут ли нам его деньги впрок? От этих денег польза только таким, как он!

— А кто собирается нарушать уговор? — нахмурился Гобар. — Кто собирается отнимать у брахмана деньги? Я только говорю, что выплачивать ему такие большие проценты мы вовсе не обязаны. За каждые взятые в долг сто рупий банк берет двенадцать анн. Пускай он возьмет одну рупию за каждые сто. Нечего ему людей грабить!

— Обозлится он на нас. Как бы беды не было!

— Пускай злится! Не пропадать же нам из-за его злобы.

— Ой, нет, сынок! Пока я жив, не мешай мне идти своей дорогой! Помру — делай тогда все, что тебе вздумается.

— Что ж, поступай как знаешь. А я себе руки да ноги топором отрубить не стану. Дурак я, что ввязался в ваш разговор. Ты занимал, ты и расплачивайся. С какой стати мне подыхать из-за этих денег?

Раздосадованный Гобар вошел в дом.

— Что это вы там с отцом не поладили? — спросила его Дхания.

Гобар рассказал матери о том, что произошло, а под конец прибавил:

— Если отцовы долги и дальше так будут расти, разве мне их выплатить? Отец будет на других работать, сундуки их добром набивать, а я? С какой стати мне-то лезть в яму, которую он сам для себя копает? Когда он деньги в долг брал, меня не спрашивал, да и не для меня он их брал. Я ему ничего не должен!

Между тем старейшины деревни уже сговаривались о том, как бы им припугнуть Гобара. Если во-время не взять этого парня в ежовые рукавицы, он всю деревню взбаламутит! Ишь какой, из пешек прямо в ферзи норovit попасть! Повиновения от него теперь не жди. И когда только он научился так разбираться в законах? Говорит, что платить проценты больше рупии за каждую сотню он не будет, хочешь — бери, а не хочешь — иди жалуйся в суд! А что он этой ночью вытворял с парнями, которых собрал со всей деревни!

Однако среди деревенских заправил тоже не было согласия. Каждый из них втайне радовался, вспоминая, как крестьяне насмеялись над ему подобными.

Патешвари и Нокхэ Рам разговорились между собой.

— Вот ведь, проклятые, все знают, что в каждом доме творится, все до последних мелочей! — притворно сокрушался Патешвари. — Над Джингури Сингхом так насмеялись, что не приведи бог! Когда представляли обеих его жен, так все со смеху покатывались.

— Они это правильно изобразили, — хохотал Нокхэ Рам. — Младшую-то его жену я и сам не раз видел, как она на пороге стоит да с парнями пересмеивается.

— А его старшая жена все молодится, — и каджлом мажется, и подкрашивает синдуром пробор, и махаваром¹ румянится!

¹ Ма х а в а р — красная краска, приготовляемая из шеллака.

— Между обеими женами день и ночь ссора идет. Джингури Сингх совсем стыд потерял. Другой на его месте давно бы с ума сошел, а он терпит! Ох и подлец же он!

— Говорят, твою старшую толстуху тоже как следует продернули. Изобразили, будто ты велел запереть ее в доме у чамара и дать ей там хорошую взбучку.

— А я вот возьму да и потребую с мальчика налог! — вспылil Нокхэ Рам. — Живо его в чувство приведу! Узнает тогда, с кем вздумал тягаться.

— Так ведь налог-то он уплатил!

— Расписки я ему не давал! Где доказательство, что налог уже уплачен? Кто здесь станет проверять мою бухгалтерию? Сегодня же пошлю за ним посыльного.

Хори и Гобар были заняты поливкой: они готовили поле под посадку тростника. Еще вчера Хори и не надеялся посадить тростник. Но теперь у них были быки и ничто им не мешало.

Однако между отцом и сыном словно черная кошка пробежала — они не разговаривали и не глядели друг на друга. Хори гонял быков, а Гобар, стоя у края колодца, принимал большую кожаную бадью и выливал воду на землю. Сона и Рупа тут же разгоняли воду по всему полю. Вдруг между сестрами разгорелся спор. Пospopили они о том, кто первым ест в доме Джингури Сингха, он сам или его младшая жена. Сона утверждала, что сначала ест младшая жена тхакура, Рупа же была противоположного мнения.

— Если она прежде ест сама, почему же тогда она не толстая? — с пристрастием допрашивала сестру Рупа. — Почему тхакур такой толстый? Если тхакур вдруг на нее упадет, он ее в лепешку раздавит!

— Ты думаешь, люди только от хорошей еды толстеют? Они от этого сильными становятся, а не толстыми! Толстеют те, кто ест много хлеба!

— Что же, по-твоему, жена тхакура сильнее его самого?

— А как же? Они вон подрались недавно, так она так его толкнула, что он свалился и колени себе расшиб!

— Значит, ты сначала сама поешь, а потом мужа кормить станешь?

— А почему бы и нет?

— Мама, вон, папу сначала кормит.

— Потому папа всякий раз на нее и сердится. Я сильной буду, мужа заставлю слушаться, а твой муж тебя будет бить. Он тебе все кости переломает!

Лицо Рупы сморщилось в плаксивой гримасе.

— Зачем ему бить меня? Я не буду ничего делать плохого, за что же меня бить?

— Он и слушать тебя не станет. Чуть что не так ему скажешь, он сейчас же тебя и побьет! Так отлупит, что с тебя вся кожа слезет!

Рассерженная Рупа попыталась было зубами разорвать сари Соны, а когда это ей не удалось, захныкала от обиды. А Сона продолжала дразнить сестренку:

— Он тебе и нос отрежет!

Не стерпев такой обиды, Рупа укусила сестру. По руке Соны потекла кровь. Сона с силой оттолкнула от себя Рупу, та упала и, поднявшись на ноги, залилась слезами. Сона тоже заплакала, увидев на руке следы зубов Рупы.

На крик и шум явился рассерженный Гобар и надавал сестрам подзатыльников. Обе девочки, заливаясь слезами, убежали домой. Поливка поля приостановилась. Это послужило поводом для очередной стычки между отцом и сыном.

— Кто теперь будет воду по полю разгонять? — ворчал Хори. — Зачем ты прогнал девочек? Ступай, скажи, чтобы шли сюда.

— Это ты их так распустил, ты и уговаривай!

— А если их бить, то еще хуже будет!

— Не покормил бы их с денек, живо бы исправились!

— Я им отец, а не палач!

Если человек оступится однажды и повредит себе ногу, то после он начинает то и дело спотыкаться без видимой причины. Когда обваришь палец, он ноет целыми месяцами. Так и в отношениях между отцом и сыном достаточно одной ссоры, чтобы за ней последовала вторая и третья.

Гобар пошел домой за Джхунией: надо же было кому-то помогать им поливать поле! Подхватив ребенка, Джхуния начала быстро собираться, в то время как Дхания и обе ее дочери, не говоря ни слова, сидели и смотрели на нее и на Гобара. Поступок Гобара пришелся матери сильно не по душе. Ударь Гобар Рупу, она не придавала бы этому никакого значения. Но побить молодую девушку — это уж слишком!

А Гобар решил тем же вечером ехать в Лакнау. Ему здесь нечего делать. С какой стати должен он оставаться здесь, если никто с ним не считается! Едва дело коснется денег, ему и слова вставить не дают. Побил девчонок, так отец с матерью на него уже обозлились и смотрят как на чужого! Если так — он в этом доме больше не останется!

Пообедав, отец и сын снова собрались было в поле, как вдруг явился посыльный от Нокхэ Рама и сказал Хори:

— Пойдем, управляющий тебя зовет.

— Зачем я ему понадобился на ночь глядя? — строптиво спросил Хори. — Налог я уже выплатил, а других дел у меня с ним нет.

— Мне было велено сходить за тобой, — ответил посыльный. — А про налог, если хочешь, ступай и скажи ему сам!

Хори вовсе не хотелось идти к управляющему, но делать было нечего. А Гобару теперь все было безразлично.

Через полчаса Хори вернулся, набил трубку и молча закурил. Гобар первым нарушил молчание.

— Зачем он тебя звал? — спросил он отца.

Голосом, в котором прорывались и гнев и слезы, Хори ответил:

— Налог я весь выплатил, до последней пайсы, а управляющий говорит, будто за мной числятся недоимки за целых два года. В тот самый день, когда я продал тростник, я ему двадцать пять рупий отдал, а он нашел еще какие-то недоимки! Я сказал, что полрупии и той ему больше не дам.

— Расписка-то у тебя есть? — спросил Гобар.

— Кто это дает здесь расписки?

— Как же ты можешь отдавать деньги без расписки?

— Откуда я знал, что есть на свете такие бессовестные люди? А все из-за тебя! Ночью ты над ними потешался, а теперь вот приходится мне расплачиваться. Мыслимое ли дело враждовать с крокодилом, сидя по горло в воде?

— Если бы у тебя была расписка, я бы мог над ними во сто тысяч раз больше смеяться, и он бы тебе ничего не сделал, — сказал, оправдываясь, Гобар. — Как же можно быть таким неосмотрительным в денежных делах? Если он не дает расписки, пошли ему деньги по почте. Истратишь полрупии на пошлину, зато уж тут он не смощенничает.

— Ничего бы этого не было, если бы не ты! Все старейшины разгневаны, землю мою отнять грозятся. Один бог Рама знает, как мне выпутаться из этой беды.

— Я пойду к управляющему, поговорю с ним сам.

— Какой толк? Только сильнее огонь раздуешь.

— И раздую, если на то пошло! Землю нашу хотят отнять? Пускай попробуют! Я управляющего на воде священного Ганга поклясться заставлю, что он не брал у тебя тех денег. Ты сиди здесь, а я за землю насмерть драться буду. Мне чужой пайсы не надо, но и своей терять я не желаю!

Гобар вскочил и направился напрямик к чаупалу Нокхэ Рама. Здесь он застал всю деревенскую верхушку. Завидев Гобара, старейшины тут же умолкли. Ясно было, что здесь затевался против него какой-то заговор.

— Что же это такое, Нокхэ-сахиб! — загремел Гобар. — Отец вам за нынешний год весь налог выплатил, а вы с него недоимку за два года требуете? Совесть-то у вас есть?

Расположившись на подушке поудобнее, Нокхэ Рам с величественным видом проговорил:

— Пока Хори жив, я с тобой о денежных делах и о налогах разговаривать не желаю.

— Выходит, я никто в доме? — спросил жестоко уязвленный Гобар.

— У себя в доме ты, может, и хозяин, а здесь ты никто.

— Ну что ж, конфискуйте землю, но деньги вам выплачу только через суд. На воде священного Ганга заставлю вас поклясться, что вы не брали у отца денег. Я в нашей деревне сотню свидетелей найду и докажу, что вы никому никогда не даете расписок. Крестьяне — народ темный, покорный, слово боятся сказать; так вы уж и решили, что все они набитые дураки? Я живу в том же городе, что и раз-сахиб. Для всех деревенских он, может, и бог, а для меня нет. Пойду к нему, да и расскажу, как вы с меня два раза налог содрали!

В словах Гобара была неотразимая правда, а трусливые сердца боятся правды. Известь, которая становится твердой, как камень, в кирпичной кладке, превращается в грязь, если бросить ее на землю. Бесстрашные слова Гобара пробили кольчугу, сотканную из злых умыслов, под которой трус Нокхэ Рам считал себя неуязвимым.

Нокхэ Рам сделал вид, словно он что-то припоминает.

— Чего ты горячишься? — спросил он. — Сердиться тут вовсе не из-за чего! Если Хори уплатил налог у меня, наверно, об этом где-нибудь записано. Вытащу завтра бумаги, погляжу. Сейчас и сам я вроде припоминаю, что Хори отдавал мне деньги. Ты успокойся. Если он отдал деньги, они никуда не денутся. Из-за какой-то пустяковой суммы ты не станешь врать, да и я с нее не разбогатею.

Вернувшись от Нокхэ Рама, Гобар так накричал на Хори, что у бедного старика слезы выступили на глазах.

— Ты слабей и трусливей детишек, которые режут от страха, стоит им только услышать кошачье мяуканье! До каких пор буду я ходить туда и сюда и выручать тебя из беды? Даю тебе семьдесят рупий. Если возьмет их Дата Дин, заставь его выдать расписку на всю сумму. Если сверх этой суммы ты дашь ему хоть пайсу — от меня больше ничего не получишь. Не для того торчу я в городе, чтобы ты позволял себя грабить! Я на грабителей работать не стану! Завтра я уезжаю. Скажу тебе напоследок вот что: ни у кого больше не бери займы ни пайсы и никому ничего не давай. Когда будешь отдавать долги Мангру Шаху, Дулари, Дата Дину — всем выплачивай проценты из расчета рупия на сотню.

На пороге дома появилась Дхания.

— Что так рано собрался уезжать, сынок? — спросила она. — Пожил бы еще с недельку, тростник бы помог посадить, с долгами бы все дела уладил, тогда бы уж и поехал.

— Каждый день я терплю убыток в несколько рупий, — с важным видом проговорил Гобар. — А здесь сколько ни старайся — и четырех анн не заработаешь. Джхуню я с собой хочу забрать, а то там стряпать некому.

— Делай, как тебе лучше, — боязливо проговорила Дхания. — Только, как она там будет одна с домом управляться, кто там за ребенком присмотрит?

— О чем же должен я думать, о ребенке или о своем деле? С очагом возиться у меня нет времени.

— Забирай ее, пожалуйста, я ведь не задерживаю. Только если ребенка возьмете в город — туго вам придется! Он вас по рукам и ногам свяжет. Подумай, сколько хлопот с ним будет!

— Друзья и на чужой стороне найдутся! Люди помогут. Везде так, кого ни возьми, все только о своей корысти думают. С кем разделишь четыре пайсы — тот тебе и друг. А с пустыми руками ты и отцу с матерью не нужен!

Дхания поняла, что хотел сказать Гобар. Она вся так и вспыхнула.

— Что же ты думаешь, отца и мать за деньги можно купить?

— Глаз нет у меня, что ли? Я все вижу...

— Ничего ты не видишь! У родителей сердца не каменные! Вот у сыновей — другое дело. Чуть начнут деньги зарабатывать, им до родителей и дела нет! Я тебе по деревне таких молодцов не один десяток насчитаю! Если мать с отцом и берут в долг, так для кого? Для себя или для своих сыновей и дочерей?

— Кто вас знает, зачем вы залезли в долги. У меня в руках сроду пайсы не бывало.

— Ты что же, думаешь, сам вырос? Никто тебя не воспитывал, не растил?

— А ты что ли меня растила? Пока я совсем маленьким был, так грудью кормила, а чуть подрос, бросила словно сироту безродного! Что все ели, то и я ел. Молока я сроду не пробовал, масла, пшеничного хлеба — тоже не видел, а теперь ты с отцом хочешь, чтобы я и долги все отдал, и налоги уплатил, и сестер замуж выдал? Будто иного дела у меня нет, как только выплачивать ваши долги! У меня у самого семья есть.

Дхания была потрясена. В один миг рассеялись все ее мечты. До сих пор она чувствовала себя на вершине блаженства. Она лелеяла в сердце надежду, что отныне все беды и лишения навсегда останутся позади. С того дня, как Гобар вернулся домой, с лица ее не сходила робкая улыбка счастья. Речь ее стала мягче, она заметно подобрела к людям. Если бог услышал ее молитвы и смилился над ней, так ей надо быть тише воды, ниже травы. Душа ее обрела, наконец, покой, и сама она была теперь полна достоинства. Но слова сына, словно раскаленный песок, обожгли ее сердце и в один миг, как жалкого червяка, иссушили все ее мечты и надежды. Все, чем она так гордилась, разлетелось словно зола. Какой еще радости, какого счастья могла ожидать она в жизни, если родной сын швырнул ей в лицо такие слова?!

Но нет! Не может того быть, чтобы Гобар, ее Гобар, оказался вдруг таким неблагодарным. Ведь он раньше слова худого ей не говорил, никогда ни на чем не упорствовал, ел вместе со всеми ту пищу, которая доставалась на его долю. Почему же теперь ее кумир, к стопам которого она принесла всю свою любовь, сокрушает ее сердце? Ведь никто его не попрекал, отец и мать не знали, как ему угодить. Сам же ввязался во все эти дела с долгами! Кто говорил, что ему придется выплачивать родительские долги? Разве не достаточно для родителей и того, что их сын живет и зарабатывает деньги, как самые честные и достойные люди? Чем может, тем и помог бы родителям, а если не может, родители ни к чему не станут его принуждать. Хочет взять с собой Джхуню—пусть забирает! Ведь не о ком-нибудь другом, а о нем беспокоилась Дхания, когда предупреждала, что если он заберет с собой Джхуню, это принесет ему только новые хлопоты и беспокойство. Почему же он вдруг так рассердился? Что обидного нашел он в ее словах? Не иначе как Джхуня его подучила! Ну, конечно, это она потихоньку нашептывала да наговаривала Гобару. Здесь, в деревне, не очень-то разрядишься, украшений на себя не наденешь, да и по хозяйству работать приходится. А там — другое дело. Если есть у тебя деньги, можно и есть вволю, и хорошо одеваться, и всласть поспать. Долго ли на двоих-то хлеб испечь? Там только деньги и нужны. Говорят, будто в городе на базаре можно купить уже испеченный хлеб. Ну, конечно, не кто иной, как Джхуня затеяла всю эту ссору! Хоть и недолго, а в городе она побывать успела, городской еды попробовала! Встретился ей этот дурачок, она его на себе и женила. Небось, когда на пятом месяце явилась сюда, так словно кошка под окнами мяукала. Если бы тогда ее в дом не впустили, кто знает, может, она и сейчас бы по миру ходила! Так-то теперь она оплачивает за добро! Из-за этой ведьмы штраф пришлось уплатить, вся община от них отвернулась, все хозяйство прахом пошло. Из-за нее стряслись все эти беды, а теперь она плюет в ту самую тарелку, из которой сама недавно ела. Почуяла деньги, так сразу глаза наострила, так и вьется вокруг Гобара! Не терпится ей, все себе захватить норовит. Как же, парень зарабатывать стал! А ведь она ее ничего не заставляла делать! О, проклятая! За что ж она хочет отнять у нее единственное ее сокровище?!

Голосом, полным боли, Дхания проговорила:

— Кто только научил тебя этим словам, сынок! Ты ведь не был таким. Отец и мать тебе не чужие, Сона и Рупа — твои родные сестры, дом этот твой. Нам с отцом недолго жить осталось! Если ты честь семьи поддержишь, так тебе же это на пользу пойдет. Для кого, как не для своей семьи, зарабатывает человек деньги? Ведь свинья и та о своем потомстве заботится. Не знала я, что Джхуния змеей обернется и нас же станет кусать!

Гобар рассердился.

— Э, мать, неужто я такой дурак, что позволю Джхунии учить меня. Зря ты на нее наговариваешь! Все расходы по вашему хозяйству взвалить на себя я не могу. Хватит сил — помогу, но кандалы себе на ноги надевать я не позволю.

Джхуния тоже выскочила из своей каморки.

— Не злитесь понапрасну, амман! Не ребенок Гобар, чтобы я могла его подучить. Всякий ведь понимает, что ему хорошо, а что плохо. Не для того человек рождается, чтобы жить впроголодь и умереть в нищете. Каждый хочет пожить в свое удовольствие, каждый хочет, чтобы у него лишняя пайса оставалась!

— Придержи-ка язык! — набросилась на нее Дхания. — Ты, я вижу, тоже начала думать, что для тебя плохо, а что хорошо. Когда пришла сюда да у ног моих валялась, об этом не думала! Если бы мы тогда только о себе думали, так тебя бы, пожалуй, и в живых сейчас не было!

Слова Дхании послужили началом жестокой ссоры.словно из рога изобилия посыпались взаимные обвинения и ругань. Обе женщины старались перекричать и осрамить друг друга. От бывшего мира и согласия не осталось и следа. Гобар тоже то и дело бросал ядовитые реплики, словно жалом жалил. Один Хори, сидя в доме, молча прислушивался к разгоревшейся перебранке. Понурились головы, стояли во дворе Сона и Рупа. Разнимать ссорящихся спешно явились добровольные судьи: Дулари, Пунния и еще несколько соседок. Если раньше между Дханией и ее невесткой лишь изредка просачивались капли взаимной неприязни, то теперь эти капли превратились в бурлящий поток. Обе громко оплакивали свою судьбу, обе проклинали всевышнего и обе старались доказать свою правоту. Джхуния вытащила на свет даже то, что было

давно похоронено. Ей, видите ли, вдруг стало жалко Хиру и Собху, с которыми так плохо обошлась эта негодница Дхания!

До сих пор в деревне не было еще человека, который мог бы одолеть Дханию в словесном турнире. Могла ли она теперь уступить Джхунии? Дхания всеми силами старалась обелить себя, но неизвестно почему, симпатии всех соседей склонялись на сторону Джхунии. Может быть, потому, что Джхуния все-таки не забывалась и старалась держать себя в руках, в то время как Дхания просто выходила из себя; а может быть, и потому, что Джхуния была женой человека, который начал хорошо зарабатывать. Так или иначе все присутствовавшие считали более разумным поддерживать ее сторону.

Хори, наконец, не выдержал. Выйдя во двор, он сказал:

— На коленях тебя прошу, Дхания, замолчи! Не позорь меня! Неужто мало ты наслушалась оскорблений?

Дхания со злобным шипением накинулась на мужа:

— И ты тоже за нее вступился! Разве мне не обидно? Вон как она меня честит!

Мало-помалу поток ее слов начал иссякать.

— Кто с такой подлой бабой свяжется, сам подлецом будет!

Но как могла Дхания доказать, что Джхуния на самом деле была подлой?

— Ладно, не все ли равно, плохая она или хорошая, — голосом, полным горечи, сказал Хори. — Не хочет человек оставаться дома, на привязи ты его не удержишь. Долг родителей вскормить и вспоить сына, вырастить его. Мы наш долг исполнили. Он теперь сам на ногах стоит. Чего же ты хочешь, чтобы он заботился о тебе, кормил тебя? Кроме как о сыновьях, у отца с матерью других забот нет, а сыновьям на родителей наплевать. Если не хочет оставаться, благослови его, пускай идет себе с богом. Бог ему судья. Отстрадаем сполна все, что нам положено. С горем пополам прожила ты сорок лет, а я сорок семь, как-нибудь прогорюем и те пять — десять лет, что нам осталось.

Гобар начал готовиться к отъезду. После всего, что здесь случилось, даже вода в этом доме стала для него запретной. Если мать говорит такие вещи, он не желает больше иметь с ней никакого дела!

Мигом свернул он свою постель. Джхуния облачилась в свое цветистое яркое сари, превратился в принца и Чанна, которого мать нарядила в новый костюмчик, и сборы были закончены:

Хори, сдерживая душившие его слезы, проговорил:

— Сынок, неужто тебе и сказать на прощанье нечего? Поверить тому не могу. Что с тобой сделается, если ты подойдешь к своей несчастной матери да в ноги ей поклонись? Ведь она родила тебя в страданиях, вскормила и вырастила...

— Она мне больше не мать, — буркнул, отвернувшись, Гобар.

— Ну что ж, делай как хочешь, — проговорил Хори. В глазах у него стояли слезы. — Где бы ты ни был, будь счастлив!

Джхуния, подойдя к свекрови, низко-низко поклонилась ей в ноги. Но с губ Дхании не слетело ни единого слова напутствия. На невестку она даже и не взглянула.

Гобар с ребенком на руках пошел вперед, а следом за ним, с постелью подмышкой, зашагала Джхуния. Мальчик-чамар нес их сундучок. Соседи, оказавшиеся поблизости, проводили Гобара до околицы деревни.

А Дхания все сидела у порога и безутешно плакала. Сердце ее разрывалось. Ее материнская любовь походила сейчас на дом, который вдруг вспыхнул и обратился в пепел, так что и погоревать было не над чем.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Последнее время в округе только и говорили о том, что раз-сахиб выдает свою дочь замуж. Событие это совпало с предвыборной горячкой. Но для самого раз-сахиба важнее всего был гражданский судебный процесс, который уже обошелся ему в целых пятьдесят тысяч рупий, не считая побочных расходов. Дело в том, что шурин раз-сахиба, владелец многочисленных поместий и земель, погиб, попав в автомобильную катастрофу, и раз-сахиб решил прибегнуть к помощи закона для того, чтобы закрепить наследство покойного за своим неженатым сыном. Однако племянники раз-сахиба со стороны жены захватили поместья в свои руки и не желали ничего выделять на его долю. Раз-сахиб от души стремился решить эту

тяжбу к обоюдной выгоде и без всякой ссоры. Он хотел, чтобы племянники, удовольствовавшись вполне приличной пенсией, достаточной для безбедного существования, отступились от поместий. Больше того, он готов был отдать им половину доходов со всех спорных владений. Однако племянники и слышать ничего не желали. Не считаясь ни с чем, они силой начали собирать налоги с крестьян. Раз-сахибу ничего не оставалось делать, как подать на них в суд.

Ведение процесса обойдется ему не в одну сотню тысяч рупий, но и поместья оценивались не меньше, чем в два миллиона. Адвокаты заверяли раз-сахиба, что суд встанет на его сторону. Разве можно было упускать из рук такой случай?

Вся трудность заключалась в том, что целых три заботы свалились ему на голову одновременно, и ни одной из них нельзя было отложить. Дочери раз-сахиба исполнилось уже восемнадцать лет, и свадьба ее не состоялась до сих пор лишь потому, что для этого не было денег. В приданое дочери раз-сахиб собирался дать сто тысяч, однако, с кем он ни заводил разговор о женитьбе, все хотели отхватить кусок побольше. К счастью, недавно появилась новая блестящая возможность. Как раз в это время умерла от чахотки жена Кунвара Дигвиджайи Сингха, и он хотел как можно скорее ввести в свой опустевший дом новую жену. Кунвар-сахиб не требовал большого приданого, и, чтобы не упустить такого жениха, необходимо было сыграть свадьбу без промедления.

Кунвар-сахиб был рабом всяческих пороков и страстей. Вино, гянджа, опиум, чарас — не было, пожалуй, ни одного наркотика, ни одного опьяняющего средства, к которому бы он не был пристрастен. Ведь именно мотовство и страсть к чувственным наслаждениям и есть то, чем гордится каждый раис! Что это за аристократ, если он не кутила и не развратник? На что же еще ему тратить свои деньги?

Однако, несмотря на все свои скверные привычки и пороки, Кунвар-сахиб был таким одаренным человеком, что даже признанные мудрецы и самые искушенные люди удивлялись и во всем признавали его первенство. В музыке, танцах, в хиромантии, в сражениях на палках, в борьбе, стрельбе в цель и прочих искусствах он не имел себе равного. Кроме того, он был очень красив и не знал,

что такое страх. Кунвар-сахиб, не скупясь, поддерживал патриотические движения, однако делал это так, что никто не мог его ни в чем заподозрить. Для власть имущих его деятельность, конечно, не являлась секретом, тем не менее он пользовался в их среде большим уважением. Сам губернатор гостил у него раза два в году.

Кунвару-сахибу было не больше тридцати трех лет. Он был так здоров, что мог один съесть целого козла, и с ним никогда ничего не случалось. Имея в виду все это, раз-сахиб решил, что сам бог послал такого жениха для дочери. Кунвар-сахиб не успел еще и поминонок справить по своей жене, как раз-сахиб уже завел с ним переговоры о свадьбе.

Для Кунвара-сахиба предстоящая женитьба была всего лишь средством усилить свое влияние. Раз-сахиб являлся членом совета и был, таким образом, весьма влиятельным человеком. Показав свое мужество и отвагу в национальном движении, он завоевал всеобщее уважение. Так что никаких препятствий не было, и свадьбу решено было отпраздновать.

Оставались выборы, этот золоченый кинжал, который и в руки взять лестно, но и порезаться легко. До этого раз-сахиб уже дважды побеждал на выборах, и оба раза это удовольствие обходилось ему в сто тысяч рупий. Однако на сей раз в том же самом округе выдвинул свою кандидатуру другой претендент — раджа-сахиб, заявивший во всеуслышание, что он готов уплатить каждому избирателю по тысяче рупий и поставить на карту все свои земельные владения, оцениваемые в пять миллионов, лишь бы не дать раз-сахибу Амарпал Сингху вновь стать членом совета. Поговаривали, что влиятельные люди обещали ему свою поддержку.

Раз-сахиб был умен и хитер, как лиса. Он отлично понимал, что для него хорошо, а что плохо. Однако, кроме всего прочего, он был раджпут¹ и носил титул раиса. Мог ли отступить без боя, когда ему был брошен подобный вызов? Другое дело, если бы раджа Сурья Пратап Сингх явился к нему и сказал, что, мол, так и так, брат сахиб, в совете ты был уже два раза, а теперь предоставь эту возможность мне. Тогда, может быть, раз-сахиб и

¹ Раджпут — индеец, родом из Раджпутаны, жители которой отличаются воинской доблестью, отвагой и упорством.

пошел бы ему навстречу. У него не было сейчас особого желания добиваться своего избрания в совет, однако, раз ему был брошен этот вызов, ему ничего не оставалось, как вступить в борьбу. Решимость его была подкреплена следующими обстоятельствами. Мистер Танкха усиленно советовал ему выставить на выборах свою кандидатуру, а потом отступить, взяв за это с раджи-сахиба сто тысяч рупий. Больше того! Мистер Танкха заявил, что раджа-сахиб с превеликим удовольствием уплатит ему за эту уступку сто тысяч и что он, Танкха, уже успел с ним договориться на этот счет. Однако, как потом выяснилось, раджа-сахиб стремился нанести поражение раэ-сахибу прежде всего потому, что дочь раэ-сахиба выходила замуж за Кунвара-сахиба. Слияние двух таких влиятельных домов он рассматривал как угрозу своему собственному могуществу и славе. Кроме того, у раэ-сахиба имелись реальные шансы приобрести наследство своего шурина. Это тоже было шпилькой, больно коловшей раджу-сахиба. А вдруг имения действительно попадут в руки раэ-сахибу! Ведь закон на его стороне! Тогда перед раджей-сахибом подымется в здешних краях новый грозный соперник. Словом, намерения раджи-сахиба были совершенно очевидны — он хотел сокрушить раэ-сахиба и втоптать в грязь его честь и достоинство.

Бедный раэ-сахиб очутился в чрезвычайно трудном положении. Ему начинало казаться, что мистер Танкха просто-напросто надул его ради каких-то своих корыстных целей. Потом до раэ-сахиба стали доходить слухи, что мистер Танкха переметнулся на сторону раджи-сахиба. Это известие было подобно соли, высыпанной на открытую рану. Раэ-сахиб несколько раз зазывал Танкху к себе, но его то дома не было, то, пообещав прийти, он забывал о своем обещании. В конце концов раэ-сахиб решил сам отправиться к мистеру Танкхе. По счастливой случайности он застал Танкху дома, однако ему пришлось прождать его в передней целый час. И так поступал с ним тот самый Танкха, который раньше каждый день являлся к нему на прием! С чего это он так возгордился?

Раэ-сахиб сидел и ждал его, с трудом сдерживая злобу. Наконец, принаряженный, с сигарой в зубах, в дверях комнаты появился мистер Танкха и протянул ему руку.

Раэ-сахиба взорвало:

— Я здесь уже целый час торчу! Едва дождался, пока вы изволили выйти! Я рассматриваю это как личное оскорбление!

Танкха уселся на софу и, беззаботно пуская в потолок сигарный дым, ответил:

— Очень сожалею. Я был занят весьма спешной работой. Вам нужно было сначала позвонить и договориться со мной о часе встречи.

Слова его подлили масла в огонь, однако раэ-сахиб сумел сдержать гнев. Он приехал не для того, чтобы ссориться, и ему пришлось проглотить это оскорбление.

— Да, пожалуй я сам виноват,— проговорил он,— но неужели вы сегодня так заняты?

— Совершенно занят. Иначе я сам непременно явился бы к вам.

— Я приехал потолковать о том дельце. Похоже, что договориться с раджой-сахибом нет никакой надежды. А между тем подготовка к избирательной кампании уже развернулась.

— Вы же отлично знаете нрав раджи-сахиба! Взбалмошный человек! То одно ему подавай, то другое! Теперь ему пришла в голову новая затея: хочется ему пригнуть вас к земле. А когда ему взбредет что-нибудь в голову, он и слушать ничего не желает. Все делает по-своему, во сколько бы ему это ни обошлось. На шее у него миллиона четыре долга, а он своих привычек и не собирается менять: попрежнему швыряет деньги на ветер. Ему на них наплевать! Жалованье слугам по полгода не выплачивает, однако строит себе дворец. Мраморные полы и мозаика в нем такая, что глаза разбегаются! Важным чиновникам каждый день шлет целые корзины подарков. А еще, говорят, он собирается пригласить управляющего-англичанина.

— Зачем же вы тогда сказали, что сумеете заставить раджу-сахиба уплатить мне отступные?

— Все, что можно было сделать, я уже сделал. Что же вы еще от меня хотите? Если кто-нибудь твердо решил пустить на ветер несколько сот тысяч рупий, что я могу тут поделаться?

Раэ-сахиб не смог сдержать гнева.

— Особенно в том случае, если вы надеетесь, что десять или двадцать тысяч из этих нескольких сот прилипнут к вашим рукам! — съязвил он.

Мог ли тут смолчать Танкха?

— Раз-сахиб! — сказал он. — Давайте называть вещи своими именами. Ни меня, ни вас к праведникам не причислишь. Все мы только о наживе и думаем. Вы ведь тоже стараетесь отыскать простака с туго набитой мошной и обобрать его. Я посоветовал вам выдвинуть свою кандидатуру на выборах. Вы выставили свою кандидатуру, чтобы сорвать с раджи-сахиба сто тысяч рупий. Предположим, что вы достигли бы желаемого. Тогда, не затратив ни пайсы, вы положите сотню тысяч рупий себе в карман. Вы и с Кунваром-сахибом бы породнились, и процесс бы шел своим чередом. Но, к несчастью для вас, этот маневр не удался. Если бы все сложилось в вашу пользу, то что бы выиграл я? Мне ничего не оставалось делать, как убить в своем сердце любовь к вам и перейти на сторону раджи-сахиба. В конце концов, так или иначе, надо же переплыть реку Вайтарини!¹

В сердце раз-сахиба бушевала злоба. Так бы и растерзал сейчас этого мерзавца! Ведь сам же он сулил ему райские кущи и советовал раз-сахибу выставить свою кандидатуру на выборах, а теперь от всего отрешивается, да еще и в физиономию норовит плюнуть! Однако, не теряя надежды прийти к соглашению, раз-сахиб кое-как подавил свои чувства.

— Значит, помощи от вас мне ждать нечего?

— Считайте, что дело обстоит именно так.

— Я готов помириться с раджой-сахибом и на пятидесяти тысячах.

— Раджа-сахиб на это не пойдет.

— Ну, а двадцать пять тысяч, я думаю, он даст?

— И не надейтесь! Он ясно сказал, что и пайсы не даст.

— Кто это сказал, вы или раджа-сахиб?

— Я вижу, вы меня за подлеца считаете.

— Подлецом вас я не считаю, — смиренно сказал раз-сахиб, — но одно знаю наверное: будь на то ваша добрая воля, дело с раджой-сахибом выгорело бы.

— Стало быть, вы считаете, что именно я виноват в том, что эта сделка не состоялась?

¹ Вайтарини — название мифической реки, протекающей, по верованиям индусов, мимо врат царства бога смерти Ямы и преграждающей душам умерших путь в его подземное царство. Согласно преданию, воды ее зловонны и загрязнены человеческими костями, волосами и кровью.

— Вовсе нет! Я хотел только сказать, что если бы вы захотели, все дело было бы давно улажено и на мою долю не выпало бы столько хлопот и беспокойства.

Танкха взглянул на часы.

— Так вот, раз-сахиб,— сказал он,— если вы хотите разговаривать начистоту, слушайте! Если вы дадите мне чек на десять тысяч рупий, то уже сегодня вы получите сто тысяч. Вы, должно быть, рассчитывали швырнуть мне какие-нибудь одну-две тысячи? Так я вам скажу: не на такого дурачка напали! Вы хотели бы положить деньги, полученные от раджи-сахиба, в сейф и ходить да посмеиваться надо мной! С какой же стати мне ждать, пока вы меня надуете? Я бы тогда и пожаловаться никому не смог!

Раз-сахиб с деланным негодованием глянул на собеседника.

— Неужели вы считаете меня таким подлецом?

Танкха поднялся с кресла.

— Подлостью сейчас это никто не назовет,— сказал он.— Теперь все только о том и думают, как бы кого-нибудь оставить в дураках. Только таким путем и можно пробиться. А среди мошенников этого сорта — вы самый первый!

— Я? — сжимая кулаки, переспросил раз-сахиб.

— Да, вы! На первых выборах я всеми силами помогал вам, поддерживал вас. И за все мои труды вы, чуть не плача, отвалили мне ни много ни мало — целых пять рупий! Потом, на вторых выборах, вы подарили мне старый, никуда не годный автомобиль — лишь бы самому от него избавиться! Кто раз на молоке обжегся, так тот и на воду дует!

Танкха вышел из комнаты и приказал подать автомобиль.

Кровь так и бурлила в жилах раз-сахиба. Всему есть предел! Сначала этот подлец заставил ждать себя целый час, а теперь, так грубо, так нагло обойдясь с ним, выгоняет из дому! Будь раз-сахиб уверен, что сможет справиться с мистером Танкхой, он не преминул бы его поколотить. Однако мистер Танкха был значительно выше и плотней раз-сахиба.

Когда раздался сигнал автомобиля, увозившего мистера Танкху, раз-сахиб тоже сел в свой автомобиль и покатылся напрямик к Кханне.

Пробило уже девять часов, однако мистер Кханна еще спал сладким сном. Раньше чем в два часа ночи он никогда не ложился и потому, вполне понятно, спал до девяти утра. Раз-сахибу снова пришлось битых полчаса просидеть в приемной. Поэтому, когда около половины десятого улыбающийся мистер Кханна появился, наконец, в дверях, раз-сахиб с сердцем сказал:

— Слава богу! Наконец-то ваше величество соизволило проснуться. Половина десятого уже! Сильно, должно быть, разбогатели, если так безмятежно спите! Были бы вы талукдаром, как я, так, пожалуй, тоже торчали бы сейчас у чьей-нибудь двери. У меня, пока я тут сидел, даже голова закружилась!

Кханна протянул ему ящичек с сигарами.

— Поздно лег вчера. Зачем это вы примчались в такую рань?

Раз-сахиб в нескольких словах рассказал о всех своих затруднениях. В душе он на чем свет стоит проклинал мистера Кханну. Хотя Кханна и был его школьным товарищем, он спал и во сне видел, как бы надуть раз-сахиба. Однако раз-сахиб всегда льстил и заискивал перед Кханной.

Кханна сделал вид, будто он и в самом деле сочувствует злоключениям раз-сахиба.

— Мой совет вам — плюньте на выборы! — сказал он. — Займитесь-ка лучше вплотную процессом, который вы ведете против ваших племянников. Вам предстоит еще дочь выдать замуж. Процесс можно выиграть быстро. Тогда и деньги тратить и в долги залезать не понадобится. Кунвар-сахиб один из моих лучших друзей. Он не позволит себе торговаться с вами из-за приданого.

— Вы забываете, мистер Кханна, что я не банкир, а талукдар, — насмешливо проговорил раз-сахиб. — Кунвар-сахиб не требует приданого — бог его богатством не обидел, но ведь все знают, что дочь у меня одна и что матери ее нет в живых. Будь сейчас жива ее мать, так она, пожалуй, отдала бы ей в приданое весь дом и все равно осталась бы недовольной. Тогда, может быть, я велел бы ей расходовать деньги позкономнее. Но сейчас я своей дочери и мать и отец. И если бы даже мне пришлось вынуть из груди свое сердце, так я бы сделал это для нее с великой радостью. Только в любви к дочери счастье моей одино-

кой жизни. Только в любви к детям я сохраняю преданность и любовь к их покойной матери. Не исполнить величайшего желания моего сердца по столь счастливому случаю я не могу. Я могу, конечно, уговорить самого себя, уговорить свою совесть, но я не смею нарушить волю покойной жены. Отказаться от предвыборной борьбы тоже теперь немислимо. Я знаю, что потерплю поражение — тягаться с раджей-сахибом мне не по силам, — однако я хочу показать радже-сахибу, что сломить Амарпал Сингха — не такое простое дело!

— И судиться вам тоже нужно!

— В том-то все и дело. А теперь скажите, пожалуйста, можете ли вы чем-нибудь мне помочь?

— Вы сами отлично знаете, каков был по этому поводу приказ моих директоров. То, что раджа-сахиб входит в состав наших директоров, вам тоже известно. Не один раз уже они поговаривали о том, что пора бы получать с вас деньги, которые вы заняли раньше. При таких условиях вряд ли вам удастся получить новую ссуду.

— Вы топите все мои корабли, мистер Кханна! — огорчился раэ-сахиб.

— Я готов оказать вам помощь всеми средствами, которыми располагаю лично я, однако, что касается банковских дел, то тут мне приходится подчиняться приказам моих хозяев.

— Как только я приберу к рукам наследство, а я уверен, что мне это удастся, я уплачу все, до последней пайсы.

— Можете ли вы мне сказать, сколько у вас теперь долгов?

Раэ-сагиб мгновение колебался.

— Около пятисот тысяч, — ответил он. — Пожалуй, даже немного меньше.

— Вам или память изменяет, или вы скрываете истинное положение дел, — недоверчиво сказал Кханна.

— Ничего подобного, — твердо проговорил раэ-сахиб, — я ничего не забыл и ничего не скрываю. Принадлежащая мне в настоящее время собственность и мои земли оцениваются по крайней мере в пять миллионов рупий. Наследство шурина стоит не меньше. Долг в несколько сот тысяч при таком состоянии — сущая ерунда.

— Однако разве можете вы сказать наверное, что собственность вашего шурина свободна от долгов?

— Насколько мне известно, совершенно свободна.

— А до меня вот дошли слухи, что ваш шурин задолжал не менее миллиона. От его состояния теперь почти ничего не осталось. Да и за вами числится, как я думаю, не меньше миллиона долгу. Состояние же вашего шурина оценивается вовсе не в пять, а самое большее в два с половиной миллиона. При таком положении вещей ни один банк не рискнет дать вам ссуду. Поймите, что вы сейчас похожи на человека, стоящего над кратером вулкана, — легкий толчок, и вы полетите в пропасть! Вам теперь необходимо действовать крайне осторожно, взвешивая каждый свой шаг.

Раэ-сахиб притянул к себе Кханну за рукав.

— Друг мой! Я все это отлично понимаю, — сказал он. — Но в том-то и заключается трагедия моей жизни, что порой приходится делать то, к чему сердце вовсе не лежит! На этот раз вам придется устроить для меня заем по крайней мере в двести тысяч рупий.

— Май год! ¹ Двести тысяч! — тяжело вздохнул Кханна. — Нет, это совершенно невозможно!

— Я готов на коленях умолять вас, Кханна. Поймите, что, только надеясь на вашу помощь, и строил я все мои планы! Если вы разочаруете меня, мне останется только принять яду. Не могу я склонить головы перед Сурья Пра-тап Сингхом! Со свадьбой дочери можно подождать еще месяца три-четыре. Для того чтобы судиться с племянниками, времени тоже хватит. Но выборы уже на носу. Они-то сейчас и занимают все мои мысли.

— Значит, вы собираетесь истратить на выборы все эти двести тысяч рупий? — спросил изумленно Кханна.

— Дело здесь не в выборах, брат, дело в моей чести! Неужели, по-вашему, честь моя не стоит двухсот тысяч? Пускай все мое имение пойдет с молотка, я о том и не пожалею, но я ни за что не дам Сурья Пра-тап Сингху одержать легкую победу на выборах.

Кханна целую минуту молча пускал к потолку сигарный дым. Потом он проговорил:

— Как обстоят дела с банком, я уже сказал. Банк сейчас в известной степени сократил ссудные операции. Я сделаю все от меня зависящее, чтобы вам ссуду выдали в виде исключения. Однако бизнес — есть бизнес, вы это от-

¹ М а й г о д! — боже мой! (англ.).

лично знаете. Сколько вы дадите мне комиссионных? Мне придется усиленно ходатайствовать за вас. Кроме того, вы отлично знаете, как велико влияние раджи-сахиба на других директоров банка. Я должен буду организовать против него партию. Учтите еще, что вся ответственность за эту ссуду целиком ляжет на меня.

У раэ-сахиба вытянулось лицо. Кханну он считал одним из своих лучших друзей. Они вместе учились в школе, сидели рядом, и вот теперь этот друг хочет сорвать с него комиссионные. Какая наглость! В конце-то концов разве он не задабривал Кханну. Все плоды и овощи, что росли на его земле, он в первую очередь слал Кханне! На каждый праздник, на каждую вечеринку раньше всех других он приглашал Кханну! И вот такова благодарность!

— Как вам угодно, — печально проговорил раэ-сахиб, — а только я считал вас своим братом.

Кханна с признательностью склонил голову.

— Благодарю за теплые слова. Со своей стороны я тоже всегда почитал вас за старшего брата. Я никогда от вас ничего не скрывал. Однако атмосфера бизнеса, коммерции — совершенно иная атмосфера, там вы не найдете ни братьев, ни друзей. Я не могу сказать, что обошелся с вами по-братски, требуя с вас комиссионных больше, чем с других, а вам не следует просить меня о снисхождении. Заверяю вас, что по мере своих сил буду помогать вам. Завтра, как только откроется контора, приходите оформлять документы. И будем считать, что с этим делом покончено. Расскажите лучше, что слышно новенького? Мэхта-сахиб, говорят, по уши влюбился в Малти. Вся его философия из головы выскочила. В день раза по два является к ней с визитами, а вечерами они вдвоем гуляют по городу. Я у нее ни разу не был, и теперь она, видимо, мстит мне за это. А давно ли дело обстояло совсем по-иному? Чуть что, она уже мчится к мистеру Кханне! Понадобятся ей деньги — пишет мне записки. А сейчас, чуть увидит меня, отворачивается. Специально для нее часы из Франции выписал. Хотел было торжественно ей преподнести, так она не взяла. Вчера послал ей корзину с фруктами — из Кашмира выписал, — обратно прислала. Прямо удивительно, как быстро меняется человек!

В глубине души раэ-сахиб ликовал, видя неудачу Кханна, однако вслух решил посочувствовать:

— Если бы даже она и влюбилась в Мэхту, то все рав-

по у нее нет никаких причин так резко менять отношение к вам.

— То-то и горе, брат-сахиб! — с сожалением говорил Кханна. — Я с самого начала видел, что она не попадется мне в руки. Честное слово, я никогда и не думал, что Малти любит меня. Я даже не надеялся, что она подарит мне свою любовь. Просто-напросто я был поклонником и жрецом ее красоты. Змея ядовита, и хотя мы знаем это, мы все же поим ее молоком. Есть ли птица наглее и насмешливей попугая? Однако люди, очарованные его красотой, лелеют и холят его и держат в золотой клетке. Малти для меня была вот таким попугаем. Об одном я жалею — почему я не опомнился раньше? Я ради нее большие деньги на ветер пустил. Брат-сахиб, стоило ей прислать мне записку, как я тотчас же высылал ей, сколько она просила. Она до сих пор пользуется моим автомобилем. Из-за нее я семью развалил. Брат-сахиб, все лучшее, что только было в моем сердце, таким широким и быстрым потоком текло в бесплодную пустыню, что мой собственный сад семьи совсем засох и погиб. Который год уже я не говорю Говинди ни одного ласкового слова. Ее преданность, ее любовь, ее готовность пожертвовать всем ради меня были мне так же противны, как халва для человека с несварением желудка. Малти заставляла меня плясать под свою дудку, словно фокусник обезьяну. И я плясал, плясал с великим удовольствием! Она оскорбляла меня, издевалась надо мной, а я покорно повиновался. Она никогда не позволяла никакой близости, никогда не поощряла меня, и тем не менее, очарованный ее красотой, я, словно бабочка, привлеченная пламенем светильника, летел к ней и горел в этом огне. А сейчас она даже взглянуть на меня не желает! Но, сахиб, клянусь вам, что Кханна не из тех людей, кто молча проглатывает оскорбления. Записочки ее до сих пор хранятся у меня. Сдеру с нее все, до последней пайсы! А что касается доктора Мехты, так ему здесь не жить. Из Лакнау я его выгоню, здесь он остаться не сможет...

В этот миг под окном раздался автомобильный гудок, и спустя мгновение перед собеседниками предстал сам мистер Мэхта, красивый, представительный, с играющим на щеках здоровым румянцем, в длинном ачкане, в узких брюках со строгими складками, в золотых очках — само воплощение самых лучших и благородных человеческих качеств. Кханна поднялся ему навстречу и пожал руку.

— Пожалуйте, мистер Мэхта! Легки, как говорят, на помине!

Мэхта поздоровался с обоими сахибами.

— Видно, в добрый час я вышел из дому, если мне удалось застать вас обоих в одном месте,— сказал он.— Вы, наверно, уже знаете из газет, что в нашем городе идет кампания по сбору средств на строительство гимнастического зала для женщин. Мисс Малти — председатель организационного комитета. Подсчитано, что на строительство гимнастического зала потребуется около двухсот тысяч рупий. О том, как необходимо для нашего города подобное учреждение, вы знаете лучше меня. Я очень хотел бы, чтобы ваши имена стояли впереди имен всех других. Мисс Малти сама собиралась приехать, но сегодня ее отцу нездоровится.

Мэхта передал раз-сахибу список благотворителей. Первым в списке стояло имя раджи Сурья Пратап Сингха, а против его имени — пожертвованная им сумма — пять тысяч рупий. После него шли три тысячи Кунвара Дигвиджайи Сингха. Вслед за ними стояли цифры других пожертвований — точно такие же или чуть поменьше. Малти пожертвовала пятьсот, а доктор Мэхта — тысячу рупий.

— Однако тысяч сорок вы уже успели набрать, — смущенно проговорил раз-сахиб.

— Все это благодаря любезному вниманию таких людей, как вы! — горделиво проговорил Мэхта. — И заметьте, это результат каких-нибудь трех часов усилий! Раджа Сурья Пратап Сингх раньше никогда не принимал участия ни в одном благотворительном начинании, а сегодня безо всяких разговоров выписал чек. Страна пробуждается от сна! Общественность готова поддержать любое доброе дело, только бы была твердая уверенность, что пожертвованные деньги найдут полезное применение. Я возлагаю на вас большие надежды, мистер Кханна!

— И не подумаю ввязываться в эту дурацкую затею! — равнодушно проговорил Кханна. — До чего только не дойдете вы в своем рабском подражании Западу! Женщины, видите ли, воспылали ненавистью к домашнему хозяйству, гимнастика им вдруг понадобилась! Да так они скоро совсем от рук отобьются! Женщине, которая занята домашними делами, гимнастика не нужна. Другое дело, какая-нибудь дамочка, которая ничего не делает, а все время проводит в удовольствиях и наслаждениях. Жертвовать

деньги для того, чтобы такие бездельницы могли заниматься гимнастикой,— поищите других дураков!

Мэхта ничуть не был обескуражен его словами.

— Ну, если так, то я ни о чем вас больше не буду просить. Если у нас нет уверенности в правильности какого-нибудь дела, то действительно было бы глупостью оказывать ему поддержку. А как вы, раз-сахиб? Надеюсь, вы не разделяете мнения мистера Кханна?

Раз-сахиб был погружен в глубокое раздумье. Пять тысяч рупий, пожертвованных Пратап Сингхом, совершенно его обескуражили.

— Вы, кажется, что-то сказали? — переспросил он, встрепенувшись.

— Я говорю, что вы, надеюсь, не считаете это дело глупой затеей?

— Глупо это или умно, над этим я, право, не задумывался.

— Я бы очень хотел, чтобы вы подумали и оказали нам помощь. Конечно, если вы считаете, что это дело принесет пользу обществу!

— Я склонен поступить так же, как мистер Кханна.

— Денег я не дам, и пусть я буду проклят, если переменю свое решение! — проговорил Кханна.

Раз-сахиб жалко и растерянно улыбнулся.

— Право, не могу решить, что же мне делать, — пробормотал он. — Я считаю правилом для себя во всем следовать примеру достойнейших и знатнейших людей.

— В таком случае пожертвуйте какую-нибудь приличную сумму.

— Сколько?

— Сколько хотите.

— Нет, скажите мне, сколько надо, столько я и дам.

— Я думаю, что-нибудь около двух тысяч будет достаточно.

— Что же, по-вашему, я уже совсем обнищал? — спросил раз-сахиб, и в его голосе слышалась раненая гордость.

Он взял перо, написал свое имя и против него поставил цифру — пять тысяч.

Мэхта принял список из рук раз-сахиба. Однако он был так расстроен, что забыл даже его поблагодарить. Он совершил большую оплошность, показав раз-сахибу список пожертвований. Он понял это и теперь испытывал запоздалое раскаяние.

Мистер Кханна посмотрел на раз-сахиба с сожалением. «Ну и осел же ты, братец», — говорил его взгляд.

Неожиданно Мэхта обнял раз-сахиба и громко крикнул:

— Молодец, раз-сахиб! Гип-гип ура!

— Недаром же все эти люди — раджи и махараджи, — сконфуженно засмеялся Кханна. — Если они не станут жертвовать деньги на подобные затеи, так кто еще жертвует?

— Я считаю, что вы над всеми раджами раджа, — сказал Мэхта. — Вы властвуете над ними, они у вас в руках.

Раз-сахиб оживился.

— Вот это правильно, Мэхта джи! — воскликнул он. — Мы раджи только по названию, а настоящие раджи — это наши банкиры.

Мэхта тоже решил польстить Кханне.

— Право, я не имею к вам никаких претензий, Кханна джи. Не хотите принимать участия в этом деле — не нужно! Не сейчас, так в другое время вы, конечно, поддержите какое-нибудь такое же доброе начинание. Ведь только благодаря помощи богатых людей мы и надеемся чего-то достичь. Кто в течение целых трех лет столь блистательно руководит нашим национальным движением? Кто строит столько приютов и учебных заведений? Бразды правления находятся ныне в руках у банкиров. Правительства — всего лишь марионетки. Поэтому я и сейчас еще не перестаю надеяться на вашу помощь. Для человека, готового ради народа пойти в тюрьму, какие-нибудь две-три тысячи — небольшая жертва. Мы постановили, что честь заложить первый камень здания будет предоставлена Говинди-дэви. В скором времени оба мы встретимся с губернатором-сахибом, и я уверен, что найдем в его лице поддержку. Вы же отлично знаете, как сочувственно относится лэди Вильсон к женским движениям. Раджа-сахиб и другие господа хотели было предоставить лэди Вильсон честь заложить первый камень, но в конце концов решено было, что это важное общественное дело должно быть начато руками кого-нибудь из наших соотечественников. Я надеюсь, что вы соблаговолите присутствовать на этой торжественной церемонии.

— Конечно! — усмехнулся Кханна. — Уж если сам лорд Вильсон явится, так я непременно приеду. А вы, я вижу, втянете в эту историю еще не одного раиса! Вы

отлично знаете, как это нужно делать. А наши раисы только для этого и годятся. Одурачить их — пустое дело!

— Когда денег в одних руках скапливается больше чем нужно, они ищут себе выход, — ответил Мэхта. — Если их не употребить на какое-нибудь доброе дело, они пойдут на азартные игры, скачки и распутные оргии.

Время близилось к одиннадцати. Кханне-сахибу пора было идти в контору. Мэхта простился и ушел. Раз-сахиб тоже было поднялся, но Кханна, схватив его за руку, усадил на место.

— Нет, посидите еще немного. Видали, как ловко Мэхта впутал меня в эту затею? Не знаю, как мне теперь и выпутываться! Они хотят поручить Говинди закладку первого камня. Если при этом я остануть в стороне и не дам денег, я же стану посмешищем, как вы думаете? Как только могла согласиться на это Говинди, ума не приложу. Еще труднее понять, как на это согласилась Малти. Нет ли здесь какого-нибудь подвоха?

— В подобных делах жена обязана прежде всего советовать с мужем, — высказал свою точку зрения раз-сахиб.

Кханна бросил на раз-сахиба благодарный взгляд.

— Из-за таких вот проделок я на Говинди и злюсь! А люди за это называют меня злодеем. Подумайте сами, с какой стати я должен тратить на эти дурацкие затеи? Пусть занимаются ими те, у кого есть лишние деньги, лишнее время да жажда прославить свое имя. Обычно такие дела заканчиваются тем, что несколько министров, товарищей министров, президентов и вице-президентов рассылают приглашения чиновникам, чтобы возвыситься в их глазах, а затем, пригласив институт, предаются пьянке и разгулу. А гимнастика — так это одна болтовня для отвода глаз! Этим кончаются, этим и всегда будут кончаться подобные кампании. А в дураках-то останемся мы с вами — люди, которых называют богатыми. И что здесь понадобилось Говинди?!

Кханна вскочил с кресла, потом снова сел. Сердце его все больше переполнялось злобой на жену. Схватившись обеими руками за голову, он проговорил:

— Не знаю, что теперь и делать!

— Все это ерунда, — принялся успокаивать Кханну раз-сахиб. — Вам нужно сказать Говинди-дэви, чтобы она написала Мэхте письмо с отказом. А сама пускай уедет

куда-нибудь. Скажите ей, что вы, мол, поругались со всеми, и незачем ей ввязываться в это дело!

Кханна целую минуту раздумывал над предложением раз-сахиба.

— Но вы подумайте только, как трудно это сделать!— сказал он.— Лэди Вильсон, должно быть, уже успела узнать обо всем; слухи, наверно, по всему городу разнеслись, может быть в сегодняшних газетах уже есть сообщение. И все это дело рук Малти! Только она могла придумать такой ход, чтобы объявить мне мат!

— Да, видимо, так оно и есть!

— Она спит и видит, как бы меня с грязью смешать.

— Взяли бы да уехали из города за день до закладки здания.

— Не так это просто, раз-сахиб. Стыда потом не оберешься! Если я в тот день холерой заболею, все равно придется присутствовать.

Едва обнадеженный раз-сахиб простился, пообещав зайти завтра, как Кханна пошел в комнаты Говинди и принялся ее отчитывать:

— Зачем ты согласилась взять на себя закладку первого камня этого гимнастического зала?

Могла ли рассказать ему Говинди, как польщена она была столь высокой честью, с каким душевным подъемом готовила она речь к этому торжественному случаю, и о том, что она, кроме всего прочего, написала полное энтузиазма стихотворение! В глубине души она надеялась, что, приняв это предложение, она доставит удовольствие Кханне. Ведь честь и слава, которые выпадут на ее долю, будут принадлежать и ее мужу! Она даже и предположить не могла, что Кханна будет иметь какие-нибудь возражения. Заметив, что за последние дни муж подобрел к ней, она воспряла духом и мечтала теперь пленить и очаровать людей своей речью и своими стихами.

Когда она услышала вопрос мужа, увидела выражение его лица, сердце ее затрепетало от страха. С таким видом, словно она была в чем-то виновата, Говинди ответила:

— Доктор Мэхта очень просил меня, я и согласилась.

— Если доктор Мэхта попросит тебя кинуться вниз головой в колодец, ты, наверно, и это с удовольствием сделаешь!

Что могла ему на это ответить Говинди?

— Уж если бог тебя разумом обидел, почему ты меня не спросила? Оба они, и Мэхта и Малти, хотят с твоей помощью выудить у меня несколько тысяч рупий, и все! А я твердо решил, что и каури не дам! Сегодня же напиши Мэхте письмо с отказом.

Подумав несколько секунд, Говинди сказала:

— Напиши лучше сам.

— С какой стати? Кашу ты заварила, а я расклебывай?

— А что мне говорить, если доктор-сахиб станет спрашивать, в чем дело?

— Сама что-нибудь придумай! На этот публичный дом я ничего давать не желаю.

— Да кто тебя просит об этом?

— Ты не соображаешь, что говоришь! — кусая от досады губы, ответил Кханна. — Ты заложишь первый камень и не дашь ни каури? Что тогда люди скажут!

С таким видом, словно ей приставили нож к груди, Говинди ответила:

— Хорошо, я напишу!

— Надо написать сейчас же!

— Я сказала тебе, что напишу.

Кханна вышел с ее половины и стал просматривать почту. Когда он запаздывал в управление, то посыльный приносил почту к нему на дом. Цены на сахар поднимались — лицо Кханны расцвело в улыбке. Он открыл второе письмо — комиссия, которая была учреждена для установления твердой рыночной цены на сахарный тростник, постановила, что никаких ограничений вводить нельзя. Черт побери! Ведь то же самое говорил он и раньше! А эти мудрецы подняли шум, настояли на учреждении комиссии. Ничего, зато теперь сами получили щелчок по носу. Этот вопрос должен быть разрешен владельцами фабрик и крестьянами. Какое до этого дело властям?

В этот момент к дому подкатил автомобиль и из него выпорхнула Малти, цветущая, словно лотос, яркая, словно пламя светильника, бесстрашная, беззаботная, уверенная, что в мире для нее широко распахнуты двери счастья, — настоящая богиня радости!

Выйдя на веранду, Кханна приветствовал гостью.

— Был у вас Мэхта? — спросила Малти.

— Да, был.

— Говорил он, куда поедет?

— Нет, об этом он ничего не сказал.

— И куда только он запропастился! Я весь город исколесила, а найти его не могу. Сколько вы пожертвовали на гимнастический зал?

— Я не успел еще как следует уяснить себе цель всей этой затеи, — виновато проговорил Кханна.

Сделав большие глаза, Малти удивленно посмотрела на Кханну, словно раздумывая, как же ей поступить: сжалиться ли над ним, или рассердиться.

— Чего же тут не понимать? — спросила она. — Рано или поздно вы все поймете, а сейчас от вас требуется только одно: дать немного денег. Я послала сюда Мэхту почти насильно. Бедняга боялся: кто знает, какой вы могли дать ответ! А вы подумали о том, к чему приведет ваша скарденность? Ведь нам не удастся тогда собрать ни единой пайсы со здешних торговых воротил! Я вижу, вы решили опозорить мое имя. Все стояли за то, чтобы честь закладки первого камня предоставить лэди Вильсон, а я хотела, чтобы это сделала Говинди-дэви, и заставила всех согласиться. А вы тут изволите мне говорить, что не понимаете, в чем смысл этой затеи! Вы разбираетесь во всех банковских тонкостях и не можете понять такого простого дела! Ваш поступок нельзя истолковать иначе, как желание оскорбить и унижить меня. Ну что ж, спасибо вам за это!

Лицо Малти покраснело от гнева. Кханна смутился. Вмиг улетучились вся его злоба и упрямство. Однако вместе с тем он ясно видел, что если он застрял в колючках, то Малти по горло увязла в трясине. Для него, в конечном счете, весь вопрос заключался в том, уйдут или не уйдут из его кармана деньги. Но Малти это грозило потерей чести. А честь куда дороже денег! Так почему бы ему и не позлорадствовать? Он поставил короля Малти под серьезную угрозу. И хотя он не смел больше злить ее, Кханна все же решил не упускать из рук случая и сказать ей пару правдивых слов. Кроме того, ему хотелось показать Малти, что и он не такой уж дурак. Загородив ей дорогу, он сказал:

— Как вы вдруг стали любезны и добры ко мне! Я просто поражаюсь!

Малти удивленно подняла брови.

— Не понимаю, что вы хотите этим сказать.

— Разве ваше отношение ко мне не изменилось?

— Не вижу никакой разницы в моем прежнем и теперешнем отношении.

— Зато я вижу. Разница — как между небом и землей!

— Отлично, допустим, что вы правы. Но что из этого следует? Я пришла к вам с просьбой помочь нам в добром деле, а не для того, чтобы показывать мое отношение к вам. Если вы полагаете, что, пожертвовав деньги, вы имеете право требовать от меня чего-то большего, кроме благодарности, то вы жестоко ошибаетесь.

Кханна потерпел поражение. Малти загнала его в угол, откуда не было выхода. Разве хватило бы у него мужества сказать ей сейчас, что вот, мол, я на тебя потратил не одну тысячу рупий, а ты меня так благодаришь? От стыда Кханна не знал, куда спрятать глаза. До крайности смущенный, стараясь не смотреть на Малти, он сказал:

— Я имел в виду совсем не то, Малти! Вы совершенно неверно меня поняли.

— Слава богу, если я поняла вас неверно! Потому что, если бы я поняла вас правильно, то мне пришлось бы без оглядки бежать из вашего дома. Я красива, вы — один из многих моих поклонников. Я оказывала вам честь, когда, отвергая дары других, с благодарностью принимала от вас даже самые пустяковые подарки и даже просила у вас деньги, когда в том была нужда. Если вы, опьяненный своими деньгами, превратно истолковывали мои поступки, то я готова простить вас. Все мужчины таковы, и вы не являетесь исключением. Однако имейте в виду, что деньги до сих пор не одерживали и никогда не сумеют одержать победы над сердцем женщины!

С каждым ее словом Кханна словно все глубже и глубже увязал в трясине. Наконец, окончательно пристыженный, он воскликнул:

— Малти, молю вас, перестаньте меня унижать! Я ни о чем больше не прошу, но сохраним хотя бы наши дружеские отношения.

Говоря так, он вытащил из ящика письменного стола чековую книжку и, написав на бланке сумму в тысячу рупий, боязливо протянул чек Малти.

Беря у него чек, Малти с бесстрашной насмешкой проговорила:

— Что это, плата за мое к вам отношение или пожертвование на гимнастический зал?

— Пощадите меня, Малти! — со слезами на глазах сказал Кханна. — За что вы так издеваетесь надо мной?

Малти звонко рассмеялась.

— Вот как бывает: и проучила вас как следует и тысячу рупий получила! Говорите, будете еще когда-нибудь строить против меня козни?

— Никогда не буду, пока жив!

— Поклянитесь.

— Клянусь! Но теперь, ради бога, сжальтесь и оставьте меня одного. Дайте мне поразмышлять и погоревать в одиночестве. Всю радость моей жизни вы сегодня...

Малти снова звонко расхохоталась.

— Вот видите, Кханна! Вы грубо оскорбили меня, а вам известно, что красота не терпит оскорблений. Я поступила с вами великодушно, а вы еще обижаетесь.

Кханна протестующе посмотрел на Малти.

— По-вашему, я должен быть счастлив потому, что вы перепилили мне горло тупой стороной ножа? — спросил он.

— Долгое время я грабила вас и за ваш счет набивала свой дом добром, не так ли? А теперь никто вас больше не станет грабить!

— Зачем вы посыпаете раны солью, Малти? Я ведь тоже живой человек!

Малти так посмотрела на Кханну, словно хотела удостовериться, действительно ли перед ней стоит живой человек.

— Я что-то не вижу ничего похожего! — сказала она.

— О, вы настоящая загадка, сегодня я это вижу ясней, чем всегда!

— Да, да! Для вас я всегда была и останусь загадкой!

Сказав так, Малти легко, словно птичка, выпорхнула из дома, а сраженный Кханна долго еще спрашивал себя: кто же это был, сама ли Малти, или какое-то видение?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

После ухода Гобара и Джхунии дом Хори опустел, Дхания то и дело вспоминала Чанну. Конечно, матерью его была Джхуния, но ведь присматривала за малышом, пестовала его она, Дхания! Это она мазала его тельце

убтаном¹, она подводила ему глаза каджалом, она баюкала его и возилась с ним, когда у нее выпадала свободная минута. Любовь к внуку помогала ей забывать о всех невзгодах и горестях. Стоило ей взглянуть на его глупенькую, смешную рожицу, как сердце ее переполнялось гордостью и любовью. Но теперь Дхания была лишена этой единственной утехи. И когда ее взгляд случайно падал на пустую люльку Чанны, она не могла сдержать слез. У нее отняли амулет, который отгонял все ее беспокойства и тревоги!

Снова и снова Дхания спрашивала себя: что плохого сделала она Джхунии? За что постигла ее такая жестокая кара? Эта злая женщина безжалостно растоптала все ее мечты и надежды! Гобар, бывало, ни в чем не смел перечить матери, а эта площадная девка отняла у нее сына, увлекла его в город и, кто знает, что еще заставит его там сделать! Много ли приходилось Джхунии ухаживать за ребенком? Бывало, только тем все время и занималась, что красила краской мисси² зубы, подводила глаза каджалом да причесывалась. Кто там будет присматривать за ребенком? Ползает, наверно, бедняжка по полу, забытый всеми, заливаётся горючими слезами. Никто теперь о нем не позаботится, никто с ним не поиграет! Наверно, то кашель его мучает, то понос.

Дхания думала об этом не переставая, и ее разбирала злоба на невестку. Гобара она и сейчас любила все той же горячей материнской любовью. Должно быть, эта женщина опоила его каким-нибудь зельем, а потом забрала в свои руки! Не будь она такой хитрой колдуньей, разве смогла бы она так ослепить Гобара? Никто с нее здесь ничего не спрашивал. В доме Бхолы ей приходилось пинки терпеть, а с Гобаром эта вдова возомнила себя царницей!

Таким горестным размышлениям Дхания предавалась без конца.

— Когда тебя ни послушай, только и знаешь, что клянeshь Джхунию! — вышел однажды из терпения Хори. — Как ты не можешь понять, что золотых дел мастер не виноват, если золото, из которого хотели заказать украше-

¹ У б т а н — косметическая мазь для предохранения кожи от растрескивания.

² М и с с и — светложелтый порошок, которым натирают зубы, чтобы они блестели.

ние, оказалось фальшивым! Разве пошла бы она в город, если бы Гобар ее не забрал? Парень в городе побывал, городского хлеба отведал, вот он и переменялся. Как ты этого не поймешь?

— Помолчи-ка лучше! — загремела Дхания. — Это ты на руках носил эту девку! Я бы ее в первый же день метлой из дому выгнала!

К этому времени весь урожай уже был свезен на ток, и Хори, взяв быков, как раз собирался идти молотить. Не глядя на жену, он сказал:

— Пусть даже невестка и увела Гобара, так что с того? Чего ты напрасно убиваешься? Гобар поступил так же, как все поступают. У него теперь своя семья. С какой стати он должен терпеть невзгоды и горе из-за нас с тобой? Зачем он станет взваливать на себя бремя, которое должны нести мы?

— Ты, ты во всем виноват!

— Так взяла бы да и выгнала меня! А сама забирай быков и ступай молотить, пока я тут посижу, трубочку покурю.

— Ладно, я пойду молотить, а ты оставайся здесь — мели зерно ручной мельницей!

Так с помощью шутки разгоняли они свое горе.

Только шутка и была их единственным утешением.

Повеселевшая Дхания уселась заплетать Рупе давно не чесанные свалывшиеся в космы волосы, а Хори отправился на ток.

Чарующая пора весны щедро напоила всю вселенную нежными ароматами, принесла с собой счастье и радость новой жизни. Коиль, черная кукушка, прячась в листве манговых деревьев, звучным волнующим голосом пела свои весенние песни, пробуждая в сердцах уснувшие надежды. Чинно, словно приглашенные на свадьбу гости, сидели на ветвях стаи скворцов. Нимы и акации стояли, словно опьяненные своим ароматом.

Хори вошел в манговую рощу. Сквозь кроны деревьев еще поблескивали и ласково подмигивали ему звезды. Даже бедняга Хори, сердце которого было истерзано страданиями и горем, и тот поддался волшебному очарованию, разлитому в природе. Расчувствовавшись, он замурлыкал себе под нос:

Сердце мое болит днем и ночью.
В ветвях манго поет коиль...

Вскоре ему повстречалась Дулари, одетая в красивое розовое сари из тонкой материи. На ногах ее красовались серебряные браслеты, на грудь спускалось толстое золотое ожерелье. Лицо Дулари было уже увядшим, старым, но душой она была еще молода. В былые времена Хори, работая в поле или на току, не упускал случая поддразнить Дулари. Хори приходился ей деверем. Эта родственная связь служила поводом для смеха и шуток.

С той поры как умер ее муж, Дулари почти перестала выходить из дому. День-деньской она просиживала в своей лавке, куда к ней стекались все деревенские новости и сплетни. Если в чьем-нибудь доме разгоралась ссора или драка, Дулари непременно являлась туда утихомиривать и разнимать ссорящихся. Она давала в рост деньги и требовала не меньше анны за каждую рупию. Из-за непомерных процентов ей никогда не удавалось собрать всех долгов, но она упорно не желала отступать. Подавать жалобы в суд или жаловаться на должников в полицию она не решалась, зато у нее было другое оружие: бойкий и острый язык! Но по мере того, как с годами язык ее становился все бойчей и острее, он оказывал все меньше и меньше действия. Слушая ее ругань и проклятия, люди только посмеивались да говорили ей в шутку:

— Что ты, тетенька, с деньгами на том свете будешь делать? Ведь ни единой каури с собой не утащишь! Разве тебе мало благословений бедняков, которых ты кормишь и поишь? Только они и зачтутся тебе в будущей жизни!

Дулари прямо корчило от злости, когда она слышала о «том свете».

— Ты, бхабхи, нынче выглядишь совсем молоденькой! — улыбнувшись, пошутил Хори.

Лавочница была весьма польщена таким комплиментом.

— Не смей на меня смотреть, Хори! — сказала она. — Мне из-за вас, мужчин, и нарядиться теперь нельзя! Чуть выйду из дому, все начинают глаза пялить, словно ни разу женщины не видали. А Лала Паттешвари до сих пор вздыхает, на меня глядя.

Хори приостановился. Завязывался интересный разговор. Быки его сами ушли далеко вперед.

— Он нынче страсть как набожен стал! — сказал Хо-

ри.— Ты замечала? Теперь каждое пурнамаси¹ слушает сказания о святом Вишну, в день раз а по два ходит в храм молиться.

— Самые дурные люди под старость набожными делаются! Поближе к смерти дела свои бесчестные, умыслы греховные начинают замаливать! Скажи, я ведь уже старухой стала, чего же он лезет ко мне с шутками, чего пристаёт ко мне?

— Какая ты старуха, бхабхи! Да я бы и сейчас...

— Ладно, ладно, попридержи язык-то! Сын твой в городе живет, хорошо зарабатывать начал, а ты меня к себе хоть бы раз в гости пригласил! Только «бхабхи» величаешь, а что с того толку?

— Какую хочешь клятву с меня возьми, бхабхи, а только из тех денег, которые он заработал, мне и пайсы не досталось. Сколько он их привез с собой, где их достал — знать не знаю. Только и получил от него, что одно дхоти да покрывало.

— Все равно, зарабатывать-то он уже начал? Не сегодня, так завтра непременно дела в доме поправит. Пошли ему бог удачи! Пора бы уж тебе и отдавать денежки, что у меня занял. Проценты-то, что ни день, все больше растут.

— Все до самой последней пайсы отдам тебе, бхабхи, пусть только заведутся деньги в кармане! А если и не отдам, так мы ведь не чужие друг другу, родня!

Дулари была обезоружена этой шутливой лестью. Улыбаясь, она пошла своей дорогой, а Хори побежал догонять быков. Придя на ток, он принялся за молотьбу.

Ток был один на всю деревню. В одном его конце шла молотьба, в другом провеивали зерно и тут же взвешивали. Цырюльники, столяры, кузнецы, жрецы-пурохиты², странствующие певцы, нищие — все теснились тут же, добывая себе дневное пропитание.

Под одним из деревьев восседал на кхате Джингури Сингх и взимал «четвертую долю»³ со своих должников. Возле него стояло несколько купцов, заключающих сделки

¹ Пурнамаси — четырнадцатый день лунного месяца; полнолуние.

² Пурохит — жрец, совершающий жертвоприношения и другие священные обряды.

³ Четвертая доля — обычный ростовщический процент за взятое займа зерно.

на покупку зерна. Весь ток походил сейчас на большой многолюдный базар. Какая-то женщина продавала бэр и макойю;¹ тут же ходил бродячий торговец сладостями и конфетами. Для того чтобы принять по весу зерно у Хори, явился сюда и пандит Дата Дин. Он сидел рядом с Джингури Сингхом.

Растирая между пальцами табак, Дата Дин проговорил:

— Слух идет, будто правительство вскоре потребует от ростовщиков, чтобы они ссужали деньги под меньшие проценты, иначе суд не станет их поддерживать.

— Пандит! — сказал Джингури Сингх, губами забирая с ладони табак. — Я одно только знаю, что когда тебя погонит нужда, так ты ко мне сто раз за деньгами придешь, и я все равно дам их тебе под какой захочу процент. Если даже правительство прикажет упорядочить ссуду денег, мы от такого закона ничуть не пострадаем. В документе будет меньший процент, а наши пятьдесят процентов все равно от нас не уйдут. Что тут могут поделывать власти?

— Да так-то оно так, но ведь и правительство в этой механике разбирается! Что-нибудь они придумают, вот увидишь!

— Нам правительство ничего не сделает.

— А вдруг сделают так, что документ не будет иметь силы до тех пор, пока на нем нет подписи старосты или управляющего? Что тогда делать?

— Если крестьянину позарез нужны будут деньги, он и старосту уговорит, и с собой его притащит, и подписать заставит. Так или иначе, а процентов двадцать-двадцать пять мы урвем, это уж наверняка!

— Вдруг да попадешься? За подложный-то документ угодишь в тюрьму лет на четырнадцать.

Джингури Сингх громко расхохотался:

— Ну и чепуху ты городишь, пандит! Думаешь, если такой закон издадут, так оттого весь свет перевернется? И законы и суды всегда защищают тех, у кого есть деньги. Ведь есть же законы, запрещающие ростовщикам притеснять крестьян, а заминдарам разорять хлебопашцев! А что на самом деле творится, ты и сам это каждый день можешь видеть. Заминдар, засучив рукава, порет их безо

¹ Бэр, макойя — лесные плоды.

всякой пощады, а ростовщик, если и разговаривает с ними, так только пинками да кулаками. Другое дело — богатые крестьяне! Их ни заминдар не тронет, ни ростовщик. С такими крестьянами мы заодно работаем, с их помощью держим за глотку всех остальных. Ведь из-за одного тебя только раз-сахиб ежегодно теряет пятьсот рупий! А посмеет ли сказать тебе что-нибудь Нокхэ Рам? Он отлично знает, что ему выгоднее всего действовать заодно с тобой. Разве отважится какой-нибудь крестьянин пойти в суд и пожаловаться? Как шли в деревне дела, так и впредь пойдут. Суд, адвокаты всегда будут на стороне тех, у кого деньги. Нашему брату, ростовщику, бояться нечего!

Поднявшись, Джингури Сингх обошел весь ток, потом вернулся и, снова усаживаясь на кхат, сказал:

— Да, вот еще что! Как дела со свадьбой Мата Дина? Мой тебе совет — жени его поскорее! Иначе позору не оберешься.

Дата Дина словно оса ужалила. Он отлично понял, что имел в виду Джингури Сингх. Рассердившись, Дата Дин сказал:

— За спиной у меня пускай что хотят болтают, но пусть только кто-нибудь посмеет при мне сказать! Я ему тогда все усы выдеру! Скажи-ка, кто в деревне так же крепко держится своей веры, как мы? Скольких людей я знаю, которые никогда не совершают утренней, дневной и вечерней молитвы, которым нет дела ни до веры, ни до кармы¹, ни до катхи², ни до пуран³! А ведь они тоже величают себя брахманами! Какое люди имеют право над нами смеяться? За всю свою жизнь я ни одной экадешы не пропустил, без молитвы капли воды в рот не брал. Думаешь, это легкое дело? Разве посмеет кто сказать, что я ел какую-нибудь еду, купленную на базаре, или что я принял когда-нибудь воду из чужих рук? Если найдется такой человек, так я ему в ножки поклонюсь. Силия не

¹ Карма — воздаяние за совершенные в «этой жизни» поступки, которое, по верованиям индусов, ожидает их в «будущей жизни».

² Катха — своего рода «жития святых», в которых рассказывается о деяниях индуистских богов и героев.

³ Пураны — религиозные книги индусов, которые состоят из множества сказаний, комментирующих те или иные положения вед — священных книг. Чтение пуран вменяется в обязанность каждому индусу из высшей касты — касты брахманов.

то, что нашей посуды коснуться, через порог нашего дома переступить не смеет. Я не говорю, конечно, что Мата Дин поступает правильно, но уж если так получилось, было бы грешно отталкивать от себя женщину. Я тебе все говорю, скрывать-то мне нечего. Женщины чисты и святы.

В молодости Дата Дин сам был великим волокитой, однако никогда не переступал законов веры. Как достойный сын своего отца Мата Дин следовал по его стопам. По их мнению, главным в религии было — молитва, чтение религиозных историй о деяниях великих богов да исполнение предписаний индуизма относительно очага, посуды и еды. Если они свято выполняют требования своей религии, кто посмеет назвать их вероотступниками?

Джингури Сингх, убежденный его доводами, проговорил:

— Да я-то что! Я только рассказал тебе, что люди говорят.

Дата Дин перечислил целый сонм брахманов-героев «Махабхараты» и пуран, которые женились на девушках из других каст, и одновременно доказал, что потомки их сохраняли за собой звание брахманов и что все теперешние брахманы — потомки тех брахманов от смешанных браков. Этот обычай идет уже испокон веков, и в нем нет ничего позорного.

Джингури Сингх был восхищен познаниями Дата Дина.

— Откуда же появились тогда теперешние баджпей и сукул¹? — спросил он.

— В разные времена разные были и обычаи! А как же иначе? Так было во время Сатья юги², а кончилась Сатья юга — и все пошло по-другому. В нынешние времена, чтобы спастись, нужно не отрываться от своей касты. Да только что я могу сделать? Хоть бы один брахман нашелся, который бы согласился выдать свою дочь за Мата Дина! Я и тебя просил помочь и других просил — никто не откликается. Что же мне делать, из глины, что ли, слеплю я ему жену?

¹ Баджпей и сукул — подкасты брахманов, которые считаются выше просто брахманов.

² Сатья юга — Золотой век; первая из четырех югов — периодов индийской мифологии. Сатья юга охватывает период, равный 1 728 000 лет. В этот век нравы были проще и допускались смешанные браки.

— Не ври, пандит! — прервал его Джингури Сингх. — Я уж двух отцов к тебе приводил, да только ты такую цену загнул, что оба ахнули и давай бог ноги! В конце-то концов кто ты такой, чтобы требовать приданого целых пятьсот или тысячу рупий? Что у тебя еще есть, кроме десяти бигхов земли?

Гордости Дата Дина был нанесен жестокий удар. Поглаживая бороду, он ответил Джингури Сингху:

— Что же, может, у меня и вправду ничего нет, может, я и нищий, а только когда я замуж дочерей своих отдавал, так в приданое каждой дал по пять сотен рупий. Почему же я не могу теперь требовать столько же? Если бы кто-нибудь взял моих дочерей без приданого, может, и я тогда не стал бы денег требовать. А что касается моего богатства, моего положения, так, если тебе угодно, считай джаджмани¹ нищенством. А я считаю нищенством заминдарство да банковское дело! Поместье может прахом пойти, банк может лопнуть, но джаджмани до конца дней останется. До сих пор, пока жива вера, будет и джаджмани, будут жить и брахманы. Положим, пришла пора сахалага², так мы в это время, не выходя из дома, ни за что, ни про что получаем сотни две рупий, а если улыбнется счастье, — и все пять сотен! И это, не говоря уж об одежде, посуде и еде! Так или иначе, а жизнь у нас идет без особых хлопот. Ничего не удалось заработать, — не беда! Одно-два блюда, две-четыре анны только за то, что ты брахман, тебе все равно перепадут. Такого покая, такой легкой жизни нет ни у заминдаров, ни у ростовщиков. А потом, столько, сколько мне Силия за один день переделает, не сможет сделать ни одна брахманская девушка. Как только станет брахманка невесткой, работы от нее не жди! Самое большее — хлеб испечет. А Силия у меня одна за троих мужчин работает, хоть я, кроме хлеба, на нее ничего не трачу. Может, одно дхоти за год ей дал, вот и все.

Под другим деревом было место, где обычно обмолачивал свой урожай Дата Дин. Молотьба шла с помощью четырех быков. Дханна, кожевник по касте, понукая быков, гонял их по кругу. Силия корзинами относилa зерно

¹ Дж а д ж м а н и — круг обязанностей брахмана, за выполнение которых он получает значительную мзду.

² С а х а л а г а — период, когда индусы играют свадьбы. В это время брахманы особенно наживаются.

и провеивала. А неподалеку, опершись подбородком на свою палку и машинально поглаживая ее, восседал Мата Дин.

Силия была смуглой, ладно сложенной, высокой и худощавой девушкой. Ее нельзя было назвать красавицей, но она была очень привлекательна. В ее смехе, в каждом ее взгляде, в каждом движении ключом была радость жизни. Казалось, что она не ходила, а танцевала. Обсыпанная с ног до головы соломенной трухой, сверкающая от пота, с едва прикрытой головой, она не останавливалась ни на секунду. Силия с таким усердием и азартом провеивала зерно, словно была увлечена какой-то веселой игрой.

— Эй, Силия,— сказал Мата Дин,— нынче надо до ночи все зерно провеять! Если устала, давай я тебя сменю.

— Незачем помогать мне, пандит,— ответила довольная его вниманием Силия.— До вечера я сама все успею провеять.

— Ладно, тогда я зерно в амбар перетаскаю. Одна разве ты со всем справишься?

— И что только вы беспокоитесь? Я и провею зерно и в амбар его перетаскаю.

Дулари в этот день собирала дань со своих должников. Когда праздновали Холи, Силия взяла у нее в лавке розовой краски на две пайсы и до сих пор не вернула ей долга. Подойдя к Силии, Дулари упрекнула ее:

— Что ж ты, Силия, месяц уже прошел, как ты взяла краску, а денег не несешь. Стану тебе говорить насчет денег, так ты мне глазки только строишь да прочь удираешь. На этот раз я от тебя не отстану, пока не отдашь мне деньги!

Мата Дин куда-то улизнул. Беря от Силии все, что можно взять, он ничего не желал давать ей взамен. Силия в его глазах была теперь даровой скотиной, выполняющей его работу, не больше. Пользуясь тем, что Силия слепо к нему привязалась, он искусно водил ее за нос.

Силия бросила взгляд на то место, где только что сидел Мата Дин, но его там не было.

— Не кричи! — сказала она.— На вот, возьми! За те две пайсы, что я должна, вот тебе зерна на целых четыре.

Ну, теперь довольна? Нечего было бояться — я умирать еще не собираюсь!

На глазок подцепив из груды целый сер зерна, она высыпала его в оттопыренный анчал¹ лавочницы.

В тот же миг из-за дерева выскочил красный от негодования Мата Дин и, ухватившись за анчал Дулари, заорал:

— Сейчас же брось зерно! Я не позволю себя грабить!

Затем, глядя на Силию вытаращенными от злости глазами, он напустился на нее:

— Как ты смела дать ей зерно? У кого ты разрешение спрашивала? Кто ты такая, чтобы моим зерном распоряжаться?

Лавочница высыпала все зерно обратно, а Силия, остолбенев, изумленно смотрела на Мата Дина. У нее было такое чувство, словно веточка, на которой она до сих пор беззаботно сидела, неожиданно обломилась, и она стремглав полетела вниз. Лицо ее исказила гримаса боли, на глазах сверкнули слезы.

— Деньги я тебе после отдам, Дулари, — едва говорила она. — А нынче прости меня, ради бога!

Дулари с состраданием поглядела на Силию, бросила осуждающий взгляд на Мата Дина и удалилась. Тогда Силия, не прекращая веять зерно, голосом, в котором слышалась уязвленная гордость, спросила Мата Дина:

— Неужто я не имею никакого права на твое добро?

— Ни малейшего права! — злобно выкатив глаза, отрезал Мата Дин. — Ты работаешь, тебя за это кормят. Ешь, что хочешь, но грабить себя я не позволю. Если здесь не нравится, ступай к другим на работу нанимайся! Не задаром у нас работаешь — кормим тебя, поим, одеваем.

Силия смотрела на Мата Дина, как смотрит на своего хозяина птица, у которой тот подрезал крылья и потом бросил из клетки. Трудно сказать, чего было больше в ее взгляде — боли или жалобы, но сердце у нее в груди трепетало, как у той птицы: она уже не может летать и только хочет остаться в своей клетке, хотя бы ей пришлось умирать в ней от жажды и голода и весь век биться головой о железные прутья. «Что же со мной теперь будет?» —

¹ А н ч а л — край сари; накидка.

думала Силия. Формально она считалась свободной, но ведь на деле и в душе она была женой Мата Дина! Пусть он теперь ее бьет, пусть режет — иной опоры у нее не было.

Силии вспомнились сейчас те дни — а ведь с тех пор еще и двух лет не прошло! — когда этот же Мата Дин клялся на своем джанеу — брахманском шнурке: «Силия, покуда я жив, как жену тебя почитать стану!» Ей вспомнилось, как Мата Дин, потеряв над собой власть, словно безумный гонялся за ней по берегу реки, по лесу и садам. А сегодня? Какие безжалостные слова! Так оскорбить ее из-за какой-то жалкой горсточки зерна!

Силия ничего ему не ответила. С таким ощущением, словно в горле у нее застряли крупинки соли, униженная и раздавленная, она снова вяло принялась за работу.

В этот момент неизвестно откуда на току появились вдруг отец и мать Силии, оба ее брата и еще несколько чамаров. Они тотчас же окружили Мата Дина. Мать Силии выхватила из рук дочери корзину, в которой та таскала зерно, отшвырнула ее далеко в сторону и принялась бранить дочь:

— Подлая девка! Уж если тебе на роду написано батрачить, так разве ты не могла батрачить у себя дома? Что ты здесь-то надрываешься? Если с брахманом живешь, так и живи как брахманка! Если тебе суждено остаться чамаркой, даже после того, как ты всю общину опозорила, так нечего тебе тут делаться! Думаешь, топленого масла тебе здесь дадут? И как только ты со стыда не сгнишь!

Джингури Сингх и Дата Дин поспешили к месту происшествия. Увидав хмурые, злые лица чамаров, они попытались их успокоить.

— В чем дело, почтенный?—спросил Джингури Сингх отца Силии.— Из-за чего ссора?

Отец Силии, Харахху, был старик лет шестидесяти, черный, худой, весь сморщенный, словно стручок перца, и столь же ядовитый и жгучий, как перец, на язык.

— Никакой ссоры тут нет, тхакур!—ответил он Джингури Сингху.— Только мы так просто не уйдем сегодня — либо сделаем Мата Дина чамаром, либо сравняемся с ним кровью. Силия — женщина, она все равно в чужой дом уйдет. Против этого мы ничего не имеем. Но тот, у

кого в доме она будет жить, должен быть человеком нашей касты. Сделать нас брахманами ты не можешь, зато мы можем переделать тебя в чамара! Ну-ка, попробуй, обрати нас всех в брахманов! Вся наша община на это согласна! А если тебе это не по силам, тогда сам станешь чамаром. Вместе с нами ешь и пей, вместе с нами живи. Если ты чести нас лишаешь, тогда отдавай нам свою веру!

— Попридержи-ка лучше язык, Хараху! — крикнул Дата Дин, размахивая над головой палкой. — Вот она, твоя дочь! Забирай ее и девай куда хочешь! На привязи мы ее не держим. За работу у нас мы ей деньги платим. А не хочет — пусть уходит: в батраках нехватки нет!

Мать Силии погрозила ему пальцем.

— Вах, вах, пандит! Справедливо же ты рассудил! Хотела бы я послушать, какую бы ты запел песню, если бы твоя дочь убежала с каким-нибудь чамаром! Если мы чамары, так, значит, у нас уж и чести нет? Одну Силию мы с собой не возьмем, заберем вместе с ней и Мата Дина, который ее опозорил. Лицемеры вы с Мата Дином и святоши! Спать с ней брахманам можно, а воду у нее из рук принять — нельзя! Только такая дура и могла это терпеть! Будь я на ее месте, так я бы такому негодяю яду подсыпала!

Хараху обернулся к своим товарищам:

— Слыхали или нет, что говорят эти люди? Что ж вы стоите, что рты поразевали?

Не успел он договорить, как двое чамаров кинулись на Мата Дина и схватили его за руки. Третий чамар подскочил к нему, сорвал с него священный шнурок брахмана — джанеу, и, прежде чем Дата Дин и Джингури Сингх успели пустить в ход свои палки, засунул в рот Мата Дину большую говяжью кость.

Мата Дин изо всех сил сжал зубы, однако омерзительный предмет уже коснулся его губ. Мата Дина стало тошнить. Волей-неволей ему пришлось разжать зубы и кость вошла ему глубоко в рот.

Вокруг них столпились все, кто был на току. Но удивительное дело! Ни один из присутствовавших даже не пытался помешать этим осквернителям веры! Поведение Мата Дина давно уже озлобило всех. Он всегда нахально пялил глаза на девушек и женщин деревни, и теперь,

внешне возмущаясь действиями чамаров, крестьяне в душе радовались, что наконец-то он понес наказание.

— Ну, хватит, Харакху, с него и этого достаточно, — сказал Хори. — Не дожидайтесь беды, уходите подобру-поздорову.

— У тебя тоже дочери есть, Хори! — бесстрашно ответил ему Харакху. — Не забывай об этом. Если все станут так нарушать обычаи касты, кто же тогда сможет уберечь свою честь?

Одержав полную победу над своим противником, нападавшие сочли самым разумным отступить с поля боя. Общественное мнение меняется быстро: оно могло обернуться и против них. Лучше всего было этого не дожидаться.

Мата Дина выворачивало наизнанку. Дата Дин, поглаживая по спине сына, говорил ему:

— Пусть я буду проклят, если каждого из них я не засажу в тюрьму лет на пять. Пускай там каждый из них пять лет жернова покрутит!

— Этим ты нас не испугаешь! — насмешливо крикнул ему в ответ Харакху. — Кто здесь, кроме тебя, в достатке живет? Нам все равно где работать, все равно, где голодать!

Притихнув, Мата Дин лежал на земле словно труп. Казалось, он не мог вынести страшного позора, свалившегося вдруг ему на голову, и готовился свести последние счеты с земной жизнью. Ту опору, на которой доселе покоились его беспримерная заносчивость и надменность, внезапно вышибли у него из-под ног. Этот кусок кости сделал нечистым не только его рот, но и всего его, всю его душу. Вся вера Мата Дина сводилась к тому, что одну пищу можно есть, а другую нельзя, да еще к догмату «неприкасаемости». А сейчас он разом лишился своей веры и своей касты. Соверши он хоть тысячу покаяний, принимайся хоть тысячу раз есть коровий навоз, выпей он хоть весь Ганг — ничто теперь не поможет! Сколько бы ни приносил он жертв и даров, сколько бы ни совершал паломничеств к святым местам — все равно ему никогда уже не восстановить чистоты своей веры. Случись это где-нибудь в укромном месте, пожалуй, можно было бы это скрыть, но он был осквернен на глазах сотен людей. Теперь ему уже не смыть позора. Отныне даже в родном доме все станут смотреть на него как на «неприкасаемо-

го»¹. Даже его любящая мать и та отвернется от него с отвращением. Как же, однако, ослабла вера в людских сердцах! Ведь сколько народа стояло, сколько людей глазло на это зрелище, и ни один из них даже не шевельнулся, чтобы помешать святотатцам! Те самые люди, которые всего минуту назад, едва завидев его, с почтением кланялись, теперь будут от него отворачиваться. Он не сможет войти ни в один храм, не сможет прикоснуться ни к чьей посуде. И все это из-за проклятой Силии!

А Силия, повесив голову, неподвижно стояла на том самом месте, где она веяла зерно. У нее был такой вид, словно всей этой унижительной процедуре подвергли не Мата Дина, а ее самое. Мать Силии, подойдя к ней, злобно зашипела:

— Ну что ты стоишь? Что глазами-то водишь? Сейчас же ступай домой! Хватит позорить отца с матерью!

Силия застыла словно каменное изваяние. Злоба на отца, на мать, на братьев распирала ее сердце. Какое они имели право вмешиваться в ее дела? Как она хочет, так и живет! Им-то что за дело? Говорят, что она подвергается позору и бесчестью. Но ведь не может же брахман есть приготовленную ею пищу или пить из ее рук! Всего минуту назад сердце ее было полно горечи и обиды оттого, что Мата Дин так жестоко обошелся с ней. Однако насилие, совершенное над Мата Дином ее родственниками и общиной, превратило ее злобу в глубокое сочувствие.

— Никуда я не пойду,— упрямо ответила матери Силия.— И ты мне не запретишь жить здесь!

— Значит, не пойдешь? — злобно прошипела старуха.

— Не пойду!

— Добром прошу...

— Не пойду...

Тотчас же оба брата Силии подхватили ее под руки и потащили. Тогда Силия села на землю. Братья поволокли ее по земле. Сари Силии лопнуло и разорвалось, исцарапанная спина ее кровоточила, но она упорно не соглашалась идти.

Тогда Харакху сказал сыновьям:

¹ «Неприкасаемые» — наиболее угнетавшийся в старой Индии слой населения, к «неприкасаемым» относятся индусы, потерявшие в силу различных причин касту. Прикосновение к ним или к предметам, которыми они пользовались, оскверняет представителей других каст, даже самых низших.

— Ладно, бросьте ее. Будем считать, что она для нас умерла. Но если она когда-нибудь придет к моим дверям, убью на месте!

— Вот если я приду к твоим дверям, тогда и убей! — с отчаянной решимостью крикнула Силия.

Обезумев от злости, мать принялась колотить ее, и, не будь здесь Харакху, старуха наверно убила бы свою дочь.

Но Харакху оттолкнул ее и, оттаскивая от Силии, проговорил:

— Ты что разошлась, Калия! На самом деле убить ее хочешь?

Силия, обхватив ноги отца, причитала сквозь слезы:

— Убей меня, дада! Убейте меня! Хаэ, амман! Какая же ты безжалостная! Для того разве ты вспоила-вскормила меня? Почему ты не задушила меня, когда я родилась? Из-за меня вы и пандита обесчестили. Какая вам польза от того, что вы отняли у него веру? Он меня теперь видеть не захочет. Все равно, будет он со мной разговаривать или нет, я вместе с ним останусь. Будет он меня голодом морить, смертным боем бить — все равно от него не уйду. Как я могу его оставить, если из-за меня он в такую беду попал? Умру лучше, но не соглашусь, чтобы меня продажной девкой считали! Кто меня взял однажды, тому я и буду принадлежать!

— Оставьте эту проклятую девку! — кусая губы, сказала Калия. — Думает, что он жить с ней станет. Не сойти мне с этого места, если он сегодня же не прогонит ее!

Братьям тоже стало жаль Силию. Отпустив ее, они ушли. Тогда Силия, медленно, через силу поднявшись с земли, прихрамывая и окая, вернулась на ток, села там и, уткнувшись в анчал, разрыдалась.

— Почему ты не пошла с ними? — злобно набросился на нее Дата Дин. — Еще какую-нибудь беду хочешь на нас навлечь? Мало тебе того, что ты меня опозорила?

Силия поглядела на него сквозь слезы.

— Зачем мне идти с ними? — сказала она. — Кто взял меня однажды, с тем я и останусь.

— Попробуй только ступить на порог моего дома! — пригрозил Дата Дин. — Пинками выгоню!

— Где он велит, там я и буду жить, — дерзко ответила Силия. — Хоть под кустом, хоть во дворце.

Мата Дин сидел донельзя удрученный. Время близилось к полудню. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь ли-

ству, падали ему на лицо. Со лба Мата Дина стекали крупные капли пота, однако он, не шевелясь, продолжал сидеть на том же месте.

Вдруг, словно очнувшись ото сна, он спросил отца:

— Что же ты мне скажешь, дада?

Дата Дин, положив руку ему на голову, старался его подбодрить:

— А что я сейчас могу сказать, сынок? Ступай умойся, поешь. Потом надо будет сделать все, что прикажут пандиты. Только вот что: с Силией тебе придется расстаться.

Мата Дин бросил на Силию полный ненависти взгляд.

— Я теперь и глядеть на нее не хочу! А скажи, снимут с меня отлучение, когда я исполню очистительный обряд?

— После того как человек исполнит обряд искупления, ему отпускаются все грехи.

— Тогда нынче же ступай к пандитам.

— Нынче же и пойду, сынок!

— А если пандиты скажут, что искупить этот грех нельзя? Что тогда делать?

— Посмотрим сначала, что они скажут.

— Ты, наверно, меня из дому теперь выгонишь?

Дата Дин, исполненный отцовской нежности, успокоил его:

— Как же можно, сынок! Пускай все богатство прахом пойдет, пусть я веры лишусь, а тебя не оставлю!

Мата Дин, нагнувшись, поднял свою шапку и отправился вслед за отцом домой. Силия тоже поднялась со своего места и, прихрамывая, пошла было за ними, но Мата Дин, обернувшись, безжалостно проговорил:

— За мной лучше не ходи. Нас с тобой теперь ничто не связывает! Мало ты мне горя причинила?

Силия дерзко схватила Мата Дина за руку.

— Как так ничего не связывает? В деревне есть люди побогаче, покрасивей да познатней тебя, а я их почему-то за руку не взяла!¹ Почему стряслась с тобой вся эта беда? Сколько ни старайся, а веревку, которая висит на твоей шее, сорвать тебе не удастся! Я тебя все равно не оставлю и никуда отсюда не уйду. Батрачить буду, побраться буду, а от тебя не уйду!

¹ Выражение «взять за руку» употребляется в значении «обручиться» или «выйти замуж».

Отпустив руку Мата Дина, Силия вернулась на ток и снова принялась веять зерно.

Хори все еще был занят молотьбой. Пришла Дхания звать его на обед. Хори вывел быков из круга, по которому те ходили, обмолачивая зерно, привязал их к дереву и сказал, обращаясь к Силии:

— Пойдем со мной, Силия! Поешь, отдохнешь. А Дхания пока здесь посидит. Сари у тебя на спине все в крови! Гляди, как бы у тебя язвы не появились. Родные твои, ну, сущие палачи!

Глазами, полными страдания и скорби, Силия взглянула на него.

— А кто здесь не палач, дада? Я тут ни от кого ласкового слова не слыхала.

— Что тебе пандит сказал?

— Говорит, что теперь нас ничто не связывает.

— Вон как!

— Должно быть, думает, что так он честь свою бережет! Да только разве скроешь то, что давно всему миру известно? Если ему кажется, что я хлеба много ем, так я ничего у него брать не стану. Много ли мне надо? Сейчас на него батрачу и потом батрачить буду. А ночь переспать место найдется. Вот хоть к тебе попрошусь. Неужто непустишь переночевать?

Движимая чувством сострадания, Дхания ответила:

— Разве не хватит для тебя места, дочка? Живи в моем доме!

— Что ты ее к себе зовешь? Забыла, что за человек пандит?

— Если он обозлится на нас, хуже нам все равно не будет! — бесстрашно сказала Дхания. — Что я рабыня его, что ли? Обесчестил девушку, ее из-за него из общины изгнали, а теперь говорит, что знать ее не хочет! Да кто он — человек или палач? Мало он за свое бесстыдство поплатился! Тогда жил с ней, а теперь говорит, что их ничто не связывает!

По мнению Хори, Дхания поступала сейчас совершенно неразумно.

— Вон как обесчестили Мата Дина родственники Силии. Недоброе они сделали дело. Лучше бы они силой или лаской увели с собой Силию. Силия их дочь! Но зачем лишать Мата Дина касты?

— Ладно, замолчи! — прервала его Дхания. — Больно

уж умен! Мужики все, как видно, одинаковы. Когда Мата Дин унижал да бесчестил девушку, так никто не возмущался. А как Мата Дина из брахманов в чамары разжаловали, так почему-то всем это не понравилось! Разве честь Силии — не честь? Заводит себе любовницу из чамаров да еще считает себя безгрешным! Правильно поступил почтенный Хараху! Только так и надо учить этаких-то негодяев. А ты, Силия, если хочешь, живи у меня в доме. Ох и родня же у тебя! Всю спину искровенили! Ступай,— обернулась она к Хори.— А я после домой приду.

Хори пошел домой, а Силия упала к ногам Дхании и залилась горькими слезами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Соне исполнялось семнадцать лет, и в этом году ее непременно нужно было выдавать замуж. Хори уже года два, наверно, думал об этом, однако денег у него не было, и он ничего не мог сделать. Но в этом году нужно было выдать Сону замуж любой ценой, хотя бы для этого опять пришлось залезть в долги или заложить землю.

Если бы все шло так, как хотелось Хори, свадьба могла бы состояться уже два года назад. Хори хотел справить свадьбу дочери тихо и скромно. Однако Дхания твердила, что на свадьбу нужно истратить самое меньшее две, две с половиной сотни рупий. После того как в дом к ним пришла Джхуния, добрая слава их семьи сильно пошатнулась, и теперь без двухсот рупий приданого нечего было и думать о хорошем женихе для Соны.

В прошлом году из урожая, собранного в месяц чайт¹, на долю Хори почти ничего не досталось, хотя он засеял поле на равных паях с Дата Дином. Пандит так ловко подсчитал, сколько им было потрачено зерна и сколько вложил сил Хори, что на долю Хори пришлось не больше одной четверти всего урожая, а налог он был вынужден уплатить полностью. Сахарный тростник и лен пропали тогда на корню; тростник — из-за того, что выпало

¹ Ч а й т — двенадцатый месяц индийского календаря, соответствует марту—апрелю.

слишком много дождей, а лен — из-за белых муравьев. Правда, в том году урожай выдался на славу. Тростник обещал быть неплохим. Зерна для свадьбы тоже было достаточно. Если бы Хори удалось выручить за него хотя бы двести рупий, он исполнил бы свой долг перед дочерью. Пришли ему Гобар сотню рупий, вторую сотню он сам насобиравал бы запросто. Джингури Сингх и Мангру Шах — оба нынче как будто подобрели. Поскольку Гобар жил теперь в городе и хорошо зарабатывал, деньги, отданные ими в долг Хори, уже не могли пропасть.

Хори собрался было однажды дня на два — на три поехать к Гобару, но Дхания все еще не могла забыть жестоких слов сына. От Гобара она и пайсы не возьмет, ни за что не возьмет!

— Как же тогда быть, скажи на милость? — сердясь, спрашивал жену Хори.

Дхания отрицательно качала головой.

— А если бы Гобар не ушел в город, что бы ты тогда делал? Это же самое делай и сейчас!

Хори прикусил язык. Минуту спустя он проговорил:

— Я тебя спрашиваю, что же все-таки нам делать?

— Об этом мужья должны думать, — вывернувшись Дхания.

У Хори готов был на это ответ:

— А что бы ты стала делать, если бы меня не было?

— Я бы тогда ее безо всякого приданого отдала, и никто бы не стал надо мной смеяться, — с презрением взглянув на мужа, ответила Дхания.

Хори всей душой рад был бы и сейчас так поступить. Это было бы для них настоящим спасением! Но ведь нельзя же уронить честь дома! Когда выходили замуж его сестры, на их свадьбы собиралось по целых три сотни гостей. Приданое за ними было хорошее. Устраивали танцы, приглашали музыкантов, были слоны и лошади — все как полагается! В общине об их свадьбах до сей поры вспоминают. А Хори знали жители по крайней мере десяти окрестных деревень. Не мог же он выдать свою дочь замуж без хорошего приданого! Лучше умереть! У него есть и сад, и земля, есть и доброе имя. Продай он хоть один бигх земли, он сразу бы выручил так необходимые ему две сотни рупий. Но земля для крестьянина дороже жизни, дороже чести. Как-никак, а он хо-

зяин трех бигхов земли! Продашь один бигх, а как потом жить станешь?

В таких думах и колебаниях шли день за днем, и Хори никак не мог решить, что же ему делать.

Было как раз время праздника Дашахры, когда учеников отпускают на каникулы. Сыновья Джингури Сингха, Лала Патешвари и Нокхэ Рама явились домой отдыхать. Все они учили английский язык, и, хотя каждому из них стукнуло уже по двадцати лет, ни один из них и слышать не хотел о поступлении в университет. В каждом классе они сидели года по два, а то и по три, все трое давно были женаты, а сынок Патешвари, Биндешвари, успел даже обзавестись сыном. Все трое день-деньской резались в карты, пили бханг и, шегольски вырядившись, разгуливали по деревне. По нескольку раз в день они появлялись возле дома Хори и глазели на его двери. Всякий раз случалось, что, когда они оказывались возле его дома, в дверях под каким-нибудь предлогом показывалась Сона. В эти дни она стала наряжаться в то самое сари, которое ей подарил Гобар. И Хори каждый раз замирал от страха, словно при виде белых туч, несущих убийственный град, который грозит уничтожить весь урожай на его поле.

Однажды все трое явились купаться как раз к тому колодцу, из которого Хори большой кожаной бадьей доставал воду для поливки поля. Сона в это время стояла у края колодца и принимала бадью, которую быки вытаскивали из колодца. Хори понял, что так продолжаться дальше не может.

Этим же вечером он отправился к Дулари. Женщины милосердны и сострадательны. Может быть, сердце Дулари смягчится и она ссудит ему немного денег под небольшие проценты. Но Дулари заупрямилась. Ни с того ни с сего она принялась сетовать на свою горькую судьбу. В деревне не было, пожалуй, ни одного дома, в котором ей не задолжали бы хоть несколько рупий. Даже Джингури Сингх и тот должен ей двадцать рупий! Однако никто и не помышлял отдавать долги. Откуда же у нее, бедняги, могут быть деньги?

— Бхабхи, век тебе благодарен буду! — смиренно упрашивал лавочницу Хори. — Не дашь мне денег — петлю на мою шею наденешь. Джингури и Патешвари на мои поля зарятся. Я вот думаю: земля эта досталась мне

от моих отцов. Лишусь я ее, куда мне тогда идти? Добрым сыном того называют, кто множит славу и богатство семьи. А я вот-вот стану дурным сыном и пушу по ветру все, что приобрели мои предки!

— Хори! Всевышнего зову в свидетели — нет у меня сейчас денег! — клялась Дулари. — Кто брал займы, не отдает. Что я могу тут поделаться? Ты — свой человек, Сона тоже мне не чужая. А только сам подумай, чем я могу тебе помочь? Взять хотя бы твоего родного братца Хиру! Занял у меня пятьдесят рупий — быков покупать, а кто знает, где он теперь пропадает? Стану требовать деньги с его хозяйки, так та чуть не в драку лезет. Да и Собха хороша! С виду честный да тихий, однако долги отдавать и не думает. А все это оттого, что денег ни у кого нет. Что станешь отдавать, если у тебя самого ничего нет? Я вижу, как люди кругом бедствуют. Потому и терплю, потому и слова никому не говорю. Что тут поделаешь? Продавать землю я тебе не советую. Хотя, кроме нее, и нет ничего, зато честь остается!

Потом она шепотом сказала ему:

— Парень Лала Патешвари все время так и кружит, так и вьется возле твоего дома. Да и его два приятеля тоже. Будь с ними осторожен, глаз с них не спускай! Они ведь городскими стали! Разве будут они уважать теперь нашу деревенскую общину? Парни, что в деревне живут, еще побаиваются, а эти — ну прямо молодые бычки! Силия одно время работала у меня, в моем доме было поселилась, так я, как увидела их, сразу позвала ее отца, да и выпроводила ее. Что я караулить ее, что ли, должна?

Видя, что Хори улыбается, она с укором сказала ему:

— Я вижу, ты, Хори, смеешься! Так я тебе вот что еще скажу. Ты и сам, бывало, не меньше других озорничал! Раз по пятьдесят на дню ко мне в лавку заглядывал. А только я на тебя и смотреть не желала.

— Это уж ты напрасно говоришь, бхабхи! — мягко возразил Хори. — Разве стал бы я приходить к тебе, если бы повода не было. Птица к тебе прилетает только тогда, когда есть приманка.

— Напрасно ты так думаешь!

— Глазами-то ты на меня, может, и не глядела, а сердце твое ко мне благоволило. И не только благоволило — звало меня!

— Ладно, ладно, замолчи лучше. Ишь ты какой про-рицатель! Жалко мне было на тебя глядеть, когда ты вился возле меня. Нет, никогда ты не был таким, как эти парни!

В лавку вошел Хусани, купить на пайсу соли, и этот интересный для обоих разговор оборвался. Когда Хусани, взяв соль, ушел домой, Дулари спросила Хори:

— Что ж ты к Гобару не съездишь? Поглядел бы, как он там живет! Может, он и дал бы тебе сколько-нибудь.

— Не даст он мне ничего,— уныло проговорил Хори.— Сыновья чуть начнут зарабатывать, сразу так меняются, что их и не узнать! Сам-то я хотел поехать, да вот Дхания и слышать об этом не желает. А если я поеду, не спросясь ее, так она мне потом житья не даст. Сама небось знаешь, какой у нее язык!

— Ты у своей жены словно в работниках ходишь! — с насмешкой проговорила лавочница.

— Тебе-то ведь работники не нужны! Куда же мне деваться?

— Если бы ты согласился работать у меня, я бы тебе денег ссудила, ей-богу!

— Так за чем же тогда дело стало? Давай пиши договор! За двести рупий я на все готов.

— А Дхании ты об этом не проболтаешься?

— Да нет же! Хочешь, клятву дам?

— А вдруг проболтаешься?

— Язык мне тогда отрежь!

— Ну ладно, так уж и быть! Ищи жениха своей дочери. Денег я тебе дам.

Хори, прослезившись, бросился к ногам Дулари и обнял ее колени. От избытка чувств он и слова не мог вымолвить.

Лавочница, высвобождая ноги из его объятий, проговорила:

— Оставь, не нравятся мне эти глупости. Пускай я пропаду, если в течение одного года не возьму с тебя свои денежки и проценты. Сам-то ты в денежных делах не больно надежен, да я на Дханию надеюсь. Слух идет, что пандит крепко зол на вас. Говорит: «Брахманом не буду, если Хори из деревни не выгоню». Зачем ты принял в дом Силию? Ни за что, ни про что врага себе нажил.

— Что я могу поделывать? Ее Дхания в дом пустила.

— Говорят, что Дата Дин в Каши¹ отправился. Там какой-то знаменитый пандит живет. За пятьсот рупий он готов совершить над Мата Дином обряд очищения. Только зря он хлопочет! Уж если стряслась с тобой такая беда, если ты потерял свою касту, так не то что один обряд очищения — тысячу их соверши — все равно пользы не будет. Сколько ни совершай обрядов, никто из твоих рук воды не возьмет.

Хори возвращался от Дулари домой, а сердце так и прыгало от радости. Никогда в жизни не выпадало ему такой удачи! По дороге он зашел к Собхе и пригласил его с женой на свадьбу дочери. Затем оба направились к Дата Дину попросить разрешения на свадьбу и назначить счастливый день. Вернувшись, они остановились возле дверей дома Хори и стали советоваться, как лучше все подготовить.

Дхания, выйдя из дому, заворчала на Хори:

— Ночь уже, а ты все бегаешь! Ступай поешь, а потом хоть всю ночь разговаривай!

Хори, стараясь заинтересовать Дханию, проговорил:

— В нынешний сахалаг свадьбу сладим! Говори, что нужно достать! Сам-то я в этом ничего не смыслю.

— О чем же с тобой разговаривать, если ты ничего не понимаешь? Ты что, денег раздобыл или просто так душу разговорами тешишь?

— Это уж не твоя забота! — важно ответил Хори. — Ты скажи, что нужно приготовить к свадьбе.

— А-а, что разговаривать попусту!

— Ты мне только скажи, что готовили в приданое, когда выходили замуж мои сестры.

— Скажи лучше, достал ты денег или нет?

— Конечно, достал! Что же я, по-твоему, бханга опился?

— Тогда сначала ступай поешь, а потом и посоветуемся.

Однако потом, когда Дхания услышала, что Хори собрался занимать деньги у Дулари, она встала на дыбы.

— Как ты с ней рассчитаешься, если займешь у нее? Ведь эта ведьма такие проценты дерет!

¹ Каши — город Бенарес.

— Что ж я могу поделаться? Кто еще даст нам денег?

— Скажи лучше, что ходил к Дулари поболтать да полюбезничать! Состарился уже, а привычки своей никак не бросишь!

— Ты, Дхания, словно малый ребенок. Станет она смеяться да любезничать с горемыками вроде меня? Да она с такими и говорить-то не желает!

— А кто еще пойдет к ней, кроме таких, как ты?

— Самые достойные да знатные и те ей в пояс кланяются! Что тут поделаешь? Везет ей в жизни!

— Чуть она пообещала помочь тебе, так ты уже готов славить ее повсюду!

— Конечно, она мне еще ничего не дала, но сказала, что обязательно выручит.

Хори пошел в дом ужинать, а Собха отправился к себе. Сона и Силия вышли во двор. Стоя за дверями, Сона слышала весь разговор. Чтобы выдать ее замуж, отец хочет взять у Дулари две сотни рупий! Когда она услышала эту новость, в груди у нее все так и запело!

Уже совсем стемнело. На пороге дома ярко горел светильник. И светлый квадрат двери особенно четко выделялся на фоне темных стен дома. Оба быка, сунув морды в корыто, мирно жевали свой корм. Рядом с ними, в ожидании подачи, сидела собака. Девушки, подойдя к куче свеженакошенной травы, остановились.

— Слыхала, что они говорили? — спросила Сона. — Дада собирается занимать на мою свадьбу двести рупий у лавочницы.

Силия до мельчайших подробностей знала положение дел в доме.

— Что ж тут поделаешь? Денег-то нет! — ответила она.

Сона глядела на смутно вырисовывавшиеся во мраке ночи темные деревья.

— Не хочу я такой свадьбы, из-за которой отцу с матерью придется в долги залезать. Откуда они потом возьмут денег, чтобы расплатиться, скажи мне? Они и в прежних-то долгах по уши увязли, а если возьмут еще двести рупий, так им никогда из долгов не выбраться!

— Глупая ты, глупая! Когда это бывало, чтобы знатные да хорошие люди брали себе жен без приданого? Без приданого тебя только какой-нибудь старик возьмет. А пойдешь ты за старика?

— Зачем он мне нужен, старик? Женился же братец на Джхунии! Он что, старик, что ли? Кто давал ему в приданое деньги?

— Вот он и опозорил ваше доброе имя!

— Я этому сонарийцу вот что скажу: если только возьмешь с моего отца хоть пайсу приданого, так я за тебя не пойду!

Сона была просватана за сына одного богатого крестьянина из соседней деревни Сонари.

— А он скажет: что, мол, я могу поделывать? Твой отец дает, а мой берет. Я тут ни при чем!

Довод, который Сона минуту назад считала неотразимым, сейчас ей самой показался никуда не годным. Опечаленная, она сказала:

— Я хотела бы как-нибудь повидаться с ним да поговорить. Если он скажет, что ничего не может сделать, так разве далеко отсюда Гомти? ¹ Пойду да утоплюсь! Отец и мать растили меня, из последних сил выбивались. А теперь, чтобы меня замуж выдать, они еще больше задолжают. Послал бы им бог богатство, тогда сколько могли, столько и дали бы мне в приданое. Я бы и слова не сказала. А когда они из-за каждой пайсы кровью обливаются... Нет, лучше уж утопиться! Земля наша целой останется, все добро уцелеет, старикам верный кусок хлеба будет. Конечно, отец с матерью поплачут обо мне. Ничего, после утешатся! Зато из-за моей свадьбы им всю жизнь горевать не придется. За три, за четыре года эти двести рупий, что они в долг возьмут, в четыреста вырастут! Откуда достанет дада такие деньги, чтобы с долгами расплатиться?

Силии почудилось, что глаза Соны зажглись сейчас каким-то новым, необыкновенным огнем. Взволнованная, она прижала Сону к своей груди.

— Где это ты набралась столько ума, Сона? А поглядишь на тебя, совсем ты наивная да неопытная.

— Много ли тут ума нужно? Разве нет у меня глаз? Разве я круглая дура? Займут они две сотни рупий на мою свадьбу — за три года долг этот вдвое вырастет. Потом Рупа подрастет. Чтобы ее замуж выдать, они еще сколько же в долг возьмут. Вся земля за это с торгов пойдет, придется им по дворам милостыню просить, не так

¹ Гомти — название реки.

разве? Куда лучше будет, если я жизни лишусь. Сходила бы ты тайком в Сонари, позвала бы его! Хотя нет. Не надо его звать, я со стыда сгорю, если стану с ним говорить. Лучше ты передай ему мои слова. Поглядим, что он ответит. Далеко разве до его деревни? Только что на тот берег перейти. Несколько раз в день он поит на реке скотину. Однажды его буйволица даже на мое поле забрела. Я его тогда здорово отругала! Он у меня прощения просил... Скажи-ка, а ты виделась с Мата Дином? Говорят, брахманы не хотят принимать его в свою касту!

— Почему бы им не принять его в касту? — с презрением сказала Силия. — Все дело в том, что старик жадничает, деньги тратить не желает. За лишнюю пайсу он на святой воде Ганга какую хочешь ложную клятву даст. Вот они и тянут. А Мата Дин тем временем сидит себе в чулане да сладкие лепешки жует!

— И что ты не бросишь его? Поселись у кого-нибудь в своей общине и живи! Избавишься хоть от его оскорблений.

— Как же это можно? Из-за меня он в этакую беду попал, и чтобы я его бросила? Пусть он будет кем угодно: пандитом, богом, а для меня он всегда останется тем же Мата Дином, который раньше, бывало, ноги мне целовал. Пускай он снова брахманом станет, пускай женится на брахманке, только разве станет какая-нибудь брахманка так же служить ему, как я служила? Сейчас, когда он касты своей лишился, он меня гонит, а потом сам ко мне прибежит, вот увидишь!

— Так он к тебе и прибежал! Попадись только ему, он тебя живой съест!

На следующий же день ранним утром Силия хотела пойти в Сонари, но Хори ее задержал. У Дхании разболелась голова, и Силии неудобно было отказаться от работы: нужно было вместо Дхании разгонять воду по всему полю. Но во время полуденного отдыха она прямо с поля ушла в Сонари. Вернувшись к колодцу часа в два пополудни, Хори ее уже не застал.

— Куда это делась Силия? — недовольно заворчал он. — Живет, живет, а потом вдруг пропадет неизвестно куда. Словно ей ни до чего и дела нет! Сона, куда она пошла?

— Не знаю! — схитрила Сона. — Говорила, что ей надо к прачке сходить, белье взять. К ней, должно быть, и пошла.

Тут Дхания поднялась с кровати.

— Ладно, я пойду в поле! Что ты на нее так элишься, словно деньги ей платишь за то, что она у нас работает?

— А что, разве она не живет в нашем доме? Разве не из-за нее о нас по всей деревне худая молва идет?

— Ладно, помолчи лучше! Всего-то она у нас уголок занимает. Что ж за это плату с нее брать?

— Не уголок, а целую комнату!

— Так сколько стоит эта комната? Пять рупий в месяц?

— Да хотя бы одну пайсу — и то деньги! Коль она живет у нас в доме, должна сказать, если куда уходит. Вот погоди, придет нынче, так я ее спрошу, где она была!

Снова раз за разом заходила большая бадья, зачерпывая воду со дна колодца и вынося ее наверх. Хори не позволил Дхании идти в поле. Воду разгоняла Рупа, а Сона, стоя у края колодца, принимала бадью. Рупа, забавляясь, лепила из сырой глины очаги и посуду, а Сона то с отчаянием, то с надеждой все время поглядывала в сторону Сонари. Надежды было меньше, больше было отчаяния и страха. «Разве откажутся люди от денег, если деньги сами в руки идут! — думала Сона. — У кого денег много, тот еще жаднее становится! Гаури — известный скопидом! Матхури, конечно, добрее своего отца, и человек он верный, да только и ему придется делать так, как скажет отец». Но Сона тоже молчать не станет! Она Матхури так пристыдит, что он всю жизнь помнить будет! Она ему прямо скажет: ступай, мол, женись на какой-нибудь богачке! А я за такого, как ты, выходить не желаю. О, если бы почтенный Гаури услышал ее мольбу! Она бы всю жизнь ему ноги мыла и служила ему, как родному отцу не служат! А Силию она до отвала накормила бы конфетами. Деньги, которые подарил ей Гобар, до сих пор лежали у нее припрятанными. От этих сладких мыслей глаза у Соны заблестели, на щеках заиграл легкий румянец.

Но почему же до сих пор нет Силии? Много ли времени нужно, чтобы дойти до Сонари? Где же она задержалась? Ага! Вон она идет! Только почему так медленно? Сердце у Соны упало. Значит, они не согласились. Ведь иначе Силия бегом бы прибежала! Значит, все кончено со свадьбой Соны. Нечего ей и надеяться!

Силия пришла, но, не подходя к колодцу, принялась разгонять воду по полю. Она боялась, что Хори начнет спрашивать, где она была. Что она тогда ему скажет? Соне эти два часа показались целой вечностью. Едва бадья прекратила свое бесконечное движение, она со всех ног кинулась к Силии.

— Что ты, умерла там, что ли? Все глаза проглядела, тебя ожидая!

Этот упрек рассердил Силию.

— Я не спала там! — огрызнулась она. — Такие дела так просто не делаются. Нужно было выжидать удобный случай. Как только Матхури пригнал скотину на берег, я потихоньку и передала ему твои слова. Он был так доволен, так рад, что и сказать тебе не могу! К ногам моим упал, да и говорит: «Я как узнал, что Сона моей женой будет, так с той поры сон ко мне не идет. Все она верно говорит, да только что могу я поделывать с отцом? Он никогда ни с кем не считается».

— А ты бы ему сказала, что и Сона тоже на своем постоять умеет! — перебила ее Сона. — Что решила, то и сделает. Пожалеешь, мол, да поздно будет!

— Ну, так вот, оставил он тут же всю свою скотину и пошел со мной прямо к почтенному Гаури. А у того возле колодца четыре бычьих упряжки работают — воду вытаскивают. И колодец тоже ему принадлежит. Сахарного тростнику у него — целых десять бигхов. Как увидела я почтенного Гаури, смех меня разобрал — ну настоящий торговец сеном! А вот доля ему выпала счастливая. Началась тут между отцом и сыном перепалка. Почтенный Гаури сыну кричит: «Ты не в свое дело лезешь! Захочу, возьму денег у Хори, захочу — не возьму! Кто ты такой, чтобы в это дело ввязываться?» А Матхури ему в ответ: «Если у тебя на уме одни только деньги, не жени меня! Я и сам обойдусь: какую свадьбу захочу, такую и сделаю!» Такие тут страсти разгорелись! Гаури сорвал с ноги туфлю и давай лупить Матхури! Если бы другого парня так били, он бы, наверно, разозлился. Ведь Матхури стоило только раз кулаком двинуть, и почтенный Гаури больше не встал бы. А Матхури, бедняжка, хоть и больно ему было, слова отцу не сказал. Только глянул на меня сквозь слезы да прочь пошел. Тут почтенный Гаури на меня напустился. Как он только меня не ругал! Да разве стану я молча слушать его ругань? Что мне его бояться?

Я ему прямо так и сказала: «Махто! ¹ Две-три сотни рупий не такие уж большие деньги. Почтенный Хори из-за них не разорится. Только ведь и ты с них не разбогатеешь! Беда вся в том, что деньги эти будут на ветер выброшены — на танцы да на музыкантов! А другой такой невестки вам не сыскать».

— Так, значит, Гаури махто только за эти слова и побил Матхури? — едва сдерживая слезы, спросила Сона.

Силия не хотела рассказывать Соне о том, почему Гаури требовал денег. Она не хотела, чтобы Сона услышала из ее уст обо всей этой гадости. Однако, услышав вопрос Соны, Силия не сдержалась.

— Все это из-за твоего брата Гобара! Гаури махто сказал, что человек может есть объедки только тогда, когда они подслащены, а позор да бесчестие могут смыть только деньги. А Матхури на это сказал отцу: «Отец, а в каком доме не было бесчестия? Все дело в том, что о позоре одного знают все, а другой все сумел скрыть. Только в этом и разница». Ведь Гаури махто сам прежде путался с одной чамаркой, двух дочерей с ней прижил. Матхури еще и договорить не успел, как в старика словно злой дух вселился. Уж не знаю, жадности в нем больше или злости! Без приданого он о свадьбе и разговаривать не станет.

Обе пошли домой. Сона несла на голове тяжелый груз: кожаную бадью, веревку и ярмо, но эти увесистые предметы казались ей сейчас легкими, как перышки. В сердце у нее словно забил источник счастья и радости. Перед ее взором неотступно стоял мужественный образ Матхури. Соне казалось, что небесные гурии, подхватив ее в свои объятия, влекут ее сквозь разлитый по небу пурпур!

Этой же ночью Сону свалила жестокая лихорадка.

На третий день почтенный Гаури прислал с цирюльником письмо:

«Гаури Рам рад засвидетельствовать свое почтение Хори махто. Мы еще раз тщательно обдумали наш разговор о приданом и решили, что как на семью жениха, так и на семью невесты излишние свадебные расходы лягут тяжелым бременем. Если мы хотим породниться, то нам следует все сделать так, чтобы свадьба эта не была обоим нам в тягость. Никакого приданого от вас мы не требу-

¹ Ма х то — почтенный.

ем, можете нам в этом поверить. Когда все мы придем к вам в гости, угостите нас чем бог послал—большого нам не нужно. Расходы на приготовления к свадьбе мы тоже берем на себя. С великой признательностью мы примем от вас любую помощь, которую вы сможете оказать нам в приготовлениях к свадьбе».

Прочитав письмо, Хори бегом кинулся домой и рассказал обо всем Дхании. От радости он готов был пуститься в пляс. Однако Дхания сидела, погруженная в какое-то глубокое раздумье. Спустя минуту она сказала:

— Добрая душа у Гаури махто, а только и нам надо свою честь беречь. Что люди-то скажут? Деньги—дело наживное. Честь дома из-за них ронять нельзя. Сколько сможем, столько и дадим в приданое Соне, а Гаури махто взять деньги придется. Так ему и напиши. Неужто у нашей дочери нет доли в доме родителей? Хотя, что там писать! Я сейчас попрошу цирюльника, он ему передаст.

Хори стоял во дворе словно громом пораженный, а Дхания уже говорила цирюльнику, что передать Гаури в ответ на его любезность. Затем она угостила цирюльника шербетом, дала ему на чай и отправила обратно.

Когда цирюльник ушел, Хори сказал жене:

— Что же это ты натворила, Дхания? До сих пор не могу понять, что ты за человек? То ты вперед лезешь, то назад пятишься. Сначала кричала, что ни у кого и пайсы взаймы брать не надо, что дочь можно и без приданого замуж отдать, а когда бог надоумил Гаури и его руками написал нам это письмо, ты вдруг завела песню о чести! Один бог знает, что у тебя на уме!

— Судя по человеку, его и бетелем по-разному угощают, разве ты не знаешь об этом? Прежде Гаури старался показать, какой он важный, цену себе набивал, а сейчас щедрость свою показывает. Коли в тебя кирпичами кидают, не грех и камень в ответ кинуть! Но нельзя отвечать руганью на ласковое слово.

— Ну что ж, показывай, показывай свою щедрость!—гневно проговорил Хори.— Погляжу я, где ты достанешь деньги!

— Деньги доставать—твоя забота, а не моя!—с презрением глядя на мужа, ответила Дхания.

— Придется у Дулари брать взаймы.

— Бери! У кого ни возьми — все равно проценты платить придется! Если тонешь, так не все ли равно, где тонуть, в канаве или в Ганге.

Выйдя во двор, Хори закурил трубку. Эх, как хорошо было сладилось дело! Да только разве угадаешь, что у Дхании на уме? Вечно она делает не так, как надо! Слово злой дух в нее вселился! Знает ведь, как плохи их дела, а все-таки никак не желает смириться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Бхола женился во второй раз. Без жены жизнь его была лишена радости. Пока в доме была Джхунья, она и трубку ему табаком набивала, и воду подавала, и звала его поесть, когда наступала обеденная пора. А теперь о бедняге некому было заботиться. Невестки не могли оторваться от своих домашних дел—до Бхолы ли им? Он уже давно подумывал о женитьбе. Случайно Бхоле подвернулась молодая вдова, муж которой умер всего три месяца тому назад. У нее был маленький сын. Когда Бхола увидел вдову, сердце его взыграло, и он решил немедленно завладеть лакомой добычей. Пока он не женится, дела в доме ему не наладить!

До сих пор все, что у него было, принадлежало невесткам. Они что хотели, то и делали, как хотели, так и жили. После того как Джанги вместе с женой уехал в Лакнау, полновластной хозяйкой дома стала жена Камты. За каких-нибудь пять-шесть месяцев она сумела накопить себе рупий сорок. Утаив сер или полсера молока, она потихоньку его продавала. Но теперь хозяйничать в доме стала новая свекровь. Ее главенство в доме было невыносимым для жены Камты, и, что ни день, между обеими женщинами разгорались скандалы. Вскоре дело дошло до того, что вслед за женщинами стали ссориться и Бхола с Камтой. Распря приняла столь большие размеры, что раздел имущества оказался неизбежным. А разделы, как известно, никогда не обходятся без драк и потасовок. Точно так же все сложилось и здесь.

Камта был довольно вздорным человеком. Единственное, что его так или иначе сдерживало,— был отцовский авторитет Бхолы. Однако, приведя в дом новую жену, Бхола лишился всякого уважения со стороны сына. Кам-

та его теперь просто не признавал за отца. Кончилось это тем, что однажды он накинулся на Бхолу, избил его и выгнал на улицу, ничего не позволив унести из дому. И никто из жителей деревни не вступился за Бхолу потому, что он женился во второй раз и тем самым сделал себя всеобщим посмешищем.

Ночь Бхола кое-как провел под деревом, а едва наступило утро, явился к Нокхэ Раму и стал жаловаться на сына. Деревня Бхолы входила в округ, где распоряжался Нокхэ Рам. Ему была совершенно безразлична судьба Бхолы, но, увидев рядом с ним красивую бойкую женщину, он тотчас же согласился пристроить его у себя. Там, где у него стояли на привязи коровы, Нокхэ Рам выделил Бхоле комнатушку. Ему вдруг до зарезу понадобился опытный человек, который мог бы присматривать за скотиной, кормить и поить ее. Он взял Бхолу к себе на службу, положив ему плату три рупии в месяц и сер зерна в день.

Нокхэ Рам был низкоросл, коренаст, тучен и лыс. На лице его красовался длинный нос, маленькие глазки прятались в узких щелках. На голову он наворачивал большой тюрбан и обычно щеголял в нижней рубашке, а в холодную пору ходил по деревне, завернувшись в одеяло. У него была одна слабость — он очень любил натирать кожу маслом, поэтому одежда его всегда была покрыта жирными грязными пятнами. У Нокхэ Рама была немалая семья. Семь братьев и их семьи — все жили за его счет. Его единственный сын учился в девятом классе английской школы, и поддерживать его славу ученого человека было тоже не так-то легко. От раэ-сахиба Нокхэ Рам получал двенадцать рупий в месяц, но на нужды свои он тратил ежемесячно не меньше сотни. Поэтому, если какой-нибудь крестьянин имел несчастье попасть к нему в лапы, он не отпускал его до тех пор, пока не выжимал из бедняги все, что можно. Вначале раэ-сахиб платил ему шесть рупий. В ту пору он грабил крестьян безжалостно. Но, когда ему положили двенадцать рупий, аппетит у него разыгрался еще сильнее, поэтому раэ-сахиб больше не стал прибавлять ему жалованья.

В деревне не было такого человека, который бы так или иначе не зависел от Нокхэ Рама. Даже Дата Дин и Джингури Сингх и те лебезили перед ним. Один только Патешвари всегда готов был оспаривать первенство. Если

Нокхэ Рам гордился тем, что он брахман и заставляет плясать под свою дудку каястхов¹, то Патешвари бахвалился тем, что мы, мол, каястхи — падишахи пера! Кому еще под силу тягаться с нами на этом поприще? А потом — заминдару он не слуга. Он слуга правительства, во владениях которого никогда не заходит солнце. Если Нокхэ Рам исправно совершал экадеш и содержал за свой счет пятерых брахманов, то Патешвари в пику ему каждое полнолуние слушал сказания о праведном Нараяне² и кормил не пять, а целых десять брахманов. С тех пор как старший сын Патешвари стал сборщиком налогов, Нокхэ Рам только и мечтал, чтобы и его сын тоже как-нибудь закончил десятый класс. Он собирался пристроить его писарем где-нибудь в конторе или в суде, а поэтому постоянно ездил с визитами к важным чиновникам и отвозил им в подарок фрукты из своего сада. Патешвари обогнал его еще в одном деле: люди поговаривали, что он содержит любовницу, вдову из низшей касты. И вот теперь Нокхэ Рам решил, что и ему, наконец, представился случай восполнить этот пробел и укрепить свою славу.

— Живи себе здесь спокойненько, Бхола! — говорил он, подбадривая старика. — И ни о чем не беспокойся! Если что понадобится — только скажи мне. У тебя, я гляжу, и хозяйка есть. И для нее тоже какая-нибудь работенка найдется. Зерно в житницах беречь, сушить его, веять, просеивать — мало ли тут работы!

— Позвал бы ты Камту да спросил его, так ли должен сын с отцом обходиться! — проговорил Бхола. — Дом-то ведь я построил, коров, буйволиц я нажил, а он все себе захватил, а меня из дому выгнал! Разве так по справедливости-то поступают? Ты хозяин над всеми нами, ты его должен проучить как следует!

— Сколько ты не воюй с Камтой, тебе его не одолеть! — увещевал старика Нокхэ Рам. — За все его дела бог ему воздаст сторицей. Не бывало еще доньше, чтобы злое дело кому-нибудь пошло на пользу. Не будь в мире вероломства да бесчестности, так на что бы тогда нужен

¹ К а я с т х и — каста писцов в Северной и Восточной Индии (по положению ближайшая к брахманам).

² Н а р а я н — в индийской мифологии одно из воплощений бога Вишну.

был ад? Сейчас никому нет дела до справедливости, а также и до веры, но всевышний все видит и все знает! Разве от него скрыто то, о чем ты сейчас горюешь? Недаром же зовут его всевидящим и всеслышающим. Кто спасется от его кары? Ты знай себе живи помаленьку. Угодно будет богу, так ты и здесь заживешь не хуже, чем у себя дома.

От Нокхэ Рама Бхола направился к Хори и поведал ему о постигшей его беде. Хори, в свою очередь, тоже рассказал Бhole о своих горестях.

— В нынешние-то времена на сыновей и не надейся, брат Бхола! Растись их, растись, из последних сил выбиваешься, а когда подрастут они, твоими же врагами становятся. Взять хотя бы Гобара! Перед тем как уехать, с матерью насмерть разругался. А с тех пор от него ни одной весточки! Мы тут с матерью совсем извелись. Дочь замуж пора выдавать, а ему до того и дела нет. Я уже поле свое заложить хочу, чтобы на свадьбу двести рупий выручить. Как хочешь выкручивайся, спасай тут свое доброе имя, а ему горя мало!

Тем временем Камта, выгнав отца, только теперь стал понимать, какую роль играл старик в хозяйстве. Каждый день нужно было вставать рано утром, поить и кормить скотину, доить коров, потом идти продавать молоко на базар, потом, вернувшись с базара, снова кормить и поить скотину и снова доить коров — и так без конца. Не прошло и двух недель, как его жена не выдержала и взбунтовалась. Между женой и мужем начались ссоры.

— Я в твой дом не для того пришла, чтобы на работе тут изводиться! — злилась жена. — Если ты прокормить меня не можешь, так я лучше к матери уйду!

Камта испугался. Если жена и вправду уйдет, тогда, пожалуй, все хозяйство пойдет прахом. Дело кончилось тем, что в доме у них появился работник. Однако лучше от этого не стало: работник стал воровать жмыхи и солому и потихоньку продавать. Пришлось его прогнать. В доме снова начались раздоры. Вконец рассорившись с Камтой, жена его ушла к своим родителям. Камта очутился в безвыходном положении. Отчаявшись, он направился к Бhole и начал его упрашивать:

— Дада, прости ты меня, ради бога, за то, что я плохо с тобой обошелся! Вернись домой! Бери в руки все хозяйство, что хочешь, то и делай.

На подворье у Нокхэ Рама Бхоле приходилось жить словно батраку. От участия, которое проявлял к нему Нокхэ Рам каких-нибудь два месяца назад, и следа не осталось. Дело доходило до того, что Нокхэ Рам приказывал ему набивать для себя трубку и стелить постель, и бедняге Бхоле приходилось молча проглатывать эти оскорбления.

Пускай будут и ссоры и ругань в своем доме, зато там не придется никому прислуживать, не надо будет ни перед кем унижаться.

Услыхав о том, что Камта зовет отца домой, жена Бхолы Нохри заупрямилась:

— Что же ты, опять пойдешь туда, где тебя избили? И как только тебе не стыдно?

— А здесь-то я что, на царском троне сижу, что ли? — возразил Бхола.

— Если хочешь идти, ступай, а я не пойду! — отрезала Нохри, размахивая руками перед носом Бхолы.

Бхола прекрасно знал, что Нохри станет противиться возвращению домой. Знал он и причину ее упрямства: кое-что он успел уже заметить. А сам он потому и хотел сбежать от Нокхэ Рама, что здесь на него никто не обращал внимания, в то время как Нохри оказывали всяческие почести. Слуги Нокхэ Рама и околоточный попали под ее влияние.

Услыхав ответ жены, Бхола разозлился, но что он мог поделать? Будь у него достаточно мужества и решимости оставить Нохри и уйти, она бы покапризничала, да и пошла за ним следом. Держать ее тут одну Нокхэ Рам не стал бы: он любил обделывать свои делишки втихую, так, чтобы это никому не бросалось в глаза. Однако этого Нохри не боялась — она успела уже досконально изучить характер Бхолы.

— Послушай-ка, Нохри! — стал просить жену Бхола. — Не упрямясь, пойдем со мной. Невесток там нету, теперь все хозяйство будет в твоих руках. Подумай только, какая дурная слава о нас идет из-за того, что мы здесь батрачим!

Но Нохри отказалась наотрез:

— Если хочешь идти, уходи, я тебя не держу. Видно, крепко тебе полюбились сыновьи тумаки! А мне они не по вкусу, мне и здесь в батрачках неплохо живется.

Бхоле пришлось остаться. А Камта кое-как уговорил жену вернуться домой.

Вскоре о поведении Нохри начали судачить по всей деревне. Нохри расхаживала в новом розовом сари. А почему бы и нет: чего ей здесь недоставало? Хоть каждый день новое сари надевай! Кого ей бояться, если ей покровительствует первый человек в округе? Какое ей дело до того, что ее поведение Бхоле не по нутру?

Собха был великим насмешником и слыл в деревне первым остряком и задирой. Ему до всего было дело! Однажды, встретив Нохри, он вздумал пройтись на ее счет. Нохри нажаловалась на него Нокхэ Раму. Собху тотчас же потребовали в чаупал, и там Нокхэ Рам задал ему такую взбучку, что Собха закаялся задевать Нохри.

Из-за Нохри даже Лала Патешвари подвергся одной неслыханному унижению. Случилось это как раз в самые жаркие дни индийского лета. Лала вместе с батраками собирал у себя в саду плоды манго. Вдруг он увидел на улице разряженную и расфранченную Нохри. Лала окликнул ее:

— Нохри, царица моя, иди-ка сюда! Попробуй, какие сладкие манго!

Нохри насторожилась. Уж не смеется ли над ней Лала? Держалась она теперь надменно и гордо. Она желала, чтобы люди считали ее заминдаршей, почитали и уважали. А чванливый человек всегда бывает мнителен и недоверчив. К тому же, если он думает, что все хотят его оскорбить и унижить, мнительность его растет еще больше.

«Почему он засмеялся, увидев меня? — раздумывала Нохри. — Почему остальные меня сторонятся? Чем я хуже их всех? Найдется ли хоть один порядочный человек? Хотела бы я хоть одним глазком увидеть такого!»

Живя в деревне, Нохри успела уже узнать все деревенские секреты. Ведь этот же самый Лала содержит любовницу из низшей касты! И он еще смеет над ней смеяться! Ему об этом никто не говорит — как же, первый человек в деревне! А она, Нохри, — беднячка, из низшей касты, и поэтому все могут смеяться над ней и злословить. Каков он сам, Лала, таков и его сын. Ведь его сынок, Рамешвари, всюду преследует Силию и не дает ей проходу! Словно ястребы, они набрасываются на чамаров, на это у них есть права — ведь они выше всех!

Приостановившись, Нохри сказала Лале:

— С каких это пор стал ты таким щедрым, Лала? Другим ты ничего не даешь, только обнимаешь! Или у тебя манго излишек? А может, ты просто решил поиздеваться надо мной? Так знай, добром это для тебя не кончится!

«Охо, вон сколько спеси у этой ахиран!»¹ — подумал Патешвари.— Крепко, видно, взяла она в свои руки Нокхэ Рам! А теперь думает, что ее Нокхэ Рам правит всем миром!»

— Ты так сердито со мной разговариваешь, Нохри, словно собралась всех нас из деревни выгнать! — сказал Лала.— Ты лучше не забывайся да язык придержи! Нечего тебе зазнаваться!

— А что мне молчать? У твоих дверей я еще не стояла, милостыни у тебя не просила!

— Пожалуй, и просила бы, если бы Нокхэ Рам тебя не подкармливал!

Нохри словно красным перцем обожглась. Вне себя от злости, она принялась честить Патешвари самыми последними словами и, только истощив запас всех известных ей ругательств, бегом вернулась в свою каморку. Здесь она принялась лихорадочно вытаскивать наружу свои пожитки.

Когда Нокхэ Рам узнал о том, что Нохри собирается уходить, он разволновался до крайности.

— Что это ты делаешь, Нохри? — бросился к ней Нокхэ Рам.— Зачем ты выносишь свои вещи. Тебя кто-нибудь обидел?

Нохри отлично знала, как можно заставить мужчин плясать под свою дудку. За свою жизнь она успела хорошо овладеть этим искусством. Нокхэ Рам был человеком грамотным, знал законы, прочитал немало религиозных книг и кое-чему научился у известных адвокатов. Но даже он со временем стал игрушкой в руках у простой крестьянки Нохри!

Приняв оскорбленный вид, Нохри ему ответила:

— Видно, несчастная судьба привела меня сюда! А только все равно честью своей я не поступлюсь!

Брахман встрепенулся.

— Какой-нибудь негодяй приставал к тебе? — ошечившись, спросил он.— Так я ему глаза вырву!

¹ А х и р а н — женщина одной из низших каст: ахиров, касты пастухов.

Нохри ковала железо, пока оно было горячо:

— Лала Патешвари проходу мне не дает, все время пристаёт со всякими глупостями. Что я, гулящая девка, которую всякий может за пайсу купить? Сколько женщин в деревне, и никто их не задевает, а меня все норовят обидеть!

В Нокхэ Рама словно бес вселился. Подхватив свою толстенную палку, он ураганом примчался к саду Лала и вызывающе заорал:

— Эй ты, важная персона! Поди-ка сюда! Я тебе все усы повиыдеру! Яму вырою и в землю тебя закопаю! Ну-ка, выходи сюда! Если хоть раз еще заденешь Нохри, кровью умоешься! Всю спесь из тебя повиытрясу! Каков сам, такими и других считаешь? Загордился больно!

Лала Патешвари стоял в своем саду, словно изваяние: склонив голову и почти не дыша. Ведь он этой девке только слово сказал, и на что она обиделась — такой срам! За всю жизнь его ни разу еще так не оскорбляли. Правда, однажды ночью его поймали на берегу пруда и здорово намяли бока, но в деревне об этом никто так и не узнал. Но сегодня он подвергся унижению на глазах у всех! Перед женщиной, которая только вчера прибрела сюда в поисках пристанища, трепетала вся деревня. У кого теперь хватит смелости посмеяться над ней или оскорбить ее? Если уж сам Патешвари не смог этого сделать, так что было говорить об остальных?

С этой поры Нохри стала настоящей госпожой деревни.

Теперь при ее приближении крестьяне уступали ей дорогу. Ни для кого уже не было секретом, что, дав ей небольшую взятку, можно было многого добиться от Нокхэ Рама. Всякий, кому нужно было произвести раздел имущества, добиться отсрочки в платеже налога или получить землю для постройки дома, ничего не мог сделать, пока не давал взятки Нохри. Порой она распекала и оскорбляла даже самых почтенных, всеми уважаемых крестьян. Да что там говорить о крестьянах, если под ее дудку плясал сам господин управляющий!

Но Бхола вовсе не хотел зависеть от Нохри. В его глазах не могло быть ничего более позорного и унижительного, чем жить за счет жены. Сам он зарабатывал всего три рупии в месяц, да и те не попадали ему в руки. Нохри тратила на себя куда больше. На его долю не

доставалось и каури, чтобы купить табаку, а Нохри только на один бетель тратила каждый день по целых две анны. На подворье у Нокхэ Рама все помыкали Бхолой. Слуги и работники заставляли его набивать табаком свои трубки и колоть за них дрова. После целого дня работы бедняга, вконец измученный, без сил валился на кровать, стоявшую под деревом возле дверей. Воды подать и то было некому. Вечером ему приходилось ужинать остатками дневного обеда, но даже тут дело не обходилось без попреков и оскорблений.

В конце концов, выйдя из терпения, Бхола решил вернуться к себе домой, чтобы жить вместе с Камтой. Кусок хлеба для него как-нибудь найдется! Дом-то как-никак свой!

— Не пойду я туда, не желаю там в прислугах ходить,— заявляла Нохри.

— Я и не зову тебя,— набравшись решимости, ответил Бхола.— Я один пойду.

— Что же ты, бросишь меня, а сам уйдешь? Да как тебе не стыдно слова-то такие говорить?

— Я здесь достаточно стыда натерпелся.

— А мне так стыдиться нечего. Без меня ты никуда отсюда не уйдешь.

— Ты только о себе и думаешь. С какой стати я должен у тебя в слугах ходить?

— В панчаят на тебя пойду нажалуюсь, перед всем миром тебя опозорю!

— Мало мне уже было из-за тебя позору? Что же ты хочешь без конца меня обманывать?

— Что ты раскипятился, словно ты начальник над мной. Я здесь ни от кого не стану терпеть оскорблений!

Вспыхнув, Бхола вскочил, подобрал свою палку и хотел уже уйти прочь из этого дома, как вдруг Нохри кинулась к нему и схватила его за руку. Вырваться из ее сильных рук оказалось делом далеко не легким. Через минуту, не говоря ни слова, Бхола вернулся и покорно сел на свое место. Было время, когда он шутя подчинял женщин своей воле. Но теперь он сам попал в руки женщины и никак не мог освободиться. Попытавшись вырваться, Бхола вдруг почувствовал, как он слаб и стар, и ему не хотелось, чтобы жена это заметила. Почему только он не сказал ей, что она ему больше не нужна! Надо было сказать: «Я, мол, оставляю тебя. Панчаятом угрожа-

ешь? По-твоему, панчаят пугало! Если ты сама панчаята не боишься, так почему я его должен бояться?» Но у Бхолы не хватило решимости бросить эти слова в лицо жене. Нохри его словно околдовала.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Лала Патешвари был живым воплощением всех тех качеств, которыми должен обладать настоящий патвари. Он не мог спокойно смотреть, когда какой-нибудь крестьянин отнимал хотя бы полоску земли у своего брата, крестьянина. Тем более он не мог допустить, чтобы крестьянин вдруг присваивал себе деньги, занятые у ростовщика. Первейшим своим долгом он считал охрану интересов всех жителей деревни без различия. Он не любил любовных сделок, свидетельствующих только о трусости и равнодушии. Наоборот, он был сторонником действия, борьбы, являющихся симптомами жизни. И поэтому изо дня в день он всячески старался наполнить жизнь борьбой и придумывал все новые и новые затеи.

Мангру Шах пользовался в ту пору особенным его расположением. Мангру Шах был самым богатым человеком в деревне, однако он не принимал никакого участия в местной политической жизни, не стремился приобрести авторитет или власть. И дом его тоже находился в стороне от деревни: здесь он развел на отшибе сад, вырыл колодец и построил маленький храм, посвященный богу Шиве. Детей у него не было, а поэтому ростовщичество его мало занимало. Большую часть своего времени он проводил в молитвах, выполняя всевозможные религиозные обряды. Многие крестьяне, заняв у него деньги, и не думали их возвращать. Однако он ни на кого не подавал в суд.

За Хори тоже числилось примерно две с половиной сотни рупий долгу, но он и не собирался отдавать этот долг; Мангру Шах, в свою очередь, не особенно донимал его. Правда, несколько раз он требовал уплатить ему долг и даже угрожал Хори, однако, видя, что взять с Хори нечего, отступился и оставил его в покое.

Случилось так, что в этом году на поле, принадлежавшем Хори, тростник уродился лучше, чем у других крестьян. «Если ничего не случится, Хори за свой тростник

не меньше двух с половиной сотен рупий возьмет!» — рассуждали люди. Патешвари старался доказать Мангру Шаху, что если он на этот раз предъявит Хори иск, то сможет вернуть все свои деньги. Мангру был не столь милостив, сколько просто ленив. У него не было ни малейшего желания ввязываться в ссоры и скандалы. Однако, когда Патешвари заверил его, что ему не придется даже ходить в суд и что суд без всяких хлопот с его стороны вынесет решение в его пользу, он согласился возбудить против Хори судебное дело и дать деньги на судебные издержки.

А Хори и не догадывался, что против него затевается тяжба. Когда был подан иск, когда суд вынес решение — он не знал. Обо всем этом ему стало известно только тогда, когда в деревню явился судебный исполнитель, чтобы продать его тростник с аукциона. Почти вся деревня сгрудилась на меже возле поля Хори. Хори побежал к Мангру Шаху, а Дхания принялась на чем свет стоит проклинать Патешвари. Она тотчас поняла, что все это — дело его рук. Однако Мангру Шах молился и не мог никуда пойти, а Дхания, хоть и излила на Патешвари целый поток ругани, не нанесла ему ни малейшего вреда. И тростник был продан с торгов за две с половиной сотни рупий. Последним, чье имя произнес судебный исполнитель, был Мангру Шах, и никто больше не посмел участвовать в торгах. Даже у Дата Дина не хватило решимости выслушивать ругань и проклятия Дхания.

Тогда Дхания набросилась на Хори:

— Что же ты сидишь разинув рот? Ступай сходи к патвари, спроси его: так, значит, он заботится о крестьянах своей деревни?

— У тебя у самой язык есть, пошла бы и спросила! — возразил Хори. — Думаешь, он не слышал твоей ругани?

— Кто так делает, тот ничего, кроме ругани, и не услышит!

— Неужели ты думаешь, что человека можно обругать, а потом просить у него помощи?

— Погляжу, кто посмеет подойти к моему полю!

— Приедут рабочие с фабрики, срежут тростник и увезут. Что ты тут сделаешь? Только и остается, что ругаться с горя!

— Пусть только попробует кто выйти на мое поле, пока я жива!

— Конечно, конечно, пока ты жива и пока я жив! Вся деревня и то не могла ничего сделать. Тростник теперь не мой, а Мангру Шаха.

— Разве Мангру Шах убивался на работе в поле, разве он поливал его в самую жару?

— Сделала-то все это ты, но тростник теперь принадлежит Мангру Шаху. Ведь мы ему задолжали!

Так семья Хори лишилась своего тростника. И сейчас же перед ними встала другая нелегкая задача. Как раз под залог этого тростника и соглашалась ссудить им деньги Дулари. А теперь под какой залог она даст ему займы, когда Хори не успел еще выплатить ей двухсот рупий прежнего долга?! Дулари рассчитывала, что, продав свой тростник, Хори сумеет вернуть ей прежний долг с процентами; тогда она даст ему еще двести рупий, и снова начнут расти проценты на новый долг. По ее расчетам тростник, зревший на поле Хори, стоил как раз около двухсот рупий. Но теперь ссужать ему эту сумму было бы глупостью.

Сакалаг близился, договорено было и о дне свадьбы. Гаури махто, наверно, закончил уже все приготовления, так что отложить свадьбу было уже невозможно. Хори распирала злоба: пошел бы сейчас к Дулари, да и удавил ее! Он сделал все, что было в его силах, чтобы как-нибудь ее уломать, но Дулари, словно каменный истукан, оставалась глухой и равнодушной к его мольбам. Хори раз за разом приходил к лавочнице и умолял ее:

— Дулари, пойми, ведь не скроюсь же я с твоими деньгами, да и умирать скоро не собираюсь. Поле у меня есть, есть сад, дом есть, сын в городе. Не пропадут твои деньги. Чести я лишаясь, помоги ты мне сохранить ее!

Однако Дулари считала, что сострадание — плохой советчик в денежных делах. Если бы сострадание приносило прибыль, она ничего не имела бы против, но извлекать из сострадания проценты она не умела.

Вернувшись домой, Хори спросил Дханию:

— Ну что ж теперь будем делать?

Дхания сорвала на нем свою злобу:

— Видно, ты этого только и добивался!

Хори поднял на Дханию глаза, полные боли и скорби.

— Разве я один во всем виноват?

— Кто бы там ни был виноват, а деньги ты достать должен.

— Что ж, если хочешь, давай землю заложим!

— Заложишь землю, а потом что станешь делать?

— Батрачить.

Однако земля была одинаково дорога обоим. Только на владении земель покоились честь и достоинство семьи. У кого земли нет, тот не хозяин, не вольный пахарь, а батрак.

Не дождавшись от жены ответа, Хори снова спросил:

— Ну что же ты скажешь!

— Что тут можно сказать,— сдавленным голосом ответила ему Дхания,— как явится к нам Гаури со свадебной процессией, надо будет их угостить чем бог послал, а чуть свет — проводить дочь со двора. Смеяться будут люди — пускай себе смеются. Видно, хочет бог, чтобы позор пал на наши головы, чтобы нам было стыдно людям в глаза смотреть. Что мы можем тут сделать?

Вдруг они заметили, что к их дому идет Нохри. Увидев Хори, Нохри немного приподняла с лица покрывало. Этим она хотела показать, что признает Хори своим родственником.

С Дханией она успела познакомиться раньше.

Дхания окликнула ее:

— Эй, сватья, куда это ты собралась? Зайди посиди!

Одержав важную победу над Патешвари, Нохри пыталась теперь завоевать уважение остальных жителей деревни, поэтому она охотно зашла в дом Хори.

Дхания, осмотрев ее с ног до головы испытующим взглядом, спросила:

— Что это ты нынче вдруг забрела в наш конец?

— Да так просто, пришла повидаться с вами,— смиренно ответила Нохри.— Дочки вашей свадьба когда будет?

Дхания развела руками:

— Про это только бог знает!

— А я слыхала, что скоро, о дне свадьбы даже уговорились?

— Да, день-то назначен...

— Вы меня бы пригласили!

— Дочь наша тебе небось не чужая, какие там нужны еще приглашения?

— Наверно, приданое уже собрали? Может, мне покажете?

Дхания заколебалась, не зная, как лучше ответить на этот вопрос. Хори помог ей:

— Ничего не собирали мы к свадьбе! Выдаем дочь бесприданницей.

Нохри бросила на него недоверчивый взгляд.

— Как так бесприданницей, махто? Она ведь твоя старшая дочь, ее свадьбу надо как следует отпраздновать!

Хори горько засмеялся, словно говоря: «Может, ты думаешь, что у меня в доме алмазы рассыпаны! Сама погляди, какая нужда свила тут себе гнездо!»

— Денег нет, как же я могу достойно отпраздновать свадьбу дочери? Скрывать от тебя нам нечего.

— Сын неплохо зарабатывает, сам ты работаешь, и нет денег? Да кто же тебе поверит?

— Будь Гобар достойным сыном, разве я горевал бы теперь? Письмишка и то прислать не может, где уж тут ждать от него денег! Второй год пошел, как он уехал, а мы от него ни одного письма не получили.

В это время во двор вошла Сона с охапкой свежескошенной травы на голове. Стыдливо прикрыв лицо краем сари, скромно потупившись, она прошла мимо, положила траву и скрылась в дверях дома.

— Совсем уже взрослой стала ваша дочка,— сказала Нохри.

— Девушка, словно молоденькое деревце, вверх тянется. Самая пора ей замуж,— поддакнула Дхания.

— Жениха-то подыскали?

— Подыскали. Если удастся как-нибудь вывернуться с деньгами, то в этом же месяце свадьбу сыграем.

Нохри была человеком с мелкой тщеславной душой. Та небольшая сумма денег, которую ей удалось за это время скопить, не давала ей покою. Какая слава пойдет о ней по деревне, если она одолжит немного денег на свадьбу Соны! Сразу все заговорят о ее доброте! Люди с удивлением начнут толковать, что вон, мол, какие деньги отвалила Нохри, добрая, оказывается, у нее душа! Хори и Дхания разнесут весть об этом по всем соседям, и тогда она заткнет рот всем, кто сейчас указывает на нее пальцем. Разве после этого осмелится кто-нибудь смеяться над ней и распускать о ней сплетни? Сейчас вся деревня

настроена к ней враждебно, а если она даст Хори денег, все станут относиться к ней с уважением. При этой мысли лицо Нохри так и расплылось в улыбке.

— Если дело только за деньгами стало, займи малость у меня! Когда у тебя заведутся деньги, тогда и отдашь.

Хори и Дхания разом повернулись к Нохри. Уж не смеется ли она? Но нет, Нохри не смеялась. Изумление, признательность, недоверие и смущение отразились в глазах Хори и Дхания. Не такой уж плохой оказалась эта Нохри! Выходит, зря о ней люди судачат!

— Ваша честь — моя честь! — продолжала Нохри. — Если люди над вами начнут смеяться, значит будут смеяться и надо мной. Ведь как-никак вы мне сватами приходитеесь!

— Деньги свои ты побереги пока, — сконфуженно промолвил Хори. — Если уж нигде достать не удастся, тогда у тебя попросим. Человек нынче только на свою родню и может надеяться. Зачем нам трогать твои деньги, если можно занять на стороне у ростовщиков?

— Да, да, конечно, — поддакнула Дхания.

— Зачем же просить деньги у других, когда у нас у самих они есть? — настаивала Нохри. — Там и проценты платить придется, надо будет документы оформлять, свидетелей звать, давать ростовщику комиссионные да вдобавок еще и унижаться перед ним. Конечно, если вы брезгуете моими деньгами, тогда — другое дело.

— Что ты, что ты! — запротестовал Хори. — Раз мы все это своими силами сможем сделать, зачем же тогда занимать на стороне? Ведь на хозяйство-то наше надежда плохая. Вдруг тебе понадобятся деньги, а мы не сможем их быстро отдать? Ты тогда в обиде на нас будешь, а нас совесть заест. Потому-то я и не решался брать деньги у тебя. А так-то ведь дочка наша тебе не чужая.

— Деньги эти мне пока не потребуются.

— Ну что ж, тогда мы у тебя возьмем. С какой стати занимать на приданое у чужих?

— Сколько же тебе нужно?

— А сколько ты можешь дать?

— Если сотню дам, хватит?

Хори овладела жадностью. Да и как тут было не жадничать — всевышний нежданно-негаданно посылал ему деньги, так почему бы не взять побольше?

— Сотню дашь — хорошо, пятьсот дашь — еще лучше, сколько можешь, столько и дай.

— У меня есть двести рупий, сотню я тебе дам.

— И этого хватит, и с этими деньгами обойдемся. А тебе я вот что скажу — я и подумать не мог, что у тебя такая добрая душа. Кто помогает соседу в теперешнее время? На кого нынче можно надеяться? Я уж совсем тонул, пузыри начал было пускать, а ты вот меня вытащила!

Пришла пора зажигать коптилку. На улице стало холодно. Земля подернулась синей дымкой. Дхания вошла в дом, принесла жаровню, и все стали греться возле огня. В отблесках пламени догоравшей в жаровне соломы перед ними сидела красивая, нарядно одетая развратница Нохри — словно само воплощение приданого Соны. Сколько сочувствия было сейчас в ее глазах; какая скромность, какое смирение написаны были на ее лице, какие мудрые слова произносили ее уста! Поговорив о том и о сем, Нохри начала собираться домой.

— Поздно уже, — сказала она, — завтра зайди ко мне, махто, деньги возьми!

С этими словами Нохри поднялась.

— Давай я провожу тебя, — предложил Хори.

— Не надо, не ходи, я и одна дойду.

— Да я сейчас готов тебя на плечи посадить и до самого дома нести! — вырвалось у Хори.

Чаупал Нокхэ Рама был на другом конце деревни, к нему вела широкая ровная дорога. Выйдя из дому, Нохри и Хори пошли по ней среди ночной темноты и безмолвия.

— Ты бы зашел как-нибудь, усовестил Бхолу! Что он постоянно со всеми ссоры затевает? — сказала Нохри. — Уж если приходится жить среди этих людей, надо с ними ладить, а он только и знает, что вздорит да ругается со всеми. Не можешь держать меня за пардой¹, позволяешь батрачить на других, так не мешай мне смеяться и говорить с людьми. Разве я могу сделать так, чтобы никто не глядел на меня? Сидела бы я за пардой, тогда — другое дело. Скажи, пожалуйста, что я могу сделать, если кто-нибудь на меня вдруг посмотрит. Что я глаза ему, что ли,

¹ Парда — занавеска, которой отделяется женская половина дома.

выцарапаю? А кроме того, если ты подходишь к человеку с любовью да лаской, так с его помощью сто дел можно сделать! В любое время у каждого денег призанять можно. Судьба переменчива — раньше ты жил богато, зажиточно, а теперь за три рупии в месяц батрачишь. Раньше у тебя во дворе сто коров да буйволиц стояло, а нынче ты сам батраком стал. Да только он ничего этого понимать не желает. Только и знает, что хочет в Лакнау ехать. Только и знает, что мучит меня!

— Бхола тут неправ от начала до конца, — дипломатично сказал Хори. — Состарился он совсем. Надо будет мне с ним поговорить. Ладно, зайду как-нибудь!

— Так, значит, заходи завтра утром за деньгами.

— Может, расписку тебе...

— Деньги мои ты не присвоишь, я на тебя надеюсь!

Так они дошли до чаупала Нокхэ Рама. Нохри скрылась в доме, а Хори вернулся к себе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Когда Гобар возвратился в город, ему стало казаться, что все здесь теперь по-иному, что на том месте, где он раньше сидел со своим лотком один, появился вдруг другой лоточник, и что все прежние покупатели от него отвернулись. Даже дом, в котором он жил, и тот стал ему тесен, словно клетка. Джхуния целыми днями оставалась одна и плакала горькими слезами. Мальчуган с утра до вечера ползал по комнате или во дворе у порога. Играть здесь ему было негде. Куда пойдешь? За порогом был узкий проход, шириной в какой-нибудь газ¹, по которому стекали зловонные нечистоты. В жаркую пору невозможно было выйти наружу, негде было поспать или посидеть. Мальчик не давал Джхунии ни минуты покоя. Если негде играть, так что же ему еще оставалось делать, кроме как сосать грудь матери? В деревне его забавляли то Дхания, то Рупа, то Хори, то Пуния. Здесь же Джхуния была одна-одинешенька и ей приходилось выполнять всю домашнюю работу.

А Гдбара обуревало смугное беспокойство. Обманутые юношеские надежды заставляли его искать утешения в

¹ Газ — мера длины, около 90 сантиметров.

бурном море разгульной городской жизни. Душа у него не лежала ни к какой работе. Взяв лоток, он выходил на улицу, но через какой-нибудь час возвращался домой. Ничто его не интересовало. Жившие по соседству рабочие и кучера целыми ночами резались в карты и кости. Раньше и он любил играть, но теперь у него осталось одно-единственное развлечение — ссоры и ругань с Джхунией. Несколько дней такой жизни оказалось достаточно, чтобы Джхуния вконец измучилась. Больше всего ей хотелось забиться куда-нибудь подальше в уголок и, ни о чем не заботясь, посидеть, отдохнуть, поспать. Но такого уединенного местечка здесь не было. В сердце ее копилась ненависть против Гобара. Какой интересной, какой привлекательной рисовала она в своем воображении городскую жизнь! А на самом деле она ничего не нашла здесь, кроме этой комнаты, похожей на одиночную тюремную камеру. Ребенок тоже раздражал ее все больше и больше. Порой, выйдя из себя, она изливала всю злобу на сыне — избивала его, выталкивала наружу и захлопывала дверь. Ничего не понимая, мальчуган заходился в плаче.

А тут еще назревало новое горе: вскоре у Джхунии должен был родиться второй ребенок. У нее начались приступы головных болей, появилось отвращение к пище. Она ощущала такую вялость, что готова была целый день сидеть молча, забившись в уголок, — только бы никто ее не трогал и никто с ней не заговаривал! Однако эгоистичная страсть Гобара ни с чем не желала считаться. Хотя в груди Джхунии теперь не было и капли молока, малыш тоже не оставлял ее в покое! Джхуния ослабла физически, вместе с телом ослаб и ее дух. Она не раз пыталась отнять ребенка от груди, но стоило малышу закричать, как она, сдавшись, ложилась на бок, и сын припадал к ней. Ему уже исполнилось два года, во рту у него прорезались острые зубы, а так как молока у Джхунии не было, он сердился и больно кусал грудь матери. Однако у Джхунии не хватало сил оттолкнуть сына от своей груди. Перед глазами ее теперь постоянно маячил страшный образ смерти. В сердце у нее не осталось любви ни к мужу, ни к сыну: обеих она считала эгоистами. В дождливую пору барсата¹, когда мальчика начали

¹ Барсат — сезон дождей.

мучить поносы и он перестал сосать грудь, Джхуния испытала такое огромное облегчение, словно сбросила с себя непомерно тяжелую ношу. Однако, когда мальчик, промучившись с неделю, умер, материнское чувство в ней ожило с новой силой и заставило ее пролить немало слез.

Память о сыне стала для Джхунии дороже самого сына. Воспоминания о нем причиняли ей теперь такие страдания, что с ними нельзя было и сравнить ту мимолетную радость, которую она испытала, когда ребенок был с ней. Образ умершего сына не покидал ее теперь ни на минуту. В своем воображении она видела его довольным, крепеньким, смеющимся, полным любви к ней! И этот чистый, светлый образ теперь не омрачала ни единая тень. Умерший мальчик был всего лишь слабым подобием того сына, которого она пестовала в своем сердце. Его реального она не видела перед собой и не помнила: образ его был слабым и расплывчатым. Но его новое прекрасное воплощение жило в ее душе благодаря ее желанию, ее воле, и она вскармливала его не молоком, а своей кровью. Джхуния совсем перестала замечать и эту темную затхлую каморку, и этот наполненный отвратительными миазмами воздух, и муки, которые ей приходилось испытывать дважды в день у очага во время приготовления пищи,— все это словно перестало для нее существовать. Сладостные, дорогие ее сердцу воспоминания о сыне укрепили ее волю и силы. Тот, кто при жизни был для нее бременем, умерев, целиком завладел ее душой и сердцем.

Джхуния скрывала свое материнское горе от всех. Ей было теперь безразлично, рано или поздно приходит Гобар, с аппетитом он ест или нет, весел он или чем-нибудь озабочен. Сколько зарабатывает Гобар, куда тратит деньги,— все это ее тоже несколько не трогало. Вся ее жизнь теперь сосредоточилась в ее сердце, а тело существовало и двигалось само по себе, словно бездушная машина!

Если бы Гобар разделил ее скорбь, проник в ее внутренний мир, он мог бы приблизиться к Джхунии. Однако, едва прикоснувшись к холодной, сухой оболочке ее жизни, он тотчас же уходил, мучимый жаждой.

Однажды Гобар сухо сказал Джхунии:

— До каких пор ты будешь оплакивать мальчика? Пять месяцев прошло, как он умер, а ты все сама не своя!

— Гора моего тебе не понять,— с тяжким вздохом ответила она.— Занимайся своими делами, а я какая есть, такой и останусь!

— Думаешь, он воскреснет от твоих слез?

Не зная, что ответить, Джхуння молча принялась чистить картофель. Она и предположить не могла, что у Гобара такое каменное сердце!

Бессердечие Гобара сделало умершего сына еще дороже. Сын принадлежал ей и больше никому. До сих пор она думала, что любовь к сыну жила не только в ее сердце, но и в сердце Гобара, теперь же она знала: сын принадлежит ей одной!

Между тем Гобар, разочаровавшись в своей торговле напитками, нанялся рабочим на сахарную фабрику. Мистер Кханна, ободренный удачным экспериментом с первой фабрикой, недавно открыл еще одну. Теперь Гобару приходилось уходить на работу рано утром, и когда при свете фонарей он возвращался домой, то едва мог передвигать ноги от изнеможения.

В прежнее время, в деревне, ему тоже приходилось немало работать, но там он никогда не испытывал такой усталости. Во время работы он, бывало, смеялся, переговаривался с товарищами. А потом там, на открытом поле, под необъятным небом, усталость эта проходила удивительно быстро. Там, сколько бы ни уставали его мышцы, душа его оставалась свободной, словно птица. А здесь, несмотря на то, что от него требовалось не так уж много физических усилий, страшный шум и непрерывное движение машин выматывали душу и словно пригнали к земле. А потом его постоянно угнетал страх, что его вот-вот оштрафуют! Точно так же чувствовали себя и остальные рабочие, и все они стремились утопить свою физическую и духовную усталость в пальмовом вине.

Гобар тоже пристрастился к вину. Домой он приходил теперь далеко за полночь, вдребезги пьяный, проклинал Джхунню, выгонял ее из дому, а порой жестоко избивал.

Джхуння начало казаться, что ей приходится терпеть сейчас все эти унижения и оскорбления лишь потому, что она была вдовой. Будь она законной женой Гобара, он не посмел бы так с ней обращаться! Община уже наказала ее — за этот грех она была изгнана. И поделом ей. Она совершила большую ошибку, убежав из родного

дома с таким ненадежным и неверным человеком! Она стала посмешищем для всех и ничего не получила взамен!

Постепенно Джуния стала смотреть на Гобара как на своего врага. Она больше ни о чем не заботилась и даже перестала готовить еду. Когда Гобар избивал ее, в сердце Джунии закипала такая злоба, что она готова была перерезать ему глотку. А тут еще приближалось время родов. Беспокойство Джунии росло все больше и больше. Она погибнет в этом доме! Кто здесь станет присматривать за ней, кто поддержит ее в это трудное время? Если Гобар и дальше будет так же ее избивать, то она не вынесет такой жизни!

Однажды, когда Джуния ходила за водой к водопроводной колонке, одна из соседок спросила ее:

— Ты на каком месяце?

— Не знаю, диди¹, — застыдившись, ответила Джуния. — Я не считала.

Соседка эта была темнокожей, очень полной, низкорослой и некрасивой женщиной. Муж ее работал кучером на икке, а она сама держала дровяную лавочку. Джуния несколько раз покупала у нее топливо: в этом и заключалось все знакомство.

— Сдается мне, что тебе скоро рожать, — улыбнувшись, сказала соседка. — Не нынче, так завтра разродишься. Повитуху-то подыскала?

— Я здесь никого не знаю, — боязливо ответила Джуния.

— А муж твой что же, позаботиться о тебе не может?

— Какое ему до меня дело?

— То-то я и вижу! Может, тебе найти человека, который бы присмотрел за тобой? Есть тут у тебя свекровь, золовка или еще какая родня? Надо будет позвать кого-нибудь.

— Для меня все здесь чужие.

Принеся воду, Джуния принялась скоблить и чистить грязные кастрюли. Сердце ее трепетало в страхе перед близящимися родами. Одна мысль сверлила ей голову: «Боже ты мой, как-то на этот раз все обойдется? Умру я, наверно! Ну и хорошо, хоть избавлюсь от всех забот и обид!»

Вечером ее стали мучить сильные рези в животе.

¹ Д и д и — старшая сестра, почтительное обращение к старшим.

Джхуния поняла: пришло время рожать. Придерживая одной рукой живот, обливаясь потом, она кое-как разожгла очаг, поставила на него разогреть кашу из риса и бобов, и тут же ее свалил сильный приступ боли.

Часов в десять вечера явился домой Гобар. От него разило вином, заплетающимся языком он нес пьяную окоlesiцу: «Мне ни до чего дела нет!.. Пускай я ему позарез нужен, я и с места не сдвинуся! Обиду ни от кого терпеть не стану... От отца и матери, которые родили меня, и то обиды не стерпел, так стану я терпеть от других? Джамедар злится... Пускай! Злоба его никого не испугает! Не удержали бы меня люди, так я бы ему кровь выпустил... Завтра поговорю с ним по-свойски. А если повесят за это, так я покажу им, как мужчины умирают! Как вешать будут, так я смеяться стану, на них не погляжу, усы закручу, вот так и умру! Ох, и гнусное же это бабье племя! Поставила на огонь кашу, ноги протянула и дрыхнет. Голодный муж или нет — ей наплевать! Сама-то небось лепешки жрет, а мне кашу! Мучай меня сколько душе угодно. Бог тебя за это накажет!..»

Гобар не стал будить Джхунию. Молча выложив кашу на блюдо, он проглотил несколько ложек и улегся спать в передней.

На рассвете, проснувшись от холода, Гобар пошел в комнату за одеялом и тут услышал стоны Джхунии. Весь хмель мигом выскочил у него из головы.

— Что с тобой, Джхуния? — спросил он. — Болит что-нибудь?

— Да, в животе боль... Схватки...

— Что ж ты раньше не сказала? Куда я в такую рань пойду?

— Кому же мне было говорить-то?

— А я что, мертвец, что ли?

— Не все ли тебе равно, жива я или нет.

Гобар растерялся. Куда пойдешь в такую рань, где искать повитуху? Разве кто-нибудь согласится идти сюда? В доме сейчас гроша ломаного нет. Сказала бы ему эта ведьма раньше, что ей скоро родить, он бы занял у кого-нибудь. Прежде у него самого всегда было на руках по пятьдесят — сто рупий, люди, бывало, лстили ему, но стоило только явиться сюда этой строптивой бабе, как счастье и удача словно отвернулись от него! В кармане сейчас ни гроша!

— Никак это твоя хозяйка стонет? — раздался вдруг чей-то голос. — Не начались ли у нее схватки?

Это была та самая толстая темнокожая женщина, которая разговаривала с Джхунией у водопроводной колонки. Она поднялась на заре дать корму лошади и заглянула к ним, услышав стоны Джхунии.

Выйдя на крыльцо, Гобар сказал:

— В животе у ней рези. Мечется, на месте не лежит. Есть тут где-нибудь по соседству повитуха?

— Я так и знала, что ей на днях рожать! Повитуха живет в Каччисарае. Слетай-ка за ней, а я пока тут посижу.

— Я в Каччисарае сроду не был; в какой это стороне?

— Ну, ладно, посиди ты с ней, всеером ее обмахивай, а я сама сбегаяю. Недаром говорят люди, что неопытный человек ни на что не годен. Вон у нее какой живот, а ты о повитухе даже и не позаботился!

Сказав так, она отправилась за повитухой. Звали эту женщину Чухией, но люди за глаза величали ее просто «толстухой». Когда Чухия слышала, что ее называют «толстухой», она очень сердилась.

Гобар и десяти минут не просидел возле Джхунии, как Чухия уже вернулась и возбужденно заговорила:

— И как теперь бедному люду жить на свете! Эта ведьма сказала, что, мол, пойду, если уплатите мне пять рупий. Да еще ей нужно платить по восемь анн за каждый день ухода, а на двенадцатый день изволь дари ей новое сари! А я ей и говорю: «Что б ты подохла, жадиная! Я и сама ребенка принять сумею, как-никак двенадцать детей родила!» Ты, Гобар, ступай-ка отсюда, я сама все сделаю. В тяжелую минуту люди должны помогать друг другу. Как четвертого сына родила, так и сама повитухой стала.

Подойдя к Джхунии, она села рядом с ней, положила ее голову себе на колени и, тихонько поглаживая ей живот, сказала:

— Я вчера как увидела тебя, так сразу все и поняла. Поверишь, нынче ночью глаз сомкнуть не могла. Родня-то есть у тебя тут?

Джхуния сквозь стиснутые от нестерпимой боли зубы простонала:

— Ой, диди, не выживу я! Детей у бога я не просила. Одного родила, вскормила его, вспоила, а бог его забрал

у меня. Так на что же мне другого-то рожать? Матушка, умру я! Пожалей ты мое дитя, не бросай, выкорми-выпой, бог тебе за это сторицей воздаст!

Чухия, с любовью расчесывая пальцами волосы Джхунии, уговаривала ее:

— Потерпи, дочка, не бойся! Скоро все пройдет. Неладно ты поступила — никому ничего не сказала. Что в этом стыдного? Сказала бы мне, так я бы к маулави-сахибу¹ сбегала, амулет бы у него попросила. Он ведь тут, в нашем квартале живет!

Что было после — Джхуния не помнила. Когда утром в девять часов она пришла в себя, то увидала, что Чухия сидит рядом с ней, держа на руках ребенка, а сама она лежит, переодетая в чистое сари. Джхуния испытывала такую страшную слабость, словно в теле у нее не осталось ни капельки крови.

Чухия с этих пор каждое утро заходила к ней, готовила для нее хариру — сладкое питье и варила халву, а потом еще забегала несколько раз на дню: смазывала тельце ребенка убитом и подкармливала его чужим молоком. Шел уже четвертый день, а у Джхунии все еще не было молока. Ребенок так и заходил в плаче: желудок его не справлялся с чужим молоком. Чухия совала ему в рот свою грудь, ребенок минуту сосал молча, однако, не находя молока, он снова принимался кричать. Когда у Джхунии не оказалось молока и на пятый день, Чухия всерьез забеспокоилась. Ребенок таял у нее на глазах. Возле скотного рынка жил один старый доктор. Чухия позвала его к Джхунии. Осмотрев роженницу, доктор сказал:

— У нее и крови-то почти не осталось, откуда же тут взяться молоку!

Дело осложнилось. Для того чтобы восстановить силы, матери нужно было целые месяцы корошо питаться и пить лекарства — только тогда могло появиться молоко. Но к тому времени этот живой комочек плоти уже покончил бы все счета с жизнью.

Наступила пятая ночь. Вздребезги пьяный Гобар валялся на веранде. Чухия, стараясь успокоить ребенка, снова дала ему свою грудь. Вдруг ей показалось, что из ее груди потекло молоко. Обрадовавшись, она крикнула:

¹ Маулави — мусульманский ученый-священнослужитель.

— Слушай-ка, Джхуня, теперь за твоего ребенка бояться нечего! У меня появилось молоко.

— У тебя? — удивилась Джхуня.

— Правда, правда!

— В жизнь не поверю.

— Сама гляди!

Чухия пальцами сдвигала свою грудь — из нее брызнула струйка молока.

— Сколько же лет твоей младшей дочке? — спросила Джхуня. — Ведь ей не меньше восьми!

— Да, ей восьмой идет. Когда она на свет появилась, у меня молока много было.

— А после у тебя дети были?

— Эта дочка — последняя. Грудь у меня совсем было высохла, да, видно, бог над твоим ребенком сжался!

Теперь Чухия приходила шесть раз в день и кормила ребенка. Он родился совсем слабеньким, однако живительное молоко Чухии делало свое дело — ребенок стал мало-помалу поправляться.

Однажды Чухия пошла на реку искупаться. В ее отсутствие ребенок, проголодавшись, заплакал. Вернувшись часам к десяти, Чухия увидела, что Джхуня, прижав сына к себе, старается его убаюкать, а тот так и заливается в плаче! Взяв у нее ребенка, Чухия хотела было дать ему грудь, как вдруг Джхуня, выхватив сына у нее из рук, сказала:

— Не нужно, пускай лучше сразу умрет! Не придется тогда ему милостью жить!

Чухия хорошенько ее отругала. После долгих уговоров Джхуня отдала ей ребенка.

Время шло, а отношения между Гобаром и Джхунией все не налаживались. В сердце Джхунии росло убеждение, что Гобар — отъявленный эгоист и бессердечный человек.

«Для него я только предмет удовлетворения его желаний да прислуга, — горестно раздумывала Джхуня. — Жива я или нет — ему все равно! Лишь бы я ухаживала за ним, а до остального ему нет дела. Он, наверно, ждет, чтобы я умерла — тогда он себе другую приведет! Да только это не выйдет! Я сама виновата, что попалась в его силки. Тогда он у моих ног валялся, а как сюда приехали, так его словно подменили!»

Наступала зима. В доме не было ни одежды, ни постели. Те жалкие гроши, которые Джхунни удавалось сэкономить на скудной еде, Гобар тратил на пальмовое вино. У них было одно-единственное старое одеяло, и они спали под ним вместе. Однако между ними пролегалo расстояние во много-много миль! Так, лежа бок о бок и в то же время неизмеримо далеко друг от друга, они проводили свои ночи.

Гобар всей душой тянулся к ребенку: ему хотелось взять его на руки, покормить его, приласкать. Иногда, проснувшись ночью, он подолгу всматривался в его родную милую рожицу. Но к Джхунни сердце его было полно глухой вражды. В свою очередь, и Джхуния теперь совсем с ним не разговаривала и не обращала на него внимания. Эта взаимная неприязнь, словно ржавчина на железе, с каждым днем все глубже и глубже разъедала семью. Оба находили в каждом слове другого скрытый враждебный смысл и походили на двух собак, готовых по любому поводу вцепиться друг в друга.

Между тем на заводе, где работал Гобар, начались волнения. Недовольство рабочих росло. В этом году был повышен налог на производство сахара, и у хозяев сахарных заводов оказался великолепный предлог для сокращения заработной платы рабочим. Прибыль, которую хозяева сахарных заводов получали от сокращения заработной платы, в два с лишним раза превышала сумму, которую они должны были выплачивать в виде налогов. На заводе Гобара эта проблема волновала всех. Рабочие были полны решимости начать забастовку, как только будет объявлено о сокращении заработной платы. Они не хотели уступать ни пайсы. Да и как они согласятся на сокращение зарплаты при теперешней дороговизне? Мирза Хуршед был председателем Маздур сабхи¹, а редактор газеты «Биджли» Онкар Натх — ее секретарем. Они были готовы организовать такую забастовку, которая надолго бы запомнилась хозяевам завода. Забастовка неизбежно должна была тяжело ударить и по самим рабочим — тысячи из них лишались последнего куска хлеба. Однако никто не принимал этого во внимание.

¹ М а з д у р с а б х а — рабочее собрание, рабочий профсоюз.

Среди рабочих Гобар был первым заводилой. Он подбивал других на самые решительные действия и не боялся ни убивать, ни быть убитым.

Кое-как переломив себя, Джхуния пыталась было его вразумить:

— Ты ведь семейный человек! Не доброе ты дело затеял! Зачем лезешь в самый огонь?

Но слова ее только разозлили Гобара:

— Кто ты такая, чтобы учить меня? Я у тебя советов не спрашиваю!

Разговор превратился в ссору и закончился тем, что Гобар избил жену.

Только случайно забежавшая Чухия отняла у него Джхунию и попыталась было отчитать Гобара, но в того словно бес вселился. В ярости он вытаращил глаза и заорал на Чухию:

— Не смей больше появляться в моем доме! Нечего тебе тут делать!

— Как же я буду жить, если к тебе ходить перестану? — с язвительной усмешкой спросила его Чухия. — Я ведь только тем и живу, что в твоём доме выпрошу! Оттого, видно, ты так и злишься сейчас. Не будь меня, дорогой мой, так, пожалуй, Джхунии нынче и в живых-то не было бы. Кого бы ты стал тогда бить?

Гобар, сжав кулаки, проревел:

— Сказал тебе — не смей больше ходить ко мне! Это ты, наверно, так настропала эту ведьму!

Чухия, однако, была не из пугливых: она и с места не сдвинулась.

— Ты лучше замолчи, Гобар! Тоже мне нашелся герой: избил до полусмерти жену! Что ты делаешь для жены, чтоб иметь право так ее избивать? Кормишь и то впроголодь! Судьбу должен благословлять за то, что тебе такая славная жена досталась. Другая на ее месте метлой бы тебя из дому выгнала!

Возле дома собралась толпа соседей, и на Гобара со всех сторон обрушился ливень проклятий и обвинений. Те же люди, которые сами чуть не каждый день избивали своих жен, стали теперь поборниками милосердия и справедливости. Их поддержка еще больше воодушевила Чухию. Обращаясь к собравшимся, она стала жаловаться:

— Слыхали, что сказал мне этот прохвост? Говорит, не смей ходить в мой дом! У жены ребенок на руках,

а он и знать ничего не желает! А каково ребенка-то растить? Спроси-ка у своей жены, где бы был сейчас твой ребенок, если бы не я? Молодечество свое показывает, жену бьет смертным боем! Счастье твое, что не я твоя жена, а не то взяла бы вот эту туфлю да отлупцевала тебя как следует! Запереть бы тебя в комнате да оставить: узнал бы тогда, каково сидеть дома без кусочка хлеба!

Разъяренный Гобар отправился на фабрику. Будь Чухия мужчиной, он бы ее проучил как следует! Но разве станешь связываться с женщиной?

А на фабрике все больше сгущались тучи беспокойства и тревоги: рабочие ходили с листками «Биджли» в кармане, и, едва представлялась возможность, собирались в кружок и читали их вслух. Газета пользовалась все большим и большим спросом. Представители рабочих каждый день до полуночи заседали в редакции «Биджли», совещаясь о предстоящей забастовке. Когда с наступлением утра рабочие видели в газете крупные лозунги, призывающие быть готовыми к забастовке, они тотчас набрасывались на продавцов и расхватывали газеты. Каждый экземпляр газеты продавался по двойной, а то и по тройной цене. Со своей стороны, директора сахарной компании тоже не дремали. Ими был задуман ловкий ход: именно на забастовке и строились теперь все их расчеты. Безработных сейчас кругом было столько, что хоть отбавляй. Поэтому можно было без труда набрать сколько угодно новых рабочих, которые согласятся и на половину прежней платы. А это вдвое снизит издержки по производству сахара. Если даже придется дней на десять приостановить работу, особой беды в этом не будет. В конце концов решено было объявить о снижении зарплаты. Назначен был день и час. Заранее оповестили обо всем полицию. И только рабочие ничего не знали об этих приготовлениях. Они собирались объявить забастовку тогда, когда на складах фабрики останется мало готового сахара, а спрос на него возрастет.

И вот однажды, когда рабочие, закончив свою смену, собирались было расходиться по домам, объявлен был приказ директоров фабрик. Тотчас же нагрянула и полиция. Рабочим, вопреки своему желанию, приходилось начинать забастовку сейчас же, на заводских складах скопилось столько готового сахара, что даже при самом

большом спросе он мог разойтись не раньше, чем через четыре месяца.

Когда Мирза Хуршед узнал о приказе директоров, он улыбнулся, словно мудрый полководец, довольный необдуманным маневром своего противника. Подумав с минуту, Мирза сказал:

— Что ж, отлично! Если директорам нужна забастовка, то пусть будет так! Обстановка сейчас сложилась в их пользу, однако и в наших сердцах не умерла еще вера в справедливость. Хозяева хотят нанять новых рабочих и продолжать работу. Значит, нам нужно сделать все, чтобы ни один новый человек не был нанят. В этом залог нашей победы!

В это же самое время в редакции газеты «Биджли» проходило экстренное совещание. Образован был забастовочный комитет, избраны были руководители забастовкой, а в восемь часов вечера рабочие собрались на митинг. К десяти часам была разработана программа действий на весь завтрашний день.

Приказано было ни в коем случае не допускать нарушений порядка и спокойствия.

Однако все попытки рабочих отстоять свои права оказались тщетными. При виде густых толп безработных, собравшихся у ворот завода, боевой дух бастующих мигом улетучился. Рабочие надеялись, что к воротам завода каждый день будут приходить человек пятьдесят или, на худой конец, сто, и можно будет уговорами или угрозами заставить их уйти. Они думали, что вновь прибывшие испугаются при виде такой массы бастующих и разбегутся сами. Однако надежды их не оправдались. Безработных было слишком много! И если их наймут, у бастующих не будет никакой надежды добиться соглашения с хозяевами. Поэтому было решено ни под каким видом не допускать новых рабочих на фабрику. А сделать это бастующие могли только силой. Однако вновь прибывшие тоже готовы были драться не на жизнь, а на смерть. Большинство из них стояло на грани голодной смерти, и они не собирались упускать из рук этот единственный шанс на спасение. В тысячу раз лучше умереть здесь, борясь за работу и хлеб, чем умирать с голоду и видеть, как умирает твоя семья.

Между бастующими и вновь пришедшими рабочими началась свалка. Редактору «Биджли» удалось спастись

бегством, бедняга же Мирза Хуршед был избит. Жестоко изранен был и Гобар, попытавшийся было прийти к нему на помощь. Мирза был сильным и ловким человеком. Он раскидал насевших на него людей и отделался сравнительно легко. А Гобар был крестьянином и хотя на палках дрался ловко, однако не умел защищаться, что в такой драке важнее всего. У него была сломана рука и пробита голова. Целый град палочных ударов превратил его в окровавленный кусок мяса. Когда забастовщики увидели, что Гобар рухнул на землю, они кинулись спасаться бегством. Только с десятков самых надежных и преданных людей остались стоять вокруг Гобара и Мирзы Хуршеда. Новые рабочие, торжествуя победу, вступили во двор фабрики, а потерпевших поражение, жестоко избитых бастующих отправили в больницу перевязывать раны. Однако там не оказалось достаточно места для такой массы людей. Мирзу Хуршеда в больницу взяли, а Гобару только перевязали раны, наложили шины и отвезли домой.

Когда Джхуния увидела Гобара, в котором едва-едва теплилась жизнь, в ней пробудилось вдруг чисто женское чувство жалости. До сих пор она видела в Гобаре только грубую силу, которая деспотически властвовала над ней, угрожала и тиранила ее. А теперь Гобар лежал перед ней беспомощный и беззащитный. Но затем, глядя сквозь слезы на лежавшего без чувств Гобара, Джхуния вспомнила о нищете, которая царит в их доме, и в ее сердце снова вспыхнула лютая ненависть.

Ведь Гобар знал, что в доме у них нет ни пайсы и что денег взять негде!

Она ведь его тысячу раз предупреждала. И, зная это, он все-таки не послушался ее и ввязался в такую историю! Сколько раз она говорила ему: «Не лезь ты в эти дела! Те, кто разжигает этот огонь, останутся в стороне, а все беды падут на головы бедняков!» Но разве он ее слушал? Ведь он считал ее своим врагом! А друзьями считал людей, которые катаются по городу на автомобилях!

В гневе Джхунии была одновременно и какая-то доля удовлетворения. Так, при виде ребенка, падающего со стула, на который он все-таки забрался, хотя ему много раз запрещали это делать, мы говорим:

«Что, досталось? Жаль, что не разбил себе голову!»

Однако уже через секунду, услышав жалобный стон Гобара, Джхуния справилась со своими чувствами. Сердце ее наполнилось болью и жалостью.

— Ай, ай, ай! Как же его изувечили! — невольно вырвалось у нее. — Ну и безжалостный же народ!

Долго, не отрываясь смотрела она на лицо Гобара, стараясь уловить на нем хотя бы малейший признак жизни. Но с каждым мгновением надежды ее гасли и блекли, словно лучи заходящего солнца. Ужас перед мрачным и неведомым будущим овладел Джхунией.

Вдруг она услышала голос Чухии:

— Что тут стряслось с Гобаром, дочка? Я только что услышала об этом, бросила лавку и побежала.

Джхуния, наконец, дала волю долго сдерживаемым слезам. Рыдания мешали ей говорить, и она только смотрела на Чухию глазами, в которых застыл страх.

Чухия осмотрела голову Гобара, приложила к его груди руку и уверенным тоном заявила:

— За каких-нибудь четыре дня он встанет на ноги. Не бойся за него — выздоровеет. Вон он какой здоровяк! В этой свалке на заводе некоторых до смерти убила. Деньги-то у тебя есть?

Джхуния, смущенно потупясь, отрицательно покачала головой.

— Я тебе дам. Купи немного молока, вскипяти его.

Джхуния бросилась к ногам Чухии, обняла ее колени и сквозь слезы сказала:

— Диди! Ты для меня все равно что мать родная, никого другого у меня в целом мире нет!

Этот печальный вечер был печальней всех других вечеров. Джхуния развела в очаге огонь и принялась кипятить молоко.

Чухия сидела на веранде и кормила грудью ребенка.

Вдруг у Джхунии со стоном вырвались слова:

— Какая же я несчастная, диди! Наверно, из-за меня одной и случилась с ним эта беда! Если у человека болит душа, ему ничего не мило, волей-неволей начинает он ругаться. Кто знает, может, из-за моих-то проклятий и обрушились на него эти...

Больше она ничего не могла сказать, захлебнувшись в потоке слез.

Утирая своим аячлом глаза Джхунии, Чухия принялась ее утешать:

— Экие глупости лезут тебе в голову, дочка! Счастье твое, что он в живых остался. Пусть ругаются меж собой люди сколько угодно, проклинают друг друга, лишь бы в сердце не было ненависти. А вот, если попадет в сердце семя злобы, тогда и росток выглянет.

— Что же мне теперь делать, диди? — дрожащим голосом спросила Джхуня.

— Все уладится, дочка! — подбодрила ее Чухия. — Надейся на бога — один он только печется о нас, бедняках.

В этот момент Гобар открыл глаза. Увидев перед собой Джхуню, он слабым голосом пожаловался ей:

— О Джхуня, сегодня меня едва не прикончили! Я и слова никому сказать не успел, а они все вдруг накиннулись на меня. Прости за все. Мучил я тебя, вот за это мне и наказание. Видно, недолгий я тут гость. От боли все тело разламывается...

В комнату вошла Чухия.

— Лежи только, не двигайся. Говорить — говори, а шевелиться не смей. Ничего с тобой не сделается, выживешь, я за то отвечаю, — сказала она Гобару.

В глазах Гобара загорелась надежда.

— Правду говоришь? На самом деле не умру? — спросил он.

— Правда, правда, не умрешь. Что с тобой страшного-то случилось? Ну, по голове тебе малость стукнули, да еще рука у тебя сломана. Другим крепче достается, и ничего — никто не умирает!

— Джхуню теперь я и пальцем не трону.

— Боишься небось, как бы сейчас Джхуня тебя самого не избила?

— Пусть бьет, я слова не скажу.

— Выздоровеешь, так сразу забудешь, о чем сейчас говорил.

— Нет, диди, никогда не забуду.

А потом Гобар, словно ребенок, понес всякий вздор. Начался бред. Минут десять он лежал совершенно безучастный ко всему на свете. Кто знает, где витала в это время его душа! То ему казалось, что он тонет в реке, а Джхуня бросается в воду, чтобы спасти его, то ему чудилось, что на груди у него сидит какой-то демон, а богиня, похожая на Джхуню, спасает его. То и дело он вскрикивал: «Я не умру, Джхуня?!»

В таком состоянии Гобар находился целых три дня, и Джхуния днем и ночью сидела возле него, стараясь вырвать его из пасти смерти. Ребенка попрежнему кормила Чухия. На четвертый день Джхуния наняла икку. Общими усилиями Гобара положили на икку и отвезли в больницу.

Когда Гобар вернулся оттуда домой, он и сам уже начал верить в то, что останется жить. Со слезами на глазах он просил жену:

— Джхуния, прости ты меня, ради бога!

За те три-четыре дня, что Гобар пролежал дома после больницы, израсходованы были последние четыре рупии, которые Джхуния заняла у Чухии, а просить еще она не решалась. Ведь Чухия тоже не богачка! Деньги, которые она дала Джхунии, она выручила, торгуя дровами. В конце концов Джхуния решила попробовать работать сама. Пока Гобар совсем поправится, пройдет не один месяц, а есть и пить нужно было каждый день. Да и лекарства стоили денег. Зарабатывая понемногу, она сможет по крайней мере кормить семью.

С детства Джхуния умела ходить за скотиной и жать для нее траву. Скотины в городе не было, поэтому она стала жать серпом траву и зарабатывала на этом восемь — десять анн в день. Ранним утром она помогала Гобару умываться, поручала ему ребенка, а сама отправлялась жать траву. Страдая от голода и жажды, она работала часов до трех, потом относила нажатую траву на базар, продавала ее и только вечером возвращалась домой. Кроме того, ночью ей приходилось оберегать сон Гобара, а он спал очень беспокойно. И тем не менее, хотя ей приходилось сейчас очень много работать, на сердце у Джхунии было так радостно, словно она раскачивалась на качелях и распевала песни. Всю дорогу до места работы она пересмеивалась и весело болтала со своими попутчиками — мужчинами и женщинами. То же самое было и во время работы, когда она жала траву. Ни единой жалобы на свою горькую долю, никаких сетований на трудную работу не срывалось с ее уст. То счастье и удовлетворение, которые человек находит в осмысленной и одухотворенной жизни, в самой тяжелой жертве ради близких его сердцу людей, переполняли теперь все ее существо. Она испытывала точно такое же счастье, какое, наверно, испытывает ребенок, когда ему удастся, наконец, встать.

на ноги и впервые пройти несколько шагов. В сердце Джхунии словно забил вдруг некий родник счастья. А почему бы и не быть ей счастливой, когда на душе у нее сейчас мир и покой? За какой-нибудь месяц она словно переродилась. От вялости, которую раньше она постоянно испытывала, не осталось и следа. Наоборот! Движения ее стали быстрыми и гибкими, полными изящества и грации. Не бледность, не желтизна, а здоровый румянец полыхал теперь на ее щеках. Ее молодость и красота, которые увядали от постоянного пребывания в тесной душевной комнате, от оскорблений и вечных стычек с мужем, снова расцвели на свежем воздухе под солнечными лучами. Ничто больше не раздражало Джхунию. Раньше стоило, бывало, ребенку заплакать, как она уже выходила из себя, а теперь ее терпению и любви, казалось, не было предела.

Что же касается Гобара, то, несмотря на быстрое выздоровление, лицо его было постоянно омрачено печалью. Бывает так, что мы долго тираним близкого и любимого человека, а потом сами попадем в беду, и нам самим приходится испытать все его непереносимые муки. Только тогда просыпается наше сердце, тогда мы бываем готовы просить у него прощения за все прежние обиды! То же самое происходило и с Гобаром. Ему не терпелось поскорее искупить свою вину перед Джхунией. Отныне жизнь его пойдет совсем по-иному! Он сделает так, чтобы горькое стало сладким; чтобы исчезло высокомерное презрение и осталась только покорность и послушание. Гобару казалось, что ему предоставляется сейчас счастливая возможность искупить свою вину, и он был уверен, что теперь-то уже никогда не забудет о своем долге.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Мистеру Кханне казалось, что рабочие затеяли эту забастовку совершенно напрасно. Он всегда старался быть заодно с народом и самого себя он считал сыном народа. Во время недавнего подъема национального движения он проявил большое мужество, был признанным лидером в своем округе, два раза сидел в тюрьме и даже потерпел убыток в несколько тысяч рупий. Да и сейчас он с превеликим удовольствием готов был выслушать все

претензии рабочих! Однако совершенно пренебречь интересами и доходами акционеров завода он был не вправе. Поступаться своими личными интересами он еще мог, конечно, при условии, что его жертва будет оценена по достоинству; но не защищать интересы акционеров — это было бы с его стороны бесчестно! Ведь это же капитал, а не какая-нибудь там милостыня, которую можно всю без остатка раздать рабочим! Держателей акций, когда у них брали деньги, заверяли, что на каждые вложенные ими сто рупий предприятие сможет давать по пятнадцать рупий прибыли, а если на их долю не достанется даже десяти рупий с сотни, они будут считать директоров и в первую очередь его, Кханну, обманщиками. А потом, разве мог он еще больше урезать себе жалованье? Чтобы избежать нареканий со стороны других компаньонов, он и так назначил себе очень скромный оклад: какую-то тысячу рупий в месяц. Правда, кроме того, ему перепали кое-какие комиссионные. Но если он и получал столько денег, то ведь вся ответственность за завод лежала преимущественно на нем. У рабочих работают только руки, а директор — другое дело. Директор управляет заводом с помощью своего ума, своих знаний, своего авторитета. Нельзя же в самом деле ставить на одну доску его и рабочих! Почему эти рабочие не могли смириться. Ведь знали же они о том, что цены на рынке сильно упали, а рабочие руки из-за того, что крутом свирепствует безработица, стали совсем дешевы! Если бы им сократили зарплату даже на одну треть, то все равно им следовало быть довольными. А если разобраться, так им и такой зарплаты вполне хватало. Много ли им нужно? Ведь они совсем неграмотны и некультурны! Все это — дело рук Онкар Натха и Мирзы Хуршеда. Не кто иной, как они, взбаламутили этих бедняков. А главное, из-за чего? Из-за каких-то жалких грошей да еще из-за неумеренного желания прославиться! А о том, сколько домов постигнет горе благодаря их честолюбию, они не подумали. У Онкар Натха плохо идут дела с газетой — но чем ему может помочь Кханна? Ведь если сегодня у его газеты появится вдруг сто тысяч подписчиков и он начнет выручать по пятьсот тысяч в год, неужели господин редактор возьмет себе ровно столько, сколько ему нужно на жизнь, а остальное разделит между своими служащими? Как бы не так! А этот фантазер и пустой мечтатель Мирза Хуршед

совсем недавно сам был миллионером и на него работали тысячи рабочих. Разве в то время раздавал он свои деньги рабочим, взяв себе то, что нужно было на жизнь? Разве этих денег хватило бы ему для того, чтобы развратничать с европейскими девушками, кутить с важными чиновниками, ежемесячно тратить большие тысячи и каждый год ездить во Францию и Швейцарию? А сегодня он вдруг начал проливать крокодиловы слезы над участью рабочих!

Кханну не интересовали оба эти лидера. Чистота и искренность их намерений были весьма и весьма сомнительны. Сбрасывал он со счетов и раз-сахиба — этот только и умел, что всегда поддакивал Кханне и поддерживал его в любом деле. Среди знакомых Кханны был только один-единственный человек, на беспристрастность и объективность которого он мог бы целиком положиться. Этим человеком был доктор Мэхта. Но с тех пор, как Мэхта сблизился с мисс Малти, он потерял уважение в глазах Кханны. Малти уже не один год была хозяйкой сердца Кханны, однако он старался смотреть на нее лишь как на забавную игрушку. Нет сомнения — игрушка эта ему очень нравилась, стоила дорого, и он был бы искренне огорчен, если бы она сломалась или если бы у него ее отняли. Но тем не менее она была для него только игрушкой. Он никогда серьезно не увлекался Малти, а та никогда не могла по-настоящему завладеть его сердцем. Если бы даже она сама предложила Кханне жениться на ней, он ни за что бы на это не пошел и под тем или иным предлогом отверг бы ее предложение.

Как и у многих других людей, натура Кханны была полна противоречий. С одной стороны, он ценил самоотречение, любил оказывать людям услуги и помогать своему ближнему; с другой стороны, он был жрецом эгоизма, удовольствий и радостей жизни и власти. Трудно было сказать, каково истинное лицо этого человека. Казалось, что большая часть его души была составлена из элементов благожелательности к людям и сочувствия, а меньшая — из элементов корысти, эгоистического расчета и безудержного стремления к наслаждениям земными радостями. Между этими большей и меньшей половинами его души непрерывно шла жестокая борьба, и более сильная и упорная меньшая половина постоянно одерживала верх над большей, исполненной мира и покоя. Меньшая,

порочная часть его души, тянула Кханну к мисс Малти, а большая — к Мэхте. Последние дни, однако, Кханна чаще прислушивался к голосу меньшей половины. Он никак не мог уразуметь, почему Мэхта, такой уравновешенный и солидный человек, влюбился в Малти — это воплощение непостоянства, легкомыслия и лени? Как ни старался Кханна, он не мог допустить мысли, что на этот раз и Мэхта пал жертвой чувственных страстей. Порой его начинало одолевать раздумье: а может быть, у Малти есть какой-то другой облик, которого он не сумел разглядеть?

Взвесив все доводы за и против, обдумав все, Кханна пришел к выводу, что в том положении, в каком он сейчас находится, единственным человеком, от которого он может получить дельный совет, является Мэхта.

Страстью доктора Мэхты была работа. Первую половину ночи он спал, а вторую обычно бодрствовал и работал. Какое бы дело ему ни предстояло, он умел так или иначе выкроить время для себя.

Будь это игра в травяной хоккей или участие в университетских диспутах, будь это мероприятия, связанные с движением за улучшение положения крестьянства или приглашение на чью-нибудь свадьбу — Мэхта отдавался всему с одинаковым увлечением и всюду поспевал. Но, кроме того, он регулярно писал статьи в газеты и уже несколько лет трудился над объемистой книгой на философскую тему. Эта его работа уже близилась к концу. Вместе с тем интересовало его и естествознание — в своем саду он проводил опыты, стараясь выяснить, какое влияние оказывает электрическая энергия на рост растений. Совсем недавно в одном из научных обществ он сумел доказать, что в результате воздействия электрической энергии на посевные культуры они начинают вызревать в чрезвычайно короткие сроки, продуктивность их резко увеличивается и, кроме того, этим путем можно заставить плодоносить даже самые капризные сорта растений. Подобным опытам он посвящал два-три часа каждое утро.

Когда Кханна явился к Мэхте, тот его выслушал и, осуждающе посмотрев на него, ответил:

— Разве было так уж необходимо сокращать зарплату рабочим из-за того, что введены налоги на сахар? Вам нужно было апеллировать к правительству. Если

правительство не услышало ваших просьб, почему же тогда вы все бремя нового налога взвалили на рабочих? Неужели вы полагаете, что ваши рабочие зарабатывают настолько хорошо, что при уменьшении им зарплаты на одну четверть это нисколько не отразится на их жизненном уровне? Ваши рабочие живут в отвратительных и зловонных крысиных норах. Вас бы стошнило, пробудь вы в одной из них хоть минуту. Одеждой, которой они прикрывают свои тела, вы не стали бы чистить свои ботинки. Пищу, которую они едят, не будет есть даже ваша собака. Я отлично знаю, как они живут! А вы, отнимая у них последний кусок хлеба, стараетесь набить бездонные карманы ваших компаньонов...

— Но ведь наши держатели акций не такие уж богатые люди! — нетерпеливо перебил его Кханна. — Многие из них вложили в завод все, что имели, и у них нет иных средств к существованию, кроме доходов, получаемых с завода.

Мэхта ответил на это таким тоном, словно доводы Кханны не имели в его глазах ровно никакой цены:

— Когда человек покупает акции какого-нибудь предприятия, то обычно он бывает не настолько беден, чтобы проценты, которые он получает от этого дела, были для него единственным средством к существованию. Если доходы его несколько уменьшатся, то, может быть, ему придется рассчитать одного из своих слуг и сократить количество масла и фруктов на своем столе, однако нагим и голодным такой человек не останется. Те, кто работает, имеют больше права на сочувствие, чем те, кто только вкладывает деньги в какое-нибудь дело.

То же самое говорил Кханне Онкар Натх, тот же довод он слышал и от Мирзы Хуршеда, и даже Говинди стояла на стороне рабочих. Для Кханны убеждения этих людей не имели никакого веса, однако те же слова, услышанные им из уст Мэхты, произвели на него впечатление. Онкар Натха он считал корыстолюбцем, Мирзу Хуршеда — безответственным и легкомысленным человеком, а Говинди — просто глупой женщиной. Но тут, в доводах Мэхты, была железная логика, продиктованная гуманностью.

— А вы спрашивали мнение своей жены по этому поводу? — спросил вдруг Мэхта.

— Да, спрашивал, — краснея, признался Кханна.

— Что же она вам сказала?

— То же самое, что и вы.

— Я в этом был уверен! А вы, наверно, думаете, что она ни на что не способна!

В это время к Мэхте приехала мисс Малти.

— И вы здесь? — сказала она, увидев Кханну. — Отлично. Я приглашаю сегодня Мэхту джи к себе на обед. К обеду все приготовила я сама. Приглашаю также и вас. Если вы придете, может быть, я и прощу вам ваше непростительное поведение по отношению к Говинди-дэви.

Кханна удивился. Малти начала сама готовить! Та самая Малти, вся жизнь которой проходила в одних только удовольствиях и развлечениях, которая, бывало, туфли надеть сама не могла, которой раньше лень было даже нажать кнопку, чтобы зажечь электрический свет.

— Ну если вы сами приготовили обед, то я непременно приду! — улыбаясь, ответил Кханна. — Я даже подумать не мог, что вы и в кулинарном искусстве мастерица.

Малти, не задумываясь, ответила, указывая на Мэхту:

— Это он виноват! Убеждал меня до тех пор, пока не сделал профессором кулинарии. Разве могла я не выполнить приказа человека, которого я почитаю, как бога!

Кханна с удовольствием поддержал эту шутку. Подмигнув в сторону Мэхты, он сказал:

— Насколько я знаю, мужчина в ваших глазах никогда не был предметом особого уважения!

Малти не смутилась. Она поняла, на что намекает Кханна, и с жаром воскликнула:

— А сейчас стал! Потому, что этот мужчина гораздо лучше тех, с которыми мне постоянно приходилось сталкиваться. Этот мужчина настолько лучше, настолько благородней всех других, что...

Мэхта умоляюще посмотрел на Малти.

— Послушайте, Малти, — сказал он. — Ради бога, сжальтесь надо мной, а не то я сейчас удеру отсюда...

С кем бы ни повстречалась Малти, она тотчас же принималась расхваливать Мэхту, словно неопит, который, захлебываясь от восторга, громогласно рассказывает всем о своей новой вере. Малти открыто выражала ему свои симпатии, а беднягу Мэхту терзало смущение. Он с большим удовольствием выслушивал самую едкую и суровую критику, однако, слыша похвалы, чувствовал себя совер-

шенно не в своей тарелке. А Малти не принадлежала к числу тех женщин, что умеют сдерживать волнующие их мысли. Она не умела хранить секретов. Такой она была раньше и такой же оставалась теперь.

Купив какое-нибудь красивое сари, она старалась поскорей его обновить; точно так же, когда ей приходила в голову какая-нибудь интересная мысль, она спешила поделиться ею с окружающими.

Подойдя к Мэхте еще ближе, Малти положила руку ему на плечо и, словно защищая его, сказала:

— Ну, хорошо, не удирайте! Я больше ни слова не скажу. Я вижу, вам больше нравится, когда вас упрекают в дурных поступках. В таком случае, слушайте, Кханна джи, что я скажу. Этот господин поймал меня в сети любви и...

Высокая труба сахарного завода была отлично видна отсюда. Кханна посмотрел в ее сторону. Труба эта подымалась высоко-высоко в небо, словно обелиск, поставленный во славу Кханны. В глазах Кханны зажегся огонек гордости. Прямо отсюда ему нужно идти в заводскую контору. Там ему придется провести экстренное заседание совета директоров и объяснить им всю серьезность создавшегося положения. Надо будет решить, как уладить затянувшийся конфликт.

Но что это? Что за дым поднимается там, рядом с трубой? Не прошло и минуты, как в небе, словно оболочка гигантского аэростата, вздулось густое облако черного дыма. Все трое испуганно смотрели в сторону завода. Уж не пожар ли там? Да, кажется, это было так!

Неожиданно улица, прилегающая к дому Мэхты, наполнилась толпами людей, бежавших к заводу. Кханна высунулся из окна и громко крикнул:

— Эй, куда вы бежите?

Кто-то приостановился на секунду и ответил:

— Сахарный завод горит! Не видно разве?

Кханна посмотрел на Мэхту, Мэхта — на Кханну. Выбежав из комнаты, Малти торопливо надевала туфли. На жалобы и сетования не было времени, поэтому никто не проронил ни слова. Когда над нами нависает грозная опасность, мы не даем вырываться наружу нашим чувствам.

Автомобиль Кханны стоял тут же возле дома. Все трое, донельзя встревоженные, вышли из сада, сели в машину и помчались к заводу. Подъехав к перекрестку, они увидели, что посмотреть на пожар привалил весь город. В пламени пожара есть что-то колдовское, властно влекущее к себе. Толпа была так густа, что проехать дальше на автомобиле было почти невозможно.

— Скажите, ваша фабрика застрахована от пожара?— спросил Мэхта.

Кханна тяжело вздохнул:

— В том-то и беда, что нет! Только что начали вести переговоры. Кто знал, что случится такое несчастье!

Они оставили автомобиль на перекрестке и, расталкивая толпу локтями, подошли к заводу. Перед ними, заполняя собой все, бушевало море огня. Бешеное пламя насмешливо скалило зубы, дразнило высунутыми багровыми языками, словно собиралось поглотить все небо. Ниже этого моря огня стлался густой дым, словно это опустилась вниз, предварительно вобрав в себя массу сажи, одна из тех туч, которые ползут над землей в дождливый месяц саван. А над ней подымалась колеблемая ветром из стороны в сторону, свитая из тысяч бешеных языков пламени, чудовищная гора огня.

Вокруг фабрики собрались тысячные толпы народа. Тут была и полиция, и пожарные команды, и просто зеваки, однако ярость пламени словно лишила их сил. Жалкие струи воды, которые пожарники посылали в это огненное море, как бы таяли в нем. Рушились стены, прогибались железные балки, во все стороны текли целые ручьи расплавленного сахара, и тут и там вздымались ввысь огненные смерчи.

Когда Мэхта и Кханна смотрели издали, они удивлялись, почему такая масса собравшихся людей безразлично глазеет на пожар, почему никто не помогает тушить огонь? Однако, подойдя ближе, они увидели, что и в самом деле ничего сделать нельзя. Можно было только смотреть, да и то издали. Находиться даже на расстоянии пятидесяти метров от стен пылавшего завода было уже опасно. То и дело, раскалываясь в куски, со свистом падали кирпичи и камни. Иногда ветер относил пламя в сторону, и люди в панике шарахались прочь.

Все трое стояли позади толпы. Что тут можно было предпринять? Каким образом возник пожар, почему он

с такой быстротой распространился? Разве никто не заметил огня раньше? Или, заметив, не сделал попытки быстро ликвидировать его? Каждый из них задавал себе подобные вопросы, но кто мог на них ответить? Должно быть, здесь были и служащие завода, но найти их в такой массе людей было совершенно невозможно.

Внезапно ударил такой сильный порыв ветра, что пламя пожара, пригнувшись, жарко дохнуло на людей. Без оглядки, давя друг друга, все кинулись прочь, словно спасаясь от вырвавшегося из клетки свирепого тигра. Языки пламени будто ожили; казалось, что тысячи змей изрыгнули вдруг из своих пастей пламя! Кто знает, сколько людей было растоптано и раздавлено при этом паническом бегстве! Кханну сшибли с ног. Мэхта обеими руками крепко прижимал к себе Малти, иначе бы ее свалили и растоптали. Наконец, все трое остановились в тени тамариндового дерева, росшего возле заводской ограды. Кханна каким-то отсутствующим взглядом пристально смотрел на заводскую трубу.

— Надеюсь, вас не сильно ушибло? — спросил Мэхта.

Кханна ничего ему не ответил. Попрежнему, не отрываясь, он смотрел и смотрел все в ту же сторону. У него был тот безразличный взгляд, который появляется при безумии.

Мэхта схватил его за руку.

— Делать здесь нам больше нечего! — сказал он. — Я боюсь, что вас сильно ушибли. Давайте-ка поскорее вернемся домой.

Кханна повернулся к Мэхте и, словно разговаривая с самим собой, сказал:

— Я отлично знаю, чьих рук это дело. Что ж, если в этом они найдут утешение — благослови их бог! Но меня это не волнует, ничуть не волнует! Захочу, здесь же выстрою новый, точно такой же завод. Да, да, точь-в-точь такой же новый завод! За кого принимают меня эти люди? Не завод создал меня, а я — завод, и я могу снова создать его. Но тех, кто это сделал, я сотру в порошок! Мне все известно, все до последних мелочей!

Глядя на Кханну и слушая его непонятные слова, Мэхта забеспокоился:

— Поедемте, я отвезу вас домой! — сказал он. — Вы нездоровы!

Кханна громко расхохотался:

— Я нездоров? Оттого, что завод сгорел? Да если я захочу, я таких заводов сколько угодно открою! Меня зовут Кханна, Чандра Пракаш Кханна! Я вложил в это дело все свое состояние. Акционерам первого завода мы выплачивали по двадцать процентов прибыли. Это воодушевило меня, и я открыл вот этот, второй завод. Половина вложенных в него денег принадлежит мне. Я вложил в него двести тысяч рупий банковских денег. Час, нет, не час, а всего полчаса назад я был владельцем миллиона рупий, да, да,— миллиона рупий! А теперь — я нищий среди богачей, нет, хуже — банкрот, несостоятельный должник! Мне нужно возвращать банку двести тысяч рупий. Дом, в котором я живу, теперь не мой. Посуда, из которой я ем, тоже не моя. Из банка меня выгонят. Тот Кханна, глядя на которого, люди, бывало, подышали от зависти, перестал существовать. Вообще теперь я — никто. Друзья мои станут отныне смотреть на меня не как на человека, достойного уважения, а как на человека, достойного сожаления. Недруги мои будут злорадствовать, нет,— будут улюлюкать мне вслед! Вы представить себе не можете, мистер Мэхта, сколько подлостей мне пришлось совершить, сколько взяток дать и сколько взять, каких людей я подбирал, чтобы они обвешивали крестьян при приемке тростника, сколько для этого я завел неполновесных гирь. О господи! Ну, что вы мне скажете сейчас? Но разве может Кханна остаться в живых, чтобы терпеть это унижение? Пусть будет что будет! Пускай люди смеются, пускай жалеют меня мои друзья, пускай ругают и поносят меня мои недруги. Кханна не останется в живых! Я этого не увижу и не услышу! Я не стану терпеть этот позор! Не могу!!

Кханна обеими руками сжал голову и навзрыд заплакал:

Прижав его к своей груди, Мэхта печально проговорил:

— Кханна джи! Нельзя же так расстраиваться! Вы умный человек и так бередите себе сердце! Вес, который человек приобретает в обществе благодаря золоту,— не его вес, а вес золота. Даже обеднев, вы можете сохранить уважение друзей. И не одних друзей, но и врагов! Только теперь у вас не останется врагов. Ну, пойдемте домой! Вы отдохнете немного и успокоитесь.

Кханна ничего ему не ответил. Все трое вернулись к перекрестку и сели в автомобиль. Не прошло и десяти минут, как они подкатили к дому Кханны.

Выйдя из автомобиля, Кханна сказал каким-то странно спокойным голосом:

— Можете взять машину. Она мне сейчас не нужна.

Малти и Мэхта тоже сошли с автомобиля.

— Вы ступайте прилягте и отдохните немного, а мы посидим и поговорим. Спешить нам особенно некуда, — подбодрила Кханну Малти.

Кханна с признательностью посмотрел на нее и проговорил сквозь слезы:

— Простите за все, в чем я виноват перед вами, Малти! Кроме вас и Мэхты, у меня нет более близких людей на свете. Я надеюсь, что вы меня не забудете. Кто знает, что может быть — может, через пять — десять дней мне придется оставить даже и этот дом. Вот как жестоко обошлась со мной судьба!

— Даю вам слово, Кханна джи, — ответил ему Мэхта, — что вы никогда не стояли так высоко в моих глазах, как сейчас!

Все трое вошли в комнату. Едва слышав скрип открываемых дверей, Говинди вышла им навстречу.

— Вы оттуда? — спросила она. — Тяжкую кару послал нам бог!

Чувство горечи и отчаяния переполнили сердце Кханны. Не в силах больше сдерживаться, он упал к ногам Говинди, обливая их слезами. Сквозь сдавившие его горло рыдания, он едва сумел выговорить:

— Да, дорогая... мы разорены!!

Его раненое сердце жаждало сейчас утешения, настоящего, исполненного любви утешения. Он походил на больного, исчерпавшего в борьбе с болезнью все силы, но который все еще с надеждой смотрит на врача. От той самой Говинди, которую он, бывало, постоянно тиранил и унижал, которой все время изменял, которую он всегда считал для себя обузой и смерти которой страстно жаждал, он ждал теперь благословения, добрых слов и утешения! Словно только у ее ног он мог найти теперь свое счастье, словно только она одна могла, ласково положив руку на его поникшую голову, вновь вернуть ему бодрость и силы!

Говинди же, в этот тяжелый для Кханны момент, когда сердце его обливалось кровью, когда над ним разразилось такое несчастье, казалось, готова была принять его в свои распростертые объятия. Бывает так, что, совершая на лодке увеселительную прогулку по морю, мы с опаской поглядываем на торчащие из воды скалы и думаем: хорошо, если бы их тут не было! Но когда наша лодка вдруг опрокидывается, мы из последних сил судорожно цепляемся за эти же самые скалы и ищем на них спасения!

Говинди усадила Кханну на тахту и ласково принялась его утешать:

— Из-за чего ты так растравливаешь себе душу? Из-за этого проклятого богатства, причины всех грехов? Много ли радостей приносило нам богатство? С раннего утра до поздней ночи одни только ссоры да страдания! Тебе ведь даже с детьми поговорить было некогда, не было времени даже на то, чтобы написать письмо родственникам! Конечно, ты пользовался большим почетом и уважением, но это только потому, что люди всегда поклонялись золоту! А до тебя самого им и дела нет. Пока тебе везло, они виляли перед тобой хвостом, а завтра они с той же собачьей угодливостью будут околачиваться возле дверей другого, а на тебя и не посмотрят. Настоящий человек никогда не склонит головы перед богатством. Он поглядит на тебя и тотчас же решит, кто ты. Если в твоём сердце правда, справедливость, мужество и доброта, то тебе он и станет поклоняться. Правильно я говорю, Мэхта джи?

— Правильно ли вы говорите? — переспросил Мэхта, который в этот миг словно вернулся из мира сладких грез. — Вы говорите сейчас то же самое, что говорили в свое время величайшие люди, умудренные богатым жизненным опытом. То, что вы сейчас сказали, — сама правда жизни!

— Тот, кто богат, ни о чем другом, кроме богатства, и не думает, — обращаясь к Мэхте, продолжала развивать свою мысль Говинди. — Тот, кто умеет ловко одурачивать других...

— Нет, Говинди, — прервал ее Кханна. — Для того чтобы приобрести богатство, надо иметь природный дар, талант; с помощью одной только хитрости богатства не приобретешь. Для этого тоже нужно быть готовым от-

речься от всего, идти на великие жертвы. Только ценой великих трудов и усилий может человек получить богатство. Богатство — это тот рычаг, который движет всеми нашими физическими, духовными и умственными силами.

Не возражая ему, Говинди тоном высшего судьи продолжала:

— Я признаю, что ради богатства приходится жертвовать многим, но тем не менее оно не имеет такого решающего значения в жизни, которое мы ему придаем. Я очень рада, что это бремя упало с твоих плеч. Дети твои будут настоящими людьми, а не жалкими марионетками, движимыми чувством эгоизма и тщеславия. Истинное счастье жизни в том, чтобы делать счастливыми других, а не в том, чтобы их грабить. Не обижайся на меня, но до сегодняшнего дня ты был эгоистом и зря прожил свою жизнь. Отняв у тебя ту власть, которую дают деньги, бог открыл перед тобой дорогу к настоящей, благородной и чистой жизни. Приобщиться к такой жизни тебе будет не так-то просто, но ты не отступишь, я знаю. Почему ты рассматриваешь это как несчастье? Как ты не можешь понять, что тебе представилась возможность делать добро! По-моему, лучше быть угнетенным, чем угнетателем. Если ценой потери богатства мы приобретаем сердце, то это не такая уж плохая сделка. Разве ты забыл о том, как велико счастье служить народу, как почетно звание борца за справедливость?

Бледное, худое лицо Говинди исполнено было такого величия, словно в ее сердце вселилась вдруг какая-то необычайная сила, в этих словах прорвались вдруг все ее безмолвные страдания.

Мэхта, склонив голову, смотрел на нее почти суеверно, стараясь уразуметь эти божественные откровения. А Малти в глубине души была смущена и пристыжена. Вон какие возвышенные мысли, оказывается, витают в голове Говинди! Какое у нее открытое сердце, как светла и чиста ее жизнь!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Нохри не принадлежала к числу тех женщин, которые, сделав доброе дело, могут о нем промолчать. Наоборот! Совершив какой-нибудь великодушный поступок, она считала необходимым разрезвонить об этом по всей

округе и приложить все силы к тому, чтобы извлечь из этого как можно больше пользы для себя, даже больше, чем она на самом деле заслуживала. Но о таких людях вместо доброй славы обычно распространяется повсюду худая молва. Если ты не совершил никакого доброго дела — ничего позорного в том нет. Может быть, ты не хотел, а то и просто не мог. В таком случае никто не вправе тебя осудить. Но если мы совершим доброе дело и потом начнем всюду трезвонить об этом, то тот самый человек, которому мы оказали услугу, становится нашим врагом и старается всячески нам насолить. Если, совершив добрый поступок, мы никому ничего не скажем — это и есть настоящая добрая услуга. А если мы станем хвалиться, то это уже не добрая, а плохая услуга.

Нохри ходила по деревне и хвасталась перед каждым встречным и поперечным:

— Бедняга Хори в большую беду попал! Чтобы дочь замуж выдать, он собрался было землю свою закладывать. Узнала я об его беде, да и сжалилась над ним. На Дханию-то у меня давно уже сердце горит. Ведьма эта нынче так загордилась, что земли под собой не чует. А Хори, бедняга, от горя да от забот совсем извелся! Вот я и подумала — дай помогу ему из беды выкарабкаться! Сегодня я ему пособлю, глядишь, и он меня когда-нибудь выручит! Да потом Хори ведь мне не чужой человек! Хочешь не хочешь, а он мне родственником приходится. Достала я деньги, да и отдала ему. Не будь меня, так дочь-то его, пожалуй, и нынче бы в невестах сидела!

Могла ли Дхания молча слушать такое наглое хвастовство? «Деньги взаймы дала! Подумаешь, какая благодетельница! Проценты с нас тоже небось возьмешь, так чем же тут хвастаться? Дала бы кому другому взаймы, так не только что процентов, а и своих бы денег, пожалуй, не получила. А мы сразу же вернем, как только разживемся. В деревне, когда ты сюда пришла, все тебя от своих дверей гнали. Благодаря нам ты человеком стала, честь свою сберегла!»

Шел уже одиннадцатый час ночи. Темные тучи заволокли все небо. Деревня была погружена в непроглядную темноту. Поужинав и выкурив трубку, Хори собирался уже ложиться спать, когда к нему пришел Бхола.

— Ну как дела, Бхола махто? — спросил он. — Если тебе приходится жить в нашей деревне, почему ты не

уйдешь от Нохри, не обзаведешься своим маленьким углом. Чего только не говорят о тебе люди, как только не злословят! Неужто тебе это нравится? Не посчитай за обиду, а я не верю этой брехне только потому, что мы породнились с тобой! Иначе бы и я поверил.

К ним подошла Дхания с кувшином воды в руке. Кувшин этот она собиралась поставить у изголовья кровати Хори. Услыхав слова мужа, Дхания сказала:

— Будь кто-нибудь другой на твоём месте, он бы такой жене голову с плеч снес!

— Что глупости мелешь! — напустился на нее Хори. — Поставь кувшин и ступай спать. Взять хоть тебя — пойди ты сегодня по дурному пути, так что тогда, я голову тебе отсечь должен? согласишься ты, чтобы тебе голову отсекали?

— По дурному пути пускай твоя сестра идет! — ответила Дхания, в сердцах плеснув на мужа водой из кувшина. — А мне с какой стати по нему идти? Я ведь только повторяю, что люди говорят, а ты меня ругаешь! Как бы там ни вела себя жена, а муж за ней в оба глаза должен присматривать! А таких мужчин, вроде тебя, и мужем-то назвать нельзя!

В глубине души Хори был смущен и раздосадован. Бхола, должно быть, завернул к нему, чтобы поделиться с ним своим горем, а тут Дхания на него же и набросилась! Он с сердцем сказал жене:

— Ты всегда говоришь и делаешь, что захочешь, я тебе не мешаю. А я рта открыть не успеваю, как ты уже спешишь меня перебить! Нехорошо так!

Дхания была плохим дипломатом. Что она думала, то и говорила:

— Пускай жена разобьет крынку с топленным маслом, пускай дом подожжет ненароком — все это муж ей может простить. Но ни один муж не простит жене, если та начнет вертеть хвостом!

— Правильные ты слова говоришь, Дхания, — горестно согласился Бхола. — Оно, конечно, верно, надо было мне голову ей открутить, да только сил-то у меня совсем не осталось. Сходила бы ты к ней, усостила бы ее! Я сколько ни говорил, толку нет! Теперь и рукой махнул!

— Зачем же ты тогда женился, если знал, что тебе с женой не справиться? Чтобы беду себе нажить? Думал,

должно быть, что жена тебя будет ублажать, поить, кормить, трубку тебе табаком набивать, а когда заболеешь, — за тобой ухаживать? Но ожидать этого можно только от той женщины, с которой ты разделил счастье и радость молодости. И как это тебя угораздило в нее влюбиться — ума не приложу! Поглядел на нее и решил, должно быть, что женщина она скромная, добрая, да и набросился на нее, словно голодный шакал. Теперь тебе только и остается, что взять секач да отрубить ей голову. Может, тебя повесят за это, да все равно — лучше петля, чем такой позор!

Кровь ударила в голову Бхоле.

— Так, значит, такой твой совет? — спросил он.

— Да! — ответила Дхания. — Сто пятьдесят лет тебе все равно не прожить, жизнь твоя уже прошла.

Хори, не выдержав, прикрикнул на жену:

— Да замолчи ты, наконец! Вот еще выискалась советчица! Птицу и ту ведь не приневолишь жить в клетке! А разве можно удерживать в ней человека? Ты оставь ее, Бхола, думай лучше, что она для тебя умерла. Ступай к своим детям и живи с ними. Кусок хлеба у них для тебя найдется. Счастья молодых лет нам больше не видеть. Женщина эта — гулена бессовестная! Кроме позора да горя, ждать тебе от нее нечего.

Чтобы Бхола бросил Нохри? Нет, это было невозможно! Ему казалось, что Нохри и сейчас пристально и гневно смотрит на него. Впрочем, нет! Уж на этот-то раз Бхола непременно ее бросит. Пускай жнет то, что посеяла.

На глазах у Бхолы показались слезы.

— Хори, брат! — сказал он. — Ни одна душа ведь не знает, сколько мне приходится терпеть из-за этой женщины! Из-за нее одной поругался я с Камтой. Видно, мне на роду написано было терпеть в старости такой позор. Что ни день — насмехается надо мной, говорит, что дочь от меня ушла. А что моя дочь? Ушла она или сбежала — дело не в этом. Джхуния теперь со своим мужем живет, радость и горе с ним пополам делит. А Нохри!.. Другой такой женщины я отродясь не видывал! С другими — так пересмеивается, а меня увидит, — словно злая собака кидается! Я теперь вконец обеднел, батрачу за три-четыре анны в день, — разве могу я купить молока или рыбы? А без этого сил не стало...

Уходя от Хори, Бхола поклялся, что порвет с Нохри и уйдет жить к сыновьям. Хватит ему терпеть оскорбления от жены.

Однако на следующее утро Хори снова увидел Бхолу: он возвращался из лавки Дулари, где покупал табак. Хори не решился его окликнуть. Когда человек любит — он над собой не властен.

Возвратившись домой, Хори сказал Дхании:

— А Бхола-то до сих пор здесь торчит! Околдовала его Нохри, не иначе!

— Жена у него бесстыдница, и у него, видно, стыда не осталось, — с презрением сказала Дхания. — Лучше уж утопиться, чем такой срам терпеть! Куда только девались его спесь да гордость? Когда Джхуния пришла сюда, так он с палкой прибежал, грозился ее убить. Честь его, видите ли, пострадала! А сейчас он о чести своей даже не заикается!

Хори было искренне жаль Бхолу. Попав в когти этой бессовестной развратницы, бедняга погибал на глазах. Он, может, и рад был бросить Нохри и уйти, да как это сделаешь? Разве простое это дело — бросить жену? Эта ведьма нигде ему не даст покоя. Начнет натравливать на него панчаят, станет требовать еду и одежду. Мир все равно свалит всю вину на Бхолу. Люди станут говорить, что вот, мол, жену свою бросил, что же ей, бедняжке, теперь делать? Плохой муж в гневе может перерезать горло жене, а плохая жена может опозорить мужа перед всем миром.

Так оно и случилось. Однажды, месяца через два после этого, всю деревню облетел слух, что Нохри отлупцевала Бхолу туфлей.

Сезон дождей уже прошел, и крестьяне готовились к осенней пахоте. Тростник Хори был продан с торгов. Денег на рассаду у него не оказалось, так что в этот раз посадить тростника он не смог. А тут еще новая беда — бык, ходивший с правой стороны упряжки, совсем состарился и мог вот-вот околеть. А с одним быком много не напашешь! Один из быков Пунии свалился в канаву, сломал ногу и издох. Дело осложнилось еще больше. Теперь один день Хори пахал на своем поле, другой — на поле Пунии. Но вспахать оба поля как следует ему так и не удалось.

Взяв с собой плуг, Хори отправился на поле. Бхола

не выходил у него из головы. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы жена отлупила своего мужа туфлей. Да что там говорить о туфлях — он не мог припомнить случая, чтобы какая-нибудь жена дала своему мужу оплеуху или ударила его кулаком! А тут Нохри избила Бхолу туфлей на глазах у всей деревни! Да, трудно несчастному старику избавиться от такой жены! Для Бхолы сейчас самым лучшим было бы пойти на реку и утопиться. Когда человеку в жизни не достается ничего, кроме позора да горя, ему лучше умереть. Найдется ли человек, который оплачет его кончину? Сыновья, может, и совершат над ним все погребальные церемонии, но только потому, чтобы не краснеть потом перед миром. А больше никто и слезинки не проронит. Так вот и губит себя человек, когда, попав в сети любви, он теряет над собой власть. Но если у человека нет никого, кто бы поплакал на его могиле, на что тогда ему жизнь? Что ему бояться смерти?

Одно дело — Нохри, и совсем другое — эта чамарка Силия! Поглядишь на нее, послушаешь, — Силия в тысячу раз лучше Нохри! Работает за двоих, ведет себя скромно, словно сама Радха, а ведь вот, поди же ты, такой женщине приходится батрачить и с голоду помирать! Кто знает, может быть точно такая же участь постигла бы и его, умри сегодня Дхания.

При одной только мысли о смерти Дхания, по телу Хори забегали мурашки. Перед его мысленным взором возник образ Дхания — настоящей богини самоотречения и самоотверженного служения ближнему. Язык у нее, правда, остер, но сердце мягко, как воск. Она бережет каждую пайсу, но готова отдать все что угодно, чтобы не уронить честь семьи! В молодости ей не занимать было красоты. Что такое перед ней эта Нохри? Когда Дхания, бывало, шла куда-нибудь, можно было подумать, что это шествует царица. Завидев ее, люди глаз оторвать не могли — так и застывали на месте с разинутыми ртами! Взять хотя бы Патешвари или Джингури. Когда они были молодыми, так при виде Дхания обеими руками за сердце хватались. Бывало, целыми днями вертелись возле его дверей! Хори в ту пору глаз с них не спускал, однако ни разу не имел повода придраться к Дхания. В ту пору в доме у него было трудно с едой. Нежданно-негаданно ударили холода, и на поле даже соломы не уродилось. Люди голодали, кое-как пробавляясь плодами.

Хори тогда приходилось работать в лагере для голодающих; в день он зарабатывал всего шесть пайс. Дхания жила в доме одна, однако никто не сказал даже, что она хоть раз загляделась на какого-нибудь чужого мужчину. Патешвари как-то попытался было заигрывать с ней, но получил такой решительный отпор, что, наверно, до сих пор об этом помнит.

Вдруг Хори увидел Мата Дина, который шел ему навстречу. Палач проклятый! Намазал себе тiku на лбу, словно он в самом деле верный слуга бога! Крашенный шакал! Кто станет почитать такого брахмана?

Мата Дин, подойдя к Хори, сказал:

— Бык твой, что справа ходит, совсем стар! До поливки, может быть, и дотянет, а больше, наверно, не выдержит. Он у тебя, должно быть, лет пять в упряжке?

Хори потрепал быка по спине.

— Какое там пять! Восьмой год уже на нем пашу, брат! Будь на то моя воля, пенсию бы ему дал. Да только крестьянину и его быку пенсию даст разве что Яма. Надеваю ему ярмо на шею, а у самого душа болит. А он, должно быть, сердешный, думает: «И сейчас мне покою нет! До каких же пор ты станешь пахать на мне, хозяин? Пока я костями не лягу?» А что я-то могу поделывать? Ну, а как твои дела? Полегчало тебе?

Мата Дина уже целый месяц трепала лихорадка. Однажды его нашли лежащим без памяти возле кровати. С тех пор в голове у него засела мысль, что все это послано ему в наказание за то, что он тиранил Силию. Он выгнал Силию из дому, когда она была беременна, однако это его нисколько не тронуло. Несмотря на беременность, Силии все время приходилось работать. Кто знает, может, ее сейчас и в живых бы не было, не сжался над ней Дхания! Каких только бед и лишений не пришлось ей вытерпеть в то трудное время, когда она не могла работать! И вот теперь, испытывая стыд и раскаяние за совершенный им недостойный поступок, Мата Дин, смягчившись душой, пришел к Хори просить его, чтобы он передал Силии две рупии. Он будет очень благодарен Хори, если тот исполнит его просьбу.

— А что ты сам не пойдешь к ней да не отдашь? — спросил Хори.

— Не посылай ты меня к ней, Хори махто! — взмолился Мата Дин.—С какими глазами я к ней явлюсь? Да

оно и боязно — еще начнет она меня ругать! Окажи ты мне такую милость! Сам я еле хожу, а чтобы деньги эти достать, мне к одному человеку за целый кос пришлось сбегать. За то, что я тогда так плохо с ней обошелся, я уже понес наказание. Если ты брахман, звание тебя по рукам и ногам связывает. Тайком, когда тебя никто не видит, делай что хочешь, — никто тебе слова не скажет. А явно, в открытую — не смей, иначе свою касту опозоришь! Пусть простит меня Силия, ты уж попроси ее об этом, дада! Человек верой своей опутан словно сетями. Родился брахманом — изволь соблюдать их обычаи и законы. Из любой другой касты выгонят человека — много ли он потеряет? Но если брахман лишится касты, тогда все кончено. Вся его сила — в чести предков. Ведь брахман кормится и живет только потому, что люди его уважают. Мы вот с отцом целых триста рупий отдали, чтобы меня снова в касту приняли. Если же мне не суждено стать брахманом, тогда я плюну на все и буду делать, что захочу. А пока есть надежда, придется соблюдать веру и законы. Но ведь сердце-то у меня есть! Если ты будешь чтить законы, люди станут тебя почитать, но если ты помнишь свой человеческий долг — сам бог останется тобой доволен!

Вечером, когда Хори боязливо протянул Силии две рупии Мата Дина, та приняла их как награду за перенесенные страдания. Бремя скорби и горя она могла владеть и одна, но нести одной бремя радости ей показалось не под силу. С кем же поделиться счастливым известием? Поведать Дхании о том, что сейчас творилось у ней на душе, она не смела. Других хороших знакомых в деревне у нее не было. Нетерпеливое желание скорей поделиться с кем-нибудь своей радостью так и подстегивало Силию. Одна только подружка и была у нее — Сона, и Силии захотелось сейчас же повидаться с ней. Разве усидишь тут целую ночь наедине со своими мыслями? В сердце ее словно буря бушевала! Она теперь не одинока, не покинута всеми на свете! Мата Дин снова вернулся к ней, и теперь на дороге жизни перед ней уже не зияет ужасная пропасть, а расстилается цветущей зеленью бескрайнее поле, по которому с веселым смехом журчат ручьи и бегают антилопы. Оскорбленная любовь ее сейчас словно захмелела от счастья. Она попросит у Мата Дина прощенья за все проклятия, которые она изливала на него.

Да ведь она одна виновата в том, что Мата Дина так опозорили на глазах всей деревни! Она — женщина низшей, презираемой касты! Стоит ей потратить сегодня десять—двадцать рупий и накормить до отвала свою общину, как ее снова примут в касту. А бедняга Мата Дин изгнан из своей касты навсегда, чести своей ему уже не вернуть. Как слепая она была в то время, когда трезвонила по всей деревне о любви Мата Дина! За это он и лишился своей касты. Потому он тогда и рассердился. Ну что бы она потеряла, если бы ушла к себе домой? Ведь не стали бы ее там привязывать! А Мата Дина только за то и почитали, что он жил по законам своей касты. Немудрено, что он жаждал ее крови, когда всего лишился!

Всего несколько минут назад Силия во всем винила Мата Дина, а сейчас готова была взять всю вину на себя. Так сочувствие рождает сочувствие.

Прижав к себе ребенка, Силия ласкала и целовала его. Ее больше не мучило раскаяние и сожаление. Теперь ее сын достоин не только жалости, теперь она могла им гордиться.

Серебристый свет луны месяца катик словно сладкая волшебная мелодия разлился надо всей вселенной. Силия вышла из дома. Она пойдет к Соне и расскажет ей об этой счастливой новости! Ждать больше она не могла.

Ночь вступила в свои права, и когда Силия дошла до реки, было уже совсем темно. Челн оказался на той стороне, а перевозчика нигде не было видно. Луна словно растворилась в воде и, казалось, плыла вниз по течению.

Одно мгновение Силия раздумывала, стоя на берегу, а затем решительно шагнула в воду. За последние дни вода как будто бы прибыла, но что значила эта речка по сравнению с океаном счастья, который разлился в ее сердце! Сначала вода доходила Силии до колен, потом до пояса, и, наконец, она погрузилась в реку по горло. В сердце Силии начал закрадываться страх — так недолго и утонуть! Не дай бог, если на пути попадется яма или глубокое место! Однако, пренебрегая опасностью, Силия продолжала идти вперед. Она уже достигла середины реки и почти не доставала дна. Если ее снесет... Но теперь Силия почему-то не боялась. Она ведь умеет плавать! Сколько раз в детстве купалась она в этой речке, сколько раз переходила ее! Наконец, глубина реки стала меньше, и самое страшное осталось позади. Силия

торопливо выбралась на берег, выжала одежду и, вздрагивая от холода, пошла к деревне. Кругом царило безмолвие, даже воя шакалов не было слышно. Радостная мысль о скорой встрече с Соной окрыляла Силию.

Однако, когда она пришла, наконец, в деревню, ее стали одолевать сомнения. Стоит ли идти сейчас к Соне? Что скажет Матхури? Что скажут его родичи? Пожалуй, и Сона будет недовольна, если она явится к ней в такую позднюю пору.

Намучившись за день, крестьяне ложатся рано. Вся деревня была уже объята глубоким сном. Калитка дома Матхури была закрыта, и Силия не решилась постучать. Что станут говорить люди, увидав ее здесь растрепанную, в мокром сари? Близ калитки догорал костер, и Силия принялась сушить возле него свою одежду. Вдруг калитка открылась, наружу вышел Матхури и окликнул ее:

— Эй, кто там сидит у костра?

Силия тотчас же накинула на голову анчал и, подойдя к нему, сказала:

— Это я, Силия!

— Силия? Откуда ты в такой поздний час? В доме-то у вас все живы-здоровы?

— Да, все в порядке. Просто душа у меня что-то не на месте. Дай, думаю, с вами повидаяусь! Днем-то ведь к вам не выберешься...

— Ты реку вброд перешла?

— А как же еще? Лодки-то нет.

— А как вода?

— Вода нынче стоит не так высоко.

Матхури пригласил Силию зайти. В тени ограды было совсем темно. Схватив Силию за руку, Матхури привлек ее к себе. Силия резко вырвала руку и сердито сказала:

— Смотри, Матхури! Тронешь меня, расскажу Соне. Она мне сестра. Значит, ты мне приходишься зятем, не забывай об этом! Не любишь ты, видно, Сону!

Матхури, обхватив рукой ее талию, проговорил:

— Какая же ты бессердечная, Силия! Ну, кто нас увидит в такое позднее время?

— Неужто я красивее Соны? Оставь! Ты должен судьбу благословлять за то, что тебе такая красавица досталась. Или ты хочешь из всех цветов пить нектар, как шмель? Расскажу вот Соне, тогда тебе не поздоровится!

Матхури не был развратником и любил Сону по-настоящему. Но сейчас кругом было темно, они остались одни, а Силия была красива — все это заставило его на миг позабыть о Соне. Однако, услышав угрозу Силии, Матхури пришел в себя. Отпустив ее, он стал просить:

— К ногам твоим падаю, Силия, не говори ничего Соне! Как хочешь меня накажи, только не говори!

Силия сжала ладонью щеку, проговорила:

— А наказание тебе будет такое — никогда не смей больше задевать ни меня, ни других женщин, иначе Соне тебе не видать как своих ушей!..

— Клянусь, Силия, никогда больше этого не будет!

Голос его звучал искренне. Легкая жалость тронула и взволновала сердце Силии.

— А если опять провинишься?

— Делай тогда со мной, что хочешь.

Губы Силии оказались вдруг рядом с губами Матхури. Дыхание у обоих было неровное, обоих била нервная дрожь, голоса их прерывались.

Вдруг послышался голос Соны.

— С кем ты там разговариваешь? — окликнула она Матхури.

Силия отпрянула от Матхури, а он прошел во двор и сказал:

— Это Силия из деревни к тебе пришла.

Силия вошла во двор вслед за Матхури и остановилась, с любопытством оглядываясь по сторонам. Ишь ты, как знатно живет теперь Сона! Под навесом стоит кровать, а на ней расстелена мягкая, покрытая цветным ковриком постель, точь-в-точь, как у Мата Дина. И подушка есть и одеяло. У изголовья кровати поставлен кувшин с водой. Лунный свет словно зеркалом выложил весь двор. В одной стороне двора стоит горшок с кустиком базилики, священной для каждого индуса, а на другой стороне — несколько прислоненных к ограде снопов индийского проса... Посреди двора лежат связки соломы. Тут же стоит и ступа, возле нее — груда неочищенного риса. Крытый черепицей навес сплошь оббит плетями тыквы, а кое-где видны и сами тыквы. С другой стороны навеса темным пятном виднеется привязанная к столбу корова. В этой половине и спят, должно быть, Матхури с Соной, а все остальные — в другой.

«Счастливая теперь жизнь у Соны»,— подумала Силия.

Сона, поднявшись, вышла из-под навеса, однако не заметно было, чтобы она обрадовалась приходу подруги. «Должно быть, Матхури стесняется,— решила Силия.— А может, она загордилась, может, считает теперь зазорным обняться с чамаркой».

И вдруг вся ее радость угасла, словно на нее вылили ушат холодной воды. От такой встречи сердце Силии вместо радости наполнилось злобой и завистью. Ишь как расцвела и похорошела Сона! Все тело налилось! Такой стала ладной да красивой. На лице довольство, ну прямо молодая весна.

Силия стояла неподвижно, с удивлением разглядывая Сону. Да неужто это та самая Сона, которая вчера еще носилась по двору, размахивая худыми руками и встряхивая растрепанными волосами? Волосы она целыми месяцами ничем не умащивала, ходила в рваных обносках, доставшихся ей от старших. А нынче— Сона царица в своем доме. На груди у нее— ожерелье из серебряных рупий, в ушах— красивые золотые серьги в виде цветов, на запястьях сверкают серебряные браслеты, глаза подведены каджалом, пробор подкрашен синдуром. Это был тот самый рай, о котором мечтала Силия, и теперь, видя Сону хозяйкой этого рая, она не испытывала радости. Ишь какая она стала гордая! Раньше, бывало, ходила в обнимку с Силией, а нынче и знать ее не хочет! А она-то мечтала, что Сона бросится к ней на шею, заплачет, усадит как дорогого гостя, накормит, напоит, станет спрашивать о родном доме, о родной деревне, сама ей расскажет о своей новой жизни, о своей первой брачной ночи! Нет, молчит, словно кислого молока в рот набрала! Силия горько раскаивалась, что пришла сюда.

Наконец, Сона сухо спросила:

— Зачем ты пришла так поздно?

Силия едва сдерживала слезы.

— Хотела с тобой повидаться,— ответила она.— Последний-то раз когда мы с тобой встречались? Вот и пришла навестить...

Голос у Соны стал еще строже:

— Кто ж это ходит в гости в такую пору? Дня тебе, что ли, мало?

Конечно, Сона не могла быть рада приходу Силии. В этот час она уже предвкушала любовные ласки, отдых и веселые разговоры с мужем, а Силия, явившись так некстати, словно выхватила у нее из-под носа уже поставленное перед ней блюдо с лакомым угощением.

Не осмеливаясь поднять глаз, Силия молча смотрела на крепко утопанную землю. Почему не расступится эта земля, чтобы поглотить ее и избавить от такого позора! За всю свою недолгую жизнь ей пришлось снести немало обид и вдоволь хлебнуть горя, однако никогда и ничто еще не ранило ее сердца так больно и так глубоко, как эти слова, сказанные сейчас Соной. Если гур держать дома в закрытых глиняных кувшинах, то какой бы ни шел на улице ливень, он гуру не повредит. Но когда его выносят наружу, чтобы выпарить на солнце лишнюю влагу, стоит только упасть в гур несколькими каплям дождя, как он сразу портится. Когда Силия шла к Соне, сердце ее, переполненное нежнейшими чувствами, было открыто, словно в ожидании, что живительный нектар вот-вот окропит его. И что же она нашла? Вместо живой воды — яд, который пропитал ее насквозь. Ее словно укусила ядовитая змея! Одно дело спать дома с пустым желудком, но когда тебя прогоняют со званого пира, это хуже смерти. Силия не могла больше оставаться здесь! У нее было такое ощущение, словно кто-то душил ее.

Она не могла выговорить ни слова. Что сейчас таит в своем сердце Сона? Наверно, она догадывается о том, что у нее произошло с Матхури. Силия хотела бежать отсюда, не дожидаясь, когда притаившаяся в норе змея появится вновь. Но как ей уйти, под каким предлогом? Ох, лучше бы ей сейчас умереть!

Матхури взял было ключ, чтобы отпереть кладовую и чем-нибудь угостить Силию, но теперь стоял не двигаясь и смотрел на них. У Силии захватило дыхание, словно при виде нависшего над ней обнаженного меча.

По мнению Соны, самым большим грехом, который только можно было придумать, была тайная связь мужчины с чужой женой или женщины с чужим мужем. Такой грех она считала совершенно непростительным и не находила для него никакого извинения. Воровство, убийство, подлог, любое другое преступление было не так ужасно в ее глазах. Она не видела ничего плохого в том, что люди смеются и шутят, лишь бы все это делалось

открыто. Но она считала совершенно непростительным поступком, когда мужчина и женщина разговаривают тайком, даже если они просто шутят. С детства Сона была свидетельницей многих житейских драм и рано научилась их понимать. Когда Хори задерживался где-нибудь и поздно являлся домой, а Дхания потом узнавала, что он был в это время в лавке у Дулари,— хотя бы он заходил к ней лишь для того, чтобы купить табаку,— она по несколько дней подряд не разговаривала с Хори и забрасывала все домашние дела. А однажды, когда так случилось, она даже убежала к родителям. Точно такое же чувство жило в сердце Соны. До замужества чувство это не было таким сильным, однако стоило ей выйти замуж, как оно мигом созрело и окрепло. Если бы с таких женщин или мужчин стали сдирать кожу, она бы их не пожалела! Любовь, по ее мнению, была возможна только в семье. Долг супружеской верности, связывающий мужчину и женщину,— вот что она и называла любовью! Сона считала Силию своей сестрой, любила ее и верила ей. Неужели же эта самая Силия сегодня предает ее? Ясное дело, связь между Матхури и Силией была и раньше. Матхури, наверно, встречался с ней где-нибудь на берегу реки или в поле, а нынче, перейдя вброд реку в такой поздний час, она снова явилась сюда за тем же. Не услышь она случайно их разговор там, снаружи, она бы так ни о чем и не догадалась. Матхури, должно быть, решил, что это время, когда в доме все спят, самое удобное для любовного свидания! Сона страстно жаждала узнать, правильны ли ее догадки? Она хотела знать все, чтобы что-то предпринять для своего спасения. Зачем стоит здесь Матхури? Разве он даст что-нибудь сказать Силии?

— Ну, что ты стоишь здесь? — сердито спросила его Сона.— Решил так всю ночь караулить?

Не говоря ни слова, Матхури вышел на улицу. У него кровь стыла в жилах — как бы Силия не проболталась! А душа Силии трепетала от страха, видя, что занесенный над нею меч вот-вот опустится на ее голову.

Когда Матхури вышел, Сона спокойно и строго спросила:

— Слушай-ка, Силия, выкладывай, что у тебя было с Матхури? А не станешь говорить — зарежусь на твоих глазах. Делай потом что хочешь — выходи за Матхури

замуж, становись его второй женой и правь домом. Не веришь? Смотри, вот секач! Говори лучше! В одних ножнах два меча не поместятся!

Сона схватила секач и, крепко зажав его в руке, добавила:

— Не подумай, что я с тобой шутки шучу! Я сейчас бог знает что могу сделать! Говори все, как есть!

Силия вздрогнула. Из уст ее полились слова, одно за другим, так неудержимо, словно они заранее были записаны на граммофонной пластинке. От Соны она не могла скрыть ничего. На ее лице она читала страшную решимость и понимала, что та готова сейчас пролить и свою и чужую кровь.

Не спуская с Силии острого взгляда, Сона спрашивала, и слова ее звучали, как удары кинжалом:

— Правду говоришь?

— Сушую правду! Сыном своим клянусь!

— Ничего не скрyla?

— Пусть у меня глаза лопнут, если что-нибудь от тебя утаила!

— Почему же ты не пнула ногой этого грешника? Почему ты не вцепилась в него зубами? Почему не убила его? Почему не закричала?

Что ей могла ответить Силия?

Сона словно обезумела, глаза у нее горели, как раскаленные угли.

— Что же ты молчишь? — крикнула она. — Почему ты не откусила ему носа? Почему ты обеими руками не схватила его за горло? Сделала бы ты так, я бы тебе в ножки поклонилась! А сейчас ты в моих глазах — гуляющая девка, шлюха! Если тебе охота заниматься такими делами, зачем ты позоришь Мата Дина? Почему ты не выберешь себе кого-нибудь одного? Почему не идешь в свой дом? Ведь родные тебя звали! Ты бы там коровий навоз собирала, косила бы траву да продавала на базаре. Тогда и отец твой сидел бы дома и не пил пальмовое вино. Зачем ты обесчестила доброе имя брахмана Мата Дина? Что ты прикидываешься честной женщиной? Если неможешь тебе жить одной, почему ты не выйдешь за кого-нибудь замуж? Почему в реке не утопишься? Зачем ты отравляешь жизнь другим? Вот что скажу тебе: если только когда-нибудь случится еще раз такое же, и я узнаю об этом, тогда одному из нас тронх

не жить на свете. Вот и все! А теперь, после того как ты меня опозорила, уходи отсюда. С нынешнего дня мы с тобой чужие!

Не говоря ни слова, Силия встала и, преодолевая себя, выпрямилась. Ей словно перешлиби поясницу. Какое-то мгновение она еще пыталась овладеть собой, набраться храбрости и ответить Соне, но в голове у нее не было ни одной мысли. Чем она могла оправдаться? В глазах у нее мелькали темные круги, голова кружилась, горло пересохло, а по всему телу разлилась страшная, словно предсмертная, слабость. С трудом передвигая ноги, как будто она видела раскрывшуюся перед ней бездонную пропасть, Силия вышла наружу.

Матхури стоял в дверях.

— Куда ты, Силия? — спросил он. — Ночь ведь уже!

Силия ничего ему не ответила. Ни о чем больше не спросил ее и Матхури.

Все тот же серебряный лунный свет разливался над всей вселенной. Попрежнему струилось отражение луны, слившись с волнами реки. А Силия, в состоянии, близком к безумию, словно призрак из мира теней, медленно брела поперек течения.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Забастовка продолжалась, однако она не приносила особого ущерба хозяевам завода. Были набраны новые люди, которые, несмотря на худшие условия, работали безропотно и старались из всех сил, потому что многие из них уже испытали на себе ужасы безработицы и теперь больше всего на свете боялись лишиться верного куска хлеба. Сколько бы ни заставляли их работать, как бы ни урезывали их свободное время — они ни на что не жаловались. Покорно склонив головы, словно быки, впряженные в ярмо, они выполняли все. Угрозы, ругань и даже побои не в состоянии были вырвать у них ни единой жалобы. Поэтому рабочим, которые работали на заводе раньше, оставалось только заискивать перед Кханной-сахибом, соглашаясь на любые условия. Пандит Онкар Натх полностью потерял их уважение и доверие. Попадись он им теперь где-нибудь в укромном местечке, они бы поговорили с ним по-свойски. Однако

пандит джи вел себя чрезвычайно осторожно. Он опасался выходить из своей редакции после того, как зажигали электрический свет, и усердно льстил и угождал важным чиновникам. Что касается Мирзы Хуршеда, то его авторитет не пострадал. Однако, видя, как бедствуют и страдают рабочие, и не зная, чем облегчить их участь, Мирза Хуршед в глубине души желал теперь только одного: чтобы все они были восстановлены на прежней работе. Но в то же время он представлял себе, сколько горя и невзгод выпадет тогда на долю вновь нанятых рабочих. Поэтому всем, кто спрашивал его совета, Мирза отвечал, что они могут поступать так, как считают нужным.

Увидав, что прежние рабочие согласны вернуться на завод, мистер Кханна воспрянул духом и стал держаться с ними еще заносчивей. Правда, при этом он отдавал себе отчет в том, что за те же деньги прежние рабочие смогут сделать гораздо больше вновь принятых. Большинство их трудилось на заводе с самого детства и отлично знало свое дело. А вновь нанятые люди были преимущественно крестьянами, задавленными нуждой, привыкшими к вольному воздуху и к работе в поле со своими древними деревянными орудиями. На заводе они задыхались от недостатка воздуха и цепенели от страха при виде быстро движущихся рычагов машин. В конце концов, когда воля и решимость бастовавших рабочих были окончательно сломлены, Кханна дал согласие снова принять их на завод. Однако вновь нанятые люди согласны были работать за еще меньшую плату, чем сейчас, и перед директорами завода встал вопрос — что же делать? Восстановить на работе прежних рабочих или оставить новых? Половина директоров склонна была оставить новых рабочих, снизив им предварительно зарплату, а другая половина считала, что выгоднее было бы использовать старых рабочих и платить им по существующему тарифу. Конечно, расходы на зарплату будут несколько больше, но зато дела на заводе сразу пойдут в гору.

Кханна был на заводе своего рода диктатором: все остальные директора давно уже стали послушными марионетками в его руках. Решающее слово принадлежало Кханне, а он советовался, как ему лучше поступить, со своими друзьями.

Прежде всего Кханна обратился к Говинди. С тех пор,

как он потерпел неудачу в своих ухаживаниях за Малти и узнал, что Мэхта — такой образованный, опытный и умный человек, высоко ценит Говинди и находит в ее словах настоящее откровение, между мужем и женой снова воцарилась если не любовь, то по крайней мере согласие. Прежней неприязни и ссор не было, стена, до сих пор отделявшая их друг от друга, рухнула. Но если Кханна так изменился, то Малти изменилась еще больше. Мэхта не мог этого не заметить. Вся жизнь его проходила в познании и в размышлениях. Он прочитал все, что только было возможно, о вере и атеизме и в конце концов пришел к выводу, что жизнь будет исполнена значения и станет возвышенной и чистой только в том случае, если она будет посвящена служению своим близким и родине. Он не допускал мысли о существовании какого-то всеведущего бога. И хотя Мэхта не выказывал открыто своего атеизма, в голове у него засела мысль, что в мире нет никакого божественного закона, который бы предопределял рождение и смерть, горе и радость живых существ, фиксировал бы их грехи и устанавливал за них наказания. Он считал, что человек в своем эгоизме дошел до того, что, выдумав бога, винит его во всех своих несчастьях! Так саранча, которая гибнет мириадами, если на ее пути встречается море, тоже, наверно, винит во всем бога! Но если божеские законы столь неисповедимы, что людям не под силу их постичь, то может ли человек быть стоек и тверд духом, просто веря в эти законы? Мэхта считал, что мысль о существовании верховной божественной силы может быть оправдана только тем, что она объединяет и сплачивает людей. Поклонение людей одному богу или нескольким богам он рассматривал не с идеалистических, а с материалистических позиций. Хотя религиозные идеи никогда не были достаточно мощны, чтобы увлечь за собой всех людей, однако в процессе развития человеческого общества они сыграли весьма важную роль. Но сам Мэхта свято верил в равенство людей и не нуждался ни в каких богах. Он любил людей просто потому, что они люди, а не потому, что во всех живых существах обитает какой-то один дух. Старый спор о том, существует один бог или их несколько, не имел в его глазах никакого смысла. Один бог или десять — это дело вкуса! Но, по его мнению, ценность идеи о существовании бога

или богов заключалась только в том, что она уничтожает взаимную разобщенность людей и рождает в их сердцах братские чувства.

Мысль о естественном равенстве всех людей настолько завладела Мэхтой, что он больше не мог ограничиваться теоретическими рассуждениями. Раз усвоив эту истину, Мэхта не желал оставаться в бездействии. Усердно и бескорыстно служить людям стало его потребностью. При этом ему в голову даже не приходила мысль о какой-то личной выгоде или славе. Главной целью его жизни стало служение народу.

Эти идеи Мэхты начали мало-помалу оказывать влияние и на Малти. Те мужчины, с которыми ей приходилось сталкиваться до сих пор, могли возбудить в ней только плотские вожделения. Природная потребность делать добро и служить своим ближним постепенно угасала в ней, и только общение с Мэхтой заставило ее возродиться с новой силой. Ведь стремление служить ближнему таится в сердце каждого настоящего человека и вспыхивает ярким светом, стоит только упасть на него лучу солнца! Когда кто-нибудь гонится только за славой и богатством, это верный признак того, что ему не приходилось еще сталкиваться с человеком, обладающим благородным сердцем.

Малти начала навещать дома бедняков и лечить их, не требуя платы. К больным она относилась теперь гораздо теплей и сердечней. Правда, она так и не смогла отказаться от привычки носить драгоценные украшения и пользоваться румянами и пудрой.

Время от времени Мэхта и Малти выезжали в какую-нибудь деревню. Там они проводили несколько часов в обществе крестьян, иногда ночевали в какой-нибудь хижине, питались обычной крестьянской пищей и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Как-то раз они очутились в Семри, а потом, кружа по ее окрестностям, добрались в конце концов и до Белари.

Хори сидел возле дверей своего дома и курил, когда вдруг увидал перед собой Мэхту и Малти. Мэхта тотчас же узнал Хори.

— Значит, это твой дом? — спросил он. — Я помню, однажды мы были в гостях у раэ-сахиба, и ты играл роль садовника во время Дхануш яджны.

Порывшись в памяти, Хори, в свою очередь, узнал

Мэхту. Он хотел сбегать к Патешвари за стульями, но Мэхта его остановил.

— Стулья нам не нужны,— сказал он.— Мы отлично посидим и на этом кхате. Мы сюда пришли не для того, чтобы на стульях сидеть, а чтобы поговорить.

Мэхта и Малти уселись на кхат. Хори, растерявшись, стоял перед ними, не зная, что ему делать и как угодить редким гостям. Важные, видно, персоны! Чем же он может достойно отметить их приезд?

— Может, воды принести? — спросил он, наконец.

— Конечно,— согласился Мэхта.— Жарко сейчас, пить хочется.

— Может, чего-нибудь сладкого?

— Принеси, если есть.

Хори пошел домой за сладостями и водой. Тем временем, сбежавшиеся со всей деревни ребяташки окружили гостей и принялись рассматривать их с таким интересом, будто перед ними были какие-то диковинные музейные экспонаты.

Силия с ребенком на руках возвращалась с работы, но, увидев Мэхту и Малти, тоже остановилась.

Подойдя к ней, Малти взяла у нее ребенка и, лаская его, спросила:

— Сколько ему месяцев?

Силия сама точно не знала сколько. Какая-то соседка пришла ей на помощь.

— Год уже будет, верно.

Силия обрадованно кивнула.

— Какой славный ребенок! Отдай его мне! — пошутила Малти.

Силия вся так и расцвела от гордости.

— Он и так ваш! — сказала она.

— Так я заберу его!

— Берите, будет у вас жить, глядишь, и человеком станет!

Тут подошли другие женщины и увели Малти в дом Хори. В присутствии мужчин они не могли потолковать с ней по душам. Малти увидела, что в доме для нее поставлен кхат, а на нем расстелен коврик, принесенный из дома Патешвари. Малти опустилась на коврик и завела разговор о том, как следует беречь и воспитывать детей. Женщины слушали ее, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни слова.

— Да ведь разве это возможно тут, госпожа? — вздохнула Дхания. — У нас и хлеба-то нет!

— Чтобы соблюдать чистоту, расходов не потребуются, — пояснила Малти. — Для этого нужно только немного труда и здравого смысла, и дело тогда пойдет на лад.

— И где только вы научились всему этому, госпожа? — подивилась Дулари. — Вы ведь и замуж-то еще не вышли!

— А как ты узнала, что я не замужем? — улыбаясь, спросила ее Малти.

Все женщины, конфузливо отвернувшись, засмеялись.

— Да разве не видно, госпожа! — сказала Пунья. — Стоит только взглянуть на вас, и все сразу ясно!

— А как я смогу помогать вам, если выйду замуж? — слегка смутившись, ответила Малти.

— Спасибо, госпожа, спасибо! — принялись благодарить ее женщины.

Силия, присев на корточки перед Малти, начала массировать ей ноги.

— Госпожа! — сказала она. — Вам вон сколько пришлось пройти! Устали, наверно.

Малти отдернула ноги.

— Нет, нет, совсем не устала! Я ведь приехала на автомобиле. Принесите-ка сюда своих детей! Я осмотрю их и скажу, как нужно беречь их здоровье.

Тотчас же возле нее появилось человек двадцать пять ребятишек. Малти принялась их осматривать. У некоторых из детей была трахома — она закапала им в глаза лекарства. Дети по большей части были слабенькие и хилые, потому что родители их плохо питались. Малти была поражена, когда узнала, что молоко бывает лишь в очень немногих домах, а что касается топленого масла, то люди его здесь не видят годами.

Как и в других деревнях, Малти рассказала о значении пищи для человека. У нее болела душа — почему все эти люди не едят хорошей, здоровой пищи? Она искренне злилась на жителей деревни — неужели они появляются на свет только для того, чтобы изнурять себя работой? Почему они не едят того, что ими выращено? Неужели не хватит корму для двух-трех коров или буйволиц? Ведь здесь можно держать целое стадо! Почему эти люди едят не для того, чтобы жить, а лишь для того, чтобы умереть! Почему они не требуют у правительства, чтобы оно

вырвало их из цепких когтей ростовщиков? Все, кого она ни расспрашивала, говорили ей, что большая часть их заработка уходит на уплату долгов ростовщикам. Кроме того, в деревнях все больше и больше дробились земельные наделы. Между крестьянами царил такой разлад, такая взаимная ненависть, что едва ли можно было найти двух родных братьев, которые бы жили в мире и дружбе. Причиной всех их несчастий была в значительной степени их собственная жадность и ограниченность. Вот об этом и толковала мисс Малти с женщинами. При виде того, с каким вниманием слушают ее женщины, как они верят каждому ее слову, в сердце Малти еще ярче разгоралось желание беззаветно служить народу. Как отвратительна, как фальшива была ее прежняя жизнь, полная наслаждений и комфорта, по сравнению с жизнью этих крестьянок, с ее повседневными жертвами и лишениями! Она испытывала стыд за свои шелковые, шитые золотом одеяния, за свое тело, от которого исходил аромат благовоний, за свое напудренное лицо. Она слышала укоризну даже в тикании маленьких золотых часиков на руке. Богато пересыпанное драгоценными камнями сверкающее ожерелье душило ее. В своих собственных глазах она выглядела сейчас презренной и жалкой перед этими истинными богинями веры и самоотверженного служения ближним. Правда, ее знания были несравненно обширней, она разбиралась в событиях лучше этих деревенских женщин, но смогла бы она с пользой прожить хоть один день в таких же условиях, в каких проходит вся жизнь этих несчастных? В сердце у них нет ни гордости, ни эгоизма. День-деньской они изводятся на работе, голодают, бедствуют, и тем не менее какие они веселые, живые и бодрые! Для них нет ни своих, ни чужих, — здесь все свои! Их единство — в их детях, мужьях и родственниках. Здесь, в деревне, в непрерывной борьбе за одни и те же идеалы исподволь формируется женщина будущего. И, право, в тысячу раз лучше тот полусон, в котором они находятся сейчас, чем хищный эгоизм, столь сильно развитый в женщинах, уже пробудившихся от этого сна! Эти хищницы полагают, что все на свете — только для них, для их прихотей, для их счастья! Они говорят, что мужья жестоки и безжалостны. Но ведь эти мужья — дети подобных им женщин! Почему же матери с самого начала не внушают сыновьям, что они должны

боготворить свою мать, должны почитать и уважать женщин? Потому что они настолько принизили самих себя, что сами изменились в худшую сторону и утратили свое человеческое достоинство! Нет, не будет добра, если женщины и впредь станут так принижать себя! Ради блага и процветания человечества женщине придется выступить в защиту своих прав, точно так же, как всем крестьянам придется расстаться со своим благодушием и терпением, чтобы отстоять свою жизнь.

Солнце уже клонилось к закату, а Малти все сидела, окруженная со всех сторон крестьянками. Они слушали ее и не могли наслушаться. Некоторые настойчиво предлагали ей переночевать в деревне. Малти была покорена их простой, безыскусственной любовью и, подумав, решила заночевать здесь. Тем более что ночью женщины обещали ей спеть свои песни. Пока еще не совсем стемнело, Малти обошла деревню, расспрашивая, как идут дела у крестьян. Для простых крестьянок ее искренняя доброжелательность и сочувствие были так же дороги, как дары какой-нибудь богини.

А Мэхта тем временем сидел на кхате и смотрел, как борются между собой крестьяне. Он искренне сожалел, что не захватил с собой Мирзу — вот кто непременно принял бы участие в борьбе! Он не переставал удивляться тому, как несправедливы образованные горожане к этим крепким и сильным, наивным и простодушным крестьянским юношам. Ведь мудрость, как и глупость, тоже бывает порой простодушной! А их мудрость в том, что они непоколебимо верят в человечность, в добро и не желают знать ничего другого. Эта простодушная мудрость забывает, что на миролюбивую беспомощность овец волки до сих пор всегда отвечали только когтями и клыками. Построив в своем воображении идеальный мир, эта мудрость населяет его идеальными людьми и счастливо живет в таком туманном мире. Думать о том, как безобразна и тяжела действительность, — для нее слишком трудно!

Сидя сейчас среди этих необразованных и простых людей, Мэхта пытался понять, почему же они влачат такое жалкое существование? Однако не мог признать даже самому себе, что истинной причиной их нищеты и унижения является их ангельское терпение и смирение. О, если бы только все эти бедняки были больше людьми

и меньше ангелами! Тогда бы они не стали терпеть пинки и издевательства! А сейчас, что бы ни произошло, война или революция,— им ни до чего нет дела. Едва им покажется, что какая-нибудь группа людей забирает силу, как они уже готовы покорно склонять перед ними головы. Их апатия и безразличие настолько велики, что уже перерастают в тупость, и привести их в чувство, расшевелить сможет только какой-нибудь сильный толчок. Разум их, отчаявшись во всем на свете, словно закаменел. В них не осталось почти ничего живого.

Близилась ночь. Даже те крестьяне, которые до сих пор еще работали в поле, теперь спешили домой. Наконец, Мэхта снова увидел Малти. Держа на руках ребенка, она разговаривала с окружающими ее деревенскими женщинами. В этот момент она была чем-то похожа на них. Сердце Мэхты наполнилось радостью и любовью. Малти в какой-то степени уже вручила себя Мэхте. Он это ясно ощущал. Однако в сердце его еще не зародилось то большое и чистое чувство, без которого было бы смешно предлагать ей свою руку. Малти до сих пор стояла незваной гостьей у порога его души, и Мэхта не пускал ее дальше. В его отношениях к Малти не было любви, а только рыцарская готовность служить женщине. Если Малти находила его достойным внимания, то Мэхта считал, что отталкивать ее было бы невежливо. Кроме того, он хотел, чтобы Малти не стояла на пути Говинди. Наконец, он знал, что Малти до тех пор не поднимет ногу с земли, пока не почувствует под другой ногой достаточно прочную опору. Мэхта понимал, что, обманывая Малти, он поступает низко, и его постоянно грызла совесть. Однако, чем ближе и лучше узнавал он Малти, тем сильнее его влекло к ней. Красота Малти была здесь ни при чем — она не могла оказать решающего влияния. Его привлекали душевные качества Малти. Мэхта знал, что такое настоящая любовь. Она рождается лишь тогда, когда два сердца накрепко связаны одним узлом. А то, что предшествует этой настоящей любви,— не более как простая влюбленность, сладкий дурман, рассеивающийся быстро и без остатка. Прежде всего нужно было решить вопрос — поддается ли обработке этот камень? Ведь не всякий камень может принять благородные формы! До сих пор свет, исходящий из души Малти,

рассеиваясь, лишь согревал сердце Мэхты, но не заставлял его вспыхнуть жарким пламенем. А сегодня, встретившись со своими деревенскими сестрами и встав наравне с ними, Малти как бы сконцентрировала в одной точке весь свет своей души. И сегодня впервые Мэхта почувствовал, что его по-настоящему влечет к Малти.

Как только Малти вернулась после прогулки по деревне, Мэхта позвал ее с собой к речке. Ночь они решили провести в деревне. Сердце Малти неизвестно почему билось сильней обычного. Она видела, что лицо Мэхты озарено сегодня необычайным блеском, а в глазах его сияет любовь.

Луна расстелила по берегу серебряный ковер, а река, украсив свою грудь ожерельем из бесценных камней, ласково журчала нежные песни и, резвясь, изгибалась между деревьями, безмолвно склонившимися над ее струями. Мэхта охмелел от всей этой пьянящей красоты. К нему как будто снова вернулось детство со всеми его играми и проказами. Подпрыгивая, он пробежал по песку, потом забрел по колено в воду и остановился.

— Не стойте в воде! — сказала ему Малти. — Вы простудитесь.

Разбрызгивая воду ногами, Мэхта ответил:

— У меня душа горит — так бы и переплыл сейчас на тот берег?

— Вылезайте сейчас же из воды! Я не хочу, чтобы вы от меня уплывали.

— А вы поплывете со мной? Вон туда, в спящий город, в царство снов!

— Я не умею плавать.

— Тогда давайте сделаем плот, сядем на него и поплывем!

Мэхта вышел на берег. Кругом них, насколько хватало глаз, тянулись заросли тамариска. Мэхта вытащил из кармана нож и мигом нарезал груды ветвей. По берегу в изобилии рос камыш. Мэхта нарезал его целую охапку и, усевшись на песок, принялся вить веревку. Он был так оживлен, так весел, словно собирался плыть в рай. Несколько раз он до крови обрезал себе пальцы, но не обращал на это внимания. Зато Малти сердилась и беспокоилась. Она снова и снова упрашивала его вернуться

в деревню, но Мэхта и слышать об этом не хотел. Он продолжал свою работу все с тем же мальчишеским азартом, с той же беспечностью и упрямством. Философия, принципы, наука — все было унесено этим бурным потоком.

Наконец, веревка была готова. Из ветвей тамариска Мэхта соорудил нечто вроде большой платформы. С обоих концов он связал ветки веревкой, а в промежутки между ними насыпал тамарисковых листьев, чтобы вода не выступала на поверхности плота.

Чарующая красота ночи стала еще таинственней. Мэхта спустил плот на воду. Потом, схватив Малти за руку, он сказал:

— Пойдемте на плот!

— А он выдержит двух человек? — боязливо спросила Малти.

Мэхта с улыбкой проговорил:

— Плот, на котором мы плывем по жизни, куда слабее и ненадежнее этого, Малти! Что же вы, боитесь?

— Вы рядом со мной, чего мне бояться?

— Правильно!

— До сих пор я без посторонней помощи преодолевала препятствия, теперь же со мною вы!

Они сели на плот. Взяв в руки крепкую ветку, Мэхта принялся грести. Покачиваясь под их тяжестью, плот тихо поплыл по реке.

Чтобы не думать об опасности, Малти спросила Мэхту:

— Вы всю жизнь прожили в городе; откуда у вас эта крестьянская сноровка? Такого плота я бы в жизни не сделала!

Мэхта бросил на нее нежный взгляд.

— Кто знает, может быть в этом крестьянском мире я жил в своей предыдущей жизни, — ответил он. — Стоит мне только очутиться наедине с природой, как я начинаю чувствовать себя другим человеком. По всем жилам так и пробегает дрожь! Мне кажется, что каждая пролетающая птичка, каждый зверек зовут меня к счастью, воскрешают в моей памяти воспоминания о давно забытой радости! Этого счастья я не нахожу нигде и ни в чем! Ни в повергающих в слезы музыкальных мелодиях, ни даже в высоких полетах философской мысли! А здесь все

мне до боли родное и близкое. В природе я нахожу самого себя, словно птица, вернувшаяся в родное гнездо.

Прогибаясь под их ногами, то прямо, то вращаясь вокруг своей оси, плот плыл по реке.

Внезапно Малти голосом, в котором слышались обида и печаль, спросила:

— А как же я? Неужели я ничего не значу в вашей жизни?

Мэхта взял ее за руку.

— Нет, я всегда о вас помню! Ваш образ все время возникает передо мной, то подобный дуновению напоенного ароматом ветерка, то словно порожденный моей фантазией призрак. А потом все исчезает. Я бегу вслед, чтобы поймать вас, но руки мои хватают пустоту, и вы растворяетесь в эфире.

Малти, словно охваченная безумием, закричала:

— А вы думали об этом, вы пытались понять, почему так бывает?

— Да, Малти, я думал об этом не один раз.

— И к чему же вы пришли?

— К тому, что основание, на котором я хотел бы построить свою жизнь, ненадежно и неустойчиво. Мне не нужен какой-нибудь пышный большой дворец, с меня хватит маленькой скромной хижины, но ведь и для нее тоже нужен прочный фундамент.

Малти вырвала у него свою руку и сердито проговорила:

— За что вы меня обижаете? Вы всегда смотрели на меня глазами экзаминатора и никогда — глазами влюбленного. Неужели вы не знаете такой простой истины, что женщины не любят, когда им устраивают экзамен, им нужна любовь! Ведь испытание, это такая вещь, которая добродетели превращает в пороки, а все прекрасное — в безобразное. А любовь — совершенно наоборот. В пороках она находит добродетель, во всем некрасивом — прекрасное. Когда я полюбила вас, у меня даже мысли не возникло, что у вас могут быть пороки или недостатки. А вы подвергли меня настоящему испытанию! Вы считаете меня ветреной, легкомысленной, приписываете мне бог знает какие дурные качества и просто стараетесь отделаться от меня! Нет, нет, позвольте мне высказать все! Почему я была ветреной и легкомысленной? Да потому,

что я не находила такой любви, которая бы сделала меня постоянной и серьезной. Если бы вы любили так же, как я, всей душой, вы бы не нападали на меня так незаслуженно!

Мэхта, наслаждаясь гневом Малти, проговорил:

— А разве вы не подвергали меня такому же испытанию? Признайтесь!

— Никогда!

— Тогда вы совершили большую ошибку.

— Ну и пусть!

— Не следует отдаваться своим чувствам, Малти. Перед тем, как полюбить человека, все мы стараемся его испытать! И вы тоже испытывали меня, пусть тайком, незаметно,— это неважно. Сейчас, положив руку на сердце, я признаюсь вам, что сначала я смотрел на вас точно так же, как я каждый день смотрел на тысячи других женщин,— как на забаву и развлечение. И если я не ошибаюсь, вы тоже увидели во мне лишь новую куклу, с которой можно позабавиться.

— Вы говорите глупости! — протестующе сказала Малти.— Вы никогда не были для меня такой куклой. С самого первого дня, как я узнала вас, я сделала вас своим кумиром, и мое сердце...

— Опять вы увлеклись, опять вы парите в небесах! — прервал ее Мэхта.— Я думаю, что, решая такие серьезные вопросы, нельзя отдаваться на волю чувств! Если вы с первого дня нашего знакомства решили, что я заслуживаю вашей благосклонности, значит, я просто искуснее вас умею притворяться. Насколько мне удалось постичь природу женщин, они отлично разбираются в вопросах любви. В былые времена девушки имели право сами выбирать себе мужей согласно знаменитому закону «свайямбар». То же самое происходит и в наше время, хотя и в несколько иной форме. С самого начала я старался раскрыть себя перед вами и вместе с тем лучше узнать вас. И когда я добрался до глубин вашей души, я увидел там одни только драгоценные камни. Я собирался было пошутить и поразвлечься, а вместо этого стал вашим верным поклонником. А что вы нашли во мне — я не знаю!

Плот подплыл к другому берегу реки. Они сошли с плоту и уселись тут же на песке. Мэхта продолжал разговор:

— И вот сегодня я позвал вас сюда, для того чтобы задать вам этот вопрос.

— Неужели и сейчас вам нужно меня спрашивать? — дрожащим голосом спросила Малти.

— Да, потому что я собираюсь показать вам сейчас ту сторону своей души, которой вы, вероятно, до сих пор не видели, которую я скрыл. Так вот, вообразите себе, что сегодня мы женимся, а завтра я вам изменяю. Что вы тогда мне скажете?

Малти с удивлением взглянула на Мэхту. Она не поняла, шутит он или говорит всерьез.

— К чему вы задаете мне такой вопрос?

— Для меня это очень важно!

— Я считаю, что этого не может произойти.

— В мире нет ничего невозможного. Величайший из святых и тот может пасть.

— Я постараюсь найти причину и устранить ее.

— А если это станет привычкой?

— Я затрудняюсь сказать, что бы я тогда сделала. Может быть, приняла бы яд и умерла.

— Но если бы тот же самый вопрос вы задали мне, я ответил бы по-другому.

— Как бы вы ответили? — боязливо спросила Малти.

— Я сначала убил бы вас, а потом себя! — сурово сказал Мэхта.

Малти содрогнулась с головы до ног и громко расхохоталась, чтобы скрыть эту невольную дрожь.

— Почему вы смеетесь? — спросил Мэхта.

— Потому только, что я никогда не предполагала, что вы такой кровожадный!

— Не смейтесь, Малти! В этом отношении я настоящий зверь и не вижу причины стыдиться этого. Духовная любовь — бескорыстная, жертвующая собой любовь, ради которой человек забывает о себе и живет только для возлюбленной, находит свое счастье в ее счастье и приносит свою душу к ее ногам, — такая любовь для меня — пустые слова! Мне приходилось читать о людях, которые жертвуют своей жизнью ради других возлюбленных своей любимой. Я могу назвать это правдой жизни, преклонением, но никак не любовью. Любовь — не смиренная корова, а кровожадная тигрица, которая не позволит никому бросить взгляд на свою жертву.

Малти заглянула в глаза Мэхты.

— Если любовь — кровожадная тигрица, — сказала она, — то я предпочитаю держаться от нее подальше. А я-то думала, что она — смиренная корова! Я считаю — любовь должна быть выше всяких подозрений. Любовь — не плотское, но духовное явление, в любви нет места для подозрений. Они ведут к насилию! А любовь заставляет человека приносить в жертву всю свою душу. И награду в храме любви может получить только тот, кто вступает в него как влюбленный, а не как экзаминатор.

Малти встала и быстро пошла к реке — словно она вдруг отыскала утерянную было дорогу. Никогда не приходилось ей испытывать таких сильных движений души, никогда не была она так взволнована. В своей свободной и независимой жизни она чувствовала себя как-то неуверенно, и ощущение это всегда держало ее в состоянии тревоги. Всем сердцем она жаждала найти сильного человека, опираясь на которого она могла бы бороться. Собственных сил для этого у нее не хватало. Приметив глубокий ум или сильный характер, она всеми силами души инстинктивно тянулась к нему. Малти напоминала воду, которая, не имея собственной формы, покорно принимает форму того сосуда, в который ее выливают.

Чувства Малти были сейчас схожи с чувствами школяра, сдающего экзамен. Школяр может любить книги, да он, наверно, и на самом деле их любит, однако главное внимание он обращает только на те страницы, которые могут пригодиться ему на экзамене. Главное, чего он страстно желает, — это успешно сдать экзамен, а что касается знаний — то это потом! Если бы он вдруг узнал, что экзаминатор добр и снисходителен или что он слеп на оба глаза и не спрашивает слишком строго, он, может быть, ни разу не заглянул бы в книгу. Что бы ни делала Малти, она делала это с единственной целью — угодить Мэхте, понравиться ему. Целью ее было добиться расположения и любви Мэхты, завладеть его сердцем. Но у нее не было терпения и выдержки. Подобно школяру, который наскоро подготовился к экзамену и, уверовав в свои силы, надеется, что все образуется само собой, Малти тоже надеялась, что экзаминатор в конце концов останется ею доволен.

И вот сегодня Мэхта грубо оттолкнул ее и возмутил

ее душу. С первого дня их знакомства она потянулась к нему всей душой. Среди знакомых ей мужчин он казался Малти самым умным и самым интересным. Наиболее привлекательными сторонами Мэхты были живость и острота его ума, мощь его мышления. Богатство, власть и тому подобные вещи имели в глазах Малти ту же ценность, какую имеет кукла в глазах детей: поиграв куклой, дети рвут ее на части. Внешность тоже не имела особого значения, хотя Малти терпеть не могла некрасивых людей. Привлечь к себе ее внимание мог только сильный ум, который укрепил бы ее веру в себя, дал бы ей мощный стимул для развития, помог бы ей почувствовать свои силы и с пользой прожить свою жизнь. Огромное превосходство Мэхты, его обширные знания произвели на Малти большое впечатление. Она всячески старалась стать достойной Мэхты. Появилась, наконец, сила, в которой она так нуждалась, и незаметно повлекла ее вперед. Малти видела теперь перед собой новый идеал жизни и старалась приблизиться к этому идеалу. Чувствуя, что усилия ее не безуспешны, она уже рисовала в своем воображении тот день, когда она встанет рядом с Мэхтой. А в последнее время желание это росло и крепло в ней с особенной силой.

Однако сегодня, когда Мэтха, на миг заставив ее подумать, что осуществляется, наконец, ее затаенная мечта, рассказал затем, как он понимает любовь, он свергнул любовь с заоблачных высот духовной чистоты и бросил ее на реальную земную почву, где царят недоброжелательность и зависть; на самые светлые, самые лучшие ее чувства обрушился тяжкий удар. Уважение и доверие, которые она испытывала к Мэхте, были поколеблены. Нечто подобное испытывает, вероятно, ученик, когда он видит своего учителя совершающим какой-нибудь недостойный поступок. Она увидела, что аналитический ум Мэхты видит в любви только ее плотскую сторону и все не замечает ее божественной природы. И тогда сердце Малти наполнилось разочарованием.

Озадаченный и немного смущенный, Мэхта пробормотал:

— Куда же вы, Малти? Посидим еще немного!

— Нет, нам пора возвращаться,— ответила Малти.— Уже поздно!

Звезда раэ-сахиба была в зените. Все три его желания исполнились: свадьба дочери была пышно отпразднована, процесс выигран, а на выборах он не только победил, но даже стал членом Высшего Законодательного собрания. Со всех сторон на него сыпались поздравления. Авторитет раэ-сахиба и раньше был весьма велик, а теперь стал еще выше. На таком фундаменте его положение окончательно упрочилось. В газетах и журналах то и дело появлялись его портреты, в скором времени должна была появиться и биография раэ-сахиба. Долги его, правда, возросли еще больше, но теперь они раэ-сахиба не волновали — он мог расплатиться без труда, продав незначительную часть своих вновь приобретенных владений! Самые смелые его мечты оказались превзойденными. До сих пор он владел одним бунгало в Лакнау, а теперь смог приобрести еще три: одно в Ненитале, другое в Мансури и третье в Симле. Положение не позволяло ему останавливаться во время поездок в гостиницах или у знакомых, как это было прежде. Сурья Пратап Сингх владел несколькими бунгало во всех этих городах, и раэ-сахиб не желал от него отставать. По счастливой случайности ему удалось приобрести подходящие дома по вполне сходной цене и таким образом избежать возни с постройкой. К каждому бунгало были приставлены садовник, сторож, управляющий, кладовщик и прочие слуги. Но наибольшую радость доставил раэ-сахибу адрес, полученный им от самого раджи, и приглашение присутствовать на приеме по случаю дня его рождения.

День рождения его величества был отпразднован с царственной пышностью. Прием был столь великолепен, что затмил собой все предыдущие. А когда раэ-сахибу принесли адрес от генерал-губернатора провинции, он почувствовал себя на седьмом небе. Вот она, жизнь! Раньше, когда он был в списке бунтовщиков, ему приходилось терпеть унижения и сидеть в тюрьмах, его авторитет среди высших чиновников совсем упал. А теперь тот же самый полицейский инспектор, который когда-то его арестовывал, стоял перед ним навтыжку, словно прося прощения за свои прошлые грехи.

Но полным победителем раэ-сахиб почувствовал себя тогда, когда его прежний, теперь побежденный соперник

Сурья Пратап Сингх прислал ему письмо с предложением женить старшего сына раз-сахиба Рудрапал Сингха на своей дочери. Этому предложению раз-сахиб был рад больше, чем выигрышу процесса, и больше, чем своему избранию в Высшее Законодательное собрание. Выиграть процесс, добиться избрания — все это было в конце концов достижимо. Но на такое предложение он не только не рассчитывал, а даже думать об этом боялся! Тот самый Сурья Пратап Сингх, который всего несколько месяцев назад считал его ниже и презреннее самой последней собаки, хотел теперь выдать свою дочь за его сына! Это было просто невероятно!

Сын раз-сахиба Рудрапал должен был вскоре получить степень магистра искусств. Это был смелый, уверенный в себе юноша, богато одаренный, с твердым характером и сильно развитым чувством собственного достоинства. Надо, однако, сказать, что Рудрапал отрицательно относился к притеснениям крестьян и честолюбивым планам отца.

Раз-сахиб в это время находился в Ненитале. Получив письмо от раджи, он радовался, словно ребенок. Раз-сахиб не собирался оказывать давление на сына и связывать его свободу, однако он был абсолютно уверен, что Рудрапал не станет возражать против его выбора. А возможность стать родственником раджи Сурья Пратап Сингха была такой редкой удачей, что ему и в голову не могло прийти, что Рудрапал не согласится на этот брак. Раз-сахиб немедленно дал радже свое согласие и тут же позвонил сыну.

— Я не согласен, — коротко ответил Рудрапал.

В жизни еще раз-сахиб не был так огорчен и так взбешен!

— Но почему?! — спросил он.

— Когда придет время — узнаете.

— Я хочу знать сейчас!

— А я не хочу говорить об этом.

— Ты должен слушаться отца!

— Как же я могу вас слушаться, если вы приказываете мне делать то, что мне не по душе?

Раз-сахиб в замешательстве принялся умолять Рудрапала:

— Сынок, ради чего ты рубишь топором себе по ногам? Подумай только, как много будет значить в

обществе твое родство с раджой! Ты представляешь себе? Такое предложение — божий дар! Если бы мне в свое время представился случай жениться на самой последней девушке из такой семьи, я бы благословлял судьбу! А ведь речь идет о дочери самого раджи Сурья Пратап Сингха! Ведь это же неслыханная удача для нашей семьи. Я девушку знаю, вижу почти ежедневно, да и ты ее, должно быть, видел. Право, я еще не встречал девушки более умной, красивой и образованной. Мне-то ведь недолго осталось жить. А у тебя вся жизнь впереди. Я не хочу ни к чему тебя принуждать. Тебе, я думаю, известны мои взгляды на женитьбу, но если я вижу, что ты можешь сделать ошибку, то мой долг предостеречь тебя.

— Я давно уже все решил и теперь изменить что-либо невозможно, — ответил Рудрапал.

Раэ-сахиба взбесили упрямство и глупость сына.

— Ты, кажется, сошел с ума! Сейчас же приезжай ко мне! Да не задерживайся! Я уже дал согласие радже-сахибу.

— К сожалению, у меня сейчас нет свободного времени, — ответил Рудрапал.

На следующий день раэ-сахиб приехал к нему сам. Оба стояли друг против друга готовые к бою. В их лице столкнулись, с одной стороны, огромный жизненный опыт, с другой — незрелый идеализм, упрямство и своеволие.

Раэ-сахиб пошел напролом.

— Я хочу знать, кто эта девушка? — спросил он.

Рудрапал твердо ответил:

— Если вам так хочется знать, пожалуйста! Ее зовут Сародж, она сестра Малти-дэви.

Раэ-сахиба чуть не хватил удар.

— Ах, так!

— Вы, наверно, знаете Сародж?

— Еще бы не знать! А ты, знаешь ли ты Радж Кумари?

— Как же, отлично знаю!

— Ну и что?..

— Для меня смазливое личико еще не самое главное.

— Право, меня начинает тревожить твой рассудок! Ты же знаешь, что за женщина Малти! Что можно ожидать хорошего от ее сестры!

Рудрапал, нахмурившись, ответил:

— Я не желаю больше разговаривать с вами на эту тему. Но если я женюсь, то только на Сародж.

- Пока я жив, этого не случится.
- Что ж, прикажете ожидать вашей смерти?
- Вот как ты заговорил с отцом!

На глаза раз-сахиба навернулись слезы. Ему вдруг показалось, что вся его жизнь прожита зря. Законодательное собрание, выигранное дело, преподнесенные ему адреса — все это походило сейчас на пустоцветы, лишённые запаха. Все, что ему пришлось вынести, отказавшись от тихой и мирной жизни, оказалось напрасным! Когда умерла его жена, раз-сахибу было не больше тридцати шести лет. Он мог снова жениться и наслаждаться спокойной и скромной жизнью. В то время все уговаривали его взять вторую жену, но он, помня о детях, обрек себя на одиночество. Ради детей он пожертвовал своей жизнью. До сегодняшнего дня он отдавал всю любовь своего сердца детям, а сегодня этот мальчишка разговаривает с ним так бесцеремонно, так грубо, словно отец для него чужой человек. Так зачем же он старался увеличить свое состояние, упрочить репутацию своей семьи? Ведь все это он делал только ради детей! И если дети сейчас совсем не считаются с ним, то для чего он тогда лез из кожи, для чего прошел все эти мученья? Много ли ему осталось жить в этом мире? Ему ведь тоже нравится спокойная и беззаботная жизнь! Тысячи его братьев заминдаров наслаждаются, пьянствуют и бездельничают, ни о чем не заботясь. Ведь и он мог бы тоже избрать этот путь.

Раз-сахиб забыл сейчас о том, что он лез из кожи вовсе не ради детей, а ради себя самого, и не ради славы, а просто потому, что привык всегда чем-нибудь заниматься. Кроме того, ему приходилось все время изворачиваться, чтобы было на что жить. Наконец, он перестал бы уважать самого себя, если бы превратился в развратника и дармоеда. Ему не было дела до того, что эти качества присущи большинству его собратьев. Он не любил чувственных наслаждений, а лень была ему чужда.

Однако на удар, который нанес ему сын, раз-сахиб задумал ответить решительными действиями. Ведь если мы идем на жертвы ради кого-нибудь, то даже тогда, когда не надеемся получить за это награду, мы все равно стремимся укрепить свою власть над сердцем близкого нам человека, полагая, что принесем ему только пользу! Счастье других мы принимаем так близко к сердцу, что оно становится и нашим счастьем. Чем сильнее

сопротивление, тем рьянее мы стремимся осчастливить своего ближнего, даже против его воли. Но когда нам все время приходится сталкиваться с открытым протестом, мы, наконец, приходим в ярость и любовь наша превращается в ненависть. Раэ-сахибу захотелось во что бы то ни стало воспрепятствовать свадьбе Рудрапала и Сародж, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к услугам полиции и преступить все законы.

— Этого не будет, пока я жив,— повторил он.— А на тот свет я отправлюсь еще не скоро!

Ответ Рудрапала поразил его в самое сердце:

— Дай вам бог долгой жизни! Но я уже женился на Сародж!

— Это ложь!

— Вовсе нет. У меня есть свидетельство о браке.

Раэ-сахиб потерял самообладание. Никогда еще в глазах его не сверкало столь яркое пламя гнева и мести — даже когда он имел дело со своими злейшими врагами! Враги самое большее могли задеть его самолюбие, подорвать его авторитет или доходы, но этот удар пришелся по самому больному месту — по его честолюбивым замыслам. Раэ-сахиб чувствовал, что почва ускользает у него из-под ног. Теперь он был бессилен, он ничего не мог изменить даже в том случае, если бы к его услугам был весь полицейский аппарат. Принуждение и угрозы были последним оружием его арсенала, но и это оружие теперь было выбито у него из рук. Рудрапал и Сародж были совершеннолетними; кроме всего прочего, Рудрапал уже вступил во владение поместьем, которое раэ-сахиб оттягал по судебному процессу. Что он мог ему сделать? О боже! Если бы он только знал, что этот мальчишка окажет ему такое неповиновение, разве стал бы он воевать за это поместье? Процесс обошелся ему сотни в две с половиной тысяч рупий, из-за него он полжизни потерял, а теперь, чтобы избежать позора, ему остается только поздравить этого сопляка! Он хотел устроить его судьбу, и вот честь его самого втоптана в грязь! Он загубил ради сына всю свою жизнь и не обладает никакой властью! Вся жизнь погублена, вся жизнь!

Рудрапал ушел. Раэ-сахиб вызвал автомобиль и поехал к Мэхте. Тот, если захочет, сможет повлиять на Малти. Сародж тоже не посмеет послушаться его совета. Если ценой десяти — пятнадцати тысяч рупий еще можно

расторгнуть этот брак, то он на это готов. Раэ-сахиб был так опьянен своим эгоизмом, что ему даже в голову не пришло, что Мэхта может с ним не согласиться.

Мэхта, выслушав всю эту историю, решил разыграть раэ-сахиба.

— Так, значит, это вопрос вашей чести?

Раэ-сахиб не разгадал его намерения.

— Именно вопрос чести! Ведь вы же знаете раджу Пратап Сингха!

— Дочь его я видел. Сародж недостойна праха с ее ног.

— Но она завладела сердцем моего сына!

— Плюньте на все это! Что вы тут сделаете? Он сам потом раскается!

— Ох! Да разве это возможно, дорогой Мэхта! Нельзя отказаться от такого предложения! Да я ради такой великой чести, кажется, готов пожертвовать всеми своими владениями! Вы бы попросили Малти-дэви, чтоб она повлияла на свою сестру, тогда все было бы в порядке! Если Рудрапалу откажут, он, конечно, погорюет несколько дней, но потом это его увлечение пройдет. Ведь это же не любовь, а так, одна видимость!

— Но Малти ни за что не станет помогать вам, если вы не дадите ей взятку.

— Дам, сколько потребуется. Если она захочет, я могу даже устроить для нее практику в лучшей больнице города.

— А вдруг она скажет, что поможет вам только в том случае, если вы женитесь на ней? Ведь с тех пор, как вы стали членом Законодательного собрания, она стала смотреть на вас совсем другими глазами!

Раэ-сахиб удивленно поднял глаза и, увидев, что Мэхта улыбається, все понял.

— Вы, оказывается, решили надо мной посмеяться! — печально проговорил он. — А я-то пришел к вам, надеясь, что вы мне посочувствуете! Я от вас помощи ждал, а вы вздумали меня разыгрывать! Воистину — у кого зубы не болят, тот не знает, что такое зубная боль!

— Прошу меня извинить, — уже серьезно сказал Мэхта. — Но, право, вы пришли ко мне советоваться по такому вопросу, о котором я не могу говорить серьезно. Вы можете устранять только свою собственную женитьбу, но с какой стати вы хотите взять на себя ответствен-

ность за женитьбу сына? Ведь ваш сын совершеннолетний! Он сам понимает, что ему выгодно и что невыгодно. И при чем здесь ваша честь, когда речь идет о таком важном деле, как женитьба? Если бы честь давала только богатство, то раджа-сахиб не стоял бы целыми часами перед каким-нибудь голым аскетом, прижав к груди руки, словно раб. Не знаю, насколько это верно, но говорят, что раджа кланяется даже полицейскому инспектору своего района. И это вы называете честью? А в Лакнау каждый лавочник, каждый чиновник, каждый прохожий скажет вам об этом инспекторе все, что он о нем думает. Это тоже, по-вашему, честь? А потом вы совершенно напрасно горюете. Едва ли вам удастся найти невестку лучше, чем Сародж.

— Да ведь она сестра Малти! — возразил раз-сахиб.

— А что, разве это позор быть сестрой Малти? — разгорячился Мэхта. — Вы никогда не знали Малти-дэви, да и никогда не пытались ее понять. Я тоже думал о ней плохо, а теперь вот вижу, что это сверкающий, расплавленный в огне драгоценный металл. Она принадлежит к числу тех отважных людей, которые, когда надо, не боятся поставить на карту свою жизнь и не любят попусту размахивать деревянным мечом. Знаете ли вы, что случилось с Кханной?

— Слыхал, — сочувственно покачал головой раз-сахиб. — Все время собирался его навестить, да никак не выберусь. Дела! Из-за этого пожара на заводе он, говорят, совсем разорился.

— Да, это верно, он теперь в какой-то мере живет благодаря помощи друзей. А тут еще Говинди который месяц болеет. Ведь она принесла себя в жертву Кханне, этому скоту, который ее замучил. Теперь она умирает, а Малти ночи напролет проводит у ее изголовья. Да, да, та самая Малти, которая не согласилась бы просидеть ночь у какого-нибудь больного раджи или наваба, даже если бы тот заплатил ей за это тысячу рупий! Забота о детях Кханны, об их воспитании тоже теперь легла на Малти. Откуда у нее появилось вдруг такое сильное материнское чувство? Когда я узнал обо всем этом, то, право, мне хотелось молиться на нее, хоть я и не верю ни в каких богов. На лице ее сияет чистота и красота. Я впервые увидел, в сколь многообразных формах может проявляться любовь к людям и как она может быть сильна.

И теперь я проникся верой в Малти. Если хотите встретиться с ней, поезжайте к Кханне. А под этим предлогом и я поеду с вами.

— Если вы не сумели понять моей боли, то разве поймет меня Малти-дэви? — с сомнением проговорил раз-сахиб. — Зря только натерплюсь позору. Но вам-то зачем искать предлог, чтобы поехать к ней? Я думал, что вы уже успели ее околдовать.

— Э, все это ушло в область преданий, — ответил Мэхта с печальной улыбкой. — Мы теперь встречаемся редко. У нее сейчас совсем нет свободного времени. Я несколько раз заходил к ней, но мне казалось, что она не слишком рада моим посещениям. С тех пор я у нее не был. Да, хорошо, что вспомнил! Сегодня будет собрание по случаю открытия женского спортивного клуба! Вы пойдете?

— Нет, — безразлично ответил раз-сахиб. — Времени нет. Я все думаю, что мне теперь отвечать радже? Ведь я уже дал свое согласие!

С этими словами раз-сахиб поднялся и медленно побрел к двери. Узел, который он надеялся здесь распутать, затянулся еще крепче. Мэхта проводил раз-сахиба до его автомобиля и распрощался с ним.

Раз-сахиб проехал прямо домой и только было собрался взять в руки газету, как принесли визитную карточку мистера Танкхи. Раз-сахиб испытывал отвращение к Танкхе и презирал его, но в этот момент сердце его так жаждало сочувствия, что он рад был видеть каждого, кто мог бы его поддержать в эту трудную минуту. Он велел пригласить Танкху.

Танкха на цыпочках вошел в комнату и низко, до земли, поклонился раз-сахибу. На лице его застыла угодливая улыбочка.

— Я хотел было ехать в Ненитал, чтобы встретиться с вами, но, к счастью, нашел вас здесь. Как здоровье моего господина?

После этого, совершенно забыв о том, как он вел себя раньше, Танкха принялся в цветистых выражениях хвалить раз-сахиба и льстить ему.

— Можно ли найти человека, более достойного на пост члена Высшего Законодательного собрания. Где ни послушаешь — все только и говорят о вас! Этот высокий пост возвеличит вашу славу!

Раз-сахиб слушал его и думал про себя: «Ну и прохвост! Ради своей корысти родного отца назовет ослом! Продажная душа, мерзавец!» Но сейчас раз-сахиб не сердился на Танкху, наоборот, ему даже стало жаль его.

— Ну чем же вы занимаетесь? — спросил он.

— Ничем, хузур! Пребываю в бездельи. Я явился к вашей милости в надежде, что вы не забыли о своем старом слуге. Нынче я попал в беду. Вы ведь знаете, что за человек этот раджа Пратап Сингх. Он ни с кем не считается! Однажды принялся он хулить вас. Тогда я сказал ему: «Остановитесь, махарадж! Раз-сахиб мой хозяин, и я не желаю слушать, когда его оскорбляют!» Этого было достаточно — он разгневался. Тогда я распрощался с ним и ушел. Я ему прямо заявил, что, сколько бы он ни пыжился и ни важничал, ему все равно не приобрести такой репутации, как ваша! Репутация, доброе имя зависят от таланта, от способностей человека, а люди знают, как вы талантливы!

— Словом, вы с раджей разругались начисто? — с притворным сочувствием спросил раз-сахиб.

— Хузур! Я всегда и всем говорю в глаза правду, нравится это людям или нет. Если я верой и правдой служу хузуру, то чего мне тогда бояться? Многие завидуют вашим успехам! Кого ни послушаешь — все вас чернят. То же и раджа. С тех пор как вы стали членом правительства, в груди раджи свила гнездо змея зависти. Он ничего мне не заплатил за все мои услуги и старания. Ей-богу, хузур, от него гроша ломаного никто не получил! А арендаторов своих он в бараний рог гнет. Никто не может поручиться за свою честь и благополучие. Что ни день — то позорит честных женщин...

В этот момент послышался скрип тормозов подъехавшего автомобиля: это пожаловал сам раджа Пратап Сингх. Раз-сахиб, выйдя ему навстречу, почтительно приветствовал знатного гостя, склонясь в низком поклоне.

— А я только что собирался к вашей милости! — сказал раз-сахиб.

Это был первый случай, когда раджа Пратап Сингх собственной персоной пожаловал к нему в гости. Какое счастье, какая честь!

Танкха чувствовал себя как мокрая кошка. Раджа-сахиб здесь! Когда же эти заклятые враги успели превратиться в друзей? Танкха пришел сюда, надеясь разжечь

в душе раэ-сахиба пламя злобы и ненависти к радже, а затем погреть на этом руки. Но, впрочем, это ничего, что раджа явился сюда. Огонь злобы и зависти не скоро гаснет в сердцах людей. Так кузнечный горн быстро остывает снаружи, но долго хранит жар внутри!

Раскуривая сигару, раджа окинул Танкху суровым взглядом.

— Что же вы не изволите зайти ко мне, мистер Танкха? — спросил он. — Получили с меня деньги, чтобы расплатиться за организованный мною прием, а хозяевам гостиницы и пайсы не уплатили? А теперь они пристают ко мне. Это мошенничество, и при желании я мог бы передать вас в руки полиции!

Обращаясь к раэ-сахибу, раджа продолжал:

— Мне еще ни разу не приходилось видеть такого прохвоста! Поверьте мне, у меня и в мыслях никогда не было выступать против вас на выборах, но этот шайтан подбил меня, а затем выманил сто тысяч рупий, купил бунгало, приобрел автомобиль и завел себе любовницу. Словом — князь стал! А теперь, я вижу, явился сюда, чтобы снова нас поссорить. Раису, для того чтобы поддерживать свое достоинство, нужно беречь свои владения, но смотрите, такие советчики в конце концов могут пустить вас по миру!..

С холодным презрением глядя на Танкху, раэ-сахиб спросил:

— Что же вы молчите, мистер Танкха? Отвечайте. Раджа-сахиб присвоил себе все, что вы у него заработали, не так ли? Может быть, я ослышался? Нет? В таком случае — вон из моего дома! И смотрите не попадитесь мне на глаза! Поссорить двух порядочных людей и одурачить их — это вам так не пройдет!

Танкха втянул голову в плечи, словно на шее у него перерезали все мышцы. Крадучись, он вышел из комнаты — так нашкодившая собака, тайком пробравшись в дом, норовит потихоньку улизнуть при виде хозяина.

Когда дверь за ним закрылась, раджа спросил:

— Должно быть, он опять тут чернил меня?

— Да, но я послал его куда следует.

— Вот шайтан!

— Настоящий шайтан!

— Ссорить детей с отцами, жен с мужьями — в этой

«науке» он настоящий профессор! Сегодня вы могли сами убедиться, что это за человек!

После этого они заговорили о женитьбе Рудрапала. Сердце раз-сахиба было переполнено тоскливой болью, словно кто-то целился в него и вот-вот должен был грянуть выстрел. Молчать и притворяться он не мог. А как скажешь, что он не имеет власти над Рудрапалом? Однако раджа уже знал все, и раз-сахибу не нужно было ни о чем рассказывать, от этой тягостной обязанности он был избавлен.

— Откуда же вы обо всем узнали? — спросил он.

— Рудрапал только что прислал моей дочери записку, а она отдала ее мне.

— Нынешние молодые люди ничего на свете не ценят больше свободы. Это просто какое-то безумие!

— Да, действительно, это настоящее безумие. Но я знаю против него лекарство. Я упрячу эту девицу в такое местечко, что ее нельзя будет найти. Через десяток-другой дней это безумие у вашего сына пройдет. А уговоры тут пользы не принесут.

Раз-сахиб вздрогнул. Ему в голову тоже приходила подобная мысль, но он сразу же ее отогнал. Дикий нрав, необузданное своеволие феодала были свойственны им обоим, только раз-сахиб маскировал их заграничной одеждой, а у раджи они ничем не были прикрыты. Раз-сахиб не мог упустить случая показать свое превосходство.

— Теперь не девятнадцатый век, а двадцатый! — укоризненно сказал он радже. — Я не могу сказать, какое это произведет впечатление на Рудрапала. А потом, с точки зрения гуманности...

— Что вы тут говорите о гуманности! — прервал его раджа. — Как будто вы не видите, что и в наше время звериное в человеке одерживает верх над его человеческими качествами! Иначе разве происходили бы сейчас войны между государствами? А возьмите пончаяты! Дня не проходит без грызни и ссор! Звериное будет сидеть в человеке, пока существует человеческий род.

Спор разгорелся, а так как к согласию прийти они не могли, раджа, весьма недовольный и обиженный, уехал.

На следующий день раз-сахиб отправился в Ненитал. А еще через день Рудрапал уехал в Англию, взяв с собой

Сародж. Теперь между отцом и сыном не осталось никаких родственных связей. Они стали врагами. Танкха стал советником и доверенным лицом Рудрапала. От его имени он подал на раэ-сахиба в суд, предъявив ему иск на миллион рупий, и их пришлось выплатить. Раэ-сахиба терзала не столько досада из-за потерянных денег, сколько мысль о нанесенном ему оскорблении. Еще больше страданий причиняло ему сожаление — сожаление о повергнутых в прах надеждах. Но всего печальнее была мысль о том, что его предал его же собственный сын. Никогда уже не сможет он назвать себя отцом послушного сына!

Но, видимо, чаша горечи не была еще выпита им до дна. Разрыв отношений между его дочерью и зятем поверг раэ-сахиба в окончательное уныние.

Подобно всем индусским девушкам, его дочь Минакши была бессловесна и покорна. За кого захотел ее выдать отец, за того она и пошла. Но супруги не любили друг друга. Дигвиджая Сингх был сластолюбцем и пьяницей. Минакши все переживала молча, стараясь заглушить тоску чтением книг и журналов.

Дигвиджая Сингху было не больше тридцати лет, он слыл образованным человеком, но отличался чрезвычайным высокомерием и жестокостью и кичился перед всеми своим высоким родом. Это не мешало ему преследовать деревенских девушек из низших каст и волочить за молодыми женщинами. Окружавшая его компания состояла из отборных негодяев, которые льстили ему, поощряя его самые низкие наклонности. Минакши не могла уважать подобного человека. Кроме того, она читала в газетах статьи о правах женщин и постепенно многое поняла. Она начала то и дело наведываться в женский клуб. И сколько образованных и знатных женщин ни встречала она в этом клубе, все они только и говорили, что о правах женщины, о предоставлении им права голоса, о свободе, о пробуждении женщин; могло показаться, что здесь затевался некий заговор против мужчин. Большинство этих женщин не ладило со своими мужьями. Получив образование, они мечтали теперь разорвать оковы древних обычаев. Было там также несколько девушек, которые сумели получить ученую степень и, считая замужнюю жизнь унижительной для их собственного достоинства, хотели найти применение своим знаниям.

Среди этих девушек была некая мисс Султана, которая побывала в Англии и получила там диплом юриста. Она занималась тем, что давала юридические консультации замужним женщинам. По ее совету Минакши подала на мужа в суд, требуя с него денег на жизнь. Она не желала больше оставаться его женой! Особой необходимости в этих деньгах она не испытывала, так как спокойно могла жить в родительском доме, но ей хотелось проучить Дигвиджая Сингха так, чтобы имя его было навсегда опозорено.

Дигвиджая Сингх в свою очередь возвел на нее ложное обвинение в непристойном поведении. Раэ-сахиб прилагал все усилия, чтобы как-нибудь замять эту ссору, но Минакши видеть больше не могла своего мужа. Хотя суд отвел обвинение Дигвиджая Сингха и признал право Минакши на отдельное содержание, позор и бесчестие, которые она терпела в доме мужа, трудно забывались. Минакши жила теперь отдельно в маленьком домике и принимала деятельное участие в движении за эмансипацию женщин.

Однако огонь ненависти не угасал в ее душе.

Однажды, охваченная гневом, Минакши взяла плетъ и пришла в бунгало Дигвиджая Сингха. Все трутни, приятели Дигвиджая Сингха, были в сборе и забавлялись плясками танцовщицы. Ворвавшись в это сборище подобно богине войны, Минакши насмерть перепугала всех. Пирующие разбежались кто-куда, корчась от ударов плети. Могли ли эти подлецы устоять перед ее гневом? Когда Дигвиджая Сингх остался один, плетъ Минакши засвистела снова; она так отделала своего бывшего мужа, что он лишился чувств. Танцовщица, несчастная продажная девка, до сих пор стояла, сжавшись в углу, но теперь пришла и ее очередь. Покрепче сжав рукоять плети, Минакши хотела уже приняться за нее, но та, упав ей в ноги, расплакалась.

— Госпожа, пощадите меня, я никогда больше не приду сюда, я ни в чем не виновата!

— Да, ты не виновата! — с ненавистью глядя на нее, сказала Минакши. — Ты знаешь, кто я? Убирайся! Чтоб ноги твоей здесь больше не было! Мы, женщины, всего только предмет развлечения для мужчин. Твоей вины в этом, конечно, нет!

— Спаси вас бог! — до земли поклонившись ей, ра-

достно проговорила танцовщица.— Пусть бог пошлет вам счастье!

— Какое счастье?

— Всякое, махарани!

— О каком счастье ты говоришь?

У той душа ушла в пятки. И что ей вдруг вздумалось желать счастья этой женщине! Надо было просто улизнуть отсюда, так нет же — благословить ее вздумала! Как теперь выкручиваться?

Она боязливо проговорила:

— Пусть вам всюду сопутствует удача, пусть вас высоко вознесет бог, пусть прославится ваше имя!

— То-то же! — усмехнулась Минакши.

Она села в автомобиль, заехала к начальнику района и, сообщив ему о происшедшем, отправилась к себе домой.

С тех пор муж и жена превратились в смертельных врагов. Дигвиджая Сингх искал случая пристрелить Минакши, а она больше не выходила на улицу без двух дюжих телохранителей.

Раэ-сахиб с горечью наблюдал, как рушится все, что он создавал всю свою жизнь. Разочаровавшись во всем, он, словно улитка, замкнулся в своем внутреннем мире. Владения шурина, ради которых он влез в новые долги, уплыли из его рук, и эти долги легли на него новым тяжелым бременем. Он получал приличное жалование как член Законодательного собрания, но все оно уходило на то, чтобы поддерживать его престиж — престиж человека, занимающего столь важный пост. И раэ-сахибу пришлось снова увеличивать налоги, разорять арендаторов, требовать у них подарки и сгонять их с земли, чтобы сохранить свою славу. Все это было ему отвратительно. Раэ-сахиб вовсе не хотел истязать своих крестьян, но его вынуждали на это обстоятельства. Он никак не мог избавиться от своих прежних привычек. Его мучила совесть, и, раздираемый противоречиями, раэ-сахиб не находил покоя. А когда на сердце у человека неспокойно, то разве может быть здоровым тело? Несмотря на все предосторожности, он часто болел. На кухне для него готовили всевозможные вкусные кушанья, но судьба то и дело угощала его гороховой похлебкой. Иногда он встречался со всеми братьями-заминдарами, которые были подлее и ничтожнее его, которые запутались в долгах еще больше, чем он, и окончательно погрязли в раз-

врате. Но до такого состояния раз-сахиб еще не опустился. Высокие идеалы до сих пор были живы в его сердце. Он не мог равнодушно смотреть на муки крестьян и утешать себя тем, что в их страданиях и в беспричинной жестокости талукдаров и заключается слава князей. И это было самым крупным его поражением.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Едва выйдя из больницы, Мирза Хуршед сразу же принялся за новое дело. Бездействие было противно его натуре. Что же это было за дело? Он принялся за организацию танцевальной труппы из проституток.

В то время, когда Мирза Хуршед был богат, независим и имел все, что мог пожелать человек, дни его проходили в любовных утехах и разврате. Но за время пребывания в госпитале, когда он лежал в одиночестве, страдая от ран, сердце Мирзы преисполнилось желанием служить своим близким. Вспоминая о своей прежней жизни, он испытывал раскаяние и сожаление. Будь он в то время поумней, скольким людям он мог бы оказать добрую услугу, скольких он мог бы избавить от нужды и лишений! А он истратил свои деньги на разврат, пустил их на ветер! Это, конечно, не новость, что порой только несчастье способно пробудить наш дух. Кто в старости не жалеет об ошибках, совершенных в молодые годы? О, если бы эти годы проходили в добрых делах, в непрестанном развитии наших умственных и физических сил, каким бы утешением это служило нам в старости! Кроме того, находясь в госпитале, Мирза Хуршед убедился в том, что во всем мире у него нет ни одного близкого человека и что после его смерти никто не прольет о нем и слезинки.

Ему часто вспоминался один случай из прошлого. Как-то он болел малярией и лежал беспомощный в какой-то деревушке близ Басры. Одна крестьянская девушка самоотверженно ухаживала за ним. Когда он, наконец, выздоровел, то захотел отблагодарить девушку за ее старания деньгами и украшениями. Еле сдерживая слезы, девушка опустила голову и наотрез отказалась взять от него подарки. Здесь, в этом госпитале, сиделки ласковы, добры, предупредительны и всегда готовы во

всем помочь, но где же любовь, где самоотверженность, которые проглядывали в каждом движении, в каждом взгляде той неопытной молоденькой девушки, почти девочки? Как мог он забыть о ней? Тогда он пообещал девушке вернуться, но так и не зашел к ней. Увлеченный любовными похождениями, он никогда не вспоминал об этой крестьяночке, а если и вспоминал, то испытывал к ней не чувство любви, а что-то похожее на жалость. Кто знает, что случилось с этой девушкой, как сложилась ее жизнь? Но теперь лицо ее, полное смирения, покоя и доброты, постоянно возникало у него перед глазами. Какой счастливой была бы его жизнь, если бы он тогда женился! И это печальное воспоминание о несправедливости, совершенной им по отношению к этой крестьянской девушке, сделало всех женщин предметом его внимания и сочувствия. Пока река в половодье мчит, сжатая берегами, лучи солнца теряются в ее мутном, стремительном и пенящемся потоке, но когда она плавно и тихо несет свои очистившиеся от грязи воды, солнечные лучи проникают до самого дна.

В прохладный весенний вечер Мирза-сахиб сидел на веранде своего домика и беседовал с двумя проститутками, когда к нему явился с визитом мистер Мэхта. Мирза сердечно пожал ему руку и сказал:

— А я ведь давно уже хотел с вами встретиться.

Проститутки улыбнулись. Мэхта смутился. Тогда Мирза сделал обeim знак, чтобы они ушли, и, усаживая Мэхту на подушки, сказал:

— Я уже сам собирался идти к вам. Мне кажется, что дело, за которое я собираюсь взяться, без вашей помощи мне не осилить. Вам необходимо подтолкнуть меня, чтобы я двинулся вперед, и крикнуть: «А ну-ка, Мирза, начинай!»

Мэхта рассмеялся.

— В том, что вы задумали, едва ли понадобится помощь книжных червей, вроде меня. Вы прожили больше моего и лучше меня знаете мир. Обладая я вашей способностью оказывать влияние на людей, я бы тогда ничего не испугался!

Мирза коротко рассказал Мэхте о своей новой идее. Он считал, что в дома терпимости попадают женщины, которые по какой-нибудь причине не могли жить честной и праведной жизнью в своей семье или были

вынуждены стать на этот путь из-за нужды. Если бы не эти две причины, то, пожалуй, лишь очень немногие из женщин согласились бы влачить это жалкое существование.

Подобно всем мыслящим людям, Мэхта не раз задумывался над этим вопросом. Но он полагал, что на порочный путь часть женщин влечет главным образом врожденная склонность к разврату и стремление к роскоши и удовольствиям.

Мирза не согласился с Мэхтой. Между обоими разгорелся спор. Каждый упорно отстаивал свою точку зрения.

— Вы не подумали серьезно над этим вопросом, Мирза-сахиб! — горячо доказывал Мэхта, размахивая рукой, сжатой в кулак. — Есть немало иных способов добывать себе хлеб насущный! А вот когда женщина жаждет роскоши и наслаждений, тогда она и вступает на этот путь. Потому что ей нужен не хлеб, а самые лучшие, самые дорогие, самые изысканные вещи на земле. Труппа, которую вы собираетесь организовать, не принесет никакой пользы. Тут может помочь только коренная переделка всего общества.

— А я утверждаю, — топорщил усы Мирза, — что это только вопрос средств к существованию. Конечно, не для всех это понятие одинаково. Для рабочего это мукá, горox и простая хижина, крытая соломой. Для адвоката это автомобиль, загородный дом и слуги. Ведь человеку недостаточно одного хлеба, он хочет иметь еще многое другое! И если этот вопрос во всей сложности встал также и перед женщинами, то разве они виноваты?

Если бы доктор Мэхта подумал немного, он увидел бы, что между точкой зрения Мирзы и его собственной нет почти никакой разницы: все дело только в словах. Но об этом редко кто думает в пылу спора.

— Извините, Мирза-сахиб, но проституция будет существовать до тех пор, пока будут существовать бедняки и богачи. Пусть даже ваша труппа будет иметь успех — в чем, к слову сказать, я сильно сомневаюсь — все равно, вы не сможете вовлечь в нее больше десятка женщин, да и то лишь на время. Разве все могут танцевать на сцене? Ведь для этого нужен талант! Многие ли способны стать поэтами? Если даже предположить, что эти женщины будут заняты в вашей труппе более или менее длительный срок, то все равно их место в публичных домах займут другие. Отщипывая листочки, вы ничего не

сделаете. Дерево повалится только тогда, когда по корням его застучат топоры. И среди богатых людей встречаются иногда такие, которые, бросив все, посвящают себя служению людям. Но власть богатства не колеблется и продолжает оставаться такой же несокрушимой.

Мирза был очень огорчен тем, что Мэхта не сочувствует его планам. Такой умный, образованный человек и говорит подобные вещи! Разве легко изменить социальное устройство общества? На это потребуются столетия! А до тех пор пускай, значит, все остается попрежнему. Он, Мирза, должен сидеть ничего не делая, а несчастные женщины будут оставаться жертвами похоти мужчин? Почему не запереть тигра в клетку, чтобы он со всеми его зубами и когтями никому больше не мог причинять вред? Неужели лучше сидеть сложа руки и ждать, пока тигр сам превратится в убежденного вегетарианца? Пускай богачи как хотят, так и тратят свои деньги; Мирзе до этого дела нет. Пусть они тонут в вине, покупают автомобили, строят замки, воздвигают индусские храмы и мусульманские мечети — Мирзе это безразлично. Но пусть они не губят женщин! На это Мирза не может смотреть спокойно! Он сделает так, что ни одной женщины не останется в домах терпимости и некому будет даже плюнуть на золотые ашрафи, которые несут туда сейчас пьяные толстосумы. Разве не приходилось даже самым отъявленным пьяницам заливать свою жажду водой, когда было организовано пикетирование винных лавок?

— Вы должны знать, — смеялся Мэхта над безрассудством Мирзы, — что существуют такие страны, где вообще нет проституции, но и там деньги богачей все равно дают им возможность удовлетворять свои низменные вожделения.

— Я знаю об этом, знаю! Спасибо за разъяснение! — в свою очередь рассмеялся Мирза над глупостью Мэхты. — Спасибо вам, я уже кое-что повидал и кое-что понял. Но здесь Индия, а не Европа!

— Человеческая природа всюду одинакова!

— Но не забывайте о том, что у каждой нации есть нечто присущее ей одной, и это нечто называют ее духом, а духом индийской цивилизации является честь.

— Это не больше как сентиментальность.

— Вы проклинаете богатство, а сами между тем не устаете во всем поддерживать Кханну!

Мэхте нужно было куда-то идти, и он торопился окончить спор.

— Я стал поддерживать Кханну тогда, когда он вырвался из когтей богатства,— уже более спокойно проговорил Мэхта.— Если бы вы увидели его теперь, то, право, и вы бы над ним сжалились. Да и какую поддержку может оказать ему человек, который все свое время проводит над книгами и пропадает в библиотеках? Самое большее, что я мог сделать, так это выразить ему мое соболезнование. Вот Малти действительно оказала ему поддержку. Она его просто спасла. Право, я до сих пор даже не предполагал, что в тайниках человеческого сердца таится такая готовность к жертве ради ближнего. Вы бы как-нибудь заглянули к Кханне! Думаю, что не пожалеете. Он сейчас очень нуждается в сочувствии.

— Что ж, если вы советуете, я зайду к нему,— неохотно отозвался Мирза.— Ради вас я готов слазить даже в ад. Кстати, вы как будто собирались жениться на мисс Малти! Эта новость облетела весь город.

— Воздерживаюсь пока,— ответил Мэхта.— Кто знает, когда это случится!

— Да ведь она же сохнет по вас!

— Я испытывал такое же чувство, но когда я протянул руку, чтобы взять ее, то увидел, что она витает в заоблачных высях. Как я могу забраться на такую высоту? Я уговариваю ее спуститься ко мне на землю, но она даже не хочет об этом слышать.— Мэхта громко рассмеялся, но в смехе его слышались слезы.

— Когда мы увидимся снова? — спросил Мирза.

— Как-нибудь! А вы не поленитесь, навестите Кханну! Это моя просьба.

— Хорошо, я зайду к нему...

Сидя у окна, Мирза Хуршед провожал Мэхту взглядом. В походке его не было обычной стремительности: он шел медленно, неуверенно, словно погруженный в глубокое раздумье.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Доктор Мэхта из экзаминатора вдруг сам превратился в экзаменуемого. Не имея возможности встречаться с Малти, он начинал побаиваться, как бы ему совсем ее не потерять. Малти не заходила к нему уже несколько

месяцев, и когда он, не выдержав, сам отправился к ней, ему не удалось повидать ее. Пока длилась вся эта история Рудрапала и Сародж, Малти прибегала к нему за советом по несколько раз в день, но с тех пор, как молодые уехали в Англию, она перестала заходить, а заставить ее дома было не так-то легко. Казалось, она избегала встречи с Мэхтой и старалась изгнать его из своего сердца. Даже книга, которую Мэхта писал, перестала интересовать ее.

Мэхта никогда не отличался деловыми способностями и в практической жизни был совершенно беспомощен. Он зарабатывал в общей сложности более тысячи рупий в месяц, но почти всегда сидел без гроша. Ему едва хватало на самую скудную пищу, а из предметов роскоши у него был только автомобиль, которым он всегда управлял сам. Часть денег он тратил на книги, часть на различные пожертвования, часть шла на помощь бедным студентам и часть на свой сад. Мэхта выписывал из-за границы самые дорогие декоративные растения, высаживал их, лелеял, но вскоре, увлеченный каким-нибудь делом, забывал обо всем, и сад хирел без присмотра. Домашние дела его тоже были запущены. На еду у него уходило более ста рупий в месяц, а питался Мэхта плохо. Ачкан его совсем обветшал, но он ходил в нем даже в самый холодный период года, потому что у него не было денег, чтобы сшить себе новый. Иногда ему приходилось завтракать одним вареным горохом без масла: купить его он забывал, а просить у хозяина дома стеснялся — еще, пожалуй, подумает что-нибудь.

В конце концов после трех неудачных попыток Мэхте удалось-таки встретиться с Малти. Увидев его в таком состоянии, Малти не выдержала.

— Вы что, хотите всю зиму так проходить? И не стыдно вам надевать такой ачкан? — воскликнула она.

Малти, хоть и не была женой Мэхты, задала этот вопрос самым естественным тоном, словно разговаривала со своим родственником.

— Что я могу сделать, Малти? — не смущаясь, ответил Мэхта. — Денег нет!

— Ведь вы же зарабатываете больше тысячи в месяц! — удивилась Малти. — Неужели у вас нет денег на то, чтобы одеться? Мне никогда не удавалось заработать больше четырехсот рупий, но я на них веду хозяйство и

даже делаю кое-какие сбережения. Куда же вы деваете свои тысячи?

— Я ничего не трачу без нужды.

— Ну хорошо, возьмите деньги у меня и закажите себе два ачкана.

— Да нет, я сам закажу,— смутившись, сказал Мэхта.— Честное слово, закажу!

— Если хотите бывать у меня, извольте являться в человеческом виде.

— О, вот это уже труднее!

— Как-нибудь справитесь! От вас ведь иначе ничего не добьетесь!

Но кошелек у Мэхты был пуст, а идти без денег к портному он не решался. С какими глазами он теперь покажется к Малти? Сердце Мэхты сжалось.

Вскоре, как на грех, с Мэхтой стряслось новое несчастье. В течение нескольких месяцев он не платил за жилье. Дом, который он снимал, обходился ему по семьдесят пять рупий в месяц. Хозяин несколько раз требовал деньги, а потом просто вручил Мэхте счет. Назначенный срок подошел, но платить было нечем. Тогда хозяину поневоле пришлось подать на него в суд. Он знал, что Мэхта весьма почтенный и благородный человек, но что он мог сделать, если тот не платил ему уже целых шесть месяцев! Мэхта не обратил на это внимания, и суд вынес решение взыскать с него арендную плату за дом по иску. Хозяин немедленно дал этому делу ход. Чтобы предупредить Мэхту о грозящих неприятностях, к нему вскоре пришел судебный исполнитель, сын которого учился в университете и получал от Мэхты стипендию. Случайно в этот момент у Мэхты сидела Малти.

— Что это за судебный иск? — спросила она.— В чем дело?

— Это постановление о взыскании квартирной платы! — ответил судебный исполнитель.— Я решил предупредить хузура. Ведь все дело в каких-то четырех-пяти сотнях рупий. Разве это для него сумма? Пусть он выплатит эти деньги в течение десяти дней, и все будет в порядке! А я уломаю домохозяина, чтобы он еще с десятков дней подождал.

Когда судебный исполнитель ушел, Малти презрительно сказала:

— Вот уже до чего дошло! Право, я удивляюсь, как

это вы можете писать такие толстые книги! Задолжали за квартиру больше чем за шесть месяцев и даже не знаете об этом!

— Почему не знаю? — в смущении опустив голову, ответил Мэхта. — Мне все известно, да денег что-то не хватает. Я ведь ни одной пайсы не трачу без пользы!

— Вы хоть знаете, сколько вы получаете?

— Конечно, знаю. Все, что я получаю, я обязательно записываю в книгу доходов, иначе налоговый инспектор жить не даст.

— А то, что вы расходуете?

— Ну, этому я счет не веду!

— Почему?

— А зачем? Лишнюю писанину разводить?

— Но ведь вы же пишете эти свои книги?

— Это совсем другое дело! Писать книги нетрудно. Я беру перо, сажусь и пишу. А сидеть все время над книгой расходов — нет уж, увольте!

— Как же вы собираетесь погасить эту задолженность?

— Возьму у кого-нибудь в долг. Если у вас есть деньги, одолжите мне, пожалуйста!

— Я вам дам деньги, но при условии, что сама буду вести счет всем вашим доходам и расходам.

— О! — радостно воскликнул Мэхта. — Если вы возьмете все это на себя, я буду просто счастлив! Я готов плясать от радости!

Малти оплатила иск, а на следующий день заставила Мэхту уйти из его бунгало. Она предоставила Мэхте две большие комнаты в своем собственном доме и организовала его питание. Личных вещей у Мэхты почти не было, но книги едва поместились на нескольких повозках и заполнили обе его комнаты. Конечно, ему было жаль оставлять свой сад, но Малти предоставила в его полное распоряжение весь двор, где он мог выращивать любые цветы и деревья.

Мэхта был беззаботнейшим человеком, и Малти пришлось потратить немало энергии и времени, чтобы упорядочить его бюджет. Она видела, что доходы его превышают тысячу рупий в месяц, но эти деньги растекались неведомо куда. Малышей двадцать—двадцать пять получали от него деньги на обучение в школе, кроме этого, Мэхта помогал примерно такому же количеству вдов.

Малти не могла придумать, как бы снизить его расходы. Теперь вся ответственность неизбежно должна была лечь на нее. Она иногда ворчала на Мэхту, иногда упрекала себя, иногда злилась на просителей, которые, несколько не стыдясь, обирали этого простого и великодушного человека. Больше всего она возмущалась, когда видела, что среди них есть люди, недостойные его внимания и помощи. Наконец, однажды она высказала Мэхте все, что думала по этому поводу.

Выслушав ее, Мэхта беззаботно ответил:

— Это ваше право: кому хотите — давайте деньги, кому не хотите — не давайте! Меня об этом спрашивать нечего! Только объяснитесь со всеми этими людьми сами!

— Ах, вот как? — рассердилась Малти. — Вы сохраняете свое доброе имя, а весь позор падет на мою голову? Я просто не понимаю, как вы можете заниматься такого рода благотворительностью. Ведь вы только развращаете людей, превращаете их в паразитов и бездельников и унижаете их! Право, любая несправедливость приносит меньше вреда, потому что несправедливость хотя бы рождает в сердцах людей дух протеста!

— Я тоже так думаю, — согласился с ней Мэхта.

— Вы думаете не так!

— Нет, Малти, я говорю правду!

— Почему же тогда ваши слова так расходятся с вашими поступками?

На третий месяц Малти решительно отказала в помощи многим просителям. Одних она просто выпроводила, с другими поругалась, а третьих пристыдила.

Бюджет Мэхты мало-помалу пришел в порядок, но он был этим как будто бы даже огорчен. Когда через три месяца благодаря стараниям Малти у него скопилось три сотни рупий, он ничего ей не сказал, но прежнее его мнение о Малти изменилось к худшему. Ведь женщине должны быть свойственны готовность к жертве и чувство самоотречения! Это в них самое драгоценное! Именно на этом и держится человеческое общество. Если же Мэхта замечал в женщине деловую жилку, то мирился с этим только как с неизбежным злом.

Когда Мэхте принесли, наконец, сшитые на заказ ачканы и новые часы, он несколько дней от стыда не выхо-

дил из дома. Больше всего он боялся, как бы его не обвинили в щегольстве!

А Малти добивалась лишь одного: ей хотелось привести дела Мэхты в порядок. Ради этого она готова была закрыть дверь перед всяким, кому он отдавал свои деньги и свое время. Сама же она, полная желания служить людям, щедро тратила и свое время и лучшие силы своей души. Если ее вызывали к больному в богатый дом, она брала за услуги гонорар, но бедняков она лечила бесплатно и бесплатно давала им лекарства. Разница между Малти и Мэхтой заключалась в том, что Малти одновременно успевала заботиться о своем доме и семье, а Мэхта всего себя посвящал другим, потому что у него не было дома. В сущности оба они приносили себя в жертву своим ближним. Но жизненная дорога, лежавшая перед Мэхтой, была пряма и ясна; он ничем не был связан, ни за что не отвечал, кроме как за себя самого. Другое дело — Малти. На ней лежали обязанности перед своей семьей, и жизнь ее была связана рядом ограничений, которые она не могла, да и не хотела разрывать. Наблюдая сейчас за Мэхтой, она чувствовала, что этого человека, привыкшего к вольной жизни, ей не посадить в клетку. А если она попробует засадить его туда, он станет кусаться и царапаться. Создай она в этой клетке любые условия — все равно, он будет постоянно тосковать о бескрайних джунглях, о свободе. Мир домашнего очага, семейная жизнь были незнакомы Мэхте, он не знал ее правил и обычаев.

Прежде Мэхте приходилось наблюдать мир семьи со стороны, и ему казалось, что в нем царят только обман и вероломство. Куда ни бросал он взгляд, он видел только плохое, достойное осуждения. Но потом, внимательно всмотревшись, он убедился, что под напластованиями плохого таятся и любовь и готовность к жертве. И вот, когда его одолевали раздумье и сомнения, он вдруг увидел перед собой Малти. Она, словно богиня, появлялась из тьмы, и он, не раздумывая, устремлялся к ней, стараясь только замаскировать свои чувства, чтобы никто не догадался о них. Он не подумал тогда о том, что это стремление таит в себе гибель. Разве можно держать взаперти любовь? Она требует полной веры в себя, полной свободы и полной ответственности! Сила ее роста заключена в ней самой. Для нее необходимы свет и

воздух. Любовь — не стена, на которую сверху кладут кирпичи. В ней горячая душа, бесконечная сила, великие возможности.

С тех пор как Мэхта перешел жить в бунгало Малти, он мог видеть ее по нескольку раз в день. Многие полагали, что в скором времени состоится их свадьба и что откладывается она только потому, что они хотят немного подождать для приличия. Что касается Мэхты, то он только о том и мечтал. Если бы Малти хотела совсем порвать с ним, разве стала бы она так возиться с его делами? Очевидно, она предоставляет ему возможность подумать. И Мэхта, хорошенько все обдумав, пришел к выводу, что без Малти он лишь половина человека, и только с ней он будет представлять собой нечто цельное. Со стороны казалось, что Малти интересуют только развлечения, но на самом деле это была целеустремленная, волевая женщина. Со дня их первого знакомства отношения между ними очень изменились. Если раньше жаждущей была Малти, то теперь изнывал от жажды Мэхта. Но странное дело, избавившись от всех своих прежних сомнений, он уже не решался заговорить с Малти на эту тему! Наблюдая Малти вблизи, Мэхта чувствовал, что его все сильнее и сильнее влечет к ней.

Когда смотришь издали на страницы книги, то кажется, что буквы сливаются, но вблизи они видны очень ясно, и каждая из них наполняется особым значением.

К этому времени Малти наняла Гобара в качестве садовника. Однажды она возвращалась домой от больного, как вдруг посреди дороги кончился бензин. Машину она вела сама. «Где же мне достать бензина?» — подумала Малти. Время было позднее, уже около десяти часов вечера. Стоял холодный месяц магх, и улицы были совершенно пустынные, так что помочь довести автомобиль до бензоколонки было некому.

— Вот растяпа! — ворчала Малти, злясь на своего механика. — Ни о чем не заботится! Хоть бы посмотрел, есть в баке бензин или нет!

Случайно поблизости оказался Гобар. Увидев Малти, стоявшую возле автомобиля, он тотчас понял, в чем дело, и, подталкивая автомобиль, довел его до бензоколонки.

Малти осталась довольна усердием Гобара.

— Хотите служить у меня? — спросила она.

Тот с благодарностью согласился. Договорились, что она будет платить ему пятнадцать рупий. Гобару работа садовника нравилась, дело было знакомое. Правда, на заводе он зарабатывал больше, но поступить туда снова теперь было не так-то легко.

На следующий день он начал работать у Малти. Для жилья ему была выделена небольшая хижина, в которую они и переселились с Джхунией. Когда Малти выходила в сад, она всякий раз видела игравшего там ребенка Джхунии. Малти угощала его сладостями и очень с ним подружилась. Едва завидев ее, мальчик начинал ходить за ней по пятам и не отставал до тех пор, пока не получал какого-нибудь лакомства.

Выйдя однажды в сад, Малти заметила, что ребенка там нет. Она спросила у Джхунии, где ее сын, и узнала, что тот заболел.

— Веди меня к нему, — взволнованно проговорила Малти. — Я хочу посмотреть, что с ним!

Ребенок метался в бреду. В маленьком доме под черепичной крышей было так влажно, так темно, и в эти жаркие дни там скопилось столько mosquitos, что Малти не смогла пробыть в нем даже минуты. Сбегав в бунгало за градусником, она поставила его ребенку — температура была уже больше сорока. «Уж не оспа ли это? — подумала Малти. — Ведь прививку от оспы ему не сделали! Если оставить малыша в этой тесной, сырой конуре, температура может подняться еще выше».

Вдруг мальчик открыл глаза. Увидев стоящую рядом Малти, он протянул к ней ручонки, просясь, чтобы та взяла его. Малти вынула малыша из кровати и принялась укачивать. На руках у Малти ребенок словно ожил. Горячими от жара пальчиками он схватил висевшее у нее на шее жемчужное ожерелье и потянул к себе. Малти сняла ожерелье и надела на шею ребенка. Но даже болезнь не могла убить в малыше наивного детского эгоизма. Едва ожерелье очутилось у него, как он заплакал и потянулся к Джхунии. Он боялся, как бы у него не отняли блестящей игрушки. Теперь безопаснее было находиться на руках матери!

— Ишь, хитрец! — добродушно рассмеялась Малти. — Получил, что требовал, да и наутек!

— Отдай обратно, сынок! — сказала ему Джхуния. — Эта вещь принадлежит госпоже!

Ухватившись за ожерелье обеими ручонками, малыш сердито смотрел на мать.

— Пусть побудет на тебе, мальчик,— сказала Малти.— Я у тебя его не отниму!

Вернувшись в бунгало, она освободила свою приемную и поселила туда Джхунию. Мангал с изумлением разглядывал этот рай. Под потолком вращался вентилятор, сверху свисало несколько ярких электрических лампочек, на стенах были картины. Он долго и удивленно таращил глазенки на все это великолепие.

— Мангал! — ласково позвала его Малти.

Мангал серьезно взглянул на нее, словно говоря: «Сегодня я не могу смеяться, госпожа, когда кругом такие чудеса! Уж простите меня!»

Малти долго объясняла Джхунии, как нужно ухаживать за больным сыном, и, уходя, спросила:

— Если у вас дома есть женщины, то скажи Гобару, пусть позовет кого-нибудь на несколько дней, чтобы присмотреть за ребенком. Я боюсь, что у него оспа. Далеко отсюда до твоего дома?

Джхуния назвала свою деревню и объяснила, где она находится.

— На берегу реки? — спросила Малти.

— Да, да, госпожа! Откуда вы знаете?

— Мы однажды ездили туда и останавливались в доме Хори. Знаешь ты его?

— Это мой свекор, госпожа. А вы помните мою свекровь?

— Да, кажется. Такая умная, рассудительная женщина... Мы с ней долго разговаривали. Пошли за ней Гобара, пускай он позовет ее сюда.

— Нет, он ее звать не станет...

— Почему?

— Есть на то причина...

Джхунии приходилось одной вести все хозяйство: ходить за водой и хлебом, мыть посуду, прибираться в доме, подметать двор. Гобар и она весь день занимались своими делами, ели наскоро только поджаренные зерна, и лишь вечером, когда к ним приходила Малти, Джхуния принималась стряпать себе и мужу, а Малти сидела с ребенком. Джхунии самой хотелось посидеть возле сына, но Малти не разрешала. Ночью температура у ребенка

поднималась, и он метался в бреду. Малти, взяв его на руки, часами ходила по комнате.

На четвертый день на тельце ребенка появились оспенные язвы. Малти привила оспу всем жившим в бунгало: себе, Мэхте, Гобару и Джхунии. В первые дни короста у мальчика была редкая и мелкая. Но вскоре язвы увеличились до размера виноградин, некоторые из них, слившись, сделались еще больше. Язвы чесались и не давали Мангалу покоя. Мальчик глядел на Малти страдальческими глазами и жалобно стонал. Стонал он, как взрослый человек, и взгляд его был взглядом взрослого человека. Казалось, нестерпимая боль убила его невинное детство. Детский ум его созрел неожиданно быстро, он словно понимал, что может выздороветь только благодаря заботам Малти. Если Малти почему-либо выходила из комнаты, он принимался плакать, а когда она возвращалась, умолкал.

К вечеру малышу становилось хуже, и Малти приходилось проводить около него целые ночи, но она не роптала. Правда, иногда она возмущалась, видя, как Джхуния по неопытности делает то, что не следовало бы делать. Гобар и Джхуния верили в различные заговоры и заклинания, но не знали, как их применить в данном случае. А Джхуния, хотя это и был ее второй ребенок, не умела правильно обращаться с детьми. Если Мангал надоедал ей, Джхуния принималась его ругать, а когда у нее выпадала свободная минута, она ложилась прямо на пол и засыпала. А Гобар просто боялся входить в комнату. Как зайдешь туда? Ведь там Малти! Он только спрашивал у Джхунии о здоровье сына и, поев, ложился спать. Он еще не оправился полностью после драки на заводе и быстро уставал. В те дни, когда Джхуния продавала траву, а он отлеживался, ему стало лучше, но здесь, за несколько месяцев напряженной работы, самочувствие его вновь ухудшилось. Дела тут было много: надо полить весь сад, вскопать клумбы, выполоть траву, напоить и подоить коров — разве можно обманывать такую добросердечную хозяйку? Это чувство не давало ему и минуты посидеть спокойно. Да и как он мог отдыхать, если сам Мэхта и тот с лопатой в руках часами копался в саду? Гобар высыхал на глазах, зато сад расцветал.

Мэхта тоже привязался к ребенку. Однажды Малти, держа малыша на руках, позволила ему подергать Мэхту

за усы, и тот уцепился за них так, словно собирался их вырвать. На глазах у Мэхты выступили слезы, и он, рассердившись, сказал:

— Ну и шайтаненок же этот мальчишка!

— А почему вы не сбреете усы? — напустилась на него Малти.

— Усы мне дороже жизни!

— Когда-нибудь он вырвет их у вас с корнем.

— О, тогда я оторву ему уши!

А Мангал испытывал величайшее наслаждение, дергая Мэхту за усы. Он заливался смехом и тянул их все сильнее. Вероятно, Мэхте тоже это понравилось, потому что он по несколько раз в день позволял малышу вить их веревки.

Когда на лице у Мангала появилась оспенная короста, Мэхта очень встревожился. Он часто навещал мальчика и подолгу печально и пристально смотрел на него. При мысли о страданиях, которые приходилось выносить бедняжке, доброе сердце Мэхты сжималось от боли. Если бы можно было помочь и пришлось бы для этого отправиться на край света, Мэхта сделал бы это не задумываясь. Если бы для этого требовались деньги, он достал бы их любой ценой, даже если бы ему пришлось просить милостыню. Однако сейчас он ничем не мог ему помочь. Руки Мэхты дрожали, когда он касался мальчика: как бы не сорвать коросту с этих страшных волдырей! Малти брала ребенка очень осторожно и, посадив на плечо, подолгу носила его по комнате. Эта искренняя материнская любовь еще больше возвышала ее в глазах Мэхты. Малти — не только женщина, но и мать, и не простая мать, а мать в полном смысле того слова, — богиня, дарующая жизнь! Кто еще может так заботиться о чужом ребенке, как о своем собственном! В ней как будто скопился неисчерпаемый запас материнских чувств, и теперь она щедро расточала их. Все ее существо полно было материнской любви. Можно было подумать, что только сейчас Малти нашла себя. Ее кокетливость, ее прихоти и капризы, ее пристрастие к драгоценностям и украшениям — все это было только завесой, за которой великое материнское чувство пряталось от посторонних глаз.

Пробило час ночи. Мэхта проснулся, услышав плач Мангала. «Бедная Малти! Опять ей среди ночи вста-

вать,— подумал он.— Как ей, наверно, тяжело просыпаться в это время. Если дверь открыта, я, пожалуй, и сам сумею успокоить ребенка».

Мэхта тотчас же встал, подошел к двери и посмотрел через стекло. Малти сидела с ребенком на руках, а тот, не переставая, плакал. Возможно, он увидел какой-нибудь страшный сон или чего-нибудь испугался. Малти ласкала его, показывала картинки, прохаживалась с ним по комнате, стараясь развлечь малыша, но он никак не успокаивался. Глаза Мэхты наполнились слезами при виде столь безграничной любви и терпения Малти. Сердце его было окончательно покорено. Ему хотелось войти сейчас в комнату и склонить свою голову к ногам Малти. Из самого сердца его готовы были вырваться слова бесконечной любви: «Любимая богиня моя, счастье мое!» Охваченный этим сильным чувством, Мэхта окликнул Малти:

— Малти, отпирите, пожалуйста, дверь!

Малти открыла дверь и вопросительно посмотрела на него.

— Что, разве Джхуния не встала? — спросил Мэхта.— Вон как он плачет.

— Сегодня восьмой день,— озабоченно сказала Малти.— Ему, наверно, очень больно, вот он и плачет.

— Дайте-ка его мне, я понянчу. Вы с ним совсем замучились.

— Еще немного, и вы, пожалуй, начнете на него сердиться,— улыбнулась Малти.

Она была права, но кто станет признаваться в своих слабостях?

— Я вижу, вы считаете меня слабонервным! — сказал Мэхта, настойчиво протягивая руки к ребенку.

Малти передала ему ребенка, и тот сразу замолчал. Должно быть, инстинкт подсказал ему, что плакать сейчас бесполезно. Этот вновь пришедший человек не женщина, а мужчина. А мужчины безжалостны. Он может сделать все: и положить на кровать, и выбросить в темноту ночи и оставить его одного!

— Видели? — гордо спросил Мэхта.— У меня на руках он живо умолк.

— О да! Вы, я вижу, великий специалист и в этом деле. У кого только вы учились?

— У вас.

— Я — женщина. А разве могут женщины чему-нибудь научить вас?

— Малти,— смущенно заговорил Мэхта,— умоляю вас, забудьте о том, что я когда-то говорил вам! Вы не можете представить себе, как я раскаивался все эти месяцы, как я страдал, как мне было стыдно!

— Я забыла обо всем этом,— просто ответила Малти.— Честное слово, забыла!

— Могу ли я поверить?

— Разве в этом не убеждает вас то, что мы оба живем в одном доме, едим за одним столом, смеемся, разговариваем...

— Малти, я хочу просить вашей руки!

Он бережно уложил Мангала на кровать, и тот, свернувшись клубочком, заснул. Мэхта смотрел на Малти взглядом, полным любви и надежды, словно вся его жизнь зависела от ее решения.

Малти была глубоко взволнована.

— Вы же знаете,— сказала она,— что во всем мире у меня нет человека, более близкого, чем вы. Давно уже я принесла себя в жертву вам. Вы мое божество, мой учитель. Вам нет нужды просить у меня моей руки, достаточно поманить меня пальцем! До тех пор пока я не встретила вас и не познакомилась с вами, единственной целью моей жизни были удовольствия и развлечения, да еще эгоистичное любованье собой. Вы разбудили меня, поставили на ноги. Этого я никогда не забуду. Я на всю жизнь запомнила слова, сказанные вами тогда на берегу реки. Мне было обидно, что вы увидели во мне только то, что видят все мужчины. Я ожидала от вас иного. Но виновата была я, я одна, я это знаю. И все-таки вы поступили тогда со мной несправедливо. Вы решили, что, полюбив вас, я останусь прежней! Нет, вам, право, не понять, какое чувство гордости я испытываю сейчас! Если я сумела завоевать вашу любовь и ваше доверие, мне нечего больше желать! Этого счастья вполне достаточно, чтобы жизнь моя обрела смысл. Я нашла, что искала!

Малти говорила, а сердце ее было полно такой горячей любви, что еще миг—и она бы бросилась к Мэхте на грудь. Чувства, которые она скрывала, излились в словах, стали реальнее и сильнее. Все ее существо было полно ликования. Счастье, которое она считала недоступным и недостижимым, оказалось таким близким!

Радость засияла на ее лице, и Мэхте показалось, что лицо Малти освещено божественным светом. Кто это перед ним? Женщина или само воплощение добра, чистоты и самопожертвования?

Но тут проснулась Джхуния, и Мэхта ушел в свою комнату. После этого ему в течение двух недель не удавалось поговорить с Малти наедине. Слова ее до сих пор звучали в его сердце. Сколько в них было утешения, сколько счастья, сколько пьянящего очарования!

Через две недели Мангал совсем выздоровел, только на лице у него остались рябины от оспы. В день его выздоровления Малти до отвала накормила сладостями соседских мальчишек и поблагодарила всех, кто проявлял внимание к больному. Какое это счастье—жертвовать собой ради других! Сейчас она в полной мере испытала это чувство. Счастье Гобара и Джхунии как бы отражалось в ее сердце. Радость, которую она испытывала, избавляя других от страданий, была несравненно выше мелких удовольствий ее прежней жизни, полной роскоши и комфорта.

Прежние ее мечты и увлечения сейчас потеряли свою остроту — так увядает цветок, когда в нем зарождается плод. Малти прошла стадию, когда человек видит счастье в материальном благополучии. Все это казалось ей теперь никчемным и легкомысленным. Как можно жить в большом светлом бунгало, когда соседние глинобитные лачуги, кажется, жалобно стонут, взывая о помощи? Как можно гордиться собственным автомобилем, если тысячи людей ходят пешком? Мангал — этот глупый, несмышленный ребенок, пролил свет на ее жизнь и словно распахнул перед ней дверь, ведущую к истинному счастью.

Как-то у Мэхты сильно разболелась голова. Закрыв глаза, он лежал на кровати и старался заснуть. К нему вошла Малти. Положив руку ему на лоб, она спросила:

— Давно болит голова?

Мэхте показалось, что это нежное прикосновение сразу уняло его боль. Поднявшись, он сказал:

— Понимаете, разболелась с самого утра. Я раньше и не знал, что такое головная боль! Но достаточно было одного прикосновения вашей руки, чтобы все прошло. Вы меня исцелили!

Малти принесла ему лекарство и приказала не вставать с постели. Когда она собиралась уже уходить, Мэхта попросил ее:

— Посидите со мной немного. Я хочу с вами поговорить.

— Поправляйтесь, тогда и поговорим! — обернувшись, ответила Малти. — А то у вас снова начнутся головные боли! И лежите спокойно. Вы все время что-нибудь пишете или читаете. Вам надо несколько дней отдохнуть.

— Вы не останетесь со мной даже на одну минуту?

— Мне нужно навестить больного.

— Ну, тогда ступайте!

Лицо Мэхты стало таким печальным, что Малти вернулась и, остановившись у его постели, сказала:

— Ну, говорите! Что вы хотели мне сказать?

— Да ничего особенного, — ответил Мэхта упавшим голосом. — Я просто хотел спросить, к какому больному вы пойдете в такой поздний час!

— К дочери раз-сахиба. Она была в очень тяжелом состоянии. Сейчас, правда, ей стало немного лучше.

И Малти вышла.

После ее ухода Мэхта снова улегся на кровать. Он никак не мог понять, почему пропала боль от прикосновения руки Малти. Несомненно, в Малти скрыта какая-то удивительная сила, которая помогает ей творить чудеса. Малти поднялась в глазах Мэхты так высоко, что сияла, подобно небесной звезде. Теперь он мог бы ей поклоняться, но уже не осмелился бы заговорить о любви.

Мэхта закончил, наконец, большую книгу, над которой трудился целых три года. В этом своем труде Мэхта подвергал философскому анализу человеческое общество. Свою книгу он посвятил Малти. Когда из Англии пришли первые экземпляры, один из них он подарил ей. Увидав посвящение, Малти удивилась и опечалилась.

— Зачем вы это сделали? — спросила она Мэхту. — Я этого вовсе не заслужила!

— А я считаю, что заслужили, — с гордостью возразил Мэхта. — Да что там говорить, если бы у меня было сто душ, я бы все их сложил к вашим ногам!

— К моим ногам? К ногам той, у которой нет ничего, кроме эгоизма?

— Если бы я обладал хоть малой долей вашей любви к людям, то считал бы себя счастливым. Вы, вы богиня...

— Каменная? Почему вы не договариваете?

— Богиня самопожертвования, покоя, чистоты...

— Вы идеализируете меня! Я — и самоотречение?..

Право, смешно! Мне и в голову никогда не приходила мысль о служении другим или о самоотречении! Все, что я делаю, я делаю только для себя. Если я пою, то не для того, чтобы умерить страдания несчастных, а лишь потому, что это доставляет удовольствие мне самой. И точно так же, только для того, чтобы доставить себе удовольствие, я раздаю бесплатно лекарства беднякам. Просто это меня радует. А вы превращаете меня в богиню! Теперь вам остается только воскурить в мою честь фимиам и молиться на меня.

— Я делаю это уже не первый год, Малти,— сказал Мэхта.— И я до тех пор буду молиться на вас, пока мы не соединим наши сердца.

— А после этого вы изгоните богиню из храма? — саркастически спросила Малти.

— Тогда мне не нужна будет моя одинокая жизнь! — твердо ответил Мэхта.

— Нет, Мэхта,— серьезно сказала Малти.— Я не один месяц думала об этом и в конце концов решила, что оставаться друзьями куда удобнее, чем мужем и женой. Вы любите меня, верите мне, и я уверена, что, если понадобится, вы отдадите за меня свою жизнь. В вас я нашла не только своего наставника, но и защитника. Я вас тоже люблю и верю вам, и нет такой жертвы, на которую бы я не пошла ради вас. Я молю бога, чтобы он укрепил меня на этом пути. Что еще нужно для высшего духовного счастья? Разве сумеем мы достичь совершенства, если ограничим наши интересы узким кругом семьи, если заключим наши души в тесную клетку и будем жить только своими мелкими радостями и горестями? Если мы поступим так, то это создаст на нашем пути одни только препятствия. Конечно, есть люди, которые могут двигаться вперед даже с кандалами на ногах, и не только могут, но и идут вперед! Я знаю также, что для достижения полного совершенства большое значение имеют любовь и самоотречение, которые проявляются в семье. Но я не нахожу, что мое сердце созрело для этих чувств. Пока нет любви — нет ни эгоизма, ни своекорыстия. А как только в сердце рождается эгоистическое стремление к личному счастью — все кончено! Милосердие и

человечность оттесняются на задний план. Возникают новые обязанности, и все наши силы уходят на них. Я не хочу заключать в эту клетку душу такого умного и одаренного человека, как вы. До сих пор вся ваша жизнь была подвигом самоотречения. В ней почти не оставалось места для забот и дум о себе. Я не хочу связывать и тянуть вас назад. Миру нужны подвижники, подобные вам, подвижники, сердце которых достаточно велико для того, чтобы вместить в себя весь мир. Люди кругом нас стонут от несправедливости, насилия и страха. Куда ни глянь — всюду неверие, ханжество и эгоизм. Вы слышали мольбы несчастных! И если вы не придете к ним на помощь, кто же тогда им поможет? Подобно другим честным людям, вы не закрываете уши, слыша эти стоны. Нет, семейная жизнь для вас станет несчастьем! Лучше идите по прежней дороге, служа людям своими знаниями, умом, воинствующей гуманностью. А я пойду следом за вами. Посвятите этому и свою жизнь и мою — вот чего я жду от вас. Если же сердце ваше стремится теперь лишь к личному счастью, то я приложу все силы, чтобы свернуть вас с этого пути. И не дай бог, если мне не удастся этого сделать! Если мы ограничим себя семейными рамками, я первая брошу вас и, право, не могу сказать, на что я потрачу тогда свою жизнь! Но пусть меня постигнет любая смерть, только не смерть в брачных путях. Итак, я жду ваших повелений, мой господин!

Мэхта слушал Малти, склонив голову. Каждое слово ее проникало ему прямо в сердце. Мысли, которые до сих пор теснились в его голове подобно сновидениям, обогащенные жизненной правдой этих слов, пришли в движение. Всем своим существом он ощущал свет великой истины. И, как это часто бывает, когда мы принимаем большое решение, Мэхте вспомнилось детство. Перед глазами его вновь встали картины далекого милого прошлого. Вот он снова сидит на руках своей матери, бедной вдовы, и он счастлив. Где же ты, моя мать? Приди и посмотри, как высоко поднялся твой сын, как славно его доброе имя! Благослови его на этом пути! Твой упрямый сын сегодня родился для жизни!

Обеими руками Мэхта обнял ноги Малти и произнес прерывающимся голосом:

— Я повинуюсь вашему приказу, Малти!
Сердца обоих слились воедино, и, обливаясь слезами, они бросились друг другу в объятия.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Сыну Силии было уже около двух лет, и он бегад по всей деревне. Вместе с возрастом развивалась и его речь. Однако говорил Раму на каком-то странном, своеобразном жаргоне, совершенно не считаясь с тем, понимают его или нет. В его речи, например, преобладали звуки «т», «л» и «гха», а такие как «с», «р» и некоторые другие совсем отсутствовали. Так вместо «сари» он говорил «али», вместо Раму — «Ламу», а слова «дудка» и «сон» на его языке звучали, как «тута» и «гхон». Кроме того, Раму так искусно и смешно подражал крикам домашних животных, что люди просто животы надрывали от смеха.

— Раму, покажи, как лает собака! — обращался к нему кто-нибудь.

— Гхав, гхав! — серьезно отвечал Раму и скалил зубы, словно хотел укусить прохожего.

— А как мяукает кошка? — спрашивали другие.

И Раму, тараща глазенки, мяукал и, как кошка, скреб по земле руками.

В общем это был очень забавный мальчишка. Когда его ни увидишь, он всегда занят какой-нибудь игрой. При этом он так увлекался, что забывал даже о еде. Больше всего он любил возиться в мягкой придорожной пыли. Сидя под одиноким деревом, неподалеку от дверей хижины, он нагребал огромную кучу пыли, а затем куврыкался в ней, сыпал пыль себе на голову, строил из нее маленькие пирамидки и игрушечные домики. Со своими однолетками Раму не играл. Повидимому, он считал, что они не заслуживают внимания.

Если кто-нибудь его спрашивал:

— Мальчик, как тебя звать?

— Ламу, — отвечал он тут же.

— А как имя твоего отца?

— Мата Дин.

— А мать как зовут?

— Чхилия, — говорил он, вместо «Силия».

— А кто такой Дата Дин?

— Это наш дядя.

И никто толком не знал, откуда Раму известны все эти подробности.

Раму и Рупа сильно привязались друг к другу. Собственно, Раму был для нее забавой, живой игрушкой. Рупа натирала его убитаном, подводила ему каджалом глаза, купала и кормила его, всовывая ему в рот небольшие кусочки пищи. Иногда она так и засыпала, обняв малыша, и Дхания потом ругала ее за это. Но воркотня Дхании не смущала Рупу. Тряпочные куклы научили ее играть роль матери, и теперь, получив в руки живого ребенка, она наслаждалась новой увлекательной игрой. Это было куда интереснее кукол!

К тому времени Силия построила себе небольшую тростниковую хижину на заднем дворе Хори, там, где он раньше привязывал своих быков, и переселилась туда вместе с сыном. Не могла же она жить в доме Хори!

Мата Дин, израсходовав несколько сот рупий, добился того, что бенаресские пандиты в конце концов снова приняли его в касту брахманов. Этот день был отмечен торжественно: для брахманов устроили пышный обед, исполнили ритуальный обряд поклонения священному огню с заклинаниями и молитвами в знак искупления грехов. Мата Дину пришлось также на глазах у всех есть коровий навоз и пить коровью мочу. Так он очистился душой и телом.

С одной стороны, это искупление греха сделало Мата Дина святым: пламя жертвенного огня как бы очистило его человеческую природу, но, с другой стороны, это же яркое пламя осветило ему все ничтожество его духовных пастырей. Теперь Мата Дин был готов сам отречься и от духовного сана и от своих богов. Он снял с себя священный брахманский шнурок и выбросил его прочь, а служебный молитвенник утопил в Ганге. Так Мата Дин стал просто земледельцем в полном смысле слова. Он понимал, что, несмотря на то, что высшие духовные чины утвердили его в брахманском звании, народ попрежнему будет относиться к нему с презрением. Простые люди обращались к нему лишь затем, чтоб он погадал о каком-нибудь деле. В дни религиозных праздников ему даже делали подношения, однако никто не позволял ему дотрагиваться до своей посуды.

В тот день, когда Силия родила сына, Мата Дин выпил двойную дозу бханга и, гордо выпятив грудь, расхаживал по деревне, беспрестанно подкручивая свои усики. Он сгорал от любопытства. Ему не терпелось узнать: на кого же похож ребенок! Похож он на него или нет! Ему хотелось самому взглянуть на новорожденного.

На третий день Мата Дину удалось встретиться в поле с Рупой, и он тут же спросил ее:

— Рупа, ты видела ребенка Силии?

— Конечно, видела! — ответила девушка. — Он такой красненький, толстенький, а глаза у него большие-большие, волосики курчавенькие. Славный такой мальчик! .

Мата Дину почудилось, что он держит ребенка на руках, поднимает его вверх, сажает себе на плечи, а потом, сняв с плеч, целует его в нежные щеки. Сердце Мата Дина дрогнуло.

Набравшись решимости, Рупа сказала ему:

— Хочешь, пойдем к нам. Я тебе покажу его издали. Он сейчас лежит на террасе. Вот только Силия, бедняжка, не знаю почему, все время плачет.

Мата Дин отвернулся. В глазах его стояли слезы, а губы дрожали.

В ту же ночь, когда темнота окутала деревню и все уснули, Мата Дин тихонько прокрался к двери хижины Силии. С глубоким волнением услышал он крик ребенка, и ему показалось, что он слышит крик жизни, полный ликующего счастья.

С этой ночи так и повелось — как только Силия, убаюкав ребенка и оставив его спящим в кроватке, уходила на работу, Мата Дин под каким-нибудь предлогом приходил в дом Хори и, украдкой поглядывая на спящего мальчика, успокаивал свое сердце.

Дхания, заметив это, улыбалась и говорила:

— Ну чего стыдишься-то? Возьми его на руки, приласкай. Ведь это твой сын! И похож-то как на тебя, ну прямо вылитый!

Мата Дин смущался и не знал, что ответить. Оставив для Силии одну-две рупии, он поспешно уходил из дома.

После рождения сына Мата Дин впервые почувствовал себя счастливым. Теперь перед ним была ясная цель, жизнь его приобретала смысл. Он стал сдержанней и серьезней, понимая, что должен нести ответственность за свои поступки. Ведь он — отец!

Однажды Дхания куда-то ушла. Рупа убежала играть, услышав на улице крики детворы. Раму лежал один в постельке на террасе, и больше никого в доме не было. Как раз в это время пришел Мата Дин. Ребенок не спал: пристально глядя в далекое, голубое небо, он выбрасывал вверх ручки и ножки, словно весь рвался ввысь. Жизнь так и была в нем ключом. Взглянув на Мата Дина, мальчик радостно заулыбался. И тут Мата Дин не выдержал: он взял сына на руки, прижал к груди, и сердце его учащенно забилося и затрепетало от счастья, как трепещут солнечные блики в волнах реки. Мата Дин смотрел в глаза ребенка, и ему казалось, что в этих глубоких, чистых глазах отражается вся правда жизни. Но одновременно он почувствовал, что взгляд ребенка словно проникает в самое его сердце и различает все его слабости и пороки. Нет, он еще не смеет прикасаться к этому невинному чистому существу!

И Мата Дин в суеверном страхе положил сына обратно в постельку. Вскоре вернулась Рупа, и он ушел домой.

Однажды, когда Силия отправилась на базар продавать сено, пошел сильный град. Рупа, как всегда, играла где-то с подругами. И вот непоседа Раму выбежал во двор и увидел рассыпанные на земле блестящие крупные градины. Он подумал, что это какое-то незнакомое лакомство, поднял и съел несколько штук. А потом он долго еще играл и бегал по двору. Ночью у него начался жар. На другой день оказалось, что он болен воспалением легких. А на третий день, к вечеру, Раму скончался на руках у Силии.

Силия не могла смириться с потерей сына. Ей казалось, что она и теперь живет только ради него. Ее груди были полны животворного материнского молока, но оно утекало бесцельно. Глядя на это, Силия не могла сдерживать слез. Раньше по вечерам, освободившись от всех дел, она брала сына на руки и давала ему свою грудь. И когда он пил ее молоко, ей казалось, что сердце ее наполняется свежей силой, исходящей от ребенка. В такие минуты Силия пела свои самые любимые песни и мечтала о совершенно новом, светлом мире, где будет царствовать ее Раму. А теперь Силия сидела в своей пустой хижине и горько рыдала, а сердце ее так трепетно билось, словно готово было вырваться из груди и улететь туда,

в потусторонний мир, вслед за маленьким ненаглядным Раму.

Все жители деревни искренне сочувствовали Силии. Ведь Раму был такой забавный, такой славный мальчишка! Он никого не боялся: кто позовет его, к тому он и шел на руки. Все его любили, пока он был жив, а после смерти он стал для людей еще дороже. Теперь им казалось, что он был красивее, забавнее и очаровательнее, чем на самом деле.

Смерть Раму глубоко потрясла Мата Дина. Как снимают с себя покрывало женщины, чтобы ветер во время урагана не унес его, так отбросил и он свою сдержанность, скрывавшую его любовь к сыну. Подняв окоченевшее тело Раму, он пронес его на вытянутых руках до того места, где река вдали от деревни превращается в стремительный и глубокий поток. Восемь дней после этого не разгибались у него руки. В тот день он никого не стеснялся и никого не боялся. И никто не посмел ему ничего сказать. Наоборот, всех покорила его смелость.

— Он понял свой долг мужчины, — говорил Хори. — Раз уж выбрал себе жену — оставайся с ней навеки.

— Хватит вздор-то болтать! — возразила ему Дхания. — Ты меня просто злишь! Разве Мата Дин настоящий мужчина? Трус он, вот что! Таких, как он, я за мужчин не считаю. Где он раньше-то был, когда Силия одна мучилась?!

С тех пор прошел месяц. Силия снова начала ходить на работу. Как-то она собирала в поле колосья ячменя, оброненные во время жатвы. Наступил вечер, на темном небе показалась полная, смеющаяся луна. Набрав целую корзину ячменных колосьев, Силия уж хотела возвращаться домой, но вечер был так тих, луна сияла ослепительно, и она была совсем одна посреди сжатого поля. Поток мучительных воспоминаний о сыне захлестнул ее душу. Грудь ее увлажнилась молоком, слезы хлынули из глаз. Она упала на землю, чтобы вдоволь наплакаться, как вдруг услышала позади себя чьи-то шаги. Силия вздрогнула: к ней шел Мата Дин.

— Силия, ну сколько же можно плакать! — сказал он. — Ведь от слез сын наш не оживет!

Мата Дин принялся ее успокаивать, но не выдержал и разрыдался сам. Все горькие слова, которые Силия

готова была ему высказать, потеряли свой смысл, и она тихо спросила:

— Как ты очутился здесь?

— Проходил мимо, увидел тебя, вот и завернул сюда... — робко ответил Мата Дин.

— Эх ты! — горестно вздохнула Силия. — Ведь ты ни разу даже не понянчил его!

— Нет, Силия, однажды я взял его на руки...

— Это правда?

— Да.

— А где же я тогда была?

— Ты ушла на базар.

— Он не плакал у тебя на руках?

— Нет, Силия, он смеялся.

— Это правда?

— Истинная правда.

— Всего лишь один разок ты и подержал его?

— Да, только раз. Но когда ты уходила на работу, я часто заходил, чтобы поглядеть, как он играет в своей постельке. Мне становилось легче... А только зря я в тот день взял его на руки! Боюсь, не я ли навлек на него беду!

Силия ничего не ответила, а только посмотрела на Мата Дина всепрощающим взглядом. Затем она приподняла с земли корзину с колосьями и, поставив ее себе на голову, направилась домой. Мата Дин пошел с ней рядом.

— Я ведь теперь ночую у тетки Дхании, — сказала Силия. — Одной оставаться дома мне страшно.

— Дхания столько раз со мной о тебе говорила! Все меня ругала!

— Правда? — спросила Силия.

— Да, правда. Как только где-нибудь встретит меня, так и принимается за свое!

Когда они подошли к деревне, Силия сказала:

— Ну, ладно, ступай теперь домой. А то как бы пандит нас не увидел!

— Теперь я никого не боюсь, — решительно ответил Мата Дин, гордо подняв голову.

— Ведь тебя прогонят из дому! — сказала Силия с волнением.

— Ну и пусть! Я построил свой дом.

— Правда?

— Да, правда.

— Где же твой дом? Я ничего не знаю...

— Пойдем, я тебе покажу его.

И они пошли дальше. Мата Дин шагал впереди, а Силия чуть поотстав. Так они пришли к дому Хори. Затем Мата Дин провел ее на задний двор и, остановившись перед дверью тростниковой хижины Силии, сказал:

— Вот мой дом!

— Ведь это же дом презренной чамарки Силии, — ответила она, и в голосе ее явственно прозвучало недоверие, боль, насмешка и... трепетная готовность все забыть и простить.

— Нет, Силия, это храм моей богини! — прошептал Мата Дин, отодвигая дверную шторку.

Глаза Силии заблестели от радости, однако она иронически заметила:

— Ну, если это храм, значит ты зайдешь туда для того, чтобы исполнить обряд, а потом снова уйти.

Помогая ей снять с головы корзину, Мата Дин произнес дрожащим голосом:

— Нет, Силия! Пока жив, я останусь с тобой и буду молиться на тебя!

— Ты говоришь неправду.

— Клянусь тебе в этом! Я ведь знаю, какая ты! Я знаю, что сын патвари, этот верзила Бхунесари, волочил за тобой, и знаю, что ты прогнала его.

— Кто тебе сказал об этом?

— Сам же Бхунесари и сказал.

— Правда?

— Истинная правда.

Они вошли внутрь. Силия чиркнула спичку и зажгла светильник. В одном углу хижины стоял глиняный кувшин, в другом был устроен очаг, а возле него расставлена начищенная железная и медная посуда. Посреди хижины лежала соломенная циновка — постель Силии, а у изголовья циновки — другая маленькая постелька, принадлежавшая Раму. Сейчас она была пуста. Около нее в беспорядке валялось несколько глиняных лошадок и слонов. Их хозяина не стало, и некому было присмотреть за ними.

Мата Дин опустился на циновку. Сердце его сжалось. Он едва сдерживал рыдания.

Положив руку ему на плечо, Силия спросила:

— Ты хоть когда-нибудь вспоминал меня?

Мата Дин взял ее руку в свою и, прижимая к груди, ответил:

— Я о тебе все время думал. А ты вспоминала меня?

— Ты меня тогда так обидел...

— Неужели никогда не вспоминала?

— Нет, ни разу.

— Тогда почему же ты прогнала Бхунесари?..

— Потому... Ну, ладно, скажи лучше, ты и вправду хочешь остаться? А что завтра люди скажут?

— Порядочные люди скажут, что это дело нашей совести, а на то, что скажут дурные, мне наплевать.

— А кто будет готовить тебе пищу?

— Моя богиня, Силия.

— Как же брахман будет жить в хижине чамарки?

— Я хочу быть чамаром, а не брахманом. Брахман живет по законам религии, а не по законам сердца. Но ты мне дороже богов. И пусть меня считают чамаром.

Силия шагнула вперед и бросилась в объятия Мата Дина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Жизнь Хори день ото дня становилась все тяжелее. Он и раньше терпел поражение за поражением, но до сих пор не терял мужества. Можно было подумать, что каждая новая неудача только придает ему силы для борьбы с жестокой судьбой. Однако теперь он дошел до такого состояния, когда в нем не осталось даже веры в себя. Он выстрадал столько, что счастье, казалось бы, должно было улыбнуться ему, наконец. Но этого не случилось. Позор и нищета преследовали его всю жизнь. Не было, пожалуй, ни одного несчастья, которое бы не обрушилось на его голову. Ни одна его мечта, ни одно его желание не осуществлялись, лучшие годы уходили, а вместе с ними все больше и больше тускнел блеск обманчивых надежд. Подобно потерпевшему поражение радже, Хори замкнулся в замке своих трех битхов земли и берег их больше жизни: он голодал, терпел унижения, работал как вол, но не сдавался.

Однако и над этим последним убежищем Хори нависла угроза. За ним накопилось недоимок за три года, и Нокхэ Рам подал в суд, чтобы отобрать у него землю.

А достать деньги Хори было абсолютно неоткуда. Теперь он потеряет землю, станет батраком и будет до конца своих дней зарабатывать свой хлеб тяжелым трудом у чужих людей. Ну что ж! Видно, так хочет бог! Разве виноват тут в чем-нибудь раз-сахиб? Ведь он всей душой болеет за крестьян. Больше половины семей в деревне уже лишились своей земли, и с Хори случится то же самое. Если несчастья предначертаны самой судьбой, разве можно их избежать?

Наступил вечер. Хори сидел, погруженный в грустные думы, когда к нему подошел пандит Дата Дин и спросил:

— Хори, ну что слышно о твоей земле? Неужели отберут? Эти дни я не виделся с Нокхэ Рамом и не знаю, как идут твои дела. Слышал только, что тебе осталось пятнадцать дней срока.

— Нокхэ Рам здесь хозяин, — ответил Хори, поставив для Дата Дина кхат. — Что захочет, то и сделает. Будь у меня деньги, разве случилась бы со мной такая беда! День и ночь работаешь, недоедаешь, недосыпаешь, а толку никакого. Не родит земля, и все! А если что соберешь, так и это приходится продавать за бесценок. Чем же жить крестьянину?

— Да, но землю все-таки надо бы оставить за тобой! Как же ты будешь жить без земли? Ведь земля перешла к тебе от отца и деда! Что с тобой станет без нее?!

— На все божья воля! Что я могу тут поделать? — печально ответил Хори.

— Есть еще выход. Попробуй им воспользоваться.

Хори встрепнулся. Упав к ногам пандита, он воскликнул:

— Научите, махарадж! Кроме вас, кто мне поможет? Я уже ни на что не надеюсь...

— Отчаиваться никогда не следует! — наставительно сказал Дата Дин. — Когда человек счастлив — он один; когда несчастлив — другой. Это-то и плохо! В счастье человек раздает подарки, а когда беда настигнет — приходится ему самому просить милостыню. Ох, как меняются люди в беде! Когда мы здоровы, так без молитвы и омовения капли воды в рот не возьмем, а как заболеем — так садимся на кхат и едим, не совершив молитвы и не умыв ни лица, ни рук. Сейчас между мной и тобой вон какая разница — я брахман, ты шудра. А когда мы

приходим в Джаганнатхпури¹, там и речи нет о подобном различии. Там и знатные и простые садятся рядом и едят вместе. В трудные для себя времена даже Рама и тот нарушал самые строгие запреты. Однажды он даже убил тайком теленка. Но если святые и те забывают о чести, когда приходится туго, то что же тогда говорить о нас с тобой? Знаешь ли ты Рам Севака?

— Как же, слышал о нем,—равнодушно ответил Хори.

— Он у меня частенько бывает. Под счастливой звездой родился. Земледелием занимается, деньги в рост дает; такого почтенного да уважаемого человека я еще в жизни не встречал. Так вот, несколько месяцев назад умерла его жена. Детей у него от нее не было. Если хочешь выдать дочь замуж и не потратиться, я с ним поговорю. Он во всем меня слушается. У тебя дочь на выданье, а положение твое — хуже некуда. Плюнь мне в глаза, если в этом есть что плохое! Наоборот, случай счастливый! И дочь замуж выдашь, и земля за тобой останется, и на свадьбу не надо будет тратить!

Рам Севак был моложе Хори всего на несколько лет. В другое время предложение выдать дочь ради денег за такого человека Хори воспринял бы как оскорбление. С одной стороны — цветущая девушка, а с другой — какой-то старик! В жизни на Хори обрушивалось немало ударов, но этот удар показался ему самым тяжелым. Пришло время, когда с ним завели разговор о продаже его собственной дочери! А у него даже нет решимости отказаться... Хори горестно понурил голову.

— Ну, что ты на это скажешь? — спросил Дата Дин после минутного молчания.

— Дайте подумать, махарадж,—нерешительно пробормотал Хори.

— О чем же тут думать?

— С Дханией надо потолковать...

— А ты сам-то согласен или нет?

— Не знаю, что и сказать, махарадж! Такого еще не бывало в нашей семье...

— Если надумаешь, скажи мне через шесть дней.

¹ Джаганнатхпури — название места на восточном побережье Индии, где находится знаменитая статуя и храм «владыки мира» Джаганнатха, или бога Вишну, к которым паломничают праведные индусы.

Только как бы тебе без земли не остаться! Тогда вот и думай сколько влезет, только поздно будет!

Дата Дин ушел. Он не сомневался в том, что Хори согласится. Ему внушала опасение только Дхания. Уж очень у нее злой язык! Если захочет смешать человека с грязью, ничто ее не остановит. Но если Хори сам уговорит ее, она поплачет, поплачет, да и согласится. Потерять землю для них будет еще страшнее!

— Зачем приходил пандит? — спросила Дхания мужа.

— Да так, говорил о том, что, видно, придется нам уйти с нашей земли.

— Так он что, утешать тебя приходил? Нет чтобы дать в долг сотню рупий!

— Дело не в деньгах.

— Тогда чего же он хочет?

— Предлагал выдать Рупу замуж. Деньги за это сулил...

— За кого?

— Знаешь Рам Севака? За него...

— Я его не видела, а слышать приходилось. Постой, так ведь он, должно быть, старик?

— Да нет, не такой уж старый. Конечно, в годах...

— В годах, в годах! Что ты ему ответил? Если бы он со мной говорил, я бы ему такое сказала, что он на всю жизнь запомнил!

— Ничего я ему не сказал, просто отказался. А он все говорил, что, мол, расходов на свадьбу делать нам не придется и земля останется за нами.

— Что же ты прямо не говоришь: он предложил тебе продать дочь! И как только у него язык повернулся!

Но чем больше Хори думал об этом предложении, тем больше слабела его воля. Конечно, честь его будет окончательно поругана, но разве думает неизлечимо больной о том, что можно и чего нельзя? В разговоре с Дата Дином он как будто отказался, но в глубине души Хори был согласен на все.

«Дело не в возрасте! — утешал он тебя. — Жизнь и смерть зависят от судьбы. Старые должны сидеть на месте, а молодые — двигаться вперед. Если Рупе суждено быть счастливой, то она и с пожилым мужем будет жить неплохо. Если же ей судьбой предначертано горе, то она и с молодым будет несчастной. Против судьбы не

пойдешь! Зачем же думать, будто он продает свою дочь! Все, что он за нее получит, будет считаться его долгом. Когда достанет денег, отдаст. Позора в этом нет. Конечно, если бы он мог, он выдал бы дочь за какого-нибудь юношу из хорошей семьи, дал бы ей хорошее приданое и сам оплатил бы расходы на свадьбу. Но если бог не помог ему в этом, то что он может сделать? Приходится выдавать ее за пожилого вдовца. Люди, конечно, будут смеяться, но какое ему в конце концов дело до людей! Они только смеются, а нет чтобы помочь человеку в беде! Бог с ними, с людьми. А вот как быть с Дханией? Она ведь ни за что не согласится! Ох и упряма, сущая ослица! Обезими руками цепляется за эту честь. А кому она нужна! И главное, такая свадьба не погубит нашу честь, наоборот, только спасет нам жизнь! Если уж Дхания так заботится о достоинстве нашего рода, пусть достанет мне пятьсот рупий. Но где их взять?..

Прошло два дня. Хори и Дхания больше не говорили об этом предложении прямо, но каждый думал о нем все время, и мысли их то и дело прорывались в намеках, впрочем весьма прозрачных.

— Жених и невеста должны быть во всем равней, только тогда брак будет счастливым!—говорила Дхания.

— К слову «брак» слово «счастье» не подходит, дурья твоя голова! — отвечал ей Хори. — Брак — это подвижничество!

— Ты уж скажешь — подвижничество!

— Конечно! С кем сведет тебя бог, с тем и живи, — мил он тебе или нет! Если это не подвижничество, то что же еще?

На следующий день Дхания находила другое необходимое условие супружеского счастья.

— Если в доме мужа нет ни свекрови, ни свекра, разве будет молодая жена счастлива? Должна же она хоть немного почувствовать себя невесткой!

— Родня мужа счастья невестке не принесет, — ответил Хори. — Наоборот, они ей всю жизнь отравят!

— Странно ты рассуждаешь! — вспыхнула Дхания. — Как же станет жена жить одна в доме?

— Когда ты пришла в мой дом, здесь не один, а целых два деверя было да еще свекровь и свекор. Что же, много тебе это принесло радости? Скажи!

— Неужто во всех домах такие же нехорошие люди?

— А ты думаешь, там богини и боги живут? Молодая жена, а командовать ею весь дом норовит. Бедняжка им слова сказать не посмеет, а если ослушается кого-нибудь, горе ей! Заедят! Нет, жене лучше быть в доме одной.

На этом их разговор окончился. Дхания сама начала колебаться. А на четвертый день к ним пожаловал Рам Севак махто, собственной персоной. Он прибыл верхом на лошади в сопровождении парикмахера¹ и слуги, словно был крупным заминдаром. Ему уже перевалило за сорок и голова его начинала седеть, но телом он был еще крепок и лицо у него было цветущее. Хори рядом с ним выглядел просто дряхлым стариком.

Рам Севак ехал, чтобы выступить свидетелем в суде по какому-то делу, и захотел переждать в доме Хори полуденный зной. А почему бы и нет? Ведь солнце так пекло и дул такой сильный ветер!

Хори сбегал в лавку к Дулари за мукой и топленным маслом. Напекли лепешек и накормили всех троих. Чтобы приветствовать знатного гостя, пришел и Дата Дин. Завязалась беседа.

— По какому делу едете в суд, махто? — спросил Дата Дин.

— Суды сейчас идут один за другим, махарадж! — важно ответил Рам Севак. — Если будешь перед всеми гнуть спину, удачи и счастья тебе не видать! Чем больше сгибаешься, тем сильнее тебя гнут к земле. Полиция и суды должны защищать нас, а толку от них никакого. Повсюду несправедливости, грабежи! Все норовят перервать глотку тому, кто беден и слаб. Если бог помилует, так человек тебя обязательно обидит! Не боятся люди греха, вот что! Но еще больший грех — не бороться за справедливость. Подумайте-ка хорошенько, можно ли больше терпеть?! Здешний крестьянин всеми обижен. Не жить ему в деревне, если он не сделает подношения патвари, не накормит слуг заминдара. Инспекторы и полицейские ведут себя в деревне, как в своем доме. Когда они появляются, крестьянам приходится их ублажать, а не то они потянут в суд всю деревню. Приезжает то окружной патвари, то сборщик налогов, то его заместитель, то какой-нибудь чиновник, и перед каждым крестьянином вынужден гнуться в три погибели и нести ему яйца и кур, молоко,

¹ Парикмахер в Индии выполняет роль свахи.

топленое масло. Да вы и сами на себе это испытали! Что ни день — приезжает какой-нибудь санитар для дезинфекции колодцев, ветеринар для осмотра скота или школьный инспектор. Из каких только учреждений не едут грабить крестьян — и из управления каналами, и из лесного департамента, и из инспекции по борьбе с незаконным производством вина, и из комиссии по улучшению планировки деревень и полей... Да разве всех перечтешь? Приезжает английский священник, и его тоже изволь кормить, не то жалобу настрочит. Э, да что там говорить. А самое главное, какой толк крестьянину от всех этих дармоедов? В нашем округе заминдар ввел дополнительный налог в две рупии с каждого плуга, потому что пригласил к себе на службу какого-то крупного чиновника. Крестьяне отказались платить. Тогда он взвалил этот налог на всю деревню. А власти во всем поддерживают заминдара. Они не думают о том, что и крестьянин тоже человек, что и у него есть дети, что и у него есть достоинство и честь. Все эти беды из-за того, что мы слишком робки. Так вот, я и говорю крестьянам: «Не платите эти поборы и полей своих не оставляйте! Мы готовы платить дополнительно, если кто-нибудь убедит нас, что это нужно, но если он хочет высосать у безответных крестьян всю кровь, у него ничего не выйдет!» Крестьяне послушались и отказались платить дополнительные налоги. Как увидел заминдар, что вся деревня против него поднялась, так сразу пошел на попятную. Если он прогонит крестьян с земли, кто ее будет обрабатывать? В наше время, пока не стукнешь кулаком по столу, — никто и слушать тебя не станет. Ведь и ребенку мать не даст груди, пока он не заплачет!

После полудня Рам Севак уехал. Он произвел на Дханию и Хори большое впечатление. Дата Дин победил.

— Ну, что ты теперь скажешь, Хори? — спросил он.

— Говорите вон с ней, — кивнул Хори на Дханию.

— Я спрашиваю у вас обоих, — настаивал Дата Дин.

— Не молод он уже! — ответила Дхания. — Но если уж вы решили, то и я тоже согласна. От судьбы, видно, не уйдешь. Он как будто неплохой человек!

Хори же поверил в Рам Севака так, как слабый человек может верить в сильного. В голове у него уже роились планы один заманчивее другого. Если он породнится с таким человеком, то, может быть, ему удастся зажить совсем по-иному!

Назначен был день, благоприятный для свадьбы. Оставалось только пригласить Гобара. Приедет он или нет — это его дело, но хуже будет, если он станет потом говорить: «Что же вы меня не пригласили?» Сону тоже надо было известить.

— Гобар не такой уж плохой! — говорила Дхания. — Он-то приедет, лишь бы Джхуния ему не помешала. Плохо только, что живет он далеко и забыл о нас совсем. Сколько времени ни письма от него, ни весточки — даже не знаем, жив ли?

Думая о сыне, Дхания не могла удержаться от слез.

Но Гобар, получив письмо от родителей, решил съездить домой. Джхунии эта поездка была не по душе, но случай был такой, что она промолчала. Как можно брату не поехать на свадьбу сестры? И так уже стыдно, что они не были на свадьбе Соны!

— Недоброе это дело быть в ссоре с родителями! — говорил расчувствовавшийся Гобар. — Мы теперь на ноги встали, могли бы и о них подумать. Сколько ты с ними ни ссорься, сколько ни ругайся, а от правды не уйдешь! Родили меня они, воспитали тоже они. Если и скажут несколько горьких слов, нужно их выслушать со смирением. А потом, я сейчас все время вспоминаю о них. Кто знает, почему тогда я так рассердился? Из-за тебя пришлось мне уйти из родительского дома.

— Нечего взваливать на меня свой грех! — вспыхнула Джхуния. — Ты сам с ними разругался. А я в доме у твоей матери вон сколько времени жила, и мы ни разу не ссорились.

— А я из-за тебя поругался...

— Ну, хотя бы из-за меня! Я тоже из-за тебя родной дом покинула.

— Кому ты нужна была в своем доме? Братья ругали тебя, невестки издевались над тобой, как хотели, и если бы ты тогда Бхоле в руки попалась, он бы тебя живьем съел!

— А все из-за тебя!

— Ну ладно, оставь. Хочется мне, чтобы старики тоже увидели немного счастья. Много ли им осталось жить! Не нужно только зря с ними спорить. Ведь отец у меня добрый, хороший, в жизни ни разу меня не ударил. От матери, правда, иногда попадало, но зато она тут же

давала мне какое-нибудь лакомство. Побьет, а потом ходит сама не своя, пока чем-нибудь не рассмешит меня.

Они сообщили о свадьбе Рупы и своей хозяйке Малти. Та не только дала им отпуск, но попросила их передать невесте подарок — прялку и ручной браслет. Она хотела поехать сама, но сейчас среди ее больных были такие, что она не могла оставить их без присмотра даже на один день. Малти пообещала приехать к самой свадьбе и подарила их ребенку кучу игрушек. Она ласкала и целовала его так, словно хотела натешиться на много дней вперед. Однако мальчугану было сейчас не до ее ласки. Он радовался, что едет в деревню, в дом, которого он никогда не видел. Его детской головке этот дом представлялся чем-то вроде рая.

Приехав в деревню и увидев, как у отца обстоят дела, Гобар настолько расстроился, что хоть уезжай обратно. Половина дома грозила вот-вот обвалиться. У ворот стоял только один бык, да и тот был едва жив. Хори и Дхания не знали, куда им усадить дорогих гостей, но сердце Гобара сжималось от боли. На что теперь надеяться, как спасти родной дом? Ведь он был только слугой! Но он хоть не голодал и служил одному хозяину, а здесь всякий был над тобой господином. То же рабство, но только еще более ужасное! Трудись, выращивай хлеб, но деньги, полученные за него, изволь отдавать другим, а сам сиди голодный и надейся на бога. У отца хватает мужества выносить все это, но сам он не смог бы прожить здесь теперь и дня. И в таком положении был не только Хори — вся деревня! Нельзя было найти дома, в котором не слышались бы рыдания. Вечная боль, вечные муки убили в крестьянах душу, превратив их в покорных марионеток, которые страдали, работали, унижались и терпели, думая, что все это предопределено судьбой. В жизни у них не было никаких надежд, никаких желаний — они словно высохли, как высыхает источник, а вместе с ним и зелень, растущая по его берегам. Вот сейчас стоит месяц джетх, на токах полно зерна, но ни на одном лице не увидишь счастливой улыбки. Ведь большую часть зерна, которое крестьянам удалось собрать, тут же, прямо на токах, взвешивают и отправляют в закрома ростовщиков и чиновников! Будущее их скрывается во тьме, в которой они блуждают, не видя перед собой пути.

Все чувства крестьян, казалось, омертвели. Перед дверями домов валялись отбросы, распространявшие вокруг зловоние, но жители деревни словно потеряли способность ощущать этот гнусный запах. Глаза их были лишены блеска; в них не было ни мыслей, ни чувств. Едва наступал вечер, как около дверей начинали выть шакалы, но никто не обращал на это внимания. Еда крестьян была тяжелой и грубой, и они поглощали ее так, как машина поглощает уголь. Они больше заботились о своих быках, чем о себе. Быки, не подмешай им в кормушку зерна или муки, — к корму и не притронутся! А сами они ели что попало, лишь бы набить желудок. Что такое вкусная пища — они совсем забыли; чувство вкуса в них умерло, потому что было ненужным. За полрупии их можно было толкнуть на любое преступление, за горстку зерна они готовы были кого угодно забить насмерть палками.

Гобар наблюдал все это с ранних лет. Но раньше такая жизнь казалась ему обычной, нормальной, а теперь, через четыре года, он как будто видел все это впервые и ужасался. Благодаря общению с хорошими и умными людьми разум его начал пробуждаться. Он слушал выступления ораторов во время политических демонстраций, и их слова крепко запечатлелись в его памяти. Он понял, что судьбу свою ему придется строить своими руками, что он должен будет преодолевать трудности собственным умом и смелостью и никакой бог, никакая потусторонняя сила ему не поможет. Он был теперь другим человеком. В нем не осталось прежней косности и пустого тщеславия. Он стал более покладист и рассудителен. Глядя на крестьян, Гобар размышлял: «Каждый заботится только о себе, о своей корысти. А ведь от этого им становится еще хуже! Ведь горе и страдания связали их всех одной веревочкой, зачем же они ради каких-то личных ничтожных благ подрывают священные устои братства? Сила крестьян в их братском единстве».

Подобные мысли поднимали его, словно крылья; он видел теперь гораздо больше и дальше. Когда простой, неискушенный человек начинает разбираться в жизни и понимать, что к чему, его душа рвется к людям, к добру, словно птица, которая, трепеща крыльями, стремится взмыть в лазурное небо.

Стоило Хори заняться каким-нибудь делом, как Гобар тотчас же отстранял его и начинал делать это сам,

словно хотел искупить свою старую вину. При этом он говорил Хори:

— Отец, не плати ты больше налогов! Предоставь расплачиваться мне. Я буду теперь присылать тебе деньги. Вон сколько времени ты бился в одиночку на своей полоске! Отдохни немного. Я виноват, что доставил тебе столько горя и забот!

И Хори благословлял сына. Он сейчас ощущал в своем слабом теле великую силу. Зачем ему взваливать на плечи Гобара, юность которого только-только расцветает, непосильный груз забот и лишений? Пусть живет спокойно и вкушает все радости жизни. Он готов ради этого страдать и дальше. Видно, такая жизнь предначертана ему судьбой. Будущее не сулит ему ничего хорошего, кроме бесконечной работы в поле. И ничто уже не может облегчить его участь.

— Отец, ты только скажи, и я погашу всю твою задолженность по частям,— говорил Гобар.— Каждый месяц буду присылать тебе деньги. Сколько ты должен?

— Нет, сынок,— качал головой Хори.— Зачем тебе брать на себя такое бремя? Разве ты получаешь так много? Недолго мне осталось маяться. Вот и Рупа уже из дому уходит. Надо же кому-то платить наши долги. А ты денег не присылай, не надо. Ешь и пей как следует. Будешь здоровым и сильным, так всю жизнь проживешь счастливо. А я что? Я привык умирать с голоду, не хочу я, чтобы ты здесь мучился. Хозяйка тебе попалась хорошая. Поработаешь у нее, глядишь и человеком станешь. Она была здесь однажды. Это не женщина, а настоящая богиня!

— Она обещала приехать на свадьбу.

— Мы ее примем с почетом. Когда живешь возле добрых людей, денег, может быть, много не заработаешь, но зато сам станешь разумней и лучше. А главное — мир повидаешь, поймешь, что к чему.

В этот день пандит Дата Дин знаком подозвал к себе Хори. Отведя его в сторону, он вынул из кармана два банкнота по сто рупий и протянул ему.

— Ты правильно сделал, что последовал моему совету. Сразу два дела сделал: и дочь замуж выдал и от долгов избавился, честь своих предков сохранил. Я для тебя не зря старался: теперь твое дело улажено.

Когда Хори брал деньги, рука его дрожала. Он не мог поднять головы и посмотреть Дата Дину в глаза, не мог произнести ни одного слова. У него было такое чувство, словно он упал в океан унижения и с каждой минутой погружается в него все глубже. Сегодня после тридцати лет непрерывной борьбы с жизнью он потерпел поражение, и такое поражение, что ему казалось, будто его выставили на позор у городских ворот и прохожие плюют ему в лицо, а он может только кричать: «Братья! Пожалейте меня! Разве не хлестали меня иссушающие ветры месяца джетх и холодные ливни месяца магх? Посмотрите на мое тело — много ли в нем осталось жизни? Посмотрите, как изуродовано оно ударами и пинками! Спросите у моего тела — знало ли оно когда-нибудь покой, отдыхало ли когда-нибудь в тени? За что же такой позор?! Неужели за все эти мученья? Сжальтесь!» Но никто его не жалеет, и он все еще живет — безвольный, корыстный, несчастный! Откуда взять сил?!

До сих пор Хори верил в богов, в справедливость, но сегодня вся его вера, непоколебимая и слепая, вдруг словно рассыпалась на куски.

— Ну, я пошел! — сказал ему Дата Дин. — А ты бы сходил сейчас к Нокхэ Раму!

— Схожу, махарадж! — покорно ответил ему Хори. — Но помни: честь моя — в твоих руках!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

По случаю свадьбы Рупы веселье в деревне продолжалось целых два дня. Играла музыка, молодежь пела и плясала, и Рупа, поплакав на прощанье, навеки рассталась с родной семьей.

В течение этих двух дней никто не видел, чтобы Хори хоть раз вышел из дому. Он прятался, словно на совести его лежало какое-то позорное преступление. С приездом Малти веселье разгорелось еще больше. На свадьбу явились даже женщины из окрестных селений.

Гобар своей обходительностью и учтивостью покорила всех. В деревне не было ни одного дома, где бы он не оставил о себе доброй памяти. Бхола, так тот просто молился на него, а жена его угостила Гобара бетелем и подарила ему на прощанье рупию. Кроме того, она спросила

у Гобара его городской адрес и обещала, если поедет когда-нибудь в Лакнау, обязательно зайти к нему. О деньгах, которые она одолжила Хори, Нохри даже и не вспомнила.

На третий день, когда Гобар собрался уезжать, Хори со слезами на глазах рассказал ему при Дхании о том, что вот уже несколько дней терзало его душу. Он говорил и не мог сдержать душивших его рыданий:

— Сынок! Я взял на себя этот грех из-за родного клочка земли! Кто знает, какое наказание пошлет мне за это бог!

Гобар, выслушав отца, не выразил ни малейшего недовольства.

— Дада, греха в этом никакого нет! — спокойно сказал он. — Деньги, конечно, надо будет Рам Севаку вернуть. Но что ты мог сделать? Я тебе помочь не мог, урожай ты нынче собрал плохой, а зерна в доме оставалось меньше чем на один месяц. Что еще можно сделать в таком положении? Чем бы ты стал дальше жить, если бы не сохранил землю? Если человеку совсем некуда податься, ему остается только верить себя судьбе! И кто знает, долго ли придется нам терпеть! У кого куска хлеба нет, тому не до чести. Если бы ты, как другие, хватал людей за глотку, давил их и грабил, то был бы, наверно, тоже богатым и знатным. Но ты никогда не забывал о том, что ты человек, ты не позорил свое доброе имя, и вот тебе за это награда! Будь я на твоём месте, то давным бы давно либо в тюрьме сгнил, либо на виселицу угодил. Нет, я бы не смог терпеть таких унижений! День и ночь работать, чтобы набивать сундуки других, а свою семью морить голодом? Нет, я бы этого не выдержал!

Дхании не хотелось отпускать Джхунию вместе с Гобаром. Да и сама Джхуния тоже мечтала пожить еще несколько дней в деревне. На семейном совете решено было, что Гобар пока поедет один.

На другой день рано утром Гобар простился со всеми и отправился в Лакнау. Хори проводил его до самой окраины деревни. Ему казалось, что никогда еще он не испытывал такой сильной любви к сыну. А когда Гобар на прощанье припал к ногам отца, Хори так зарыдал, словно чувствовал, что прощается с ним навсегда.

Сейчас Хори был вполне счастлив. Он мог гордиться своим сыном! Вера в сына, любовь к нему словно вер-

нули Хори его прежние силы. Он как-то весь переродился и даже помолодел. Состояние безнадежности и апатии, в котором он пребывал несколько дней назад, теперь прошло. Тогда ему казалось, что он сбился с дороги и блуждает в крошечной тьме, а теперь путь, по которому он раньше брел ощупью, был снова залит ярким солнечным светом.

И Рупа, попав в дом мужа, обрела, наконец, счастье. Детство ее прошло в нищете, когда приходилось вести счет каждой пайсе. Сколько неосуществленных желаний накопилось в ее сердце! Теперь она начала проводить их в жизнь. Рам Севак после свадьбы тоже как будто помолодел. К тому же возраст мужа не имел для Рупы никакого значения. Чувства ее определялись не внешностью или возрастом мужа, они покоились на более прочной основе раз и навсегда установленных кастовых обычаев, и поколебать эту основу могло разве только землетрясение.

Рупа жила своей внутренней жизнью; ее молодость цвела для нее самой. Она прихорашивалась и наряжалась для себя и была этим счастлива. А Рам Севак видел только другую Рупу. В его присутствии она мигом становилась рачительной и расчетливой хозяйкой. Теперь у нее было все, что могла пожелать душа. Закрома ломились от хлеба, обширные поля подходили к самой окраине деревни, у ворот ее дома стояли на привязи коровы. Все это не позволяло ей и думать о чем-то далеком и недоступном.

А из доступных желаний Рупы самым заветным и самым страстным было желание видеть своих родителей счастливыми, стремление как-нибудь помочь им избавиться от бедности. В душе Рупы была свежа память о той корове, которая, подобно гостье, явилась тогда к ним, а потом ушла, оставив их всех в слезах. И хоть с тех пор прошло немало времени, но сладкая мечта о корове для родного дома все еще жила в ее сердце. Рупа не успела освоиться в своем новом богатом доме и попрежнему считала родной полуразвалившуюся от старости хижину, где она родилась и выросла. Обитатели этой хижины попрежнему оставались ей близкими и дорогими. Их горести были ее горестями, их радости — ее радостями. Видя у дверей своего нового дома целое стадо коров, Рупа не испытывала того большого счастья, какое она испытала бы, если бы увидела хоть одну корову возле родной лачуги. Ведь самая заветная мечта ее отца так и осталась

неосуществленной! Какое безграничное счастье испытывали они в тот день, когда у них на дворе вдруг появилась корова! Казалось, сама богиня сошла к ним с небес! А когда коровы не стало, другую они так и не смогли приобрести. Но Рупа знала, что и сейчас еще в сердце Хори теплится надежда иметь свою кормилицу. Как только она соберется к родным, то непременно приведет им хорошую, дойную корову. А, впрочем, нет! Она может отослать ее и со своим слугой.

Рупа долго не решалась спросить об этом Рам Севака. Но, наконец, разрешение было получено, и на другой же день Рупа позвала пастуха и отправила с ним корову к родным. Рупа просила его передать Хори, что она посылает эту корову для того, чтобы они поили молоком Мангала.

А Хори и на самом деле давно уже был озабочен мыслью о приобретении коровы. Правда, денег у него сейчас не было, но ведь Мангал жил у них! Как же малыш будет обходиться без молока? Как только он достанет денег, он тотчас же купит корову! Ведь Мангал не только его внук и не только сын Гобара — он любимец госпожи. Малти, а поэтому нужно ухаживать за ним как следует. Но где достанешь денег?

По счастливой случайности какой-то подрядчик недалеко от деревни Хори заложил каменный карьер. Там начали добывать камни, которыми мостят улицы. Едва Хори узнал об этом, он немедленно явился в карьер и нанялся на работу за восемь анн в день. Если бы разработки карьера продолжались хотя бы два месяца, он мог бы собрать на корову!

Проработав весь день на солнцепеке и знойном ветру, Хори возвращался домой чуть живой. Но он не жаловался на усталость и на следующий день снова спешил в карьер. Даже по вечерам он не давал себе отдыха. Поужинав, Хори усаживался у ящика с паклей и начинал сучить веревки. Так он трудился до одиннадцати—двенадцати часов ночи, пока его совсем не одолевал сон. Дыхания тоже словно с ума сошла. Вместо того чтобы уговорить мужа отдохнуть хоть немного после такого изнурительного дня, она сама садилась рядом с ним и вила веревки. Как же, ведь им нужно было купить корову и вернуть деньги Рам Севаку! Гобар, прощаясь с ними, тоже говорил об этом. Он тоже этим озабочен!

Было уже далеко за полночь, а Хори и Дхания все еще сидели и сучили веревки. Наконец, Дхания сказала:

— Если хочешь спать — иди ложись. Ведь завтра чуть свет тебе на работу идти!

Хори поглядел на темное небо.

— Успею еще, — ответил он. — Сейчас и десяти нет, должно быть. Ступай-ка спать сама!

— Мне и днем можно вздремнуть.

— В обеденный перерыв я тоже сплю — поем немного и ложусь.

— Жарко, должно быть, на горячем ветру!

— Что ты! Там есть тень, можно спрятаться.

— Боюсь я, заболеешь ты!

— Будет болтать-то! Болеют те, у которых есть время болеть. К следующему приезду Гобара надо собрать хоть половину тех денег, что мы должны Рам Севаку. Может быть, и сам Гобар привезет с собой немного. Если в этом году нам удастся избавиться от долгов, тогда жизнь совсем по-другому пойдет!

— Я теперь только о Гобаре и думаю. Какой он стал хороший да разумный!

— Когда мы с ним прощались, так он мне в ноги кинулся! — с гордостью сказал Хори.

— Плохо только, что Мангал у нас похудел. А как к нам приехал, такой был толстенький.

— Там-то и молока и масла — всего было вдоволь! А здесь, если есть корка хлеба, и то слава богу. Вот получу деньги от подрядчика, сразу купим корову.

— Корова у нас давным-давно была бы, да только ты меня никак не слушаешься! Поле свое совсем забросил! Да еще, не знаю зачем, взял на себя заботу о хозяйстве Пунии.

— Что же мне было делать? О долге тоже забывать нельзя. Хира, конечно, злое дело сделал, но при чем тут его семья, дети? Кто же будет о них беспокоиться, кроме меня? Не помоги я им тогда, разве бы они были живы сегодня? Подумай-ка об этом! Только как я им ни помогал, все равно Мангру Шах подал на Пунию жалобу в суд!

— Как же не подать жалобу, если она копит деньги да прячет!

— Ну что зря болтаешь? Ей лишь бы хлеба хватало, лишь бы как-нибудь прокормиться! Где тут прятать деньги!

— А Хира словно сквозь землю провалился.

— А мне вот сердце подсказывает, что когда-нибудь он придет, обязательно придет...

Наконец, оба уснули. А на другой день, встав чуть свет, Хори увидел перед собой Хиру. Он был так истощен, словно у него остались одни только кости. У Хиры отросли длинные волосы, лицо иссохло, сморщилось, одежда на нем была грязная и потрепанная. Весь он как-то съежился и как будто стал меньше ростом.

Хира кинулся к Хори и упал ему в ноги. Прижав брата к груди, Хори спросил его:

— Где же ты был все это время, Хира? Когда домой вернулся? Ну и исхудал же ты! А мы тебя тут то и дело вспоминали. Ты что, заболел, что ли?

Сейчас Хори видел перед собой не того Хиру, который принес ему столько горя, а другого — маленького и беспомощного мальчика-сироту. Долгие годы, которые отделяли теперешнего Хиру от того маленького брата, словно вдруг растворились и исчезли. От них не осталось и следа.

Хира ничего ему не ответил, из глаз его ручьем текли слезы.

Взяв его за руку, Хори прерывающимся голосом спросил:

— Что же ты плачешь, брат? С человеком бывает всякое. Где ты пропадал столько времени?

— Что я могу сказать, дада? Видно, судьба хотела, чтобы я еще раз увидел тебя — потому только я и в живых остался. Грех мой не давал мне покоя все эти годы. Мне все казалось, что корова эта стоит у меня перед глазами. Она ни на минуту, даже во сне, не оставляла меня. Я так измучился, что сошел было с ума. Целых пять лет просидел в сумасшедшем доме. Только шестой месяц идет, как выписался оттуда. Все это время бродяжничал, побирался, а вернуться домой у меня смелости не хватало. Сам посуди, дада, с какими глазами пришел бы я в свою деревню? А потом, я не мог больше выдержать, вот и пришел в родной дом. И тут я узнал, что в трудное время детей моих, семью мою ты не...

— Напрасно ты сбежал тогда! — перебил его Хори. — Сунули бы полицейскому инспектору пять — десять рупий, замяли бы все это дело, и ничего бы тебе не было.

— За всю жизнь не отплатить мне за твое добро, дада!

— Да ведь я тебе не чужой!

Хори был счастлив. Ему казалось, что все трудности и горести остались теперь далеко позади. Кто это может сказать, что Хори потерпел поражение в жизненной борьбе? Разве эта радость, эта гордость его, эта готовность к дальнейшей борьбе — признаки поражения? Вот из таких поражений и складывается победа! Его оружие, сломанное в борьбе, — знамя одержанной им победы!

Грудь Хори распирало от гордости, лицо его сияло. В этой признательности Хиры он видел свой величайший успех, признание правильности всех своих поступков. Если бы у Хори в закромах было манов двести зерна, если бы в глиняном горшке у него хранилось пятьсот или тысяча рупий, он и то не испытывал бы такого счастья, какое переживал сейчас!

Хира, осмотрев Хори с головы до ног, сказал:

— Ты тоже сильно похудел, дада!

Хори только засмеялся в ответ.

— С чего же мне толстеть? — спросил он. — Толстеют те, кто не заботится о своей чести, кого не гложет нужда! Быть толстым в наше время — сущее бесстыдство! Толстеет сейчас тот, кто иссушил сотню других людей. Много ли счастья в такой полноте? Счастье наступит на земле тогда, когда все будут здоровы и сыты. Повидался ты с Собхой?

— С ним я еще ночью встретился. Ты за это время сумел прокормить и себя и тех, кто враждовал с тобой, и честь свою крестьянскую сохранил. А Собха совсем запустил хозяйство. Одному только богу известно, как он будет жить дальше!

Этот день был бы для Хори поистине самым счастливым днем в его жизни, если бы он знал еще и то, что как раз сегодня Рупа послала ему корову. Но узнать эту радостную весть ему было не суждено.

Когда Хори отправился на работу в карьер, он ощущал во всем теле страшную тяжесть. За ночь усталость его так и не прошла. И тем не менее Хори шел быстро, шагая легко и свободно.

К десяти часам утра подул сильный знойный ветер. К полудню жара стала невыносимой. Напрягая все

силы, Хори кусок за куском выносил из карьера камень и грузил его на телегу.

Когда пришло время обеденного перерыва, Хори совсем ослаб: ему словно не хватало воздуха. Подобной усталости он еще никогда не испытывал. Ноги его отяжелели, словно налитые свинцом, так что он едва мог их передвигать. Внутри, казалось, все горит.

Хори не совершил положенного омовения и ничего не стал есть. Тут же, где стоял, он расстелил под деревом свое ангочи и прилег отдохнуть. От жажды у него пересохло в горле, но, зная, что нехорошо пить воду на пустой желудок, Хори сдерживался. Он силился подавить чувство жажды, однако жар, полыхавший в груди, с каждым мгновением все усиливался и усиливался. Наконец, он не вытерпел и встал. Подойдя к рабочему, который принес целое ведро воды, Хори зачерпнул из ведра полный ковш и с наслаждением выпил. Затем он вернулся на свое место под деревом и опустил на землю. Однако через полчаса у него началась рвота, лицо его стало мертвенно бледным.

— Хори, брат, что с тобой? — спросил его рабочий.

— Ничего! Все хорошо! — через силу протянул Хори.

Не успел он ответить, как его снова стошнило. Руки и ноги его начали холодеть. Хори встревожился: почему его тошнит, почему так кружится голова? Затем в глазах у него потемнело. Он плотно смежил веки. В его памяти одна за другой стали оживать картины всей его прошлой жизни. Однако картины эти были неясными и бесформенными и походили на бессвязный сон. Вспоминалось ему детство, когда он, не зная заботы, гонял по улице мяч, а потом сладко засыпал на руках у матери. Потом ему почудилось, будто приехал Гобар и припал к его ногам. На смену этой картины пришла другая: он увидел, как совсем юная Дхания, в красном чундри¹, угощает его обедом. А потом перед его взором появилась корова — статная такая, красивая, совсем как Камадхену². Вот он подоил ее и стал поить молоком Мангала, как вдруг корова превратилась в богиню и...

¹ Чундри — свадебный наряд индийской женщины.

² Камадхену — буквально «корова желаний». По верованиям индусов, божественная небесная корова изобилия, исполняющая все желания.

— Хори, вставай! На работу пора, перерыв уже кончился,— окликнул его рабочий.

Хори ничего не ответил. Душа его в это время витала неизвестно где. Все его тело пылало, а руки и ноги были холодны как лед. Должно быть, знойный ветер вызвал у него тепловой удар.

Один из рабочих пошел в деревню. Через час прибежала Дхания, а немного позже — Собха и Хира с наскоро сделанными носилками.

Когда Дхания прикоснулась к телу Хори, она вздрогнула и лицо ее посерело.

— Что с тобой, Хори? — спросила она прерывающимся голосом.

Хори, бросив на жену безумный, блуждающий взгляд, проговорил:

— А, это ты, Гобар? А я вот купил корову для Мангала! Вон она стоит. Глянь-ка на нее!

Дхании уже не раз приходилось видеть, как умирают люди. Она знала, что порой смерть подкрадывается к человеку словно на цыпочках и вдруг молниеносно наносит роковой удар, а порой бредет к цели медленно, ощупью, будто слепая. На глазах Дхании умерли свекор, свекровь, двое ее детей, десятки односельчан. Сердце ее больно сжалось. Ей показалось, что из-под ног у нее ускользает земля, та земля, на которой она так твердо стояла! Но нет, не надо так скоро терять надежды! Может быть, она зря боится — у Хори солнечный удар и он просто потерял сознание.

Сдерживая слезы, Дхания сказала:

— Хори, посмотри на меня! Ты что, не узнаешь?

Постепенно сознание возвратилось к Хори. Он видел смерть совсем рядом с собой, жизнь его походила на угасающий светильник. Но теперь туман как будто рассеивался. Хори посмотрел на Дханию потухающими глазами, в которых блестели слезы.

— Дхания! — сказал он чуть слышно. — Прости меня за все, что я сделал тебе плохого. Я умираю. Наша с тобой мечта купить корову так и осталась мечтой. Деньги, которые я заработал здесь, пойдут на мои похороны. Не надо плакать, Дхания! Разве этим продлишь мою жизнь? Я и так намучился, дай же мне умереть спокойно!..

И глаза его снова закрылись.

Как раз в это время подошли с носилками Хира и

Собха. Они подняли Хори, бережно уложили его на носилки и понесли домой.

Известие, что Хори умирает, мигом облетело всю деревню. Возле его дома собрались почти все односельчане. Хори лежал на кровати и, казалось, все видел и все понимал, но губы его были плотно сжаты. Крупные, мутные слезы, катившиеся из его глаз, говорили о том, как трудно ему было расставаться со своими мечтами, которым так и не суждено было сбыться. Ведь на смертном одре человек прежде всего вспоминает о том, что он не успел осуществить при жизни! Разве станет кто-нибудь сожалеть о выполненном долге, о сделанных делах? Отчаяние сжимает наше сердце тогда, когда нам приходится уходить, так и не исполнив своего долга, так и не осуществив своих планов.

Дхания понимала, что Хори уже сводит последние счета с жизнью, но все еще пыталась надеяться. Из глаз ее лились слезы, однако она, не останавливаясь ни на минуту, то кипятила плоды манго, готовя из них сладкое прохладительное питье, то принималась растирать тело Хори пшеничными отрубями. Что еще могла она сделать? У нее не было денег, чтобы послать за доктором.

— Мужайся, бхабхи! — всхлипывая, сказал Хира. — Пора исполнить обряд «годан»¹. Дада скончался.

Дхания посмотрела на него с презрением. Разве ей надо напоминать о ее последнем долге перед мужем? Пусть не думают, что она может только оплакивать имя того, кто был спутником всей ее жизни!

Раздалось несколько голосов:

— Верно, Дхания! Надо исполнить «годан»! Сейчас самое время!

Словно заведенная машина, Дхания встала, принесла двадцать анн, которые они получили за проданные веревки, и, вложив их в холодеющую руку Хори, сказала стоявшему напротив пандиту Дата Дину:

— Махарадж! В доме у нас нет ни коровы, ни теленка, ни денег. Только вот эти гроши. Это и есть его «годан»! И упала без чувств.

¹ «Г о д а н» — дословно «дарование коровы»; индуистский обряд, совершаемый по смерти индуса и заключающийся в преподнесении брахману коровы, которая, согласно верованиям индусов, должна помочь душе умершего переправиться в царство бога смерти через реку Вайтарини.

СОДЕРЖАНИЕ

Прем Чанд.— <i>И. Компанцев</i>	3
ЖЕРТВЕННАЯ КОРОВА. Роман. Перевод с урду <i>В. Кра- шенинникова и Ю. Лавриненко</i>	11

Прем Чанд
Жертвенная корова

Редактор *Вл. Быков*
Художник *М. Большаков*
Худож. редактор *Г. Кудрявцев*
Технич. редактор *Ф. Артемьева*
Корректор *А. Типольт*

•

Сдано в набор 22.II 56 г. Подписано
к печати 26.V 56 г. А 06770. Бумага
84×108^{1/2}—33,5 печ. л. = 27,5 усл.
печ. л., 28,87 уч.-изд. л. +1 вкл. =
=28,92 л. Тираж 90 000. Заказ № 173.
Цена 10 р. 20 коп.

Гослитиздат
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

•

Книжно-журнальная ф-ка Главиздата
Министерства культуры УССР,
Киев, ул. Воровского, 24.

